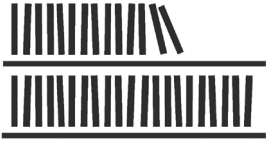
Владимир
ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТ

МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020



НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

Документы и материалы
древней и новой истории Суверенного Военного ордена
Иерусалимского храма

Под редакцией действительного члена
Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

УДК 133
ББК 86.42
Т 484

Ткаченко-Гильдебрандт В. А.

Т 484 Мистические культы Средневековья и Ренессанса / В. А. Ткаченко-Гильдебрандт. – СПб.: Алетейя, 2020. – 526 с.: ил. – (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма).

ISBN 978-5-00165-008-9

Что скрывала гностическая шкатулка, обнаруженная накануне Великой Французской революции на территории некогда существовавшего командорства тамплиеров в Эссаруа в Бургундии; какая тайна объединяла сановников Ордена Храма, во время ареста содержавшихся в донжоне Кудре замка Шинон и оставивших в 1308 году на стене донжона свои загадочные граффити; каким образом храмовники оказались связанными с мандеями, последователями Иоанна Крестителя (Йоханана Ха-Матвиля). Все это и многое другое освещается в расследовании военного историка Владимира Ткаченко-Гильдебрандта и произведениях трех франкоязычных авторов XIX-го столетия – Проспера Миньяра, Йозефа фон Гаммера-Пургшталя и Жюля Луазелёра, впервые переведенных на русский язык. Книга представляет собой первую часть антологии, посвященной мистицизму и религиозно-мистическим движениям Средневековья и Ренессанса, так или иначе сопряженных с Орденом бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и его наследием.

УДК 133
ББК 86.42

ISBN 978-5-00165-008-9
9 785001 650089

© В. А. Ткаченко-Гильдебрандт, 2020
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ТАМПЛИЕРЫ:
ТАЙНЫЕ ДЕТИ СВЯТОГО ИОАННА

Владимир ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТ

И сказал Бог: да будет свет.
И сотворил Люцифера.
Сам же Творец остался
в тайне –
Несотворенный
превыше света и тьмы,
ночи и дня.

Максимилиан Агнелий,
современный русский поэт
и композитор

ТЕМНАЯ СТОРОНА ОРДЕНА ХРАМА

Многое в истории Ордена тамплиеров мы не поймем, и оно покажется весьма странным, если не обратимся к истокам религии иоаннитов, которую исповедуют малочисленные представители этноконфессиональной группы мандеев, проживающих в южных районах Ирака и называющихся «болотными арабами», хотя они — древнего самарийско-иудейского происхождения. Некогда мандеизм, почитающий вместо Иисуса Христа Иоанна Предтечу, являлся самой опасной альтернативой для только что народившегося кафолического христианства и иудаизма. Характерно, что занесенные извне ростки мандеизма продолжали развиваться уже внутри христианской церкви в качестве опасного вируса в виде гностицизма и манихейства, меняя свои лица и названия в соответствии со странами и эпохами. Мы полагаем, что в определенный период (приблизительно IV-XIV века н. э.) основные усилия мандеев направлялись на влияние и насаждение своих идей именно в христианской среде, на которых затем в итоге взошло европейское франк-масонство. Последнее, как квинтэссенция гностических сообществ, имело различные формы своего исторического существования. Это — средневековые строительные гильдии, рыцари-тамплиеры, катары и богомилы, павликиане, манихеи, гностики, маркиониты и, наконец, мандеи. В прошлом религиоведы, теологи и историки философии, пытаясь установить место зарождения гностицизма, абсолютно верно указывали на три ближневосточные страны: Египет, Сирию и Месопотамию. Однако из-за недостатка сведений об иоаннитах-мандеях и их доктрине картина у них страдала определенной фрагментарностью. Теперь благодаря стараниям выдающегося немецкого семитолога Марка Лидзбарского (1868–1928), в первой четверти XX столетия переведшего с арамейского на немецкий язык и опубликовавшего «Гинзу» (1925), а также «Книгу Иоанна» (1915), которые являются главными памятниками религиозной мысли мандеев, все становится на свои места и обнаруживается связующая нить, идущая от мандеев к тамплиерам. Тем не менее, для нас странно, почему эту связь почти не заметил французский эзотерик и историк Робер Амбелен (1907–1997), усиленно занимавшийся тамплиерской тематикой и, в целом, склонявшийся к иоаннизму храмовников и написавший об этом свою, в высшей степени, противоречивую и спорную книгу «Иисус, или Смертельная тайна

тамплиеров» (Санкт-Петербург, «Евразия», 2007). Мы предполагаем, что оккультный энциклопедист Амбелен просто не был знаком с мандейскими первоисточниками; в противном случае, — он бы сделал адекватное заключение о тайной доктрине Ордена Храма. Вообще, в отречении тамплиеров от Христа сам Амбелен и ряд европейских исследователей видели традицию гностиков-василидиан, не признававших распятия и считавших, что вместо Иисуса на кресте был распят Симон Киринеянин, а сам Христос, обладая лишь видимым телом, вознесся на небо. Но ведь тамплиеры трижды отрекались от Иисуса Христа именно *как от лжепророка*, что было бы немыслимо даже для таких погрязших в гедонизме и вожделении гностиков, как василидиане. Следовательно, основание для отречения у тамплиеров имелось совершенно иное, а ссылка на тройное отречение Святого Апостола Петра от Иисуса Христа служила в условиях конспирации для обыкновенного прикрытия действий кощунственного характера в отношении исповедуемого религиозного культа. Напрашивался вывод о необходимости поисков на некоторой дистанции от традиционной христианской ересиологии, и он привел нас к мандеизму, последнему сохранившемуся религиозному реликту гностицизма. Но обо всем по порядку.

В последние десятилетия резко возрос разносторонний интерес к рыцарям-тамплиерам, мистический смысл которого, очевидно, нам станет известен уже в недалеком будущем. В этом контексте 2014 год представляется определенным водоразделом: 996 лет от основания Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и семисотая годовщина казни последнего официального великого магистра тамплиеров Якова де Моле.

Безусловно, нынешнее всестороннее увлечение орденом не возникло на пустом месте. Оно было инспирировано французским оккультным возрождением XIX-XX веков и некоторыми консервативными кругами франк-масонства, непосредственно связанными с мартинизмом и христианским иллюминизмом. Если говорить о конце XX столетия, то этому поспособствовала гениальная мистификация под названием «Приорат Сиона», до сих пор приносящая огромные прибыли своим протагонистам и популяризаторам: к последним относится знаменитый Дэн Браун.

Сегодня тамплиерская тематика уже превратилась в высокоэффективную медийную индустрию: ставятся документальные и художественные фильмы, театральные пьесы, пишутся и издаются

романы, остросюжетные триллеры, журналистские расследования, работы по эзотерике ордена и пр. К сожалению, в основном, вся эта продукция носит поверхностный и коммерческий характер. Есть, конечно, исключения, но они никак не влияют на общую картину. Зато хоть отбавляй различных тамплиерских сенсаций, не поддающихся сколь-нибудь квалифицированной критике. Не обошли проблему и церковные православные публицисты зарубежья. Так, весьма даровитый журналист Николай Смоленцев-Соболь, живущий в Соединенных Штатах Америки, в своей обширной посвященной ордену работе «Православие и Орден Храма», размещенной в интернет-библиотеке «Гумер» (ее без труда можно найти и на других сетевых ресурсах), приходит к ошеломительному выводу, что тамплиеры якобы были... православными, за что, получается, и пострадали. Оказывается, Орден Храма был задуман как долгосрочная разработка Византии с целью подорвать престиж Папы Римского, вернув Константинополю власть над христианским Западом. В подтверждение своего тезиса Смоленцев-Соболь ссылается на масонского корифея Альберта Пайка, хотя последний сам позаимствовал эту идею из «Истории магии» Элифаса Леви, первоначальный фрагмент из которой мы приводим ниже:

«В 1118 году девять рыцарей-крестоносцев, в числе которых находились Готтфрид Сентомер и Гуго де Пайен, посвятили себя религии и дали присягу Константинопольскому патриарху: эта кафедра открыто или тайно, начиная с патриарха Фотия, всегда была враждебна Римскому престолу. Общепризнанной целью рыцарей было покровительство христианским паломникам, шедшим посетить святые места; их тайной целью являлось восстановление Храма Соломона по образу из пророчества Иезекииля. Это воссоздание, отчетливо предсказанное иудействующими мистиками первых столетий, было тайной мечтой восточных патриархов. И действительно, восстановленный и посвященный Христову культу Храм Соломона стал бы мировой столицей. С помощью него Восток одолел бы Запад, а константинопольские патриархи обрели бы господство над папством» (1).

Трудно обосновывать свои исторические идеи на оккультном источнике, особенно когда этот источник по сути единственный аргумент. Как известно, ложный посыл порождает ложное развитие дискурса, и потому Смоленцев-Соболь уже сближает с православием таких попиравших Святой Крест еретиков, как катары и богомилы, которых сложно называть христианами в общепринятом смысле сло-

ва. Но автор абсолютно верно уловил две главные вещи: а) Орден Храма был тайно инспирирован совсем не Ватиканом, а сторонней структурой; б) еретическое, хотя и непрямое родство между тамплиерами, катарами и богомилами. Если бы Смоленцев-Соболь обратился к ересиологии (в том числе англоязычной), протоколам допросов тамплиеров в период процесса над ними и глубже изучил бы доктрины вышеупомянутых сект, то точно избежал бы своего заблуждения о православности Ордена Храма: к вопросу о гностико-еретическом происхождении последнего мы вернемся немногим позже...

Комментировать откровения иных отечественных литераторов, пишущих о тамплиерах и работающих в жанре журналистского расследования (к примеру, В. В. Смирнова с его объемной сентиментальной трилогии «Воскресение тамплиеров», красиво написанной, но не имеющей никакого отношения к подлинной истории ордена) (2), еще сложнее, да и нет смысла лишать авторов субъективных романтических иллюзий, но поразительно другое: вся продукция отечественной и зарубежной «тамплиерики» проникнута демонстративным апологетическим пафосом. Наша задача заключается в том, чтобы несколько ограничить его, развеяв или, наоборот, посеяв (для тех, у кого их не было) определенные сомнения относительно коллективной вины ордена перед Римско-Католической церковью и христианской государственностью. Мы не занимаемся ни пропагандой, ни прозелитизмом, а только спешим показать, что тамплиеры под внешней католической оболочкой представляли собой совсем иную религиозную ветвь, нежели западное римско-католическое или восточное православно-кафолическое христианство. Поэтому здесь мы коснемся именно темной и мало изученной стороны Ордена Храма, то есть посвятительной составляющей тамплиерской доктрины, а не менее важную проблему существования тайных уставов в ордене оставляем для другой книги.

Стоит заметить, что об оккультных практиках тамплиеров писали солидные авторы в XVIII-XIX веках, произведения которых по данной теме либо были преданы забвению, либо на них просто не акцентировалось внимание. Да и понятно: со времени Великой Французской революции утвердилась в отношении ордена оправдательная тенденция, и всякие критические посягательства на него рассматривались как проявления, по меньшей мере, клерикального обскурантизма. К тому же, усилиями либерального франк-масонства Великого Востока тамплиеры сделались легендарным символом борьбы за освобождение от произвола папства, фанатизма католической церкви

и тирании французских королей. Что касается российской охранительной публицистики конца XIX и начала XX столетия, то она свои сведения по тамплиерской эзотерике черпала только во французских пропагандистских антимасонских книгах, что опять не вносило никакой ясности и только затуманивало вопрос. Современная отечественная конспирология питается из того же самого источника: у нее присутствует одно осознание еретической сущности ордена; в остальном — она зачастую повторяет старые сказки, нелепицы и небылицы, что немудрено, так как нет четкого представления о тамплиерском тайном учении и его практическом применении. Следовательно, необходимо, насколько возможно, осветить проблему и, пребывая в нейтральном положении, предоставить читателям в дальнейшем делать выводы о святости или еретической порочности знаменитого ордена.

Вот почему основу книги составили произведения, посвященные тайным ритуалам и предметам культа тамплиеров на примере двух артефактов из коллекции герцога де Блакаса (речь идет о шкатулках XIII века из Эссаруа в Бургундии и тосканской Вольтерры), благодаря которым удалось реконструировать главные черты мистического поклонения Ордена Храма или религиозного сообщества, управлявшего его деятельностью со стороны.

Сразу же оговоримся: для нас термины ересь или еретическое учение не несут собой никакого негативного оттенка, а только являются обозначением доктрин, идущих вразрез с официальным христианским тринитарным мировоззрением или противоречащим ему.

ТАЙНО И НЕЗАКОННО ПРИВИТАЯ ВЕТВЬ НА ДРЕВЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

> «Некоторых из них вели одетые в белые плащи воины, с лицами, обожженными солнцем, с коротко подстриженными волосами на голове и бородами. Их называли — Рыцари Христа. В большинстве своем это были отлученные от церкви рыцари, которые охраняли в пути паломников...»
>
> *(Гарольд Ламб. «Крестовые походы»)* (3)

Возникает вопрос: какое сообщество могло инспирировать возникновение тамплиеров внутри Римско-Католической церкви и затем осуществлять конспиративным образом управление Орденом Храма? Ответ на него нам дают только немногословные франк-масонские предания и апокрифы, ибо другими аутентичными документальными свидетельствами о тайной преемственности ордена от одной из гностико-манихейских групп, кроме упоминавшихся выше шкатулок, мы не располагаем. Все это не должно нас смущать, поскольку манихейская ересь в ту пору изнутри и снаружи сотрясала основы как Западной Римско-Католической, так и Восточной Православно-Кафолической церкви.

Проспер Миньяр справедливо обращает наше внимание на то, что Орден Храма официально появился в 1118 году, в котором был сожжен на костре в Константинополе по приговору императора Алексея Комнина монах Василий, один из главных предводителей манихеев-богомилов не только на территории Византийской Империи, но и по всей Европе. Создание ордена, возможно, явилось как бы актом долгосрочного возмездия манихеев-богомилов, направленного против церковной ортодоксии Востока и Запада.

Масонский исследователь XIX века Жан-Мари Рагон сообщает, что Иерусалимский патриарх Гаримон (Garimon) в 1118 году принял в День Троицы-Пятидесятницы по три обета от двух доблестных рыцарей Гуго де Паганиса и Готтфрида де Сент-Омера, учредителей ордена и уроженцев Оверни, доверив им все знания древнего ордена или древнего рыцарства (4). Инструкция семнадцатого градуса Древнего принятого шотландского устава франк-масонства доносит до нас, что в 1118 году, когда был основан Орден Храма, крестоносцы

Запада объединились с посвященными Востока, истинными учениками Иоанна с Патмоса, под руководством Иерусалимского патриарха Гаримона (Garimont). Другая легенда гласит: масоны в количестве восьмидесяти одного человека и во главе с Иерусалимским патриархом Гаримоном (тут явно обыгрывается гностическая огдоада и число 1118) в 1150 году отправились в Европу и оказались в Швеции у епископа Упсалы, который их радушно встретил, после чего был посвящен в таинства, принесенные от коптов.

Действительно, в 1118 году латинский патриарший престол Иерусалима занял прелат из Пикардии и участник Крестовых Походов Гармон (Вармунд) де Пиккиньи (Garmond, Gormond, Warmund, Waremond de Picquigny), преемник короля Балдуина II, родившийся до 1069 года. Считается, что для защиты и охраны паломников на Святой Земле новый патриарх в том же году вдохновил Гуго де Пайена на создание Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Хронист Вильгельм Тирский описывает патриарха Вармунда-Гармона как простого и богобоязненного человека. Он умер в Сидоне в 1128 году.

С другой стороны, масонские предания, делая аллюзию на исторического латинского патриарха Иерусалима, способны заключать в себе нечто большее, как мы видели на примере каббалистической транспозиции числа 1118. В данном случае мы можем иметь дело с анаграммой или с некоторой нарочито завуалированной гностической тайной для того, чтобы она не бросалась в глаза непосвященным. Таким образом, вероятно, что Garimon является искажением ивритского слова Ха-Римон (Ha-Rimon), обозначающего одновременно гранат и каббалистический образ Шехины, женской сущности Создателя, иными словами, это и есть андрогинный эон Мете, изображенный на шкатулке из Эссарыа главный объект почитания тамплиеров Бургундии и Шампани, которому в сущности и посвящена наша книга.

Если действительного латинского патриарха Иерусалима Вармунда-Гармона можно рассматривать в качестве экзотерического вдохновителя ордена, то его эзотерическим восточным протагонистом выступает совершенно иное лицо, которое мы также встречаем в апокрифических оккультных, масонских и неотамплиерских источниках, хотя оно абсолютно неизвестно для официальной исторической науки. Его звали патриархом Феоклетом (Theocletus). И среди иерусалимских греко-православных первоиерархов на тот период мы,

естественно, не встречаем такого. С другой стороны, вряд ли Феоклет это ни на чем не основанный вымысел: большинство средневековых легенд имеют под собой твердую реальную почву. Следовательно, он являлся патриархом одной из гностических сект, которых тогда в Сирии, Палестине и в самом Иерусалиме было немало. Сейчас есть все основания полагать, что Феоклет (5) принадлежал к гностико-манихейской секте мандеев (от арамейского mandayya — обладающие знанием), последователей Иоанна Крестителя, сохранявших в своей среде ессейские и каббалистические традиции. Их еще называют назореями, сабиями, «христианами Святого Иоанна». Именно от них, по нашему мнению, а не от исмаилитов, как принято думать, тамплиеры получили свои белые плащи, белые хламиды и белые веревочные шерстяные пояса посвященных. Мы знаем, что до сих пор в белое ритуальное одеяние должны облачаться все мандеи, священники и миряне, во время совершения богослужений и посвящений. Оно состоит из следующих предметов: рубахи из белой хлопчатобумажной ткани (*раста* или *устла*), длинных шаровар (*шарваля*) и епитрахили (*насифа* или *габу'а*), которая носится как и христианская, но слева короче, чем справа, и во время подготовительных обрядов и посвятительных молитв возлагается на голову, соединяясь под подбородком. Есть также тюрбан (*бурзинка*): полоса белого муслина, трижды обернутая вокруг головы со свисающим на левое плечо концом. Мандейские священники во время богослужения прикрывают им нижнюю часть лица, рот и ноздри, подворачивая его на правой стороне головы. Белый пояс или кушак (химьяна), сплетенный из шестидесяти шерстяных нитей и завязанный двойным узлом, является важным символом мандейской веры и посвящения (6). Любопытно, что фон Гаммер в своих воспоминаниях, ссылаясь на написанное в 1127 году (!) произведение аш-Шахрастани («Kitab Ul Milal Wan Nihal» — «Книга религиозных и философских сект» (7); английский перевод осуществлен в 1850 году), указывает на одну ценнейшую деталь: одну ветвь сабиев или иоаннитов-мандеев на Востоке называли еще приверженцами храмов или восточными храмовниками, то есть тамплиерами (см. ниже). В своих молельнях восточные тамплиеры-сабии поклонялись семи небесным храмам или домам, в чем мы видим откровенную аллюзию на семь эманаций (и также домов) гностической системы европейских храмовников. Особо подчеркнем, что персидский историк, философ и шафиитский богослов Абуль-Фатх Мухаммед ибн Абдул-Керим аш-Шахрастани (1075–1153), близкий по

определенным воззрениям к исмаилитам, жил в XII веке и являлся современником создания Ордена Храма. Итак, либо это совпадение, либо восточные иоаннитские тамплиеры-сабии были предшественниками и тайными инспираторами создания ордена для западных собратьев и по сути дали им свое имя. Первое мало вероятно, тогда как второе правдоподобно: имена на Востоке живут столетиями, прежде чем войти в распространенный обиход. Остается только открытым вопрос отношения иоаннитов-мандеев ко Храму Соломона и к самой личности знаменитого своей премудростью израильского царя, хотя не исключено, что эти гностики сами посоветовали Гуго де Пайену и другим франкам занять под свой лагерь территорию в пределах бывшего храмового владения, где новоиспеченные тамплиеры взялись за археологические раскопки, которыми продолжали заниматься вплоть до оставления орденом Святой Земли.

К иоаннитам-мандеям возводили свое происхождение и альбигойцы, превозносясь тем, что были единственными посвященными в истинную мистерию религии Христа. Только вот Христа все эти еретические сообщества воспринимали совершенно по-своему. Нам достаточно процитировать касающийся тамплиеров отрывок из «Истории магии» Элифаса Леви:

«...Великие понтифики этой секты носили титул Христа и объявлялись воспринимающими непрерывную передачу власти с дней св. Иоанна. Человек, который хвастался такими воображаемыми привилегиями в эпоху основания Храма, носил имя Феоклет. Он познакомился с Хуго де Пайенсом, которого он посвятил в таинства и надежды своей церкви; он обольстил его идеями суверенного священничества и высших привилегий, наконец, он объявил его своим преемником. Таков был орден рыцарей Христа, с самого начала зараженный расколом и заговором против королей. Эти тенденции держались в глубокой тайне, внешне Орден исповедовал полную ортодоксию. Одни руководители его знали истинные намерения, остальные пребывали в правильной вере. Добиться богатства и влияния, интриговать с их помощью и бороться за установление догмы иоаннитов — таковы были средства и цели посвященной братии. «Взгляните», — говорили они между собой — «папство и соперничающие монархии погрязли в торгах, покупая один другого, впадая в коррупцию и разрушая друг друга. Все это делает Храм их наследником; еще немного и народы потребуют суверенов понтификов из нашей среды; мы будем равновесием вселенной, судьями и хозяевами мира».

Тамплиеры имели две доктрины; одна была секретной и касалась вождей, которые были вождями иоаннизма; другая была публичной. Это была Римская Католическая доктрина. Таким способом они обманывали врагов, которых они надеялись вытеснить. Иоаннизм адептов был Каббалой гностиков, но он быстро выродился в мифический пантеизм, ведущий к идолопоклонничеству и ненавидящий все открытые догмы, Чтобы добиться успеха и с целью сберечь сторонников, они оберегали сожаления всех павших культов и все надежды каждого нового культа, обещая всем свободу совести и новую ортодоксию, которая была бы синтезом всех преследуемых вероисповеданий. Они доходили даже до того, что признавали пантеический символизм у великих учителей Черной Магии и изолировались от обетов религии, за которую они осуждались до этого; они воздавали божеские почести чудовищному идолу Бафомету, и даже как древние племена поклонялись Златому Тельцу Дана и Вефиля. Некоторые памятники, открытые недавно, и точные документы, принадлежащие тринадцатому столетию, подтверждают сказанное. Другие доказательства скрыты в анналах и под символами Оккультного Масонства» (8).

Знаменитого французского оккультиста XIX века, каковым был Элифас Леви, очень сложно заподозрить в предвзятости по отношению к ордену, а открытие и тщательное исследование шкатулок из Эссаруа и Вольтерры ярко подтвердило тот самый «мифический пантеизм» тамплиеров, о котором говорится в вышеприведенном фрагменте. Правда, пантеистическое идолопоклонство, как мы назовем это явление, стало уже крайней точкой вырождения и деградации иоаннитско-мандейского культа, принесенного тамплиерами из Сирии и Палестины. Можно сказать, что весьма тонкая дуалистическая мандейская теология за сотню лет мимикрировала в среде простодушных и грубоватых европейских рыцарей. Причина тому — тайная передача самой традиции, и если секретный культ еще можно было поддерживать в ордене на Святой Земле, то в разбросанных по Европе приорствах, прецепториях и командорствах он превращался в пародию и откровенное поклонение на тайных капитулах князю мира сего. Последнее, собственно, и привело к падению знаменитое рыцарское сообщество.

Между прочим, о пресловутом гностико-манихействе и мандеизме Ордена Храма знали многие интеллектуалы XIX столетия как промасонской, так нейтральной и антимасонской направленности, среди которых уже отмеченный нами Элифас Леви, Нэста Вебстер,

Жак Маттер, архиепископ Сент-Луиса Леон Мойрин, барон фон Гаммер-Пургшталь, Альберт Маккей, Альберт Пайк и др. Однако вопрос этот до сих пор не систематизирован должным образом серьезными религиоведами и специалистами в области истории религиозных культов, а потому отдается на откуп дилетантам, поставляющим на книжный рынок бойкие журналистские расследования и повествования, но плохо представляющим сущность и глубину темы, за которую взялись.

С другой стороны, главное заблуждение многих исследователей заключается в том, что они пытаются рассматривать Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона в качестве христианской организации, хотя орден таковой не являлся. Действительно, большинство его рыцарей, несмотря на чудовищные посвятительные ритуалы, которые им довелось пройти, оставались правоверными христианами, о чем говорят и свидетельские показания тамплиеров на процессе, но внутренняя сущность структуры, проецируемая ее эгрегором и прикрытая внешней римско-католической оболочкой, была весьма далека от христианства как мы его понимаем из Священного Писания, Священного Предания и святоотеческих творений. Прежде всего это касается теологической стороны вопроса.

«ХРИСТИАНЕ СВЯТОГО ИОАННА» ИЛИ БРАТ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ДЕЙСТВУЕТ В ТЕНИ

Чтобы прийти к пониманию смысла жестких антихристианских посвятительных практик, введенных в Ордене Храма, по нашему мнению, с самого его основания, необходимо обратиться к гностицизму и теологии сабиев-мандеев, последователей пророка Иоанна Крестителя. Без связи с гностико-манихейством и прежде всего с мандеизмом ритуалы тамплиеров предстают набором опасных оккультных формул, справедливо вызывавших недоумение у стольких маститых историков, богословов, философов, священников и религиоведов, отчего все эти вещи и отнесли к выдумкам королевских комиссаров и фантазиям папских инквизиторов: дескать, рыцарей светские или церковные следователи посредством пыток вводили в пограничные состояния сознания, когда они уже отчетливо представляли то, в чем их принуждали сознаваться. И все-таки не стоит настолько упрощать проблему, чтобы делать ее неразрешимой. Выше мы предостерегли от отношения к тамплиерам как к рядовой христианской военно-монашеской корпорации, которых в Средневековье только крупных доходило до десятка, но которые благополучно дожили до времен, когда превратились в обыкновенные награды или аристократические благотворительные клубы. Уникальность Ордена Храма — принадлежность как организации к параллельной христианству религиозной традиции, тайно укорененной в сообществе с его основания. Вот почему уже в те годы тамплиеров не покидала честолюбивая мысль об образовании новой экуменической религии, в которой ведущую роль играли бы гностические жрецы от иоаннизма. Не ее ли в Иерусалиме внушил молодому французскому рыцарю Гуго де Пайену иоаннитско-мандейский патриарх Феоклет? Но ведь и мандейскому епископату представлялся очень благоприятный шанс посредством тамплиеров вывести свою гностическую религию, зажатую в узкие этноконфессиональные рамки, на мировой уровень и реформировать в духе иоаннизма христианство, которое они считали своей схизматической сектой, узурпировавшей у них право на господство. Это был, действительно, выдающийся акт тайного гностического прозелитизма, и его последствия могли бы коренным образом изменить и деформировать уже в Средневековье не только духовность, но и все сферы тогда очень зависящей от нее европейской жизни. Однако

Провидение решило иначе, и задуманная тамплиерами «иоанническая ортодоксия», равно как и объединение на ее основе Европы, потерпели фиаско. После упразднения ордена (а скорее отторжения его как чужеродной субстанции от римского католицизма) те же самые идеи подхватит франк-масонство, вызревавшее в среде строительных братств, где нашли себе приют изгнанные из церкви манихейство, гностицизм и иоаннизм тамплиеров. И с тех пор борьба с римским католицизмом велась всегда под знаменами иоаннизма, да и главный праздник вольных каменщиков — Рождество Святого Иоанна Крестителя. Как тут не упомянуть франк-масонскую концепцию о том, что нынешняя церковь святых апостолов Петра и Павла должна трансформироваться в гностическую церковь Святого Иоанна Богослова, под которым разумеется, как справедливо отмечал Альберт Пайк, не столько этот апостол, сколько покровитель гностиков Святой Иоанн Креститель (9) или Юхана Хаматвиль мандеев. Второй Ватиканский Собор (1962–1965), изменивший направление развития католицизма и произведший революцию в литургике и богословии Римской церкви, проходил под знаком иоаннизма. Сейчас уже не для кого не секрет, что его инициатор Папа Римский Иоанн XXIII (1881–1963) являлся членом Ордена Розы и Креста, в который был посвящен в Стамбуле в 1935 году во время своего пребывания на посту апостольского нунция в Турции, когда и получил в этой тайной организации мистическое имя Иоанна. Церемония посвящения в орден подробно описана в книге итальянского писателя Пира Карпи (1940–2000) «Пророчества Папы Иоанна XXIII», вышедшей в 1976 году (10). Неужели все это только совпадения и не прослеживается никакой общей логики событий, начиная с 1118 года? Отнюдь. Опосредованно через тамплиеров иоанниты-мандеи оказали ощутимое воздействие на формирование европейских тайных обществ, закваской которых был и продолжает оставаться гностицизм, а мандейство — это последнее сообщество на земле, исповедующее аутентичную гностическую религию, использующую инициации и пришедшую к нам из I века н. э. И не стоит удивляться тому, что современные копии иногда очень сильно разнятся от своего оригинала, до сих пор пребывающего в VII или XII столетии от Рождества Христова. Мандеи XXI века могут об этом ничего и не знать, но в отличие от своих европейских собратьев, они во многих своих поколениях являются носителями реальной гностической традиции, минимальный возраст которой почти два тысячелетия.

Итак, чтобы правильно понять оккультную практику и гностическую концепцию двух Христов у тамплиеров, необходимо подробно рассмотреть ритуальную и вероисповедную доктрину мандеев или «христиан Святого Иоанна», как их принято было называть с 1652 года, когда они стали известны на Западе благодаря монаху Игнатию, португальскому миссионеру из Ордена кармелитов.

Иоаннитов-мандеев нельзя считать еретическим движением внутри христианства, что пытались делать некоторые христианские богословы. Мандеизм появился приблизительно в одно и то же время с первоначальным христианством, хотя есть предположения, что он мог существовать в эссейской среде уже в I веке до н. э. Письменные источники уверенно фиксируют мандейскую конфессию с IV века, но упоминания о самих иоаннитах-мандеях восходят уже ко второй половине II века. Мандеизм оформился на границах палестинского иудаизма и в Трансиордании. В Южном Ираке мандеи появились после разрушения Второго Храма и двух Иудейских войн с римлянами. Вероятно иоанниты-мандеи играли значительную роль не только среди ессеев, но и в иудейской зилотской партии. В ту пору ветхозаветная религия Израиля окончательно разделилась на три главные ветви: христианскую кафолическую протоортодоксию, талмудический иудаизм и мандеизм, последователей Юханы Хаматвиля или «христиан Святого Иоанна Крестителя». С самого начала мандеизм был враждебен как христианской кафолической протоортодоксии, так и талмудическому иудаизму, против которого в мандейской литературе содержится яркая полемика.

Сами мандеи, ссылаясь на собственный летописный свод «Харан Гавайту», возводят свое происхождение к Иерусалимской общине иоаннитов, вынужденной покинуть святой город и долину Иордана, чтобы водвориться на мидийском нагорье в области Харрана, чтобы продолжить затем свое переселение на юг Вавилонии. Исход из Иерусалима мандеи связывают с преследованием со стороны иудеев, их Бога Адонаи и Рухи со своими семерыми сыновьями, что якобы и вызвало разрушение Второго Храма в 70 году н. э. Во времена парфянского царя Артабана Аршакида мандейское сообщество распространилось по всей Месопотамии. Здесь речь может идти о следующих представителях династии Аршакидов: Артабане III (12–38), Артабане IV (80–82) или Артабане V (208–226). При Аршакидах мандеи насчитывали 400 общин, непременно расположенных по берегам рек. Далее в «Харан Гавайте» читаем: «Перед приходом арабских

душегубов народы размножились: христиане, идумеи, иудеи, зороастрийцы и поклонники Астарты. Народы разделились и размножились. Даже языки назореев размножились». Периоду процветания иоаннитских общин положила конец династия Сасанидов, когда их число сократилось до 170, что, вероятно, связано с преследованием, предпринятым против незороастрийских религий персидским жрецом Картиром в годы правления царей: Ардашира I (224–241), Шапура I (241–272), Гормизда Ардашира (272–273), Баграма I (273–276) и Баграма II (276–293). По данным «Харан Гавайты», к концу 360 годов н. э. в господство Сасанидов арабы уничтожили 60 мандейских общин и вновь ввели обрезание. Хроника сообщает, что в VI веке за 86 лет до арабского завоевания назореи жили и в городе Ашганда на Тигре рядом с Хузистаном, мандейским районом Вавилонии. На этом хроника из «Харан Гавайты» прерывается. Исторический рассказ «Правой Гинзы» завершается 71 годом арабского владычества. Последний источник рассказывает о том, что первоначально Иерусалим покинули 365 учеников Йоханана Хаматвиля и, пройдя через Иорданию, остановились в горной области Харрана в Мидии, прежде чем обосноваться на юге Месопотамии. Все эти данные подтверждаются «Деяниями» Мар Мари, расположившего мандейские общины на севере в Мидии и Адиабене, а затем на юге Месопотамии. Более ранний документ «Деяний» Симона Бар Саббы, датируемый IV веком, отмечает в Вавилонии секту крестильников «Мыды'», по всей видимости — мандеев. Кёльнский «Манихейский кодекс» III века упоминает о последователях Святого Иоанна Крестителя в Месене, Парфянском царстве Хорасана, примыкающем к Персидскому заливу. В эту общину могли влиться и местные евреи. В Месене, как выясняется, проживало довольно многочисленное еврейское население, смешанное с пальмирцами, из-за чего Талмуд относил месенских евреев к категории «мамзерим», с которыми нельзя вступать в брак чистокровным иудеям.

В Самарии последователей Иоанна Крестителя называли *досифеянами*, поскольку имя Досифей являлось переводом на греческий язык еврейского имени Йоханан. Впоследствии это наименование стали смешивать с персидским словом *достаеан*, означающим друзей или сторонников Иоанна Крестителя, хотя общий смысл обеих названий одинаков. Французский писатель и исследователь гностицизма Андре Вотье считает, что мандеи могли существовать в Месопотамии и в дохристианскую эпоху (11). По его мнению, после преследования

ортодоксальными иудеями в Иерусалиме учеников первомученика диакона Стефана, одна их часть, придерживающаяся иоаннитских воззрений, оказалась в Вавилонии, где слилась с исповедовавшими уже тогда синкретические верования мандеями, которые прибавили к своим пророкам Иоанна Крестителя, сделав его последним воплощением каббалистического примордиального человека Адама Кадмона, вознесенного к благому Богу, правящему в самом высшем из небес и окруженному силой и мудростью (12).

Однако сирийский несторианский епископ Лахума Феодор Бар Конаи, племянник несторианского патриарха Мар Иванниса (востоковед и маронитский священник Иосиф Симон Ассемани (1687–1768) полагает, что Феодор Бар Конаи жил в начале X века при патриархе Йоханнане Бар Абгаре, занимавшем несторианский патриарший престол в 900–905 годы), в своей «Книге схолий» дает несколько противоречивые сведения о происхождении мандеев. Основоположником мандейской общины, по его сведениям, являлся некий уроженец Адиабены и нищий по имени Адо; его родителями были Дабда (отец) и Эм-Кушта (мать), а братьями Шимлай, Нидбай, Бар-Хийе, Абизкха, Куштай и Шитиль. Адо водворился в Месене на берегах Каруна и основал новую религию, главные воззрения которой он позаимствовал якобы у маркионитов, манихеев и кантеев (13). Это целиком спорное мнение, поскольку маркиониты отличались от других гностиков и еретиков своей фанатичной преданностью Иисусу Христу и дали многих мучеников в свидетельство за Сына Божия. Возникает вопрос: что могла позаимствовать антихристианская гностическая секта у ревностных христиан-маркионитов, принадлежность которых к гностицизму оспаривалось Адольфом фон Гарнаком? Безусловно, сам Маркион (ок. 85–160 н. э.) исповедовал гностические взгляды докетизма и дуализма, сближающие его с мандеями, став по сути создателем первой и, пожалуй, последней христианской гностической системы (нельзя путать маркионизм с христианизированным гнозисом в духе Валентина и Василида). Однако отрицание Ветхого Завета мандеями и маркионитами еще не повод для утверждения, будто первые это заимствовали у последних. Нам, напротив, представляется, что маркиониты стали отвергать Ветхий Завет именно под влиянием иоаннитских последователей или досифеян, носителей старого ессейского гностицизма, которых в ту пору было немало и в местах изначальных иудео-христианских общин, ведь христианство и иоаннизм рассматривались ортодоксальным иудаизмом в качестве одной

назорейской ереси, восходящей к ессеям и терапевтам. Мандеизм совершенно отсекает аскетизм, тогда как у маркионитов он — залог спасения. Вот почему мы считаем, что возникшее в III веке манихейство (христианизированная версия иоаннизма) в определенной степени было совместным детищем антихристианского мандеизма и христианского маркионизма, у которого позаимствовало суровую аскетическую практику. Феодор Бар Конаи абсолютно верно замечает прямую связь между манихейством и мандеизмом, ошибаясь лишь в том, что возводит достаеан к манихеям, а не наоборот. Что касается секты кантеев (храмовников, от *канта* — храм; опять совпадение?), то она равным образом произошла от мандеев Месены, но в отличие от манихейства, отошедшего в сторону христианства, эта ветвь стала уклонением в зороастризм и доктрину магов. Рождение ей дал раб Баттай, сбежавший от своего хозяина по имени Папа и нашедший пристанище у евреев Месены, возможно мандеев. Опираясь на космологию зурванизма, он создал синкретическое исповедание, вобравшее в себя архаические вавилонские культы, сохранявшиеся в секте нергалиан. Учение кантеев гласит, что в начале всего было Зерван Акерен, безграничное время, в самом себе разделившееся на богов: Ормузда, добро, и Аримана, зло. Добро порождает семь совершенных форм, тогда как зло производит семь демонов. Последние создают человека, но Ормузд, добро, его разрушает и рождает Авеля, Спасителя, Дитя Света, также называемого Андриасом. Авель был убит Каином по наущению Аримана, но он вернется в конце времен. Появление этой секты Феодор Бар Конаи относит к правлению сассанидского царя Баласа (484–488 н. э.) Кантеи обрели достаточное могущество, чтобы в зависимость от них могло попасть смешанное еврейско-пальмирское население Месены, исповедовавшее мандеизм и манихейство. Возвращаясь к именам легендарного основателя мандеизма и его родственников, приведенным у Феодора Бар Конаи, необходимо отметить, что скорее всего здесь речь идет о праотце Адаме или Адо и восьми небесных персонажах мандейской религии, из которых нам известны: Куштай или Кушта (Иоанн Креститель), Шитиль (Сиф), Бар-Хийе (Сын Жизни и одно лицо с Манда д'Хайе) и Шимлай (Сим?); то, что они доводятся братьями Адо, стоит разуметь только в духовном смысле. Да и Адиабена (сирийский Хадьяб), один из древнейших городов мира (ныне Эрбиль, столица иракского Курдистана), не содержит ли в себе аллюзию на земной Эдем, где поначалу пребывал Адам, почитаемый мандеями как основоположник их учения,

принесший с небес крещение в живых водах Иордана. Любопытно, что матерью Адо-Адама являлась Эм-Кушта, что в переводе означает Мать Справедливости или Истины, являющаяся, вероятно, женской или двуполой (андрогинной) стороной гностического божества.

Арабы называют мандеев *сабиями*, *«субба»* или *«субби»*, то есть крестильниками, баптистами (от арабского глагола *sabba* — лить воду). Аш-Шахрастани (14) о них пишет:

«Миссия израильтян большей частью была в стране аш-Шам и на западе от нее; немного это распространилось до страны персов. Во времена Ибрахима ал-Халила — мир ему! — (религиозные) общины сводились к двум категориям. Одна из них — сабии, другая — ханифы.

Сабии говорили: «В (вопросах) познания Аллаха Всевышнего, познания повиновения ему, его повелений и заповедей мы нуждаемся в посреднике. Однако этот посредник должен быть духовным, не телесным, и это — из-за праведности духовных существ, их чистоты и их близости к Верховному Господу. Телесный же — человек, подобный нам: он ест то, что едим мы, пьет то, что пьем мы, и подобен нам по сущности и по облику». Они говорили: «А ведь если вы покоритесь человеку, подобному вам, поистине, тогда вы будете в убытке» (Коран 23:34/36).

Ханифы говорили: «В (вопросах) познания и повиновения мы нуждаемся в посреднике человеческого рода, положение которого по чистоте, непогрешимости, (божественному) содействию и мудрости выше (положения) духовных существ; который подобен нам в человеческой природе, но отличается от нас духовной сущностью. Ведь Откровение воспринимается взором духовной сущности, а обращается к роду людскому взором человеческой природы. Это — в словах Всевышнего: «Скажи: „Я ведь человек, подобный вам; ниспослано мне откровение о том, что бог ваш — Аллах единый“» (Коран 18:110). Он — да возвеличится славословие его! — сказал: «...Скажи: «Хвала Господу моему! Разве я только не человек — посланник?» (Коран 17:93/95).

Затем, вследствие того, что к сабиям не нашло пути довольствование чистыми духовными существами, старание приблизиться к ним самим и воспринять их самих, община обратилась к их [небесным] храмам, а это — семь планет и часть неподвижных звезд. Прибежище сабиев Набатеи, Фарса и ар-Рума — планеты, а прибежище сабиев Индии — неподвижные звезды. Мы расскажем об их учениях подробно, по мере возможности, при содействии Аллаха Всевышнего. Иногда

они отказывались от небесных храмов в пользу фигур, которые не слышат, не видят и не приносят им никакой пользы. Первая община это — звездопоклонники, вторая — идолопоклонники».

В тексте, безусловно, говорится о двух ветвях сабиев. Одна из них — «южные» сабии, под которыми в ранних мусульманских источниках подразумевались мандеи, жившие в низовьях Тигра и Евфрата. Общим для них был культ ветхозаветных патриархов. Так, религиовед и философ ал-Хасан ан-Наубахти (умер в начале X в.) сообщает, что сабии, по их утверждению, следуют религии Шиса (Сета), у них есть Писание, которое принес им Нух (Анош-Утра), и что ныне их осталось немного в Наджране и Васите (Ахмад б. Йахйа б. ал-Муртада. Китаб ал-Мунйа ва-л-амал фи шарх ал-милал ва-н-нихал. Тасхих М.Дж. Машкур. Байрут: Дар ал-Фикр, 1399/1979, с. 68).

Ал-Бируни считал сабиев потомками оставшихся в вавилонском плену евреев. Именно «вавилонские пленники», не пожелавшие вернуться в Сирию — истинные сабии. Возводя свое происхождение к Сифу и сохраняя собственные представления о ветхозаветной истории, они в то же время восприняли некоторые учения магов. Их религия — смесь иудейских верований с зороастрийскими, подобно религии самаритян (ал-Бируни. Произведения, т. I, с. 361).

Другую ветвь представляли «северные» сабии — харранские язычники, которых до Аббасидов называли ханифами, идолопоклонниками, харранцами. У «северных» сабиев были сильны эллинские традиции, почитание греческих «мудрецов» наряду с ветхозаветными пророками. Однако ни у «северных», ни у «южных» сабиев не было единого вероучения, основанного на «откровении» (ал-Бируни. Произведения, т. I, с. 361).

С другой стороны, по данным выдающегося русского востоковеда академика Василия Бартольда (1869–1930), в самом Коране учение Мухаммеда отождествляется не с учением сабиев, но с учением ханифов, восходящим к патриарху Аврааму: ханифы веруют в Единого Бога, не являясь ни христианами, ни евреями. Биографы Мухаммеда ничего не говорят о сабиях, их учении и их отношении к исламскому законодателю, но о ханифах, живших в Аравии, приводятся определенные сведения, в которых упоминаются имена нескольких последователей секты, бывших монотеистами еще до Мухаммеда и отказавшихся признать в нем своего учителя. После Мухаммеда на Аравийском полуострове уже не оставалось ни ханифов, ни сабиев: халиф Омар (585–644) решил не допускать иных вероисповеданий,

кроме ислама, а потому христиане и евреи были принуждены выселиться; однако о выселении сабиев с ханифами ничего не говорится.

Что касается «древних» сабиев, то предание связывает возникновение их учения (мазхаб ас-сабийа) с человеком по имени Будасаф (здесь речь идет об Иосафе или Бодхисаттве, Будде), который появился в Индии во времена царя персов Тахмураса из легендарной династии Пишдадидов. Объявив себя пророком, посланным Богом, Будасаф со временем перебрался в Фарс. В этическом плане он проповедовал аскетизм, в ритуальном — обновил богослужение. Основой религии «древних» сабиев был астральный культ — поклонение духовным существам, олицетворенным в планетах — «небесных храмах» (хайакил, ед.ч. хайкал), в честь которых на земле воздвигались молельные дома-храмы (буйут, ед.ч. байт). Основоположниками этой традиции якобы являлись древние индийцы и китайцы

Аш-Шахрастани также выделяет поклонение «небесным храмам» — планетам и звездам — как основную черту учения «древних» сабиев. Одни из них поклонялись семи планетам (это, условно говоря, «западные» сабии — Набатея, ар-Рум), другие — неподвижным звездам («восточные» сабии, они же суманиты, — Индия). Те «звездопоклонники», которые постепенно перешли от почитания далеких «небесных тел» к поклонению «неслышащим» и «невидящим» идолам на земле, стали идолопоклонниками (абадат ал-аснам). На этом основании аш-Шахрастани и противопоставляет языческой религии «древних» сабиев монотеизм ханифов.

Как видим, аш-Шахрастани говорит здесь о трех ветвях сабиев, причем «южной» или «западной» из них свойственно поклонение «семи домам», хотя под этими домами необходимо разуметь вовсе не планеты в качестве материальных объектов, а связанные с ними эманации демиургических духовных существ, воздействующих посредством планет на землю и населяющие ее народы.

Выдающийся русский востоковед, семитолог и гебраист Даниил Хвольсон (1819–1911) в своей диссертации «Die Ssabier und Ssabismus» (Санкт-Петербург, 1856), за которую получил степень доктора философии Лейпцигского университета, совершенно справедливо делит сабиев на «исторических» и «мнимых». К первым он относит так называемых истинных или халдейских сабиев — упоминаемых в Коране парсифицированных язычников или внехристианских гностиков, родоначальников современных мандеев или «христиан Святого Иоанна», живущих недалеко от Персидского залива и говорящих на

испорченном халдейско-арамейском наречии. В эту же группу входят и псевдосабии или сирийские сабии — остатки древнесирийских язычников, принявших около 830 года н. э. название «сабии», чтобы среди мусульманских народов пользоваться веротерпимостью, обещанную Кораном истинным сабиям. Последние жили в Северной Месопотамии, Харране, Эдессе и Багдаде; их религия представляет собой смешение халдеизма, парсизма, иудаизма, христианства, гностицизма и неоплатонизма. С XII века они больше не встречаются в истории (они были вынуждены внешне принять ислам) и, судя по всему, продолжают существовать под именем сирийских алавитов и носсаири. От псевдосабиев осталось много литературных памятников, написанных на чистейшем сирийско-арамейском наречии. К «мнимым» сабиям Хвольсон относит народы и религиозные секты Средневековья, называвшиеся у арабских, еврейских и персидских писателей сабиями в смысле звездопоклонников и язычников; затем это наименование европейские писатели распространили как на исторических сабиев, так и на персов времен Зороастра, буддистов, сабеев Аравии и пр.: от него происходит термин сабеизм.

Итак, «историческими» сабиями Даниил Хвольсон считает только «южных» и «северных» сабиев аш-Шахрастани, тогда как «древних», суманитов, на полном основании помещает в разряд «мнимых», поскольку с «историческими» их объединяет только звездопоклонство и занятие астрологией. Из мандейских источников, переведенных на немецкий язык Марком Лидзбарским, становится очевидно, что «исторические» сабии расселились по пути исхода из Иерусалима последователей Йоханана Хаматвиля. Праотец Авраам ради Земли Обетованной ушел из Ура Халдейского в Вавилонии, а его потомки иоанниты-мандеи вернулись в Месопотамию — в Харран и Хузестан. Вот уж поистине: ничто не ново под луной!

Община «христиан Святого Иоанна» делится на три категории: *мандайе* («гностики»), *тармидийе* или *талмидийе* («ученики», «младшее духовенство», «священники»), и *назорайе* («соблюдающие»). В настоящее время *мандеи* представляют собой мирян, тогда как *назореи* — посвященных в таинства мандейской религии или старших мандейских священнослужителей. Слово *назирута* обозначает эзотерическое знание или гнозис для посвященных. Стать священником можно только по наследству после двенадцатилетнего обучения, предварительно доказав чистоту своего мандейского происхождения до третьего колена. У мандеев трехступенчатое свя-

щенство, включающее в себя: 1) диаконов *(шгандэ, посланников)*, 2) священников *(тармидийе)* и 3) епископов *(ганзибрэ, хранителей сокровища)*. Возглавляет иерархию *риш ама*, глава народа или этнарх, но вот уже более ста лет этот пост вакантен. В мандейской общине священнику отведена роль *малка* или царя. Посвящение в сан называется «коронацией», а символами духовной власти являются: венец *(тага)*, то есть повязка вокруг головы из белого шелка, деревянный посох *(маргна)* и золотой перстень, именуемый *Шом Йавар* или «имя Йавара», которое на нем и выгравировано. Во время литургии священник олицетворяет собой небесные сущности *утры* или эоны. Священник обязан каждое утро совершать малое ритуальное омовение, называемое знаком *(ришамой)*. Молитвы произносятся стоя лицом к северу, где находятся миры Света (15).

Религиозное поклонение северу, в частности Полярной звезде, сближают мандеев с эзотерическим франк-масонством и индоарийскими ведическими культами, хотя, как нам представляется, что вольные каменщики восприняли почитание Полярной звезды от тамплиеров, а те, в свою очередь, в Средневековье от иоаннитов-мандеев.

До сих пор образ жизни мандеев очень строг, если не сказать суров. Они отвергают: воровство, ложь, адюльтер, неверность, магию, обрезание, почитание субботы, зависть, пение, танцы и театральную игру, всякое злоупотребление, развод, самоубийство, нанесение себе телесных повреждений в каких либо целях и оплакивание мертвых. Потребляют вино они в основном в культовых целях и мясо едят довольно редко, поскольку даже ритуальный забой животных для них — это преступление против жизни. Режут скот у них только определенные «чистые» («halala») с религиозной точки зрения миряне или резники; другим это категорически воспрещено. Есть иногда свинину им не возбраняется. Сходство мандеев с «галахическими» евреями заключается в том, что у одних и других этноконфессиональная принадлежность передается по женской линии, то есть мандеем может быть любой человек, рожденный от матери-мандейки. Родственная мандеям ливанско-сирийская секта носсаири (о ней у нас речь пойдет ниже) не сумела сохранить в своей среде всю строгость мандейских законов, поскольку была вынуждена внешне исповедовать ислам, и уклонилась в гностический гедонизм.

Храмы у них называются *Манди (Манда)* или *Машкна (Скиния)*. Они делаются из тростника, четыре метра в ширину и пять метров в длину, без крыши, чтобы было видно звездное небо. Стены

обмазывают глиной, в них два окна — на запад и на восток, и одна дверь — с южной стороны. В середине храма — глинобитный алтарь. Рядом со зданием — бассейн для омовений. Праздники здесь, как уже говорилось, в основном отмечаются ночью, при свете звезд. Вот как описывает великий весенний праздник мандеев *«Панжо»*, которому отдаются пять дополнительных дней календаря, в которые миры Света открыты для верующих, американский миссионер И. Цвемер:

«К полуночи звездопоклонники, мужчины и женщины, медленно направляются к берегам реки к только что отстроенному храму. Здесь они поочередно входят в крохотную плетеную лачужку с южной стороны храма, над водоемом одеваются в «раста» — белые священные одеяния, направляются к открытому месту перед храмом и садятся здесь на землю, приветствуя присутствующих словами: «Будь благословен!», им отвечают: «Благословение живущего над тобой!» Так они сидят чинно, рядами, молча и терпеливо ждут торжественного выхода духовенства.

Два священника со светильниками в руках стоят у входа в храм, не спуская глаз с Большой Медведицы. Как только она принимает положение, указывающее, что наступила полночь, священники, поднимая светильники, дают знать об этом.

Через несколько минут начинается ожидаемое верующими торжественное шествие: во главе идут четыре дьякона, за ними — четыре священника, у каждого на мизинце — золотой перстень, а в руке — посох из масличного дерева в форме креста. Вслед за священниками идет первосвященник, избранный своими коллегами, совершенно отказавшийся от мирской суеты. За ним идут еще четыре дьякона. Один из них держит большой посох — ганзивро, второй несет великую книгу Сидра Рабба, третий — клетку с двумя живыми голубями, четвертый — меру пшеницы и кунжутного семени.

Шествие движется между рядами молящихся. Священники, стоящие у входа в храм, отодвигают дверную завесу, и процессия входит внутрь. Священную книгу Сидра Рабба кладут на алтарь. Первосвященник берет у дьякона живого голубя и, протянув руки по направлению к Полярной звезде, отпускает его со словами: «Во имя живущего, да будет благословен первоначальный свет, древний свет, самосотворившееся божество!»

После этого все молящиеся за оградой, одетые в белое, одновременно встают и падают ниц перед, звездой, которую они молча созерцали...

Когда религиозные торжества оканчиваются, в храме первосвященник закалывает барана, после того как сойдет вся кровь, мясо разрезают на куски и раздают тем, кто в церкви. Все ритуалы заканчиваются до того, как небо озарится лучами Солнца» (16).

Здесь стоит обратить внимание на следующее: если мандейские храмы строятся без крыш, чтобы было видно звездное небо с Полярной звездой, то на потолках храмов франк-масонов изображается то же самое звездное небо с Малой Медведицей и Полярной звездой в этом созвездии. Разве не очевидно, откуда появилась такая традиция у вольных каменщиков и пришло к ним, наряду с посвятительными обрядами, почитание астрологии, в которой последователи Йоханана Хаматвиля слыли профессионалами?

Все литературные произведения мандеев (а они в основном религиозного характера) составлены на арамейском языке, на котором могут говорить еще между собой члены общины, хотя сегодня среди «христиан Святого Иоанна» больше распространен арабский. Тем не менее, в эмигрантских общинах мандеев уже наметилась тенденция возвращения к арамейскому языку даже за рамками богослужения.

В «Книге схолий» несторианского епископа Феодора Бар Конаи в описании секты «достаеан» приводится уникальный архаический мандейский рассказ о сотворении мира, не сохранившийся ни в одной из их священных книг. Вот его краткое содержание. Вначале мир не существовал, но была некая великая сила, покоящаяся на водах. Эта сила создала Абатура, сотворившего Птахиля или Петахиэля и приказавшего ему образовать посредством коагуляции землю, развернуть небо и сделать человека. Птахиль не послушался своего отца, создав десять и еще двенадцать племен, заключив в них магическое свойство и не дав им ни души, ни дыхания. Абатур, разгневавшись, проклял своего сына; ангелы тщетно вмешались на стороне Птахиля; и Абатур приговорил его оставаться закованным до «дня суда, до лет искупления, до времени, когда в течение полутора дней началось бы воскресение мертвых, когда явился бы и пришел в мир Мессия, когда сырой кирпич заговорит с фундаментами зданий и скажет: «Я исповедаю Мессию» (17). Как видим, в рассказе Птахиль соответствует библейскому Люциферу (евр. Хейлель — Утренняя Звезда), сначала принявшему участие в таинстве сотворения мира, а затем возгордившемуся, возжелавшему сравняться с Богом и низверженному с небес. В мандейском сюжете

Птахиль-Люцифер, отождествляемый с Посланцем Гавриилом, играет роль демиурга, каковым и является на самом деле. Интересно, что Птахиль, имя демиурга, идущее, как нам представляется, от египетского бога Птаха, несет в себе значение Тела Господа, Дома-Утробы, порождающего вместилища, Храма, своеобразного божественного строительного материала, легшего в основание вселенной, и в этом смысле одного корня с семитскими словами Батхель, Бетель и Вифиль. При сотворении мира Господом Люцифер в качестве камня был заложен в его фундамент. В довольно позднем гностическом самаритянском произведении «Малеф» говорится, что Ангел Господень создал тело Адама, тогда как Сам Бог вдохнул Свой Дух в это тело (18). Следовательно, Птахиль-Люцифер есть Ангел. Но для божественного домостроительства и созидания Народа Божия Моисею был ниспослан Богом Отцом на гору Синай в огненном облачении Ангела Иеговы Сам Иисус Христос, Логос, сотворивший мир вместе с... Люцифером. Отсюда главное заблуждение представителей гностицизма заключается в том, что они вместо двух Ангелов различали только одного — Люцифера, полагая, что именно он являлся Моисею на Синайской горе. Отсюда происходит отрицание гностиками Ветхого Завета, после чего они попадают в люциферианские сети лжеименного знания, в которых спустя столетия оказался выдающийся франк-масон и реформатор Древнего принятого шотландского устава вольных каменщиков Альберт Пайк. Дело в том, что Логосу, рожденному Богом Отцом, была предопределена роль второго Люцифера, которого гностики по своей интеллектуальной гордыне слили с первым — Денницей или Эосфором и, таким образом, расщепили картину мироздания. Вот почему, в отличие от христианства, древние и современные гностические концепции страдают сугубой фрагментарностью: они не дают целостного мировоззрения. Попытка его создания Альбертом Пайком на основе синтеза стройного шотландского устава франк-масонства и люциферианского гнозиса, на наш взгляд, не увенчалась успехом. Провалилась она и у Робера Амбелена, уже в XX веке пытавшегося сделать то же самое, только опираясь на египетский масонский устав Мемфис-Мицраим. Уходят из жизни интеллектуалы, и их труды извращаются: последователи становятся либо узкими люциферианскими сектантами, либо заурядными обывателями, не разумеющими смысла ни символов, ни ритуалов. Увы, Альберт Пайк и Робер Амбелен

понадеялись на холодный свет люциферианского разума, но позабыли о сердце, о котором говорит Иисус Христос, второй Люцифер, и без которого все вместе с высокомерным гнозисом и многозначительным мудрствованием обречено на ересь и заблуждение. Тем не менее, понимание Люцифера как неотъемлемой части вещества всего сущего характерно для выдающихся христианских мистиков разных веков и народов — Оригена, Якоба Бёме, Мартинеса де Паскуалиса, Луи-Клода де Сен-Мартена и Авраама Позова. Не это ли люциферианское содействие в происхождении вещества мира благодаря сгущению и растворению отражено в синтетической фигуре Птахиля-Люцифера или демиурга тамплиеров (ее не стоит путать с Бафометом, о котором речь пойдет ниже), напоминающей древнегреческого рогатого и козлоногого бога Пана? С высокой долей вероятности изображение демиурга, украшавшее снаружи фасады орденских церквей и часовен, храмовники позаимствовали у предшествовавших себе дуалистов — иоаннитов-мандеев или манихеев. Но почему тогда рыцари поклонялись не только бафометическим фигурам, но и образам демиурга. Ответ лежит в области теологии и космогонии мандеев, у которых Птахиль-Люцифер является существом способным к покаянию: следовательно, он будет реинтегрирован в Боге, когда совершится последний космический суд и произойдет всеобщее восстановление или Апокатастасис. Исходя из этого, становится понятной логика почитания демиурга тамплиерами и люциферианские практики, производившиеся в орденских капитулах. Даже сильно зараженные и пропитанные ересью великие символические идеи не умирают: они лишь трансформируются во времени и пространстве.

Религиозная учение мандеев изложено в «Великой Книге» («Sidra rabba»), называемой также «Сокровище» («Ginza»; אזנא**)**. «Гинза» писалась и дополнялась между 650 и 900 годами н.э. и состоит из двух частей, именуемых «Левой» и «Правой». «Правая» часть — *«Jamina»* — предназначена для живых, а «Левая» — *«Smala»* — для мёртвых. «Великая Книга» представляет собой собрание текстов разных авторов. Древнейшие части излагают парсийское учение в мандейской интерпретации, наиболее поздние — учение о Царе Света в монотеистической традиции, хотя более ранние версии указывают на то, что первоначальные мандеи придерживались тринитарного мировоззрения (см. ниже). Каждая книга имеет своего духа-

покровителя, к которому практикуется молитвенное обращение. Эти гении сакральных текстов, по-видимому, родственны зороастрийским фраваши. Кроме «Гинзы» в канон мандеев входят: «Книга знаков Зодиака», «Тысяча двенадцать вопросов», «Первый Макрокосм» или «Великий Первый Мир», «Первый Микрокосм» или «Малый Первый Мир», «Собрание Первой Жизни» или «Диван». Другим важным источником является «Книга Иоанна» *(«Драша д'Иахиа»)* или «Книга Царей» *(«Драше д'Малке»)*. Царями мандеи называют ангельские сущности Света. Оно содержит тридцать семь мифологических разделов, в которых особенно интересны истории о явлении в Иерусалиме небесного Спасителя Аноша. Канонический молитвенник или *Коласта* включает в себя множество гимнов, песнопений и молитв, употребляемых мандейскими жрецами для различных богослужений и особенно крещения *(масбута)*, заупокойной мессы *(масикта)*, ритуальных трапез и пр. (19)

Книга «Гинза» даёт три различных рассказа о сотворении мира. Один из них, наиболее архаичный, мы и приводим здесь. Он несет на себе признаки прежней веры мандеев и, возможно, их ессейских предков в Живоначальную Троицу. Вначале существовала Триада: «Пира Рабба» (Великий плод), «Аяр Зива Рабба» (Эфир Великого сияния) и «Мана Рабба» (Великая пища). Последний является важнейшим из Триады — Царём Света, от которого произошло всё. От него нисходит и «Великий Иордан», пронизывающий весь эфир, царство Аяра. Мана вызвал к жизни איימדק אייח (*хайе кадмайе* — первичную жизнь), а затем удалился, открываясь только душам самых благочестивых мандеев. Как правящее божество *хайе кадмайе* служит предметом поклонения. Оно произвело многочисленных ангелов (собственно, богатства) и אניינת אייח (*хайе тиньянэ* — вторую жизнь) или «Юшамин» (Небесный Яхве), что соответствует Богу Израиля, Которого гностики признавали «божеством низшего ранга». Именно «Юшамин» захотел возвыситься над первоначальным Светом, но потерпел неудачу в своей попытке, за что был выброшен из чистого эфирного мира и изгнан в мир низшего света. Похожий рассказ мы находим у всех гностиков: в нем Эон София падает, пожелав достичь Плеромы Света. Предание древних жителей Ханаана гласит, что Гиллель бен Шахар (прототип Люцифера) пал, совершив попытку достичь престола Господа Эль-Элиона.

От «Юшамина» произошли другие сущности, напоминающие эоны гностиков, среди которых «Абатур» («отец ангелов»), он же

Атика (Древний) и *хайе тэлите* (איתילת אייח — третья жизнь). *Хайе Тэлитэ* сидит на краю света, взвешивая на своих весах деяния духов, восходящих к нему. В некоторых мандейских текстах сообщается, что Абатур, наблюдая свое отражение в черных водах низшего мира, вызвал тем самым появление демиурга Петахиэля (он же Гавриил): ему и было поручено создать землю и населить её. Как видим, здесь повторяется известный гностико-каббалистический сюжет о двух ликах божества — Великом (Макропрозоп) и Малом (Микропрозоп) — и их отражении друг в друге. Присутствие этого сюжета у мандеев свидетельствует о его достаточной древности. Нельзя исключить, что его знали члены Кумранской ессейской общины уже в I веке до н. э. Однако в мандейских текстах существует и иная версия происхождения Петахиэля. Как раз ее мы приводим ниже (20).

«Руха была сестрой Хагха и Магх в мире тьмы.

Именно Гивел Зива заставил ее выйти из мира тьмы, хозяином которого является Акрун. С последним пребывают супружеские пары Гаф и Гафан, Хагх и Магх, Сарги и Саргани, а также Ашдум, имевший своей женой Руху.

Их символы — лев, скорпион и шершень».

«Но я расскажу вам о том, как Руха пришла в горний мир.

Однажды Мелки (Ангелы) и Утры (Эоны), которых насчитывается двенадцать тысяч, захотели увидеть Мелек Зиву (Царя Света или Мана Рабба д'Экара), великого бога всего, и каждый должен был задать свой вопрос о сотворенном мире, к примеру: почему деревья зеленые, почему это происходит и почему то и пр. Каждый из них имел свой вопрос».

«Они поднялись на транспортные средства, подобные кораблям, движимым электричеством и поспешили к Аватуру, пока, наконец, не достигли самого высокого из небес: ослепительный свет струился на них, но они не могли на него смотреть и падали на лица.

Только Гивел Зива, присутствовавший вместе с ними, оставался стоять».

«С Мелек Зивой находились два могущественных духа Шишлам Рабба, открывающий путь, и Иавар Рабба.

Гивел Зива попросил Шишлама Раббу открыть ему путь через преграды света, чтобы он мог приблизиться к Господу всех вещей Мелеку Зиве, и последний дал позволение Шишламу Раббе, говоря: «Иди и принеси мне Гивела Зиву!»

Другие не могли приблизиться и оставались распростертыми, но ответы на их вопросы пришли в их разум без нужды быть заданными устно».

«Более того, поскольку Утры и Мелки стремились увидеть Господа всего, они увидели своим умом лицо света, являвшее собой подобие Бога, другое имя которого Парсуфа Рабба ад'Икара (Великий Лик Славы). Здесь идет речь о тайном имени, которое никто, за исключением посвященных, не знает.

Это священное имя я раскрыл для вас!»

«Когда у них произошло это видение, Утры и Мелки принялись молиться и поклоняться.

Что касается Гивел Зивы, то он приблизился намного ближе, чем они, и смог воспринять этого взыскуемого владыку и постиг его.

Затем Гивел Зива сказал Мелки: «Я должен спуститься и создать мир, называемый Олам д'хшукха (мир тьмы)».

«Он спустился и шел все ниже и ниже на протяжении многих лет, пока не достиг Акрун Т'ура ад Безера (Круна, горы плоти) в глубинах творения.

Видимый мир держится на этом царе тьмы, а его форма напоминает гигантскую вошь.

Акрун спросил, когда увидел Гивел-Зиву: «Зачем ты пришел в мое царство? Как ты мог спуститься сюда? Теперь я тебя проглочу!»

И он раскрыл свою пасть. Глотка Акруна была огромной, и она имела такую силу вдыхания, что все могло быть затянуто внутрь».

«Но Мелек Зива послал двух могущественных духов, чтобы покровительствовать Гивел Зиве. В царстве духов один могущественнее другого, и они боролись рядом с Гивел Зивой.

Когда Акрун захотел дыханием сдвинуть Гивел Зиву с его места, чтобы проглотить, духи бросили луч света, уподобившемуся мечу в горле Акруна, и он задрожал, увидев прибывшим наиболее могущественного духа и поняв, что сила Гивел Зивы исходила от Царя дневного света. Зива представлял собой чистый свет дня, тогда как Анхура являла собой лунный свет.

Как только Гивел-Зива заметил, что Акрун, Господин тьмы, был ранен, он сказал: «Это дело Мелек Зивы!»

«И он повелел Акруну, говоря: «Я пришел, чтобы забрать Руху (Дыхание Духа). Попроси Ашдума, ее супруга, чтобы он отказал ей. Руха является духом жизни в сотворенном мире, и наше дыхание идет от нее.

Тогда силы тьмы отдали Руху Гивелу Зиву на эту эпоху, и она была беременной».

«Вместе с ней Гивел Зива взял талисман, печать, на которой изображались символ Гафа и скорпион.

Это нужно было для содействия Рухе по пути в высшие миры.

Руха спросила Гивел Зиву: «Куда ты меня уносишь?» Он ей показал дорогу».

«Однако Руха имела сестру, называвшуюся Захариэль (Захрель, Захриель, она соответствует Лилит).

Когда она увидела Гивел Зиву, то влюбилась в него, но так как от него ничего не было скрыто, он знал, что ее влекло к нему.

Тогда он и ее взял вместе с собой и Рухой.

И Захариэль родила ему сына Петахиэля (Демиурга).

Таким образом, Петахиэль, который берет души, чтобы их взвешивать, и направляет духов искать души в телах, является сыном света и тьмы» (21).

Петахиэль сотворил Адама и Еву, но не сумел вдохнуть в них жизнь. Это сделали воплощения Манда д'Хайе — Гибил, Шитиэль и Анош, которые вдохнули в них от духа самого Мана Рабба. Гибил передал первым людям веру, поведал им, что их сотворил не Петахиэль, а великое божество, стоящее гораздо выше его. Петахиэль был изгнан в низший мир, имеющий четыре входа и три ада. В преисподней царствует сам грозный царь Шедун (Асмодей). Облечённый силой Мана Рабба, Гибил сошёл вниз и создал Руху, мать коварства и обманов, царицу тьмы. Руха родила последовательно 7, 12 и 5 сыновей, и все они были унесены в небеса Петахиэлем. Первые 7 — наши 7 планет, 12 — знаки Зодиака, а судьба последних неизвестна.

Следующей эманацией от «Юшамина» является *воплощенный Гнозис «Манда д'Хайе»* אייחד אדנמ или «предвечный человек» (ארבג איימדק, в Каббале זומדק סדא), соответствующий Адаму-Кадмону каббалистов, гностическому эону Христу или «Небесному Христу» тамплиеров. Именно «Манда д'Хайе», он же «предвечный человек», выступает в теогонии иоаннитов-мандеев в качестве *Царя-Священника*. «Манда д'Хайе» (אייחד אדנמ) открывался людям, принимая самые различные виды. Так, например, он явился в виде трех братьев: Гибил, Шитиэль и Анош (библейские Авель, Сиф и Енох).

Мир, по верованиям мандеев, будет существовать в течение 480 000 лет, разделённых на 7 эпох, каждая из которых управляется дру-

гой планетой. Весь род людской был трижды истреблён за исключением одной пары. Библейские пророки являются, по мнению мандеев, «лжепророками». Такими были и Авраам (живший, по их исчислению, через 6000 лет после Ноя), Миша (Моисей) и Шлимон (Соломон), которому служили демоны. «Истинным» пророком был Иахия (Иоанн), сын Захарии — бывший воплощением Гибила. В течение 40 лет он крестил бесчисленное множество людей в Иордане, где по ошибке крестил и лжепророка Иешу Мешиха (Иисуса Мессию), сына *Рухи Кадишты*.

Младший брат Гибила Анош тоже сошёл с неба, совершал чудеса и распял Мессию Иисуса. Он проповедовал «истинную» веру, разрушил город Иерусалим и рассеял евреев по всему миру за то, что они предали смерти Иахию.

Со временем отойдя от тринитарного мировоззрения в пользу строгого монотеизма, мандеи, вследствие этого, впали в дуализм. И теперь в их доктрине, как и в учении любой из гностико-манихейских сект, присутствует строгое противоборство «Мира Света» *(алма д-нура)* с «Миром Тьмы» *(алма д-хшука)*. Последний есть обитель «Властелина Тьмы» *(мара д-хшука)* и возник из «темных вод» *(куми, тами)*, иными словами, хаоса. Его главные силы — дракон, называемый Ур (явная аллюзия на происхождение его имени от еврейского «свет») и уже упоминавшийся злой женский дух Руха.

Впрочем, поглядим, что об организации низшего мира говорят сами мандейские источники.

«Прежде всего был *Мелка-Зива (Царь Света)*, от начала создавший пять существ Света. Но в то же самое время существовала и тьма, ибо повсюду присутствуют формы со своими противоположностями. Если есть правое, то есть и левое, и левая сторона тела, являющаяся частью ночи, более слабая.

Поскольку было пять существ, происходящих от света, то было и пять первоначальных существ тьмы. Их имена таковы: их господин *Акрун (Крун)*, *Ашдум (Ш'дум)*, пара *Гаф и Гафан*, пара *Хаг и Магх* и пара *Зарги и Заргана (Зартаи или Зартана)*. Гафан, Магх и Заргана являются женскими половинами, дополняющими своих мужей.

Темнота породила трех владык талисманов и их имена в образах, под которыми они появляются на талисманах. Мелка-Зива является источником всей жизни.

Лучи света и жизни исходят от него и передаются солнцу и четырем планетам посредством *четырех Мелки (Небесных Царей,*

Архангелов), пребывающих на Полярной Звезде, имена которых суть: *Архум-Хийя, Зив-Хийи, Эн-Хийи* и *Сом-Хийи* или *Сам-Хийи*.

От четырех последних зависит сила и жизнь *Шамиша* (Солнца)» .

В заполненном черными водами «Мире тьмы», расположенном под «Миром Света», по мнению мандеев, многие сущности появлялись стихийно. Материальный мир разделялся на четыре части, каждой из которых управляли парные сущности, слагавшиеся из мужского и женского начала: Зартаи и Зартана, Хаг и Маг, Гаф и Гафан, Анатан и Кин. Эти низшие эманации представляют собой *сизигии*, в чем мы усматриваем влияние валентинианского гнозиса на доктрину мандеев, хотя вопрос о вероятных связях гностиков первых веков христианства с мандеями изучен недостаточно, и трудно делать определенный вывод, кто на кого оказал большее влияние. Последняя пара, по одной из мифологических версий, имела двух дочерей: Руху (Руххайя — дух, дыхание жизни) и Захриэль (Захрель, Захариэль) или Лилит. В самом низком своем пристанище преисподняя делилась еще на три части: высший ад, которым правит Ашдум Мелка; средний ад, где хозяйничает великий Гив (Гаф); и нижний ад — место господства Круна, Акруна или Каркума, «великой горы плоти». У Ашдума с Рухой был сын гигант Ур, через соитие с которым Руха породила семь планетарных архонтов, содействующих повсюду демиургу Петахиэлю. Эти самые архонты помогли ему поработить души людей в материи. В течение времен планетарные духи воплощались на земле в различных лжепророках, вводивших людей в заблуждения. Вот имена архонтов с вариантами: Эстера, Либат, Ливет, Амамит (Венера); Энба, Энво, Нбу (Меркурий); Син, Сера, Саурель (Луна); Кевон, Киван (Сатурн); Бел, Бил (Юпитер); Нериг, Ниригх (Марс); Иль, Ллиль, Кадуш, Адунай, Шамиш (Солнце).

О сотворении Адама мандейские тексты доносят следующее.

«Когда Петахиэль создал Адама, то последний рухнул, ибо не имел в себе души (...) Петахиэль поднялся тогда к Средоточию Света и вошел в присутствие «Отца Утр» (Абатура), спросившего его: «Что ты исполнил?».

Петахиэль ему ответил: «Все прежде сделанное мной имело успех, но мое и ваше подобие не увенчалось успехом» (...) «Отец Утр» (Абатур) вышел и позвал Гибила, Ситила и Аноша, беспорочных Утр. Вызвав их, он дал им повеления и наставления по поводу душ.

Он им сказал: «Будучи хранителями душ (...), не оставляйте злобному Петахиэлю знания о том, как души входят в тела. Утра

Петахиэль поспешил спуститься и его помощники (Гибил, Ситил и Анош) спустились вместе с ним».

«Руха и Петахиэль попытались создать Адама; когда они закончили, то оказалось, что он подобен человеку, но ходил на четырех конечностях, имел лицо как у обезьяны и блеял как баран.

Они удивились и возвратились в Дом Жизни, где им объяснили их провал, и Дом Жизни сказал им: «Мы поспешим послать Гивела-Зиву (Авеля)».

Гивел-Зива пришел с душой в своих руках. Когда душа увидела Адама, то ужаснулась и сказала: «Почему должна я обитать в этой плоти и в этой крови, этом доме нечистоты?» И она отказалась.

Гивел-Зива ответил ей: «Ты думаешь, что можешь отказаться от повеления Палаты Жизни?»

Она говорит: «Я принимаю это только с одним условием — все существующее в Мире Света должно быть и в этом мире: цветы, деревья, свет, чистый воздух, струящаяся вода, крещения, священники; то есть все имеющее место в горнем мире».

Гивел-Зива возвратился и говорил с ними и принес обратно письмо. Он его не открывал, но сказал и пообещал, что Дом Жизни исполнит все, что душа ни попросит.

Тогда душа (Нишимта) вошла в тело Адама, и он смог держаться и говорить, и Гивел-Зива научил его не только читать и писать, но как сочетаться браком, погребать усопших, забивать барана, а одинаково и всем другим знаниям».

Подобно маркионитам, гностикам и манихеям, иоанниты-мандеи целиком отвергают «Ветхий Завет», хотя отдельные его сюжеты обрабатывают и перетолковывают в своем гностическом смысле.

«Увидев это, Руха пожелала иметь свою расу, свой народ и свое племя.

Она пришла к сыну Адама и убила барана. Из его кожи она сделала бубен, а из костей флейту. И стала играть, петь и плясать со своими семерыми детьми (архонтами семи планет).

Он мне дал высокое священство,
Он мне дал кинжал и меч,
Он мне дал музыкальный инструмент,
Он мне дал искусство пения,
Он мне дал ремесло медника.

Руха пришла к сыну Адама и говорит ему: «Пойдем развлекаться с нами». И он пошел вместе с ней.

Ливет (архонт Венеры женского рода) показалась ему красивой женщиной. Он взял ее и стал отцом ее ребенка.

Руха, переодевшись в Хаву (Еву), отдалась Адаму, который вошел в воду вместе с ней.

Некоторое время спустя его упрекали в этом, говоря: «Ты не заметил какой большой она была в воде?» Он отвечал, что ничего не сумел увидеть, поскольку она использовала колдовство».

«Евреи были детьми Рухи и Адама. Их великие люди являлись также детьми Рухи от разных отцов: Моисей — сын Кивана (архонта Сатурна), Авраам — сын Шамиша (архонта Солнца)».

«Они странствовали, пока не пришли в Ур-Шалам (Иерусалим), который назывался Ура-Шалам («дорога завершена»). Они захотели книг, и Мелка д'Анхура говорит: «Должна быть написана книга, которая не причинит хлопот мандеям; и они направили Т'ав с'Мелка, одного из Мелки (небесных царей), чтобы написать Торат (Тору)».

«Евреи не имели священников, и только когда Анош-Утра (Эон Енох) пролил свое семя в Иордан, еврейские женщины пили воду и забеременели, и породили 365 священников.

Иношвей тоже пила воду, и на свет появился Иахиа (Иоанн Креститель), и все мужчины, родившиеся от семени Иордана, были им крещены и сделались священниками».

«Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (От Матфея Святое Благовествование, Глава 3, стих 7).

«Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста» (От Матфея Святое Благовествование, Глава 12, стих 34).

«Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (От Матфея Святое Благовествование, Глава 23, стих 33).

Вера в небесных посланников *(шганда, шлиха)*, посредников *(адьяура)* и спасителей *(парванка)* является характерной чертой религии иоаннитов-мандеев. Главный из них это эон воплощенного Гнозиса «Манда д'Хайе», называемый еще «Сыном Жизни» *(«Бархайе»)* или «Двойником Жизни» *(«Дмутхайе»)*. Он научил Адама тайнам космоса и культовым обрядам. В иных текстах сообщается, что Анош или «Манда д'Хайе» явился в Иерусалим вместе с Иисусом Христом (*Иешу Мешихой)* и обличил Его как лжепророка, тогда как Иахиа или

Иоанн Креститель был истинным мандейским «жрецом» *(тармида)* и воплощением Гибил-Зива (сияющего Авеля).

Бога иудеев и христиан *Адонаи* мандеи считают богом зла или демоном и отождествляют Его с Солнцем, а Тора или Пятикнижие Моисеево для них, как и последующих уже христианизированных гностиков и диссидентов, есть дело злобных духов. В мандейском произведении «Haran Gawaita» говорится, что назореи «любили Господа *Адонаи* до явления Христа» (на ранней стадии развития мандейского сообщества к нему присоединилась одна из частей иудейских *гностиков-адонаистов*). Интересно, что подобная критика «Адонаизма» (а в более широком смысле слова — христианства) прослеживается в оккультном франк-масонстве и в ритуалах Древнего принятого шотландского устава вольных каменщиков, реформированного и переработанного Альбертом Пайком. Не от мандеев ли идет популярная ныне традиция рассматривать христианство как религию Солнца, в которой умирающий и воскресающий Христос есть Sol Invictus и проявление своего Отца Адонаи? Уже в более поздние времена Он предстает для мандеев Христом-Римлянином или Христом-Византийцем *(румая)*, играя роль гонителя их общины. Необходимо отметить, что Иисус Христос у мандеев — злая сущность, обманщик и обольститель; Он — гений Меркурия, принадлежащего Миру Тьмы. Иисус профанировал истинные откровения и совратил еврейский народ. Он ввел бесполезное крещение в мертвых водах. Мандеи называют Его Мшиха (Иешуа ха-Машиах). Очень часто это именование встречается в следующих сочетаниях: *Мшиха д-кадба, Мшиха кадаба, Мшиха дагала*, то есть «Мессия обманщик»; *Мшиха румая* — «Мессия-Римлянин»; *Мшиха нбиха йахутайа* — «Мессия и пророк евреев». Жесткая неприязнь к Иисусу Христу распространяется у мандеев и на все еврейство, в среде которого появился на свет и проповедовал Сын Божий: так, даже названия *иудеи (йахутайа)* и *иудаизм (йахутута)* они связывают со словами «грех» и «выкидыш» (иногда термин *иудеи* переносится ими и на христиан); Иерусалимский Храм иоанниты считают твердыней зла, возведенной по воле сил тьмы и Самого Ангела Иеговы (о Нем мы говорили выше), а святую для христиан и иудеев гору Сион сравнивают с выгребной ямой.

Христианство мандеи рассматривают в качестве ответвления и продолжения иудаизма и называют его носителей *Кристиания, Крастиания* или *Карастиания*, а иногда *Мшихайа* («мессиане»).

«Христиане Святого Иоанна» признаются в откровенной ненависти к христианам и полагают, что последние достойны всяческого презрения, и даже обвиняют их в ритуальном убийстве еврейских детей с целью использования крови для своей евхаристии. Христианство как мессианскую ветвь иудаизма мандеи относят к религиям тьмы, к которым, впрочем, принадлежат и все остальные вероисповедания: иудаизм, ислам, зороастризм и пр. Крайнее негодование вызывают у мандеев три основных пункта христианской доктрины: Иисус Христос, таинство крещения, безбрачие черного духовенства, в том числе женское и мужское монашество. В равной степени мандеи питают ненависть и к евреям, своим кровным братья: они полагают, что иудеи, праотцы и пророки, извратили первоначальный Закон, и это продолжил делать Иешу Мшиха, по их мировоззрению, провозвестник лжи, увлекший народы в сторону от верного пути (судя по всему, от мандеев берет начало и «мистический» антисемитизм христианизированных гностиков, манихеев, средневековых богомилов-катар, а также юдофобствующих мистиков и оккультистов тамплиерской традиции XX столетия; поразительно, что зачастую почерпнутый в гностицизме антисемитизм сочетается и смыкается с оголтелым антихристианизмом). В противоположность Иисусу Христу, Иоанн Креститель является истинным божественным посланником, возродившим настоящее крещение в живой воде Иордана: его мандеи рассматривают не в качестве основоположника своей религии, существовавшей от Адама, но как *последнего* подлинного пророка. Вероятно именно от мандеев пришла к мусульманам эта концепция *последнего пророка*, учитывая то, что Мухаммед никак не мог обойти стороной ни гностицизм, ни манихейство, ни духовно предшествовавшее им мандейское учение, к носителям которого основоположник ислама относился более лояльно, нежели к иудеям и христианам, хотя и его иоанниты-мандеи включили в разряд лжепророков.

В высшей степени примечательно, что в священном каноническом сборнике *Драшья д-Йахиа* («Книге Иоанна»), авторство которого мандеи приписывают самому Иоанну Крестителю, последний выступает в нем как противостоящий Христу или Антихрист. По какой-то причине этот факт многие исследователи мандеизма старались обходить молчанием. Иными словами, прославление Антихриста впервые зародилось в иоаннической традиции и, как нам представляется, было затем напрямую связано с культом Иоанна Крестителя и поклонением гностическому «идолу» Бафомету у тамплиеров, поскольку

Бафомет — это крещение мудростью или погружение в живую воду знания. Значит, из-за тайного характера своей посвятительной организации и невозможности в строгих условиях римско-католического окружения совершать каждое воскресенье реальное иоаннитское крещение в Йардне тамплиерам были необходимы гностические идолы, как бы имитировавшие во время капитулов это крещение на ментальном плане и как бы перенося его в аллегорическую плоскость. Помимо своеобразного энергетического и ритуального ретранслятора, воспроизводящего крещение иоаннитским гнозисом, Бафомет являлся еще символическим изображением воплощенного Гнозиса Манда д'Хайе иоаннитов-мандеев, Софии-Ахамот-Хохмы валентинианан (или андрогинного эона Мете) и «небесного Христа» тамплиеров, противостоящего земному Иешуа ха-Машиаху, сыну Мириам. Следовательно, «небесный Христос» тамплиеров есть Антихрист, одно из проявлений или модальностей которого это Йоханан Хаматвиль или Иоанн Креститель. И не отсюда ли взялось обыкновение у некоторых эксцентричных западных оккультистов называться Бафометами-Антихристами (один из них — Алистер Кроули — знаменитый черный маг и руководитель Ордена восточных тамплиеров, известного своими психодраматическими и сексуальными ритуалами)?

Поскольку многие эзотерические термины могут иметь не менее откровенный и важный смысл при обратном своем прочтении справа налево, постольку становится понятным, что тамплиеры желали выразить, читая наименование своего «идола» наоборот. Итак, Бафомет есть Темофаб (TEM.O.H.P.AB.) или «Templi omnium hominum pacis abbas», то есть «Настоятель храма всех людей мирных». Мы здесь разочаруем распространяющих всякие небылицы об ордене конспирологов, сказав, что тамплиеры вкладывали в это название свое иоаннитское эсхатологическое значение. По иоаннитско-мандейской апокалиптике (о ней мы расскажем ниже), в конце времен должен воцариться для суда над людьми ложный Мессия (*Мшиха кадаба*; мандеи наивно связывают его с Иисусом Христом), которого признает весь мир. Такое значение и было зашифровано рыцарями в обратном прочтении слова Бафомет. И получается интересная вещь: Иисус Христос явно уже противопоставлен триаде мандейских эонов — Манда д'Хайе, Йоханану Хаматвилю и Софии-Хохме-Ахамот; в противоборстве на доктринальном уровне присутствует и обрядовый смысл: если Бафомет есть крещение в живой воде мудрости, то его имя наоборот — христианское крещение в смерть Христову, о котором

замечательно сказал Святой Апостол Павел. Заметим, что здесь не идет речь о поклонении тамплиеров Люциферу, хотя многие исследователи, специализирующиеся на эзотерической тематике, вменяли именно его рыцарям. Подобным образом можно полагать, основываясь на христианской эсхатологической доктрине об Антихристе и конечных судьбах мира, но не на мандейской, где все поставлено с ног на голову. Конечно, с течением времени смысл иоаннитских мистерий у тамплиеров угасал (особенно в приорствах и командорствах, удаленных от центра), и как результат в ордене могла возникнуть определенная люциферианская группа, но говорить о том, что внутренний круг рыцарей, где дольше всего в чистоте держалось иоаннитское учение со свойственной ему эсхатологией, откровенно исповедовал культ Люцифера, по-обывательски наивно и нелепо: любую прекрасную идею можно опошлить, извратить и, если позволите, даже осквернить всяким упрощенным профаническим подходом. Духовный мир является миром архетипов, эйдосов, монад, символов, аллегорий, метафор и образов, а мы пытаемся его воспринимать и описывать очами человеческой плоти. В эту же ловушку попались и пребывавшие в духовном поиске тамплиеры, не сумев отделить в мандейской доктрине зерна истинного гнозиса от плевел лжеименного знания. Вот почему выдающиеся мистики, записав во время откровения свыше свои строки, потом их отказывались понимать, ибо сие становилось уже не под силу пришедшему в ординарное состояние человеческому сознанию. Но не стоит забывать и другое: без мистицизма, духовной алхимии не может существовать истинной ментальной культуры. Кризис всякой религиозной конфессии это прежде всего кризис ее мистицизма, когда она утрачивает соль своей эзотеричности, становясь добычей для среднестатистического обывательского сознания. Часто к этому приводят и литургические реформы как в случае со Вторым Ватиканским собором, ведь литургия является как бы символическим сосудом, в котором содержится квинтэссенция религиозного мистицизма. Но что получается, когда этот сосуд намеренно разбивают на маленькие фрагменты? И можно ли их обратно склеить?

С другой стороны, мы далеки от мысли рассматривать практику тамплиерского крещения, связанную с Бафометом, так прямолинейно, как это делают некоторые популярные конспирологи. Являющаяся вместилищем архаического гнозиса иоаннитская доктрина достаточно утончённа и требует аллегорического рассмотрения. Прежде всего это касается самого «идола» и тамплиерского культа голов,

уходящего своими корнями в седую индоевропейскую древность. Вспомним хотя бы отсеченную Персеем голову Медузы Горгоны или снятые кельтами со своих мертвых врагов головы, о которых достаточно рассказывается в средневековом эпическом цикле о Святом Граале, похороненную на Белом холме Лондона голову Брана, пророческую голову Минира из норвежских сказаний, голову Голиафа и пр. Культ отсечения головы связан с двойным посвящением: рассекая голову противника-посвятителя, победитель-неофит обретает сразу содержащуюся в голове сверхъестественную силу с ее духовной потенцией и отдает оболочку своей плоти Духу. Произнося затем мистические формулы и принимая участие в драматических сценах, неофит уподобляется божеству, позволяя себе воспроизводить собственное духовное возрождение в тесном общении с божественным. Нечто подобное, только на ментально-символическом уровне получали в своем посвящении тамплиеры, которое изначально, по-видимому, включало в себя как аллегорическое крещение, так и поклонение отсеченной главе Святого Иоанна Предтечи в виде ее копий, масок и реликвариев, представленных на капитулах. Сначала неофита посредством кощунственных ритуалов и полученного в результате этого психологического шока вводили в состояние измененного сознания, после чего он уже был готов созерцать в символической форме на ментальном плане в астральной проекции трансцендентный сверхъестественный образ «даймона-демона» или гения, связанного с высшей реальностью, которую неофит должен был пережить как испытание «второго крещения» или катарсис от опасного естества, приходя к обладанию Гнозисом «Девы Софии», обеспечивающей, по признаниям некоторых рыцарей, вечностью, славой и богатством. Вот почему тамплиерский веревочный пояс, именовавшийся *«поясом Иоанна»* и означавший причастность к символическому крещению в водах мудрости, прежде чем достаться посвященному, обматывался поначалу вокруг головы «идола», бесспорная этимология имени которого может иметь только два не противоречащих друг другу варианта: *Бафе-метус*, погружательное крещение мудростью; и *Биос-фос-метис*, жизнь-свет-мудрость. Они оба соответствуют концепции крещения в живой воде у иоаннитов-мандеев. Замечательные алхимики и посвященные XX века Фулканелли и его ученик Канселье полагают, что имя *«Бафеус» («Bapheus»)* могло переводиться как «красильщик», который на алхимическом языке выражает «цвести, плодоносить и собирать урожай, а также живительную «силу»

духовного огня». Эта версия только дополняет два первых варианта, поскольку крестившийся в водах мудрости окрашивается ее цветом, то есть в определенном смысле он ею поглощен. Недаром Фулканелли в «Философских обителях» замечает: «Бафомет — это синтетический образ, в котором посвященные Храма соединили все элементы «Высшего Знания и Традиции» (22). Но кто же являлся «красильщиком» для тамплиеров? Ответ очевиден: Иоанн Креститель. Именно его живые воды заставляют прорастать, цвести и плодоносить растения. В манихействе он — «страждущий Иисус», не имеющий прямого отношения к Иешуа Назорею, сыну Мириам. О синтетичности образа хочется сказать: действительно, Бафомет вобрал в себя три лица, среди которых гностические эоны — воплощенный Гнозис Манда д'Хайе, Йоханан Хаматвиль и София-Ахамот-Хохма (Мете). Поэтому и встречается изображение Бафомета, состоящее из трех лиц (имеется в виду ключ свода XVI века в крепости Томар в Португалии, некогда принадлежавшей тамплиерам, а затем доставшейся их правопреемникам рыцарям португальского Ордена Христа). Некогда отпавшим от иудео-христианской протоортодоксии гностикам даже здесь было сложно отказаться от божественного принципа троичности, хотя справедливости ради стоит отметить: иоаннитско-мандейская доктрина содержит в себе гораздо больше архаических следов примордиального тринитарного вероисповедания, нежели все течения христианизированного гностицизма, с течением времени деградировавшего от дуалистического пантеизма к дуалистическому политеизму. В девяностые годы прошлого века в Вене возникла неотамплиерская группа, ведущая свое происхождение от немецкого оккультного братства «Вриль» и ныне существующая под названием Сообщества Бафомета (Baphometische Gesellschaft) или Дружественного круга Causa Nostra. Организация была создана Ральфом Эттлем на основе распавшегося общества Темпельгоф (Tempelhofgesellschaft), объединявшего людей крайне-правых националистических убеждений из бывшего парамасонского «Наследственного содружества рыцарей Храма» («Erbengemeinschaft der Tempelritter») или «Общества Храма Маркиона» («Societas Templi Marcioni»), представлявшего себя как единственного подлинного правопреемника Ордена тамплиеров, упраздненного в 1307 году. Члены Causa Nostra исповедуют гностико-дуалистическое христианство *маркионитского* толка, считая иудейского Иегову демиургом, а Иисуса Христа — истинным Богом, не имеющим отношения к еврейству. Они придерживаются

строгого монотеизма, подобно савеллианам, видя в Сыне Божием лишь модальность Высшего Бога. Адепты Сообщества Бафомета утверждают, что в соответствии с древними шумерскими манускриптами, арийская раса имеет внеземное происхождение и занесена на землю в Атлантиду со звезды Альдебаран. Арийцы черпают свою силу из энергии «Вриль» «Черного Солнца». В организации поклоняются своеобразной гностической скульптуре, известной у них как «Magna Figura Baphomet» и очень похожей на изваяния древнеримского двуликого бога дверей, а также начала и конца Януса, правда у австрийских неотамплиеров ярко выражен ее андрогинный аспект, который интерпретируют как Януса и Диану: одно лицо мужское, а другое — женское (впрочем, по Макробию, Янус олицетворял собой двуполое существо, содержащее в себе качества Аполлона и Артемиды); длинные волосы, обрамляющие оба лица близнецов, брата и сестры, но одну голову «Magna Figura Baphomet», переплетаясь между собой правильными узлами, ниспадают вниз, образуя колонну или постамент для головы: такое сочетание узлов волос нас наводит на мысль о последовательной цепи эонов гностического божества, которую мы видим и на изображении Бафомета на шкатулке тамплиеров из Эссаруа. Но важно здесь и то, что длинные волосы есть признак назорейского служения. Теперь для нас очевидно: «Magna Figura Baphomet» (по данным адептов сообщества она — символ разрушения старого и созидания нового) не является отражением фантазий синкретистов прошлого столетия, а ее смысловое подобие с Бафометом на шкатулке из Эссаруа потрясает. Весьма вероятно, что такие двуликие андрогинные гностические головы использовались историческими тамплиерами для проведений своих мистерий и капитулов, учитывая то количество бафометических голов, которыми рыцари располагали в своих приорствах и командорствах (свидетельские показания об «идолах» тамплиеров иногда сильно отличаются друг от друга; следовательно, эти артефакты могли иметь разнообразную форму, но выражать общую для ордена и его тайной доктрины мистическую идею, воплощаемую затем в культовой практике).

Итак, мы вправе уже сделать вполне логичный и определенный вывод: изображение рогатого существа с козлиными ногами, напоминающего древнегреческого бога Пана (получеловека и полукозла), воспроизведенное Элифасом Леви в XV аркане своей колоды карт «Таро», относящейся к Дьяволу, никак не является бафометическим рисунком. Эта роковая ошибка французского оккультиста затем сослужила

недобрую службу многим мистикам, эзотерикам и конспирологам. В действительности, у Леви изображен демиург тамплиеров, а в иоаннитско-мандейской традиции скованный Абатуром Птахиль или Петахиэль: его рогатыми изваяниями рыцари украшали фасады своих церквей и других культовых помещений; тогда как Бафомет — это одно, двух или трехглавая фигура, выполнявшая магические функции во время тамплиерского церемониала. Здесь мы предлагаем свою версию трактовки бафометических фигур, вероятно встречавшихся у тамплиеров в период расцвета ордена. Одноглавый бородатый Бафомет явно символизировал Иоанна Крестителя как вдохновителя иоаннитско-мандейской доктрины и главного святого покровителя Ордена Храма. Двуглавый Бафомет (божественные близнецы — брат и сестра, солнце и луна, сера и ртуть алхимиков), практически повторяющий изваяния двуликого Януса, обозначал эманацию божественного андрогина Мете или Адама Кадмона, а одинаково дуализм гностического учения тамплиеров, воспринятого у мандеев. Трехглавая фигура, сохранившаяся на изображении в ключе свода XVI века крепости Томар в Португалии, принадлежавшей наследникам тамплиеров рыцарям Ордена Христа, могла символически обозначать как христианскую Святую Троицу в ее ортодоксальном понимании, так и иоаннитско-мандейскую триаду эманаций, о которой мы говорили несколько выше. И все же, нам представляется наиболее вероятным, что основными «идолами» исторических тамплиеров были либо двуглавая фигура, напоминающая древнеримского бога Януса, либо фигура гностического андрогина Мете, изображенная на шкатулке из Эссаруа (говоря о синтетичности образа Бафомета, Фулканелли имел в виду только последнее изображение): обе эти фигуры содержат в себе единый смысл, о чем мы сообщали, воплощенный посредством двух внешне отличающихся друг от друга форм. Бафомета древневавилонского происхождения в виде двуликого Януса, хранящегося ныне в Багдаде, обнаружил перед Первой Мировой войной немецкий ориенталист, занимавшийся первоначальной ирано-арийской религией, Эдмунд Мейер. Фигура символизировала бога Илу и богиню Иштар, почитаемых в древности в Месопотамии. Тогда же возникла и новая этимологическая версия толкования имени «идола», говорящая о том, что Бафомет есть искаженное шумерское словосочетание Баб-Комет (Bab-Komet) или Врата Света. Мандейская община на вавилонской территории и в Месене стала формироваться с середины I века из иудейско-самарийских эмигрантов, исповедовав-

ших иоаннизм. К моменту создания Ордена тамплиеров в 1118 году мандеи пребывали на земле Вавилона уже более тысячелетия и, безусловно, вобрали в свою доктрину определенные элементы местных месопотамских культов, что относится и к составляющей их предметной атрибутике. Так в руках мандейского епископата могли оказаться и символические изображения, в том числе бафометические фигуры, очень подходящие для мандейства, в основание религиозности которого входил гностический дуализм. Следовательно, никак нельзя исключить возможности, что иоаннитский патриарх Феоклет тайно передал одну из этих фигур Гуго де Пайену, первому великому магистру Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона: достаточно известно о пристрастии последующих тамплиеров к библейской археологии и артефактам подобного рода. Это предположение еще раз обращает наше внимание на обоснованность мнений о зараженности формально католического ордена гностическим дуализмом с первых дней его существования в Святой Земле. Другой более внятной гипотезы о попадании древнего «идола» в среду простодушных западных рыцарей, оказавшихся на небезопасном прежде всего в духовном и интеллектуальном смысле Ближнем Востоке, в многотомной тамплиерике пока не существует.

Одинаково наивно думать о разработке и изобретении фигуры самими тамплиерами, пусть даже это резюмировал великий алхимик Фулканелли, но он бы согласился и с другим: выдающаяся эзотерическая и, если хотите, конспирологическая традиция, подобная той, которую заключал в себе исторический Орден Храма, никак не может образоваться ex nihilo и на пустом месте. Несомненно, такая традиция, будучи некогда эманированной из определенного силового центра, должна передаваться по цепочке: от посвященных к посвященным.

Возвращаясь к веревочным «поясам Иоанна» тамплиеров и их связи с культовым «идолом» или ретранслятором, добавим, что они затем осуществляли энергетическую связь между мистическим эгрегором ордена и посвященными, образуя собой некое подобие звеньев магической цепи и делая храмовников на уровне коллективного бессознательного сопричастниками всех последующих ритуалов и крещений мудростью (с безусловной аллюзией на Йардну), совершаемых в ордене. Абсолютно аналогичную роль играют такие же веревочные пояса *кушти* («пояс истины») у зороастрийцев и иранских мандеев и *химьяна* в обрядах и посвятительной практике мандеев Ирака; ту же самую роль, вероятно, играли пояса и у предшественников

«христиан Святого Иоанна» иудейских мистиков: назореев и ессеев. Неслучайно мандейское выражение «пребывать в Куште» означает придерживаться истинного духовного пути. Кроме того, мандейское наименование истины *«Кушта»* является еще и синонимом Иоанна Крестителя, что еще раз подтверждает полное тождество между поясом *кушти* восточных мандеев и «поясом Святого Иоанна» тамплиеров.

Согласимся, что без всего этого содержащегося в тайной иоаннитской доктрине ордена троекратное тамплиерское отречение от Иисуса Христа как от лжепророка было бы простой бессмыслицей с культовой точки зрения. Указание же на то, что этот кощунственный обряд якобы ввел по своей прихоти некий великий магистр ордена, побывавший в плену у мавров, элементарно не выдерживает малейшей критики и служит лишь оправдательной уловкой, предназначавшейся для простодушных храмовников. В период Средневековья, когда жизнь всякого человека пронизывалась верой и спиритуализмом, на использование подобных ритуалов требовалось религиозное основание, и оно упиралось в тайно исповедуемый Орденом бедных рыцарей Христа и Храма Соломона гностический иоаннизм с манихейско-катарской примесью. Так раскрываются страшные тайны, способные пролить свет на трагическую историю рыцарей-тамплиеров, сделавшихся однажды марионетками в руках лидеров небольшой восточной секты, претендовавшей на мировое господство и всей своей коллективной душой возненавидевшей христианство и его божественного основателя. Но Бог поругаем не бывает, и злоба на Сына Божия всегда посрамляется. Пути Высшей Истины неведомы людям, и безусловно, Провидение сохранило мандейский этноконфессиональный реликт с определенной целью, когда другие более многочисленные и сильные духовные движения и ереси уже отошли в полное небытие. Очевидно мандейство существует в свидетельство Иоанну Крестителю, в Иродовой темнице усомнившемуся в мессианстве Иисуса Христа (нам видится, что Йоханан Хаматвиль как еврей и последний пророк ветхозаветного иудаизма не смог вместить воплощенного Богосыновства своего крестного сына Иешуа Назорея Царя Израиля). Как известно, сомнение порождает отрицание, и вся последующая история «христиан Святого Иоанна» — это фанатичное и доходящее до безумия отрицание истинности Спасителя эллинов и иудеев. В тени Иоаннова сомнения затем возрастал и укреплялся Орден тамплиеров, но в один миг Божественный Промысел поставил

жирную точку на его развитии и легальном существовании, загнав остатки этой могущественной рыцарской корпорации в оккультное подполье, в котором они по сути и растворились.

Впрочем, следующий аутентичный мандейский текст сам свидетельствует о крайне негативном отношении к Иисусу Христу и его сотериологической миссии со стороны адептов изначального гностического иоаннизма.

Иахиа и крещение Иешу

«Кто говорил с Иешу? Кто говорил с Мессией Иешу, сыном Мириам? Кто говорил с Иешу, когда он ушел на берега Иордана и сказал Иахие:

«Иахия, крести меня крещением, произнеся имя, которое должно быть произнесено. Я стану твоим учеником и вспомню об этом в своих писаниях. Если я не удостоюсь быть твоим учеником, то удали мое имя из своего списка».

Свыше Иахия отвечал Мессии Иешу в Иерусалиме:

«Ты обманывал иудеев и вводил в заблуждение священников. Ты останавливал семяизвержение у мужчин и зачатие с беременностью у женщин. Ты упразднил Субботу, прежде установленную Моисеем. Ты обманул с рогами (имеется в виду шофар — прим. пер.) и обесчестил ее, распространив ее (Субботу) звуком шофара и на чужеземцев».

Свыше Мессия Иешу отвечал Иахие в Иерусалиме:

«Если я обманывал иудеев, то пусть меня пожрет огонь. Если я вводил в заблуждение священников, то умереть мне двойной смертью. Если я останавливал семяизвержение у мужчин, то не достичь мне края Моря. Если я останавливал беременность и роды у женщин, тогда пусть меня в этом обвиняет судья. Если я упразднил Субботу, то пусть уничтожит меня пламя преисподней. Если я лгал иудеям, то валяться мне на терниях и колючках. Если я распространил, обесчестив, Субботу на чужеземцев звуком своей трубы, то пусть мой взор не осветится Абатуром. Итак, крести меня и после произнеси имя, которое ты должен произнести. Я стану твоим учеником и вспомню об этом в своих писаниях. Если я не удостоюсь быть твоим учеником, то удали мое имя из своего списка».

Потом Иахиа говорит Мессии Иешу в Иерусалиме:

«Заикающийся не годится в ученики, разбитый параличом не напишет никакого письма. Разрушенный дом не поднимется ввысь, и вдова не станет девицей. Зловонная вода не станет сладкой, и камень не размякнет от елея».

Свыше Мессия Иешу дал ответ Иахие в Иерусалиме:

«Заика станет учеником, разбитый параличом человек напишет письмо. Разрушенный дом поднимется ввысь, и вдова станет девицей, и камень размякнет от елея».

На что Иахиа сказал Мессии Иешу в Иерусалиме:

«Если можешь, дай мне доказательства того, и тогда ты — истинный исполненный мудрости Мессия».

Свыше Мессия Иешу ответил Иахие в Иерусалиме:

«Заика, который становится учеником, это растущий и становящийся большим ребенок. На жалование и милостыню он возрастает, он возрастает на жалование и милостыню, поднимаясь, пока не увидит мир света».

«Слепой человек, пишущий письмо: это ставший добродетельным разбойник. Он оставил уничтожение и грабеж и постиг в вере жизнь Всемогущего».

«Опустошенный дом, который подымается ввысь, это высокопоставленный человек, сделавшийся смиренным. Он отказался от своего дворца и высокомерия и построил дом на берегу моря. Внутрь дома, возведенного им на морском побережье, он раскрыл двое дверей: так он мог пригласить того, кто в беде: он открывал ему дверь и заставлял его войти. Если гость хочет есть, он накрывает для него стол в истине. Если гость жаждет, он ставит перед ним чаши с вином (в истине). Если гость пожелает отдохнуть, он готовит для него постель в истине. Если гость желает уйти, он выводит его вперед на путь истины и веры, по которому тот поднимается, чтобы увидеть мир света».

«Женщина, становящаяся девицей, та, что в юности уже потеряла мужа. Она носила втайне свой стыд, ожидая пока не вырастут ее дети. Если она опять выйдет замуж, то ее лицо не будет бледнеть в присутствии ее мужа».

«Зловонная вода, которая становится сладкой, это распутная девица, вновь обретшая свою честь: она поднялась в село и спустилась из села, не закрывая платком свое лицо».

«Камень, который размягчается от елея, это еретик, спустившийся с горы. Он оставил магию и колдовство, исповедавшись Всемогущему. Он повстречал нищего и вдову и до краев наполнил их карманы».

«Итак, крести меня, о Иахиа, крещением и произнеси имя, которое должно быть произнесено! Если в итоге я стану твоим учеником, то вспомню о тебе в своих писаниях. Если я не удостоюсь быть твоим

учеником, то удали мое имя из своего списка. Ты будешь освобожден от ответственности за свои грехи, а я буду освобожден от ответственности за свои».

Когда Мессия Иешу сказал это, пришло письмо из Палаты Абатура:

«Иахиа, крести этого обманщика в Иордане. Проведи его в Иордан и крести его. Затем выведи его наверх на берег и оставь его».

После чего Руха (Святой Дух, который для мандеев является женской и злой ипостасью — прим. пер.) приняла вид голубя и бросила крест в Иордан. И этот брошенный ею крест заставил переливаться воду разными красками».

«О Иордан, — сказала Руха, — освяти меня и вместе со мною освети семерых моих сыновей» (семь злых планетарных гениев или Архонтов — прим. пер.)

«Иордан, в котором был крещен Мессия Паулис (Святой Апостол Павел), я превращаю в купель. Хлеб, который берет Мессия Паулис, я обратила в таинство. Вино, которое берет Мессия Паулис, я обратила в обедню. Плат, который берет Мессия Паулис я обращаю в священство. Служителей, которых берет Мессия Паулис, я превращаю в навоз».

«Дайте мне предупредить вас, мои братья, дай мне предупредить тебя, мой возлюбленный! Дайте мне предупредить вас, мои братья, по поводу... креста. Они его помещают на стены; он устанавливается тогда там, и они простираются перед ним. Дайте мне предупредить вас, мои братья, по поводу бога, которого изготовил плотник. Если плотник смастерил бога, то кто же тогда произвел плотника?»

Этот довольно наивный и переработанный в гностическом духе III века рассказ вряд ли содержит достоверные факты полемики Иисуса Христа с Иоанном Крестителем. Известно, что последний был близок к ессеям, в частности к Кумранской общине. К тому же, обряд крещения Иоанна, приводимый Иосифом Флавием, полностью совпадает с обрядом, описанным в ессейских рукописях Иудейской пустыни. Однако ессейство как таковое основывалось на посвятительных практиках и малом круге избранных. Иоанну Крестителю был неприемлем такой подход, которым, как он считал, ессеи раскалывают иудейский народ. Иоанн предлагал крещение каждому желавшему очиститься еврею и делил людей только на праведников и грешников, с чем не могло согласиться ессейство, постепенно превращавшееся в закрытую гностическую корпорацию (23). Тем не менее, полемика между Иешу

Мешихой и Иахией, сообщенная мандейским источником, раскрывает одну характерную подробность: в ней видно, что Иахиа для мандеев свой, тогда как Иешу Мешиха — чужой. Это наводит на мысль о наиболее вероятной принадлежности Иоанна Крестителя к Кумранской ессейской общине и абсолютной независимости от нее Иисуса Христа. Надеемся, скоро будут устранены лакуны, не позволяющие пока провести прямую жирную линию преемственности мандейства от ессеев и гностиков Иудейской пустыни I века до н. э. — I века н. э. Хотя мандеи или христиане Святого Иоанна — это единственный сохранившийся гностический реликт на иудео-христианском древе, очень отличающийся как от иудаизма, так и от христианства, каким бы разнообразием проявлений не обладали обе религии. Уникальность мандеизма еще и в том, что его доктрина носит резко антихристианский и антииудейский характер, несмотря на свое происхождение от иудейских гетеродоксальных гностических сект, в среде которых сохранялись архаические традиции еврейства, уже забытые ортодоксальным иудаизмом. Мандейская религия, являясь гностической по своей сути, не занималась прозелитизмом и потому число иоаннитов-мандеев и ныне очень незначительно: 60–70 тыс. человек обоего пола, пускай мандейством и освящается полигамия. Правда, в отношении прозелитизма все же есть одно выдающееся исключение: это тайно инспирированное мандеями создание в 1118 году в Иерусалиме Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона и насаждение в нем иоаннитских посвятительных ритуалов, со временем удалившихся от своего аутентического источника и выродившихся. Из свидетельских показаний рыцарей явствует, что их смысл во времена Якова де Моле уже с трудом воспринимался, но догматика оставалась нерушимой. Во всех подобных случаях тайного прозелитизма посвятительным сообществам удается уйти от ответственности. И все же истина рано или поздно торжествует: ее иногда обретают сами адепты тайной организации, как было в случае с Бернаром-Раймоном Фабре-Палапра (1773–1838), первым великим магистром учрежденного в 1804 году Верховного военного ордена Иерусалимского Храма, обнаружившим и опубликовавшим псевдоапокриф «Левитикон» о гностическом иоаннитском происхождении тамплиеров. Как тут еще раз не упомянуть и великого ориенталиста барона фон Гаммера-Пургшталя, деликатно связавшего в своих аллюзиях европейских тамплиеров с восточными храмовниками, представлявшими собой ветвь сабиев-мандеев. Однако в ту пору не было еще

достаточных сведений о христианах Святого Иоанна, почему исследователи и не могли сделать более определенные выводы.

Ныне священные тексты мандеев всесторонне изучаются и видно, насколько все они пронизаны полемикой с иудаизмом и христианством, простирающейся и на сферу астрологии. И мы вправе сказать, что астрология у мандеев несет на себе не только отвлеченно-оккультные, но и яркие богословско-апологетические черты, при этом планетарные духи или архонты ими рассматриваются в качестве сугубо отрицательных гениев демиургической сферы.

«Сам Христос одинаково проявлялся и в ином образе — с огнем, он действует огнем и показывает в огне свои чудеса. Иешу Мессия говорил сам о себе, что его имя Амун-иль. Его дом есть огонь, и в огне он представляет свои дела. Он предстает перед вами и говорит: «Не подходите ко мне близко, чтобы вам не быть сожженным» (...)

«Он говорит: «Я — Бог и Сын Божий, посланный Отцом».

«Он вам говорит: «Я — первоначальный Посланник. Я — спустившийся с высот Гибил-Зива» (...)

«Он пришел сюда свыше в годы Пилатуса (Понтия Пилата — прим. пер.), царя мира. Анош-Утра (Енох) явился миру в могуществе Царя Света. Он лечил болезни, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, ставил на место члены увечных, чтобы они могли ходить, возвращал слух и речь глухонемым и оживлял мертвых. Он обращал евреев, показывая то, что делает смерть, и то, что делает жизнь; то, что делает тьма, и то, что делает свет; то, что делает заблуждение, и то, что делает истина».

«Он обращал евреев к именам Царей Света. Триста шестьдесят пророков вышли из города Иерусалима и свидетельствовали во имя великой Жизни. Анош-Утра тогда высоко воспарил и водворился в Мшуня-Кушта (Mschunia-Kushta), где все Утры скрыты от глаз человечества. Затем город Иерусалим был опустошен, и евреи были изгнаны и рассеяны по другим городам» (...)

«Каждый в это последнее время, кто остается верным призыву и верным крещению в проточной воде, станет одним из посланников, который проявит блеск, исходящий от Земли Света. Один Назорей с тюрбаном вокруг головы стал достойным порождений и миров. Мандеям, пребывающим в Куште, я, Манда д'Хайе, даю свою власть. Поскольку они внимают и отвергают заблуждения, то должны победоносно взойти к Земле Света. Жизнь торжествует над всякой борьбой!»

«Были призваны архонты семи планет; им даны были приверженцы; и все сражались за Него. Влияние семи соблазнит всех детей Адама. Шамиш, первый из архонтов, солнце. Второй — Святой Дух Эстера (Венера), одинаково называемый Либат или Амамит. Третий — Нбти (Меркурий), лжемессия (Иисус), создавший искажение изначального культа. Четвертый — Син (Луна) по имени Саурель. Пятый — Кеван (Сатурн). Шестой есть Бел (Юпитер) и седьмой — Нериг (Марс)».

«Влияние Дома Шамиша дает его поклонникам золото, серебро и роскошь. Посланники, которых он направляет в мир, приводят человека к почитанию солнца и луны. Влияние Дома Либат производит иллюзию, адюльтер, сладострастие, удовольствия, песнопения и магию, которые неистовствуют над человечеством».

«Влияние Христа Меркурия (Иисуса) предательски обманывает детей человечества. Они находятся под его воздействием, а роды и семейства очарованы им. Он их удерживает одновременно на горах и в долинах для того, чтобы они отказались от соития, которое переводится в сперму, текущую по их ногам. Тогда демоны влияют на человеческие существа. Они пленяют тело и вводят в заблуждение душу и дух. Он не кормит, ибо не дает ни лекарства, ни покоя».

«Он появляется в огне своим ученикам и поклонникам и говорит им: «Вот насколько моя слава возродилась во всем мире. Не знаете ли вы, что она не светит. Сумасшествие — вот то, что наиболее распространено в мире!» Влияние Дома Кевана приносит сожаления, стенания и ложную мудрость в сердце человечества, а одинаково и слезы».

«Влияние Дома Нерига вызывает агрессивность у человека. И необходимость ранить и проливать кровь на землю. Вы становитесь мясниками, хотя и называетесь просвещенными людьми, священнослужителями и прорицателями».

«Когда бы он даже вас покорил, вы ему скажите: «Мы тебе принадлежим». Но в сердце своем не соглашайтесь пасть и не отдаляйтесь от слова правителей Света. Ибо сокровенные вещи не открываются ложным Мессией».

«Не верьте ему, поскольку он не является Гибил-Зивой, ведь Гибил-Зива не посвящал себя огню. Так Анош-Утра предстал Иерусалиму, одетый в одеяние из дождевых облаков. Он обладал физической формой, но не был воплощен в одеяние плоти. Пыл и ладан на него не влияли».

«Потом приходит Мохаммед, сын чародея, называвшегося Бизбатом. Не слушайте его, он распространял свою доктрину, творя много зла в мире, и побуждал души к преступности» (...)

«Когда Нбу (Архонт Меркурия, воплощенный в Иисуса) приходит посреди ангелов недостатка (падения), значит его позвала мать Рухад'Кудса (или Руха Кадишта — Святой Дух). На короне неба и земли, на горе Табдана собирались ангелы недостатка помазать елеем Нбу и облачали его в огонь».

«Затем Мешиха (Мессия Иисус), обманщик, появлялся в другом виде. Он представлялся перед вами, говоря: «Я иду по воде, пойдемте со мной, и вы не утонете». Но не делайте этого и не верьте ему. Не бойтесь, если даже он угнетает или убивает некоторых из вас. Убивая, он убивает только ваше тело, и вы будете жить в мире Света. Не бойтесь и не страшитесь уничиженного Мешиху Римлянина, ловко уводящего в сторону рассуждение».

«Затем он приготовил скамейку, поместил ее между поверхностью неба и земли, поднялся и спустился, и раскачивался между небом и землей, говоря вам: «Вы видите, что я иду свысока. Я — ваш Господь!» Но не верьте ему. Ибо лестница Мешихи (Мессии Иисуса) сделана из иллюзии, магии и ухищрения».

«Когда появляется Мешиха, он закрывает ваши глаза, он скрывает сияние солнца, говоря ему: «Спрячь свое сияние!» Но солнце не прячет своего сияния. Тогда Мешиха наводит тьму посредством колдовства на место, в котором пребывает, и говорит вам: «Видите, я сказал солнцу, и оно скрыло свое сияние, ведь я — Бог и Спаситель» (...)

«Итак, он пришел и сделал узниками в мире заблудших детей человеческих, принеся им свою ложную мудрость. Они стали называться «богобоязненными» и «праведными»; он их называет «христианами». Он их обращает в «богобоязненных» мужчин и женщин. Он их называет «богобоязненными», «святыми» и «праведными» мужчинами и женщинами».

«Они оставляют свои дома, делаясь монахами и монахинями. Они мешают обмену семени между женщинами и мужчинами, между мужчинами и женщинами. Они препятствуют своему потомству прийти в мир. Они налагают посты на свои уста и заковывают себя в кандалы. Они сохраняют пищу и напитки далеко от своего рта и хранят белую одежду вдали от своих тел, пребывая в одиночестве».

Здесь мы опускаем определенные кощунственные отрывки иоаннитско-мандейского писания о монахах и о начале жизни Господа Иисуса Христа, которые будет весьма оскорбительно читать христианам всех конфессий и деноминаций.

«Когда он возрос (Иисус Мессия), то вошел в дом молитвы еврейского народа и овладел всей еврейской мудростью. Он извратил Тору и изменил учение».

«Он ввел некоторых евреев в заблуждение, сделав их «богобоязненными» и показав им магические явления, в которые они поверили. Он одевал на них цветные одежды, выбривал на их головах тонзуры и покрывал их, как если бы это было тьмой. И в воскресенье он охранял их руки от работы».

«Он говорил им: «Я — истинный Бог, которого мой отец направил сюда. Я — первый и последний посланник. Я — Отец, Сын и Святой Дух. Я вырос в городе Назарете». На своей повозке он вел себя со смирением и так вступил в Иерусалим. У некоторых евреев он практиковал колдовство и надувательство, показывая им чудеса и явления. Он делал пассы над мертвым телом, и он говорил над трупом. Он призывал евреев, говоря им: «Придите и посмотрите, я — тот, кто пробуждает мертвых, творит воскресения и исполняет освобождение. Я — Анош (Енох) Назорей».

«Сверху Руха испускала крик, обращенный к Иерусалиму и свидетельствовавший в пользу (Иешу Мешихи). Он содержал сыновей человеческих в колдовстве и (...?), и менструации. Он извратил крещение жизни и крестил их во имя Отца, Сына и Святого Духа. Он их удалил от крещения жизни в живой воде Иордана, которым был крещен Адам».

«И после этого в этом месте родился ребенок, нареченный Юханой (Иоанн Креститель), сын Закрии Аба Сабы (Захарии), данный последнему, когда тому исполнилось почти сто лет. Жена Закрии Нисбэ (Елисавета) забеременела в старости и произвела на свет Юхану. Когда Юхана вырос во времена Иерусалима, то обрел веру в своем сердце и пошел на Иордан и там дал крещение в 42 года Нбу (архонту Меркурия, воплощенному в Иисусе), облаченному телом и спустившемуся в физический мир».

«И когда Юхана во времена Иерусалима ушел на Иордан и творил крещения, Иешу Мшиха (Иисус Мессия) приходит, исполненный смирения и крестится крещением Юханы и мудростью Юханы. И стал он переполняем знаниями. Потом он исказил слова Юханы и изменил

крещение в Иордане, извратив рассуждения Кушты (истинного пророка — прим. пер.), и проповедовал в мире преступность и обман».

«Однажды, когда жизнь Юханы подходила к концу, я сам (Анош-Утра?) пришел к нему; я казался Юхане маленьким ребенком трех лет и одного дня, и я ему говорил о крещении. И тогда я его извлек из его тела и унес в мир, где повсюду сияние, и я его крестил в белизне искрящейся живой воды Ярдны (Иордана). Я его облачил одеждой сияния и покрыл тюрбаном света, я поместил хвалу в его чистом сердце, славу ангелов света, которой он превозносит непрерывно их Господа в вечности».

«И после Юханы мир продолжился во лжи, римский Мшиха (Мессия) разделил народы, и двенадцать архонтов-обманщиков обошли мир в течение тридцати лет, и в мире водворился Римлянин».

Не менее остро критикуются мандеями и представители иудаизма, причем в среде вчерашних иудеев по крови и вере, ставших «христианами Святого Иоанна», возникает концепция совершенно обособленного от еврейства происхождения мандеев. Оказывается, мандеи — носители примордиальной традиции — существовали практически от сотворения мира, а в Египте пребывали вместе с иудеями, где с ними окончательно разошлись. Так происходит первая ревизия «Ветхого Завета» с гностических позиций, на фоне которой уже позднее проявляется «мистический антисемитизм» Маркиона и других гностических сект раннего христианства вплоть до манихеев, павликиан, богомилов и катар. Исходя из этого, напрашивается предположение, что именно иоанниты-мандеи передали гностикам и манихеям идею об отвержении «Ветхого Завета» как творения демиурга и, следовательно, евреев как его народа.

«Когда Нох (Ной) вышел на землю и стал развлекаться, Руха увидела это и приняла обличье его жены. Она его поприветствовала и сказала: «Я — твоя жена Анхурайта». И он взял ее, и она стала беременной и родила трех сыновей — Хама, Иама, Иафета (или Сума, Лама и Лапита — Хам, Сим, Иафет)».

«Это отцы рода человеческого. Хам сделался родоначальником черных, рабов; Иам — белых народов; и Иафет — цыган (Каулиах). Однако Сам и его жена Анхар суть предки мандеев».

«По прошествии шести тысячи лет планеты, которые являются детьми Рухи и Ура, соорудили Священный дом (К'аба), находящийся в Ур-Шаламе.

В Ур-Шаламе Руха отдала часть своего царства Мусе (Моисею) из Бени-Израиил (сынов Израиля). Муса был против мандеев и ссорился с ними в Египте.

Ардван (Ардбан), царь мандеев, имел видение, в котором услышал голос, исходящий из Дома Жизни и говорящий: «Встань и уходи из этого места для своего здоровья и благополучия!»

Он поднялся, собрал с собой мандеев, и они вышли из Египта, придя к морю, которое высохло, оставив им дорогу между горами волн с каждой стороны».

«Так он покинул Египет.

Но его брат Фирух Мелка оставался в Египте и бился с иудеями. В конце концов, он был окружен ими и разбит, но ему удалось бежать.

Видя путь через море, он пошел по нему со своим народом, но когда они были уже на середине моря, горы волн сомкнулись друг с другом, и они все утонули.

Ардван Мелка странствовал с шестьюдесятью тысяч мандеев, пока не пришел в Т'ура д'Маддаи (Землю мандеев).

«Горы раскрылись перед ними, поскольку были высокими, огромными и непроходимыми, и они миновали их. Когда сомкнулись горы, Хивел-Зива сказал Ардвану Мелке: «Оставайтесь здесь с мандеями, и двенадцать знаков зодиака и семь планет ничего не скажут против вас».

Муса пытался преследовать их, но когда достиг Т'ура д'Маддаи, то не смог пройти дальше и вернулся в Ур-Шалам.

Евреи жили там до тех пор, пока не появился на свет от Иношвей Иахиа (Иоанн Креститель)» (24).

Будучи гностиками, мандеи отрицали откровения Ветхозаветной и Новозаветной религии, считая Древний Египет средоточием истинного духовного знания, в чем предвосхитили европейское оккультное франк-масонство и многочисленных толкователей эзотерики. Египет — это страна, где *мандеи (гностики)* боролись с *иудеями (хвалящими Бога, по сути правоверными)* и получили тайное посвящение. Сегодня весьма сложно подтвердить, существовала ли влиятельная гностическая партия внутри еврейства в период его Исхода, но отрицать этого тоже нельзя, учитывая посвятительный характер древнеегипетской языческой религии, с которой израильтяне столкнулись за четыре столетия пребывания в земле Мицраим. Нельзя исключить и того, что такая партия могла быть инспирирована тайной полицией фараона для подрыва истинной религии изнутри. Если

принимать тезис, что Каббала происходит из Египта, то сторонники этой партии существуют и сейчас с центром в израильском Цфате (ранее Сафад, который от мусульман в XIII веке столь отважно защищали тамплиеры), оставаясь в рамках иудаизма, тогда как их братья, воспринявшие проповедь Юханы Назорея и ставшие «христианами Святого Иоанна», полностью порвали с иудаизмом, в итоге отвергнув «Ветхий Завет». Тем не менее, мандеи до сих пор практикующие каббалисты, и определенные элементы их алфавитной мистики находят параллели в каббалистических сочинениях знаменитого Исаака Лурии (XVI век).

В конце XIX столетия известный немецкий франк-масон Теодор Ройсс (1855–1923), в молодости познакомившийся с знаменитым произведением востоковеда барона фон Гаммера-Пургшталя «Mysterium Baphometis revelatum», задумал создание академии оккультных наук и символизма вольных каменщиков, которая бы объединила в себе сразу несколько практикующих гностических систем, делая упор на уже существовавший масонский ритуал Мемфис-Мицраим. Своему проекту Ройсс дал название «Ordo Templi Orientis» (O.T.O.) или Орден восточных тамплиеров, хотя одноименное сообщество, по данным французского исследователя гностицизма и эзотерики Андре Вотье, уже существовало в Германии с 1875 года и заявляло о себе как о продолжателе мистерий Осириса и германского Вемского судилища (25). Не правда ли, мы уже встречали это название, когда говорили о восточных храмовниках-сабиях, которые инспирировали создание в Иерусалиме Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Именно знакомство Ройсса с символизмом культа Приапа, практиковавшегося у исторических тамплиеров и изложенного в произведении фон Гаммера-Пургшталя, привело к тому, что в O.T.O. стали преобладать эксцентрические сексуальные и гомосексуальные ритуалы, принесшие сумрачную известность следующему руководителю этой парамасонской организации — черному магу Алистеру Кроули (1875–1947). Таков уж закон всех гностико-манихейских учений: одна ветвь их может уклониться в крайний изуверский аскетизм (эндура катаров), другая — в откровенный сатанизм. Однако суть их учений общая: четкая ориентация на Древний Египет, отвержение или переосмысление «Ветхого Завета», антитринитаризм, умаление искупительной жертвы и расщепление сотериологического образа Иисуса Христа, дуализм и прикрываемый монотеизмом гностический пантеизм, эманации, эоны, церемониальная магия, вера в метемпсихоз, та-

лисманы, мистические атрибуты и посвятительные обряды. Отсюда следствие — превалирование самой гностической доктрины над вероисповедной догматикой. Вернее, догматика утрачивает нужду в систематизации, что, на примере мандеев, означает наличие кричащих противоречий в самих их священных книгах. Итак, что общего между восточными тамплиерами Ройсса-Кроули и восточными тамплиерами-сабиями? Впрочем, мы, щадя нравственные и религиозные чувства читателей, намеренно не приводим фрагменты сексуального характера из мандейских писаний, связанные, в частности, с женским гением Захариэль-Лилит, которые затем, казалось бы, были развиты и дополнены в опасных для любого неискушенного молодого сознания произведениях Алистера Кроули.

Одна из ветвей мандеев, известная своими гедонистическими нравами и оккультно-гностическими практиками, называлась носаири, нэсэрийе или нусарияху, то есть назореи, и проживала в Сирии. Считается, что она с друзами очень сильно повлияла на формирование доктрины алавитов, мусульманской секты, признающей Святую Троицу, но скрывающей поклонение Ей под шиитскими мифологемами. Это подтверждает, что носаири (назореи) и мандеи от своего начала исповедовали тринитарную религию, но последние уклонились от нее в сторону строгого монотеизма благодаря сильному развитию гностических идей в своем священном каноне. В отличие от мандеев, носаири не удалось сохранить внешне свою религиозную идентичность, и формально они значатся мусульманами и носят магометанские имена. Однако, как отмечают арабские и персидские авторы, в своей среде носаири тайно отправляют свой культ, презирают правоверных мусульман, высмеивают их догмы, пьют вино и едят свинину. Наиболее приблизился к разгадке тайного культа носаири Уолтер Биркс, побывавший у них во время Второй Мировой войны и описавший встречи с ними в своей совместной с Р.А. Гилбертом книге «Сокровища Монсегюра» (26). Биркс относит носаири к древней гностической иудео-христианской секте, некогда очень близкой к мандеям. Очевидно невозможность иметь свои молельни в жестком мусульманском окружении вынудило их устраивать свои собрания в священных рощах, как это делали во времена царя Соломона почитатели Астарты. Два самых главных религиозных символа носаири — Свет и Потир, из которого они пьют ритуальное вино и говорят: «Я пью свет». Многие полагают, что носаири курдское или иранское племя (таково мнение и фон Гаммера-Пургшталя), но, на наш взгляд,

они, подобно мандеям, древнего иудейско-самарийского происхождения, о чем свидетельствуют их тайная передаваемая из поколения в поколение назорейская религия и их второе самоназвание — *давуди* (давудийцы) или наследники царя Давида: его они весьма боготворят. Сам фон Гаммер-Пургшталь указывает, что носаири идут от народности мадаиты, когда-то кочевавшей у южного берега Каспийского моря. Тем не менее, в XVII-XVIII веках мадаитами называли именно «христиан Святого Иоанна», мандеев, пытаясь их возводить даже к мадианитянам, полукочевому семитскому племени Синайского полуострова, из которого происходили Хеттура, третья жена праотца Авраама, и Сепфора, дочь мадианского священника Иофора и жена пророка Моисея.

Но это, скорее, относится к историческим курьезам, основанным на случайном совпадении имен и частом отсутствии огласовок в семитском написании. И если, предположим, гностики-мандеи существовали уже во времена Исхода еврейства из Египта, как сообщает нам сабианский источник, они все равно не имели бы никакого отношения к мадианитянам, кроме общего родства происхождения от Сима и Авраама.

Священные тексты мандеев украшены великолепными символическими рисунками в стиле примитивного кубизма. Чтобы выразить противоречивость акта мирового творения, мандейские художники использовали в основном два тона — белый и черный. Являясь составляющей частью для изображения человеческих тел, кубы делились по диагоналям на треугольники: из них два треугольника, расположенные на одной стороне, иногда закрашивались черным цветом, тогда как два других на противоположной стороне оставлялись белыми. Разве это не напоминает нам дуалистическую символику знамени тамплиеров *босеан* или *босан* (из старофранцузской этимологии beauceant — черная голень лошади с белым чулком над копытом; постароитальянски это bolzano) с одной лишь разницей: тамплиерское полотнище делилось пополам на два перпендикулярных древку прямоугольника: вверху черный, снизу белый; причем красного креста по центру знамени изначально не было? Согласитесь: довольно сложно представить, что бы это откровенное гностико-манихейское знамя имело хоть какое-то отношение к римско-католической геральдике. Значит, мы не можем никак исключать того, что и боевой стяг босеан (vexillum belli), означавший одинаково и воинственный клич, братьям-храмовникам был дан легендарным иоаннитско-мандей-

ским патриархом Феоклетом во время основания ордена в Иерусалиме в 1118 году. Да и щиты у тамплиеров поначалу были черно-белые и подобные босеану, о чем свидетельствуют в том числе средневековые книжные миниатюры. Между прочим, на гностико-манихейское происхождение тамплиеров указывают и современные французские исследователи: Изаак бен Жакоб, один из них, полагает, что Орден Храма, ставший независимой военной организацией благодаря Собору в Труа в 1129 году, сразу же был заражен ересью, поскольку у его истоков стояла катарско-манихейская секта, существовавшая в благоприятствовавшей ереси Шампани с XI века. Действительно, Шампань с Бургундией являлись второй метрополией ордена после парижского Тампля. И возможно, девять братьев, основавших орден в Иерусалиме, тайно исповедовали катарскую ересь, к каковой принадлежали и их семейства. Однако это предположение логически порождает собой и другое: если определенные начала ордена проглядываются в катарско-манихейской среде Шампани, то в Иерусалим Гуго де Пайен со своими соратниками после Первого Крестового Похода устремились с очевидным заданием своей тайной религиозной общины об установлении связи с духовно-родственной организацией, традиция которой легла в основу гностико-манихейских сект в Западной и Восточной Европе. Вне всякого сомнения, Гуго де Пайен с честью выполнил свою миссию, обнаружив в Святой Земле последователей Йоханана га-Матбиля (евр. совершающего ритуальные очищения водой) и установив с ними взаимоотношения, итогом которых явилось создание внешне римско-католического, а на самом деле еретического иоаннитско-мандейского Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. В 1118 году, когда сгорел на костре в Константинополе глава манихеев Византии Василий Богомил, сомкнувшимися ветвями иоаннитов Востока и Запада был подготовлен коварный ответ христианской ортодоксии в виде тайно инспирированного воинского сообщества, на протяжении почти двух столетий скрывавшего свою подлинную антитринитарную гностическую сущность под шлемом и латами римского католицизма. Но на пепелище Храма восстало франк-масонство, и диспут между иоаннизмом и христианством продолжается до сих пор. Пожалуй, его сможет рассудить только Второе Пришествие. В апреле 2005 года Сади аль Сади, глава эмигрировавшей в Швецию мандейской общины, заявил по случаю смерти Папы Римского Иоанна Павла II в интервью римско-католическому информационному агентству «Fides», что его единоверцы всегда поддержи-

вали добрые отношения со своими «христианскими двоюродными братьями». И если христианство двоюродный брат мандеизма, то не трудно догадаться, что его родной брат — гностицизм во всех своих проявлениях, начиная от тамплиеров и заканчивая современными вольными каменщиками. И все же мандеи, несмотря на их непримиримое отношение к Иисусу Христу, остаются связанными одной пуповиной со своим «двоюродным братом», что прекрасно отметил выдающийся русский богослов Василий Болотов, который писал:

«Это явление представляет интерес а) как архаистический остаток движения, в главном своем течении исчезнувшего давным-давно, и б) как выпуклый показатель того, что гносис — в своих главных представителях заявлявший о себе только своим антиюдаизмом — был течением антихристианским, вел борьбу с христианством путем компромисса с ним. В главных своих системах гносис признавал во Христе самое светлое явление мировой истории; здесь, напротив, вражда против Христа, христианства и особенностей христианской жизни (аскез, посты, безбрачие, иконы), едва уступающая вражде против иудейства. И, однако, это не есть и гносис антиномистический, обеляющий все черное, начиная с Каина: Авель, Сиф, Энос, Ной здесь признаны. Это явление проще объясняется предположением, которое оспаривает Кесслер, что мандайе — уклонившиеся в гносис ученики Иоанновы. Речи проповедника покаяния на берегах Иордана взволновали весь иудейский мир до Вавилонии (язык мандайе — интересный остаток языка вавилонских иудеев). Часть «учеников Иоанновых», появившихся и в Вавилонии, «ниже аще есть Дух святый» слышавших (Деян. XIX, 2), не поняла смысла миссии величайшего из ветхозаветных пророков, заняла враждебное положение в отношении к христианству и, оставшись позади этой победившей мир силы, возненавидела христиан от всей глубины своей бессильной злобы и зависти. Но непризнанные и со стороны иудеев, может быть, гонимые или третируемые свысока (наравне с крещаемыми прозелитами, исполнявшими только заповеди Ноевы?), иоанниты возненавидели и иудеев. Ной — последнее великое явление ветхозаветной истории. С Авраама — уже идут лжепророки. Ни великий законодатель Моисей, ни Соломон — блестящий представитель политического могущества Израиля, не встречают сочувствия иоаннитов; фараон и египтяне — вот истинные светочи этой долгой исторической ночи. Иерусалим также мандайям ненавистен, разгрому иудеев они радуются. Только Иоанн Креститель

и освященный его деятельностию Иордан составляют заветное исключение.

Но все же связанные с христианством единством исторической почвы — бытовых условий новозаветного времени, mandaje в своих учреждениях представляют нечто, похожее на копию с христианской жизни древнейшего периода» (27).

И действительно, единство исторической, этнической и этнографической почвы одинаково сформировало христианство и мандеизм, и обрядовая сторона последнего тоже очень напоминает христианскую, хотя, безусловно, сходство это только внешнее, поскольку мандейские обряды несут на себе определенно иное значение, нежели христианские, и, вероятно, уходят корнями в зарождающийся гностицизм ессеев и ритуалы благочестивой секты в рамках фарисейского направления времен Второго Храма *товлей шахарит* («совершающие утренние омовения»), известных еще под именем гемеробаптистов: между прочим, по данным Электронной еврейской энциклопедии со ссылкой на извод «Беседы» (2:23) так называемого «Климентина» (христианского агиографического сочинения первой трети III века), имеются очевидные аллюзии на то, что сам Иоанн Креститель мог первоначально принадлежать к вышеназванной секте, которая затем слилась с мандеизмом. Итак, перейдем к рассмотрению основных обрядов и составляющих их элементов у последователей Йоханана Хаматвиля, на первый взгляд, весьма близких к христианству.

Крещение у мандеев называется **масбута** или **масветта** и совершается всегда в проточной живой воде, являющейся одновременно очищающей и символизирующей собой Высшую Жизнь, поскольку своего Бога Манда д'Хайе мандеи иногда сравнивают с живой водой. Всякая вода крещения называется Йардна или Иордан, что говорит о западно-семитском происхождении этого обряда у мандеев, хотя исток мистического Иордана для них — в Царстве Света. В противоположность христианам, у которых крещение только единожды творимое таинство, мандеи проводят крестильный обряд над верными каждое воскресенье и в течение всех служб своего культа. Крещение заключается в трех полных погружениях с головой. Облаченный в свою белую ритуальную рубаху верующий затем делает пальцами трижды знак справа налево на лбу над переносицей, глотает крестильную воду и коронуется миртовым венцом *(клила)*. В этом обнаруживается очевидная аллюзия на Святую Троицу, в которую веровали протомандеи до своего полного отпадения в пантеистический гнозис, пускай

«христианами Святого Иоанна» и декларируется строгий монотеизм: отсюда вправе предположить, что тринитарное мировоззрение могло уже четко оформиться у кумранитов, но подтверждений тому нет. По выходу на берег, лоб крещенного помазывают кунжутным маслом. Затем происходит благословение посоленного хлеба *(пихта)* и воды *(мамбуха)* и причащение ими. После этого священник кладет руки на катехумена и налагает на него своим омоченным елеем перстнем ритуальную *золотую печать*, символизирующую Мир Света *(Шом Иавар)*. Завершается ритуалом *кушты* (истины), когда священник и верный берутся за руки, делая особые рукопожатия. Кроме этого крещения, исполняемого епископами (ганзибра) или священниками (тармида), существует еще индивидуальные крещения за все виды совершенных грехов. Крещение означает причастие Мира Света, которое обеспечивает Спасение, почему в этом едином обряде кажутся совмещенными два христианских таинства: крещение и евхаристия. Без крещения душа мандея не может достигнуть иного мира. По представлению «христиан Святого Иоанна», праотец Адам был удостоен крещения существами света или небесным Авелем, и Мир Света присутствует здесь наяву только с момента крещения первого человека. Мандеи полагают, что только их крещение является крещением живой водой, тогда как христиане, их «двоюродные братья» крестят своих оглашенных мертвой водой. Так они противопоставляют своему не вполне оформившемуся тринитарному Иоаннову крещению ярко выраженное тринитарное крещение Христа «Во Имя Отца, Сына и Святого Духа», своеобразно и наивно истолковывая христианское крещение «в смерть Христову» крещением в мертвой воде, хотя, конечно, главным крестильным днем в древней Церкви была Великая Суббота, когда принимали это таинство многие оглашенные, но когда Господь еще не воскрес из мертвых, — и только благодатный огонь нисходил в Кувуклию, напоминая граду и миру о будущем огненном крещении.

«Происхождение и история мандейского крещения, — пишет исследователь мандеизма Курт Рудольф, — часто обсуждались европейскими учёными. Последние исследования — включая и мои собственные — показали, что мандейский обряд крещения ни в каком отношении не является простой имитацией сирийско-христианского, и особенно несторианского крещения, как предполагали некоторые из этих учёных. *Masbuta* имеет мандейское происхождение, поскольку все его основные элементы (погружение, окропление, выпивание воды, увенчание венком, благословение возложением руки и прича-

щение хлебом и водой) взаимосвязаны, даже если некоторые обряды (такие, как помазание и освящение воды крещения) имеют христианское происхождение. Доказано, что некоторые аспекты этого крещения восходят к дохристианским временам и коренятся в крещении и очистительных обрядах гетеродоксального иудаизма, так называемых «сект крестителей» (масботеев и сабиан)» (28).

Однако прекрасное Иоанново крещение до сих пор живо и у нас, восточных христиан. Греко-кафолическая православная традиция тройного погружательного крещения на Богоявление Господне в Иордане, которым выступает всякий водоем, как правило, с проточной водой, практически в точности повторяет иоаннитско-мандейское крещение, поскольку в противовес единственному инициатическому церковному крещению в смерть Христову, оно совершается каждый год в живых водах земных стихий, что свидетельствует о духовной и обрядовой преемственности ессейства, иоаннизма и христианства. Это Иоанново крещение на Богоявление живой водой творит чудеса и способно возвращать людям веру и здоровье, даже несмотря на то, что творится оно несколько стихийно, но с благословения и при содействии последнего пророка Ветхого Завета и восприемника Христова по Иорданской купели. Его смело можно назвать еще одним таинством, пускай официально и не признаваемым церковью.

Масикта — мандейская заупокойная месса или **Вознесение душ**. Это таинство назорейского происхождения, имеющее наибольшее сходство с христианской литургией. Масикта совершается как во время смерти верующего, так иногда и в иных обстоятельствах. Смертельно заболевший мандей сначала троекратно крестится в воде Йардны, затем его помазывают маслом, облачают в ритуальную рубаху *(расту)* и увенчивают венком. Ему дается флакон с елеем как послание *(ингирта)* Миру Света. Когда смертельно больной мандей умирает, священник налагает на его чело особым перстнем, омоченным в елее, *скандолу — железную печать*, обозначающую мир тьмы: она несет на себе изображения льва, змеи, скорпиона и шершня; затем его хоронят лицом на север, то есть к Полярной звезде или Миру Света. Могила не отмечается, ибо содержит лишь тело. Ритуал начинается не раньше третьего вечера после смерти, поскольку мандеи считают, что в этот момент душа уже окончательно покидает тело, отправляясь в сорокапятидневное странствие по небесным мирам. Месса совершается не менее, чем четырьмя священниками или епископами и обязательно в мандейском храме — *битманди* или

машкне. Для обряда сразу после смерти мандея готовятся следующие компоненты: мясо, вода *(мамбуха)*, ладан, хлеб, вино (*хамра* — выжатый и не забродивший виноградный сок, насыщенный благодаря настоявшемуся винограду и смешанный с водой), миртовая диадема и елей. В течение мессы должна читаться молитва «Во имя Жизни (Хайе)». Псалмы произносятся над квасным и соленым хлебом, шестьюдесятью маленькими пресными хлебцами *(фатирэ)* и вином *(хамрой)*. Фатирэ, возможно представляющие собой души, начинены пряностями и голубиным мясом. Один священник вправе их немного съесть. Потребление вина священнослужителем символизирует мистический союз с душой покойника или распознавание ее совершающим требу. Символизирующие живых и мертвых пресные хлебцы затем закапываются в землю: считается, что они являются пищей для умерших. Таким образом, исполняющий мессу позволяет покинувшей тело душе возродиться в невещественном Мире Света.

Поминки или трапезы за усопших. У мандеев есть еще два вида ритуальных поминальных трапез: *лофани* (от лауфа — «общение») и *зидка брикха* («святое жертвоприношение»). Они проводятся неоднократно родственниками после смерти мандея. Первая может быть приготовлена без священника, тогда как вторая, развившаяся из ритуальной раздачи милостыни, обязательно совершается и освящается священнослужителем, имея несколько своих разновидностей.

Рушма — нанесение знамения на лоб. После крещения верующий знаменует свой лоб, проводя пальцами правой руки трижды справа налево над переносицей. Однако этот знак не имеет ничего общего с крестным знамением.

Хабшаба — воскресенье: у мандеев праздничный день недели *(хад бешабба)*. Существует предположение, что он заимствован мандеями у христиан, хотя достаточная ясность в этом вопросе отсутствует.

Драбша — крест или хоругвь Света: массивный деревянный мандейский крест, декорированный белой шелковой епитрахилью, уложенной на горизонтальной перекладине. Его украшают гирляндой мирта, символа вечной свежести и возрождения; под перекрестьем находится скрытый от глаз кусок золотой проволоки, называемой *аран драбши,* свернутый «письмом» и скрепляющий семь веточек мирта. Этот крест может заставить подумать о христианском происхождении, хотя здесь мы, вероятнее всего, имеем дело с общим символом как христиан, так и мандеев, восходящим к ессеям. Во всяком случае,

значение креста у мандеев совершенно иное, нежели у христиан: оно связано и с периодическим обрядом крещения (заключающем в себе и причастие Мира Света), и оборот ночного неба в северном полушарии вокруг Полярной звезды или солнца. В определенном смысле мандейский крест тождествен индоарийской *свастике*, являвшейся не только солярным знаком, но и символом Гипербореи, легендарной северной прародины индоевропейских народов (изображения свастики присутствуют и в украшениях палестинских синагог первых веков от Рождества Христова).

Помазание или **последнее помазание**: елей служит в качестве лечебного средства не только против зла и демонов, но и для подтверждения «исцеления» покойного. Так, до краев наполняется небольшой флакон маслом и опечатывается ритуальной печатью священника. Этот флакон, именуемый *ингиртой* или «письмом», помогает покойному достичь Мира Света. Всякий раз после крещения одинаково совершается помазание елеем чела. Наряду с этим, существует еще «царское» помазание для церемонии рукоположения священника.

Запрет на обрезание крайней плоти. Этот обычай связывают с христианским влиянием, хотя сие не вполне очевидно, поскольку мандеи все старались делать вопреки христианам.

Коронация священников. Ритуал подробно описан в специально посвященной ему мандейской рукописи *«Трага ди Шишлам Раба»*. Во время него происходит церемония **омовения и вытирания ног верного, рукополагаемого в священники**. Она совершается при интронизации нового священника, который призван быть «царем». После омовения ног возводимого в священство, присутствующая добродетельная вдова обязана вытереть его ноги своими волосами. Это не может не напомнить нам знаменитые сюжеты из Евангелия от Луки (Глава 7, стих 37–50) и Евангелия от Иоанна (Глава 13, стих 6–15). Описание церемонии почти полностью соответствует изложенному в восьмой главе «Завещания Левия», псевдоэпиграфа, найденного в Кумране, в Каирской Генизе и нескольких греческих фрагментах. Следовательно, истоки омовения и вытирания ног рукополагаемого в священство необходимо искать у ессеев Кумрана и терапевтов, их египетской строго аскетической ветви, давшей начало христианскому монашеству Египта.

Кабин или **мандейская свадьба** также относится к религиозным ритуалам, и совершать ее имеет право только епископ (ганзиб-

ра). Она начинается с крещения жениха и невесты в Йардне. Во время церемонии невеста закутана в черное облачение *'аба*. После крещения и священной трапезы свадебный ритуал продолжается в тростниковой хижине *адируна*, которую возводят во дворе гости-мужчины. В ней одинаково совершается и обряд *зидка-брикха* («святое жертвоприношение»), ибо считается, что души покойных родственников и предков участвуют во всех церемониях, посвященных продолжению рода и благословению молодых.

Современный исследователь древнего христианства и гностицизма Дмитрий Алексеев в своем докладе «Гнозис и ранее христианство», прочитанном 18 ноября 2003 года на заседании Санкт-Петербургского Религиозно-Философского Семинариума следующим образом характеризует два главных мандейских обряда, трактуемых им в качестве двух таинств, общих для христианства и иоаннизма:

«Таинств в назорействе два — крещение и причащение, во многом сходные с христианскими, но наполненные иным вероучительным содержанием. При этом крещение, ясно понимаемое, с одной стороны, как альтернатива иудейскому обрезанию, а с другой стороны, как ритуальное очистительное омовение, совершается над верующими многократно, по меньшей мере, ежегодно. Причащение отличается ещё значительней, поскольку мандейская община не является христианской деноминацией. В этой связи нельзя не упомянуть точки зрения Рудольфа Бультмана, считавшего Евангелия культовыми легендами и указывавшего, что евангелисту Марку удалось укоренить «христианские мистерии (таинства) — крещение и евхаристию — в предании о жизни Иисуса». Если признать, что прообразы христианских крещения и евхаристии сформировались ещё в назорействе, а Иисус и Его ученики первоначально принадлежали к назорейской общине, то необходимо уточнить, что функцией синоптических евангелий, как «культовых легенд», было изъять таинства из назорейского и собственно христианского контекста и наполнить их синкретическим иудо-христианским содержанием» (29).

Мы можем отрицательно воспринимать вывод Дмитрия Алексеева относительно христианской ортодоксии, называемой им здесь откровенно иудо-христианством, но прислушаться к мнению этого талантливого интерпретатора гностических писаний и критика институциональной церкви необходимо. Хотя само по себе христианство в провиденциальном смысле превзошло все течения ортодоксально-

го и гетеродоксального иудаизма, на основе которых формировалось в своей исторической перспективе.

Отдельные исследователи полагают, что иоанниты-мандеи образовались в результате сплава различных иудео-христианских, гностических, антитринитарных и баптистских групп, не признававших в Иисусе Христе Сына Божьего, среди которых остатки ессеев, эльхасаиты, симониане, досифеане и даже манихейские диссиденты. Но с последними дело обстоит гораздо сложнее, поскольку мандеизм является первичным по отношению к манихейству. Как уже выше отмечалось, по данным Кёльнского Манихейского Кодекса, общины крестильников-мандеев *(βαπτισταί)* существовали в Месене, ставшей истинной колыбелью манихейства, с начала III столетия. Сам основатель новой религии Мани (216–273 или 276 н. э.) происходил из аристократической парфянской семьи, исповедовавшей мандеизм, и воспитывался в иоаннитской среде, пока в двенадцатилетнем возрасте не получил откровения свыше, в ходе которого «Царь светлого рая» или ангел-близнец *ат-Таум* (по-мандейски и сейчас это *дмауата* — прообраз, пребывающий в мире идей) повелел ему: «Оставь ту общину! Ты не принадлежишь к её приверженцам. Твое дело — выправить обычаи и обуздать наслаждения. Однако из-за твоих малых лет для тебя ещё не пришло время выступать открыто». Согласно «Китаб аль-Фихристу», произведению багдадского книготорговца Ан-Надима, завершенного в 987–988 годах (Глава IX. Книги, относящиеся к доктринам монотеистических верований (манихеев, индуистской, буддийской и китайской), в 240 или 241 году Мани явился ангел и сказал, что настало время открыто заявить о своем учении, после чего он обращает в новую веру всю свою семью. Но какую же новую веру предлагает Мани? Это — прежний, но христианизированный мандеизм, впитавший в себя элементы разноликого квазихристианского гностицизма Египта и Сирии. Сам Мани объявляет себя обетованным Иисусом Христом воплощением Святого Духа или Параклетом. В целом, Мани убрал из мандеизма только вопиющую христофобию и обогатил его учение аскетическими гностическими практиками докетов и энкратитов, доходившими до изуверства. Именно этими способами он и обеспечил потрясающее распространение своей синкретической религии (а на самом деле реинкарнации мандеизма) как на Западе, так и на Востоке. Более тысячи лет манихейство сотрясало основы христианских церквей и оспаривало пальму первенства у христианства: подобно породившему ее мандеизму, которому оно

вдохнуло жизненные силы, его завоевания были нацелены на христианские общины, в чем манихейство и преуспело, приобретя в них большое число адептов своей ереси. Ощутив универсальный характер манихейства, к нему устремились все христианизированные гностические секты и течения и, начиная с IV-V века н. э., впору говорить уже о гностико-манихействе как едином феномене, меняющем формы, наименования, но остающемся все с той же сущностью, некогда заданной иоаннитами-мандеями: так древняя змея гностицизма сбрасывает свою старую отжившую кожу, когда под ней уже созреет новая оболочка.

И действительно, Мани недалеко ушел от мандеизма: он упростил и упорядочил его, став, на наш взгляд, выдающимся иоаннитско-мандейским реформатором, но не тронул существа доктрины. Провозгласивший себя Параклетом Манес, встал на одну ступень с Иисусом Христом или даже выше, руководствуясь логикой: если невозможно победить — значит, нужно возглавить. Хотя, безусловно, свою миссию и миссию Иисуса Христа он понимал чисто в гностическом смысле: эон Христос и эон Мани Хайе, который не что иное, как новая эманация мандейского воплощенного Гнозиса и Царя-Священника Манда д'Хайе. Безусловно, на Мани повлияли взгляды иудео-христианской секты баптистов-эльхасаитов, существовавшей в Месопотамии в II–III веках н. э. Эльхасаиты, последователи жившего во II столетии Эльхасая, считали, что во время крещения на человека Иисуса снизошел божественный эон «Христос» и его «обожил» (между прочим, эльхасаитов многие исследователи начальной истории ислама, среди которых Дози, Вельхаузен и Хаутсма, отождествляли с сабиями-мандеями). Итак, появление эльхасаитов — это первая не увенчавшаяся успехом попытка христианизации мандеизма и других разрозненных сект иудейских баптистов. Эстафету подхватил Мани: его интеллектуальный гений и проповеднический дар сыграли свою роль, и с тех пор многие поколения христианских епископов при одном упоминании манихейства впадали в совершенно обоснованный трепет. Иными словами, Мани модернизировал мандеизм, сделав его грозным врагом для христианской ортодоксии. Манихеи стали более жесткими дуалистами, нежели мандеи, благодаря ревизии и упрощению теогонии и космогонии последних. Согласно манихейским представлениям, существует одно безличностное божество (в духе пантеизма), разделенное на два полноценных и связанных друг с другом высших начала: «бог добра» и «бог зла». Первый был вла-

стителем в царстве духа и света; другой — в царстве материи и тьмы. Оба начала образуют из себя эманации божественных существ. «Царство света» произвело первоначального человека Христа, соответствующего «Адаму Кадмону» каббалистов, тогда как «Царство тьмы» сформировало первобытного дьявола, которые вступают в битву между собой: в итоге дьявол побеждает, и царство материи и тьмы поглощает элементы духовного божественного света. Поглощенная материей частица света дает ей жизнь, становясь душой мира. Дьявол заковывает душу мира в узы материи, тем самым создавая вселенную и человека. Видимый мир рождается из соединения духа и света с материей и мраком. Чтобы душа человека не узнала о своем божественном происхождении, дьявол запрещает человеку вкушать от древа познания. В основном, как видим, та же самая священная история мандеев, только в несколько раз упрощенная и с изъятым сюжетом об Иоанне Крестителе, где место Манда д'Хайе отведено ныне скованному в материи Христу и другим воплощениям иоаннитского гения, в особенности же, Мани Хайе — Параклету. Следовательно, манихейский Христос имеет мало отношения к историческому Иисусу Христу, являясь по сути изощренной уловкой творца манихейства для привлечения христиан к своей вере, в чем и отличились его преемники. Что касается сотериологической цели, то у мандеев и манихеев она целиком тождественна: это спасение частиц Света, которые мандеи называют *«нишимта»* (душа) или *«мана»* (семитско-иранское заимствованное слово со значением «сосуд, дух»), то есть освобождение человека из мира тьмы и смерти (30). И если у мандеев здесь все сводится к миссии воплощенных посланников Света для наставления и спасения душ верующих, то у манихеев в спасительной деятельности «избранных» или «совершенных», возглавляющих иерархию манихейской общины. Отправной точкой сотериологии мандеев есть спасение Адама: оно всегда было средоточием мандейского или назорейского учения. После падения души или «внутреннего Адама» в тело, символизирующее собой земной мир тьмы, к Адаму явился Манда д'Хайе и научил его тайнам космоса и культовым обрядам. Так первый человек получил спасительный Гнозис.

Манихейская иерархия практически скопирована с мандейской и заключает в себе деление общины на две группы — *auditores* (слушатели) и *electi* (избранные); у мандеев это, собственно, *мандеи* (гностики) и *назореи* (священники), о чем мы говорили выше. Стремясь к всемирной проповеди, Мани придал более жесткий характер разде-

лению своей общины на мирян и клириков, что обеспечило устойчивость манихейской иерархии на многие столетия вперед: она стала, по сути, универсальной и выживающей в любых условиях, в то время, как мандейская продолжала существовать в своих этноконфессиональных рамках. Орден тамплиеров аналогично слагался из двух больших категорий братьев — *сержантов* и *рыцарей*. Сегодня уже никого не удивляет факт сотрудничества и взаимодействия тамплиеров с еретиками Юга Франции, среди которых средневековые манихеи — бугры, катары и альбигойцы. Согласимся, что при всей своей внешней несхожести мандеи, манихеи и тамплиеры являли между собой определенную внутреннюю целостность в плане доктрины, приверженности тайным посвятительным ритуалам и «высшему знанию». И это неудивительно, поскольку источник у них один — иоаннитско-назорейский гнозис первых столетий н. э., уходящий, вероятно, корнями в ессейский гностицизм I века до н. э., воспринявший сильные зороастрийские влияния, характерные для иудейской мистики периода Второго Храма.

Эсхатология у мандеев подобна иудео-христианскому учению о конце времен, только сильно переплетена с их традиционной астрологией. Перед завершением человеческой истории должен явиться Мессия, которого мандеи в «Правой Гинзе» рассматривают как личность погибели, соответствующую Антихристу в христианстве. Арабское нашествие, пережитое мандеями в начале VII века, ими трактовалось уже в качестве признака приближения конца света, но возможно, один из авторов главной священной книги «христиан Святого Иоанна» говорит о будущей предшествующей Апокалипсису арабской экспансии, ныне вполне ощущаемой нами (под этим нужно понимать не столько военное вторжение, сколько демографическое вытеснение и переселение арабов и мусульман в другие неисламские страны, в том числе европейского континента). Безусловно, мандеи, основываясь на своей доктрине, видят в ложном Мессии Иисуса Христа (хотя мы, христиане, в нем узнаем подлинного сына погибели — Антихриста): напомним, что само слово как таковое *Машиах-Мшиха-Мессия* иоаннитами воспринимается крайне отрицательно и к нему часто добавляется еще эпитет *кадаба* — ложный; к тому же, Мессия у мандеев постоянно противопоставляется утрам, эманациям добрых божественных существ. Не описывает ли нам приводимый ниже фрагмент Второе Пришествие Христа в Славе с дальнейшим Страшным Судом над человечеством?

«Когда Сатурн окажется в знаке Скорпиона и выйдет из Скорпиона, чтобы устремиться к знаку Льва, великий Евфрат соединится с Тигром и Вавилония в течение пятидесяти лет превратится в пустыню возле страны Гаукаи... (область между Тигром и персидской границей на юг от Ханикина, ранее называвшаяся Гаукаи).

И тогда станет ясно, что должен явиться Мессия-лжец. Воссев на великом троне, он станет главой всего мира и произведет над ним суд, удалив судей. Он придет от Востока на Запад в один единственный день, пока сырой кирпич с фундаментом будут свидетельствовать о нем. Когда Сатурн будет находиться в течение пяти ста и пятидесяти лет в знаке Рыб, произойдет великая эпидемия, и после персидских царей, будут господствовать арабские властители» (31).

Все это будет предшествовать Дню космического суда над миром, называемого в мандейской традиции «великим днем конца» или «великим днем суда» *(йома раба д'суф* или *д'дина)*, когда свершится суд над плененными в материи душами, и проклятые души с неверующими будут низвержены в «пылающий огонь» или в «море конца» *(йама д'суф)*: этот термин происходит от «Тростникового моря» из ветхозаветной книги «Исход». Это событие именуется «второй смертью»: наряду с людьми, ее должны испытать как планеты с их гениями, так и все иные злые силы и духи. Так произойдет «конец миров», после чего «воссияет Свет и тьма вернется в свое место». Отметим, что мандейская доктрина разделяет богословское мнение всеобщего восстановления или Апокатастасиса, которого придерживался выдающийся теолог древней Церкви Ориген и которое до сих пор исповедует эзотерическое франк-масонство шотландских уставов. Исходя из него, иоанниты-мандеи полагают, что восставшие и падшие существа Света во главе с демиургом Птахилем-Петахиэлем, соответствующем Люциферу-Космократору в христианстве и Хейлелю в иудаизме, будут восстановлены или реинтегрированы в божественном Свете, и творение окончательно достигнет своей цели. Рай у мандеев называется *«мшуне кушта»* или убежище «вознесённых Истины»: он представляет собой пространство идей и монад, в котором пребывают прообразы-двойники *(дмауата)* всех земных вещей и существ. Он расположен на крайнем севере — там, где находятся Миры Света иоаннитско-мандейской религии.

Индивидуальный Апокалипсис у мандеев начинает совершаться в день смерти человека, который называется «днем избавления» *(«йом пуркана»)*, когда освобождается душа: реинтегрировавшись

в божественном Свете, она спасает третью природу — дух человека или *руху* (у мандеев и христиан одинаково душа есть сосуд *(мана)* духа, а тело — сосуд души: такая трихотомия подтверждает изначальное тринитарное мировоззрение иоаннитов). После своего исхода из тела душа должна преодолеть семь «страж» *(«мат'арата»)* или планетарных сфер, в том числе сферы Солнца, Луны и Рухи Кадишты, злого мирового творческого духа женского пола, которого мандеи отождествляют со Святым Духом христиан. «Стражи» поставлены для наказания и терзания грешных душ демоническими существами планет. Миновав эти планетарные чистилища с помощью Спасителя *(парука, шаруйа)* или посланца Света, плененная душа попадает затем на суд к Абатуру, «господину весов», после чего обретает право войти в Царство Света, прежде перейдя со своим помощником *(адьяура* или *насба)* через опасные воды. Достигнув Царства Света, она облачается в светлые одежды и коронуется венцом: это значит, что она возвратилась в свой родной дом, иоаннитский гнозис получил свое разрешение, и душа спасла заключающийся в ней дух. Ее монада с ее персонифицированным «эго» продолжают существовать в обителях божественного измерения и всеобъемлющего присутствия Царя Света *(малка д'нура)*. Таково окончательное исполнение мандейской литургической формулы: «Жизнь поддержала Жизнь, Жизнь обрела свое».

ИОАННИЗМ — СЕКРЕТНАЯ РЕЛИГИЯ ОРДЕНА ХРАМА. МАРКИОНИТСКАЯ СХИЗМА XIII ВЕКА В ГЕРМАНИИ

Следует признать, что существует три главных подхода рассмотрения Ордена тамплиеров как исторического и духовного феномена одновременно. Первый подход — назовем его аматорским — идеализирует тамплиеров во всех их проявлениях, практически начисто отрицая вину ордена в ереси и отправлении кощунственных для христиан любой конфессии ритуалов: в данном случае вся ответственность за постигшие рыцарей трагические превратности перекладывается на Римскую курию и французскую королевскую администрацию. Авторы, представляющие такой подход, a priori принимают то, что обвинения в адрес ордена и приписывания ему тайного культа являлись фабрикацией Святой Инквизиции, в ту пору искавшей повсюду еретиков. Второй аматорско-эзотерический подход, безусловно, признает наличие в ордене тайных практик и церемоний, но настаивает на том, что рыцарей неправильно поняли королевские комиссары и епископат римской церкви: дескать, тамплиеры — носители изначального эзотерического христианства, Бафомет не что иное, как боевой идол, необходимый для успешной битвы, а срамные поцелуи являются средством для раскрытия чакр неофитов и активации позвоночного столба каждого из них (оказывается, тамплиеры были адептами кундалини-йоги); плевки на распятие и троекратное отречение от Христа сторонниками данного подхода либо совсем отрицаются, либо воспринимаются как посвятительное испытание с аллюзией на отречение Святого Апостола, после чего посвящаемый еще с большим рвением должен был служить Сыну Божию. Третий подход — конспирологическо-критический. Его приверженцы, ничтоже сумняшеся и опираясь на весьма сомнительную французскую пропагандистскую антисемитскую и антимасонскую публицистику XIX века, показывают тамплиеров откровенными сатанистами и еретиками, спрятавшимися под плащами римско-католического военного ордена. К середине XIX столетия возник еще один четвертый подход в изучении Ордена Храма, представленный произведениями Миньяра, Луазелёра и барона фон Гаммера-Пургшталя (к ним можно отнести еще выдающегося французского историка гностицизма Маттера, выделявшего тамплиеров в отдельную ветвь на гностическом древе). Протагонисты нового подхода сосредоточились на научном

исследовании внутреннего культа или тайной доктрины тамплиеров, что, на самом деле, гораздо важнее, нежели очередные перепевы поэтизированных саг французского академика Райнуара о воинских подвигах храмовников на Святой Земле. Однако, по каким-то причинам, этот подход не стал магистральным направлением развития научной тамплиерики, поскольку прямые славословия, приправленные «эзотерической» клубничкой, и категорические обличения во всех страшных грехах всегда приятнее для публики вместо трезвого и совершенно нейтрального анализа, независимого от либеральных и от клерикальных кругов. Увы, истина с трудом пробивает себе путь в дебрях человеческого невежества, какими бы благими намерениями последнее не прикрывалось. Тем не менее, одним смелым, но явно логическим умозаключением был сделан большой шаг вперед: в своем произведении о тамплиерской шкатулке из Эссаруа Миньяр предположил, что создание Ордена Храма в 1118 году явилось ответной акцией долгосрочного возмездия христианской ортодоксии на сожжение в том же самом году в Константинополе главы гностико-манихейской партии Византии монаха-расстриги Василия. Если это событие рассматривать как контрапункт истории средневековых гностических ересей и Ордена тамплиеров, то все вскоре становится на свои места.

Мы вправе предположить, что определенные цели процесса глобализации и мотивации экуменического движения требуют безоговорочной реабилитации Ордена Храма. Всякой новой религии необходимы свои мученики: таковыми для экуменизма, стремящегося создать человечеству единую синкретическую религию, предстают тамплиеры — жертвы католического фанатизма и папского обскурантизма. В этой связи необходимо рассматривать и предпринятую в 2007 году Папой Бенедиктом XVI реабилитацию тамплиеров, совершенно логичную со стороны постсоборного и «открывшегося миру» католицизма, формально не входящего во Всемирный совет церквей, но de facto возглавляющего экуменическое движение как одно из направлений на пути к Новому мировому порядку. Но несмотря на это, молодой итальянской исследовательнице-ватиканистке Барбаре Фрале, входившей в экспертную группу по подготовке реабилитации, пришлось признать, что часть обвинений против ордена имела под собой реальные основания, о чем она сообщила в вышедшей еще в 2001 году своей книге *«Последняя битва тамплиеров»* («*L' ultima battaglia dei Templari*»). Готовившая ватиканскую публикацию

знаменитого «Шинонского списка» (протоколов допроса тамплиеров), спустя семьсот лет увенчавшего реабилитацию ордена, итальянская исследовательница, глубоко вникнувшая в подробности инкриминируемых тамплиерам обвинений и их свидетельских показаний, составила для себя совершенно верное представление о характерных чертах ереси, присутствовавшей в организации, но очевидное желание оправдать сообщество в контексте изменившегося отношения к нему Ватикана побудило Барбару Фрале прибегнуть к достойным конспирологам фантазиям, объясняя культ Бафомета связанным с особым почитанием рыцарями Туринской плащаницы Спасителя, которой владели родственники тамплиерского прецептора Нормандии Готтфрида (Жоффруа) де Шарне, казненного вместе с великим магистром Яковом де Моле. И все же, являясь добросовестным и талантливым исследователем, Барбара Фрале не могла не признать достоверности и объективности хотя бы части выдвинутых перед орденом обвинений. Ее мнение, в целом, разделяет известный и вдумчивый британский историк Крестовых Походов Джонатан Райли-Смит (1938 г. р.) Соглашаясь с Миньяром в том, что кощунственные практики использовались в разной степени по мере удаления прецепторий и командорств от орденской метрополии (а кое-где, вообще, были сведены к нулю), он в своем труде «Были ли тамплиеры виновны?» *(Jonathan Riley-Smith: «Were the Templars Guilty?»)* резюмирует: «Исходя из современных знаний мы не можем с уверенностью сказать, когда и почему столь эксцентричные практики проникли в прославленный и могущественный орден католической церкви. Но если невозможно ответить на вопрос «почему?», то, как мне кажется, можно приблизиться к ответу на вопрос «как?». Чем больше изучаешь историю ордена Храма, тем больше приходишь к убеждению, что независимо от того, были ли обвинения справедливы или нет, он остро нуждался в реформах» (32). Другой английский историк-медиевист Алан Фори начисто отрицает обвинения, предъявленные тамплиерам, ловко пользуясь при этом софизмами и речевыми фигурами. Да и само название его известной статьи *«Были ли тамплиеры виновны, даже если не были ни еретиками, ни вероотступниками?» (A. Forey: «Were the Templars guilty, even if they were not heretics or apostates?»)* не что иное, как ординарный софизм. Статья блестяще наполнена историческими сведениями, сопровождаемыми статистикой свидетельских показаний тамплиеров во время процесса, но в итоге автор приходит к одинаково изящному и абсурдному выводу:

этого не может быть, потому что не может быть (33). На наш взгляд, беда всех нынешних адвокатов Ордена Храма заключается в том, что они пользуются исключительно и, вероятно, умышленно только историческими источниками, не оглядываясь на труды своих предшественников, занимавшихся Тамплем, для которых исповедуемая ересь или наличие тайного учения внутри рыцарского сообщества более чем свершившийся факт, с чем согласны авторы всех направлений и взглядов, — от франк-масонов до клерикалов. Действительно, если к процессу над тамплиерами применять не только описательно-исторический, но богословский, ересиологический и религиоведческий инструментарий, то отпадает всякое подозрение в «поповской мистификации» относительно гетеродоксии тамплиеров. Что касается мнения Фори, что если бы ересь имела место в ордене, то легко бы была разоблачена, заметим: очевидно историк плохо изучал психологию людей Средневековья; Миньяр в своем исследовании о шкатулке из Эсссаруа прекрасно показал как клятвы и обеты, приносимые неофитом, привязывали его к организации, включая в определенный замкнутый круг, выход из которого не сулил ничего доброго ни ему, ни его родственникам; иными словами, тамплиерам удалось внутри себя создать режим тоталитарной секты, бороться с которым сложно и в наш век сверхзвуковых скоростей, всеобщих коммуникаций и массового интернета. Посему позицию Алана Фори (а в наивности его заподозрить невозможно) необходимо воспринимать в качестве нарочитого лукавства, связанного с концептуальными задачами полного оправдания ордена, павшего невинной жертвой в коварных интригах короля и Папы Римского. Прием манипуляции сознанием здесь настолько же изощрен, насколько и прост: погрузив в фактологию читателя, определенными силлогизмами побудить его думать, что белое это черное, а черное это белое. И желаемый результат не заставит себя долго ждать. Между прочим, все произведения переводной тамплиерики, в больших количествах издаваемой в России, построены именно на этом.

Сейчас не возникает никаких сомнений, что орден на момент своего упразднения был сильно заражен манихейством, поскольку практически с самого начала вбирал в свои ряды отлученных от церкви братьев из знатных альбигойско-катарских семейств Юга Франции. Но альбигойство рыцарей скорее являлось питательной средой для сохранения внутри воинской корпорации иной изначальной ереси, плоть от плоти связанной с манихейством, подобно тому, как связаны

с католицизмом лютеране, пусть даже последние упорно отвергают данный факт. Сравнение вполне уместное, ведь ранее мы говорили, что Мани существенно упростил и христианизировал доктрину прежнего ненавидевшего Христа иоаннизма, создав отряд бесстрашных проповедников и придав его новой форме, поистине, универсальное значение. Таким образом, Мани явился не основателем новой религии, как принято представлять, а гениальным реформатором уже существовавшей. Кроме того, благодаря христианизации иоаннизма Мани и его последователям удалось привлечь к себе многочисленных сторонников гностических и назорейских иудео-христианских сект, рассеянных на огромном пространстве от Индии до Гибралтара: в его лице институционная христианская ортодоксия получила страшного врага. Необходимо еще раз обратить особое внимание: иоаннизм и наследующее ему манихейство действовали в тени и изнутри христианской доктрины и даже под покровом церквей и монастырей. Они меняли названия, внешние одежды, привлекали людей, склонных к гностицизму, оккультизму и посвятительным практикам, но сущность свою сохранили до сих пор: ее главной движущей силой было и остается ниспровержение, перетолкование и пересмотр в сторону строгого монотеизма и монизма тринитарного догмата христианской ортодоксии и умаление в той или иной степени сотериологической миссии Сына Божия. Трудно себе представить, что иоанниты-мандеи, назореи, носсаири, друзы, гностики, манихеи, павликиане, богомилы, альбигойцы, катары, тамплиеры, хлысты, духоборы и молокане исповедуют в корне одно учение, различаясь друг от друга лишь по названиям и отправляемым ритуалам. Кроме того, им всем свойственно крестоборчество (использование мандеями креста как Хоругви Света не имеет ничего общего с христианством).

И если попрание ногами распятия или креста (как орудия казни) в той или иной мере было свойственно всем вышеперечисленным гностико-манихейским сектам и религиозным направлениям, то отречением от Христа как от лжепророка отличались только тамплиеры и мандеи, священные тексты которых изобилуют христофобией и христианофобией. Исходя из этих текстов, не возникает никаких сомнений, что при переходе из христианства в иоаннизм (а такие случаи, безусловно, имели место, когда иоаннизм еще утверждал свою «первородность» по отношению к христианству), мандейские священники или епископы требовали от неофита отречения от Иисуса Христа как от *Мшихи кадабы* (ложного Мессии и пророка), подобно тому, как христиане тре-

бовали от крестившихся евреев отречения от иудаизма. С точки зрения манихейства такой ритуал был бы просто абсурден, поскольку сам Мани объявил себя Параклетом, обетованным Спасителем: он считал, что человека Иисуса вовсе не существовало, а Христа представлял в маркионитском стиле чистым небесным духом, не воплощенным и обладавшим кажущимся покровом плоти. По другим сведениям, для Мани Иисус — это человек, через которого действовал Христос, внутренне не соединяясь с ним, и покинул его при распятии. Но согласимся, что и в последнем случае ритуал не имел бы никакого смысла с культовой стороны. Незачем было манихеям отрекаться и от «страждущего Иисуса», божества, разлитого по всей природе и в соединении с материей дающего ей жизнь. Катары и богомилы, будучи манихеями Средневековья, не внесли ничего нового в свои докетические христологические воззрения, рассматривая Иисуса Христа в качестве Ангела или божественной эманации, обладавшей лишь видимостью человеческого тела. Крест катары могли попирать только в качестве орудия казни Иисуса Христа, не перенося это никак на личность распятого, что практиковалось у тамплиеров; вместе с тем, геральдическим символом катар и альбигойцев являлся так называемый Тулузский крест. Вот почему катарско-манихейское влияние на Орден Храма следует считать вторичным или, если хотите, наносным на основную внутреннюю доктрину тамплиеров, которая, по-видимому, рано обособившись от своего первоисточника и утратив с ним связи по объективным причинам, стала самостоятельной западной ветвью иоаннизма, непрерывно передававшегося посредством посвящений в узком рыцарском внутреннем кругу.

Некоторые конспирологи пытались объяснить происхождение орденских ритуалов воздействием на тамплиеров со стороны носителей как талмудического, так и гетеродоксального иудаизма, в том числе адептов Каббалы. Здесь есть определенная логика. И этим, казалось бы, можно было объяснить тамплиерские обряды, направленные на умаление и уничижение крестного подвига Иисуса Христа. Однако не стоит забывать, что в Средневековье духовное влияние еврейских общин в Европе и в Палестине было сильно ограниченным, и его не стоит нам переоценивать, в том числе памятуя о жестком антисемитизме самих храмовников, носившем, к тому же, ярко выраженный мистический характер. Учитывая то, что иоаннитско-мандейское учение являлось, по своей сути, эзотерическим, гностическим и элитарным, в отличие от манихейства, своей христианизированной версии, где посвятительные элементы сохранялись в высших степенях, но основу его

все равно составляли профаны (слушатели или верующие), становится понятным интерес тамплиеров к тайным знаниям, предметам церковной археологии и различным мистическим артефактам. Известно, что у осевшей в Вавилонии самарийско-иерусалимской общины мандеев существовали свои независимые от иудейских гностико-каббалистические практики и ритуалы, основанные на доктрине о божественной колеснице Меркаве, в которые могли быть посвящены тамплиеры, осуществлявшие контакты, пускай конспиративные и нерегулярные, с центром своего гностического культа на Востоке. Отсюда, вероятно, и возникли легенды о рыцарях-тамплиерах как чернокнижниках, знатоках каббалистики, магии, астрологии и других оккультных наук, строго запрещавшихся Римско-Католической церковью.

Действительно, тамплиеры широко использовали понятие «Небесного Христа», заимствованное ими у средневековых манихеев, но вкладывали в него совершенно иное содержание, нежели последние. С одной стороны, это была уловка для сокрытия своей подлинной доктрины и возможное оправдание перед следователями Святой Инквизиции: дескать, несмотря на кощунственные ритуалы по отношению к человеку Иисусу Назорею, рыцари оставались верны Святой Троице и Сыну Божию, «Небесному Христу», что ввело в заблуждение даже такого опытного и интеллектуального историка ордена в Бургундской провинции, как Миньяр, не располагавшего достаточными сведениями о мандеях, чтобы прийти к итоговым выводам об иоаннитском антихристианском характере гностической секты тамплиеров. На самом деле, под «Небесным Христом» тамплиеры разумели божественную эманацию иоаннитов Манда д'Хайе, небесную сущность младенца, возраст которой постоянно три года и один день. Прежде чем забрать и вознести Иоанна Крестителя в обители Света, Манда д'Хайе сошел с небес и крестился от него в Иордане. Отсюда и культ младенца Христа у тамплиеров следует воспринимать как почитание воплощенного Гнозиса и Царя-Священника Манда д'Хайе, а не иначе (о связи бафометических голов и фигур с этим персонажем иоаннитско-мандейской теогонии мы говорили выше; если посмотреть на проблему в целом, то Манда д'Хайе и есть тот самый Бафомет и одновременно андрогин, изображенный на крышке шкатулки из Эссаруа; еще раз обратим внимание: его никоим образом нельзя путать с совершенно иным существом — иоаннитским демиургом Птахилем-Люцифером, статуями которого тамплиеры украшали снаружи свои церкви и братские общежительные корпуса).

В истории Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона мы имеем выразительный и уникальный пример вживления одного вероисповедания в тело другого и существование параллельной крипторелигии, совершенно противоположной официальному культу и направленной, в конечном счете, на его разрушение, о чем точно высказался авторитетный масонский писатель Альберт Пайк. Если основные массы рыцарей и сержантов ордена формально придерживались римского католицизма или скорее иоаннитско-католического двоеверия (ибо все члены ордена в той или иной мере втайне проходили иоаннитские посвящения, которые, в действительности, являлись церемониями приобщения к секретному учению), то внутренний круг, управлявший организацией и стоявший за тайными капитулами и великими магистрами, зачастую делавшимися его марионетками, исповедовал иоаннитскую гностическую доктрину в своей чистоте: в противном случае, посвятительные практики оказались бы ненужными или отмерли бы задолго до упразднения ордена. Особо отметим, что феномен этой криптoрелигии возник до марранства (тайного иудаизма так называемых новых христиан) на Пиренейском полуострове и криптохристианства на территории Османской империи. Манихейство в любых своих видах и манифестациях, часто находившее приют в религиозных конгрегациях Запада и Востока Европы, не относится к данной категории, поскольку представляется реформированным и христианизированным иоаннизмом и рассматривается большинством специалистов, наряду с гностицизмом, в качестве синкретической, но все же христианской ереси. Другое дело, что Орден Храма тайно и тесно сотрудничал с манихеями Средневековья, альбигойцами и катарами Юга Франции, и содействовал им, поскольку обе духовно-религиозных ветви принадлежали одной иоаннитско-мандейской традиции, от которой некогда отпочковались, хотя гностики-катары оставались в маргинальной христианской плоскости, тогда как гностики-тамплиеры представляли собой собственную иоаннитическую криптoрелигию с режимом тоталитарной секты, скрывая ее под формой римско-католической воинской конгрегации. Вот почему сотрудничество еретиков Юга Франции с тамплиерами строилось скорее не на доктринальной основе, а на вопросах совместного выживания и взаимопомощи в условиях усиления централизации капетингской монархии и инквизиционных мероприятий, направляемых на борьбу с духовными диссидентами.

Теперь мы можем подвести определенные итоги нашего исследования. Создание Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона было инспирировано иоаннитско-мандейским патриархом Феоклетом в Иерусалиме в 1118 году как ответ на казнь в том же году в Константинополе главы богомилов Византии монаха-расстриги Василия. Поскольку гностическая доктрина иоаннизма первична по отношению к манихейству (христианизированному мандеизму) и является как бы его прообразующей матрицей, постольку мандеи всегда видели в манихеях инструмент своего влияния и последующего возможного прозелитизма в христианских странах: этим же объясняется плодотворное сотрудничество тамплиеров, как носителей чистого иоаннизма, с альбигойцами и катарами, представителями реформированного мандеизма. Кощунственные посвятительные ритуалы, использовавшиеся в Ордене Храма для приема неофитов, имеют восточное происхождение и, вероятнее всего, повторяют собой обряд перехода из христианства в мандеизм с отречением от Иисуса Христа как лжемессии. «Небесный Христос» тамплиеров — это воплощенный Гнозис и Царь-Священник Манда д'Хайе, эманация крещенного Иоанном бога-младенца, не имеющая отношения к Иисусу Христу. Впрочем, современный отечественный исследователь гностицизма Дмитрий Алексеев считает, что исторический образ Иисуса Назорея распался у мандеев на образы Манда д'Хайе, небесного посланца Анош-Утры (Еноха; Бар Анаша по-арамейски — Сын Человеческий) и «церковного Иисуса», иудейского Мессии, сына «злого бога» или «бога зла» Адонаи и, следовательно, лжемессии (34). И в этой связи, тамплиерский ритуал отречения от Иисуса Христа имел смысл только с точки зрения религии или перехода из одного вероисповедания в другое (рассматривать его в качестве испытания или театрализованного действа, что делали некоторые авторы, абсурдно и нелогично). Надламывая психику неофитов в кощунственных посвящениях, вожди ордена фактически добивались состояния двоеверия в среде рыцарей и сержантов при формальном соблюдении всеми норм римского католицизма, тогда как внутренний Храм исповедовал чистую гностическую доктрину иоаннизма. Печать внутреннего Храма (Secretum Templi), сохранившаяся как печать орденского сановника Андре де Колюра, являвшегося прецептором домов Храма во Франции («domorum Templi in Francia preceptor»), несет на себе иоаннническую символику: на ней изображено гностическое божество Абраксас с петушиной головой (петух есть также символ Святого Иоанна Крестителя, встречавшийся уже у сред-

невековых масонов), обозначающего Анош Утру (эон Енох), пролившего свое семя в Иордан, откуда пили воду еврейки, которые, затем забеременев, родили 365 священников (один из них Иахиа, поскольку его мать Иношвей тоже пила воду, впоследствии крестивший всех мужчин, родившихся от семени Иордана и сделавшихся священнослужителями). Инициалы IAH на тамплиерской печати с Абраксасом, на наш взгляд, выражают не египетский молитвенный возглас Jah, превратившийся в Элевсинских мистериях в имя солнечного божества, а иоаннитскую веру и иоаннитский гнозис рыцарей. Справа от Абраксаса в полукруге находятся семь звезд или семь главных эонов мандейской религии (или «семь домов» восточных приверженцев храмов). Вместе с Абраксасом они образуют священную гностическую огдоаду. Кроме конкретного понимания 365 священников, родившихся от евреек и пролитого в Иордан семени Анош Утры, под этим числом необходимо понимать 365 эманаций, на которые разделена Вселенная, и их сумма является каббалистическим Великим Отцом или Абраксасом. Что касается бафометических голов или фигур, использовавшихся тамплиерами для отправления своего культа, то они, как выясняется, вавилонского происхождения, и выполняли роль магических ретрансляторов во время тамплиерского церемониала (об их сакральном значении мы рассказали выше). Эти фигуры нельзя путать с изображением иоаннитско-мандейского демиурга Птахиля-Люцифера, скульптурами которого храмовники украшали снаружи свои церкви и общежительные дома: благодаря Элифасу Леви демиурга смешали с Бафометом, что стало чудовищной ошибкой, крайне отрицательно сказавшейся на судьбах европейского оккультизма. Всем известное изображение Птахиля-Люцифера, пришедшее к нам из книги Элифаса Леви «Догмы и ритуалы высшей магии», имеет также вавилонское происхождение и повторяет в концептуальных чертах знаменитое изваяние шумерско-аккадийского повелителя демонов ветров Пазузу, сына бога Ханби. Ритуальные веревочные пояса тамплиеров, изготавливавшиеся из белой шерсти и, прежде чем попасть к неофиту, обвязываемые вокруг бафометических голов, назывались «поясами Иоанна» и соответствовали «химьяне», такому же атрибуту для периодического обряда крещения у мандеев. Поскольку тамплиеры не имели возможности время от времени в соответствии с культовыми правилами исполнять мандейское крещение в проточных водах, то на их церемониях при помощи бафометических голов происходила аллегория мандейского ритуала или «крещение мудростью», как переводится с греческого сам

термин Бафомет, а посредством своих поясов рыцари обладали в определенном смысле и бафометическим причастием. Символом дуалистической доктрины ордена представляется и войсковое знамя тамплиеров босеан, состоявшее из двух равных полос (сверху — черной; снизу — белой), поперечных древку. Изначально и щиты тамплиеров были черно-белыми, повторяющими их знамя. Изображение двух рыцарей (одного поклоняющегося Христу, другого — Люциферу: так гласит орденское предание, приведенное Миньяром) на одном коне на печати сообщества, по нашему мнению, может аналогично говорить о дуализме, которого придерживался внутренний Храм. И если появилась среди братьев партия, почитавшая демиурга Птахиля-Люцифера, существование которой доказывает Луазелёр, то произошло это потому, что, основываясь на иоаннитско-мандейском мировоззрении, тамплиеры верили в возможность покаяния Люцифера и будущий Апокатастасис: полное восстановление всех вещей. Учителя тамплиеров мандеи из века век славились своим ювелирным искусством и считались весьма состоятельными людьми, поскольку в этом этноконфессиональном сообществе большинство составляли золотых и серебряных дел мастера. За неимением объективных сведений мы можем только предположить, что последующее богатство Ордена Храма связано некоторым образом с мандеями: не исключено, что мандеи обучили тамплиеров определенной восточной методике обращения золота и серебра, вылившейся затем в создание тамплиерами современной банковской системы. И в этом нет ничего удивительного. Английский исследователь Тобиас Чартон в своей книге «Золотые строители» (2002 год) утверждает, что в IX–XII веках иоанниты-мандеи являлись самыми образованными людьми в Европе и на Среднем Востоке. То, что мы считаем сегодня средневековой арабо-мусульманской наукой, на самом деле была наукой мандеев или сабиев, включая астрономию, алхимию, медицину и архитектуру, проникшую в Европу через арабов и отчасти тамплиеров. Тобиас Чартон полагает, что благодаря мандеям, которых привозили с собой под видом арабов тамплиеры, появился стиль готической архитектуры в Европе. По его мнению, мандеи оказали сильное влияние на Вольфрама фон Эшенбаха и его поэму «Парцифаль», а сама тема Святого Грааля герметического и иоаннитского происхождения, поскольку содержит аллюзию на образ крестильной чаши или баптистерий, что у нас одинаково ассоциируется с Бафометом или крещением мудростью. Символическая связь Бафомета со Святым Граалем теперь вполне очевидна и не представляется

нам досужим вымыслом. О загадочной сакральной чаше написаны тысячи страниц, но вряд ли в них вы обнаружите, что Святой Грааль тамплиеров это тот же самый Бафомет, вернее Бафомет в своем медиумическом и магическом воздействии сообщающий адепту крещение мудростью не в темных безднах проточных вод, а в тонких люциферических энергиях творения, что, вероятно, является аналогией знаменитого огненного крещения, прообраз которого нам дан Творцом в Его Неопалимой Купине. Но в великих символах, наряду с глубокой метафизикой, кроется и великий соблазн, и он, однажды пробудившись, окончательно погубил тамплиеров, слишком рьяно пожелавших с помощью них познать все страшные тайны земли, неба и всего мироздания, заключающиеся в Боге, Его Логосе и Сыне, а также в первом сотворенном Ангеле Деннице, с чьей помощью творился видимый мир и, по сути, благодаря ему отражающий свою загадочную феноменологию. Этот яркий, но отраженный свет ввел в заблуждение тамплиеров, завлекая холодным свечением интеллекта падшего первенствующего Нефилима. Добавим, что тамплиеры, исповедуя гностический иоаннизм, уходящий своими корнями в назорейский гнозис и ессейство I века н. э., отправляя свои кощунственные ритуалы и отрекаясь от Сына, прервали свою связь с источником света и несотворенным Люцифером — Иисусом Христом, и исходящем от Отца через Него Святым Духом. Следовательно, в общем смысле их участь была предрешена уже с момента основания ордена, предпринятого иоаннитами-мандеями для тайного распространения своей еретической доктрины в странах христианского Запада.

Если говорить о главном доктринальном отличии тамплиеров от мандеев, то оно касается прежде всего противоположного отношения обоих деноминаций к содомскому греху. Негласно у тамплиеров поощрялись гомосексуальные практики, тогда как мандейский закон, являющийся по духу пуританским, воспрещает однополую близость. Но надо понимать, что у мандеев не существует монашества как такового; наоборот, тамплиеры представляли собой слепок с Картезианского ордена, но с военной спецификой. Однако гомосексуализм тамплиеров и закрепленное в тамплиерском уставе сугубое женоненавистничество суть занесенные в формально римско-католический орден манихейские явления, которые необходимо рассматривать с культовой точки зрения. Так, гомосексуализм столь плотно ассоциировался с манихейской сектой богомилов, берущей начало от павликиан Малой Азии и затем под разными именами распространившейся

по всей Европе, что их практика стала известной как «мужеложство». Кроме того, название «катар», обозначавшее манихея в средневековой Франции, в большинстве европейских языков предстает синонимом гомосексуалиста: «кетцер» в немецком, «газарро» в итальянском и т. д. Манихейство и содомия были настолько связаны друг с другом, что обвиняемые в катарской ереси пытались доказать свою невиновность традиционными гетеросексуальными взглядами, освящаемыми институциональной церковью. Спустя столетия именно практике культового гомосексуализма будет придаваться особое значение в неотамплиерской оккультной секте Ordo Templi Orientis (Орден восточных тамплиеров), оказавшей первостепенное влияние на возникновение рок-музыки и практикующей среди своих приверженцев извращенные ритуалы сексуальной магии.

В своем произведении о шкатулке из Эссаруа Миньяр высказал предположение, что тамплиеры являлись адептами магометанского (мусульманского) манихейства. Однако, как мы уже отмечали выше, Миньяр не располагал достаточными сведениями о мандеях, чтобы связать последних с тамплиерами. После открытия мандеев западными исследователями во второй половине XIX столетия и публикации основных священных книг иоаннизма в первой трети XX века, стало возможным рассматривать гностическое мировоззрение Ордена тамплиеров в контексте мандейской доктрины с ее антихристианской и христофобской направленностью. Учитывая, что и средневековые манихеи оказали существенное влияние на тамплиеров, многие из которых происходили из катарских и альбигойских семей Юга Франции (хотя это влияние, о чем мы говорили, было вторичным), мы вправе охарактеризовать учение Ордена Храма как манихействующий или даже манихейский мандеизм, а одинаково и манихействующий иоаннитский гностицизм. Иными словами, с течением времени и под воздействием манихейства тамплиерская доктрина отклонилась от правильного мандеизма, сделавшись уже по отношению к нему в определенном смысле ересью, впитавшей побочный продукт иоаннизма в виде манихейства.

Часто доводится слышать от критиков Ордена Храма, что он неоднократно вел закулисные переговоры с сарацинами и часто предавал христианские интересы на Святой Земле. Нам представляется, что факты измены тамплиеров несколько гипертрофированы, и подобные обвинения можно вменить всякому другому рыцарскому ордену, воевавшему в Средние Века в Палестине. Другое дело предатель-

ство палестинских тамплиеров в ходе Желтого Крестового похода в 1260 году, которое в обиходе объясняют неприязнью крестоносцев к монголам после поражения от них в битве при силезском городе Легнице 9 апреля 1241 года. Но почему-то никто не рассматривает в качестве причин этой чудовищной измены восточному христианству (католикам, греко-православным, несторианам, сиро-яковитам, армяно-григорианам и коптам) духовно-конфессиональные аспекты, но они, на наш взгляд, наиболее важны, чем все остальное. Монголы приняли христианство несторианского толка от ассирийских проповедников в Центральной Азии. Ближневосточный поход монголов под командованием хана Хулагу (1256—1260) являлся одним из крупнейших завоевательных походов монгольской армии против иранских исмаилитов-низаритов, халифата Аббасидов, сирийских Айюбидов и мамлюков Египта. И поскольку самую значительную роль в боевых действиях с ближневосточными мусульманами сыграли центральноазиатские христиане-несториане, историками Р. Груссе, Г.В. Вернадским и Л.Н. Гумилевым он был назван Желтым Крестовым походом. Как известно, Ассирийская Церковь Востока, создавшая в Средневековье корпус бесстрашных и беззаветно преданных несторианству проповедников, дошедших до Дальнего Востока, пыталась распространить свою миссионерскую деятельность и на иоаннитско-мандейские общины Междуречья. Неслучайно мандеи считали несторианскую церковь, имевшую большое влияние на древних вавилонских землях, одним из своих наиболее опасных врагов, что неоднократно отмечается в полемической части их произведений. Кроме того, Желтый Крестовый поход нанес сильный урон исмаилитам, сирийской гностической исламской секте, восходящей, судя по всему, к сирийским назореям, с которой тамплиеры во время своего пребывания на Востоке поддерживали партнерские и даже дружественные отношения. Следовательно, экспансия монголов-несториан, вошедшая в историю под названием Желтого Крестового похода и направленная, в частности, против иоаннитов-мандеев в их метрополии в Междуречье и союзных исмаилитов, могла побудить криптоиоаннитскую верхушку тамплиеров к совершению рокового предательства, окончательно изменившего расстановку сил в пользу мусульман в регионе и спровоцировавшего разгром многочисленных христианских общин на территории Ближнего Востока, Междуречья, Персии и Центральной Азии. Во многом эта катастрофа определила через несколько десятилетий и судьбу знаменитого ордена: христианские монархи

и папы не могли простить храмовникам запятнавшей их безумной измены и утраты влияния на Святой Земле, и пролитая кровь отданных на заклание восточных христиан вскоре обратилась в бумеранг провиденциального возмездия и уничтожила сам орден, погрязший в нечестии, гордыне и отправлении тайных культов.

Британский медиевист Джонатан Райли-Смит отмечает факт оправдания германских тамплиеров (35). На это должно обратить особое внимание. Дело в том, что, как мы уже говорили, тайная ритуальная практика ордена ослабевала по мере удаления прецепторий и командорств от исторического центра — Парижа и Бургундии. С другой стороны, на окраинах тамплиерской ойкумены могли отправляться иные культы, принесенные рыцарями с Востока. Возможно даже, что на почве христофобии парижского иоаннитского великого магистериума в ордене происходили тайные схизмы. Мы предполагаем, что германское отделение сообщества подвергла ревизии прежние иоаннитские догмы и ритуалы и в XIII веке перешло на позиции маркионизма, с которым братья могли познакомиться в Сирии. Характерно, что Аш-Шахрастани, живший в XII веке, в своей «Книге религиозных и философских сект» говорит о маркионитах как о еще существовавшей сирийской религиозной общине. Здесь необходимо сказать несколько слов о Маркионе и его последователях маркионитах.

Маркион был сыном епископа и богатым судовладельцем в Синопе. Он родился в 75 году н. э. и происходил из принявшей христианство аристократической еврейской семьи, ведущей свою родословную от царя Давида и колена Иудина. Предположительно его отца звали Иосифом, и до перехода в христианство он был настоятелем иудейской синагоги в Афинах. Около 140 года н. э. Маркион приехал в Рим, где принимал тесное участие в церковной деятельности, даровал церкви щедрые пожертвования. Однако вскоре он разочаровался в церкви, так как священники не могли ответить на многие вопросы, которые Маркион ставил перед ними и которые казались ему важными. В результате в 144 г. Маркион был отлучен от церкви. Однако, существует мнение, что взгляды Маркиона сформировались еще до его прибытия в Рим, благодаря информации, полученной им в ходе его долгих странствий.

Учение Маркиона быстро распространилось по всему миру. Церкви Маркионитов были основаны в Италии, Египте, Палестине, Персии, Сирии, Аравии, Малой Азии. Они управлялись своими епископами и в целом слабо отличались от тех, которые в будущем образовали Ка-

фолическую церковь: в то время не существовало единой христианской ортодоксии. Известно, что маркиониты вели аскетический образ жизни: не употребляли мяса и вина, придерживались безбрачия. К V веку общины маркионтов распространились по всему пространству Римской империи. Не встречая значительного сопротивления, они достигли в это время наибольшего расцвета. На тот период многие кафолики отказывались признавать маркионитов христианами. Есть версия, что в VI и VII столетиях часть маркионитов объединились с манихеями, дав основу возникновения павликианству.

Согласно мировоззрению Маркиона, ветхозаветный Бог не обладает свойствами всемогущества, всеведения и всеблагости. Как следствие этого, выводится радикальный дуализм между неведомым благим Богом Нового Завета, живущим в нематериальном мире на третьем небе, и демиургом Ветхого Завета (князем мира сего). Демиург ниже Бога и не благ, но справедлив. Это и есть ветхозаветный Бог — творец мира, первоначально созданного дьяволом из испорченной материи, и человека. Два мира никак не сообщались между собой, пока благой Бог не послал в мир своего Сына — Иисуса Христа. Хотя тело Христа Маркион считает, как и докеты, призрачным, его страдания и смерть определенным образом реальны. Отсюда характерной чертой учения Маркиона является антииудаизм, что никоим образом нельзя путать с антисемитизмом, часто приписываемом маркионитам и их основоположнику, еврею по крови.

Итак, маркиониты учили о трех началах: добром, справедливом и злом.

Маркиониты признавали большую часть канонической христианской литературы, в особенности ими почитались Евангелие от Луки и послания Апостола Павла. Маркиониты признавали христианские таинства и символику. В бытовом и моральном отношении исповедовался беспощадный аскетизм, абсолютное половое воздержание и строгое соблюдение постов вплоть до круглогодичного непрерывного поста. Маркионисты отвергали воскресение мертвых. Крещение допускалось многократное, в качестве покаяния. За умерших оглашаемых разрешалось крестить других людей, как правило, родственников умершего. Женщинам разрешалось беспрепятственно преподавать крещение.

Во второй половине II века, после смерти Маркиона Синопского (он умер или пал мучеником за Иисуса Христа, прожив по сути Мафусаилов век, между 177–190 годами н. э.), маркионисты разделились на два течения. Во главе первого встал Апеллес, проповедовавший

в Египте в сопровождении некоей Филумены, выдававшей себя за пророчицу. Приверженцы этого течения считали вечность творением Бога, создавшего видимый мир по образцу невидимого, но не доведшего это творение до конца. Христос считался обладателем не только призрачного облика, но и материального, состоявшего из тончайших воздушных элементов. Второе течение возглавил Татиан, проповедовавший маркионизм в неизменном виде, преимущественно в восточной части империи, где его последователи носили название энкратитов и гидропарастатов.

Во времена Маркиона еще не существовало общепринятого канона Нового Завета. Маркион попытался составить собственный канон, доктрина которого резко отличалась от взглядов, легших в основу ортодоксального канона. Так, Маркион утверждал, что Иисус проповедовал универсальную доктрину, и резко возражал против попыток «привить» ее на почву иудаизма, который он считал всего лишь примитивным верованием небольшого народа. Соответственно, Иисус не имел ничего общего с Мессией, обещанным евреям. Мессия должен быть земным царем, призванным для спасения одних евреев. Первоначальное учение Иисуса, призванное нести добрую весть всем народам, по мнению Маркиона, было сильно искажено и испорчено новообращенными евреями, которые пытались приспособить его к привычному им с детства верованию в Мессию — будущего царя из династии Давида, который вызволит евреев из-под гнета иноземцев и возродит золотой век Израиля.

В своем понимании жизни и крестной жертвы Иисуса Христа, Маркион старался следовать взглядам Апостола Павла. Составленное Маркионом Евангелие в основном складывалось из рассказов, устно передававшиеся последователями этого «апостола язычников». Евангелие Маркиона до нашего времени не дошло, однако почти целиком может быть реконструировано благодаря обширной критике, содержащейся в работах апологетов христианской ортодоксии, в частности, Тертуллиана (207 год н. э.), хотя его непредвзятость и объективность по отношению к Маркиону вызывает большие сомнения, и армянского епископа Езника (450 год н. э.)

Маркионитам принадлежит самая старая из дошедших до нас христианских надписей (датирована 1 октября 318 г. н. е.), обнаруженная над дверным проходом дома в сирийской деревне, служившего местом собраний (синагогой) для общины маркионитов. Любопытно, что в на-

писании Того, Кому посвящена церковь, значится «Господь и Спаситель Иисус Хрестос». По-гречески «Христос» соответствует еврейскому слову «Мессия»: подобное написание имени использовалось теми, кто отождествлял Иисуса и еврейского Мессию. С другой стороны, не только маркиониты, но и многие их современники отрицали правомерность такого отождествления. Использовавшееся ими наименование «Хрестос» означало также совершенного, благого и святого. Символом маркионитов был знаменитый терновый крест, по преданию сделанный любимым учеником Христа Святым Иоанном Богословом для Божией Матери и Девы Марии. Позднее такой крест мы можем увидеть и в тамплиерской эмблематике, причем, вероятно, его использовали рыцари и сержанты, составлявшие маркионитскую партию в ордене, в то время как у иоаннитской стороны мог оставаться на плащах красный крест самой обыкновенной и простой формы.

Согласно новым исследованиям, Маркион не являлся ни тринитарием, ни монархианином: в то время христианские догматы еще не выкристаллизовались в своей полной установленности. Вернее, его богословие представляет собой прекрасное сочетание или даже определенный сплав этих двух христианских доктрин божественной непостижимости, выражающими тайну Триединства или Триединого, через Пречистую Деву Марию воплощенного в земной жизни и страдавшего на кресте или на древе Люцифера. Для Маркиона несомненно то, что другим покажется крайней ересью и безумием: на кресте в лице Сына сораспялась Святая Троица, и Она же воскресла вместе с Ним. Вот почему у Маркиона мы находим квази-докетическое понимание крестной жертвы Спасителя: распят Безначальный орудием начального в четырех земных стихиях, освященных Его страданием и кровью. Так Триединый в падших овцах дома Израилева, приобретая качества Нового Адама, но оставаясь Неведомым Богом, выкупает своих избранников из плена Светоносного, произведшего земные стихии и элементы, и указывает путь к Небесному Сиону. Именно в этом смысле Хрестос (синоним греческого Сотер) есть Спаситель или Иммануил, что означает: «с нами Бог». Неслучайно выдающийся русский философ Николай Бердяев замечал о сущности учения Маркиона, очищенной от различных чуждых ей наслоений, следующее: «Истинные, подлинно христианские элементы маркионизма, соединенные с всецелой истиной, свободные от искажений и крайностей, от маниакальности, свойственной ересям, и есть церковная вера и церковное сознание» (Бердяев Н.А. Маркионизм. Журнал «Путь», № 12).

Предание одного неотамплиерского сообщества рассказывает, что в 1226 году группой немецких тамплиеров, вернувшихся со Святой Земли и принявших там маркионисткое вероисповедание, создается в Унтерсберге на территории нынешней Австрии исследовательское подразделение, сосредоточившееся на изучении оккультных вещей и магии. Оно поддерживает тесные связи с великим комтуром Ордена Храма в Южной Германии и Северной Италии графом Гуго фон Вайтенеггом, возглавлявшим тамплиерскую секцию тайных знаний «Signum Secretum Templi», располагавшуюся в одном из районов Вены. Судя по всему эта секция непосредственно замыкалась на орденский Внутренний Храм, и она же стояла у истоков схизмы в Тампле, когда приблизительно во второй трети XIII века германские прецептории и командорства откололись в вероисповедном вопросе от парижской метрополии, перейдя на позиции маркионизма (иными словами, произошел переход от доктрины Иоанна Крестителя к учению Иоанна Богослова, чьим учеником являлся Маркион), соединенного с доставшимся по наследству от мандеев ассиро-вавилонским синкретизмом и германским язычеством. Схизма или тайный духовный разрыв с иоаннитским, а по сути мандейским центром в Париже повлек за собой отмену в германских отделениях ордена кощунственных психодраматических антихристианских и христофобских ритуалов, что в дальнейшем сыграло во благо немецких тамплиеров. На момент упразднения Ордена Храма в начале XIV века эти ритуалы не отправлялись в большинстве немецких прецепторий и командорств не менее полувека и, как следствие, были преданы забвению. Данное обстоятельство, на наш взгляд, и стало главной причиной оправдания тамплиеров Германии в ходе процесса. С другой стороны, германские тамплиеры более рьяно демонстрировали свою лояльность католической ортодоксии, за которой им удавалось скрывать внутренний маркионизм сообщества. К тому же, немецкие земли в меньшей степени подверглись манихейскому (катаро-богомильскому) прозелитизму, что опять же было благоприятным фактором для местных тамплиеров, до некоторой степени определившим оправдательный вердикт по отношению к ним. Следовательно, их оккультная организация или секция могла продолжить свое существование уже в структуре Суверенного ордена Святого Иоанна Иерусалимского, правопреемника распущенного Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, и в том или ином виде практически дойти до наших дней, сделавшись в период Реформации тайной, но секулярной ассоциацией. Таковой перед нами предстает всегда действовавшее в тени

влиятельное и загадочное «Общество Храма Маркиона» («Societas Templi Marcioni»), о котором очень сложно найти какие-нибудь достоверные сведения. Нельзя исключить, что оно действует и в настоящее время, окружив себя сетью тайных, в том числе и неотамплиерских организаций, функционирующих в различных сферах экономической и общественно-политической деятельности. И вряд ли на него замыкаются сообщества тамплиерской реконструкции, рассчитанные на публичные шоу и открыто заявляющие о родстве с ним.

В заключении своего эссе хотелось бы отметить, что мы не считаем предложенную нами концепцию истиной в последней инстанции и просто приглашаем к обсуждению ее историков-медиевистов, членов неотамплиерских сообществ и групп, а также иных лиц, интересующихся взлетом и падением столь выдающегося феномена европейского прошлого, каковым является Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Надеемся, что нам удалось показать определенную узость исторического подхода к разрешению тамплиерской проблематики и необходимость привлечения к ней прежде всего специалистов по религиоведению, востоковедению, богословию, ересиологии и даже эзотерике. В этом эссе мы попытались, в соответствии со своим видением, дать ответы на неразрешимые пока в академической плоскости вопросы о ереси тамплиеров, ее происхождении, развитии и связи с ней антихристианских и христофобских ритуалов, практиковавшихся в ордене судя по всему со времени его основания, которые, на наш взгляд, должно рассматривать как проявление крипторелигиозного культа внутри рыцарского сообщества.

Здесь не стоит забывать, что в XII-XIII веках Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона представлял собой единственную экстерриториальную глобалистскую структуру, сосредоточившую в своих руках власть военного, финансового и крипторелигиозного характера и фактически являвшуюся прообразом нетократии постиндустриального общества. В более вульгарном смысле Орден тамплиеров можно назвать военным альянсом НАТО и Европейским банком реконструкции и развития для своего времени: известно, что идея европейского единства или по-современному евроинтеграции с объединяющей всех новой духовностью («новой ортодоксией», по меткому выражения знаменитого франк-масона Альберта Пайка) опять же принадлежала тамплиерам. И обладай храмовники хотя бы начатками военно-полевой связи, бурно развившейся со второй половины XIX и в начале XX столетия, не вполне ясно, смогла бы тогда настолько быстро устранить такого опасного

конкурента королевская власть и Римско-Католическая церковь. Однако уникальность тамплиерского феномена заключается еще и в том, что его архитекторами были представители малочисленной секты вавилонских «болотных арабов» или, если точнее, «болотных евреев», одинаково враждебно относившейся как к христианству, так и к иудаизму, и пытавшейся в ту пору играть собственную роль в большой политике. Так что искать у тамплиеров пресловутый сионистский след, связанный всегда с ортодоксальным иудаизмом и иудейскими «князьями изгнания», чем занимаются некоторые конспирологи, столь же бесполезно, сколь и неблагодарно. Кроме того, банковская система Ордена Храма, легшая затем в основу европейской финансовой системы, на наш взгляд, поначалу выстраивалась иоаннитскими менторами тамплиеров, поскольку просвещенное мандейское племя испокон веков занималось ювелирным ремеслом и обращением драгоценных камней и драгоценных металлов. Вместе с золотом в орден вселились гордыня и амбиции, которые, в конце концов, погубили простодушных европейских рыцарей, возомнивших о панъевропейском и вселенском господстве. Впрочем, случайностей не бывает, и тамплиерские идеи, казалось бы уснувшие на руинах Храма, пробудились несколько десятилетий назад и устремились к своему осуществлению в новых условиях XXI века: единая Европа, единая валюта и единая духовность, отбросившая свое христианское прошлое и основанная на секулярности, которая понимается a priori как религиозный принцип. Одним словом, Новый Вавилон. Что это, как не возрождение старой тамплиерской утопии, адаптированной к веяниям времени и избавившейся от иоаннитской архаики? И если цели утопии в прежнем ее виде состояли в замене религии Иисуса Христа на гностическую иоаннитскую религию экзотической вавилонской секты, то в нынешнем — они выражаются в профанации веры в Богочеловека и Святую Троицу и лукавой подмене ее религией человекобожия: гностицизм здесь предстает уже никак не целью, а оперативным средством достижения означенной религии, что многие и увидели во время проведения рокового для Римско-Католической церкви Второго Ватиканского собора. Увы, но внутреннее разрешение трагической мистерии тамплиеров, не дававшей покоя стольким интеллектуалам, содержится именно в этом.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В 1308 году главные сановники Ордена Храма, в том числе великий магистр Яков де Моле, командор Кипра Рейнбольт де Карон, прецептор Аквитании и Пуату Готтфрид де Гонавилла, прецептор Нормандии Готтфрид де Шарне и великий визитатор Гуго де Пейро, были отправлены под конвоем стража Жана де Жанвиля из Корбейля, где они содержались, в Пуатье для предполагавшейся встречи с Папой Римским Климентом V. Из-за болезни заключенных тюремный обоз не дошел до места назначения: арестованных отправили в замок Шинон неподалеку от Тура, находившийся под королевской юрисдикцией, и разместили в донжоне Кудре в ожидании аудиенции с понтификом. Папа Климент V отменил свою запланированную встречу с орденскими начальниками, направив, тем не менее, к ним трех своих приближенных кардиналов: Беренгария Фредоля, Стефана де Суизи и Ландольфа Бранкаччи. Последние и проводили следственные мероприятия с заточенными в донжоне Кудре высшими офицерами ордена. Печати этих прелатов скрепляют пергамент, совершенно неожиданно обнаруженный в Ватиканском архиве 13 сентября 2001 года молодым итальянским историком-ватиканистом Барбарой Фрале (не правда ли, сама эта дата может наводить конспирологов на определенные мысли и аллюзии). Вокруг уникальной находки сразу же стали разгораться интриги и споры, а члены сразу нескольких неотамплиерских сообществ потребовали извинений от Святого Престола за гонения против ордена, поскольку, по их мнению, документ якобы оправдывал и снимал все обвинения с храмовников. Итак, чтобы избежать разночтений и недомолвок и показать, что описанные ритуалы на самом деле имели место в прославленном рыцарском ордене, ниже мы приводим полный текст Шинонского пергамента, в переводе, сделанном отечественным историком Эдуардом Заборовским с английской версии документа, подготовленной после его обнаружения.

«Расследование проведено
святыми отцами по поручению Папы Климента V
в городе Шиноне, епархия Тура
Шинон, 17–20ое августа, 1308 года

Во имя Господа, аминь. Мы, Беренгар, Божьей милостью кардинал наставник [пресвитер] прихода Св. Великомучеников Нерея и Ахилея [Nereus and Achileus], и Стефан, Божьей милостью кардинал-епископ

прихода Св. Кириака в Термах, и Ландольф, Божьей милостью кардинал-диакон в приходе Св. Ангела, заявляем посредством этого документа, адресованного каждому, кто будет его читать, что с тех пор, как наш святейший отец и господин Климент, Божьим провидением святейший понтифик святой Римской и Вселенской церкви, получив настоятельные и неотложные просьбы, в устной форме и в докладах, от прославленного короля Франции, его прелатов, герцогов, графов, баронов и других жителей вышеуказанного королевства, дворян и простых людей, и от братьев, епископов, рыцарей, приоров и слуг из ордена тамплиеров, начал расследование по вопросам, относящимся к братьям, [по вопросам католической веры], и Уставе вышеуказанного Ордена, из-за которых Орден был публично опозорен и обесчещен, истинный Папа, желая и намереваясь узнать полную и бескомпромиссную правду, только правду, и ничего кроме правды, от руководителей вышеназванного Ордена, а именно, от брата Жака де Молэ, великого магистра Ордена тамплиеров, брата Рембо де Карона, приора командорств рыцарей Ордена тамплиеров в дальних странах [командор Оутремера], брата Гуго де Пейро, приора Франции, брата Жоффруа де Гонневилля, приора Аквитании и Пуату, Жоффруа де Шарни, приора Нормандии, приказал и поручил нам своей особой волей, высказанной изустно, с усердием выяснять правду, только правду, и ничего кроме правды, опрашивая великого магистра и вышеуказанных приоров — одного за другим и отдельно, вызывая нотариусов и свидетелей, заслуживающих доверия.

И действуя, соответственно наказу и по поручению его Святейшества Понтифика Божьего, мы опросили вышеуказанных великого магистра и приоров, выяснив правду, только правду, и ничего кроме правды о вопросах, означенных выше. Их признания и исповеди были записаны именно так, как они выглядят в этом документе, включены сюда нотариусами, чьи имена указаны ниже, в присутствии свидетелей, чьи имена так же указаны ниже. Так же мы приказали записать опросы в этот официальный документ, и утвердили его, скрепив своими печатями.

В 1308 году от рождества Христова, индикта 6, в 17 день августа, в 3 год понтификата Папы Климента V, перед нами, вышеуказанными отцами, в городе Шиноне, епархии Тура, предстал брат Рембо де Карон, приор командорств рыцарей Ордена тамплиеров в дальних странах. Возложив руку на Святое Божье Евангелие, он принёс клятву говорить правду, только правду, и ничего кроме правды, о себе, а так же об осо-

бах и братьях Ордена, о самом Ордене, включая вопросы о католической вере и Уставе вышеуказанного Ордена, и о пяти отдельных особах и братьях Ордена. Во время усердного нашего опроса о времени и обстоятельствах его приёма в Орден, он сообщил нам, что прошло сорок три года или около того, с того времени, как он был посвящён в рыцари и принят в Орден Тамплиеров братом Ронселином де Фо, бывшим в то время приором Прованса, в городе Ришеранш, в епархии Карпентра или Сан-Пол-Труа-Шато, в часовне местного командорства Ордена. Во время церемонии приор не сказал новому адепту ничего, чтобы не было бы не правильным или не подходящим, но уже после церемонии к нему подошёл брат-слуга ,чьё имя он не может вспомнить, так как тот уже мёртв долгое время. Он отвёл его в сторону, держа маленький крест под своей мантией, и, когда все братья вышли и они остались вдвоём, то есть брат-слуга и опрашиваемый, брат-слуга показал этот крест опрашиваемому, который не может вспомнить было ли на нём изображение распятья или нет, но полагает, что было, нарисованное или выгравированное. И этот брат-слуга сказал опрашиваемому: «Ты должен отречься от этого!». И опрашиваемый, не веря в то, что совершает грех, сказал: «Итак, я отрекаюсь!». Этот же брат слуга сообщил опрашиваемому, что тот должен соблюдать чистоту и целомудрие, но ежели он не может этого сделать, лучше всего держать это в тайне, нежели совершать это публично. Опрашиваемый так же сообщил, что его отречение шло только из его уст, но не от сердца его. Он сказал, что на следующий же день он открыл это епископу из Карпентра, своему кровному родственнику, который присутствовал в вышеуказанном городе, и епископ сказал ему, что он вёл себя неправильно и совершил грех. После чего он исповедался тому же епископу, и на него была наложена епитимья, которую он, по его словам, выполнил. На вопрос о содомском грехе, он ответил, что никогда не принимал в этом участия никоим образом, и никогда не слышал, что бы рыцари Ордена тамплиеров погрязли в этом грехе, исключая тех трёх рыцарей, которые были приговорены к пожизненному заключению в замке Паломника. На вопрос о том были ли приняты эти братья в упомянутый Орден так же, как и он был туда принят, он ответил, что не знает, так как никогда сам не принимал никого в Орден, и не присутствовал при обряде инициации у кого-либо, за исключением двух или трёх братьев. Касательно них, он не знает отрекались ли они от Христа или нет. На вопрос об именах этих братьев, он ответил, что одного звали Питер, но он не помнит его фамилии, его семьи или рода. На вопрос о том, сколько лет ему было, когда он стал братом Ордена, он сообщил,

что ему было семнадцать лет или около того. На вопрос о плевке на крест и о поклонении голове, он ответил, что не знал ничего об этом, добавив, что не слышал и упоминания об оной голове до того, как услышал речь его Святейшества Папы Климента об этом в прошлом году. На вопрос о поцелуях, он ответил, что вышеуказанный брат Ронселин поцеловал его в губы, когда принял его в братья, и добавил, что ничего не знает о других поцелуях. Когда он спрошен о том, хочет ли он подтвердить, что всё сказанное во время исповеди соответствовало правде, не было ли что ни будь несоответствующим правде, или же он утаил какую-либо часть правды, он ответил, что хочет подтвердить, что всё сказанное во время исповеди было правдивым, и он не добавил ничего ложного, или же упустил какую-либо часть правды, не сообщив об этом. На вопрос опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет.

После этого, брат Рембо , стоя на коленях со сложенными руками просил нас о прощении и милости к его вышеупомянутым действиям. И, так как он просил об этом, брат Рембо в нашем присутствии отрёкся от вышеупомянутой ереси, и от любой другой ереси. Второй раз он принёс клятву, возложив руку на Святое Божье Евангелие, о том, что он будет соблюдать учения Церкви, что он будет утверждать, защищать и провозглашать католическую веру, которую Римская церковь утверждает, защищает и провозглашает, так же, как учит и требует от других соблюдения правил религии, и что он будет жить и умрёт, как истинный верующий христианин. После этой клятвы, полномочием, дарованным нам Святейшим Папой для этой цели, мы даровали брату Рембо, который скромно просил об этой милости, отпущение (в форме, принятой Церковью) от приговора об отлучении от Церкви, к которому он был приговорен из-за вышеупомянутых действий, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

Так же, в это же день, брат рыцарь, Жоффруа де Шарни, приор комадорств Ордена тамплиеров в Нормандии, появившись лично в описанных ранее способе и форме, в нашем присутствии, и в присутствии нотариусов, так же, как и свидетелей, честно поклялся, возложив руку на Святое Божье Евангелие, и был опрошен о его приёме в вышеуказанный Орден. Он свидетельствовал, что прошло около сорока лет или около того, с того времени, как он был принят в Орден тамплиеров братом Амори де ля Рош, приором Франции в Этампе, в епархии Санса, в часовне местного командорства Ордена Тамли-

еров. На церемонии присутствовали брат Жан де Франсе, приор из Педенака, и девять-десять братьев вышеуказанного Ордена, которые, он полагает, уже мертвы. И потом, как только он был принят в Орден, и мантия Ордена была одета на его плечи, брат, который совершил церемонию, отвёл его в сторону в этой же часовне, и показал ему распятие с изображением Христа, сказав ему, что он не должен верить в распятого Христа, а должен, на самом деле, отречься от него. После чего новообращённый брат, по настоянию вышеупомянутого брата, отрёкся от Него на словах, но не в сердце своём. А так же, во время обряда инициации, новообращённый брат поцеловал вышеупомянутого брата в губы и в грудь, через одежду, в знак почтения.

На вопрос о том был ли обряд инициации в Орден у других братьев таким же, как и его обряд инициации в Орден, он ответил, что не знает. Так же он упомянул, что он принимал одного брата в Орден по той же церемонии, через которую прошёл он сам в обряде инициации. После этого он принимал многих других без отречения, описанного ранее, и чётко и ясно. Так же он сказал, что он исповедовался в грехе отречения от креста, который он совершил во время обряда инициации, по принуждению брата, проводившего церемонию, патриарху Иерусалимскому того времени, и были ему отпущены грехи его.

Во время усердного опроса о таких материях, как плевки на крест, о поцелуях, о грехе содомии и о поклонении голове, он сообщил, что ничего не знает о чём-либо подобном. Во время дальнейшего опроса он сказал, что полагает, что другие братья были приняты в Орден таким же способом, как и он был принят в Орден. Он утверждает, что не может знать этого наверняка, так как новообращённого брата отводили в сторону, так что другие братья, присутствующие в здании не могли ни слышать, ни видеть того, что там происходило. На вопрос о том, сколько лет ему было, когда он был принят в Орден, он сказала, что ему было шестнадцать-семнадцать, или около того.

На вопрос опрашивали ли его по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. Когда он спрошен о том, хочет ли он подтвердить, что всё сказанное во время исповеди соответствовало правде, не было несоответствующим правде, или же он утаил какую-либо часть правды, он ответил, что хочет подтвердить, что всё сказанное во время исповеди было правдивым, и он не добавил ничего ложного, или же упустил какую-либо часть правды, не сообщив об этом.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жоффруа, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

Так же, в это же день, брат рыцарь , Жоффруа де Гонневилль, появившись лично в нашем присутствии, и в присутствии нотариусов, так же, как и свидетелей, перечисленных ниже, и был с усердием опрошен о времени и обстоятельствах своего приёма и о других материях, описанных выше. Он сообщил, что прошло двадцать восемь лет или около того, с тех пор, как он был принят в рыцарский Орден тамплиеров братом рыцарем Робером де Торвиллем, прирором командорств Ордена тамплиеров в Англии, в городе Лондоне, в часовне местного командорства. И этот приор, после дарования мантии рыцарского Ордена новообращённому адепту, показал тому крест, изображённый в какой-то книге, и сказал ему, что он должен отринуть Того, Чей образ нарисован на нём. Когда новообращённый отказался делать это, приор множество раз повторил ему, что тот обязан это сделать. Но так как он полностью и безоговорочно отказался делать это, приор, видя его сопротивление, сказал ему: «Поклянёшься ли ты мне, что скажешь любому брату, который спросит тебя об этом, что ты отрёкся, если я разрешу тебе не делать этого?». И новообращённый ответил: «Да.», и пообещал, что, если его будут спрашивать братья указанного Ордена, он скажет, что отрёкся. И, по его словам, он не отрекался никоим другим образом. Так же он сообщил, что приор приказал ему плюнуть на изображение креста. После категорического отказа новообращённого делать это, приор положил руку на изображение креста и сказал: «Плюнь хотя бы на мою руку!». Но так как новообращённый испугался, что приор уберёт руку, и его плевок попадёт на крест, он не захотел плевать на руку, если изображение креста при этом было бы рядом.

Во время усердного опроса о грехе содомии, о поклонении голове, о поцелуях и других материях, из-за который братья ордена заработали дурную славу, он ответил, что ничего не знает. На вопрос были ли приняты другие браться в Орден так как же, как и он, он ответил, что полагает, что с другими было то же самое, что и с ним во время его инициации.

На вопрос опрашивали ли его по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жоффруа де Гонневиллю, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

На девятнадцатый день месяца перед нами предстал брат Гуго де Пейро, приор командорств тамплиеров во Франции, и в присутствии нотариусов и свидетелей принёс клятву на Святом Божьем Евангелии, возложив на него руку, так, как описано выше. Оный брат Гуго, поклявшись, как было указано, и будучи усердно опрошен, сообщил, что был принят в Орден в Лондоне, в церкви местного командорства. В минувший праздник Св. Магдалины прошло сорок шесть лет с этого события. Он был принят в Орден братом Гумбером де Пейро, своим собственным отцом, визитатором командорств Ордена во Франции и Пуату, который и возложил на его плечи мантию Ордена. После этого какой-то брат упомянутого Ордена, по имени Джон, который после стал приором Ля Мюс, отвёл его в центральную часть церкви, показал ему крест с изображением Христа, и приказал ему отринуть Того, Кого он видит на этом распятии. По его словам, он отказывался столько, сколько мог. Однако, в конце концов, побеждённый страхом и угрозами брата Джона, он отрёкся от Того, Кто был изображён на распятии, но только один раз. И несмотря на то, что брат Джон многократно повторял требование плюнуть на крест, он отказался делать это. На вопрос о том, целовал ли он приора, он ответил, что да, целовал, но только в губы. На вопрос о содомском грехе, он ответил, что ему никто никогда не навязывал этого, и он никогда не совершал его. На вопрос принимал ли он других в Орден, он ответил, что делал это много раз, он принял в Орден больше людей, чем любой другой живущий брат Ордена.

На вопрос об обряде приёма этих братьев в Орден, он сообщил, что после того, как они были приняты и на них были возложены мантии Ордена, он приказывал им отрекаться от распятия, и целовать его в низ спины, в пупок, и в губы. Так же он сказал, что настойчиво советовал им воздерживаться от жизни с женщинами, и, если они не могут сдержать свою похоть, то объединиться с другими братьями Ордена.

Так же он сообщил под присягой, что вышеупомянутое отречение, которое он совершил во время инициации, так же, как и другие описанные вещи, которые он требовал от тех, кого принимал, были совершены им только на словах, но не в сердце его. На вопрос почему же он страдал, и не принимал в сердце своём те действия, которые он совершал, он ответил, что таковы были обряды, или, лучше сказать, традиции Ордена, и что он всегда надеялся, эта ошибка будет исправлена и вычтена из Ордена.

На вопрос были ли люди которые отказывались плевать на крест, равно как совершать другие бесчестные вещи, описанные выше, он ответил, что таких было всего ничего, и, в конечном итоге, все это совершили. Так же он сообщил, что, несмотря на то, что сам советовал братьям, которых принимал в Орден, объединяться с другими братьями, сам он никогда этого не делал, и не слышал, чтобы кто-либо другой совершил этот грех, за исключением двух или трёх братьев из дальних стран, которые были заключены за это в замок Паломника.

На вопрос были ли другие братья приняты в Орден так же, как и он, и как принятые им братья, он ответил, что не может с уверенностью говорить за других, только за себя и тех, кого принимал он, так как братья проходили обряд инициации в глубокой тайне, что никто ничего не может знать, кроме тех, кто там присутствовал. На вопрос полагает ли он, что другие были приняты в Орден так же, как и остальные, он ответил, что предполагает, что один и тот же ритуал использовался при инициации — как в других, так и в его случае, и в случаях приёма в Орден братьев им самим.

На вопрос о голове идола, которой по слухам поклонялись тамплиеры, он сообщил, что видел её в Монпелье, и показал её ему брат Петр Алемандин, приор этого места, в чьём владении она находилась, как тогда, так и после.

На вопрос сколько лет ему было, когда он был принят в Орден, он сказал, что ему было восемнадцать, по словам его матери. Так же он сообщил, что исповедовался об этих вещах брату Гийому Парижскому, инквизитору [еретических действий], или же его представителю. Эта исповедь была записана рукой нижеподписавшегося Амиса Д'Орлеан, и другими нотариусами. Он хочет подтвердить эту исповедь такую, как она есть, так же, как и подтвердить данную исповедь, которая сочетается в предыдущей. Ежели же, в исповеди, сделанной инквизитору или его представителю, есть какая-либо добавочная информация к сказанному им выше, то он скрепит своей подписью и подтвердит её.

На вопрос опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. На вопрос был ли он после заключения в тюрьму допрашиваем или же пытаем, он ответил, что нет.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Гуго, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

Затем, в двадцатый день месяца, перед нами предстал брат-рыцарь Жак де Молэ, великий магистр рыцарского Ордена тамплиеров, и в присутствии нотариусов и свидетелей принёс клятву на Святом Божьем Евангелии, возложив на него руку, так, как описано выше, и. Будучи с усердием, опрошен, сообщил, что прошло сорок два года или около того с тех пор, как он был принят в Орден братом Гумбером де Пейро, в то время визитатором командорств Ордена во Франции и Пуату, в Боне, епархии Отюна, в часовне местного командорства тамплиеров.

Относительно обряда его инициации в орден, он сообщил, что после возложения мантии на его плечи, приор показал ему крест и сказал, от он должен отречься от Бога, изображённого на этом кресте, и что он должен плюнуть на крест. Он это сделал, но по его словам, плюнул не на крест, а рядом с ним. Так же он сказал, что отрёкся только на словах, а не в сердце своём. Касательно греха содомии, поклонения голове, недозволенных поцелуев, он, опрашиваемый с усердием, сообщил, что не ничего знает.

На вопрос опрашивали ли его во время его исповеди по просьбе, за награду, или благодарность, из страха, ненависти, по настоянию кого-либо, или при использовании силы, или при угрозе пытки, он ответил, что нет. На вопрос был ли он после заключения в тюрьму допрашиваем или же пытаем, он ответил, что нет.

После этого мы пришли к выводу, что даруем милость отпущения грехов за эти действия брату Жаку де Молэ, великому магистру Ордена, который вышеобозначенным способом в нашем присутствии отрёкся от вышеуказанной ереси и любой другой ереси, и лично поклялся на Святом Божьем Евангелии, а так же скромно просил об

этой милости, отпущение грехов, восстановив его в единении с церковью, общности его с верующими и обетами Церкви.

В этот двадцатый день месяца, в нашем присутствии и в присутствии нотариусов и свидетелей, брат Гуго де Пейро без принуждения и по собственному желанию скрепил своей подписью и подтвердил свою ранее подписанную исповедь, прочтённую ему на его родном языке, и заверил, что намеревается подтверждать и придерживаться указанного, как в этой исповеди, так и в исповеди, совершённой ранее инквизитору или инквизиторам о вышеуказнных еретических поступках и грехах, по тем вещам, которые совпадают с этой исповедью, совершённой нам, в присутствии нотариусов и свидетелей, и по тем вещам, которые отличаются, но перечислены в исповеди, совершённой ранее инквизитору или инквизиторам, он скрепляет своей подписью и заверяет всё.

В этот двадцатый день месяца, в нашем присутствии и в присутствии нотариусов и свидетелей, брат Жоффруа де Гонневилль без принуждения и по собственному желанию скрепил своей подписью и подтвердил свою ранее подписанную исповедь, прочтённую ему на его родном языке.

Мы приказали Роберу де Конде, клирику епархии Суассона, папской властью нотариусу, который был среди нас вместе с нотариусами и свидетелями, перечисленными ниже, записать и сделать достоянием общественности и уликой эти исповеди, так же как и всё, описанное выше, что происходило перед нами, нотариусами и свидетелями, и так же как и всё, совершённое нами было совершено именно так, как описано выше, и заверить это, скрепив нашей печатью.

Это было сделано в год, индикт, месяц, день, понтификат и в месте, указанных выше, в нашем присутствии, и в присутствии Умберто Верселлани, Николо Николя де Бенвенуто и вышеупомянутого Робера де Конде, а так же господина Амис Д'Орлеан ле Ратиф, нотариусов папской властью, а так же благочестивого и выдающегося брата Раймона, аббата бенедектинского монастыря Св. Теофреда, епархии Аннеси, господина Берара де Бойано, архидиакона Труа, Рауля де Босе, духовника и каноника из Парижа, и Пьера де Суар, попечителя Сан-Годери в Камбреси, которые были специально вызваны, как свидетели.

Я, Робер Конде, клирик епархии Суассона, папской властью нотариус, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями за ведением опросов и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов,

господ кардиналов наставников [пресвитеров], в моём присутствии, и в присутствии других нотариусов и свидетелей, так как это было описано их преподобиями. По приказу их преподобий кардиналов-епископов, я сделал эту запись в форме официального документа, и скрепил его моей печатью, так был попрошен ими сделать это.

Я, Умберто Верселлани, клирик Безье, папской властью нотариус, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями за ведением опросов и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов наставников [пресвитеров], так как это было описано их преподобиями выше в каждой малейшей детали. По приказу их преподобий кардиналов-епископов, я сделал эту запись для лучшего заверения, подписавшись внизу и скрепив её моей печатью.

Я, Николо Николя де Бенвенуто, папской властью нотариус, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями за ведением опросов и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов наставников [пресвитеров], так как это было описано их преподобиями выше в каждой малейшей детали. По приказу их преподобий кардиналов епископов, я сделал эту запись для лучшего заверения, подписавшись внизу и скрепив её моей печатью.

Я, Амис Д'Орлеан названный ле Ратиф, нотариус властью Святой Римской Церки, наблюдал вместе с другими нотариусами и свидетелями исповеди, показания и другие события, и самолично видел каждое событие, описанное выше, случившееся в присутствии вышеупомянутых преподобных отцов, господ кардиналов-пресвитеров, так как это было описано их преподобиями выше в каждой малейшей детали. По приказу их преподобий кардиналов наставников [пресвитеров], как свидетельство моей правдивости, я сделал эту запись, подписавшись внизу и скрепив её моей печатью, так был попрошен ими сделать это» (36).

Из всего вышеизложенного в документе становится понятно, что никакой речи об оправдании ордена не шло, и его вина полагалась очевидной уже в 1308 году: просто раскаявшиеся в своих заблуждениях еретики (в данном случае тамплиеры) в соответствии с установленной духовной процедурой и после отпущения грехов были воссоединены с католической церковью. Наоборот, пергамент подтверждает существование глубоко пустившей корни в ордене ереси и упоминает о загадочной фигуре Ронселина де Фо, приора Прованса

в 1248–1250 годы и еретика, проповедовавшего огненное крещение. Некоторые исследователи его не без основания считают даже великим магистром Внутреннего Храма тамплиеров или руководителем, возглавлявшим тайную гностическую иоаннитскую иерархию ордена, осуществлявшую подлинную власть в ордене, но зачастую действовавшую через внешних (подставных) великих магистров, каковым являлся и Яков де Моле. Говоря о Ронселине де Фо и скрытой иерархии, мы касаемся проблемы существования в ордене секретных (параллельных) уставов, к которой надеемся вернуться уже в другом нашем исследовании.

Арестованные высшие офицеры ордена коротали свои дни за трехметровыми стенами цокольного этажа башни Кудре, создававшего впечатление каменного мешка. С внутренней стороны этих стен тамплиеры оставили граффити — замечательные символические рисунки, принадлежность которых заключенным рыцарям иногда вызывала скепсис у отдельных историков, но никогда не ставилась под сомнение людьми, занимавшимися эзотерическими вопросами, зачастую находящимися в смежной плоскости между историей, теологией и философией. Среди таких исследователей достаточно назвать имена Шарбонне-Лассе, Фулканелли, Канселье, Генона и Амбелена. Да и кто, как не тамплиеры, могли изобразить на камне столь сложное символическое послание, обращенное в вечность? По крайней мере, ясно одно: рыцари, ожидавшие своей участи в донжоне Кудре Шинонского замка, являлись посвященными, что развевает миф о полном невежестве и «профанстве» самого Якова де Моле, хотя и не отменяет его роли как внешнего великого магистра ордена. С тех пор многие специалисты по средневековой эмблематике пытались разгадать граффити Шинона. Противоречивый французский оккультист Робер Амбелен с маниакальной страстью искал в них указание на иудейского зилота Иуды из Гамалы или Голонита, якобы земного отца Иисуса Назорея, хотя святые писания христиан и мусульман, а теперь и иоаннитов-мандеев вместе свидетельствуют о том, что Сын Человеческий был зачат от Духа Святого. Более всего, на наш взгляд, удалось приблизиться к разгадке символической концепции граффити ученику Фулканелли алхимику Эжену Канселье. Однако и его версия, вскрывая, безусловно, отдельные истинные моменты, в целом страдает излишней обобщенностью и абстрактностью. Здесь нельзя не согласиться с Амбеленом, считавшим, что в Средневековье тот же символизм воспринимался людьми намного более конкретно, неже-

ли в наши дни. Но откровенный схематизм и нарочитая упрощенность, на наш взгляд, столь же вредны в толковании символов, сколь и многозначительная обобщенность.

По версии Эжена Канселье, изображение в левой части граффити должно повествовать о развитии земного временного цикла вплоть до наступления Апокалипсиса. «На стене одной из камер, — пишет он в работе «Два жилища алхимиков», — тамплиеры, сидящие в донжоне замка Шинон в ожидании казни, оставили среди других не менее интересных граффити краткую схему развития природы. На боковине дверного проема выделяется процарапанный стилетом на мягком камне круг, правая сторона которого едва намечена и решительно заштрихована вертикальными линиями. Действительно, золотой и серебряный века закончились, когда в 1308 году адепты Ордена Храма представили потомкам изображение безжалостного хода времени. Вот почему гномон на космическом циферблате, проведенный из меньшего круга с буквой «S» в центре («S» — первая буква французского слова «soleil» — солнце), разделяет на две половины верхний сектор, то есть бронзовый век. Одна половина — это прошедшие триста лет, а другая — будущие триста лет, на ней еще стоит буква «B», которая у римлян обозначала число 300. Эти шесть веков помечены также буквами A, B, C, D, E, F. Буква «A» крупнее, чем другие, и соединена фигурной скобкой с другой буквой «A», расположенной прямо над ней, что символизирует два упомянутых века. Справа и немного выше Солнца мы видим Луну и Землю — круг, перечеркнутый крестом, жизнь, которая завершится с концом железного века, обозначенного в нижней четверти круга. Стилет неизвестного тамплиера неумолимо двигается дальше, чтобы, достигнув вертикала, отметить великое смятение в шуме труб. Вот тогда Избранные и смогут повторить пророческие слова прорицателя из Патмо: «Я видел новое небо и новую землю; потому что первое небо и первая земля исчезли, а моря больше не существовало...» (37).

Между тем, нас интересуют главные изображения, расположенные в правой и центральной частях граффити. Вне всякого сомнения, они говорят нам об иоаннитско-мандейском посвящении. На центрально изображении достаточно глубоко высечена Голгофа со стоящим на ней крестом. Справа от Голгофы находится классическое христианское эмблематическое распятие с трехступенчатым голгофским подножием, с копьем и губкой по сторонам креста, а также с тремя гвоздями, расположенными: в правой — над крестовиной и под ней;

и снизу посередине, где к древу прибивались ноги Спасителя. Под трехступенчатым голгофским подножием имеется надпись: «Молю Господа о прощении». Слева от центральной Голгофы с обыкновенным крестом как бы выходит фигура с нимбом над головой, в священническом плаще, держащая в левой руке тамплиерский овальный щит с крестом из восьми лучей на нем, обозначающим мандейскую Хоругвь Света и гностическую эманацию; в правой руке фигуры находится шар с крестом, который есть знак царственной державы. Это — Святой Иоанн Креститель, а глубоко высеченное обрамление креста на центральной Голгофе может символизировать купель Иоаннова крещения в темных и проточных водах Хайе (жизни). Над знаком державы в правой руке Иоанна, то есть власти данной от воплощенного Гнозиса и Царя-Священника Манда д'Хайе, возвышается сфера, горизонтально поделенная на две части неровной линией, символизирующей океанические воды творения: такая двусоставная сфера или мандорла подтверждает собой дуализм исповедуемой тамплиерами иоаннитско-мандейской доктрины и несет смысл отражения Абатура в Люцифере-Птахиле, мандейском демиурге. Под этой рукой с державой видим латинскую монограмму Иисуса Христа IHS с традиционным крестом над буквой H. В левом нижнем углу изображения встречаем то же самое христианское эмблематическое распятие, что и с его правой стороны. Левая нога Иоанна упирается в масонский мастерок, от которого влево отходит наугольник. Снизу от этого центрального изображения находятся два рисунка: назовем их условно левый нижний и правый нижний. На последнем рисунке, приписываемом самому великому магистру Якову де Моле, наблюдаем слева вверху большой карбункул в форме человеческого сердца и с двадцати двумя исходящими от него лучами: похоже, что он представляет собой не что иное, как божественное Сердце, прямо под которым видим щит с лилией, являющийся эмблемой французского королевского дома. Справа от щита — лестница в четыре ступени, на которой водружен столб. Скорее всего, это эшафот для сожжения еретиков, о чем говорят многие исследователи. Еще правее и прямо перед столбом замечаем крупный бюст мужчины с нимбом на голове и в мантии священника, исполненный с лицом в весьма грубых чертах. Мы полагаем, что бюст — символ самого демиурга или Римско-Католической церкви, которую тамплиеры считали демиургическим творением. На левом нижнем рисунке в левой его части видим голову в нимбе и над ней крест, а в центре — поле, разбитое на четыре ква-

драта, каждый из которых рассечен двойным крестом или крестом из восьми лучей, обозначающим божественную эманацию; снизу от поля, поделенного на квадраты, находится еще один такой же, но обособленный квадрат с крестом из восьми лучей, то есть всего квадратов или божественных эманаций на этом изображении — пять (возможно отдельно обозначенная эманация является символом грядущего Тысячелетнего царства). Справа от поля, поделенного на квадраты, за вертикальной чертой есть изображение поднятой вверх ладони, имеющей отношение, на наш взгляд, как к трем рыцарским обетам, приносимым неофитами при вступлении в орден, так и к тройному отречению от Иисуса Христа в тамплиерском посвящении.

Наряду с центральным верхним изображением с Голгофой, Иоанном и эмблематическими распятиями, справа от него находится не менее важный символический рисунок, передающий мистерию Бафомета. На нем в правой части мы видим коленопреклоненного и с нимбом над головой и в священническом облачении Святого Иоанна Крестителя, держащего мастерок вольных каменщиков острием вниз (возможен также вариант запона франк-масонов треугольной формы). Слева от Иоанна — загадочная птица, под правым крылом которой как бы согревается божественный младенец Манда д'Хайе, он же — воплощенный Гнозис и Царь-Священник. С левой стороны от головы птицы, повернутой клювом вправо, проглядываются очертания лица в анфас божественной Премудрости Софии-Ахамот-Хохмы (а также тамплиерского эона Мете), увенчанной нимбом и являвшейся, по представлению гностиков, заблудшей овечкой. Завершает рисунок немного наклоненное вправо копье с витым древком, символизирующим цепь эонов, исходящих из одного центра, на которое опираются повернутые вправо крылья таинственной птицы. Птица эта — Феникс или Пеликан, объемлющая собой персоны иоаннитско-мандейской триады, и значит — Бафомет, крещение мудростью, а одинаково непрерывное погружение мистического Феникса в огонь люциферических знаний и воскрешение в нем. Здесь пребывает начало и конец весьма утонченной символической доктрины иоаннитов-мандеев, тамплиеров и их наследников франк-масонов.

Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini Tuo da gloriam!

ОБ АВТОРАХ «ЗАГАДОЧНОЙ ШКАТУЛКИ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА»

Томас-Жоашен-Александр-Проспер Миньяр, он же **Проспер Миньяр** (1802–1891), бургундский нотариус, эрудит, культуролог, историк-краевед, филолог и археолог, член главных ученых сообществ Дижона: Академии наук, искусств и изящной словесности, а также Комиссии древностей департамента Кот д'Ор. Происходил из обеспеченной буржуазной семьи Дижона. Проспер Миньяр является автором многих книг, посвященных родной Бургундии, из которых наиболее известны: «История различных культов бургундского края» (Дижон, 1851), «История бургундского наречия и его собственной литературы» (Дижон, 1856) и «Бургундская археология» (Дижон, 1876).

Тем не менее, наибольшую знаменитость ему снискали книги, связанные с историей Ордена тамплиеров в Бургундии и Шампани и отправляемого в нем тайного культа: «Разъяснения об оккультных практиках тамплиеров» (Дижон, 1851), «Монография о шкатулке герцога де Блакаса» (Дижон, 1852) и «Продолжение монографии о шкатулке герцога де Блакаса» (Дижон, 1853). Последние два произведения, объединенные под общим названием «Загадочная шкатулка герцога де Блакаса», вошли в основу предлагаемой нами первой книги выпуска «MYSTERIUM BAPHOMETIS: ТАЙНАЯ ДОКТРИНА ОРДЕНА ХРАМА».

Йозеф фон Гаммер-Пургшталь (1774–1856), выдающийся австрийский востоковед, переводчик и дипломат, барон. Переводил арабских, персидских и турецких авторов, в том числе — «Сказки 1001 ночи», «Диван» Хафиза, повлиявший на творчество Иоганна Вольфганга Гёте. Написал десятитомную «Историю Османской империи» (Пешт, 1827–1835) и «Историю арабской литературы» (1850–1856). Редактировал и выпускал периодическое издание «Копи Востока» («Fundgruben des Orients»; шесть томов, 1809–1818) Был одним из основателей Австрийской академии наук, став ее первым президентом (1847—1849). Кроме того, он состоял иностранным членом французской Академии надписей и изящной словесности, а также иностранным почетным членом Петербургской академии наук (1823).

Гаммеру-Пургшталю принадлежит написанное на латинском языке исследование «Mysterium Baphometis revelatum» («Разобла-

ченная мистерия Бафомета»), вышедшее в «Каменоломнях Востока» (6 том, 1818), в котором, в частности, утверждается, что тамплиеры являлись ветвью гностиков-офитов и исповедовали свой культ на «Тайных капитулах». Позднее того же мнения придерживались римско-католические писатели, специализировавшиеся на разоблачении франк-масонства, тайных обществ и оккультизма, и отождествление тамплиеров с офитами стало общим местом. Один из этих писателей — архиепископ Сент-Луиса Леон Мойрин, тщательно изучавший символику франк-масонства.

Гипотеза о связи тамплиерской ереси с гностицизмом офитов была впервые высказана в 1782 году немецким академиком, франкмасоном и членом баварского Ордена иллюминатов под именем «Диоклетиан» Христофом Фридрихом Николаи (1733–1811) в его «Эссе об обвинениях, выдвинутых против Ордена тамплиеров и их мистерий»: Николаи считал, что Бафомет, происходивший от греческого слова Βαφομητος, это пифагорейский символ, позднее трансформировавшийся в ритуал офитов βαφὴ μήτεος *(крещение мудростью), который перешел тамплиерам. Следовательно, офиты и тамплиеры разделяли доктрину о двух крещениях — экзотерическом и эзотерическом. Первое — водное; второе — огненное, называвшееся крещением Мудростью (Мете). Оно же есть озарение или крещение Света франк-масонов (38). В своем произведении «Mysterium Baphometis revelatum» Гаммер-Пургшталь, по сути, отождествил этот ритуал с культом Приапа или Пана, как порождающего естества, и другими религиозными синкретическими церемониями позднего эллинизма, хотя это больше, на наш взгляд, относится к почитанию личности Демиурга у тамплиеров, нежели к самому Бафомету, совершенно эзотерическому и синтетическому образу небесного андрогина, связанному с иерархией эонов и эманаций в не христианизированной иоаннитско-мандейской космогонической доктрине.*

Предыстория написания фон Гаммером-Пургшталем «Воспоминаний о двух гностических шкатулках Средневековья из кабинета герцога де Блакаса» такова: в 1789 году рядом с Эссаруа была обнаружена шкатулка из известнякового камня, принадлежавшая тамплиерам, после чего она находилась в замке Эссаруа, древнем командорстве тамплиеров, ставшем собственностью бургундской аристократической фамилии де Шастенэ. Спустя некоторое время шкатулку приобрел парижский антиквар Роллен, уступивший ее затем герцогу Пьеру-Людовику-Казимиру де Блакасу, сыну

франк-масона Александра-Пьера-Жозефа де Блакаса, члена ложи «Приверженцы Добродетели», практиковавшей обряд Пернети в Авиньоне. В 1825 году Гаммер-Пургшталь встретился с герцогом Пьером-Людовиком-Казимиром де Блакасом в Милане и в 1832 году опубликовал свои воспоминания, касающиеся двух гностических шкатулок тамплиеров, написанные им по-французски. Выход этой книги послужил толчком для нотариуса и краеведа из Дижона Проспера Миньяра заняться изучением тамплиерского гностического культа в Бургундии и Шампани, сосредоточившись на шкатулке, найденной в Эссаруа в первый год Великой Французской революции. В нашем издании «Исследования о двух гностических шкатулках Средневековья из кабинета герцога де Блакаса» фон Гаммера-Пургшталя являются своеобразным приложением к обоим частям исследования Проспера Миньяра «Загадочная шкатулка герцога де Блакаса».

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт

---

(1) Мы решили сделать собственный тщательный перевод этого фрагмента из «Истории магии» Элифаса Леви, чтобы не упустить ни малейшей детали, касающейся создания знаменитого ордена: к сожалению, многие дореволюционные русские переводы упускают тонкости текста, на которые бы следовало обратить внимание. Перевод дан по изданию: Histoire de la magie avec une exposition claire et précise de ses procédés, de ses rites et de ses mystères par Éliphas Lévi. Paris, 1860. Procès célèbres, p. 274.

(2) Смирнов В.В. Воскресение тамплиеров. Трилогия. Москва, «Вече». 2004–2009.

(3) Цит. по

Робер Амбелен «Драмы и секреты истории, 1306–1643». Москва, 1992. Глава 2. Тайный внутренний круг тамплиеров.

(4) Ragon, Jean-Marie. Orthodoxie maconnique. Paris, E. Dentu, 1853.

(5) Nesta H Webster. Secret Societies and Subversive Movements. London, 2000. P. 66, 67.

(6) Рудольф, Курт. Мандеизм. Перевод Дмитрия Алексеева. С. 5, 6.

(7) На русский язык из этой книги переведены только отдельные главы.

(8) Элифас Леви. История магии. Электронная библиотека «Грамотей». Глава VI. Некоторые знаменитые судебные процессы.

(9) Пайк, Альберт. Мораль и догма. 30. Рыцарь Кадош. http://zelot.org.kadosh_mas30.pdf.

(10) Французское издание этой книги осуществлено в 1978 году в издательстве J'ai lu: Les prophéties du Pape Jean XXIII.

(11) André Wautier: Dictionnaire des gnostiques et des principaux initiés. Le mandéisme. P. 171. Электронная библиотека исследовательской ложи «Александрия» обряда Мицраим.

(12) Op. cit. Там же.

(13) Inscriptions mandaïtes des Coupes de Khouabir; texte, traduction et commentaire philologique avec quatre appendices et un glossaire par Henri Pognon, consul de France à Alep. Paris, 1898.

Между прочим, представители ученого сообщества Римско-Католической церкви, мнение которого разделяет и автор этой книги, французский консул в Алеппо на исходе XIX столетия Анри Поньон, пытались доказать более позднее происхождение гностической секты иоаннитов-мандеев, ссылаясь на несторианского писателя и епископа Лахума Феодора бар Конаи и его «Книгу схолий». Однако утверждение, согласно которому мандеизм сформировался в период с V по VII век на основе маркионитства, манихейства и учения месенских кантеев, было опровергнуто в трудах последующих ученых-семитологов и религиоведов, засвидетельствовавших древность и оригинальность мандеизма, его древнееврейский ессейско-назорейский исток и первичность по отношению к тому же манихейству. Достаточно привести их имена: Е.С. Дровер, М. Лидзбарский, Д. Хвольсон и др.

(14) http://iph.ras.ru/uplfile/smirnov/ishraq/2/15shakh.pdf Наряду с переводом главы «Маги» из трактата Шахрастани, здесь размещены очень ценные примечания господина Смирнова к этой главе, которые мы использовали в части, касающейся сабиев-мандеев. Стоит добавить, что на русский язык переведен С.М. Прозоровым только первый том Шахрастани, посвященный исламу и его течениям. Он увидел свет в 1984 году в издательстве «Наука», выйдя ограниченным тиражом под названием «Книга о религиях и сектах», и теперь является библиографической редкостью.

(15) Рудольф, Курт. Op. cit.

(16) Цит. по книге: К. Матвеев, А. Сазонов «Земля Древнего Двуречья (мифы, легенды, находки и открытия)». Москва, «Молодая гвардия», 1986. Ссылка электронной библиотеки: http://coollib.net/b/217937/read.

(17) Inscriptions mandaites des Coupes de Khouabir... par Henri Pognon. 1. cit.

(18) Жилль Киспель. Демиург в Апокрифе Иоанна. Перевод выполнен Дм. Алексеевым по изданию: Gilles Quispel,The Demiurge in the Apocryphon of John. //R. McL. Wilson (ed.) Nag Hammadi and Gnosis. Papers read at the First International Congress of Coptology (Cairo, December 1976). (Nag Hammadi Studies XIV) Leiden: Brill, 1978. Источник: http://astrovic.ru/gnosis/demiurge.htm.

(19) Рудольф, Курт. Op. cit.

(20) Электронный ресурс «Иудаизм и евреи». Источник: http://toldot.ru/tora/articles/articles_2573.html (21) Все мандейские тексты из «Гинзы» и «Книги Иоанны» взяты нами с французского электронного ресурса «Noosphere» и переведены нами на русский язык с французского. Источник: http://atil.ovh.org/noosphere/mandeens2.php.

(22) Fulcanelli, Canseliet, E. Les Demeures philosophales. T. I. Paris, Pauvert, 1985 (Collection Bulle). P. 50.

(23) Цывкин, Владимир. По стопам Иисуса на Святой Земле. Иерусалим, 2005.

(24) См. примеч. (21). В мандейских текстах (в частности, в их франкоязычной версии) встречаются разночтения имен: Иахиа — Юхана, Гибил — Гивил, Анош — Энош и пр. Это сохранялось и в оригинальном тексте, почему мы и не стали приводить каждое из них к единому варианту, поскольку нормативного произношения и написания имен у мандеев, по-видимому, не существовало.

(25) André Wautier. Op. cit. P. 201, 202.

(26) Gilbert, R. A., Birks, Walter. The Treasure of Montsegur: Study of the Cathar Heresy and the Nature of the Cathar Secret. 1987.

(27) Болотов, В. В. Лекции по истории древней Церкви. Санкт-Петербург, 1910. Т. II. Приложения: Мандаиты (так называемые «христиане Иоанна Крестителя»); стр. 332–334.

(28) Рудольф, Курт. Op. cit. См. также: Schattner-Rieser, Ursula. «Les *Mandéens ou disciples de Saint Jean*», — Mémoires de l'Académie de Metz 2008, CLIX année (2009), tome XXI, pp. 243–257.

(29) http://astrovic.ru/gnosis/alexejev.htm

(30) Рудольф, Курт. Op. cit.

(31) Inscriptions mandaïtes des Coupes de Khouabir... par Henri Pognon. ad loc.

(32) Источник: http://www.temlarhistory.ru/Riley-Smith_Templars_guilty

(33) Источник: http://www.templarhistory.ru/Forey_Templars_guilty_1; http://www.templarhistory.ru/Forey_Templars_guilty_2

(34) Рудольф, Курт. Op. cit.

(35) См. прим. (32).

(36) Источник: http://www.templarhistory.ru/chinon_chart/

(37) Цит. по книге: Моноусова, Екатерина. Полная история рыцарских орденов. Москва, АСТ, 2010. С. 20.

(38) Fulcanelli, Eugene Canseliet. Op. cit. P. 51.

МОНОГРАФИЯ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

Тома Жоашен Александр Проспер МИНЬЯР,
член нескольких ученых сообществ

Париж, Демулен, набережная августинцев, 13

1852

Господину герцогу де Блакасу

Благосклонность, которой Вы соизволили вдохновить мои усилия и предоставить в мое распоряжение великолепную шкатулку, находящуюся в Вашей собственности, делает меня обязанным посвятить Вам монографию об этом предмете.

Столь достойное похвалы побуждение к исследованию, данное Вами, является счастливым итогом Вашего усердия к разысканию наиболее любопытных памятников истории для привлечения их на службу прогрессу. Эти деяния наиболее чем достаточны, чтобы воздать Вам не только моей живой и достопочтенной благодарностью, но еще и благодарностью всех трудолюбивых и просвещенных людей, которые упорно ищут истину столь часто скрываемую в том, что я осмелился называть археологическими святилищами.

Я осторожно вхожу в область вопроса высокой сложности, но Ваше благородное содействие меня в этом поддержат; смею уповать, что оказываю Вам почтение этим трудом, предав его, несомненно, наиболее искусному и верному покровительству.

Имею честь питать глубокое уважение к Вам, ***Господин Герцог,***

Ваш покорнейший и преданнейший слуга
Миньяр

МОНОГРАФИЯ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

«Процесс тамплиеров нуждается еще в пересмотре и новых подходах»
Ж. Маттер, «Критическая история гностицизма», и 2 издание, т. III, стр. 342

КРАТКИЙ ОБЗОР

Настоящая монография о главном изображении (1) на шкатулке из Эссаруа. Свидетельства существования идола или бородатой головы. Соотношения между предшествовавшими свидетельствами, изображением и надписью на шкатулке. Иные соотношения этого изумительного документа с историческими фактами и уточнение степени виновности ордена. Разыскания о происхождении *отречения,* выраженного в надписи на шкатулке словом *Tanker* и пр.; о значимости латинского эпитета *germinans*. Объяснение слова *Zonar*, которое завершает арабскую надпись на шкатулке.

В первой части этого труда я постараюсь показать, что доктрина эманаций подразумевала собой главным образом слияние двух полов во всяком мистическом персонаже и каждый эон, обладая творческой потенцией в себе самом, являлся *андрогином*. Эти принципы неодолимо следуют из системы Валентина: она подобна ключу от свода гностического эклектизма (2), в который окунулись наши рыцари Храма; эти принципы исходят еще из собственных слов Святого Иринея, цитированных мной ранее; они, наконец, идут от нескольких рисунков, аналогичных изображению на шкатулке из Эссаруа (Essarois); и поскольку эти рисунки приведены в одном из наиболее замечательных произведений *господина фон Гаммера (de Hammer)* (3), надеюсь, этот выдающийся ученый простит мне, обнаружившему поразительное противоречие между данными рисунками и первоначальным изображением на нашей шкатулке, которое он дал в приложении К своей работе 1832 года. Под словом противоречие необходимо понимать отсутствие *андрогинизма*

в этом последнем образе, пусть даже его характер очевиден на рисунке. Итак, согласно доктрине эманаций, рисунки представляются подлинными, и только изображение, приведенное в работе, ошибочно. Я предположил, что художник, которому поручено было воспроизвести изображение, *позволил себе вольность* (4): и никак не мог приписать самому г-ну фон Хаммеру противоречие, вносящее хаос в исторические данные. Как бы то ни было, я пребывал настолько убежденным, что изображение женщины на шкатулке из Эссаруа вместо гладкого подбородка должно иметь бороду, что принял решение поделиться с *господином герцогом де Блакасом* своими сомнениями в достоверности изображения, воспроизведенного в первую очередь для сопровождения исследования господина фон Гаммера. Вскоре мои сомнения целиком подтвердились благодаря посылке мне отлитого гипсового слепка с самой шкатулки, и я с радостью увидел, что мои убеждения об *андрогинизме* были здравыми. Я привожу здесь изображение, исправленное по слепку, и, предоставив его глазам читателя, искренне рад познакомить его со своими доводами в *настоящей монографии* о великолепной шкатулке из Эссаруа, пробуждающей сегодня столько казалось бы уснувших идей (5).

Андрогинизм являлся основой системы эманаций, и построивший свою систему во II веке Христианской Церкви Валентин, будучи одним из наиболее пылких *синкретистов восточно-греческих* школ, как я уже говорил, не страдал от недостатка примеров. Итак, приведем некоторые из них. *Бородатая Венера* с Кипра соединяла в себе оба пола и рассматривалась как лунное божество (6).

Исходя из *Птолемея Гефестиона*, Адонис одновременно служил мужем Венере и любовницей Аполлону. Этот *Адонис-андрогин*, как добавляет Крейцер (Creuzer), обретает естественно свое место рядом со знаменитой бисексуальной Венерой из *Амафонта*, чьи праздники отличались странным обычаем: на них мужчины менялись с женщинами своими одеждами (7).

Согласно *Орфею, все пребывает в Юпитере*. Следовательно, латинская поэзия была обязана свести в один стих этот мощный андрогинизм:

Jupiter et mas est, atque idem nympha perennis (8).

Великий глава гностической школы Валентин, будучи платоником, не мог не присоединиться к весьма известной системе андрогинов Платона (9). Для нескольких школ *гермафродитизм* даже являлся символом земли, пластическая сила которой уподоблялась женскому полу, а произ-

водящее начало рассматривалось в качестве мужского пола (10): именно поэтому некоторые *гностические секты* делали из земли или Кибелы тот же *эон*, что и мистический персонаж Σοφία, возлагая на ее главу зубчатую корону (11). Эти секты шли в своем безумии еще дальше, ибо делая из Святого Духа эон, аналогичный эону Σοφία, они присваивали Святому Духу андрогинизм или оба пола (12).

В индийской религии Брахма (13), *великое явление, первое откровение существа*, является андрогином; он — образ первого мужчины и первой женщины, соединенных между собой. Изображаемая жемчужным ожерельем цепь сотворенных существ подвешена к руке и ноге первого самца: он, кажется, превозмогает себя, чтобы ожерелье сделало еще одну складку на нем. Кто не распознал бы в этом ожерелье *цепь эонов*, о которой так часто говорят гностики и аллегория которой видна здесь же — на самой гравюре нашего изображения шкатулки из Эссаруа?

Во II столетии Церкви *Вардесан* из города *Эдессы* (14), один из первых в Месопотамии, воспринявших свет Евангелия (15), принадлежал, хотя и слыл ревностным христианином, к гностической ереси Валентина (16). Вардесан был человеком изумительного знания (17), приобретенного им в своих путешествиях по Персии и Индии (18); и это знание немало поспособствовало для искажения в нем простоты христианской веры. Именно он дал следующее описание изображения Брахмы:

«Творящий Бог в образе *гермафродита* имел справа от себя солнце, а слева — луну (19); на его двух распростертых скрещенных руках были видны множество ангелов или гениев и различные части мироздания: небо, горы, море, *река* (20), Океан, растения, животные, полное естество (21)».

Я мог бы приводить и дальше иные примеры *андрогинизма*, но сказанное мной уже достаточно для того, чтобы удостовериться во всеобщности этой идеи, исшедшей от разных культов Греции и Азии в гностические теории, историю которых я попытался наметить; итак, возвращаюсь к тому, что касается наших тамплиеров, и перехожу затем к идолу, являвшемуся одной из главных причин обвинений против них.

---

(1) *Изображение на ее крышке*, ибо шкатулка имеет четыре стороны, на каждой из которых по барельефу: это по ходу *монографии* и будет предметом моего исследования.

(2) В ином месте я подтвержу это выражение о *гностическом эклектизме*.

(3) «Копи Востока».

(4) Всякий иллюстратор, безусловно, не обязан быть археологом; но всякий копиист археологического памятника должен его воспроизводить точно и не задумываясь.

(5) 24 мая 1851 года господин герцог де Блакас оказал мне честь в ответ на мою просьбу проверить изображение на самой шкатулке, написав из своего замка Вериньон вблизи Опа (Aups) в Варе следующее:

«Вот то, что мне пишет на сей счет мой брат, занимавшийся проверкой: «Для меня очевидно, что вышеупомянутая фигура *является бородатой*; действительно, она достаточно истерта, и хотя литография ее передает плохо, тем не менее, рассматривая ее, нельзя подвергнуть сомнению существование бороды, которая достаточно свидетельствует о ее *андрогинизме*». — Я искренне сожалею, — продолжает господин герцог де Блакас, — что Ваше письмо мне не было доставлено перед моим отъездом из Парижа: вероятно я смог бы Вам отправить отпечаток или кальку, что помогло бы прояснить все Ваши сомнения».

Следующего 1 июня я получил из Парижа от господина графа де Блакаса, любезно взявшегося позаботиться за своего брата герцога де Блакаса, коробку, содержавшую в себе литой слепок самой шкатулки. Посылка сопровождалась письмом, содержание которого подтверждает высказанное мной в замечании к первой части этого труда относительно ветхости и стёртости или небрежности самого рисовальщика.

«Вы совершенно верно рассудили, — говорит господин граф де Блакас, — что гностическая фигура со шкатулки из Эссаруа должна быть бородатой, в чем никак не позволяет усомниться мало-мальски серьезное обследование: это пренебрег сделать рисовальщик...»

(6) Creuzer, F., Religions de l'antiquité, t. II, 3, p. 977.

«В мистической идее эонов, — говорит Бособр, — одно и то же существо является порой мужем и женой: мужем, когда оно действует, и женой по отношению к высшему существу, воздействующему на него. К примеру, луна является мужем земли, поскольку она воздействует на землю; но луна же будет женой солнца, поскольку последнее воздействует на нее. Таким же образом и с душой: она предстает мужем по отношению к телу (Beausobre, I. de, Histoire critique de Manichée et du manichéisme. Amsterdam, 1734, t. I, p. 583)». Это оригинальное определение вполне способно разъяснить систему андрогинизма гностиков, почему я даю его здесь.

(7) Creuzer, F., Religions de l'antiquité, t. II, 3, pp. 1025-1028.

(8) Я обязан этим замечанием моему ученому коллеге из академии Дижона господину доктору Валло (Vallot), и рад его поблагодарить за благосклонное усердие, с которым он всегда готов предоставить свою разностороннюю и глубокую эрудицию на службу прилежным людям.

(9) Платон полагает, что в начале существования мира имелось три вида существ: одни были только мужского рода, другие женского, а третьи — мужского и женского одновременно. Они и суть *андрогины*. Все индивиды этих трех видов обладали каждый четырьмя руками и четырьмя ногами, двумя лицами, обращенными друг к другу, вырастающими из одной шеи, четырьмя

ушами, двумя детородными частями и так в остальном (Bayle, à art. *Sadeur*, note F.)

(10) Creuzer, F., Religions de l'antiquité, t. II, 3, p. 1031.

(11) Персонаж нашей шкатулки из Эссаруа имеет голову, украшенную зубчатой короной.

(12) В своей первой части я дал сделанное Иринеем Лионским определение для *гностического персонажа* Σοφία, а также имена с ней ассоциировавшиеся. (Стр. 9) **

Андрогинизм оставил глубокие следы, что видно даже на примере наиболее ревностных христианских учителей Средневековья: в XI веке знаменитый *Ансельм*, автор *Сентенций*, всерьез занимался вопросом о том, мог ли Иисус Христос принимать женский пол (Histoire littéraire d'Italie par P.-L. Ginguené, 1824, t. I, p. 149).

(13) Brahm-Maya или Maya-Maya, или Brahma Viradj и т. д., чтобы дать этому идолу часть его наименований (Creuzer, pl. 1, fig. 2 des vol. des planches).

(14) L'abbé Foucher, Mem. de l' Acad. des inscr.

(15) Dictionnaire de géographie ancienne et moderne par Meissas et Michelot p. 236.

(16) L'abbé Foucher, loc. cit., и Dictionnaire des hérésies, des erreurs et des schismes par l'abbé Pluquet.

(17) Святой Иероним говорил, что Вардесаном восхищались даже языческие философы: Talis Bardesanes cujus etiam philosophi admiratur ingenium. (S. Hieronymi in Os., X)

(18) L'abbé Foucher, loc. cit.

(19) Нельзя ли увидеть некую аналогию между первой частью этого описания и изображением на нашей шкатулке?

(20) Это вероятнее всего *Ганг*.

(21) Creuzer, F., Religions de l'antiquité, t. I, p. 73.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ИДОЛА ИЛИ БОРОДАТОЙ ГОЛОВЫ

Когда я представил публике первую часть своих разъяснений об оккультных практиках тамплиеров, я не имел под рукой великолепную коллекцию *Неизданных документов по истории Франции*; недавно я скрупулёзно прочитал это издание, почерпнув в нем ряд доказательств, подтверждающих все, что я изначально высказывал. Теперь существование идола или *бородатой фигуры*, на предмет которой возникало столько разногласий, уже не должно вызывать и тени сомнения, ведь обеспечив материальное доказательство, я прибавляю к нему неопровержимые исторические свидетельства.

Акт обвинения доводил, что тамплиеры *особенным образом* поклонялись головам (1) *на своих капитулах и ассамблеях* (2); и в инструкциях, которые Вильгельм Парижский, один из инквизиторов, рассылал в провинции, повелевалось допрашивать тамплиеров об идоле, *имеющем форму человеческой головы с большой бородой* (3). Брат Жан Тайефер (Taillefer) из Лангрского диоцеза, ставший членом ордена в *Мормане* (Mormans) в Бургундии, заявил, что во время посвящения перед ним на церковном алтаре располагался идол, представлявший собой *человеческую фигуру* (4).

Гуго де Бюр (Hugues de Bure), другой бургундский брат из того же Лангрского диоцеза, говорит, что перед ним извлекли из шкафа в церкви *одну голову*, обвязанную веревкой, которую ему вручили после этого *обряда посвящения*, чтобы он ей опоясался поверх рубашки и больше никогда ее не снимал (5). Этот идол ему казался сделанным из серебра, меди или золота: он представлял собой человеческую голову с длинной бородой, показавшуюся ему белой.

По ходу нужно сделать замечание: многие из братьев воздерживались от ношения *веревки*. По Гуго де Бюру причина их отвращения в следующем: они думали, что могли совершить грех, опоясавшись этой веревкой после соприкосновения ее с идолом, *который, по их мнению, не означает ничего хорошего* (6). Здесь мои читатели могут лишь разглядеть чувства благочестия и невинности большей части братьев, несмотря на то, что требовалось от них. Всякий раз, как представится возможность, я буду подчеркивать эти добропорядочные

чувства, поскольку по-настоящему желаю привлечь к себе доверие благодаря непредвзятости и искренности обсуждения.

Тамплиер *Рудольф де Жизи (Rodolphe de Gisi)* заявил, что присутствовал на генеральном капитуле, проводимом *братом де Виллером (de Villers)* в диоцезе Труа (Troyes), когда *брат Гуго* из Безансона приносил голову идола и клал ее на скамейку. Тогда ужас принимаемого в орден был так велик, что он удалился из капитула, не дожидаясь отпущения грехов (7). Тот же самый Рудольф де Жизи, допрашиваемый во второй раз, признался под присягой, что видел подобную голову на семи капитулах, проводимых как Гуго де Пародо (Hugues de Peraudo), так и другими орденскими начальниками. Этот идол, как он добавлял, имеет ужасный вид с наружностью демона и на его наречии назывался *Мофе* (возможно *Мауфе*, т. к. *Maufe* — В. Т. — Г.) (8). Всякий раз при появлении этой головы он мог ее немного рассмотреть, хотя и был охвачен ужасом, и когда его спрашивали, почему рыцари поклонялись этой странной голове, он отвечал, что, *поскольку рыцари совершали худшую вещь, отрекаясь от Иисуса Христа*, они могли с тем большим основанием поклоняться этому идолу. Затем он назвал среди поклонявшихся ему *Жерара де Виллара (Gerard de Villars)* и еще других (9).

Пьер д'Арбле (Pierre d'Arbley) часто видел на алтаре *серебряную голову*, которой поклонялись капитулярные начальники; ему говорили, что она содержит в себе голову одной *из одиннадцати тысяч дев*, и он поначалу верил в это; но со времени тюремного заключения рыцарей он стал подозревать, что это простой идол, поскольку голова ему казалась с двумя лицами, будучи чудовищной внешности и с *серебряной бородой* (10).

Брат *Жан де Тюрн (de Turn)*, казначей из парижского Тампля, исповедался, что ему показали картину с изображением одного человека, предписав поклоняться ему. Он думал, что это был какой-то святой (11).

Арнольд де Гоэрт (de Goërte), принятый в орден в диоцезе Сэнт (Saintes), слышал разговор идола, находившегося в доме Храма *Рюпеля (de Rupelle)* (12); но показание из того же диоцеза *Пьера Жираля де Марсака (Pierre Girald de Marsac)* более существенно: он говорит, что его посвятитель брат *Тибо (Thibault)* вынул из своих одежд маленькое изображение женщины, сказав, *что все у него сложится прекрасно*, если бы он пожелал довериться ей. После этих немногих слов посвятитель вновь заботливо разместил идол под своими одеждами (13).

В Париже комиссары, следившие за подготовкой процесса, вызвали в свое присутствие администратора и хранителя ценностей Тампля *Вильгельма Пидуа (Guillaume Pidoye)*, который положил перед их глазами большой серебряный идол, совершенно позолоченный и представляющий собой женщину. На куске тряпки из красной материи, завязанной за бюстом, была маленькая затертая записка, где читалось: «Голова пятьдесят восьмая» (14).

Вильгельм д'Арбле (Guillaume d'Arbley) видел на генеральных капитулах бородатую голову, коей воздавались почет и поклонение (15). *Антуан де Версей (Antoine de Verceil)* и брат *Гуго де Фор (Hugues de Faure)* испытали подобные разоблачения (16).

Пьер де Боннефон (Pierre de Bonnefond) из диоцеза Клермон (Clermont) наставлялся одним из свидетелей своего посвящения в том, что веревки, которыми они опоясывались, прикасались *в заморских странах* к некоей голове. По признаниям того же рыцаря, для принимаемого в орден подобного разоблачения вполне достаточно, чтобы выбросить этот пояс (17).

Пьер Ренье де Ларшан (Pierre Regnier de Larchent) из диоцеза Сан (Sens), допрашивавшийся по вопросу дознания, видел ли он поклонение некоей голове на генеральных капитулах, подтвердил под присягой, что видел это двенадцать раз на двенадцати капитулах и отдельно на капитуле, проходившем в Париже после праздника апостолов Петра и Павла. Эта голова, согласно тому же свидетелю, имела *бороду*; ей поклонялись рыцари и смиренно целовали ее, называя своим спасителем. На вопрос известно ли ему, где она находится, он ответил, что ничего не знает, но, как ему казалось, великий магистр ордена или тот, кто проводит капитулы, приставляли к ней свою собственную охрану (18).

Рыцарь из диоцеза Безансон *Вильгельм де Жиак (Guillaume de Giac)*, принятый в Марселе братом Симоном де Кинсиаком (Simon de Quinciac), говорит, что на острове Кипр и в городе *Лимессон* (Лимассоль) он видел эту голову, являвшуюся объектом тайного культа рыцарей (19). Брат *Гоше (Gaucher)* видел тот же самый идол дважды на капитуле, состоявшемся в Париже, где рыцари ему поклонялись (20). *Гиллерме де Арбле (Guillermey de Harbley)*, священник королевского дома, присягнул, что видел выносимую на двух капитулах, проводившихся визитатором Франции братом Гуго де Перодо, деревянную или серебряную позолоченную голову; видел он и поклонение ей, и сам притворялся будто бы это делает (21).

Брат Жан-Дени *де Таверниак* (Jean-Denis *de Taverniac*) также утверждал под присягой, что видел эту голову шесть раз на шести разных капитулах и ей поклонялся. В основном эти капитулы проводились великим магистром *Вильгельмом де Боже (Guillaume de Beaujeu)*, а после него *Гуго де Пародо*. Этот последний, принятый в орден своим дядей по отцу *Гумбертом де Пародо (Humbert de Peraudo)* в Тампле Лиона, одинаково клялся, что видел, держал и трогал рукой на капитуле, проходившем в Монпелье, одну голову, которой поклонялись все присутствующие братья: было ли это искренне, он не знает; что касается его, то он избегал ее и поклонялся ей лишь устами (22).

Брат *Жан де Тюрн*, казначей парижского Тампля, говорил о голове, изображенной на картине, и под присягой утверждал, что поклонялся ей как и другие рыцари (23).

Жан д'Анизиак (d'Anisiac) заявлял, что дважды на капитулах в Париже видел *Жерара де Виллера*, несущего какую-то вещь, но не смог различить, что она из себя представляла, поскольку место собрания освещалось тусклым огнем единственной свечи (24). В действительности, орденские капитулы, как и посвящения, проводились в тайном месте ночью или на рассвете (25). Они несли на себе торжественность мистерий: и когда посреди этих теней, пронизанных несколькими лучами тусклого свечения факела, братья склонялись над страшным металлическим идолом, не стоит удивляться тому, какой ужас и какое оцепенение при виде такого странного кощунства внушалось неофитам, которым посвящение в эти мистерии не искажало ни веры, ни простодушия. Но каждый обязан был клятвой сохранять тайну мистерий, а всякий касавшийся идола становился одним из наиболее влиятельных орденских начальников: так, некий рыцарь говорил Раулю де Прелю (Raoul de Presles), одному из важных сановников эпохи, что генеральный капитул ордена обладал настолько таинственной вещью, что если, к своему несчастью, ее кто-нибудь бы увидел, будь это сам король Франции, то *никакой страх* мучений не помешал бы членам капитула его убить (26).

Как и во всех мистериях, античных или современных (27), в таинствах Ордена Храма имелись свои степени посвящения, что было бы с высокой долей вероятности даже тогда, когда мы не располагали бы доказательством этого в собственном свидетельстве рыцарей. Вот брат *Гуго* из диоцеза Клермон определенно заявляет, что от нескольких своих товарищей по оружию слышал, как начальники

ордена предавались *оккультным практикам*, которые не могли раскрываться перед нижестоящими членами (28).

Следовательно, все те, кто не принимал участия в генеральных капитулах, не знали о существовании головы или вышеупомянутого идола: подобный факт проистекает из свидетельского показания одного из братьев этой категории, заявлявшего, что ничего не знает о голове, коей поклонялись, *поскольку он никогда не присутствовал ни на каком из генеральных капитулов* (29).

Как видно, мы в изобилии располагаем свидетельствами существования идола, но независимо от этих доказательств наиболее маститые авторы меня снабжают еще неопровержимыми доводами. Так, я нахожу у Маттера важный фрагмент: «После *отречения* шло поклонение идолу, *голове, очень разнообразной по форме и выразительности, а равно по материалу изготовления и цвету*. Существовало огромное количество ее копий; *тамплиеры их держали в своих шкатулках*» (30). Четыре из них, по словам *Вильке (Wilcke)*, нашли в Англии. Эта голова, как добавляет тот же автор, занимала место рядом с председателем собрания, и ее рекомендовалось доверять только тому, кто ее представлял (31).

Мольденгауэр (Moldenhauer) не преминул напомнить (как я сам сделал выше, обратившись к подлинным источникам) об этой голове под № 58, предъявленной следственной комиссии, учрежденной в Париже. Аббат Баррюэль, которого я не люблю из-за его чрезмерной страстности, направленной против франк-масонства, но который все же не приводит никаких непроверенных фактов, говорит, что голова или идол вновь находится в ложах *Венгрии*, ссылаясь при этом на донесение *фон Клейзера (de Kleiser)* императору Иосифу II (32). Но особенно важно для нас то, что ученый господин фон Гаммер, президент Венской академии, описал несколько *шкатулок* из имперского кабинета и, более того, *другую шкатулку, происходящую из Тосканы*: они все совершенно аналогичны шкатулке, *найденной в Бургундии* (33), и я обеспечил доказательство данной аналогии, сопроводив главное изображение с последней шкатулки тремя рисунками, позаимствованными у памятников, описанных господином фон Гаммером. Отметим больше: все шкатулки обладают тройным соотношением: соответствие, проявленное между ними, соответствие с мистериями гностических сект, соответствие с известными и признаваемыми самими тамплиерами оккультными практиками. Итак, эти шкатулки представляют собой наиболее полное свидетельское показание, которое можно предъявить против знаменитого ордена,

коим я занимаюсь; более того, они представляют собой неоспоримое доказательство принадлежности этого ордена к *гностицизму*, и мы увидим к какому; ибо эта незаконнорожденная *ложная религиозная философия* приобретает все тона; но пока, как не удивиться тому, что в Германии нашлось определенное количество этих обвинительных памятников, хотя они столь редки в странах, где как и во Франции поднимался вопрос о виновности ордена. А смысл в том, что Германия является страной, где Орден Храма был наиболее сохранен (34): соборы в Майнце и Трире постановили в пользу его невиновности. Значит, рыцари пользовались там меньшим недоверием, чем в других местах; у нас же, несомненно, они спокойно не ступили бы и шага: тут все их заботы направлялись на исчезновение свидетелей, которые, не став однажды немыми, не сделались бы менее страшными.

Мне остается теперь установить поразительные соответствия, которые связывают между собой нашу шкатулку из Эссаруа с аутентичными свидетельствами, почерпнутыми в великолепной коллекции неизданных документов по истории Франции.

---

(1) Idola, videlicet capita. (Doc. in., t. I, p. 92)

(2) In eorum magnis capitulis et congregacionibus. (Id., ibid.)

(3) Raynaldi, p. 287, 261.

(4) Doc. in., t. I, p. 190.

(5) Id., ib., p. 206.

(6) Quod non credebat significare bonum.

(7) Doc. in., t. I, p. 399.

(8) Это слово *романского* происхождения означает зловредного, дьявола или демона:

Un jor avint que li *Maufe*
Furent leenz tuit assemble,
D'Enfer issirent por conquerre
Les ames par toute la terre.
(Fables de Saint Pierre et du Jongleor)

Однажды случится, что все дьяволы соберутся в этом месте и выйдут из ада, чтобы завоевать души по всей земле. «»

(9) Doc. in., t. II, p. 364.

(10) Doc. in., t. I, p. 502. — Здесь, несомненно, тот же самый идол, о котором Райнальди говорит следующее (стр. 299): «Что касается головы, захваченной в парижском капитуле, то они ее выдавали за реликварий: голова одной *из одиннадцати тысяч дев*. Она имела большую серебряную бороду».

(11) Doc. in., t. I, p. 597.

(12) Id., t. II, p. 190.

(13)«Extrahens de sinu suo quandam parvam imaginem de leone vel de auro, quae videbatur habere effigiem muliebrem, etc.»

(14) «In quondam panno linco albo, syndone rubea superposita, et erat ibi quedam (sic) cedula consuta in qua erat capud LVIII». (Doc. in., t. II, p. 218).

По поводу этого свидетельства Мишле (т. III, стр. 148 своей *Histoire de France*) замечает: «Эти головы, которые по одной должны были находиться в каждом капитуле, не смогли найти кроме одной, и она имела надпись 53» (Тут очевидно опечатка: должно быть 58). Публичность и важность, придававшиеся *этому главному обвинению*, безусловно, заставили тамплиеров быстрее уничтожить доказательство.

(15) Doc. in., t. II, p. 218.

(16) Id., ib., p. 260.

(17) Doc. in., t. II, p. 248.

(18) Id., ib., p. 279.

(19) Id., ib., p. 290.

(20) Id., ib., p. 299.

(21) Id., ib., p. 300.

(22) Doc. in., t. II, p. 363.

(23) Id., ib., p. 315.

(24) Id., ib., p. 367.

(25) «Clam, nullis presentibus nisi fratribus ordinis, et ponebantur custodes ne audirentur exterius quae interius agebantur». (Id., ib., p. 192). — Frequentius ante diem quam de die. (Id., ib., p. 209.) — Circa auroram. (Id., t. I, p. 193.)

Когда они проводят капитул, то закрывают все двери дома Тампля и все двери церкви, и затворяют столь тщательно (firmant adeo firmiter), что никто не может их видеть и слышать, а также иметь доступ к ним. (Id., ib., p. 94.)

Один рыцарь сказал профану: «Когда бы ты был моим отцом и мог бы стать великим магистром ордена, и тогда я не хотел бы, чтобы ты вступал к нам, ибо мы имеем три статьи, которые никто никогда не узнает, за исключением Бога и дьявола и нас самих, братьев ордена (Pierre Dupuy, Le procès des Templiers, tém. 51, p. 361).

(26) Histoire de France, t. III (1837), p. 143.

(27) У друзов, особой сирийской секты, не являющейся ни христианской, ни магометанской, существовало до девяти степеней посвящения. См. Изложение религии друзов Сильвестра де Саси (Sylvestre de Sacy).

(28) Doc. in., t. II, p. 144.

(29) Id., ib., p. 327.

(30) Matter, J., Histoire critique du gnosticisme, Paris, 1828, t. III, p. 330.

(31) Histoire des Templiers, puisée à des sources nouvelles, t. I, Leipzig, 1826, pp. 98 et 334.

(32) M. l'abbé Barruel. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, t. I, Hambourg, 1799, p. 394

(33) Эти выделенные курсивом слова являются единственным указанием, которое дает работа господина фон Гаммера (Париж, 1832, стр. 3), ибо госпо-

дин герцог де Блакас неопределенно сказал прославленному ориенталисту, что шкатулка *происходила из Бургундии*, однако не смог уточнить местность ее появления на свет. Итак, следующая корреспонденция в свое время поставит вопрос намного более серьезный, чем вся дискуссия. Впрочем, в ней найдется и весьма драгоценное одобрение для меня по поводу некоторых моих мнений как о сущности самого явления, так и моей интерпретации арабской надписи и пр. Вот несколько отрывков из письма, которое мне написал, оказывая честь, господин фон Гаммер от 6 августа 1851 года и которое из-за своего объема я не могу здесь привести целиком: «За несколько дней перед моим отъездом на мою малую родину в Штирию, откуда Вам пишу, я имел удовольствие получить Ваше письмо, датированное 21 июня, и два экземпляра Вашего произведения о шкатулке господина герцога де Блакаса. Один из них я передал философско-филологическому классу имперской академии, обязавшей меня поблагодарить Вас от ее имени. Я не имею нужды заверять Вас, поскольку никто еще не мог прочесть книги, какой интерес она представляет для меня, ведь Вы первый француз, кто справедливо отнесся к моему методу рассмотрения вины (coulpe) и процесса тамплиеров».

Затем господин фон Гаммер не без основания сожалеет о том, что Сильвестр де Саси не захотел понять, что слова METE и CANTATE из надписей вокруг изображения абсолютно ничего не обозначают по-арабски, а в Райнуаре (Raynouard) он видит лишь очень систематического защитника тамплиеров. После фон Гаммер продолжает:

«Когда я имел честь увидеть в 1825 году в Милане господина герцога де Блакаса (отца нынешнего герцога), он не сумел мне сказать, откуда произошла шкатулка, появление на свет которой Ваши исследования столь удачно связали с *двором* тамплиеров в Бургундии» (господин фон Гаммер хочет здесь сказать о знаменитом приорате Вулена (Voulaine). Наконец, оказав мне честь и сообщив другие обязательные вещи, фон Гаммер завершает: «Если Вы однажды окажетесь в Вене, то сами увидите в имперском кабинете древностей различных *Бафометов* (*я* сам разъяснил это слово в первой части произведения, а здесь определение, даваемое фон Гаммером фигурам, рисунки которых воспроизведены мной внизу под изображением шкатулки из Эссаруа); гравюры последних я поместил в *Копях Востока*; будучи в Вене, Вы оказали бы мне удовольствие выразить из уст в уста наиболее благодарные чувства расположения и почтения, с которыми и т. д.»

Теперь два письма от госпожи графини Викторины де Шастенэ (Victorine de Chastenay), владетельницы замка Эссаруа: одно из этих писем устанавливает родословную шкатулки, а другое показывает соседские отношения между домом рыцарей тамплиеров Вулена и местностью, где была найдена шкатулка.

3 марта 1851 года она оказала мне честь, написав следующее:

«Шкатулка, которой Вы занимаетесь была приобретена у торговца раритетами в Дижоне парижским менялой Ролленом, а затем продана этим последним господину герцогу де Блакасу. На шкатулке имелась надпись: «*Найденная в земле Кава (de la Cave), принадлежащего господину маркизу де Шастенэ*. Знаете ли Вы, милостивый государь, каково место в Эссаруа,

называемое Кавом: именно здесь были собраны осколки скульптуры, которую Вы исследовали. Можно даже думать, что языческому строению, фрагменты которого мы обнаружили и определили место, наследовали сооружения тамплиеров. *Вулен, Бюр (Bure)* были у них; они же имели владения в Курбане. *Я нахожу в наших семейных бумагах следы продаж или обменов с тамплиерами в этих разных местностях.* Именно в начале 1789 года мой отец обязал рабочих, используемых уже картезианцами из Люньи (Lugny), произвести некоторые работы в Эссаруа. Это произошло *рядом с Кавом*, где они должны были найти камни, необходимые для работ. С тех пор я знала, что они из произведенных ими раскопок извлекли несколько вероятно бесценных предметов, и вне всякого сомнения шкатулка находилась среди них. Продолжайте, милостивый государь, Ваши труды и разыскания: Вы должны безусловно воссоздать целую страницу истории и т. д.»

В соответствии с этими сведениями вполне допустимо, что тамплиеры совершали обмены земельными угодьями в окрестности своих владений, к примеру, в Эссаруа, с главными собственниками территории, которыми и тогда являлись главы дома де Шастенэ. Более того, невозможно сделать и шага в соседствующем с Эссаруа лесу, не встретив древние каменные межевые столбы, несущие отпечаток креста рыцарей Храма. Другое письмо госпожи графини Викторины, датированное 21 января 1852 года, меня обеспечивает доказательством существования этих контрактов между домом де Шастенэ и великим приорством Шампани, штаб-квартирой которого был *Вулен-ле-Тампль (Voulaine-les-Temple)*, имея присоединенные к себе командорства *Бюра* (de *Bure*), *Мормана* (de *Mormans*) и *Эпэйи* (d'*Epailly*). Последнее командорство находится на расстоянии менее чем двух километров от села Курбан (Courban) в Кот-д'Ope (Cote-d'Or). «Простите меня, милостивый государь, — удостаивает меня ответа госпожа де Шастенэ, — простите меня, что так опоздала направить Вам замечание, которое Вы пожелали, по поводу акта продажи 7 сентября 1224 года братьям Храма имения в *Курбане*. Продавец действует только с согласия своей жены *Эмелин (Emeline)*, которая должна получить в *Мовильи (Mauvilly)* компенсацию за права, коими она жертвует. Акт от октября месяца того же года подтверждает сентябрьский документ».

34. В Германии Орден Храма даже избежал процесса, который его сокрушил и сразил повсюду в иных местах. Большое число рыцарей жило здесь в разные эпохи и в лучшие времена, совсем не опасаясь преследований. И если невиновность ордена, которая гораздо позднее *систематически* или *поэтически* поддерживалась, была реальной, то почему среди рыцарей не нашлось никого, кто возвысил бы свой голос, чтобы заклеймить обвинителей и достичь торжества справедливости?

СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРЕДШЕСТВОВАВШИМИ СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ, ИЗОБРАЖЕНИЕМ И НАДПИСЬЮ НА ШКАТУЛКЕ

Если странное изображение предназначалось для использования в мистериях генеральных капитулов Ордена Храма, если одна из шкатулок, приводимых господами фон Гаммером и Маттером, либо Дюпюи, Вильке и Бонневилем, могла служить еще для хранения голов или медных и серебряных идолов (1), о которых говорят столько свидетелей, да и сами *поясные веревки*, являвшиеся символом посвящения (2), то не нужно удивляться, что такой артефакт был спрятан в пристанище, соседствующим с домом Тампля Вулена, приорства великой важности, возвысившегося в великое приорство Шампани и являвшегося главным местом проведения великих генеральных капитулов, на которых в определенные дни появлялся сам идол как дополнение высшего посвящения в мистерии ордена. Малейшее сопоставление, делавшееся между изображением и свидетельскими показаниями рыцарей различных командорств или домов, рассеянных по Франции, доказывает самым очевидным образом, что эта шкатулка была как бы подчинена высшим мистериям. И я не вижу больших сложностей в ее истолковании.

Обвинительный акт сообщал, что во всех провинциях и в великих капитулах тамплиеры поклонялись идолу, сила которого признавалась столь могучей, что *заставляла цвести деревья и прорастать растения из земли* и пр., и что видели несколько других из этих идолов, сопровождаемых человеческим черепом (3). Идол не был повсюду полностью единообразным: одни говорят, что он представлял собой *женскую голову*; другие — *написанное или выгравированное изображение*; но каков бы ни был пол этого мистического персонажа, большинство храмовников подтверждают единое существование *бороды* и признают факт поклонения идолу или прославления его изображения, которое им представлялось источником благ и верных преимуществ.

Итак, спрашивается, не обнаружатся ли все эти условия уже при первом осмотре изображения нашей великолепной шкатулки? Не виден ли на ней женский образ, *effigiem muliebrem*, о чем мне говорят те же слова тамплиера из диоцеза Сэнт *Жераля де Марсака*? Не идет ли речь в действительности об идоле *figuram muliebrem habens*, если

использовать выражения того же брата *Вильгельма Пидуа*, хранителя ценностей Храма в Париже? Не является ли *бородатая* образом, поражавшим и зачастую ужасавшим орденских профессов во время посвятительного испытания? Не она ли сопровождалась человеческим черепом? И это изображение отличается ли от изображений, положенных мной напротив, которые ориенталисты относят к тому же самому порядку мистерий, а одинаково к тем из них, что составили основу обвинения тамплиеров? И надпись арабской вязью! Могут ли встретиться наиболее поразительные совпадения между тем, что выражает и на что указывает обвинение, с одной стороны, и что, с другой стороны, разоблачают в своих признаниях рыцари? Я уже обратил внимание в первой части этого труда на арабское слово, которому соответствует латинское *germinans*; не является ли оно полным оправданием самой формулы акта обвинения (4)? Теперь о *поклонении*, в пользу которого я привел многочисленные и аутентичные свидетельства: на него достаточно ясно указывает арабское слово, имеющее в точном переводе латинское соответствие *glorietur* (5). Что касается самой идеи, то согласно культу этого идола, все сможет обращаться во благо тому, кто ему покорится; что этот идол будет его *спасителем*; что он получит от него благосостояние и множество преимуществ: это весьма сложная идея выражена в надписи на шкатулке из Эссаруа двумя словами, перевод которых являл собой странное затруднение. Я перевел эти два слова следующим образом: *тебя окружает удовольствие*; ибо они содержат, как мне кажется, средоточие всего того, что обещают (6). Слово *zonar* (7), означающее пояс или окружать как поясом, есть прямая аллюзия на веревку, опоясывавшую посвященных, о которой так энергично говорят Гуго де Бюр из диоцеза Лангр и Пьер де Боннефон из диоцеза Клермон.

---

(1) Николя де Бонневиль (Nicolas de Bonneville) (Шотландское масонство, 1788) говорит в следующих выражениях: тамплиер признался, что небольшое количество рыцарей ордена, вероятно и некоторые бывшие на последнем посвящении, возило в путешествиях *в своих сундуках*, согласно словам свидетельского показания, *изображение Баффомета (Baffomet)*.

(2) Эти поясные веревки были из белой нити, *de filo albo* (Doc. ined., t. I, p. 193), и посвященные принимали их из рук своих посвятителей, особенно *когда эти веревки соприкасались с идолом*; тем не менее, в обычных посвящениях и вне великих капитулов професс брал пояснную веревку, где хотел:

quas recipiebant unde volebant (См. в тех же самых документах и в большом количестве свидетельских показаний).

(3) Et aliqua craneum humanum habebant (Doc. ined., t. I, p. 92).

(4) Quod illa idola facit arbores florari et terram germinare (Doc. in., t. I, p. 92).

(5) *Будь прославлен!* Не говорим ли мы каждый день в наших молитвах «Слава Богу», чтобы выразить всю полноту нашего поклонения?

(6) Трудно в переводе такого рода передать хотя бы наполовину чистоту выражения при должном уважении к самому тексту. Я уже имел случай в первой части этого труда рассказать или скорее предупредить о широком толковании моего перевода. Как ни вспомнить мою интерпретацию арабского слова *tiz*.

(7) Арабская надпись завершается словом *zonar*.

ИНЫЕ СООТНОШЕНИЯ ЭТОГО ИЗУМИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТАМИ И УТОЧНЕНИЕ СТЕПЕНИ ВИНОВНОСТИ ОРДЕНА

Арабская надпись на шкатулке имеет целью зримо заключить в сжатых и лаконичных выражениях полное объяснение мистерий ордена. Здесь всего достаточно; и если отречение и ересь, выраженные арабскими словами **TANKER MOUNKIR** содержат в себе более определенное значение, то не забыто и указание на определенные гнусности, как можно убедиться в этом, перенесясь взглядом на картину, которую я опубликовал, чтобы поместить напротив нее фигуру с нашей шкатулки из Эссаруа. Итак, посмотрим как сами исторические документы подтверждают все эти вещи: *промискуитет, отвратительные поцелуи, отречение и плевки*. Эта последняя мерзость не должна нас удивлять, поскольку, потому что после того, как дело дошло до презрения, внешние поступки ничего не значат; на самом деле, между актом отречения от Христа и попиранием ногами Его образа (1), или произнесения в отношении Него самых скверных слов, какие только люди знают, поистине, лишь один шаг. «Плюнь на это, — сказали тамплиеру *Жану де Шуну (Jean de Chounes)* и показали ему Крест с образом Христовым, — плюнь на это из презрения к тому, что этот предмет представляет (2)».

Я внимательно прочитал два тома коллекции Неизданных воспоминаний по истории Франции, относящихся к процессу тамплиеров, и заметил, что церемония посвящения была в основном одной и той же для всех, отличаясь в эпизодах, описываемых, исходя из характера, простодушия или впечатлительности каждого. И все же, чтобы не было никакое сомнения в существовании странных инициаций, я спешу привести факты, избрав, в частности, те из них, которые связаны с приорством Вулена, командорствами, от него зависящими, и несколькими отделениями из диоцеза Лангра.

Около 1293 года (3) в неделю, предшествовавшую Пасхе, в церкви, относящейся к приорству Вулена (4), был принят *Жан де Ромпрей (Jean de Romprey)* (5), брат-сержант и земледелец ордена (6). Его посвятителем являлся Пьер де Бюр, а тремя присутствующими или свидетелями стали Рудольф де Бюр, дядя предыдущего, Пьер де Шатийон (Pierre de Chatillon) и Пьер де Сене (Pierre de Senet). Принима-

емый, преклонив колени, начал, умоляя, просить хлеба и воды ордена и общества братьев. Тогда посвятитель предупредил его, что он, подчиняясь большим строгостям, добивается весьма трудной вещи, поскольку она требует с его стороны отказ от собственной воли и послушания приказам, исходящим от лиц, *к которым он питал бы не меньшее доверие, чем к себе самому*. После этого его попросили выйти из часовни и хорошенько подумать еще раз. Он вышел, но вскоре вернулся с четким решением; ему было сказано, что правило запрещает однажды принятому выходить из ордена; ему предложили еще раз подумать наедине с самим собой, но он настаивал на немедленном принятии, и тогда его привели к присяге (7), что он вольного звания и не связан узами брака, не состоит ни в каком религиозном ордене, не отлучался, не обременен долгами и не имеет никаких скрытых физических недостатков, которые бы его сделали неспособным к исполнению служб, требуемых от него Орденом Храма. После такой клятвы от него потребовали выйти из часовни, чтобы проверить себя, и во время образовавшегося перерыва посвятитель совещался со свидетелями. Жан де Ромпрей вернулся и возобновил свою просьбу: тогда посвятитель ему говорит, что нужно будет долго поститься, спать в обуви, чтобы быть всегда готовым и пр. Его привели к присяге соблюдения *целомудрия, послушания и неимения никакой личной собственности*, и после других предписаний заставили выйти в последний раз. Он вернулся в сугубой уверенности и настаивал на приеме наиболее определенным образом. Наконец, посвятитель спросил свидетелей, знают ли они какие-нибудь препоны этому принятию и, услышав их отрицательный ответ, потребовал от професса последней клятвы о соблюдении всего предписанного ему, после чего посвященный принял орденский плащ, и все — посвятитель и свидетели — целовали его в губы.

Примечательное обстоятельство: Ж. де Ромпрей, если верить его свидетельским показаниям, принял неполное посвящение и не видел идола; но это последнее объясняется тем, какую незначительную ступень он занимал в ордене, о чем позаботился сам осведомить нас, говоря, что не присутствовал ни на одном капитуле, ибо был простым земледельцем (8). В действительности, только для избранных имели место определенные степени привилегированного посвящения, что объясняет почему у большого числа братьев свидетельства и показания менее явны, чем у первых. Здесь случай отослать моего читателя к заявлению уже знакомого нам несколькими страницами выше брата

Гуго де Клермона о том, что некоторые практики ордена были неизвестны нижестоящим членам. Та же осторожность в отношении великих мистерий проявляется в случае с арендатором братом *Боно (Bono)* из Вулена (9), одинаково заявившего, что никогда не присутствовал на капитулах и не принимал участия в посвящении никакого брата. Его привели к обету целомудрия и послушания; однако пошли с ним дальше, нежели с Жаном де Ромпреем: после того, как ему было дано целование в губы (*in ore*), его заставили плюнуть на крест на плаще, сказав, что эта и другие вещи могут ему показаться непозволительными, тем не менее они являлись продолжением статутов ордена. Он имел товарища по посвящению брата Арбера (Arbert) или Альбера (Albert): они оба много плакали, но, наконец, Альбер решил плюнуть первым не на крест, а в сторону (*non super, sed juxta dictam crucem*), брат Боно сделал то же самое. Это было не все: им приказали *отречься от Иисуса*. Брат Альбер начал, и товарищ последовал его примеру, но мысленно как и первый отрекался устами, но не сердцем (*ore, non corde*); после чего им было сказано, что они могли иметь либо между собой, либо с другими братьями определенную близость (10), *ибо они дали обет целомудрия и им должно воспрещаться всякое общение с женщинами*. Своеобразный предлог и своеобразное исполнение целомудрия, обет которого они дали! Скажем более, что честолюбие пожирало этот рыцарский орден по мере того как он возрастал, и его руководители не только не стеснялись самых постыдных гнусностей, но, наоборот, лично показывали в них пример (11), чтобы поработить развращенностью или нечестивыми мистериями простодушных людей, которые, будучи к ним неподготовленными, примешивали к чувству долга и пассивного послушания непрерывное молчание, в коем клялись на Евангелии. Гордыня и любовь к господству погубило ставшее слишком могущественным тело, о котором Ричард Львиное Сердце, находясь на смертном одре, исповедавшись в трех частях своих грехов, решительно сказал: *«Я завещаю свою гордость тамплиерам»* (12). Хорошо видно, что не столько из-за обета целомудрия всякое отношение с женщинами было определенно осуждено, сколько из-за недоверия к любовным связям и болтливости, способным скомпрометировать орден, уничтожив его моральное влияние, в котором он нуждался в целях упрочения своего господства. Впрочем, данные факты весьма значительны, чтобы исключить любое колебание на сей счет (13).

Я спешу рассказать теперь о нескольких церемониях принятия в командорствах Бюра, Эпэйи и Мормана, относившихся к приорст-

ву Вулена; затем вкратце изложу о некоторых других посвящениях в домах Тампля в Шатийоне и Дижоне, находившихся в церковном ведении Лангрского диоцеза (14).

Священник ордена *Готье де Бюр (Gauthier de Bure)* до своего ареста являлся посвященным в течение восьми лет. В орден его принимал в часовне Тампля в Бюре *брат Сиврей (Scivrey)*, прецептор здешнего командорства, в присутствии тринадцати или четырнадцати братьев, среди которых фигурировали Жан де Бюр, Мартен (Martin) и Ги (Gui) де Нисей (Nicey), а также Этьен де Вулен (Etienne de Voulaine). Его привели к клятве на *миссале* и в месте, где имеется канон мессы (15), дабы он подчинялся приказам вышестоящих братьев; затем ему передали, что, *согласно статутам*, он должен отречься от Христа; несмотря на оцепенение, он исполняет это, *отрекаясь устами, но не сердцем*. Далее посвятитель говорит ему, что, повинуясь тем же самым статутам, он обязан *плюнуть на крест*; и тут же берут на алтаре большой металлический крест, который посвятитель держит над землей своими двумя руками. Готье де Бюр плюет рядом, уповая быть освобожденным от испытаний, когда брат Мартен, один из присутствующих, замечает, что упущен один из существенных пунктов статутов, а именно срамной поцелуй (16); однако посвятитель делает уступку профессу в этой обязанности из-за его священнического сана (17), приказывая ему ничего не разглашать под страхом попасть в самую строгую тюремную камеру (*districtio carcere*). И все же бедный Готье де Бюр пришел исповедоваться восемь дней спустя к монсеньору Иоанну, епископу Лангра, который, выслушав наивное сообщение кающегося, пребывал в смятении и взял длинную паузу, прежде чем решиться отпустить ему грехи. Тем не менее он предписал брату Готье для покаяния поститься ежегодно во время шести праздников в течение семи лет.

Неизданные документы доносят сведения о двух посвящениях в командорстве *Эпэйи* (18) рядом с селом Курбан (Кот д'Ор): это были принятия в орден *Гарена де Корбона (Garin de Corbon), брата-каменолома* (19), и *Гиллерми де Рисея (Guillermy de Ricey)*. Когда одели орденский плащ на плечи брата Гарена, все присутствующие его целовали в губы, а он сам целовал посвятителя в спину поверх облачения. Он плевал затем в сторону креста и *отрекался от Бога* (20) лишь устами; но он исповедовался через восемь дней брату Иакову, прежнему конвентуалу из братьев-францисканцев в Шатийоне-на-Сене (Chatillon-sur-Seine) (21), который для покаяния предписал ему поститься на хлебе и воде в течение шести главных праздников меж-

ду Пасхой и Троицей-Пятидесятницей. Церемония посвящения была настолько таинственной, что даже сыновья профессa, являвшегося вдовцом, не могли на ней присутствовать, поскольку им не доверяли.

Брата Гиллерми пощадили меньше, чем предыдущего. Он совершал наиболее постыдное целование (22), и его посвятитель потребовал отречения и трех плевков на крест *в знак презрения для нашего Господа Иисуса Христа, страдавшего на этом кресте* (23). Сверх того, этому же брату было дано позволение промискуитета со своими орденскими братьями.

Менее привычное обстоятельство имело место для брата *Эгидия де Ловенкура (Egide de Lovencourt)* и брата *Арнольфа (Arnolphe)*. Оба принимались в орден в часовне командорства Морман: там на них одели орденские плащи, потребовав поначалу обыкновенного целования; но шесть или семь дней спустя их посвятитель брат *Лоранс де Бельно (Laurence de Belnot)*, который, как им казалось, передал им все знаки посвящения, заставил прийти обоих в свою келью, отречься от Иисуса Христа и плюнуть на крест. Они отреклись устами и плюнули в сторону.

Приблизительно за год до ареста тамплиеров брат Эмерик де Бюр (Aimeric de Bure), священник диоцеза Лангр, был принят в орден в Шатийоне-на-Сене (24) *во время праздника Святого Николая*. На посвящении присутствовали брат *Роберт Лесколь (Robert Lescolhe)*, местный прецептор (25), и брат П. *де Лёрниа (*P. *de Loernia)*, священник из Эпэйи. Прежде всего он начал с обетов целомудрия, бедности и послушания. Ему было приказано не входить в дом, где могла находиться роженица, не быть крестным отцом, не пить в корчме вместе с мирянами; далее последовало повеление отречься Господа и плюнуть на крест книги, на которой он произносил свои обеты (26): все это он делал устами, но полное смятения сердце чуждалось тому, что от него требовали. Затем приступили к поцелуям: целование в губы прошло успешно; когда ему нужно было сделать большее, брат Эмерик поцеловал рубашку выше пояса, но его посвятитель приказал ему *опуститься ниже* (27); ему еще рекомендовалось принимать в свою постель тех из рыцарей или братьев-сержантов, кто его об этом попросит, и даже оказывать подобную снисходительность иным товарищам по оружию, не относящимся к Ордену Храма, если они возвращались из-за моря. В этом бедняга Эмерик не видел никакого зла и, по его словам, честно делил свое ложе с каким-нибудь рыцарем, имени которого не знал и который намеревался идти в заморский поход.

Двое тамплиеров по имени *Доминик* (28) были посвящены в Дижоне: первый, достигший 70 лет, прецептор дома Тампля в Жуаньи (de Joigny), диоцез Сан (de Sens), принимался в часовне Тампля Дижона (29) оруженосцем Анри де Долем (Henri de Dole) в присутствии Дидье де Бюра (Didier de Bure). Неофит предложил сделаться *слугой и рабом ордена* (30). Ему посоветовали хорошо подумать, поскольку он просил о вещи крайней важности, ведь ему нужно было отказаться от собственной воли, исполнившись воли другого: бодрствовать, когда он захотел бы спать, терпеть голод, когда он желал бы есть, много раз повторять *Отче Наш (Pater Noster)* за свои молитвы, вести более суровую жизнь и пр. Професс поцеловал посвятителя в губы и плечи и, несмотря на свое отвращение, отрекся от Иисуса устами и плевал в сторону креста на мантии свидетеля. По истечении пятнадцати дней он пришел исповедоваться к епархиальному кюре из *Лонгвика (Longvic)* (31) Николя де Бюру, который, не желая отпускать грехи своему покаявшемуся, под предлогом того, что не обладал на это властью, направил его к священнику Вильгельму (Guillaume), приору францисканского монастыря Дижона, облеченного епископскими полномочиями. Последний согласился отпустить грехи брату, наказав ему для покаяния носить три года власяницу. Бедный Доминик терпел как мог эту епитимию в течение года, но так как оказался с тяжко расстроенным здоровьем, его исповедник одобрил смягчение наказания, предписав пост на хлебе и воде ежегодно во время шести праздников в течение семи лет.

Другой сорокалетний Доминик из Дижона являлся охранником дома Тампля в Жуаньи. Он принимался в Дижоне Анри де Долем в присутствии тамплиеров Вильгельма Ружпера (Guillaume Rougepere) и Валя (Wale); из них первый — его отец, а второй — внебрачный брат. Сам посвятитель ему преподал поцелуи, два из которых были наиболее отвратительными (32). Что касается посвящаемого, то его заставили плюнуть на крест на плаще одного из свидетелей, но он вовсе не отрекался от Христа.

Пришло время завершить перечень этих мерзостей, который я и так сузил рамками единственного диоцеза (33); пришло время, как бы я не приказывал своему сердцу, сделать очевидным во славу человечества, сколько отвратительных мистерий было навязано огромному числу людей в знаменитом и благородном ордене, который я чту намного более лояльного снисхождения, потому даже сделался историком печальных причин его падения.

По мнению некоторых братьев, тяжкие беззакония были принесены с Востока и введены в орден несколькими из наиболее развращенных начальников (34): с моральной точки зрения этому нельзя не поверить! В действительности, необходимо время, чтобы орден целиком разложить; необходимо несколько поколений руководителей, следующих одной и той же мысли (35). Эта внезапная и неожиданная инициация без предварительной подготовки и новициата: подобное не прослеживалось и не прослеживается среди таинственных посвящений в античных мистериях или современных обществах. Древность формировала своих адептов постепенно и посредством долгих испытаний; здесь же все отличается. Первое, что делают братья, это дают обет послушания, то есть клятву не разглашать тайны капитулов и, в частности, их посвящения, а также не оставлять Орден Храма *для лучшего или для худшего* ордена (36). Однажды произнеся свои обеты, они не могли покинуть Орден Храма без решительного позволения вышестоящего начальства, и они получали его только для того, чтобы вступить в суровый *Картезианский* орден.

Присяга, которую произносили тамплиеры, была торжественной: она творилась на открытом миссале, и посвященный возлагал свои руки на само место, где находились канон мессы и изображение Христа (37). Странное противоречие этих людей, которые тут же шли отрекаться и хулить Бога, во имя которого сейчас присягали! Сразу после произнесенных обетов и *перед посвящением* они рассматривались как целиком связанные и как *рабы ордена* (38), ведь они спешили дать обет послушания всему тому, что им было бы предписано статутами ордена или вышестоящими братьями, и они мгновенно прекращали принадлежать самим себе, а магия воинской и религиозной клятвы столь изощренно и полностью опутывала их сознание, что буквально вязала по рукам и ногам как жертв греховного вступления в сообщество внутри сообщества, о существовании которого не давали никому из них усомниться даже пройденные испытания; однако подчинение для братьев давалось тем большей ценой, чем было более тягостным. «Крайне необходимо, чтобы ты сделал это, как и я это сделал сам; поскольку ты давал обет послушания и пр.» Вот обыкновенная речь посвятителя, добавлявшего: «Но берегись: если ты пойдешь против своей клятвы, то погибнешь» (39). Можно ли представить себе, насколько чудовищное потрясение и все виды неожиданностей должно было запечатлеть неслыханное разоблачение мистерий в душах этих людей, совершенно к нему неподготовленных, воображавших для

себя лишь путь воинской чести и религиозной преданности. Нужно ли большее для того, чтобы сокрушить разум одних и вести сознание других к непредвиденному насилию, посеяв в души многих шипы непрерывных угрызений совести (40)? Что получалось из этих ужасных сцен: одни пытаются скрыться, и требуется вмешательство короля Франции, чтобы виновный не подвергался бы постоянному тюремному заключению (41); один посвятитель после срамного поцелуя падает в обморок, и его вынуждены были унести в полумертвом состоянии (42); другой сожалеет о том, что не мог убить своего посвятителя (43). Одних угрожают отправить в место, где они не увидят ни своих ног, ни своих рук (44); другим сулят бесконечным тюремным заключением, где они найдут смерть (45); третьих запугивают удушением и сбрасыванием во рвы (46); иной раз обнажают мечи (47), пытаясь силой достигнуть того, чего невозможно достичь доброй волей (48); один брат был насильно подвержен каре и посажен в тюрьму без положенного питания (49); этот находился в тюрьме три дня (50); тот в течение восьми дней (51); брат *Гумберт де Пюи (Humbert de Puy)* в диоцезе Пуатье был закован в кандалы и содержался на хлебе и воде в одной из башен в течение тридцати шести недель (52). Какая жалость слышать стоны этих бедных людей: одни из них вовсе жалели, что родились на свет (53); другие предпочли бы потерять руку (54); третьи хотели бы оказаться на сто футов под землей (55); некоторые пытались договориться или теряли рассудок от ужаса. Так, брат *Жан де Фуиллейо (Jean de Fouilleyo)* из парижского Тампля говорит, что он добровольно отрекался от Бога, почитаемого язычниками; и когда над ним совершили насилие, он вскричал, обернувшись к своему посвятителю: «*Я отрекаюсь* от тебя». Это слышал брат, принуждавший его силой, и все сделали вид, что отречение подлинное, что и требовалось от него (56). Брат *Ж. де Пон-л'Эвек (J. de Pont l'Eveque)* отрекался от *креста*, но не от *Распятого* (57).

Брат Иаков из диоцеза Труа (Troyes), имея большое замешательство перед отречением, увидел длинный меч, которым ему угрожали, и трижды вскричал: *«Я отрекаюсь от нашего Господа, поскольку вы этого хотите»* (58). Жилле д'Энкрей (Gillet d'Encrey) из диоцеза Реймса (Rheims), когда ему предложили отречься, ответил, что не сделает этого, даже если ему отрубят голову (59). Когда им предлагалось разделить свои постели с братьями, некоторые думали в своем простодушии, что это делалось с благой целью предотвращения недостатка постелей (60); и если даже имеются признания крайней тяжести на сей

счет (61), я поспешу сказать, к чести наших рыцарей, уже и так тяжко скомпрометированных, что эти признания ограничиваются малым числом. Согласно их разнообразным характерам или более или менее опрометчивой ревности в исполнении испытаний, наконец, в соответствии с их невинностью или развращенностью, посвятители были жестки, требовательны или, наоборот, сдержанны и терпимы (62). И все же, следя за действиями посвятителей, свидетели обладали большим или меньшим усердием для верного исполнения мистерий посвящения, и проявление снисхождения было рискованным (63). Хотя и нет открытого изобличения, несмотря на тихое неодобрение большинства братьев этим кощунственным практикам, навязанных поначалу им ими же самими. Отдельные посвятители доходили до того, что говорили профессу: «Отрекайся, по крайней мере, устами» (64). Другие говорили посвящаемому: «Делай это, и ты исповедуешься» (65). Некоторые братья хотели идти в Рим умолять о прощении и просить о вступлении в другой религиозный орден (66); другие лишились покоя из-за того, что не могли исповедаться у капелланов ордена или епархиальных священников (67). Порой даже кажется, что иные посвятители, если замечали, что их посвященные какое-то время после находились в подавленном состоянии, убеждали их не воспринимать всерьез все произошедшее (68): по мнению последних, это было лишь испытание послушания, не имевшее никакого последствия для веры (69).

Выражение *«Священные комедии»*, которым господин Мишле определяет мистерии Ордена Храма (70), быть может, является довольно мягким; со своей стороны, думаю верным, особенно когда вижу одного из посвятителей посреди этих отвратительных мистерий, рассматривать их в высшей степени как *насмешку*! И действительно, когда *Ж. де Бюффарам (J. de Buffarem)*, оруженосец ордена, принимался в часовне Тампля в *Шам-Аллеман (Champ-Allemand)* диоцеза *Невер (Nevers)*, *Райно де Бринон (Raynaud de Brinon)*, один из свидетелей, ему говорит, смеясь, чтобы преодолеть его отвращение к отречению от Христа и плевку на крест: *«Не заботься об этом, это всего лишь шутка»* (71). Можно удивляться как такие тяжкие тайны пребывали долгое время погребенными в душах, которых они иссушали (72); но прекращаешь удивляться, если начнешь размышлять над суровостью дисциплины, об опасности, окружавшей разоблачителей (73), о тяжести клятвы, о преданности послушанию, о страхе оказаться нечестивцем и ренегатом, не будучи таковым на самом

деле, и, наконец, о чувстве позора, что молва о стольких безобразиях могла бы отразиться на всем ордене, покрыв каждого из его членов насмешкой и бесчестьем (74).

Прежде чем решить вопрос о степени виновности ордена, надеюсь, читатель будет поражен одной вещью: тоном наивности и бесконечным разнообразием форм и обстоятельств признаний. Таково изучение нравов, несущее самый полный отпечаток правдивости. Это хотелось бы сравнить с совокупностью малого числа *отрицаний* и их, наоборот, поразительным однообразием: это похоже на записки, продиктованные по одной утвержденной бумаге, до такой степени несут они отпечаток официального и согласованного .

Королевские комиссары сначала ошеломили обвиняемых и, порой, вырывали из них свидетельские показания применением насилия, хотя тамплиеры и, в частности, их великий магистр протестовали (75), и когда они оказались в присутствии высоких церковных сановников (76), ведущих обсуждения спокойно и осторожно, то вновь обрели уверенность, и их свидетельские показания прониклись полной свободой. Опираясь именно на эти достойные доверия показания, я изучил большой процесс, который не должен впредь, как мне представляется, оспариваться, благодаря *важному документу*, чем я постарался обеспечить науку, столь соответствующему духу и сущности признаний, сделанных тамплиерами перед церковным священноначалием.

Перед лицом стольких обстоятельных признаний нельзя благоразумно приводить доводы в пользу невиновности ордена, исходя из протеста двадцати рыцарей, заключенных в Париже в аббатстве Святой Женевьевы (77), и тридцати других братьев, заключенных в доме *Иоанна Великого (Jean le Grant) в Пуант-Сент-Юсташ (Pointe-Saint-Eustache)*. Вот их собственные слова и сама их речь: «*Il sont mort plus de vingt mil frer por la foi de Die outres mer. — Cant le Sasfet (78) fou pris, el souda se fe venir devant quatrevingt (79) frere del temple e lor dis ansi coma a presoniers que il reneguesse Dieu Jhesu-Christ lor creator en pena de las testas, les cals frere ne volgie Die renegar, ans en aisi touz perdero las testes por la fe de Dio*, etc». («*Они мертвы более двадцати тысяч братьев за веру в заморского Бога. — Безумствуй Песнь Сасфета, он внезапно принес свою веру восьмидесяти братьям тампля и говорит им как узникам, предавшим Господа Иисуса Христа, их творца, по вине начальников, ни один из братьев не желал предавать Бога, ибо все потеряли головы за веру в Бога* и пр.»)

Но что это доказывает против их мистерий? Разве оспаривались когда-нибудь преданность и отвага рыцарей Храма? Это были восхитительные рыцари, неукротимые на войне перед лицом их благородного знамени *босеан (beauceant)*, готовые отдать жизнь за честь. Когда их насчитывалось только пятьсот, они сражались против пяти тысяч; в *Тивериаде* они почти все погибли, а выжившие отказались купить свою жизнь ценой принятия *ислама* (80). Какое бесславие для этих храбрых людей, какой позор, если бы они уступили страху, когда бы даже их вера оказалась не совсем чистой? Да, орден почти полностью был погребен под руинами *Птолемаиды*. Честь и хвала этой элите французского рыцарства! В Сафаде, о котором я сейчас говорил, нашлось только восемь отступников (81), и какими именами вы их назовете? Но если честь делается откровенной, честь может также заставить и отрицать: это вынудило сказать Мишле (82), что глава ордена, признав все как человек и благодаря смирению, мог все отрицать как великий магистр. Итак, целиком свободные признания Ж. де Молэ (J. de Molay) несомненны; они удостоверены в Неизданных документах как очевидный и обретенный историей факт (83). Это должны решать не поэты, но спокойные и беспристрастные историки; по крайней мере, как тут не остановиться на суждении Данте, который, поставив историю с ног на голову, делает из Климента V пастыря *без закона*, а из Филиппа Красивого самодержца, полного слабости: вот почему он его помещает в ад ногами, стоящими в огне (84); к тому же, добавлю, как тут не остановиться еще и на суждении Райнуара (85).

«Сир, три тысячи их было!» (86)

Несомненно, я всегда готов, когда хочу отдохнуть в объятьях поэзии, принять *Ж. де Мэйе (J. de Maille)*, одного из их неустрашимых великих магистров, за самого Святого Георгия посреди сражений; но я повторяю в последний раз, что есть два подводных камня, которые необходимо избежать при обследовании подобного раскола: один из них — это видеть героизм в любом из пунктов; другой — видеть повсюду преступление и низость. Здесь не идет речь ни о мужестве, ни о вопросе чести, а дело касается оккультных вещей, обмана и, наконец, посвящения, против ожидания которых, как мы слишком хорошо увидели, простота и искренность чувств многих из этих храбрых рыцарей оказывались бессильными; речь идет о преступном присоединении к организации, где малое число под покровом мистерии торжествовало над подавляющим большинством братьев

вопреки угрызениям совести и протестам последних. Великий человек, мнение которого на разные темы почти всегда становилось законом, высказал свое суждение по данному вопросу. И я могу привести его мнение в качестве решающего. *Наполеон* порицал трагедию Райнуара, говоря, что вместо того, чтобы ее сделать театральной, автор слишком занялся *выяснением общественного мнения на сей счет*. Он добавлял: «Полная невиновность тамплиеров и их полная развращенность одинаково невероятны» (87).

Теперь что касается Климента V и Филиппа Красивого: разве было доказано будто бы верное предположение об их смерти по вызову на Божий суд? Хотелось видеть чудесное в так называемых пророческих словах великого магистра, и друзья Ордена Храма не переставали поддерживать эту мысль; но *де Бособр* доказал, что ни король Франции, ни папа не умерли в сроки, которые им определил Ж. де Молэ в первые мгновения своей казни. Кроме того, не менее удивительно, как возникла мысль у сторонников тамплиеров о вмешательстве в их пользу божественного возмездия? Эта благочестивая ложь не является первой подобного рода в истории. Было бы более захватывающим увидеть ревностных защитников веры, вызывающих на суд тамплиеров в определенный день за отречение от Бога. Но посмотрите на постоянство народных настроений! Когда 13 октября 1307 года (88) после первой инструкции было оглашено по звуку охотничьего рожка, что духовенство и народ приходских церквей должны находиться в саду королевского дворца, чтобы заслушать там перечень беззаконий, в которых обвинялся орден (89), народ испытал чувство отвращения: *каждый осенял себя крестным знамением и не хотел больше ничего слышать* (90). Когда 18 марта 1314 года великий магистр заживо сгорел на площади Дофина, народ ринулся к костру собирать пепел *мученика* и унес его как дорогую реликвию (91). Здесь два действия, которые казалось бы противоречат друг другу; но последнее все же истинно, поскольку так выразился протест по отношению к зашедшему слишком далеко правосудию того времени.

---

(1) Что касается этого тяжкого кощунства, то из показаний брата *Жана де Шали (Jean de Chali)*, принятого в *определенной комнат*е дома Тампля в Бюре, следует, что его проходили легко при отказе попирать крест, и что из двадцати братьев, которым вменялось данное требование, нашелся самое

большее один, кто его исполнил. *Quod de viginti non conculeabat unus* (Doc. in., t. II, p. 264). В действительности, весьма редко видно, чтобы посвятитель требовал подобного развития осквернения. Гуго де Бюр, которому это было приказано, не обратил никакого внимания на приказ (id., t. I, p. 205); *но Жерар де Пазай (Gerard de Pasaye)*, наоборот, его исполняет, попирая ногами распятие (id., ib., p. 214). *Раймон де Вассиньяк (Raymond de Vassiniac)* попирает только плащ, положенный у его ног, вместо попрания на нем места креста (id., ib., p. 233).

(2) «Spuas supra istum in despectu ejus» . (Doc. in., t. II, p. 384).

(3) Дающий свидетельские показания говорит о промежутке в шестнадцать лет, истекшем со дня его допроса, которому он подвергся в 1309 году. Он был тогда приблизительно в сорокалетнем возрасте.

(4) «*In capella domus Templi de Volenis, lingonensis diocesis*» (Doc. in., t. I, p. 506). В различных свидетельских показаниях читается как *Volenis, Vollenis*, и даже как *Vollanis*.

(5) Не стоит удивляться, увидев этого брата, во многом бережно относящегося к ордену, поскольку он был одним из тех в великом приорстве, кто вместе со Стефаном и Бонио из Вулена заявил о желании получить от него защиту (см. Doc. in., p. 71 et 77); и поистине, исходя из всех предосторожностей в церемонии посвящения брата Жана де Ромпрея, мне казалось, что более значимые мистерии ему должны быть известны; тем не менее, он уходит от всего лишь своей осторожностью и исключением; тогда как, наоборот, с суровой лаконичностью, без разглагольствования, без обиняков, без траты времени на размышления и благодаря обету послушания, предшествовавшему инициации, и только таким образом предлагались чудовищные действия всем другим братьям. К свидетельскому показанию Жана де Ромпрея должно относиться осторожно, ведь оно *уникально в своем роде* в контексте многочисленных показаний тамплиеров. Ему нельзя слишком и не доверять, особенно когда уточняются благородные мотивы, которые его заставили сделаться как бы поборником ордена. И все-таки брат *Бонио* сейчас будет менее осторожным. «»

(6) В Ордене Храма были свои ремесленники: каменотесы и каменщики для строительства, земледельцы и братья, поставленные для охраны и выпаса скота и пр. (Doc. in., t. I, p. 249, etc.)

(7) «Tangendo quemdam librum» (Doc. In., t. I, p. 506). И в другом месте: «Tactis sacrosanctis Evangeliis» (Id., ib., p. 601).

(8) «Nec vidit aliquem recipi, nam erat agricola; nec interfuit capitulis eorum». (Doc. in., t. I, p. 508).

(9) Doc. in., t. I, p. 630. Это имя писалось как *Bono, Bonio* и даже как *Bonno* в различных фрагментах, где оно приводится.

(10) «Quod poterant ad invicem et cum aliis fratribus ordinis carnaliter commissceri, et id ipsum pati; nam, cum vovissem castitutem, non debebant accedere ad mulieres». (Doc. in., t. I, p. 631).

(11) Брат *Вильгельм де Льеж* (Guillaume de Liege) уверяет, что беззакония, в которых обвинялись тамплиеры, были введены несколькими развращен-

ными главами ордена; как и то, что многие из их высокопоставленных братьев являлись гордецами и угнетателями, всегда готовыми к вымогательству (Doc. in., t. II, p. 9). *Брат Радюльф де Таверниак (Radulphe de Taverniac)* подтверждает, что его посвятитель говорил ему, что *непозволительные* вещи требовались от всех братьев, даже наиболее благородных и наиболее могущественных: *«Et quia omnes fratres dicti ordinis, quantumcunque nobiles et potentes, hoc faciebant»* . (Doc. in., t. I, p. 627).

(12) Он добавлял: «Я оставляю свою скупость монахам-цистерцианцам, а свое сладострастие серым монахам». Это было приведено в качестве простой исторической цитаты, ибо я далек от желания здесь становиться критиком монашеских орденов.

(13) «Frater Guillelmus de Giac, bisuntinensis diocesis, dixit quod ipsi prohibent rem cum mulieribus, sed non prohibet de hominibus» (Doc. in., t. II, p. 290). Брат Матиас д'Этэ (Mathias d'Etais (de Tabula) (id., p. 381) говорит о той же самой вещи, не придавая ей никакого смысла; но брат Р*обер де Сюрвиль (Robert de Surville)* добавляет, что его посвятитель ему сказал, что будет лучше *доверять свои собственные секреты братьям ордена, нежели женщинам*: «Et credit quod per hoc injungeret sibi quod ipse et alii fratres commiscerent se carnaliter ad invicem». (Doc. in., t. II, p. 292). — Брат Николай де Мениль (Nicolas de Mesnil) получил указание полностью воздерживаться от *женщин, дабы орден не был выставлен ими в позорном свете*: «Et postea injuxit sibi (suus receptor) quod omnino abstineret a mulieribus, et si calor naturalis urgeret eum ad incontinenciam, quod ipse et alii fratres ordinis refrigeresceret se unus cum alio, nec ordo diffamaretur pro mulieribus» (Doc. in., t. II, p. 404).

(14) Тамплиеры имели много других домов в Бургундии. Таковые суть: Пон-Обер (Pont-Aubert), Нормье (Normier), Фоверней (Fauverney), Сен-Филибер (Saint-Philibert), Рюффей (Ruffey), Ис-сюр-Тиль (Is-sur-Tille), Кюртиль (Curtil), Авалёр (Avaleurs), Маньи-Ламбер (Magny-Lambert), Семарей (Semarey), Пари-Лёпиталь (Paris-l'Hopital) и др. (Courtepee, 2 ed., t. I, p. 145).

(15) «Juravit super missale, posita manu in loco ubi erat canon Misse, mandante, dicto receptore, quos esset obediens preceptis superiorum suorum ordinis». (Doc. in., t. I, p. 296).

(16) Именно так я его называю из уважения к своим читателям, ибо вот латинский фрагмент: «*Quod adhuc obmittebat unum de punctis ordinis, videlicet de osculo posteriori; et tunc dictus receptor surgens et levare incipiens pannos suos retro, dixit eidem testi quod surgeret et oscularetur eum retro in ano; et cum idem testis surrexisset obedire volens propter juramentum praestitum per eudem, dictus receptor dixit ei quod remittebat sibi dictum osculum quia erat sacerdos*». (Doc. in., t. I, p. 296).

(17) В общем, сана священника было достаточно, чтобы избавиться от постыдных поцелуев. Из-за имевшегося сана от поцелуев был освобожден брат Стефан из Дижона (Etienne de Dijon) (см. Doc. in., t. I, p. 301); и все же священство не всегда служило защитой против этого позорного обычая, как мы увидим сейчас на примере церемонии принятия *Эмерика де Бюра*, священника из диоцеза Лангра.

(18) «In capella domus Templi de Espalhiaco diocesis lingonensis, или apud Espeilleum». (Doc. in., t. II, p. 53 et 297).

(19) *Lathomus*. На самом деле у тамплиеров были свои ремесленные подразделения, о чем я уже говорил.

(20) Очень малое число свидетельствующих смешивали подобным образом Бога со Христом во время отречения; но очевидно, исходя из категорических заявлений огромного количества свидетельствующих, что речь идет именно о Христе. Впрочем, эта крайне редкая недостоверность хорошо и естественно объясняется растерянностью посвященных. Хотя отрекаться от Бога было бы бессмыслицей, ибо отречение от Христа, наоборот, имело целью признание только одного Бога. Это мнение мной будет развито немного позднее.

(21) «De Castellione super Sequanam» . (Doc. in., t. II, p. 53).

Обычно тамплиеры могли исповедоваться только у священников ордена, по крайней мере, пока не получали позволения исповедоваться у других. Это то, о чем хорошо рассказал брат Гарен, хотя и добавил, что к нему не применялось данное условие (id., ib.) Другой брат говорил, узнав у *П(атера) де Беза (P. de Beze)*, капеллана ордена и кюре церкви в Вулене, что тамплиеры должны исповедоваться лишь у самих орденских священников, в противном случае, им необходимо специальное дозволение, поскольку епархиальные священники без него никак не могли отпускать грехи. (Doc. in., t. II, p. 297).

(22) *«Osculatus fuit recipientem in ore et postea in fine spinae dorsi»* . (Doc. in., t. II, p. 297).

(23) *«Despiciendo Dominum Jhesum Christum qui passus fuit in ea»* .

(24) «Apud Castellionem super Seccanam lingonensis diocesis». (Doc. in., t. I, p. 317).

В Шатийоне существовало командорство, строения которого еще виднеются недалеко от Promenade de la Charme *(de la Charme)*. Эти строения принадлежали Мальтийскому ордену после упразднения Ордена Храма, находясь напротив Дижонских ворот, ныне разрушенных; местоположение строений частично вклинивалось в прекрасное земельное владение господина де Фрамери (M. de Framery). — Тамплиерам также принадлежала в Шатийоне церковь *Святого Теобальда (Saint-Thibaut)* в нескольких шагах от мельницы на Сене при въезде на дорогу к Монбару (Montbard).

Часть прибыли от госпиталя *Святого Германа (Saint-Germain)*, одного из самых древних шатийонских учреждений, отдельные следы которого можно еще заметить у церкви Святого Николая, принадлежало *великому приору Шампани* по дарованию епископа Лангра, сделанному тамплиерам в 1145 году и одобренному папой Урбаном II в 1180 году. Отсюда виден дом Храма в Шатийоне, относившийся к великому приорству Шампани. (см. Courtepee, 2 edit., t. IV, p. 186).

(25) «*Praeceptorem dicti loci*». Это было подкомандорство или прецептория простых домов, зависящих от командорств.

(26) Это был, несомненно, миссал, как и в случае принятия Готье де Бюра, о чем я уже говорил.

(27) *Sed dictus receptor praecepit et quod oscularetur eum magis infra.*

(28) Doc. in., t. I, p. 632, et t. II, p. 368.

(29) Главный дом или *командорство тамплиеров* в Дижоне, говорят дижонские предания, располагался в предместье Сен-Пьер (Saint-Pierre) на юг от церкви Святого Петра: оно находилось на том месте, где видны сейчас врата Святого Петра напротив бьющего ключа воды. Местоположение *Тампля* было между этой церковью и башней *Фондуар (Fondoire)* или *Фондор (Fondeur)*, то есть бастионом, над которым проходит по земляному валу, улица *Шеньо (Chaignot)*. Итак, чтобы построить бульвар так, как он существует до сих пор, губернатор *Луи де ла Тремуаль (Louis de la Tremoille)* снес *Тампль* в 1513 году и, чтобы возместить убытки рыцарям Святого Иоанна Ирусалимского, которым после угасания тамплиеров принадлежали эти строения, Франциск I возвел из материалов, остававшихся от Тампля, церковь Магдалины или *командорство Мальты*. Виден еще верх этого здания со стрельчатым окном, украшенным мальтийским крестом, на углу улиц Магдалины и Школы права (прежняя улица Портель) напротив жилища привратников.

Независимо от этого главного дома, тамплиеры владели другими домами в самом Дижоне, среди которых дом, называемый *Мейкс дю Тампль (Meix du Temple) или маленький Тампль Дижона*, располагавшийся рядом с башней, именовавшейся *Часовня Шатра (тюрьмы) Святого Бенигна (Saint-Benigne)*, потому что, говорят, в ней был заключен Святой Бенигн († 200 н. э.), апостол Дижонский, и где, как повествует аббат Фио (Fiot), он отдал свою жизнь за Иисуса Христа. Признаки этой башни можно увидеть в доме по улице Школы права на очень небольшом расстоянии от командорства *Магдалины*, о котором я рассказал.

Главное командорство, маленький Тампль и другие постройки относились к великому приорству Шампани (Courtepee, 2 edition, t. II, p. 117). Согласно тому же автору *монахи Храма* имели с 1260 года один дом на улице де ла Порт или башни *Фондуар* или *Фондор*, улица, носившая в XIV веке имя *де Крэ (des Crais)*, которая называется сегодня улицей *Святой Анны* (Id., t. I, p. 428). Что касается командорства в предместье Сен-Пьер, то оно было (исходя из Courtepee, t. II. p. 177) реально основано в пользу ордена Святого Иоанна Иерусалимского к 1190 году герцогом Гуго III (Hugues III), в награду за службу, оказанную ему монахами ордена в Святой Земле.

Это должно внушать определенное недоверие к Куртепэ в интересующем нас вопросе: видно, что данный автор смешивает *ворота Фондуар*, находившиеся в конце улицы Шеньо, с воротами *Нанксион (Nanxion)*, располагавшимися на краю улицы *Мезон-Руж (Maison-Rouge)* (см. старые карты Дижона) и дает в одном и том же взятом месте два дома тамплиеров вместо одного.

Вот более четкие доказательства:

«Поскольку аббатство Святого Стефана, — пишет аббат Фио (История церкви аббатства Святого Стефана — Histoire de l'eglise abbatiale de Saint-Etienne, p. 126), — создавало препятствие зданию, которое рыцари Храма, *вульгарно называемые тамплиерами*, хотели соорудить в их *дижонском доме, размещавшемся в приходе Святого Петра*, то об этом препятствии было

доложено в Рим, и папа Александр III в 1168 году принял решение в пользу Ордена Храма: *«Eisdem fratribus oratorium et cimeterium in praescripto loco adjudicavimus»* (Id., ib., p. 405. Доказательства).

Дом тамплиеров и зависящие от него строения были вклинены между *контрфорсами* (les directs) базилики Святого Стефана и владениями Святого Бенигна: так назывались монастырь или cemeterium (кладбище) Святого Бенигна. Это имение тамплиеров занимало большое пространство между стенами каструма и сельского предместья Дижона. Оно должно было располагаться в виде обширного треугольника между улицами *Сен-Пьер, Мельниц (des Moulins) и Бордо-Марго (Bordot-Margot)*, продолжавшегося, естественно, вне стен от улицы Шеньо. Следовательно, оно занимало все направление нынешнего земляного вала между улицами Сен-Пьер и бастиона напротив улицы Шеньо.

Тамплиеры обладали некоторыми постройками в окрестностях Дижона. В *Фовернее* им принадлежал дом или часовня со всеми подсобными помещениями. Они имели также дом в *Талане* (Talant), доказательство существования которого приведено господином Гарнье (Garnier) в своих превосходных воспоминаниях о Талане. Этот последний дом упирался в стену крепостного ограждения напротив сада современного курорта.

(30) «*Et obtulit se velle fieri servum esclavum ordinis*». Doc. in., t. I, p. 632.

(31) Село в двух километрах от Дижона.

(32) «*Dictus recipiens osculatus fuit ipsum in fine spinae dorsi, in umbilico et in ore*» (Doc. in., t. II, p. 368). Представляется, что посвятитель имел выбор: либо принимать поцелуи, либо самому целовать. В принятии *Родольфа де Гранвилье (Rodolphe de Grandvilliers)* посвятитель сам берет на себя эту заботу: *«Item dixit quod recepiens fecit cum spoliari usque ad camisiam, et osculatus fuit ipsum receptum in fine spinae dorsi, in umbilico, et demum in ore»*. (Doc. in., t. II, p. 354).

(33) Представляется, что кощунства ослабевали по мере удаления от великого центра резиденции ордена, которой являлся парижский Тампль, где великий магистр держал свой двор. Можно сказать и так: поскольку последний обладал достоинством владетельного князя, то великие сановники Франции домогались чести иметь столь же блестящий титул. Различные кощунства, которые ставятся в вину братьям, тщательно соблюдались в Тампле Парижа, а также в командорствах и домах, относящихся к его ведению, и в них все совершалось согласно требованию: трижды отречься от Христа, трижды плюнуть на крест, исполнить три поцелуя *(in ore, in umbilico, et in spinae dorsi)* (в губы, в пупок и в копчик — В. Т. — Г.), послушаться совета об отвратительных отношениях и пр. Все эти чудовищные практики имели место без послаблений. В провинциях и вдалеке от источника порока или правила, наоборот, определенные похвальные слабости и определенные счастливые уступки спешили умерить нечестивый аспект вещей: так, в диоцезе Труа посвятитель, действительно, появлялся совсем голым; но професс целовал его только в плечо (Doc. in., t. I, p. 254). В диоцезе Э (d'Aix) посвятитель допускал то, чтобы професс аллегорически изображал срамной поцелуй (id., ib., p. 425).

Чаще всего здесь гротеск смешивается с гнусностью: когда Пьер д'Арбле из парижского диоцеза, но проходивший посвящение в провинции, отказался целовать in umbilico, то посвятитель ему сказал: *«Ergo osculeris me in ano»*. «Боже мой, нет», — живо поправился професс, поспешив исполнить поцелуй *in umbilico* (Doc. in., t. I, p. 497). Более или менее похожая сцена имела место в диоцезе Сэнт (id., t. II, p. 24). Когда Эудес де Бюр (Eudes de Bure) заявил, что не отречется вовсе от Иисуса Христа, то один из присутствующих ему ответил, что он мог бы тем более не колебаться, ибо в их стране отрекались от Бога сотню раз *за одну блоху*. Только эта грубая и постыдная шутка и привела к отречению, но посвящаемый его произнес лишь устами, принявшись рыдать столь горько, что брат Вильгельм де Люр (Guillaume de Lurs) сказал другим свидетелям: «Оставьте его; иначе, его сделаете сумасшедшим». И его на самом деле оставили в покое, отказавшись его заставлять плевать на крест, импровизированный ими из двух палок: *«super quandam crucem ligneam factam de duobus baculis»* (Doc. in., t. II, p. 110).

(34) *«Ab aliquibus perversis de superioribus ordinis»*: это выражение самого брата Вильгельма де Льежа (см. Doc. in., t. I, p. 9). По данным Жераля де Мюрсака из диоцеза Сэнт, некоторые из еще живущих тамплиеров сделались виновными в промискуитете, когда находились за морем: «*Aliqui ex fratribus existentibus ultra mare perpetrabant crimes sod*». (Id., t. II, p. 213). Ж. Инкмет де Лондре (J. Hincmete de Londres), всячески защищая орден от этого тяжелого обвинения, добавляет: *«Quod ultra mare aliqui fratres inter se commitebant illud peccatum sod.»*. (Id., t. I, p. 193).

(35) Это здравое размышление, высказанное мне знатным человеком и превосходным знатоком *патером Лакордэром (P. Lacordaire)*. В самом деле много тамплиеров на допросах выражали свое удивление, почему члены ордена, которые знали об отвратительных мистериях их не отменили и не разоблачили в Церкви (Id., t. II, p. 3 et 83).

(36) «Quod non dimitterent ordinem pro meliori et pejori» . (Doc. in., t. II, p. 236).

(37) Doc. in., t. I, p. 207; et t. II, p. 7 et 20.

(38) Это слово, которое часто повторяется в течение посвящения. После обета послушания они были связаны «*statim pro professis habebantur*» . (Doc. in., t. II, p. 85, 102 et passim.)

(39) T. I, p. 501: «Когда спрашивали брата Жерара де Пазажа (Gerard de Pasage), не совершил ли он грех, плюнув на крест, он отвечал, что да, но сделал он это по причине данной им клятвы послушания» (Doc. in., t. I, p. 214).

(40) Doc. in., t. I, p. 184.

(41) Id., t. II, p. 192.

(42) Id., t. II, p. 367.

(43) Id., t. II, p. 359.

(44) Id., t. I, p. 188.

(45) Id., t. II, p. 263-333.

(46) Id., t. I, p. 270 et 425.

(47) Id., t. II, p. 256, 260.

(48) Id., t. II, p. 296 et 250.
(49) Id., t. II, p. 389.
(50) Id., t. II, p. 342.
(51) Id., t. II, p. 354.
(52) Id., t. II, p. 264.
(53) Id., t. II, p. 176.
(54) Id., t. II, p. 179.
(55) Id., t. I, p. 331.
(56) Id., t. II, p. 278.
(57) Id., t. II, p. 376.

(58) По свидетельским показаниям Готтфрида де Татана (Geofroid de Thatan) из диоцеза Тура формула отречения была следующей: «*Je reney Jhesu, je reney Jhesu, je reney Jhesu*». (Doc. in., t. I, p. 222).

(59) Id., t. I, p. 249.

(60) «Ipse tammen testis non intelligebat in hoc aliquid malum, sed quod hoc fierat propter penuriam lectorum». (T. I, p. 317).

(61) Смотреть о фактах совершения промискуитета, t. II, p. 122, 137, 213.

Брат Ж. де Тортавилла (J. de Tortavilla) не считал за грех и отношения с теми, кто и вовсе не входил в орден. Он называет того, с кем состоял в сожительстве. (См. t. II, p. 286). Один брат из диоцеза Безансона рассказывает, что великий магистер ордена трижды его обманным образом использовал в течение одной ночи на Кипре. (T. II, p. 290). Другой брат называет того, кто его утащил в сторону и кому он не осмелился противоречить отказом по причине предписания, сделанного ему во время посвящения. (Id., p. 294). Несколько братьев говорили, что они занимались этим в здравом сознании, ибо их статуты имели для них силу закона.

(62) Вследствие толерантности, о которой я говорю, братья могли делать вид поцелуев и плевков: «*finxit et sputum non emisit*» (Doc. in., t. I, p. 356 et 359). Несколько раз наиболее срамной поцелуй совершался только в пояс или на рубашку: «*super braccale, circa zonam, supra camisiam*» (Id., t. II, p. 38, 40). Брат *Эван Фили (Even Phily)* говорит, что подставил свою щеку, но не губы: «ad illam partem inferiorem» (Id., ib., p. 372). Брат *Буан (Boin)* рассказывает, что живот брата Демара (Demar) был настолько большой, что он без труда изобразил поцелуй in umbilico, чего он коснулся лишь носом: «*sed nunquam tetigit nisi de naso*».

(63) Именно это известно о рыцаре *Готтфриде де Гонавилла (Gaufrid de Gonavilla)*, прецепторе Аквитании и Пуату, посвященном в орден в лондонском Тампле братом *Робертом де Тортевилем (Robert de Torteville)*. Когда последний открыл посвящаемому печальный перечень кощунств, коим ему необходимо было подвергнуться и который разрушил все идеи такого юного благородного человека как Гонавилла, бедный брат спросил о том, где были его дядя и другие добрые люди (bone gentes), приведшие его в подобное место. Посвятитель, видя его сопротивление, говорит ему: «Если ты хотел мне клясться на *Святых Евангелиях Бога*, которые ты признаешь, если братья тебя об этом просят, то ты делай все, что я от тебя требую, а я окажу тебе

в этом полное сснисхождение». «Я клянусь», — тотчас ответил Гонавилла, и посвятитель его отпустил после следующей маленькой церемонии: *брат Роберт* закрыл рукой крест, чтобы професс плюнул ему на руку, положенную таким образом. Гонавилла объясняет нам причины данной крайней осторожности: он и его дядя, являясь фамильярами (близкими друзьями) короля Англии, оказали много услуг брату Роберту: когда последний нуждался в этом, его неоднократно вводили в покои английского короля. Гонавилла признает, что имея обязательство принять последовательно пять рыцарей, он их оберегал равно как и сам был обережен; но однажды он находился в церкви, чтобы слушать мессу некоего *брата Бернарда*, уже одевшего белый стихарь в ожидании другого брата, чтобы ему исповедаться, и Бернард обратился к Гонавилле со словами: «Господин, знайте, что против Вас замышляются определенные вещи и что ходит какое-то писание, в котором Вы изобличали великого магистра ордена и показывали на других братьев как не соблюдающих статуты» (Doc. in., t. II, p. 398).

(64) «Saltem dicas hoc ore et non corde». (Id., t. I, p. 571).

(65) Doc. in., t. II, p. 265.

(66) Это были братья *Матьё де Бовэ (Mathieu de Beauvais), Жан де Безенкур (Jean de Besencourt), Жан де Жувиньи (Jean de Jouvignie), Родольф де Гардевилье (Rodolphe de Gardevillier), Жан де Трошинкур (Jean de Trochincourt), Пьер де Созоле (Pierre de Sausaulay), Режиналь д'Арживилла (Reginald d'Argivilla), Бернар де Соммевё (Bernard de Sommeveux)* и др. (Doc. in., id., p. 285).

(67) Один из кающихся принял отпущение с условием заявлять об этом на тринадцати мессах Святого Духа (Id., t. I, p. 313). *Эмерику де Бюру* предписывалось поститься тринадцать пятниц на хлебе и воде (Id., t. I, p. 318). *Радульф де Жизи* исповедуется брату Жану из Дижона, который совершает крестные знамения и налагает на него пост и вериги: *«Incipit se signare et obstupescere, sed finaliter absolvit cum imposita penitencia quod frequenter acciperet disciplinas fortes et duras secrete, jejunaret*, etc.» (Id., t. I, p. 399)- Один монах из братьев-миноритов (францисканцев) предписывает для покаяния *Жану де Сен-Жюсту (Jean de Saint-Just)* самобичевание с чтением псалма *«Помилуй мя, Боже...» — «Miserere mei»* . (Id., t. I, p. 399).

(68) Посвятитель Одон де Бюр из диоцеза Лангра говорит ему спустя несколько дней после посвящения: *«Quod non curavet, quia pro trufafecerat supradicta»* (Doc. in., t. II, p. 110). Итак, известно, что старо-французское слово *truffa* означает насмехаться (см. Lacombe).

Один из братьев-сержантов, принимавший участие в посвящении рыцаря *Бертрана Гюаска (Bertrand Guasc)*, говорит ему спустя некоторое время, что все это делалось как бы в шутку, чтобы его проверить: *«ad probandum eumdem et causa joci seu truphae»* . (Id., t. II, p. 260).

(69) Некоторые братья говорят о почитании креста в их церемониях и протестуют с большим простодушием своих ортодоксальных чувств (Doc. in., t. II, p. 241, 245). Брат Бернард говорит, что тамплиеры почитают крест трижды в год, а именно: в два праздника Святого Креста в мае и сентябре и более тор-

жественно в Страстную Пятницу, которую они проводят без оружия с босыми ногами и покрытыми головами, распростершись на коленях. — И вот на языке того времени сакраментальные слова поклонения:

«Ador te Crist, et benedesc te Crist, qui per sancta tua crou nos resemist!»

«Я тебя почитаю Христос, я тебя благословляю, о Христос, искупивший нас на своем Святом Кресте!» (Doc. in., t. II, p. 503).

(70) См. Histoire de France de M. Michelet, t. III, p. 127.

(71) «Non cures, quia hoc non est nisi quaedam *truffa*... Quod receptor dixerat et pro *trufa*». (Doc. in., t. I, p. 510).

(72) Представляется, что в этом нечто обнаружилось, ведь согласно услышанному братом Ренаром де Бором (Renart de Bort), рыцари госпитальеры Святого Иоанна Иерусалимского, делая намек на простую акколаду их ордена, намеривались высмеять то, что тамплиеры делали на полном серьезе: *«Audivit frequenter improperari sibi et aliis fratribus ordinis jocose ab hospitalariis quod in eorum receptionibus osculabantur tantum in ano»* . (Id., t. II, p. 153).

(73) После приведения к присяге братьям внушалось, чтобы ни в коем случае ими не раскрывались секреты ордена, они предупреждались, что если нарушат свою клятву, то будут помещены в тюрьму, где вскоре и умрут или из которой уже никогда не выйдут: *«Quod si revelaret, poneretur in carcere in quo cito moreretur, vel nunquam de eo exiret.»*

(74) Брат *Гервасий де Бовэ (Gervais de Beauvais)* однажды говорит *Родольфу де Прелю (Rodolphe de Preles)*, что в ордене имелся столь существенный для сокрытия пункт, что гораздо лучше не снести головы, чем его разоблачить. (Doc. in., t. I, p. 175).

(75) T. I, p. 87.

(76) Это были архиепископ Нарбонна и епископы Лиможа, Манда и Лизье.

(77) Среди этих первых были *Пьер де Люньи (Pierre de Lugny)* и *Стефан де Биссей (Etienne de Bissey)*, бургундские тамплиеры.

(78) Крепость *Сафад (Saphad)*.

(79) Пишется так: IIIIxx (См. t. I, p. 170, из Doc. ined.)

(80) Recueil de Bar, ordres religieux et militaires; Paris 1785 (Сборник Бара, Монашеские и военные ордена; Париж 1785).

(81) В 1266 году рыцари Храма, осажденные в Сафаде султаном Египта, сдались после сорокадвухдневной осады. В нарушение условий капитуляции и человеческих прав султан предложил на следующее утро либо переход в *магометанство*, либо смерть. Приор Сафада провел ночь в увещевании своих братьев умереть; и из шестисот тамплиеров, которые там оставались (это число искажали до трех тысяч), только восемь оказались вероотступниками. Все другие приняли смерть через отсечение головы (Recueil de Bar).

(82) M. Michelet, Histoire de France, t. III, p. 203.

(83) Хотя они и давали клятву ничего не разглашать, я не хочу рассматривать Ж. де Молэ и его товарищей по несчастью как неких упрямых еретиков, предпочитавших скорее терпеть все муки, нежели признавать свои преступ-

ления; таковыми являлись присциллиане, правилом которых было: *«Jura, perjura, secretum prodere noli»*. Клянись, отрекайся, неважно, но не выдавай секрет (см. Бособр). Я думаю гораздо лучше толковать о простодушии, а также лояльной и военной откровенности рыцарей Храма, признавая искренность их свидетельств.

(84) «.....Un pastor senza legge

.....

Nuovo Jason sara di cui si legge

Ne' Maccabei: e come a quel su molle

Suo re, cosi fia a lui chi Francia regge» .

(Il Dante. L'Inferno, canto XIX).

«Пастырь без закона..... это будет новый Ясон, подобный тому, о ком говорит книга Маккавеев; и поскольку его король был слабым по отношению к другому, так будет для всякого самодержца Франции».

(85) На том, что касается мнения виновности тамплиеров, разумеется; ибо никто не проповедует бо́льшего почтения к памяти, трудам и знанию Райнуара; и я рассматриваю как очень достойным для меня осмелиться утяжелить перчатку, брошенную на арену этим прославленным академиком.

(86) Мариньи, передавая королю рассказ о капитуляции Сафада, говорит:

«Им перерезали всем горло; Сир, три тысячи их было».

(Райн. Траг. Тамплиеров, акт I, сцена 5).

Если бы поэт посоветовался с историей, то значительно бы снизил число этих благородных жертв. В битве при *Тиберииаде*, которая оказалась гораздо пагубней и которая осыпала цветами рыцарство Храма, потери были намного ниже цифры, принятой поэтом по случаю сдачи *Сафада*.

(87) См. Memoires de M. de Beausset;

см. еще на сей счет «Napoleon, ses opinions et jugements», par Damas-Hinard, 1838.

(88) День ареста тамплиеров в Париже и во всей Франции.

(89) Recueil de Bar.

(90) Michelet, Histoire de France, t. III, p. 206.

(91) L'abbe Velly, Histoire de France.

РАЗЫСКАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТРЕЧЕНИЯ, ВЫРАЖЕННОГО В НАДПИСИ НА ШКАТУЛКЕ СЛОВОМ TANKER И ПР.; О ЗНАЧИМОСТИ ЛАТИНСКОГО ЭПИТЕТА GERMINANS

Решение этого тяжелого вопроса *антихристианской метафизики*, если угодно мне позволить рассуждение о ее происхождении, скрыто в тысячах изгибах многочисленных сект *гностицизма* (1). Значит, необходимо, поднявшись к истоку сект, постепенно изучать с моим читателем их родство, пока некоторые из следов нас не выведут на дорогу. Это сложная вещь, ведь нам понадобится пройти настоящий лабиринт сирийского, греческого и восточного эклектизма (2).

Именно еврейская школа Сирии (3) берет на себя пагубную инициативу: Симон Иудей или Волхв, современник апостолов, являлся главой этих за*кройщиков христианства*, которые не могли сбросить иго Ветхого Завета, чтобы прилепиться к Новому, и оставались монотеистами в полном смысле этого Ветхого Завета, признавая только проявления или модусы существования Верховного Существа, взятые в его собственных свойствах (4). Первым в этом порядке проявлений, согласно гностикам, была *премудрость*. Все их секты принимали данный принцип, отличаясь друг от друга лишь по *синонимическому ряду*. В действительности, Симон дал этой первой концепции Верховного Существа имя *Елены*, другие ее называли Эннойя (греч.), третьи София (греч.) (5) и т. д. По учению симониан, *премудрость* есть мать всего сущего. *Эбион* (6), рожденный первоначально в иудейском вероисповедании, также отрицал божество Христа в этом смысле; для него Спаситель перед своим крещением был простым сыном Иосифа и Марии (7). Затруднение для евреев, преданных Моисееву закону и всему своему материальному достоянию, свободно вступить на путь христианской духовности, создала первых гностиков и увлекла в это ложное знание, даже после истинных обращений в христианство, наиболее умных людей. Это происходило особенно в Сирии, как средоточии между древней и новой мудростью народов; ибо истине между нами не дано торжествовать без распрей: следовательно, евреи явились первым и никак не меньшим препятствием христианского торжества. По обыкновению *Эбиона* не относят к первым гностикам,

поскольку его христианство уже более чем решенное; но я старался показать на примере затруднения, что испытывали первые христиане из еврейского народа в совлечении ветхого человека для нового. Эти первые неофиты определялись достаточно справедливым эпитетом, называясь *иудействующими христианами*.

Секта Симона, истинного отца гностицизма, имела много сторонников; но затмившим всех других был самаритянин *Менандр* (8). Он признавал Верховное Существо, которое, однако, никогда не проявлялось перед людьми; множество *гениев* исходит от этого Верховного Существа, образовавшего мир; творческие ангелы заключили человеческую душу в материальные органы, и добродетельные гении смягчили участь этой узницы-души (9). Менандр обладал чем-то от честолюбия лжепророков, которые позднее отягощали своим игом те же самые страны. Он считал себя посланцем высшей силы Бога и намеревался крестить от своего собственного имени (10).

У Менандра были многочисленные ученики в Антиохии (11), и с первого века истории Церкви *Сирия* стала очагом всех ухищрений разума против чистоты Евангелия. Второе столетие, наиболее плодотворное и пылкое в плане гностического брожения, знало ученика Менандра *Сатурнина Антиохийского* (12), предложившего новым ученикам новый эклектизм, составленный, по словам господина Маттера, *из всего из ряда вон выходящего в окоружавших его верованиях* (13). В действительности, эта система заключает в себе признаки *дуализма Зороастра*, и уже идеи Персии спешат смешаться с идеями сирийских филологов.

Вот сущность этой системы: семь ангелов уклонились от господства Высшего Существа, создав мир без его участия и без его ведома; но Высшее Существо, приняв видимую форму, пришло обозреть произведение семи ангелов и увидело существо, ползающее по земле, но имеющее образ, подобный своему. Этой несчастной тварью являлся человек. Бог оказал ему сострадание, и чтобы поднять то, что имело отношение к его собственному образу, он ниспослал на это существо искру, *луч божественной жизни* (14), и тогда человек выпрямился с благородством и вознес свои взоры к небу (15). Вот, несомненно, великолепный миф; но здесь нужно отметить следующее: физический беспорядок, несовершенство и, наконец, зло признаются происходящими от существ или начал, нижестоящих Богу. Эта еще новая в сирийском гностицизме идея вскоре станет плодотворной в гностических школах по мере того, как они углубятся в исследование

происхождения зла. Мало было дать человеку душу: стало необходимым покровительствовать ему против тирании семи ангелов! Вот почему Бог послал своего Сына, который благодаря своей божественной сущности не мог быть вовлеченным в материальные органы и *принял смертное тело только внешне, пострадав и умерев за людей тоже внешне*. Таким образом, Сатурнин (16), спасая Бога от приписывания Ему зла, намеревался спасти и божество Иисуса Христа от скверны плотских оболочек.

Одновременно (17) *Василид и Карпократ*, оба представителя александрийской школы, одинаково занимались происхождением зла, фундаментальным вопросом, поставленным впервые намного раньше в Персии Зороастром и возмутившим тогда весь Восток, Сирию и Египет (18).

Согласно *Василиду*, создали мир ангелы, занимавшие последнюю небесную сферу, и нет ничего удивительного в том, что зло здесь царствует наравне с добром (19); но тогда, по крайней мере, Верховное Существо не ответственно за это зло; и все же, чтобы его побороть, не дав ему распространиться, оно послало в низший мир свою *премудрость* (нус — греч.), которая, облачившись в человеческие формы, приняла имя Иисуса. Евреи намеревались ее умертвить на кресте, но она вознеслась на Небо, оставив вместо себя *Симона Киринеянина*. Отсюда, как говорит Святой Ириней Лионский, и заключение, что не нужно верить в Того, Кто был распят (20). Василид расчленил Верховное Существо на восемь великих проявлений: это *огдоада*, о которой я уже вел разговор с моими читателями (21).

Карпократ, чтобы найти происхождение зла, подогнал иудаизм под христианство, и суждения Востока под греческие философские системы; этот эклектизм, казалось бы, сделал свою систему почти космополитической. Исходя из воззрений этого сектанта, *Иисус Христос*, сын Иосифа и Марии, был намного более, чем всякий другой смертный, наделен энергичной душой (22). Души, изначально являвшиеся небесными и чистыми, были подчинены телам лишь для того, чтобы забыть Бога. Фатальное забвение снизошло *в телесный мир*, где души подчинялись ангелам-творцам этого телесного мира. Вот почему Иисус Христос, обладая душой сильной закалки, сопротивлявшейся этим ангелам, смог освободиться от телесного мира, чтобы вернуться в свое небесное отечество. Та же милость полагалась душам, которые бы подражали Иисусу Христу (23). Эти идеи приближались к христианскому спиритуализму, но нашлись сторонники

Карпократа, исказившие его систему, считая, что нужно было в той же мере почитать и ангелов творцов: они придерживались мнения, будто душа должна платить как бы долг телесным связям, чтобы раньше освободиться от них. Из этого ложного посыла следует, что дела похоти не только позволительны, но и предписаны; отсюда добрые и злые действия безразличны по своему естеству, или скорее нет ни добрых, ни злых деяний (24). Василидиане еще больше усовершенствовали этот мистицизм: они выделяли совершенных, чьи души были настолько возвышены над материальным миром, что чистота никак не могла в них исказиться из-за всякого чувственного сладострастия (25). Стоит ли удивляться наибольшей развращенности нравов среди этих странных сектантов, и становится понятным, почему *Святой Иероним* называет Василида *господином распутств* (26).

К середине II века появился Валентин, иудейского происхождения, рожденный в Александрии (27). Он замкнул круг эклектизма Василида. Находясь в замешательстве, как и последний, производить зло от одного и того же творческого начала, он вообразил поначалу в материи части различного характера: одни — правильные; другие — неправильные и несовместимые между собой. Бог образовал благодаря содействию первых правильные тела; но поскольку он пренебрегал другими, они внесли беспорядок в мироздание (28), который необходимо стало устранить, и именно системой *эманаций* Валентин объясняет это великое событие сверхъестественного порядка. Согласно этому пестрому сектанту, вобравшему в себя христианский, персидский и греческий эклектизм, *вечность и непостижимость* характеризуют Верховное Существо (29); эоны или эманации того же самого естества, что и Верховное Существо (30), исходят от него как свет исходит от солнца. Для своего проявления, пребывая бесконечные столетия в покое и тишине (31), Верховное Существо использовало свою мысль (32), и первая проистекшая из него эманация была *премудрость* (33); *женский эон или аналог мужского эона* (34), и первый эон или перворожденный эон творения есть *Иисус* (35); однако, не желая делать смертным существо, исшедшее от Бога, поскольку мы все умираем, Валентин признавал *Высшего Христа*, соединившегося с эоном Иисусом во время земной миссии этого Спасителя людей (36).

Два сектанта во многом поспособствовали в распространении валентинианской ереси в различных концах Малой Азии и особенно в Сирии: сначала это был *Татиан* (37), ученик Святого Иустина Фи-

лософа и впоследствии глава гностиков, называемых целомудренными или энкратитами, ибо чрезмерно обременялись воздержанием; затем был *Кассиан*, сменивший их имя на *докеты* или *кажущиеся*, поскольку они придерживались того, что тело Иисуса Христа являлось лишь *кажущимся или призрачным* (38). *Марк* или *Маркус* (39), происходивший из Палестины ученик Валентина (40), сосредоточил свои усилия на распространении в Сирии доктрины учителя; и чтобы лучше завоевать евреев, он вошел в их доверие благодаря кабалистическим теориям. 24 буквы алфавита, по его мнению, заключают в себе все возможные силы, качества и добродетели, вот почему Иисус Христос говорил о себе самом, что Он — *Альфа и Омега* (41). «*Верховная тетрада*, — добавлял Марк, — снизошла со своих непостижимых высот, чтобы раскрыться в моем уме в образе женщины (42). Когда Верховное Существо произнесло первое слово, это был слог из четырех букв, из которых каждое стало *сущностью*, и эти эоны составили первую *тетраду*; второе слово было еще из четырех букв, и вторая тетрада соединилась с первой, образовав *огдоаду* (43). Одним из наиболее драгоценных слов Бога является Логос (греч.), то есть Иисус Христос (44)». Под этой кабалистической формой легко заметно смешение систем Василида и Валентина. *Огдоада* первого здесь в большом почете. И в самом деле, по словам де Бособра (45), Святой Ириней (46), а после и Святой Епифаний нам сообщают, что число *восемь* было весьма священным и весьма таинственным среди маркосиан; они его находили в различных местах Ветхого Завета и говорили о *небесной огдоаде*, которая бесконечна, вечна и не имеет ни предела, ни времени, ни места и т. д. (47)

Маркус принялся убеждать женщин, и это средство принесло большую известность сектанту. Размышляя о заблуждениях, которые могли отсюда возникнуть, становится понятным, почему наиболее дискредитировавшие себя секты, подобные офитам, соединились с этой ветвью валентинианства (48).

Сириец по происхождению *Кердон*, пришедший в Рим около 140 года христианской эры (49), произвел вторжение персидской философии. Он предполагает *два* независимых друг от друга *начала:* одно доброе, другое злое. Согласно Кердону, закон евреев или Ветхий Завет является произведением злобного существа; наоборот, закон христиан или Евангелие есть дело доброго *начала* (50). Эон *Христос*, посланный к людям *Неизвестным Богом и врагом материи*, никак не смешивался с материальным телом, не был вовсе рожден от жен-

щины и никак не страдал (51). *Он облачился лишь в призраки плоти* (52). Валентин уже прикоснулся, как Кердон спешит это сделать, к доктрине двух начал; но это учение, мощно возмутившее тогда умы, отныне станет для гностиков преобладающей идеей: итак, поспешим увидеть ее разрешение новым сектантом.

Если бы судили о Маркионе по оскорблениям, которые ему адресует Тертуллиан (53), то рисковали бы скорее советоваться со страстью, нежели с историей: к счастью, иные Отцы Церкви более спокойные оценщики (54). Маркион являлся сыном святого епископа и родился в Синопе на восточном побережье *Пафлагонии* в Малой Азии. Греховная связь с девушкой, давшей обет целомудрия, исключила его из Церкви. Говорят, что отверженный в Эфессе учениками Святого Иоанна, он встретил в Риме Святого Поликарпа; и поскольку Маркион спросил последнего за кого он его признает, святой человек ответил: «Да, я тебя признаю за сына Сатаны». Добавляют, что по просьбе его собственного отца, он был отлучен от церкви в Риме со времени своего прибытия, как это случилось и в Синопе. Однако Маттер подвергает сомнению этот факт (55). Как бы то ни было, Маркион являет собой один из наиболее грустных примеров последствий первоначальной ошибки. Она его бросила в ересь и навлекла на него в семье и в других местах красноречивые проклятья. Тем не менее, он обрел печальную славу, став главой школы в гностицизме. Снедаемый честолюбием в свою очередь сделаться евангелистом, он нападал на самое известное Евангелие в Малой Азии, то есть на Благовествование Святого Иоанна. Согласно Маркиону, Иисус Христос не рождался от Девы, не имел даже видимости; он не заимствовал тела у материи (56): *это был чистый дух* (57), покинувший небеса и внезапно оказавшийся в синагоге *Капернаума* (58).

Итак, Маркион не принимает ни страданий, ни смерти Иисуса Христа; что касается человека, он полагает, что тот есть произведение *двух противоположных начал* и рассматривает душу как эманацию добродетельной сущности, а тело как труд злобной сущности (59). Одновременно Маркион заботился об устранении из Нового Завета всего того, что могло бы оспаривать его систему двух начал. Он называл Бога *ангелом, который управляет материей*; но был, по его словам, *Высший Бог* (60), являющийся *Истинным Богом*, *Неизвестным Отцом, Верховным Существом* (Matter, t. II, p. 248). Изложение этой доктрины двух начал заставило высказаться Святого Епифания, что, по его мнению, Маркион принес свою систему из Персии (61). Наш

великий Боссюэ идет еще дальше: он охотно смешивает *Маркиона* со знаменитым главой школы дуализма *Манесом*, как видно из следующих слов: «После язычников, казавшимися авторами и учителями благой философии, пришли другие люди, коих назвали в Церкви *манихеями и маркионитами* (62)».

Ученик Маркиона *Апеллес*, питая привязанность к женщине по имени *Филумена*, персонифицировал премудрость с тем же самым именем (63). Доктрина этого гностика из сектантов, о которых я говорил, напоминает учение *Валентина* и в особенности *офитов*. Апеллес являлся, вероятно, наиболее безусловным монотеистом, чем все его предшественники: он принимал только *единое вечное начало*, не заботящееся никак о материи; отсюда видно, что у него встает проблема, существовавшая для всех и состоящая в том, как примирить происхождение зла с добрым началом; следовательно, чтобы избежать этого сомнительного пункта, Апеллес утверждает, что *Высший Бог* сотворил ангелов и между ними ангела огня (64), создавшего наш мир по образу иного высшего и более совершенного мира (65). Апеллес был противником христианской догмы воскресения плоти; он говорил, что нисходя с небес, Иисус Христос обладал небесным и воздушным телом, а восходя на небеса, он возвращал каждому небу то, что у него ранее брал, и, таким образом, лишь один дух возвратился в лоно Божества (66).

Вардессан, рожденный в окрестностях *Эдессы* на границе Сирии и Месопотамии, процветал в эпоху Марка-Аврелия, провозглашенного императором около 161 года (67). Его прозвища *сириец* и *вавилонянин*, а одинаково и его *зороастрийское знание*, если мне позволено так выразиться, заставляют некоторых думать о двух Вардессанах. Помещенный, так сказать, между философией Запада и мировоззрением Востока, дух в своем закаливании должен был сплавить воедино доктрины двух полушарий и приготовить путь, по которому вскоре проследует знаменитый *Манес*. Странная вещь! Вардессан поначалу являлся ревностным христианином и боролся с гностицизмом (68); но воображение увлекло его постепенно к соблазнительной прелести эклектизма, наиболее выспреннего, который только имел место. Он опубликовал несколько произведений (69); однако очень сильно распространил его доктрину сборник из ста пятидесяти гимнов или псалмов, к которым его сын *Гармоний (Harmonius)* добавил новые стихи того же жанра (70). Эти песнопения были настолько популярны, что сохранялись в церквах Сирии и после осуждения самого *ересиарха* (71).

Вардессан признавал два начала: *Неизвестного Отца или Высшего и Вечного Бога* и *вечную материю* (72). Он рассматривал Сатану как вышедшего из материи и имеющего в ней свое происхождение, что является аналогией с *Белиалом* кабалистов. *Христос* есть первородный или первый *эон Бога*. Святой Дух или пневма рассматривался нашим сектантом в качестве *супруги*, соответствуя Софии (греч.) других гностиков (73). *Вместе с ней* он принимал семь *сизигий (syzygie)* или эманаций. Чтобы восполнить *огдоаду* (74), в число этих *сизигий* или эманаций Вардессан помещал солнце и луну: это еще одно сближение с системой *Манеса* (75).

Христос пришел на помощь душе, чтобы соединиться с ней как со своей первоначальной спутницей: Вардессан в одном из своих гимнов или религиозных песнопений представил союз Софии (греч.) и *Христа* в образе мистического брака (76). Душа человеческая происходит от эонов, и она является истинной эманацией Верховного Существа (77). Покрывающее ее тело есть только кожаная *туника, которой Творец окружил чистые духи Адама и Евы после их грехопадения* (78). Иисус Христос, облачившись *небесным телом*, претерпел лишь *видимую смерть* (79). *Вардессан*, будучи главой школы, пришел завершить второе столетие, ставшее торжеством *гнозиса*; именно ему в утонченном эклектизме удалось смешать верования Зороастра с *кабалой* евреев, *эманациями* Валентина и *огдоадой* Василида; его учение — драгоценное кольцо, связавшее всех гностиков Запада с системой *Манеса*, к которой я перехожу.

Альбуфарадж относит появление манихейской ереси ко времени Аврелиана, или около 268 года, патер *Пажи* (P. *Pagi*) дает приблизительно 270 год; другие авторы, среди которых и аббат *де Беро-Бергастель (de Berault-Bergastel)*, указывают 277 год. Этот последний разделяет мнение папы *Льва I*: его датировка с годичной разницей совпадает с временем, установленным *Александрийской хроникой*, которая определяет публикацию заблуждений Манеса 276 годом, то есть в период консулата *Тацита* и *Эмилиана*. Я свободно принимаю последнюю дату, ибо именно в 277 году Манес в ходе публичных бесед с *Архелаем*, епископом *Кесарии*, испытал смятение и был вынужден скрыться, чтобы не оказаться побитым камнями народом; вполне основательно предполагать, что Манес уже имел представление о своей доктрине, прежде чем получил право прийти с ней на открытые прения с епископом.

Перс Манес не является ни первым, ни единственным автором своей системы: это древняя *доктрина дуализма*, учение магов (80),

Зороастра (81), Платона (82) и Пифагора (83); вот почему Тертуллиан весьма остроумно говорил, что Платон давал вкус и приправу всем ересям (84); это была — и мы ее видели в предшествующем быстром анализе — та же самая доктрина, которую находим завуалированной в самых разнообразных системах гностических сект. И в самом деле, почти подавляющая идея сирийской школы, начиная с самого *Менандра*, есть идея двух противоположных начал (85). И если гностики знали доктрину магов и Зороастра, то как сам Манес мог не знать о гностическом учении? Вардессан и сын последнего Гармоний достаточно популяризировали гностицизм в Эдессе, Месопотамии и на всем пространстве Сирии, чтобы вольноотпущенник *Кубрикус* или *Корбикус*, взявший в царской столице Персии имя *Манеса* или *Манихея* (86), мог иметь о нем определенное представление (87). Он удаляется из Персии в Месопотамию (88), где тогда торжествовал гнозис *Валентина*, благодаря чему к нему попали писания Вардессана и Гармония. Успех этой гностической секты поначалу парализовал усилия Манеса; но поскольку он обладал великими замыслами и силой духа, то организовал проповедников (89).

Последние вскоре заметили, что не имели более страшных врагов, чем христиане (90); это было тогда, когда Манес, соединив свою доктрину с христианством, смог привлечь в нее сам гнозис, сообщив своей системе влияние, которое стало ослабевать в Азии и Европе только в XIII веке. Манес пришел в эпоху, когда великий вопрос происхождения зла возмущал все христианские секты, в которых семена магизма уже пустили ростки среди гностиков. Вряд ли Манес имел меньшую провинность в своем *христианско-восточном* эклектизме, если позволительно так выражаться, когда даже стал основоположником системы, носящей его имя. Поставив целью одновременное завоевание персов и христиан, ему было необходимо создать сильную и полноценную систему, которая бы примирила в то же самое время многочисленные секты, распространенные в Персии (91). Манес дал своему учению имя *христианской доктрины*, назвав себя *Параклетом* (92). Он определял Бога как *бестелесное Существо*, и это чистое определение с иными подобными из христианской теологии ввело в заблуждение самого Святого Августина (93).

Чтобы сохранить видимость *Святой Троицы*, Манес помещал *Бога Отца* в высшем небе, *Логос* на солнце и на луне, *Святой Дух* в воздухе. Имелся и чистый свет, единосущный Богу: именно от этого света *исходят* светящиеся существа, расположенные над *подлунной*

областью. Что касается материи, то она занимала пространство снизу от этой области (94). Вот *полностью духовная* вселенная, которую, по словам аббата Фуше (Foucher), производит Бог, распространяясь, так сказать, вне себя, заставляя исходить из своей сущности бесконечное множество *эманаций* (95): «Слово, пребывавшее на солнце и на луне, снизошло на землю, *облачилось простой видимостью человеческого тела, внешне претерпело смерть и воскресло»* (96).

Манес, по сведениям де Бособра (97), учил, что прежде творения материального мира Божество жило в своем царстве вместе со своими славными и счастливыми эонами, которых невозможно ни исчислить, ни измерить их протяженность; но поскольку зло, являющееся несовершенством, не могло произойти от самого совершенства, то Манес, как говорит Святой Иероним, ввел злое начало только для того, чтобы уберечь Бога от его авторства (98). Книга *Манеса*, озаглавленная *«О мистериях»*, начиналась так: «От всякой вечности существуют два державно противоположных существа: Бог и материя, свет и тьма (99). Материя или телесный мир является произведением не Бога, но *Сатаны*. Отсюда происходит следствие, принесшее печальные нарушения человеческому достоинству.

Тело есть субстанция Сатаны, тогда как душа — божественная субстанция, она никак не ответственна за то, что может производить Сатана в своих собственных членах (100). Иными словами, в этих *двух я естества все различно: одно есть без свободы к добру, другое — без свободы ко злу; значит, больше нет ни морали, ни порока, ни добродетели*. Чувствуете, сколько людей такая система предоставила свободному росту своих порочных инстинктов. Не стоит удивляться словам папы Льва Великого (101), сказавшего, что манихеи имели мистерии столь отвратительные, что он не мог их открыто излагать, не нарушая чувства приличия (102). Как здесь не вспомнить о наиболее развращенных ветвях гностических сект, печальные заблуждения которых я отмечал выше, и станет ясно, какие поразительные сходства существовали в этом смысле между гностиками и манихеями (103).

И вовсе не Манес со всяким иным глава школы намеревались разрешить порок: они лишь утверждали, что подвергаются ему по необходимости своего естества. Скользкий шаг, я согласен; и все же, если нашлись манихеи, злоупотреблявшие этим началом до безобразия, то были и манихеи, противостоявшие ему воздержанием. Некоторые избегали в ужасе вина по причине заблуждений, к каковым оно приво-

дит (104), уподобляясь в этом ветви гностической секты *энкратитов* (105): Манес, поистине, никогда не забывал примирять между собой христианские секты. Кроме того, когда он направил своих главных учеников в самые отдаленные страны, эти послы были приняты с распростертыми объятиями повсюду, где существовали гностики (106), ибо эти секты, крайне разделенные между собой, видели в полноценной и решительной системе Манеса центр объединения. С тех пор имена наиболее известных гностических вождей, среди которых *Менандр, Василид, Валентин, Маркион* и др., растворились в единственном имени *Манеса*. Гностиков больше нет, но суть лишь манихеи (107). Манес, как говорит аббат Фуше, взял за образец Святого Апостола Павла (108): позднее мы увидим сектантов по имени *Павликиане*. Манес не принимал *ни подобий, ни изображений* до такой степени, что защитники образов обвиняли иконоборцев *в манихействе* (109). Взамен манихеи позаимствовали в магизме всевозможные виды идолопоклонства и мистические суеверия: например, их иерархия ангелов или эонов столь же совмещает восточные идеи, сколь и христианские (110); и Манес не преминул привить к гнозису одну из самых драгоценных идей магов — *метемпсихоз,* о чем *Тирбон (Tyrbon)* недвусмысленно говорит в своем послании к *Архелаю* (111). Это была лукавая смесь идолопоклонства и христианства, что ставил в вину манихеям Святой Августин, дав им имя *схизматиков от язычества* (112).

Я приведу тому поразительные примеры: итак, *евхаристия* была для манихеев только церемонией акции милосердия в память *мистического распятия* Спасителя (113); затем Манес умышленно смешал восточные доктрины с учениями апостолов и гностиков, а также с платоническими идеями, заменив *премудрость* Софию (греч.) (114), которой Бог, отец этой *премудрости* или *разумности*, сообщал росток творения и силу порождать материальный мир (115), *страждущим Иисусом, который висит на всех деревьях и ползает в растениях* (116). И как совершается эта странная мистерия? Следующим образом.

Пребывающий в воздухе Святой Дух распространяет по земле *свои духовные истечения*, которые находят волокна и корни растений и, проникая в них, поднимаются в ветви, а, проходя по цветам и фруктам, становятся *страждущим Иисусом*, поскольку их срывают, едят, заставляя так страдать от скорби (117).

Согласно манихею *Фавсту*, против которого Святой Августин начал в высшей степени любопытную полемику, именно *страждущий*

Иисус является спасением и *жизнью людей* (118); но душа, по одному незапамятному мнению, осквернена или очищена пищей: то, что ее оскверняет, это частицы плоти и крови животных, частицы, *разжигающие вожделение*, и истинные семена пороков у людей; то, что ее очищает, это растения и фрукты, поскольку последнее питание не содержит ни *возбуждающего аппетита, ни вожделеющего*. Отсюда у некоторых манихейских сект аскетическая жизнь и полное воздержание от мяса животных (119). Пифагорейство, как видно, не стало чуждым в этом посыле и для манихейской системы.

Все вышеперечисленное позволяет увидеть, что ловкий вождь манихейства не устанавливал свое учение на непристойности и пороке, о чем говорили некоторые авторы. Я охотно признаю, что сектанты злоупотребляют системой, особенно когда она предоставляет такое преимущество; но никогда не поверю, что глава философской или религиозной школы берет за основу вещь, низводящую людей до скотского уровня. Наоборот, *только мистический спиритуализм*, как мне кажется, составляет основу манихейской доктрины. Манихеи, по словам одного историка (120), обладают благоговением ко всем вещам из-за присутствия в них Иисуса Христа; и замещают повсюду божественную любовь на богобоязненность (121).

И действительно, здесь нечто подобное *квиетизму*, призрак которого пробудился одним прекрасным утром XVII века в изголовье знаменитого французского епископа (122). Можно разделять эту искусную мысль, каковой мы обязаны нашему историку господину Франтену (M. Frantin) (123), высказавшему ее в своей заметке, любезно почтившей первую часть этого произведения.

Как бы то ни было, ИИСУС СТРАЖДУЩИЙ, КОТОРЫЙ ВИСИТ НА ВСЕХ ДЕРЕВЬЯХ И ПОЛЗАЕТ ВО ВСЕХ РАСТЕНИЯХ, имеет поразительную аналогию с МЕТЕ, КОТОРАЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ПРОРАСТАТЬ И ЦВЕСТИ (124). Я не завершил устанавливать родственную связь гностицизма с доктриной Манеса; но уже, как мне представляется, достаточно прояснил вопрос, чтобы было заметно соответствие двух учений. Теперь постараюсь восполнить это родство, сообразуясь с эпохами.

Гностицизм казался угасшим после III столетия; но это исчезновение было скорее внешним, нежели реальным: передача его стала секретной либо внутри Церкви, либо внутри семейств, как иудаизм, сохраняющийся на протяжении веков и господствующих религий. Более того, гностицизм смог увековечиться, слившись с манихейст-

вом и уступив ему шаг (125). Так, разукрашенное и сверкающее богатством заимствований манихейство пустило глубокие корни. Оно обладало, по словам Боссюэ (126), очарованием и неслыханными иллюзиями, чтобы обманывать простодушных, *пусть даже проходили долгие времена без знакомства с ним*. Но понапрасну римское законодательство ополчалось на манихеев с 372 по 428 год (127); понапрасну Валентиниан и Феодосий I их строго наказывали, Гонорий объявил манихейскую доктрину государственным преступлением, а Феодосий II их запретил жесткими законами: они распространялись все больше и больше, как если бы преследование являлось наиболее благоприятным питанием для такого рода пожара.

Они презрительно относились к власти и проводили свои тайные собрания вплоть до понтификата Льва Великого (128). Сильно атакованные сим великим атлетом христианства, они рассеялись после того, как были осуждены синодом и изгнаны сенатом: таким образом, они под разными именами наводнили все провинции империи. В V веке они втираются в доверие к греческому императору Анастасию; в VI веке *Феодора*, актриса, ставшая императрицей и женой Юстиниана, им покровительствует. В VII веке они принимают имя *павликиан* (129), которое им сообщает один из их учителей *Константин Сильван (Силуан)*, поскольку сам привязывается к писаниям *Святого Апостола Павла*; после проповеди своей доктрины в окрестностях *Самосаты* (130), они ее распространили до пределов Каппадокии и Понта (131). В VIII веке иконоборец и пылкий поклонник магии Константин Копроним (132) не мог не быть благосклонным к павликианам. Он им позволил обосноваться в Константинополе и во Фракии (133). Это открыло им ворота на Запад, и они обрушились на Европу. В IX веке эти *манихеи* (134) переживали различные периоды: сначала им открыто покровительствовал греческий император Никифор (135); императрица Феодора, вдова Феофила, желала их обратить убеждением, затем, используя строгость, она их толкнула на бунт. Они соединились с арабами или мусульманами, которые были тогда всемогущими в Азии (136), и в течение многих лет оказывали сопротивление Восточной Империи (137). Находившиеся непрестанно в состоянии войны с греческой империей арабы легко принимали в качестве союзников всех, кто становился врагом христианства, каковым бы ни было религиозное несогласие между ними. *Монотеистическое* основание являлось достаточным, чтобы удовлетворить арабов и привлечь к себе их симпатию, в чем мы больше убедимся, продвигаясь вперед.

Манихейские воины, против которых императоры, шли лично во главе войска, были сначала побеждены. Василий Македонянин их рассеял; но чтобы собраться с силами и продержаться против сильного врага, они построили и укрепили город *Тефрику* (138) в неприступном месте, между *Сирвасом* и *Трапезундом* в Армении. Отсюда они не давали покоя греческим военачальникам и под предводительством *Карбеаса*, человека полного решимости, опустошали земли империи, у которой оспаривали власть, до тех пор, пока Василий, их победитель, не направил к ним *Петра Сицилийского*, чтобы договориться об обмене пленными. Необходимо отметить это обстоятельство, поскольку оно проясняет исторический момент: во время посольства в Тефрику Петр Сицилийский открывает, что на совете *павликиан* было решено послать проповедников их секты в Болгарию (139). Случай благоприятствовал тому из-за смут и разногласий, имевших тогда место между папой и Константинопольским патриархом по поводу верховенства в империи (140). Известно, какие глубокие корни пустила *павликианская* секта в Болгарии, которую манихейство Запада рассматривало в качестве своей колыбели. При помощи арабов павликиане Тефрики предприняли ужасные репрессии против императора *Михаила*, сына *Феодоры*, которого победили и обратили в бегство под стенами Самосаты (141). Эта победа имела пагубные последствия для империи: вскоре увидели объединенную мусульманско-манихейскую армию, опустошающую Малую Азию. Карбеас имел чудовищного наследника: он звался *Хрисохейром (Chrysocheir)*. Никея, Никомедия, Анкира и другие города подверглись разграблению; кафедральный собор Святого Иоанна Богослова в Эфесе был превращен в конюшню.

Это торжество, или скорее отмщение остановилось только со смертью Хрисохейра. Павликиане, наконец, были взяты в их грозной крепости Тефрике и скрылись в горах, откуда в течение всего X века совершали частые набеги на земли империи со своими ужасными союзниками мусульманами (142). Нужно отметить, что они были еще очень опасны и добивались уступок со стороны законных властей. И в самом деле, император Иоанн Цимисхий дал им право водвориться в окрестностях *Филиппополя* во внутренней Фракии (143). Отсюда их прозелитизм, продвигаясь все дальше и дальше из-за склонности монахов к аскетическим принципам секты, вскоре наводнил монастыри Востока и Запада. И когда павликианство стало опять гонимым, то возродилось в новых формах: на Востоке в виде *богомилов* (144), на Западе — *катаров* (145). «Богомилы, — говорит Шмидт, — согласно

Евфимию (146), *являются только ветвью катарской секты*. Они распространились во Фракии с середины XI века и нашли прозелитов в монашеской среде. В начале XII века их основной центр находился в Филиппополе, откуда они в тайне распространились до самой имперской столицы (147). Император Алексей Комнин преследовал секту и казнил их главу Василия. Однако секта продолжала существовать секретно, имея всегда своим центром *Филиппополь* (ныне Пловдив, Болгария — В. Т.-Г.), и вскоре обрела своих сторонников во всех провинциях и всех главных городах империи» (148). Именно из этого центра *манихеи-павликиане* (149) под именем cathari, легко проникнув и в Боснию, распространились в Германии через Венгрию, затем на мгновение остановились в далматинских городах напротив главных портов Италии, чтобы дождаться кораблей, сумевших перенести их доктрины на юг Европы. Уже с начала XI века (150) эта ересь обнаружилась в Орлеане в период правления короля Роберта. Одна итальянская женщина ее принесла во Францию, и двое каноников из Орлеана (151) были первыми обольщенными. Это стало тогда большой новостью; но в XII столетии манихейство охватило самые различные слои общества в городах Ажан (Agen), Суассон (Soisson) и Периньё (Perignueux) (152). Манихейская ересь явилась как бы интеллектуальной заразой высокого полета.

«*Павликиане*, — говорит Мосгейм (153), — особенно пустили глубокие корни на территории Альби и в южных провинциях Франции». И обнаружилось во время Крестового похода, поднятого против них папой Иннокентием III (154), проявление тех же самых симптомов, что и в период преследования этих сектантов *Феодорой*, императрицей Востока. Казалось бы еретики рассеялись: на самом деле они пошли извилистыми и подземными путями, скрываясь при свете дня в монастырях и продолжая в основном внутри Церкви разворачивать преследование против нее самой. У тайной силы, направлявшей устремления секты, хватало возможностей, чтобы оставаться невидимой: ее единоначалие осуществлялось главой или примасом, пребывавшим в самом сердце манихейской веры — в Болгарии (155). Именно оттуда он руководил при помощи своих викариев многочисленными конгрегациями, приобретенными манихейством в Италии, Франции и Германии.

Теперь о доктринальной основе этих манихеев или к*атаров-альбигойцев*. Она любопытна в том, что полностью подводит итог дуализма Манеса. Чтобы придать своему тезису больший вес, я позаимствую вы-

сказывание у господина Маттера (156): «*Катары-альбигойцы* признают двух творцов: одного — *доброго*, создателя невидимых вещей; другого — *злого*, создателя видимых вещей; два противоположных кодекса: Ветхий Завет и Новый Завет; двух Христов: одного — *злого*, земного и видимого, бывшего другом Магдалины, родившегося в Вифлееме и умершего на кресте в Иерусалиме; другого — *доброго*, который ни облачался материальной плотью, ни ел и ни пил, являясь видимым в нашем мире лишь духовно в образе *Святого Павла*. Он родился и был одинаково распят, но это происходило в другом невидимом для нас мире».

Нет никакого сомнения, что катары являлись павликианами, равно как и древними гностиками, ибо многие катары, сожженные в Кёльне, исповедовали, что их доктрина восходила к первым мученикам, утвердившись изначально в Греции (157).

Что касается богомилов или манихеев-павликиан (158) Востока, то можно точно проследить периоды их существования: в 1118 году их глава Василий предан смерти повелением Алексея Комнина; в 1140 году имевший место в Константинополе синод осудил к сожжению книги Константина Хрисомала, которые преследовались и жадно перечитывались в еретических сообществах, поскольку содержали доктрины секты (159). К 1180 году для богомилов устанавливается период наибольшей терпимости: их оставляют в покое в столице и других областях империи, и они смело поднимают голову во многих провинциях Азии. Когда в 1226 году Константинопольский патриарх Герман переносит свою резиденцию в Никею, то встречает там многочисленную и решительную партию богомилов, против которых по недостатку сил произносит лишь пылкие проповеди (160).

Сравнив между собой доктрины богомилов и катаров, приходишь к выводу об их совершенной идентичности: итак, то же самое различие доброго начала от злого; то же самое осуждение Ветхого Завета как произведения Сатаны (161); то же самое воззрение, что Иисус Христос облачался лишь видимым телом (162); то же самое отвержение водного крещения для крещения духом (163); то же самое презрение к браку (164); то же самое отвращение к животной пище (165); тот самый же отказ верить в реальное присутствие в Евхаристии Тела Крови Христовых(166); наконец, то же самое презрение к иконам и кресту (167).

Мне остается теперь изучить последний вопрос: узнать, что произошло с манихейскими доктринами Востока и Запада по истечению времени, в которое мы их оставляем.

Преследования манихейства во Франции имели самый ожесточенный характер, нежели повсюду в иных местах (168): мы являемся *учтивой нацией*, у которой добро и зло всегда выражалось слишком экспансивно! Костры, куда бросали катаров, пылали еще в XIV столетии; но сострадание и цивилизованность уже начинали играть свою роль в общественных настроениях: Климент V (169) ознаменовал свое восшествие на престол понтифика приведением инквизиции в умеренные рамки (170). Однако ошибка была совершена, сделавшись присущей эпохе: она заключалась в унижении всех возвращавшихся в лоно Церкви либо поражением в общественных правах, либо клеймлением *желтыми крестами* на одеждах (171). Что означало держать их вне закона, оставляя мишенью для народной глупости; но манихейское население было скорее подавлено, чем покорено, и этим объясняется рвение, с которым оно приняло реформу (172), предоставившую ему определенные точки взаимного соприкосновения (173): подобным образом же предлагается маленькая ветка несчастному в опасности — он хватает ее и сжимает с жаром упования и спасения. Никогда больше, начиная с *Симона Мага*, враждебное единство так не ополчалось против апостольского единства: все было сосредоточено, чтобы навредить последнему. Этот новый огонь разгорелся из долгих искр манихейских костров — и расплескалась ненависть против Церкви, по словам Боссюэ (174), и Сатана больше уже не нуждался в *манихействе*.

Манихейство растворилось в XV столетии в Европе в Реформации. Посмотрим его фазы на Востоке. В XII веке *манихеи-богомилы* должны были существовать там преследуемыми, как и катары на Западе. В действительности, что мы видим и как им противостоит патриарх? Только проповедью (175), и это все. Но больше того, если какие-нибудь обольщенные этой ересью епископы и лишались своих кафедр (176), то к чему был приговорен упорствующий в ереси монах? *К сбриванию бороды*. И еще: один более милосердный патриарх дал свободу этому монаху и позволил ему проповедовать свою доктрину (177). Все это доказывает одно или другое из двух вещей: либо крайнее безразличие в религиозных вопросах, либо чуть ли не всеобщую тенденцию к манихейству в этих краях. Я весьма охотно останавливаюсь на последней гипотезе, ибо секта тогда сильно распространилась как в Вифинии, так и в Каппадокии (178) и, придя оттуда в Сирию, обрела благосклонность мусульман, которые в принципе терпимо относятся ко всяким *манихейским* сектам (179);

впрочем, арабы в лице манихеев имели союзников против греческих императоров. Между доктринами Манеса и ислама существует как бы чувство общего происхождения, пусть отдаленного и скрытого (180). Магомет, который с тринадцатилетнего возраста сделался заметным благодаря своему наблюдательному рассудку (181), бывал с караванами в Сирии, Египте и Палестине: повсюду он изучал нравы и религию, вел беседы с несторианским монахом Сергием, а по другим данным, и с сиро-яковитом *Батиром (Batyras)*. Возвратившись из своих долгих странствий, во время досуга от мистической и созерцательной жизни, Магомет предавался размышлениям в пещере горы *Хира (Hera)*, находящейся в одном лье от Мекки; он вызывал в своей памяти то, что наблюдал в бесконечном количестве сект, в которых сирийский гностицизм играл главную роль; горя желанием привести арабов к изначальной религии, он встречался с самими гностиками в своих собственных концепциях. Так, господин де Сегюр (182) говорит: «В Алькоране находишь странное смешение еврейских и христианских доктрин. Следуя этой книге, существовало только шесть великих пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, *Иисус* и Магомет; последний самый выдающийся из всех. Сверх того, эта книга утверждает, что евреи, *думая, что убивали Иисуса Христа, поражали только призрак, тогда как Его тело вознеслось в небеса*». По одним цитатам можно судить, что я сделал и в примечаниях, об определенном виде гностического синкретизма, на котором замешан ислам.

Любопытно, что с начала развития и распространения этой религии наблюдается ослабление *богомильской* секты в восточных странах, но если немного присмотреться к сути вещей, то встречаешь то же самое богомильское манихейство, пусть не господствующее, но побежденное, или скорее слившееся с исламом, и даже видно, что две доктрины поглотили одна другую, подобно тому, как и Реформа поглотила манихеев-катаров; однако старый гностицизм, сменив личину, не оставлял своих посягательств как на само магометанство, так и на христианство там, где его встречал. Изучим немного данную проблему — она стоит того труда, *ведь Маттер ее предполагает, не приступая к ней* (183), а *Вильке*, один из самых просвещенных историков Германии, написавший сочинение о *рыцарях Храма*, осторожно внушает, что тайной доктриной ордена являлся *магометанский гностицизм* (184). Это слово пока не более, чем остроумное: надеюсь, придать ему позитивную значимость.

Магометанский гностицизм (какое хорошее слово!) может делиться на три большие секты: *друзы*, *гашишины* или *ассассины*, и *тамплиеры*.

В XI веке *друзы* или *дерузы* проживали в горах *Ливана* между *Триполи* и *Птолемаидой*: эти важные места занимал позднее знаменитый орден тамплиеров (185). К 1040 году глава племени, называемый Хакемом, отделился от ислама (186) и увлек в свое верование *друзов*. Вот несколько слов о том, что из себя представляло новое исповедание.

Бог *един* (187), и он единственное существо, которому должно поклоняться. Он несколько раз проявлялся в людях в подобном им образе. Последняя его персонификация есть *Хакем*. Его главные посланники (188) суть: премудрость (*Хамза*), душа (*Исмаил*) (189), слово (*Мохаммад*), предыдущий (*Селама*) и последующий (*Али*) (190).

Взгляните на оригинальную реминисценцию из *валентинианского гностицизма*: последние четыре силы именуются также *четырьмя женами*, поскольку *Хамза* по отношению к ним занимает место мужа из-за их более низкого положения и подчиненности. Мы не ожидали такого *андрогинизма*, и потому необходимо, чтобы *Хамза* был великой эманацией, весьма привилегированным эоном, поскольку его скромные посланники определены *солнцами и лунами* религии (191). В действительности, Хамза сам назывался *последним пределом чисел*, что является другой оригинальной реминисценцией из гностицизма *Маркуса*. *Премудрость*, как добавляет книга друзов, представляется первым произведением Творца и даже *единственным непосредственным произведением его всемогущества*. Творец ее образовал из собственного света, отчего все другие творения получили существование (192); и гораздо больше того: истинным мессией есть тот, который *Хамза* или *Премудрость* (193); ложным мессией был тот, который рожден от Марии и Иосифа; Евангелие верно, ибо содержит слово истинного мессии (194).

По существу магизм является первоначальным источником религии друзов (195), ведь как говорится о премудрости или *Хамзе*, «не было никогда эпохи, в которую я не смог бы призвать творения к исповеданию единства *Нашего Господа*» (196). На самом деле, несмотря на ореол, которым секта друзов пытается окружить *истинного Мессию*, в их глазах он не кто иной, как пророк: верные в этом пункте исламу друзы признают тех же самых великих пророков — Адама, Ноя, Авраама, *друга Божия*, Моисея, Иисуса и т. д. (197).

По словам Сильвестра де Саси, система двух начал отнюдь не чужда религии друзов, поскольку в ней повсюду присутствует враждебная сильная противоположность *вселенской премудрости* (198).

В мистериях этой секты присутствуют девять степеней посвящения, и *даисы*, являющиеся распространителями *хакемитской* доктрины, заботятся о незаметном приведении своих неофитов к отказу от всякой религии, основанной на божественном откровении или на так называемой пророческой миссии, и это содержит в себе то, чему учат философы; таким образом, как излагает де Саси (199), «после девяти испытаний адепт разделяет либо мнения Манеса, либо мнения Вардессана; иногда принимает систему магов (200), иногда систему Аристотеля или Платона; чаще всего он заимствует из этих систем определенные идеи, которые вместе смешивает и т. д.» Секта друзов разделилась на несколько ветвей с тех пор, как распространилась в Сирии, Египте и других сопредельных странах.

К одной из вышеупомянутых ветвей принадлежат *нозаири* (201). Они признают переселение душ и уверяют, что, вне всякого сомнения, *духовные сущности могут появляться в материальном теле* (202). Секта *нозаири* существует вместе с сектой друзов в Ливане, но отличается от последней тем, что не признает ни *Хакема*, ни *Хамзу*; кроме того, нозаири почитают наиболее постыдные позывы естества, что навлекло на них со стороны *друзов* проклятие, предназначенное для свиней. *Нозаири*, наконец, являются истинными *офитами* или *каинитами магометанского гностицизма*, и этим все сказано. Скорее всего эти мнимые секты представляли собой ответвления тайных обществ, где только внешне соблюдались обязанности *материнской религии*. Посвященные высшей категории от них полностью освобождались. Политика, честолюбие и пылкость в удовольствиях являлись сущностью большей части восточных сект (203).

Среди 72 сект ислама (204) одна произошла от слияния честолюбия и фанатизма: это секта *исмаилитов Востока*, чаще называемых *ассассинами* (205). Учрежденная *Хакемом*, главой религии друзов, *Каирская ложа* наводнила Азию своими *даисами* или миссионерами: один из них стал основателем этого слишком печально знаменитого ордена, имя которого *ассассины* достаточно раскрывает свой смысл. Он звался *Хассаном-Бен-Сабахом-Хомаири*: его имя в дальнейшем я охотно сокращаю до его первой части. *Хассан* спекулировал на преданности, в чем убеждаются, вселяя в слабые и малограмотные души суеверные страхи; его девизом было, что все позволено для достиже-

ния поставленной перед людьми цели или будущего счастья. Умело использовались различные степени посвящения для подавления сознания и получения клятвы слепого послушания и нерушимого молчания. Вменялось в обязанность сообщать только своему вышестоящему брату сомнения, которые могли возникнуть относительно мистерий (206). Если степень подготовки професса представлялась допустимой это позволить, его посвящали во внутренний культ, и он становился *Батени* (207). С тех пор он стремился рассматривать в качестве существенного только практику, но никак не вероисповедание внутреннего культа, безразлично относясь к соблюдению и нарушению законов религии и морали. После этого посвящения он должен был браться только за кинжал для устранения препятствий в политике или в честолюбивых замыслах. Таковым был *принцип* организации, и этого хватало, чтобы масса профанов, посвященных в первые степени, находилась под его игом посредством своей клятвы. В конце XI столетия (208) Хассан устанавливает центр своего ужасного господства в крепости *Аламут* (209). Отсюда как гриф в своем неприступном гнезде он обозначал киванием головы свои многочисленные жертвы, над которыми непрестанно парил.

В его планы входило овладеть крепостями и замками соседних стран, чтобы держать в устрашении народы. Сирия являлась главным театром господства и влияния секты *ассассинов* (210). Они окружили своими многочисленными крепостями (211) сирийское население со всех сторон.

Между *ассассинами* и *тамплиерами*, двумя могущественными орденами, владения которых в Сирии соседствовали друг с другом, безусловно, имелись определенные точки соприкосновения; к тому же, *ассассины* платили *тамплиерам* дань в две тысячи дукатов (212). Это была исмаилитская политика: остерегаться сильных, чтобы с полной свободой поражать слабых.

В части, касающейся догмы *пассивного послушания* (213) и принятия *оккультных статутов*, тамплиеры не имели никаких заимствований у секты ассассинов (214), за исключением своего иерархического устройства и облачения.

И в самом деле, тамплиеры подразделялись на рыцарей, оруженосцев и братьев — степени, соответствующие иерархии ассассинов: *рефик* (товарищи), *федави* (помощники) и *лассик* (миряне); великий магистр соответствует *шейху горы*, великие приоры *даилькебирам*, а приоры *даисам*. Рыцари Храма носили белые плащи, на которых

были нашиты кресты из красной материи; *рефики* носили белые облачения с красными поясами (215).

И пускай даже принципы тамплиеров были далеки от исмаилитских принципов, у обоих сторон преобладала опасная тенденция пренебрежения к общественному культу.

В период своего пребывания в Сирии тамплиеры по своему честолюбию не раз натыкались на подводные камни: этот бедный и смиренный по своему происхождению орден быстро обогащается. Когда торжественно доверялась благородная и суровая миссия покровительствовать народам своей отвагой, редко кто не хотел бы потом господствовать над этими народами своим влиянием. Для достижения этой цели потребовалось создать сильную и единую корпорацию, обладающую собственными статутами, посвящениями и даже мистериями и повинующуюся единой воле. В таком положении тамплиерам было сложно избежать дерзких сектантов, орудовавших тогда в Сирии: значит, храмовники представляли собой добычу для ухищрений этого сектантского сообщества, ставшую предметом его алчности. Напомним, что в 1118 году (216), а это год основания ордена Храма в *Иерусалиме,* в Константинополе на костре сгорел глава *манихеев-богомилов*: преследование секты в центре греческой империи отбросили ее в Каппадокию и Сирию, где, как мы уже видели, она весьма хорошо сохранилась, поскольку *мусульмане* были благосклонно настроены к манихейским идеям.

Богомилы в целом описаны как изворотливые и коварные (217). Они внедрялись повсюду даже в одеянии монахов (218). И разве могли оказаться бесплодными их притязания на военный и монашеский орден, организованный по образцу сектантов *Хассана* и желающий иметь собственный свод посвящений и мистерий? И разве не у манихейской по происхождению секты (219) наши рыцари обрели эту формулу *духа, мудрости и премудрости, которая заставляет прорастать и цвести* (220)?..

Необходимо напомнить, что, подвергнув подробному рассмотрению весь восточный эклектизм, эту странную формулу мы обнаружили только в *манихействе*. Более того, богомилы, которых мы видели, являлись манихеями, скрывавшимися под иным именем и *представлявшими Бога Отца в образе старца с длинной бородой* (221). Не естественно ли тогда предположить, что это и был таинственный идол, внушавший столько ужаса отдельным посвященным из рыцарей Храма. Посредством этой головы представлялся

и почитался в великой мистерии *Высший Бог*, признававшийся сектой *монотеистов* за *единого Бога*. Это могло происходить независимо от *эона-андрогина*, олицетворявшего *мысль, дух, мудрость и премудрость*, важнейшего *эона*, почитавшегося всеми гностическими сектами под различными именами (222). И здесь нет никакой сложности.

Богомилы, проповедуя внутренний культ в ущерб внешнему культу и отказываясь почитать крест под предлогом, что он служил орудием смерти для Иисуса Христа (223), прямо вели храмовников к монотеизму под обманчивой наружностью. Кроме того, есть многие основания верить, что и само мусульманство не обошло влиянием чёткий *деизм* тамплиеров, поскольку большое число свидетельских показаний признает, что братья отрекались от Иисуса Христа *как от лжепророка* (224). Значит, они почерпнули эту формулу никак не в чисто манихейской секте, и мы находим здесь бросающийся в глаза вид *магометанского гностицизма*, который только сумели предположить Вильке и Маттер.

Вот некоторые свидетельства сношений тамплиеров с мусульманами. Так, брат *де Палюд (de Palud)* говорит о магистре ордена, находившемся в плену у султана и отпущенном на свободу за обещание ввести в статуты ордена все заблуждения или их часть, в чем сейчас орден обвиняют. Он добавляет, что благодаря этому соглашению, султан и его преемники были неоднократно полезны для Ордена Храма (225). *Брат Гуго де Нарсак (Hugues de Narsac)* считает, что эти заблуждения существовали в ордене в течение долгого времени и появились в заморских странах, где установились тесные отношения с арабами и где великий магистр *Вильгельм де Боже (Guillaume de Beaujeu)* и рыцарь *Матьё ле Соваж (Mathieu le Sauvage)* заключили договор о широком взаимодействии с султаном и саррацинами. Брат Матьё часто отправлялся к ним на переговоры, а великий магистр Вильгельм, когда это ему казалось необходимым, брал к себе саррацинов на службу за денежное содержание. Оба признавали, что действовали так для большей безопасности братьев; *но говоря это*, их никто не одобрял (226).

Оруженосец *Пьер де Нобильяк (Pierre de Nobiliac)* рассказывает, что великий магистр Вильгельм де Боже многократно изъявлял свидетельства своей дружбы с султаном и саррацинами, чтобы *орден* мог удержаться в своих заморских владениях (227).

Когда у брата Готтфрида Гонавиллы спросили, откуда произошел обычай отречения от Иисуса Христа и плевков на крест, он ответил,

что он был введен великим магистром, находившимся в пленниках у султана (228): одни обвиняли в этом великого магистра *Ронселена (Roncelin)*; другие — великого магистра *Берара (Berard)* и т. д. (229)

Королевский канцлер *Вильгельм де Ножан (Guillaume de Nogent)* рассказал Ж. де Молэ, что во времена вавилонского султана Саладина великий магистр, тогда служивший, и другие военачальники ордена оказывали почтение султану; последний публично огласил, что тамплиеры заслужили свое поражение (они только что проиграли сражение) по причине своего разложения и испорченности (230). Ж. де Молэ, пребывая в оцепенении, ответил, что не знает об этом и ему известно только, как во времена Вильгельма де Боже юные тамплиеры роптали против великого магистра, поскольку во время перемирия он подписал договор о тайном взаимодействии с султаном (231).

«Аутентичные хроники, — говорит Н. де Бонневиль (232), — подтверждают тесные связи крестоносцев и *саррацин*. Легкая милиция *тюркополис* у саррацин состояла из мусульман и христиан; крестоносцы имели милицию, называвшуюся *пулланы* и одинаково формировавшуюся из магометан и христиан. Во время перемирий саррацины и крестоносцы устраивали турниры и воинские игры, чтобы по-братски соревноваться в воинском ремесле. Христиане в Малой Азии чеканили монету во *имя и с изображением Магомета*, и общеизвестная история Крестовых Походов нам сообщает, что *тамплиеры* позволяли на своих землях *религиозный культ, установленный Магометом*. Император Фридрих II, король Англии Ричард Львиное Сердце и тамплиеры образовывали множественные союзы с саррацинами. Последнее перемирие между Саладином и Ричардом, подписанное на три года, три месяца, три дня и три часа (оно считается *кабалистическим*, поскольку дает в итоге число двенадцать) значительно повысило степень близости тамплиеров и саррацин (233). Хорошо обращались с пленниками с той и другой стороны. Вся армия замечала, что саррацины, которых пытались выдавать за чудовища, были по отношению к своему культу людьми просвещенными и добродетельными. Жизнь без родины, тяготы и лишения войны охладили рыцарей к державным понтификам. Саладином восхищались, его чтили и ценили даже христиане. Его завещание является большим уроком терпимости и человечности: он завещает милостыни бедным — евреям, христианам и мусульманам без различия — с мыслью, что все люди братья и чтобы им помочь необходимо знать не то, во что они веруют, но то, от чего они страдают. Отметим, что у тамплиеров

существовало тайное предание, будто Саладин был принят в их орден рыцарем *Гуго де Тибериасом (Hugues de Tiberias)*, удовлетворив все орденские церемонии, за исключением публичного принятия».

«Все возвращавшиеся из Сирии крестоносцы, — говорит Мишле (234), — твердили только об измене тамплиеров и их связях с неверными. Они явно поддерживали отношение с сирийскими ассассинами, и народ с ужасом отмечал подобие их одеяния с облачением сектантов *Старца горы*; в своих домах тамплиеры собирали мавров и позволяли отправление магометанского культа и пр.»

Естественно также предположить, что перед необходимостью удалиться на остров Кипр в 1291 году тамплиеры, осторожно сообщаясь с саррацинами, искали пути спасения своих владений в Палестине. Исходя из вышеизложенного, не возникает никаких сомнений в существовании отношений между тамплиерами и мусульманами, но тогда появляется одна презумпция влияния мусульманских доктрин на тамплиеров. Гностическая школа, признавая Иисуса Христа, считала, что Он страдал и претерпел смерть только внешне (235): гностицизм, в целом, не отрицал Иисуса Христа; тамплиеры же от Него категорически и безоговорочно отрекаются. Итак, верование в одного Бога, как известно, являлось фундаментальной доктриной мусульман. «В то мгновение, — говорит Николаи, — когда тамплиер отвергал божество Иисуса Христа, попирая ногами крест, он был обязан торжественно исповедать одного всемогущего Бога, творца неба и земли». Следовательно, истинной целью *этой церемонии* было исповедание единого Бога.

Вот, в действительности, сущность мистерии *чистого деизма*; и если большинство тамплиеров не желало ее ни понимать, ни принимать; деизм не становился от этого меньшим в глубине их тайной доктрины, скрываемой под *палладиумом* ордена. Что касается арабских надписей на шкатулке из Эссаруа, в них, с одной стороны, усматриваются те же самые принципы и определения манихейства (236); с другой, — мы видим выражение абсолютного деизма; и когда бы мне было позволено что-то поменять в формулировке *Вильке*, то, думаю, дал бы секте или тайному посвящению тамплиеров наименование *магометанского манихейства*.

Тягостной вещью, не оставляющей никакого сомнения в реальном значении *отречения*, является указание со стороны посвятителей пропускать священные слова (евхаристической молитвы — В. Т. — Г.) бескровного жертвоприношения. Свидетельств тому предостаточно:

так, брат *Жерар де Созель (Gerard de Sauzel)*, посвящая в мистерии ордена *Бертрана де Виллера (Bertrand de Villers)*, желавшего стать капелланом ордена, и давая ему *дозволение* на это, рекомендует неофиту воздерживаться во время совершения им мессы от слов: *«Hoc est enim corpus meum»* (237). Брат Стефан из Дижона, священник диоцеза Лангра, посвящавшийся в праздник Вознесения Господня Пьером де Сивреем в часовне Храма в *Фовернее* (238), заявил, что его посвятитель предписал ему пропускать четыре слова *канона* всякий раз, когда бы он служил мессу. Брат Вильгельм добавил, что эти слова начинаются: *«hoc est...»* Стефан пообещал, что будет их пропускать, но никогда этого не делал (239). Одно подобное указание было сделано *Эудесу де Дампьеру (Eudes de Dampierre)* (240), но он вовсе не ответил посвятителю, поскольку категорически намеревался не подписываться под тем, что от него требовалось (241). Такие же признания и чувство отвращения со стороны брата Симона (242) и пр.

Мне не составило бы труда продолжить этот перечень; но полагаю, что достаточно документально осветил различные пункты таинственной ереси тамплиеров, которые, на мой взгляд, особенно подкрепляет запрет на произнесение священных слов в Евхаристии, слишком согласующийся с *отречением*, требовавшимся от посвященных, хотя и встречавший справедливое отвращение со стороны капелланов ордена.

---

(1) Было более 50 гностических сект (См. каталог Святого Иринея и Святого Епифания. См. также — Gibbon, Decline and Fall, c. 25).

(2) По словам Маттера, гностицизм являлся эклектическим во всех своих ответвлениях. Верование в то, что Божество проявлялось в религиозных установлениях всех народов, позволяло это заимствование (Hist. du Gnost., t. I, p. 44).

(3) *Симон, именуемый Магом*, происходил из поселка *Гиттон* в Самарии. Он был учеником мага *Досифея*, утверждавшего, что он Мессия, предсказанный пророками. Симон Маг проповедовал свою доктрину с 41 года христианской эры (См. Pluquet).

(4) Эти проявления или модусы становились *эманациями* в системе *валентиниан*.

(5) В надписи на нашей шкатулке *премудрость* имеет имя METE. В других местах я достаточно доказал синонимичность этого слова с теми словами, которые цитировал.

(6) Он родился в поселке *Каката* вблизи *Пеллы* по соседству с Иерусалимом и проповедовал к 72 году от Рождества Христова.

(7) Matter, t. III, p. 16; de Beausobre, t. I, p. 377.

(8) Рожденный в поселке Капартайже в Самарии. Он являлся современником Эбиона и проповедовал свою доктрину около 74 года от Рождества Христова (De Berault-Bergastel, Histoire de l'Église).

(9) См. Pluquet.

(10) Matter, t. I, p. 294.

(11) Pluquet.

(12) Около 107 года от Рождества Христова.

(13) Matter, t. I, p. 332.

(14) Matter, t. I, p. 336.

(15) «Os homini dedit» .

(16) Он был вместе с Менандром из *симонианской* школы.

(17) Василид, 110 год н.э., и Карпократ, 120 год н.э. (De Berault-Bergastel, Histoire de l'Eglise).

(18) По Маттеру, основываясь на актах диспута *Манеса* с *Архелаем*, Василид был происхождением из Персии.

(19) Pluquet, в статье «Василид».

(20) «*Non oportere confiteri eum qui sit cricifixus*». «*Не верьте в распятого, в того, кто не является мертвым и не умрет никогда*» и пр. Это формулы, возвращающиеся часто в устах посвятителей во время принятия в рыцари Храма. Не правда ли, потрясающая аналогия?

(21) Та же самая система *огдоады* явно исходит из нескольких расположений фигур или букв алфавита надписи на шкатулке из Эссаруа, что я уже показал в первой части этого произведения: второе обстоятельство весьма решающее, чтобы признать гностический характер шкатулки.

(22) Matter, t. II, p. 189.

(23) Pluquet.

(24) Histoire de l'Église par M. l'Abbé de Berault-Bergastel.

(25) Matter, t. II, p. 32.

(26) «*Basilides magister luxuriae et turpissimorum complexuum*» (Hier. cont. Jov., lib. II, cap. 16).

Святой Ириней (глава 23) говорит, что Василид полагал в разряд безразличных вещей наиболее грязный разврат; и Святой Епифаний (Haer. 24, § 3, p. 71) сообщал, что нет такого порока, такого бесстыдства, которого бы не позволял Василид своим ученикам.

(27) Matter.

(28) Pluquet.

(29) Matter, t. II, p. 48.

(30) Matter, t. II, p. 50.

(31) Id., lib., p. 54.

(32) Ἔννοια, Χάρις, Σιγή, как угодно. (Стр. 53)

(33) Чтобы определить эту премудрость, можно выбрать между Σοφία, или еще другими словами. Это всегда душа или *Елена* Симона, или мать жизни: μητὴρ τῆς ζωῆς манихеев (см. Matter, t. II, p. 80). Симон говорил, что его *Елена*, которая не что иное, как *душа*, была *заблудшей овечкой*, которая вернулась искать и спасать (Epiph., Haeres., 21, № 3, p. 58). Какая кощунственная паро-

дия на великолепную параболу доброго пастыря! Симон дал душе не только имя *Елены*, но еще Ἔννοια и *Προυνικός*, божественной добродетели, посланной небом в материю, чтобы ею править и ее укротить. Святой Епифаний говорит, что это та же самая добродетель или небесный эон, который другие ереси называют *Барберо* или *Барбело*, светлая мать или мать живущих (Epiph., Haeres., 26, № 10, p. 92; et Haeres., 37, p. 270). (Стр. 53)

Это слово, как говорит Бособр (Histoire critique du Manich., t. II, p. 327), есть искажение сирийского *Bar-Bahal*, то есть сын Господа.

(34) Id., ib., p. 55.

(35) Id., ib., p. 71.

(36) Id., ib., p. 90.

(37) Около 171 года н.э. Он родился в Сирии (Pluquet).

(38) De Berault-Bergastel, Histoire de l'Église.

(39) 151 год от Рождества Христова.

(40) Matter, t. II, p. 106.

(41) Pluquet.

(42) Matter, t. II, p. 107.

(43) Id., ib., p. 108.

(44) Id., ib., p. 109.

(45) Hist. Crit. du Manich., t. I, p. 422.

(46) Haeres., p. 251.

(47) Если читатель напомнит себе, в каких формах я отмечал *огдоаду* на изображении и на всех аксессуарах шкатулки из Эссаруа, то совсем не удивится, почему в этом отношении я обозначаю ему здесь и там совпадение различных гностических систем.

У Климента Александрийского читаешь замечательный фрагмент по поводу этих восточных доктрин: ὃν γεννᾷ ἡ μήτηρ αὐτοῦ εἰς θάνατον ἄγεται καὶ εἰς κόσμον, ὃν δ' ἀναγεννᾷ Χριστός, εἰς ζωὴν μετατίθεται, εἰς ὀγδοάδα (Apud Clem. Alex., p. 800). (Стр. 55)

Перевод: «Тот, кого мать рождает миру, идет одновременно в мир и смерть; но тот, кого возрождает Иисус Христос идет в жизнь и в *огдоаду*».

(48) Так поступали позднее *офиты*, *каиниты* и пр. Святой Епифаний приподнял только край вуали, говоря о маркосианах: «Их бабы и мужики проводят дни и ночи в услаждении своих тел: они мажутся благовониями и упиваются на пирах, и от пиров переходят к другим удовольствиям».

Без труда поверишь большим безобразиям, когда захочешь поразмышлять над тем, что главные гностические школы, а в особенности офиты, имели тайные доктрины и мистерии (Matter, t. II, p. 368), где посвященные преодолевали многие степени и где наиболее достойные доходили до последних передач. Здесь существовали, как раньше в Греции, великие и малые мистерии (Id., ib., p. 380).

(49) Matter, t. II, p. 221.

(50) Pluquet.

(51) Matter, t. II, p. 223.

(52) Pluquet.

(53) Tertullien adv. Marc., lib. I, c. 1.

(54) Святой Ириней, Климент Александрийский, Ориген, Святой Епифаний и пр.

(55) Matter, t. II, p. 231.

(56) Tertull. Adv. Marc., IV, 19.

(57) Πνεῦμα μόνον (Epiph., XLII. Tert., I, 19). (Стр. 57)

(58) *«Et relicta civitate Nazareth, venit et habitavit Capharnaum maritima in finibus Zabulon et Nephtali»* (Matth. IV, 13).

(59) Pluquet.

(60) См. Eusebius, lib. IV, 11. Эта доктрина Высшего Бога; ее находят и в свидетельских показаниях тамплиеров. Посвятитель *Фулька де Труа (Foulques de Troyes)* говорит ему верить только в одного *Высшего Бога* (Doc. in., t. II, p. 384). Посвятитель *Жана де Шуна (Jean de Chounes)* указывает ему верить лишь в небесного Бога (id., ib.). *Посвятитель Бертрана де Монтиньяка (Bertrand de Montigniac)* говорит ему верить только в *Высшего Небесного Бога*, который один мог его спасти (id., ib., p. 404). Есть множество свидетельских показаний подобного рода, которые доказывают, что мистерии посвящения у тамплиеров имели целью внушить им чистый монотеизм. Есть также очень большое разнообразие в этих свидетельских показаниях, но они все доказывают презрение, которое связывалось с божественностью Христа. Другой говорил, *что если Иисус Христос и страдал, то не за наши грехи, но за свои собственные*. А этими словами професс упрекал своего дядю, являвшегося его посвятителем и заставившего его принять такую религию: *«quare posuerat eum in tali religione»* (id., ib., p. 242).

(61) Justin, Apolog. Epiph., Haeres., 42.

(62) Боссюэ. Панегирик Святого Франциска Ассизского.

(63) Matter, 3, p. 309.

(64) Вот поразительные аналогии: в изложении доктрины манихеев есть вопрос об *области огня* среди пяти элементов, из которых образуется господство тьмы; в *сабеянской* системе злые духи называются *ангелами огня* (Matter, 2, p. 396).

(65) Pluquet.

(66) De Berault-Bergastel, loc. cit., t. I, p. 385.

(67) Matter, t. I, p. 353.

(68) Id., ib., p. 352.

(69) Комментарии об Индии, диалоги о судьбе, апологии, гимны и др. (Thedoret, Haeret. Fab., lib. I, p. 209. — Eusebius, Hist. eccl., lib. IV, c. 30).

(70) L'abbé Foucher, —Mem. de l' Acad. des inscr. et belles-lettres, t. XXXI, p. 449.

(71) Matter, t. I, p. 361.

(72) Matter, t. I, p. 365.

(73) Id., p. 369.

(74) В число этих *сизигий* или эманаций Вардессан помещал солнце и луну (Matter, t. I, p. 371): это еще один пункт соответствия с нашей шкатулкой, ко-

торая с каждой стороны изображения или METE заставляет видеть солнце и луну в числе эманаций, образующих *огдоаду*.

(75) Святой Августин, de Haer., 46, сказал о манихеях: *«Solem et lunam adorant»*. В действительности, как говорит де Бособр, манихеи поклонялись только солнцу и луне как *частям добра* и презирали все *другие светила как части зла*. Папа Лев I (Sermo 7 In natal. Dom.) сообщает, что есть христиане, которые, прежде чем войти в базилику Святого Петра, останавливались на возвышенных местах и поклонялись солнцу. Очевидно, культ этих христиан был искажен манихейством.

(76) Matter, t. I, p. 378.

(77) Id., ib., p. 381.

(78) Euseb., Prep. evangel., p. 834.

(79) Matter, t. I, p. 388.

(80) Маги говорили: «От вечности существует настолько злой *дух*, насколько Бог является добрым. Бог есть *свет*; Ариман есть *тьма*» (L'abbé Foucher, op. cit., p. 210).

(81) L'abbé Foucher, op. cit., p. 108 et 172, различает двух *Зороастров*: первый, по его словам, учредил *тайные мистерии*, цель которых была в познании *истинного Бога*. По первому Зороастру, есть два со-вечных начала, независимых и суверенных в своем порядке: *Оромаз*, творец добра; *Ариман*, автор зла.

Второй Зороастр ставил в зависимость от суверенного и независимого существа двух ангелов: одного света и источника всякого добра; другого — тьмы и источника всякого зла.

(82) Вот аксиома из Государства Платона (de Rep. II): «Бог является единственной причиной всякого блага; но для зла, Он не может быть причиной, и необходимо зло отнести к совсем другому, нежели Он».

По свидетельству Плиния (lib. XXX, cap. 1), философ Остан, приведший Ксеркса в Грецию, распространил там восточные доктрины, которые греки со своей природной любознательностью жадно восприняли: «Hic maxime Hostanes, ad rabiem non aviditatem modo scientiae ejus Graecorum populos egit».

(83) Пифагор, как говорит аббат Фуше (loc., cit., p. 217), соглашался с магами в том, что зло не могло происходить от Бога: необходимо было искать его порождение в *не сотворенной субстанции*. Если мы доверяем Святому Епифанию, то *Скифиан*, первый учитель *Манеса*, по крайней мере, в своих писаниях был обязан догмой о двух началах самому Пифагору (S. Epiph. advers. Haeres., p. 619). Более того, философия Пифагора для многих являлась заимствованной у халдеев: не стоит удивляться, когда доктрины Манеса встречаются со своими же учениями.

(84) «Doleo bona fide Platonem omnium haereticorum condimentum factum» (De anim., cap. 23).

(85) Разве не могли евреи принести эти доктрины с Востока после своего пленения?

(86) De Beausobre, loc. cit., p. 15.

(87) Гегемоний (Hegemonius) свидетельствует, что Василид сам ходил проповедовать свой гнозис у персов: *«fuisse praedicatorem apud Persas etiam Basilidem»* (Hegem., Act., p. 101).

(88) De Berault-Bergastel, loc. cit., t. II, p. 215.

(89) Трое из его учеников — *Фома, Будда и Ерм (Hermas)* — пошли проповедовать манихейство в Египет и Индию (Pluquet).

(90) Id. Христианство, как говорит аббат Фуше (op.cit, p. 145), распространялось в Персии со времени *Вардессана* во II столетии Церкви. Тогда христиане были даже в *Бактриане*; еще большее их число проживало в *Абиадене*, соответствующей древней Ассирии. Вера сюда была принесена *Святым Фомой*.

Христиане имели большой перевес в Персии к середине IV века, пока не испытали преследования со стороны царя Сапора II, пышные звания которого таковы: *«Rex regum Sapor, particeps siderum, frater solis et lunae»* и пр. Я не говорю просто так об этих роскошных званиях, поскольку они напоминают о культе *солнца* и *луны* у персов, о котором я был обязан говорить по поводу изображений звезд на крышке шкатулки из Эсссаруа.

(91) Шеристани (Sheristani) доводит число этих сект до 70 (Аббат Фуше, loc. cit., 7-е воспоминание).

(92) De Beausobre, loc. cit., p. 15.

(93) В возрасте 20 лет Святой Августин был манихеем. Тиллемон (Tillemont) относит отпадение в манихейство Святого Августина к 374 году; следовательно, этот великий святой родился в 354 году. Тот же Тиллемон датирует обращение Августина приблизительно 386 годом, то есть в течение 12 лет этот знаменитый атлет христианства оставался увлеченным заблуждением.

(94) Аббат Фуше, op. cit., p. 470.

(95) Id., ib., p. 456.

(96) Id., ib., p. 458.

> «Манихеи, — говорит Святой Августин (de Fide, cap. 28), — утверждали, что князь демонов был распят вместо Господа». «Они не хотели верить, — добавляет он, — что Иисус Христос мог испытывать голод, пить, есть, спасть, страдать и, наконец, умирать: «omnes humanae conditionis simulavit affectus» (Faust. ap. S. Aug., l. XXVI, 2).

(97) Loc. cit., t. I, p. 569.

(98) «*Ut Deum a conditione malorum liberet, alienum mali induxit auctorem*» (Hieron., cap. 5).

(99) Epiph., Haeres., 66; и Тит де Бостр (Tite de Bostre) в своей книге против манихеев.

(100) Аббат Фуше, loc. cit., p. 460. Я цитирую его собственные слова, дабы верно изложить опасную доктрину манихейства.

(101) Это папа Лев I, избранный в 440 году. Он раскрыл ересь в Риме в 443 году и изгнал оттуда большое число манихеев, которых преследование, имевшее место в Восточно-Римской империи, привело в Италию (Искусство сверять даты).

(102) Sermo IV, ep. 11, ad episc. per Ital.

(103) Греки, как говорит де Бособр (loc. cit., t. II, p. 742), обвиняли манихеев в преступлении слишком известном на Востоке и в Италии. *Толлиус (Tollius) и Котелье (Cotelier)*: в формуле отречения, под которой греки заставляли подписываться всех обращавшихся *манихеев*, прозелит должен был сказать: «Я анафематствую всех, кто совершает противоестественный грех».

(104) De Beausobre, loc. cit., t. II, p. 721.

(105) *Энкратиты* или *воздерживающиеся* рассматривали вино как смертельный яд для целомудрия; также *Север*, один из самых знаменитых в этой секте изобразил этот странный миф: дьявол породил змею, которая, ощущая в себе колкость вожделения, смешалась с землей как муж с женой; и земля, отяжелев от семени змеи, породила виноградную лозу. Именно по этой причине ветви винограда повторяют складки и изгибы змеи (S. Epiph., Haeres., XLV, p. 388).

(106) Евтихий говорит, что *Иеракс (Hierax)*, один из двенадцати миссионеров Манеса, имел такой успех в Египте, что большая часть монахов этой страны стали манихеями (De Beausobre, loc. cit., t. II, p. 742).

(107) См. аббата Фуше, op. cit., p. 468.

(108) Аббат Фуше, loc. cit., p. 473.

(109) De Beausobre, t. II, p. 704.

(110) Id., ib., p. 623.

(111) Id., ib., p. 491.

(112) Id., ib., p. 629.

(113) De Beausobre, loc. cit., p. 704.

(114) Σοφία, Ἔννοια, Νοῦς, МЕТЕ, как угодно. (Стр. 67)

(115) Вот, как известно, сущность гностицизма.

(116) См. Святого Августина de Morib. Manich., cap. 15 et 16, et contra Faustum, lib. VI. — Как здесь не вспомнить надпись на нашей шкатулке.

(117) Де Бособр (loc. cit., t. II, p. 558) дает здесь только перевод самого Святого Августина.

Метемпсихоз манихеев доходил вплоть до придания душ семенам цветов, фруктов и овощей, если правильно перевести следующее: Τὰ σπέρματα βοτανῶν, καὶ γεννημάτων, καὶ ὀσπρίων ψυχὰς εἶναι (S. Epiph., p. 649) (Стр. 67)

Манихеи учили, что дерево плачет, когда срывают с него плод, и что сам этот плод чувствует скорбь: *«Ne aliquid inde sine cruciatu eorum quenquam posse vellere aut carpers»* (S. Aug., loc. cit).

(118) Известно какое немыслимое заблуждение Манес или его сектанты возводили своей ересью на возвышенное таинство освящения хлеба в Евхаристии. Именно так они искажали большую часть верований, чтобы произвести свое печальное систематическое единство.

(119) См. де Бособр, loc. cit., p. 557

«Есть манихейские верующие, которые до того исказили свое представление, что занимаются выращиванием только инжира и дынь, как плодов наиболее мясистых и исполненных *сокровищами Бога, страждущего Иисуса*» (S. Aug., de Morib. Manich, cap. 16).

(120) De Beausobre, loc. cit., p. 591.

(121) Hom. de Clement XVI, № 11, p. 735.

(122) Фенелон.

(123) Автор *Annales du Moyen Âge* и пр., член академии Дижона.

(124) См. в этом произведении пояснительную таблицу изображения на шкатулке из Эссаруа.

(125) Рискую повториться, но вот пример этого слияния: Фауст, так называемый епископ манихеев, великий ревнитель секты, против которого Святой Августин составил знаменитый трактат, признавал *Отца*, живущего в неприступном свете (здесь я предоставляю говорить Боссюэ); *Сына*, пребывающего во втором *видимом* свете; но *двойном, согласно апостолу, который нам говорит о добродетели и мудрости Иисуса Христа, чья добродетель пребывала на солнце, а мудрость на луне*. Обитель Святого Духа была в окружающем нас воздухе (Bossuet, Hist. des Var., liv. XI).

(126) Id., ibid.

(127) См. Matter, 2 ed., t. III, p. 213; и Schmidt, Hist. des Cathari, t. I, p. 17.

(128) Около 440 года н.э.

(129) Matter, т. III, стр. 215, говорит, что эта секта является воскресением гностиков-маркионитов; и Schmidt, т. II, стр. 262, сообщает, что павликиане идут от гностической группы из Сирии.

(130) Столица *Комагены*, находившаяся на крайнем севере *Сирии* и на границах с *Арменией*.

См. Matter, t. III, p. 215; и Bossuet, Hist. des Var., liv. XI. Последний считает, что имя павликиан пришло к сектантам Манеса от их главы *Павла*; но многие весомые авторитеты мешают мне разделить это мнение.

(131) По соседству с *Неокесарией* в центре Понтийского царства (Gibbon, Decline and Fall, chap. 54.)

(132) Segur, loc. cit., t. II, p. 410 и следующие.

(133) Gibbon, loc. cit., ch. 54.

(134) Патриарх Фотий считает, что павликиане не что иное, как манихеи (Photius adv. Paulicinistas seu recentiores Manichaeos, lib. XIV Bib. Coisl., p. 349). того же самого мнения придерживается и Феофан: «*Манихеи*, — говорит он, — теперь называются павликианами» (Joan. Ozniensis adv. Paulic., p. 87). Петр Сицилийский, писавший об этих сектантах наиболее точно и знавший их намного лучше, поскольку был отправлен к ним с посольством императором Василием (Matter, t. III, p. 215 и 218; и Bossuet, loc. cit.), не сомневается в том, что имел дело с *манихеями*. Так же, как эти последние, павликиане, предпочитают Святого Павла всем священным писателям (Matter, t. III, p. 217); они борются с культом икон (id., ib., p. 222); они рассматривают Ветхий Завет как произведение *злого начала*, отвергают воплощение, считая Иисуса Христа как бы призраком; они воздерживаются от мяса животных (Bossuet, loc. cit.); они не проповедуют уважение к кресту (Matter, ib., p. 237) и совершают всякие виды бесчестий (id., ib., p. 242) и пр.

Мнение, что павликиане не что иное, как манихеи, разделяет Ламбер Дано (Lambert Daneau, Notae in Augustinum, cap. 46, fol. M. 119), а также Томассен (Thomassin, de l'Unite de l'Eglise, t. I, part. II, ch. 9, p. 378).

(135) Cedrenus, t. II, p. 480 et 541. — Bossuet, loc. cit.

(136) С 741 года саррацины господствовали в Сирии, Персии, Палестине, Африке и в Испании (Segur, loc. cit., p. 410); и без воинского гения Карла Мартела франки могли бы сделаться их данниками.

(137) С 845 по 880 год. См. Bossuet, loc. cit.; и Gibbon, loc. cit., t. IX, chap. 54, p. 15 и следующие.

(138) Кедрен (Cedrenus) называет эту цитадель *Тефрикой*, а Боссюэ ей дает имя *Тибрики*.

(139) Соседняя с Фракией провинция, которая уже была заражена этой ересью (Bossuet, loc. cit.)

(140) Schmidt, t. I, p. 2.

(141) Gibbon, loc. cit., p. 16.

(142) Gibbon, loc. cit., p. 19.

(143) *Zonara* (t. II, l. XVII, p. 209), *Anna Comnena* (Alexias, l. XIV, p. 450 и следующие).

Эта страна, безусловно, *Болгария*, откуда как из центра сектанты распространяли свое влияние на Европу и Азию.

(144) Согласно Евфимию, это имя болгарского происхождения (Narratio de Bogomil, p. 5). Оно сложено из славянских слов *бог*, означающего Бога, и *милуй*, то есть имей жалость; таким образом, богомил является человеком, умоляющим о милосердии Бога. *Гизелер (Gieseler)* (в своем издании Евфимия, p. 5, nota 2) говорит, что *богомил* обозначает человека, любящего Бога, или возлюбленного Бога: это делает слово *bogomil* или *bohomil* настоящим синонимом греческого Θεόφιλος, что переводится как друг Бога.

(145) Имя *cathari* происходит от καθαροί, *чистые* или *совершенные*. Это просто имя, взятое среди степеней *манихейского посвящения*: ведь манихеи, как говорит Боссюэ (loc. cit.), имели своего папу, слушателей и *избранных*. Деление катаров на *совершенных* и *верующих*, сообщает Шмидт (loc. cit., t. II, p. 256), напоминает деление манихеев на *избранных* и слушателей. (Стр. 73)

В Германии катары стали *хазарами (Chazaren) и кетцер (Ketzer)*, в Италии — *катарини* и т. д. Эти еретики носили различные имена: иногда по местностям, где проповедовали свои доктрины (как *тулузцы, альбигойцы* и пр.); иногда по достаточно часто вульгарно искажаемым именам, как *патарены (patariens)* вместо *катарены (cathariens)* или *катары (cathari)*, *попеликаны (popelicains)* или *публикане (publicains)* вместо *павликиан*. От страны их происхождения их называют также *Булгары (Bulgares)* (Matter, t. III, p. 273), *Булгры (Bulgres), Бугры (Bugres)* и одним именем, от написания которого я воздерживаюсь.

Если постараться поразмышлять над этим в поиске источников, то можно увидеть, что не стоит бояться имен; но, к несчастью, они достаточно часто в истории оказывают большое влияние, чтобы сбить с толку истину: значит, будет лучше для темы, которая нас занимает, привязаться к родовому названию *манихеи*, которое и является верным.

(146) Этот последний вполне осведомлен, потому что отдельно исследовал секту *богомилов*.

(147) Константинополь.

(148) Schmidt, loc. cit, t. I, p. 13.

(149) В XI столетии катары назывались манихеями монахом *Адемаром де Шабанэ (Adhemar de Chabanais)* (p. 159), епископом *Роже де Шалоном (Roger de Chalon)* (Gesta Episcop. Leodiens., 899); так же, как и в XII веке *Раулем Пылким (Raoul Ardent)*, проповедником герцога Аквитании (p. 9), аббатом *Гибертом де Ножаном (Guibert de Nogent)* (p. 520), монахом *Генрихом*, автором *Летописи Корби (Fastes de Corbie)* (p. 77), прелатами, собранными на Реймский собор в 1157 году (Mansi, XXI, 843) и т. д.

Монах *Ренье (Renier)*, писавший от 1250 до 1254 года, говорит о *манихейских церквях Болгарии*, откуда происходят все другие в секте. *Винье (Vignier)* подтверждает то же самое. Итак, о манихействе катар можно доверять монаху Ренье, проведшему 17 лет среди этих еретиков, который в своей книге de *Haereticis* именуется *братом Ренье, бывшим ересиархом и теперь священником*. «Повсюду очень ясно видны в этой книге, — говорит нам Боссюэ, — принципы, нечестивости и всякий дух манихейства. Среди них, кроме чистых, были верующие, не допускавшиеся во все мистерии. Ренье делает точное перечисление церквей катаров и завершает словами: *«Я не вижу, как можно было сомневаться в манихействе Альбигойцев, которые произошли от манихеев Болгарии»* (Bossuet, loc. cit.)

Фюслин (Füslin), деятельный исследователь сект Средневековья, говорит, что манихеи распространились в IX веке в Болгарии, в X веке в Италии и в XI веке во Франции и Германии. *Иоанн Лами (Jean Lami)*, итальянский ученый, опубликовавший любопытные документы о катарах, полагает, что есть основание верить, что в X веке существовали манихейские учреждения в Болгарии и именно оттуда ересь распространилась по остальной Европе (t. II, p. 479). Добросовестный историк Крестовых Походов *Мишо (Michaud)* принимает то же самое мнение.

(150) В 1017 году (См. Bossuet, loc. cit.)

В середине XI века император Генрих IV раскрывает манихеев в *Госларе* в Швабии. *Экберт (Ecbert)* их отмечает вокруг Кёльна (Ecbert, serm. 13, adv. Cathar.) Они избегали обычая употребления мяса под предлогом, что дьявол, как они утверждали, его создатель (id., sermo 6).

(151) Гериберт (Heribert) и Лизой (Lisoius).

(152) Nobiles, clerici, presbyteri, monachi et monachae (Mabillon, Analect., t. III, p. 483, edit. Nov.)

(153) Страницы 477, 481.

(154) Избранный папой в 1198 году.

(155) В это время (а именно в 1223 году), как говорит Матвей Парижский, еретики альбигойцы имели своего антипапу Варфоломея в пределах Болгарии, Хорватии и Далмации (Matth. Paris, ann. 1223, p. 317, in Henr. III).

(156) T. III, p. 275.

(157) «Hanc haeresim usque ad haec tempora occultatam fuisse a temporibus martyrum et permansisse in Graecia et quibusdam aliis terris» (Evervinus, 457 — Schmidt, t. I, p. 2).

(158) Евфимий Зигабен (p. 486) говорит, что эта секта богомилов является *манихейством в гностической форме павликианства* (см. Matter, t. III, p. 294). Потребовалось много исследований, чтобы сказать, что *богомилы* суть манихеи, которые имеют в своих предшественниках гностиков.

(159) Schmidt, t. I, p. 14.

(160) Id., ibid.

(161) Катары Реймса, Арраса, Ажана (Schmidt, t. II, p. 273).

(162) Катары Реймса, Орлеана, Суассона (Id., ib.)

В общем, неизвестно, что определенный ответ, который дается чересчур любопытным детям, скрывает свое происхождение в манихейской догме. «*Христос*, — говорят *богомилы*, — пришел свыше, войдя в Деву Марию через правое ухо, облачился материальной плотью, *подобной видимому телу*, но фактически нематериальной и достойной Бога; после вышел так же, как и вошел, и Дева Мария, не ведая ни его вхождения, ни его выхода, нашла его спящим в вертепе» (Matter, t. III, p. 302). После исполнения своей миссии Христос был вновь поглощен в лоне Творца, откуда он вышел как эманация: ἀναλυθῆναι πάλιν εἰς τὸν πατέρα (Euthymius, sect. 8). (Стр. 78)

(163) Катары Орлеана, Арраса, Ажана, Суассона (Schmidt, t. II, p. 273).

(164) Катары Реймса, Орлеана, Арраса, Шалона, Ажана, Суассона, Монтефорта (Id., ib.)

(165) Катары Реймса, Шалона, Ажана, Суассона, Монтефорта, Гослара (Id., ib.)

(166) Катары Орлеана, Арраса (Id., ib.)

(167) Катары Арраса, в частности (Id., ib.)

(168) В Тулузе в 1310 году были сожжены тридцать четыре трупа после их эксгумации; сносились дома, которые занимались манихеями (Schmidt, loc. cit., t. I, p. 356 и следующие).

(169) Избранный в 1305 году.

(170) Schmidt, loc. cit., p. 354.

(171) Id., ib., p. 360.

(172) Вот прекрасно и глубоко прочувствованная фраза Боссюэ: «Мир, наполнившись желчью, порождает *Лютера* и *Кальвина*, которые *разделяют христианство на кантоны*» (Hist. des Variations, liv. XI).

(173) Иконоборчество, презрение к папской власти, принцип сообразовываться со Священным Писанием, как каждый сам его понимает и т. д.

(174) Bossuet, loc. cit.

(175) Schmidt, loc. cit., t. 1, p. 14.

(176) Id., ib.

(177) Id., ib.

(178) Id., ib.

(179) Аббат Фуше — L'abbe Foucher, loc. cit., p. 480.

«Существует, — говорит де Бособр (loc. cit., p. 603), — одна христианская секта, которую арабы называли *саби*; секта еще известна под именем христиан Святого Иоанна Крестителя; именно ее обвиняли в *манихействе*. Сам Магомет ей оказывал большие снисхождения».

Эта секта, по утверждению Маттера (t. I, p. 326), имеет в своем учении поразительные аналогии с такими знаменитыми гностическими системами как Валентина и, главным образом, офитов, живучей секты из-за своих развращенных нравов. В общем, как добавляет тот же автор (t. III, p. 204), Магомет знал многих схизматических христиан.

(180) Оба мировоззрения, магизм и магометанство, предполагают верховного Бога, бесконечного по силе и мудрости (это высший Бог гностиков). Ариман, или злое начало у магов, мало чем отличается от *Эблиса* магометан и *Сатаны* евреев. Догма о бессмертии души и ее посмертном воздаянии является общей для магов и магометан. Одни и другие полагали, что их религия была создана неким привилегированным существом, обладавшим своей небесной миссией. Маги и магометане одинаково отвергали идолопоклонство. Главный культ магов и магометан заключается в установленных молитвах (см. Memoire de Freret sur les Perses, — Mem. de l' Acad. des inscr. et belles-lettres, t. XVI, p. 247).

(181) Id., t. XXXII, p. 413, Brecquigny.

(182) Histoire du Bas-Empire, in 8, t. II, p. 290.

(183) «Вопрос, который, мне кажется, достоин исследования, касается внутренней доктрины ордена тамплиеров, их смыкания с определенными мнениями магометанства и определенными тенденциями современных сект» (Matter, t. III, p. 321).

(184) Wilcke. Histoire des Templiers d'apres des sources nouvelles. Leipsick, 1826, t. I, p. 354.

(185) Это обстоятельство удачно для констатации по причине влияния идей и примеров. Тамплиеры еще занимали в Сирии Сайетт или Сидон и несколько укрепленных замков в окрестностях горной гряды Ливана.

(186) Год 441 хиджры.

(187) Откуда имя *унитариан*, которое дали сторонникам этой доктрины.

(188) Всего их 46.

(189) Видно, что персонифицированы даже свойства *Хакема*, к примеру, второе — душа благодаря *Исмаилу*. Отсюда друзы также носят имя *исмаилитов*, хотя оно больше относится к *гашишинам*.

(190) Silvestre de Sacy, Exposé de la religion des Druzes, t. I, p. 90.

(191) De Sacy, ib., p. 83.

(192) Id., ib., p. 105.

(193) Одним из самых драгоценных слов Бога является Логос (греч.), то есть Иисус Христос: так гласила доктрина *Маркуса*.

(194) De Sacy, ib., p. 146 et 553.

(195) Id., t. I, p. 26.

(196) Id., t. II, p. 3.

Хамза говорит еще выспренним языком Востока следующее: «Если бы все деревья земли превратились в перья, а море обратилось бы в чернила, а после него стало бы еще семь подобных морей, то даже этого оказалось бы недостаточно, чтобы описать все слова Бога» (Id., ib., p. 159).

(197) Id., t. I, p. 87.

(198) Id., t. I, p. 27.

(199) Id., ib., p. 127.

(200) Среди всех народов, говорит один *даис*, *маги* и *сабеяне* являются теми, чья доктрина наиболее приближена к учению *друзов* (Id., ib., p. 149).

(201) *Покок* [либо Voyages de Richard Pococke, P., 1772, либо Specimen historiae Arabum Edwardi Pococke, 1650] в Истории арабов и *Мараччи* (Maracci) в Refutatio Alcorani [Patavii, 1698] в Отвержении Алькорана познакомили с этой сектой *нозаири*.

(202) Silv. De Sacy, loc. cit., t. II, p. 559.

(203) «Вот, — говорит Бейль, — обыкновенная энергия, вот подводный камень всех этих сект, желавших отличиться моральными парадоксами. Вникнете глубже, и вы увидите, что если и есть определенная вещь, способная их разоблачить, так это отношение к чувственным удовольствиям; вот слабое место крепости, и через него враг идет на приступ; это червь, который никогда не умирает, и огонь, который никогда не угасает» (Bayle, à art. «Turlupin».).

(204) De Hammer, Histoire de l'ordre des Assassins, trad. par Hellert, p. 23.

(205) Это имя им давали сирийцы от арабского слова *hassa*, что означает убивать. То же самое слово было взято и нашим французским языком (Memoires des Insc., t. XVI, p. 155).

(206) De Hammer, loc. cit., p. 95.

(207) То есть посвященный в аллегорическом смысле.

(208) 483 год хиджры, 1090 от Рождества Христова.

(209) По ту сторону Багдада в персидской провинции, носящей имя *Джебаль (Dschebal)* или *Ираки-Аджеми (Iraki-Adschemi)*.

Он имел титул *Сидна-Сидней (Sidna-Sidney)*, то есть наш господин, или *Шейх-аль-Джебаль* — старец горы.

(210) De Hammer, loc. cit., p. 182. Сведения в отношении числа этих сектантов несколько варьируются. Вильгельм, епископ Тира, ее исчисляет в шестьдесят тысяч; Иаков, епископ Акки, в сорок тысяч. Как бы то ни было, эта секта распространяла террор вокруг себя, и потребовалась страшная сила египетского султана *Бибарса*, чтобы ей нанести около 1165 года непоправимый удар.

(211) Крепости Кадмус, Калаф, Масзиат, Аккас, Хосзналекиад, Сафита, Алика, Хосзналькарнин, Сихихун, Сарним и пр.

(212) De Hammer, loc. cit., p. 201 et 314.

Вот сам перевод: «ассассины платили тамплиерам, *своим наиболее близким соседям в горах*, дань две тысячи дукатов».

(213) Таковое было и у *ассассинов*: по знаку *великого магистра* его *рефики* с усердием низвергались вниз с высоты их крепостей.

Вот поразительный пример, приведенный господином фон Гаммером (Histoire de l'ordre des Assassins, p. 210):

«Генрих, граф Шампанский, направляясь в Армению, проезжал вблизи территорий ассассинов; великий приор, преемник Синана, отправил к нему посольство, чтобы выразить приветствие графу и пригласить его посетить свой

замок. Граф принял приглашение; великий приор вышел к нему навстречу и принял своего гостя с великими почестями. Затем он его заставил посетить множество замков и крепостей, приведя его в одну, башни которой были потрясающей высоты: на каждом зубце этих башен было по два часовых, одетых в белое, и, следовательно, посвященных в тайную доктрину. Великий приор говорит графу: «Нет сомнения, что Вы никогда не увидите слуг более послушных, нежели мои». В то же время он сделал знак: двое из этих людей низверглись с высоты и в мгновение испустили дух, ужасно искалечившись. Великий приор добавил, повернувшись к графу, оцепеневшему от удивления: «Если Вы пожелаете, то по малейшему знаку с моей стороны все эти одетые в белое люди одинаково низвергнуться вниз с высоты зубцов». Генрих его поблагодарил, согласившись, что ни один из христианских князей не мог бы рассчитывать на подобную преданность со стороны своих подданных».

(214) Секта существовала, как мы видели, перед 1090 годом, а орден тамплиеров был основан только в 1118 году.

(215) De Hammer, loc. cit., p. 128.

(216) Вот то, что сказано об этом Маттером, т. III, стр. 313:

«Василия сожгли в том же самом 118 году, когда был основан орден тамплиеров, которых мы рассматриваем, по меньшей мере, *как сообщников богомилов*».

(217) Характер этих еретиков, как пишет Боссюэ, направлял их на смешение с верными и укрывательство под видом исповедания кафолической веры (Hist. des Var., l. XI).

Эти манихеи представлялись католиками, посредством лжи изменяя своим суждениям (Петр Сицилийский, в начале Истории манихеев).

Кедрен отмечает ту же самую основную черту у *павликиан*.

«Ряса *богомила*, — говорит Анна Комнина, — является по сути вещей наиболее лицемерной. Вы не увидели бы ни одного его волоса при свете дня. *Богомил* скрывает зло под самой плотной одеждой и как будто в шёлковом коконе; он суровой наружности: с покрытой головой вплоть до носа, ходит согбенно и весьма кротко разговаривает; но это волк, которого нельзя остановить» (Alex. XV, p. 186).

(218) Matter, t. III, p. 313.

(219) И гностики одновременно нас заставляют ее увидеть.

(220) См. таблицу напротив изображения и то, что я говорил в этом произведении по поводу *страждущего Иисуса*.

(221) Euthymius, sect. XIV. — Matter, t. III, p. 305.

(222) На нашей шкатулке *Суверенная Премудрость* обозначена именем METE.

(223) Euthymius, sect. 23. — Matter, t. III, p. 305.

(224) Посвятитель хочет заставить сказать брата Адама де Волленкура (Adam de Vollencourt), что Иисус Христос есть лжепророк, и посвященный говорит это *«non cum intencione, non cum corde»* (Doc. in., t. I, p. 409). Посвятитель брата Жана де Пон-л'Эвека (Jean de Pont-l'Eveque) говорит ему, показывая распятие, не верить этому изображению, которое воспроизводит не

Бога, но лжепророка (Id., ib., p. 136). То же самое говорилось и брату Жану де Сено (Jean de Senaud) (Id., ib., p. 136). Брат Раймон д'Альмавен (Raymond d'Almavin) отрекся от пророка, но только устами, когда его посвятитель ему сказал: «*quod abnegaret la propheta*» (sic) [Id., ib., p. 196]. Брат Готтфрид де Шарней (Gaufrid de Charney) исполнил приказание отречься от *лжепророка* (Id., ib., p. 295). См. еще id., ib., p. 383, 384, 404, etc.

(225) Doc. in., t. II, p. 196.

(226) *«Sed de hoc obloquebantur»* (Doc. in., t. II, p. 209).

(227) Id., ib., p. 215.

(228) Id., ib., p. 400.

(229) Id., ib.

(230) *Quia vicio sodomitico laborabant et quia fidem suam et legem prevaricati fuerant* (Id., t. I, p. 44).

(231) «Serviebat soldano» (Id., ib.)

(232) Шотландское масонство, 1788, стр. 101 и следующие.

(233) Немногим позднее рыцари Храма отказались соединить свои силы с Имперскими войсками, поскольку это перемирие не истекло (Сборник Бара). Это соблюдение, основанное на клятвенном слове, должно было сделать их выдающимися и вызвать к ним уважение и почтение среди мусульман.

(234) Histoire de France, t. III, p. 136.

(235) Василид утверждает, что Иисус Христос не умер на кресте. Валентин говорит, что есть Высший Христос, который никогда не умирал. Кассиан и Кердон рассматривают тело Иисуса Христа как видимое и призрачное. Маркион говорит, что Иисус Христос является чистым духом, который никогда не умирал и никогда не страдал. Вардессан придерживается того, что Иисус Христос претерпел лишь внешнюю смерть и т. д.

(236) ДА БУДЕТ ПРОСЛАВЛЕН ДУХ, КОТОРЫЙ ЗАСТАВЛЯЕТ ПРОРАСТАТЬ И ЦВЕСТИ! Вот точное выражение нашей арабской надписи. Значит, не стоит упускать из вида поразительную аналогию *этого духа* с Иисусом манихея Фавста, СТРАЖДУЩЕГО ИИСУСА, ВИСЯЩЕГО НА ВСЕХ ДЕРЕВЬЯХ И ПОЛЗАЮЩЕГО В РАСТЕНИЯХ.

В религии друзов, первоначальным источником которой является магизм, заметны эти непрестанно повторяющиеся слова: «Господь, чья сила да прославится, чье имя да прославится и т. д.» (Де Саси, Изложение религии друзов, т. I, стр. 26, 160, 168).

Что касается *срамных поцелуев*, то они — еще одни печальные символы *манихейства*. Наш учитель, как говорили ученики Манеса (См. Ritter, Hist. de la Phil. Chret., p. 143, trad. de Trullard), учил нас *началу, середине* и *концу*. Эта формула далеко заводит в философии Востока и, кажется, чем более идея является незапамятной у людей, тем более они ее разнообразно переводят и зачастую самыми непристойными знаками. Пифагор этому научился в своих путешествиях, ибо он признавал три души, представленных тремя частями тела: nous (греч.), или божественный дух, размещавшийся в голове; грубая душа, располагавшаяся в животе; и тонкая душа, занимавшая середину между двумя другими. Последнюю он помещал в груди, рассматривая ее

как подчиненную двум другим (Аббат Фуше. Мемуары о Надписях и изящной словесности, т. XXXI, стр. 218). Когда человек у друзов отказывался от *многобожия*, говорили, что он отказался от культа *азас* (задницы, заднего прохода), чтобы обозначить то, что он отказался от всего самого грубого (De Sacy, loc. cit., t. I, p. 104).

(237) Doc. in., t. II, p. 122.

(238) Писалось *Таверниако (Taverniaco)* вместо *Фаверниако (Faverniaco)*.

(239) Doc. in., t. I, p. 303.

«Respondit quod in receptione sua fuit sibi dictum per predictum preceptorem quod, quando celebraret missam obmitteret IIIIor (sic) verba canonis; et frater Guillelmus de Belna predictus, qui sciebat aliquantulum de litteris, dixit ipsi testi quod ista erant illa verba que debebat obmittere videlicet que incipiunt *hoc est*, et ipse testis respondit quod ea obmitteret, verumptamen nunquam obmisit ea celebrando, ut dixit» (Id., ib.). Латинский текст воспроизведен здесь, как и в других местах, в своей орфографии.

(240) Id., ib., p. 307.

(241) Id., ib., p. 313.

(242) Id., ibid.

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВА ZONAR, КОТОРОЕ ЗАВЕРШАЕТ АРАБСКУЮ НАДПИСЬ НА ШКАТУЛКЕ

Пояс, *zonar*, являлся символом посвящения у *магов* и *брахманов* на разных степенях их священных орденов; и *Ид (Hyde)* (1) замечает, что магометане называют *zonati*, то есть опоясанные, сектантов древних магов. Согласно Сад-деру (2), священной книге, содержащей краткое изложение наставлений Зороастра, именно Бог предписал людям носить пояса в знак должного послушания Творцу. Все христиане Леванта — сирийцы, арабы, египтяне и копты — думали, что совершили бы грех, если бы пришли в церковь без пояса (3). Они основываются на фрагменте из Святого Луки:*«Sint lumbi vestri praecincti» — «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи»* (От Луки Святое Благовествование, Глава 12, стих 35). Пояс играет столь важную роль на Востоке, что если епископ, к примеру, желает кого-нибудь отлучить, то разрезает или раздирает его пояс (4). Следующий факт, взятый у *Ида* (5), рассказан Бособром следующим образом: «В IX столетии (6) ловкий врачеватель по имени *Хонаин (Honain)*, видя у одного христианина из *Багдада* картину, на которой Иисус Христос был изображен со своими учениками и перед которой горел светильник, говорит хозяину дома: «Зачем бесполезно расточаете ваше масло? Ведь это ни Иисус Христос и ни его апостолы: *это лишь их изображения*». Здесь присутствовал другой христианин по имени *Тифарий (Tipharius)*, питавший зависть к фортуне врачевателя и сказавший ему: «Если это изображение недостойно благоговения, *то плюньте поверх него*». Хонаин так и сделал, а Тифарий изобличил его перед *католикосом Персии*. Этот прелат отлучил врачевателя от церкви, *разрезав его пояс* (7)».

Этот факт очень ценен для нас, поскольку подтверждает две важные вещи: восточный обычай ношения поясов и вид оскорбления, которым выражалось презрение к изображениям. Со всей очевидностью тамплиеры заимствовали у сирийцев символ, выражаемый поясом, и больше того — копирование *кощунственных плевков*. Что касается природы упомянутого мной символа, то рыцари Храма достаточно открывают ее в своих свидетельских показаниях: большинство говорит, что носили веревку или пояс в знак принесенного обета целомудрия (8). Один из братьев заявил, что носил этот пояс по написанному в Евангелии от Святого Луки (9).

Прежде чем завершить часть, где был исследован поставленный нами вопрос, как представляется, во всех его аспектах, в двух словах необходимо подвести итог. Справляясь в истории Франции *Отца Даниэля* (10), меня поразило следующее изречение: «Нельзя без неосторожности не верить приведенным против тамплиеров доказательствам». Однако *Отец Гриффе (P. Griffet)*, его комментатор, совершенно иного мнения: он желал, чтобы ему вместе с обвиняемыми предъявили *идол*, которому поклонялись в капитулах, и завершает выражение своего мнения словами: «Итак, мы не видим ни в актах, оставшихся для нас, ни в буллах папы, ни в письмах короля, чтобы приводились против тамплиеров эти немые свидетельства, показание которых сильнее и решительнее, чем признания говорящих свидетелей».

«Можно разрешить эти сложности, — добавляет затем добрый отец, — лишь сказав, что тамплиеры ожидали долгое время расследования, *и один страх перед ним заставлял уничтожать столь убедительные доказательства, когда рыцари были еще свободны и имели возможность их уничтожить* (11)».

Со своей стороны, ожидая от себя полного объяснения барельефов шкатулки господина герцога де Блакаса в этом несколько проблематичном труде, я на мгновение перевожу дыхание и оставляю решать читателю, смог ли я привести к согласию отцов Даниэля и Гриффе.

---

(1) Anc. Relig. des Perses, ch XXX, p. 371.

(2) L. 11, c. 4.

(3) «Ad ecclesiam absque zona accedere» (Hyde, ibid.)

(4) De Beausobre, Hist. du Manich., t. I, p. 198.

(5) Ibid.

(6) 247 год хиджры, 861 год от Рождества Христова.

(7) De Beausobre, loc. cit., t. I, p. 199.

(8) «Quas quidem cordulas debent portare omni tempore supra camisias ad designandam castitatem quam se serveturos in ingressus sui ordinis promiserant» (Doc. in., t. II, p. 504). См. также id., t. I, p. 618; t. II, p. 46, 102, 503 etc., etc.

(9) Id., ib., p. 431.

(10) In-4; t. V, ann. 1307.

(11) Hist. de France du P. Daniel, in-4 t. V, p. 202, № 34 des Notes du P. *Griffet* (№ 34 заметок отца Гриффе).

Объяснение изображения (таблица гностического изображения)

1. Правая рука и правая сторона гностического персонажа.

2. Голова изображения.

3. О Бог Господь наш!

4. Левая сторона гностического персонажа.

5. Пойте.

6. Соединение слов двух линий правой и левой сторон в их логическом порядке с переводом.

7. Он, дух или мудрость,

8. который заставляет прорастать и цвести.

9. Будь прославлен!

10. Наше происхождение было и меня с семью.

11. Отвергая,

12. будучи противоположным ортодоксии (правоверию) гетеродокс (иноверец).

13. Удовольствие

14. тебя окружает.

Примечания к таблице гностического изображения

1. Текст дает объяснение этой изолированной буквы

2. Гностический эон был андрогином.

3. Постыдное слово, которое я объясняю в тексте как могу.

4. Zonar по-арабски означает пояс. Это слово произошло от подобного же греческого слова Ζώνη.

5. Эти буквы верхнего подчеркивания не что иное, как слово METE, усеченное и переставленное таким же образом, как и буква N верхнего подчеркивания переставлена от слова kia. Я говорил о ее смысле в первой части этого произведения.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОГРАФИИ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА ИЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА МАНИХЕЙСТВА ОРДЕНА ХРАМА

Томас Жоашен Александр Проспер МИНЬЯР,

Корреспондент министерства народного просвещения
и нескольких академий

Париж, Демулен, набережная августинцев, 13

1852

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОГРАФИИ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

КРАТКИЙ ОБЗОР

Символизм гностических сект и то, чем они обязаны Александрийской школе: например, семь символических персонажей, связанных с мифом о ПРЕМУДРОСТИ; система эманаций и андрогинизма и пр. Опасные неоплатонические доктрины, переходящие в гнозис. Широкое толкование и синкретизм символа или мифа о ПРЕМУДРОСТИ. Объяснение семи мистических персонажей, упоминаемых в надписи на шкатулке из Эссаруа, и о роли, которую играет восьмой персонаж; происхождение этого мифа и пентаграммы, изображенной на крышке шкатулки. Секты, составившие основания манихейского синкретизма. Доктрина и символизм Манеса, а также соотношение этого символизма с барельефом шкатулки. Шествие и развитие манихейства. Его идентичность с катарством и посвящением в рыцарство Храма. Эта идентичность не могла избежать инквизиции Римской курии, и поскольку предыдущие Папы выступили против катаров Франции, тамплиеры не должны были больше рассчитывать на покровительство Климента V после того, как тайна их сообщества оказалась разоблаченной.

БАРЕЛЬЕФЫ

Прежде чем перейти к рассуждению о барельефах шкатулки из Эссаруа, которых четыре (два больших и два маленьких) по сторонам или частям нашей шкатулки, я должен возвратиться к *бафометической* надписи на ее крышке, помещенной мной на таблицу напротив изображения METE, надписи, тщательный анализ которой мной дан в предыдущей части *Монографии о шкатулке герцога де Блакаса* (1). Необходимо надеяться, что по ходу произведения, я буду опираться на этот я буду опираться на этот важнейший миф.

Все гностические секты воспринимали ПРЕМУДРОСТЬ как первое проявление или эманацию Верховного Существа, о чем я уже говорил: рассмотрим же то, что они отличались между собой только названиями, но не сущностью; и я советовал бы желавшим углубиться в этой теме обратиться к философии Александрии, истинному отголоску умозрения Платона. Разные гностические школы имеют ключ своего знания в словах Филона, украсившего неоплатоническую школу в I веке Церкви (2): «Один Бог мудр. Можно называть Его премудрость матерью творения, отец которого — Бог. Он соединился с Σοφία или знанием (3); Он ей сообщил начало творения, и она породила материальный мир» (4).

Символизм являлся душой всякой восточной философии; и поскольку нет ничего более заразительного и эклектичного, чем символизм, гнозис существовал очень долго, им не пользуясь; однако в итоге он растворился в откровенном эклектизме, сумевшим стать единым в своем мощном распространении (5).

Как бы то ни было, Платон здесь главный законодатель, написавший кодекс, на который могут опираться все адвокаты гнозиса. Прекрасная фантазия этого философа, поместившая на каждой из планет по сирене и утверждавшая, что *они все поют* (6), дала место изобретению семи аллегорических персонажей (7), в стольких разнообразных формах вплетенных в гнозис и связанных с ПРЕМУДРОСТЬЮ, дочерью Бога (8).

В действительности, следуя гностику Симону Волхву, ПРЕМУДРОСТЬ под именем *эннойи* является матерью *семи небес* (9). Семь ангелов или семь звездных духов Сатурнина имели врагом Иисуса Христа, посланного против них *Высшим Богом* (10). Василид одинаково располагает семью ангелами, и его ПРЕМУДРОСТЬ, Νοῦς, об-

лачается в человеческий образ и берет имя *Иисуса*, посланного Верховным Богом для борьбы со злом (11). В своей борьбе эон *Христос* терпит неудачу, однако страдает и умирает только внешне. Эту последнюю догму разделяет большинство гностических школ, и Манес не преминул ее утвердить.

Уже во II веке христианской эры в гнозис проник зороастрийский дуализм, поскольку валентинианин *Вардессан* (12), со времени Марка Аврелия связавший мощными узами гностицизм Запада с зороастризмом Востока, признал, наряду с *семью парными эманациями* (13), в число которых включает *солнце и луну* (14), два начала: *Высшего Бога* и вечную материю. В этой системе Святой Дух или Πνεῦμα рассматривается *как супруга*, соответствуя *Софии* других гностиков. Христос является первым эоном Высшего Бога. Он пришел, чтобы побороть злое начало, но как Христос Сатурнина, Василида и пр., *он страдал и умер только внешним образом*.

Вардессан был обязан своему персидскому эклектизму большей глубиной, или, если позволите, большим мистицизмом, чем гнозису своих предшественников, ведь *София* в его подходе бралась сразу как премудрость и мужское физическое или активное начало.

Этот особенный андрогинизм был еще догмой александрийского неоплатонизма (15) и, по примеру египтян, представлявших божественное естество как *мужское и женское* (16), а также Пифагора, воспринимавшего его как *единство и различие*, гностики воображали об *эонах-андрогинах*, имевших в себе самих и в одной монаде активную и пассивную причину, поскольку *исходят одни от других* (17).

Валентин, школа которого имела столь долгое звучание и который является, по крайней мере, дуалистом как и Вардессан, признавал две ПРЕМУДРОСТИ или *Софии*: из них первая, следуя Цельсу, носит имя *Пруникос (Prunicus)* или *Пруника (Prunice)*, а другая просто *София*, являющаяся *добродетелью*, излучаемой от первой (18). Считается, что в этом мистическом разделении Валентин признавал небесную душу и земную душу *(vivens anima)* (19); именно это меня удерживает от сомнения в том, что в системе гностиков и, главным образом, у Валентина эоны двойственные: высшие идут от божественной плеромы, а низшие, отлученные от пребывания там, составляют только отражение образа высших эонов, от которых, тем не менее, исходят (20). Эта доктрина породила множество скандалов, которые гораздо больше, чем нам может показаться, коснулись и самого посвящения рыцарей Храма, отрекавшихся от низшего подлунного Христа в про-

тивоположность *Высшему Богу, который и есть истинный Бог*, отец неведомый, верховное существо (21).

Другая доктрина, порожденная неоплатонической школой, столь же разрушительная для морали, сколь первая для христианского культа, это учение о том, что *душа всегда прекрасна в своей сущности и остается прекрасной, несмотря на телесные скверны* (22). К несчастью, эта доктрина принесла слишком много своих плодов среди различных сект, и сам Манес в своем эклектизме позаботился о том, чтобы не запрещать догму, привлекшую к его предшественникам столько прозелитов. В действительности, валентиниане назывались *духовными* и придерживались мнения, что могли предаваться всем порокам, воздавая телу принадлежащее ему (23); *карпократиане*, именуемые отдельными авторами *гностиками в высшей степени*, рассматривали наиболее постыдные удовольствия как дань, которую душа должна была платить *ангелам, сотворившим* материю (24). Осталось привести только знаменитые мрачные секты, совершавшие в своем религиозном порыве и в ясном сознании самые отвратительные мерзости.

Нет тайного общества древнего или современного, которое бы не обладало определенной общностью: люди исключительно крепко связываются только благодаря добропорядочности или одиозности и странности деяний. Первая тайна посвящений заключается в том, что есть внутренний культ и культ внешний: это самый опасный шаг, который заставляют сделать, ведь именно отсюда неизбежно рождается презрение к общественному культу и фатальный нерасторжимый союз преступных адептов тайного культа. Прежде я показал (25), что этот дух овладевал друзами, гашишинами и тамплиерами. Тогда почему с точки зрения подобной политики нам хотелось бы считать тамплиеров более невиновными, нежели иные сектанты? Да потому, что упорно пытаемся увидеть в них неустрашимых воинов; но однажды поколебавшись и презрев историю, это благородное *французское* чувство, уже не захочет больше изо всех сил рассматривать тамплиеров в качестве обычного сообщества. Что значит вернуться в порочный круг, откуда основная мысль бежит под натиском воображения. Я обращаюсь, в частности, к усердным людям, готовым не доверять систематическим мнениям, даже если бы благородство составляло их сущность. Я не говорю об иных кастовых условностях или о слепом и неловком поклонении. В любом случае, наука с ними не согласится как с мало искренними.

Не намереваясь навязывать свое мнение, проистекающее из фактов, я желаю быть только беспристрастно прочтенным в надежде, что

Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия)

это мнение будет признано истинным в глубоко изученной мной теме. Несмотря на определенный антагонизм (26), я счастлив быть обязан своими исследованиями открытию бедного каменного предмета, изучение которого долгое время питало мой ум и добавилось к скромным историческим познаниям, благодаря чему я мог принести пользу науке.

Возвращаясь к влиянию неоплатонической школы на гностические секты, достаточно привести по отношению к мифу о ПРЕМУДРОСТИ отдельные из образов или имен, в которые она облачалась, начиная от *Логоса* Платона и *Софии* Филона, *ее первого гностического рождения*, до *Энсофа* кабалы и *Ормузда* Зороастра, обновленных посредством МЕТЕ на шкатулке из Эссаруа.

Божество ПРЕМУДРОСТЬ, если кто-то хочет передать мне это слово, является, как и Церера у греков, богиней тысячи имен, или, пользуясь усвоенным стилем, *эоном мирионимом*.

Одни ее называли *София, Харис, Эннойя, Сиге*; другие проституировали этот образ, давая ему имена некоторых пылких в своем прозелитизме женщин (27); валентиниане ее нарекали Ахамот, утверждая, что дождь идет из ее слез, а ее улыбка порождает свет (28). У них она сразу предстает как *Матерь жизни, Огдоада, Премудрость, Иерусалим, Святой Дух* и *мужской эон* (29).

Семь духов, постоянно фигурирующих в различных гностических системах, являются концепцией, принадлежащей настолько же зо-

роастрийской, насколько и платонической школе, о чем свидетельствуют семь духов или семь *амшаспанд* парсизма; это заставляет говорить Маттера, что гностики брали свое добро повсюду, где его находили (30). Архонтики называли ПРЕМУДРОСТЬ *Фотиной* (31), соединяя ее с семью эонами или *архонтами*, из которых седьмой *Саваоф*; *Фибиониты* обозначали ее под именем *Барбело*, определяя ей седьмой разряд в небесной плероме; *Сетиане* или *Офиты* ее именовали *Прюнице* (32).

Евреи, являясь в основном путешественниками и космополитами, приносили постоянно из Персии в Александрию и вывозили из Александрии в Грецию, Сирию и Персию разные элементы гнозиса или высшего знания (33), и древо разрасталось каждый день множеством ветвей, предназначенных затемнить все больше и больше свет, исходящий от чистого христианства. Среди такого количества разных распространителей гнозиса и различных племен он устремился своим естеством к синкретизму. К примеру, Элксай, один из этих *иудействующих христиан*, о которых говорю, сделался во II веке главой могущественной секты.

Независимо от семи духов, он признавал двух Христов: низшего или *человека-Иисуса*, и высшего — небесного Христа, который у него сливался с *Пневмой* или ПРЕМУДРОСТЬЮ. Его адепты проповедовали принцип, что во время преследования можно было отрекаться внешне от Христа, но не сердцем (34). Такая прекрасно изобретенная идейная дерзость позволяла переживать в различные эпохи христианские преследования и непрерывно продолжаться повсюду, где господствовали либо римская власть, либо какой-нибудь деспотизм. Известно, и это достаточно мной установлено, что тамплиеры отрекались от Иисуса Христа устами, но не сердцем (35): однако я готов относить поставленное им в вину отречение к самой манихейской доктрине, нежели приписывать его подлому правилу со стороны смелых воинов, никогда не торговавших своей кровью.

Другие иудействующие христиане давали ПРЕМУДРОСТИ имя *Иоиль* (36), хотя Блаженный Феодорит вменяет авторство мифа об этой *муже-деве* и дочери света самому Манеса. Итак, посмотрим, не принадлежало ли имя МЕТЕ, данное премудрости (37) в надписи на нашей шкатулке из Эссаруа, временам, когда манихейский синкретизм растворял в себе разнообразные доктрины гностицизма.

Этот миф не является новым, ведь, согласно Святому Епифанию (38), фибиониты, карпократианская секта, идущая от валентиниан

Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия)

(39), о нем знала; но, вследствие идей своей нечестивой доктрины, они в него добавили, касаясь МЕТЕ, одну омерзительную аллюзию (40).

В VI веке миф о МЕТЕ преподавался в Афинах эклектиком *Дамаскием (Damascius)* (41). И стоит поискать этот синкретизм в египетской теогонии, где *Исида*, по словам Плутарха, неоднократно именуется *Мут (Μούθ)* и *Метиер (Μεθύερ)* (42).

Египтяне называли Исиду *матерью мира* и, сливая в одну личность Осириса и ее по причине их брачного союза, они делали их существом-андрогином (43). Здесь хорошо виден источник этого вечного гермафродитизма, который не преминули принять все гностические секты; но христианский спиритуализм, соединенный заботой гностиков с грубостью этих сказок, их смягчил, и с начала гнозиса речь идет уже не о небесном светиле (44), а о мистическом существе двойного естества. Со времени апостолов Эннойя, первая мысль Бога, *матерь всего сущего*, *верховная* ПРЕМУДРОСТЬ, наконец, лишает престола египетскую Исиду. Однажды этот спиритуализм был введен в старые материальные мифы — и возникло почти столько же имен ПРЕМУДРОСТИ, сколько существовало сект.

Такая же роль отводилась и *Святому Духу*, что дало возможность Святому Епифанию сказать, что иудействующие секты сделали из Святого Духа женщину (45). Согласно тому же учителю, доходило до именования Святого Духа матерью семи домов, и ему сообщалось два пола, он призывался под именем творца или сотворившей

семь домов, чтобы он или она предоставили бы отдых, который есть в *восьмом доме* (46).

Итак, семь домов олицетворяют собой семь планетарных небес, а восьмой дом является верховным небом, обителью очищенных душ.

Как не увидеть в этом универсальном и многообразном гностическом мифе *небесную, бесконечную и вечную Огдоаду*, *без границ времени и пространства*, если перевести здесь слова самого Святого Епифания (47).

Каковым бы ни было объяснение, даваемое главному эону-андрогину МЕТЕ и семи безымянным эонам, образующим огдоаду в надписи на шкатулке из Эссаруа (48), постараемся установить происхождение первого в египетском мифе, видоизмененном иудействующими сектами, о которых говорит Святой Епифаний. В ожидании более точного изучения того, что эклектизм Манеса получил от гнозиса, мы сразу же можем увидеть в фигуре тройного треугольника, вырезанного на крышке шкатулки, египетское или пифагорейское заимствование. Иными словами, египтяне уподобляли естество вселенной *треугольнику*. Они рассматривали в качестве мужского или активного начала одну из линий, упирающихся в основание и говорили, что основание является женским или пассивным началом, *соединенная с ними линия*, если сохранять стиль Амио, представляла то, что рождается от двух начал (49). С другой стороны, *Осирис* является *разумной* причиной, а *Исида* причиной материальной: и из их совместного действия происходит третье существо — *Гор* или мир (50).

Мы видим, как в этой *разумной причине* пробивается столь присущий всем гностикам миф о ПРЕМУДРОСТИ, который на нашей шкатулке раскрывается под именем МЕТЕ.

Рейно определенно утверждает, что гностики взяли в качестве своего символа фигуру, образующую сразу три треугольника и пентаграмму (51). Пифагорейцы, по его словам, рассматривали эту фигуру как символ здоровья (52): здесь идет речь, безусловно, о здоровье души; что касается знака, воспроизведенного в гнозисе, я настолько не сомневаюсь, что он обозначает здоровье или отдохновение души, насколько фигура в пентаграмме и в треугольниках завершает Огдоаду, во владении которой находилось высшее счастье (53). Сам Платон связывал с *простым треугольником* отношения, образующие единое целое из различных частей вселенной, и давал этому треугольнику имя гармонии. Согласно Платону, одна из сторон этого треугольника порождает восьмерку или огдоаду посредством парных чисел (54).

Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия)

Когда обращаешься к Отцам Церкви, истории манихейства де Бособра и ученой критике гностицизма Маттера, становится очевидно, что Манес почерпнул у валентиниан большую часть своей доктрины. В действительности, эта секта была наиболее многочисленной, наиболее преобладающей и наиболее фанатичной из всех сект гностицизма (55), и каковыми бы разнообразными ни были прозвища, взятые адептами Валентина, она должна рассматриваться как гидра в сто голов со всеми безобразиями, безумствами и непристойностями, которыми кишит ее история. Итак, *архонтики* II века, вновь появившиеся в XI веке (56), чтобы предаваться всем видам бесчестья, являлись ветвью валентинианского происхождения (57). *Гераклиониты*, с другой стороны, предприняли великие усилия, чтобы подогнать евангельские тексты к системе главы их школы Валентина (58).

Маркиониты, которых Бейль и Боссюэ, столь противоположные в суждениях во всяком ином месте, считают одной и той же сектой с манихеями (59), были в сущности валентинианами; *офиты* помещены Оригеном (60) в один и тот же разряд, что и маркиониты, василидиане и валентиниане (61).

Наконец, Адамиты, ветвь карпократиан (62), находились в одном шаге от валентиниан одинаково как *фибиониты* или *вавилониты* и приверженцы *Николая*.

Поскольку Египет был источником теорий Валентина, Манес нашел в таинственных знаках этого гнозиса некую вещь, которую стремился соединить с другим мистицизмом, принесенным с Востока Маркионом, истинным предшественником Манеса, рожденным в Синопе в Пафлагонии и, как следствие, пропитанным доктринами Зороастра. Вместе с их изучением Манес собрал элементы двух крайностей: он должен был, по крайней мере, составить контракт между ними, чтобы заключить в себя и содержать в себе все другие промежуточные доктрины.

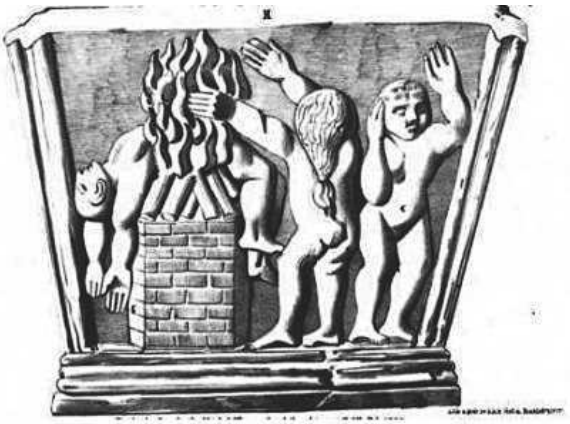
Отсюда и родилось *манихейство*. Итак, необходимо бросить хотя бы один взгляд на синкретизм и символы основателя этой, к несчастью, слишком знаменитой школы. Успех ереси Манеса начался после бесед *Каскара* против ученого епископа Архелая и последней беседы *Диодорида* во второй половине III столетия. Манес согласовал главные догмы зороастризма с догмами гнозиса; но, идя вслед за Маркионом, являвшегося наиболее привязанным к христианству, в отличие от других гностиков эпохи, Манес объединил маркионитское христианство с самым дерзновенным умозрением.

С другой стороны, своим тайным пантеизмом он пленил чисто философские умы, задержавшиеся в старой философии прошлого.

Маркион смутно говорил, что Иисус Христос не заимствовал тела у материи, поскольку Он — чистый дух, который не мог ни страдать, ни умирать (63). Но Манес, принеся весьма решительный дуализм, придерживался того, что небесный Иисус не мог войти в настоящую плоть, ибо эта плоть происходит от злого начала и, следовательно, Христос не мог на самом деле ни страдать, ни умирать (64).

И все же Манес принимал мнение маркионитов, даже не изменив его: оно заключается в рассмотрении зла как реальной субстанции (65); это был старый осознанный *реализм* школы Аристотеля, который никогда не оставлялся философами и позднее вновь зазвучал в наших школах. В действительности, согласно Маркиону и Манесу (66), согрешающее в нас начало является не свободной волей, но вражеской сущностью, смешанной с нашей плотью, сотворенной злым и со-вечным Богу духом. Вожделение, наконец, не человеческая слабость, а субстанция, присущая нам самим.

Так, с каждым новым шагом находишь сближение между Манесом и валентинианами; хотя великая тайна манихейского посвящения — это *скрытый под двойственностью пантеизм*. Манес признавал двух Христов, как он признавал два со-вечных начала, свет и тьму,



Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия) 1

как он признавал две души (67) и два мира, высший и низший и т. д. Эта система *двойственности* была брошена столь далеко, что ее находишь даже в элементах: например, бури и ураганы рассматривались в ней как исходящие от злого начала, тогда как умеренные ветры происходили от доброго начала (68). Таким же образом Манес устанавливал в человеке два естества: *ангельское* и *звериное* (69). Для них не было ни провидения, ни заслуги, ни свободы: они безгрешны (70).

Ангельское естество не может грешить, потому что Бог создал его в свое услаждение, и оно участвует в этом вечном законе, поскольку внутри Бога не существует никакого искушения; с другой стороны, звериное естество вовсе не грешит, потому что не делает ничего против другого вечного закона, которому оно настолько подчинено, что является даже его рабом, но не соучастником (71).

Принося в жертву свободу воли, составляющую всякое человеческое достоинство, заранее ясно, сколько добычи оставляла манихейская секта для самых разрушительных страстей. Отрицание свободной воли является очевидной причиной беззакония всех сект, различающихся между собой по названию *распутных сект*; и если даже Манес изобрел чистые доктрины, что всегда входит в намерение основателя секты, то, отвергая существование человеческой воли, открыл дверь всем безобразиям. Карпократиане (72) и николаиты одинаково рассматривали человека как не подверженного порче посреди удовольствий, поскольку в них они видели фатальную зависимость

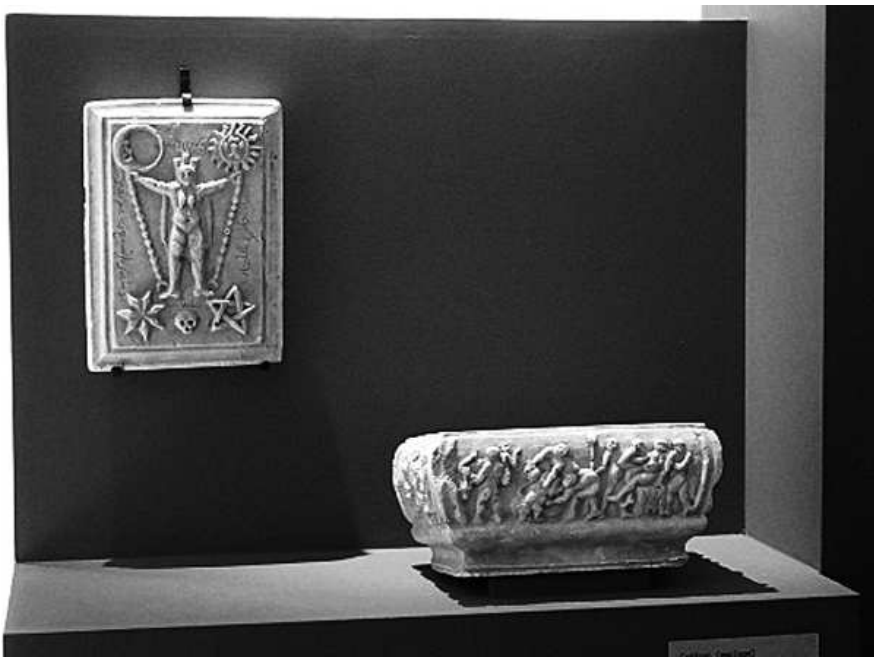
от материи, проповедуя даже, что тело должно предаваться всем видам сладострастия, чтобы освободить душу от законов и пут телесного мира (73). Доктрина манихеев, разоблаченная папой Львом I, доказывает, что они в этом ничем не уступали своим предшественникам (74).

Я постараюсь сделать понятной доктрину Манеса относительно тайного пантеизма, о котором уже говорил. Чем больше постепенно изучаешь древних и современных авторов, тем больше приходишь к убеждению, что вне христианства философы и вожди секты не могли ступить и шага в сторону от изначального следа, оставленного первым философом или первым сектантом. Часто приводили эту истину словами: *ничто не ново под луной*. Манес подтверждает эту поговорку; но, принимая пантеизм из рук своих предшественников, перед ним стояла более сложная задача, чем у них всех: нужно было его облечь христианскими красками, устранив всякие обольщения гнозиса. Нужно было понравиться *гиликам (Hyliques)* и *психикам (Psychiques)* (75): эти слова вполне соответствуют материалистам и сенсуалистам наших дней.

Греки называли *гиле* всякую способную к форме материю; но Манес, вместо того, чтобы принять этот чистый и простой миф о материи, персонифицировал ее под тем же самым именем *Гиле*, уча, что этот дух тьмы пребывает с частью высшего Бога (76).

Итак, известно, что Манес делал единым только высшего Бога света (77). Эти две персонификации тождественны смешению света и тьмы, в чем и состоит вся сущность доктрины Манеса (78).

«Это правда,что мы исповедуем два начала, — так сказал Фавст Святому Августину (79), — но лишь одно мы называем Богом». Не будет лишним изучить, с помощью какой аллегории Манес намеревался скрыть эту великую тайну, и как он рассматривал одно из этих двух начал, соединение которых дает только одно. «К одной части и к одной стороне этой славной и святой земли, — говорит один из его адептов (80), — примыкала иная глубокая земля огромной протяженности, на которой обитали пламенные тела и расы, несущие в себе моровые начала. Там *есть бесконечная тьма, исходящая от того же самого естества, которую невозможно определить, даже имея ее собственные ростки*. По ту сторону существуют тревожные и мутные воды со своими обитателями, и там внутри этих самых вод пребывают ужасные и палящие ветры со своим первым началом, и все исходящее оттуда и из области огня совершенно губительно со своими



Шкатулка из Эссаруа

князьями и подданными, которые составляют нацию. Гораздо ближе еще существует нация, покрытая дымом и плотной тенью. Там правит верховный глава, пользующийся исключительной властью над всеми вещами и имеющий вокруг себя бесчисленные легионы князей, для которых он есть единственный дух и источник. Вся эта нация образует пять чумных земель» (81).

Мильтон, сумевший найти столь сильные средства для описания Сатаны и его империи, мог бы вдохновиться еще и этой манихейской картиной.

Когда ступишь за пределы аллегории в поисках духа под буквой, то не преминешь признать, что *в этой двойственности, образующей лишь одного Бога*, все искусное заключено в выражении Отцов Церкви: (греч.) Бог и материя (82).

«Что стало бы с нацией тьмы, — восклицает иронично Святой Августин (83), — если бы бессмертный, незримый и нетленный Бог не пожелал бы вступать с ней в бой?» В действительности, согласно те-

ологии Манеса, Высший Бог, обитающий в неприступном свете, посылает первого небесного человека с пятью элементами (84), чтобы бороться против пяти злых элементов своего врага *Гиле*. Вследствие этой войны мир становится смешением противоположных элементов, и, значит, фатальным и неизбежным, Христос был связан, объят и скован не только на звездах, но и в земле и в том, что она производит (85): в деревьях, плодах, семенах, во всей пище и даже в плоти и крови и всем, что способна производить эта плоть и эта кровь.

Как не увидеть в этом Иисусе, присутствующем после противостояния повсюду во всяком месте и во всякой формой, элементы князей тьмы, то естьь материи; как не заметить у Манеса, с другой стороны, реминисценцию битвы гигантов против Юпитера и другую реминисценцию сказки о Протее? Эта манихейская космогония включала в себя целиком новую метафизику, в которой христианство было отвратительно опошлено. Таким образом, вследствие войны, в которую вступил Христос против нации тьмы, первый небесный человек остается так тонко скованным и объятым всей материей, что с того времени он уже не спаситель людей, но должен скорее быть спасенным ими (86). Манес идет еще дальше и, кажется, пытается пародировать все великолепные догмы христианства, воспользовавшись гнозисом. А вот, что Манес делает с ПРЕМУДРОСТЬЮ, *матерью жизни*, небесной Софией, которая в тайне манихейской космогонии является *душой мира*. Он вспоминает об эоне-андрогине Ахамот валентиниан, включая в него следующие мистические качества: Матерь, Огдоада, Мудрость, Земля, Иерусалим, Святой Дух со всяким достоинством *мужского Существа, masculo genere dominum* (87); но не имея возможности все объять, он плотно связывает их в единственном андрогинном персонаже — *Земле* и *Святом Духе*; в то же самое время, оставаясь всегда верным своему дуализму, он выделяет видимый свет или Христа, чтобы его поместить под именем *добродетели Божией* одной частью на солнце, а другой — под именем *премудрости Божией* на луне (88). Святой Дух, являющийся третьим величеством, пребывает в воздухе; и, наконец, земля в этом индивидуальном анализе завершает *священную Тетраду*, позаимствованную у валентинианства (89).

Святой Августин замечает, что, в действительности, никак не *Троица*, но *Четверица*, составляет догму манихеев (90). Верные пантеизму, своей самой дорогой и самой глубокой идее, они находят средство пародировать высший образ распятого и страдающего

Шкатулка из Эссаруа

во спасение людей Христа: итак, воздух или Святой Дух, что одно и то же, благодаря духовному распространению сил Земли, Мудрости, ПРЕМУДРОСТИ, Софии, Матери жизни, предстающим одним целым, зачал и породил *страждущего Иисуса* (91), являющегося жизнью и спасением людей и страдающего от скорбного пленения в травах всех видов, частях человеческого тела и даже телах животных. Этот Христос повсюду и во всяком месте, смешанный с материей, на небесах, на земле, во всех сухих и влажных телах, во всех семенах растительного или животного мира (92). Одним словом, нет ничего более скверного, чем члены манихейского Бога; и хотя наука была целомудренной сама по себе, историк слишком счастлив возможности прибегнуть к греческому языку или к латыни (93).

«Каким образом, — восклицает Святой Августин, — земля могла зачать посредством Святого Духа *страждущего Иисуса*, а Дева Мария не могла? Сравните, если вы на это осмеливаетесь, столь святую девичью утробу со всякими местами земли, производящими деревья и растения. Вы испытываете стыд за тело Марии и не стыдитесь порождать Иисуса Христа благодаря водам клоак всяких городских садов» (94).

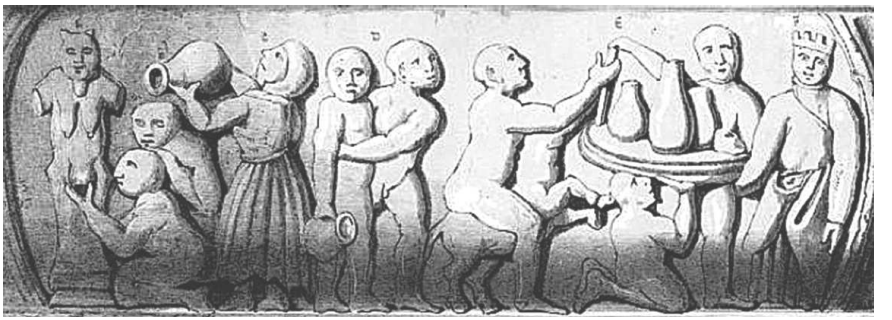
Манихеи говорят, что зачатый от Святого Духа (воздуха) порождается *страждущий Иисус, висящий на всех плодах деревьев* (95), и там,

уже оскверненному материей, ему предназначено существовать, много раз проходя в тела животных, которые ими питаются. Осмелившись пародировать рождение истинного Христа, они осмеливаются пополнять свою кощунственную аллегорию страданиями, утверждая, что Бог был вынужден передать субстанции зла часть своей собственной сущности, чтобы *быть распятым* (96). На самом деле манихеи давали деревьям наименование *креста Иисуса Христа*, и это заставляло самого Фавста говорить, что Иисус *висит на всех деревьях* (97). Нельзя ничего упускать в этих омерзительных мистериях, ведь в преступной мысли сопоставления ими пародируется даже небесная пища, которую Иисус Христос пришел принести людям.

Таким образом, согласно системе Манеса, нет ничего чистого, а все, наоборот, осквернено смешением начал тьмы вместе с самим Христом, который повсюду находится связанным в питании, как и во всякой вещи. Тем не менее, он может, когда проходит в желудок *избранных*, быть освобожден и очищен от своих печальных пут благодаря особой добродетели, присущей святым секты (98). И поскольку души, согласно Манесу, той же самой субстанции, что и Бог (99), они могут в своем большем или меньшем очищении эволюционировать в порядке метемпсихоза либо в животных, либо в овощи и фрукты всякого вида (100). Избранные настолько более чутки к своей миссии освобождения, что если и остаются какие-нибудь частицы божественной субстанции, которых они не могут достичь, то только в последнем огне, когда сгорит мир, эти частицы будут очищены. Долгое и ужасное чистилище, в действительности, является суровым последствием пантеизма Манеса.

После всех исторических деталей, в которые я входил, а одинаково и необходимых следующих за ними подробностей для понимания барельефов, невозможно, обращаясь к МЕТЕ, андрогину нашей шкатулки, видеть там иную вещь, нежели двуполую ПРЕМУДРОСТЬ *гнозиса* или *страдающего Иисуса* манихеев (101). И действительно, в этом Иисусе, *висящем на всяком дереве*, в этом Иисусе, *который ползает в растениях*, как говорит страшный враг Святого Августина Фавст (102), разве можно в угоду тщетным и нелепым спорам признавать нечто отличное от МЕТЕ, *заставляющей прорастать и цвести*, как выражается надпись на шкатулке?

Какое странное совпадение с тайным идолом тамплиеров, признанным большинством из них (103), идолом, который не только заставляет прорастать землю, но и цвести деревья, идолом, являю-



Шкатулка из Эссаруа

щимся предметом официального обвинения, в соответствии с буллой Римского понтифика (104); идолом, как известно, настолько же манихейским, насколько возможно себе это представить! Разве я не основывался на реальном совпадении подобного характера, отныне обращаясь с вопросом о манихействе ордена Храма? Но немного терпения: сопоставления нас не заставят долго ждать, и я на доказательной основе свяжу тамплиеров с катарами.

Ни в одной из сект мы не видим другого, чем у манихеев мифа о ПРЕМУДРОСТИ с признаками, которые ей сообщает эпитет *germinans* нашей надписи на крышке шкатулки; и, вычисляя гнозис, находим в этом мифе о *премудрости* все виды имен, эквивалентных МЕТЕ (105), совершенно известных, за исключением самого последнего имени. Значит, можно, не будучи безрассудным, сделать ответственными за это самих маниихеев с тем большим основанием, что когда мы перейдем к барельефам шкатулки, то увидим, что они представляют собой наиболее полные мистерии манихейского посвящения.

Известно, что Манес называл себя *Параклетом* или *Святым Духом* (106): я не удивлюсь, если ему или его приверженцам пришла идея чтить его память в изображении МЕТЕ, являющемся, как мы уже видели, одновременно и мифом о Святом Духе и ПРЕМУДРОСТИ. Нам дают повод думать именно так слова ученика Манеса Тирбона, когда тот раскрывает святому епископу Архелаю доктрину своего учителя: «Манес повелевает своим *избранным*, которых только *семь*, молиться в конце их трапез, ублажая головы заклинательным елеем, призывая многие имена, дабы хорошо укрепиться в вере. Он

мне не раскрывал этих имен, ибо только его *семь избранных* их знали и употребляли» (107). Следовательно, здесь раскрытие METE в надписи на шкатулке: *«Я есть начало семи других»* (108). Не соответствует ли это семи избранным Манеса, или семи планетам, или тому же числу эонов валентинианских сект, с которыми система Манеса имеет самые тесные связи: таковы валентинианские ветви *маркионитов, маркосиан, гераклеонитов* (109), *архонтиков* (110), а также карпократианская ветвь фибионитов (111)?

Этим здесь и ограничивается мистерия; но, если не ошибаюсь, когда начнем изучать барельефы, нужно будет взять в качестве семи аллегорических персонажей, сопровождающих **METE,** лишь тех, которые в сектантской теософии больше приближаются ко второму естеству или материальному порядку, на что, впрочем, достаточно указывает *страждущий Иисус*. Более того, Святой Епифаний может с нами согласиться, когда говорит по поводу манихейской ереси, что матерь жизни сотворила с первым человеком пять элементов: ветер, свет, воду, огонь и материю (112). Итак, эти пять элементов с солнцем и луной вполне образуют семь, началом которых называется **METE**. Однако персонаж *Саклас* или *Саваоф*, которого мы видим изображенным на барельефе, заставляет меня обратиться к номенклатуре архонтиков или фибионитов. И все же солнце и луна, представленные на шкатулке с каждой стороны от **METE**, являются очень важными фигурами в манихейской космогонии, поскольку в ней утверждается: все, что есть свет может возвращаться Царству Божию посредством солнца и луны (113). Именно там души, рассматриваемые Манесом как светлые (114) и одного естества с Богом (115), очищаются в присутствии сил или добродетелей Бога (116) от остатка скверны, доставшегося от их смешения с темными началами, то есть с материей; одинаково манихеи говорили, что луна составлена из доброй воды, а солнце из доброго огня (117), чтобы их различать со злой водой и злым огнем нации тьмы; и в то же самое время они персонифицируют оба светила в образе сосудов, составленных из чистой субстанции Бога (118). Эта идея, как хорошо видно, заимствована не только по сути, но и по форме у очистительных ритуалов посредством воды и огня (119), постоянно имевших место у разных народов. Отметим три вида освобождения *Христа* либо *света*, либо *частицы Бога*, используя вкратце манихейский лексикон: земное очищение избранными или святыми секты, очищение в переходе на луну (120), очищение в переходе на солнце (121) и,

Шкатулка из Эссаруа

наконец, очищение в присутствии сил и добродетелей, исходящих от Бога.

Несмотря на все ресурсы, несмотря на мощное действие сил или добродетелей Высшего Бога, материя уже настолько неотделима от божественной субстанции, что оставляет в ней довлеющую и не уменьшающуюся часть, избегающую даже очищения Бога. Этот осадок, благодаря своему весу, мало-помалу нисходит сквозь области бурь и приводит к разным температурам, смешиваясь с деревьями, растениями и урожаями (122). Здесь, конечно, вариант *страждущего Иисуса*, который я не мог обойти молчанием, поскольку он доказывает верование манихеев в то, что господство зла прекратится только когда субстанция Бога будет полностью извлечена из материи (123). Читатель должен хорошо теперь понимать, почему практики очищения в мистериях манихейства доводились мной до определенной грани, где я прошу его мне перейти на латынь (124).

Очищение божественного начала или божественной субстанции у манихеев настолько составляло сущность их мистерий, что между их *двенадцатью управляющими* (125), приставленными к двенадца-

ти ведрам, в которых предназначено было переносить души в прекрасном светлом корабле (126), наиболее почитался сияющий ангел *Splenditenens*, изображавшийся держащим остатки членов *их бога* и плачущим от того, чего еще недостает, пребывая в пленении, угнетении и осквернении материей (127).

Очистить часть, происходящую от Бога посредством отделения ее от своего антагониста материи, и поспешить искать эту божественную часть в срамных испражнениях тел мужчины и женщины вплоть до самых тайных мистерий зачатия (128): таковым было последствие, к которому приводила печальная доктрина Манеса всех разделявших ее. Святой Августин дал манихеям их истинное имя, назвав *катаристами (Catharistes),* то есть *чистильщиками* (129). Экберт (130) и другие делали сопоставление с этим, и я не знаю, как можно было пойти против естественного суждения, ссылаясь на этимологии, к которым никак не применяется здравый смысл (131). Немцы, в целом, были убеждены, и я соглашаюсь с ними, что имя *Cathari* является названием, первоначально данным манихейской сектой себе самой (132).

Всеми мистериями этого *катарства* дышат барельефы шкатулки, что станет видно из анализа, который я собираюсь им дать. Итак, на IV изображении самой маленькой части двух барельефов представлен один из этих *двенадцати управляющих*, очевидно тот самый, что в формуле отречения, о которой говорит Бособр (133), назван *венценосным* (134); поскольку *Splenditenens* готовится его короновать одной рукой, тогда как другой держит остатки бога или *страдающего Иисуса*: не попавшие в плен к материи следы этого богаи содержатся в *позвоночном столбе*, что нельзя, как бы не хотелось, смешивать с пальмовой ветвью. *Венценосный* эон, кажется, выполняет здесь миссию установления контакта с *добродетелями или силами, преображенными волей Отца*: он принимает одного из нагих детей, о которых я уже сообщал читателю; и поскольку этого ребенка несет крокодил, животное, преданное Тифону, или гению зла (135), нужно признать в этом знаке того же самого ребенка как преображение народа тьмы (136), предназначенного воодушевиться средствами другой преображающей силы в самой империи света, представленной мальчиком или нагой девочкой (137), которую небесный Эон в воинском одеянии держит за руку. Это облачение, а также топор, поднятый перед собой ангелом света, характеризуют власть *Стефанофора* или небесного Эона, о котором я говорю. Своей дру-

гой рукой, вооруженной веслом, ангел света достаточно указывает, что готов перенести на большом корабле (138) в державную обитель чистый свет, проявления которого ожидает (139).

На том же самом IV изображении самая большая его часть представляет собой одно из омовений, столь часто совершаемых во всех ветвях валентиниан, от которых Манес принял доктрины (140). Итак, согласно догме о переселении душ, души животных столь же божественны (141), сколь и человеческие души, ибо последние пребывали в телах животных (142). Манихеи благодаря этой доктрине переселения практиковали свои омовения как над людьми, так над определенными животными, которые, по их представлениям, должны пособенному содержать человеческие души. Именно это происходит здесь с животным, напоминающим овцу. Известно, что валентиниане пользовались евангельской притчей, касающейся *заблудшей овцы*, говоря, что овца является человеческой душой, которую Симон пришел разыскать и спасти под именем *Елены*, ибо эта душа, врасплох захваченная князьями тьмы, творцами плоти, ангелами зла или злого начала, которые, однажды став ее хозяевами и связав ее материей, удерживали у себя в плену, и чтобы помешать душе возвратиться на небо, они заставляли ее переходить из одного тела в другое (143).

Но на барельефе перед нашими глазами посвященные, наоборот, ставят целью освободить плененную душу от посягательств враждебных князей. Для этого было средство, использовавшееся валентинианскими сектами, уже неоднократно мной упомянутыми и удоченными Манесом. Оно состояло в возлиянии смеси елея и воды на головы их умирающих и даже умерших. Таким омовением они полагали сделать невидимыми души, предохранив их в переходе сквозь пространства от козней высших сил, имеющих только одну пищу для существования — души, восходящие на небо (144).

У Святого Иринея Лионского есть фрагмент, сообщающий, что помазание елеем делает мертвых невидимыми для князей и высших сил, чтобы внутренний человек вышел бы за свои пределы, не оглядываясь на своем непрерывном пути, и чтобы тело было отодвинуто к скрытым вещам (145).

Все рассказанное мной происходит буквально на одной из двух половин большой части изображения IV. Здесь есть все, даже мертвая голова — необходимый символ совершавшейся мистерии. Вид атлета, унесенного к скрытым вещам; тело животного, подвергшегося священному испытанию несомненно, является одной из этих

управляющих и сохраняющих премудростей, которым Бособр дает еще имя *Омофоров*, *Атлантов* или *неустанно несущих*: они представляют собой род сил, привнесенных Манесом в свою теогонию с Востока (146).

Вся эта сцена происходит в присутствии посвященного, подвергающегося в тот же самый момент испытанию огнем на печи, где он, кажется, удерживается насильно.

Вполне очевидно, здесь мы имеем дело с *адамианами* или *адамитами* (147), о которых Святой Епифаний (148) говорит, что они по природе своей *кроты и устанавливают свои конвентикулы* (так называются их церкви или собрания) *в пещерах или около подземных печей, чтобы согреть тех, кто собирается в такого рода помещениях нагими, как если бы только что вышли из утробы их матерей* (149).

Это те же самые адамиты, о которых говорит Анастасий: «Манихейские мужчины и женщины присутствуют нагими в своих церквях, где собираются в подражание Адаму и Еве» (150).

Теперь мы подошли к самым отвратительным мистериям манихейства, к чему мои латинские цитирования в предыдущих сносках уже должны были подготовить читателя.

В самой маленькой части барельефа, расположенной на V иллюстрации, видно посвященного, держащего телицу, в то время как другой, действие которого скрыто легким сукном, идет искать субстанцию *своего Бога* туда, где она в таком дерьме (151), из которого ее могут освободить только большая заслуга и непомерное милосердие избранных (152).

Избранные или совершенные у манихеев воображали, будто у них имеются божественные добродетели, очищающие милосердием, молитвами и святостью их персон божественные части, скрываемые в посевах всех вещей. Даже когда они употребляли определенные продукты питания, то верили, что, усваивая их, очищают их от материальной примеси (153), после чего *частицы их Бога* возвращались в свою небесную отчизну посредством луны и солнца, *высшего убежища*, где завершали свое очищение тем способом, о котором излагал выше.

По правде сказать, я затрудняюсь в выборе Отцов Церкви, чтобы разъяснить сцену, представленную взору и суждению моих читателей и, согласимся, очень сложную для описания, с чем нужно согласиться, и для того, чтобы все мои усилия пребывали в истине, постараемся

говорить только о необходимом. Папа Лев I был прав, квалифицируя их религию как культ дьявола, а их мистерии как мерзости (154).

Что держит в одной руке посвященный, в то время как его другая рука скрывается в отвратительном деянии?

Акты Архелая, предшествовавшие по времени *Катехизису и* самому Святому Кириллу Иерусалимскому, Отцу греческой церкви IV века, а также Петру Сицилийскому, предпринявшему в IX веке миссию в стан грозных тогда манихеев (155), и в наши дни некоторые авторы, подобные де Бособру, потрудились нам об этом рассказать. Посвященный держит *ишас (ischas)* (156), который собирается бросить в ужасную чашу, поспешив смешать его с тестом (157) в горящем сосуде, чтобы затем предоставить этот хлеб избранному, сидящему на камне и обязанному совершить жертвоприношение. Избранный предается плачу, чем подтверждает слова Отцов, описывающих совершенных, как собиравшихся в глубокой скорби, поскольку не освободили их пленного бога, скованного в материи (158): они опечалены еще и тем, что, несмотря на их милосердие, в них самих остается еще часть, посвященная тьме.

Все, что мы видим прекрасно подтверждает выражение Святого Кирилла, называющего инжир *евхаристией* манихеев (159); хотя это лишь бледное отражение того, о чем повествуют Святые Отцы; и барельефы нашей шкатулки, показывая совершение мистерий над животными (160), сумели, насколько возможно, уберечь глаза, оставаясь, тем не менее, в рамках истории и в русле отвратительной манихейской доктрины.

Вид кувшина или сосуда для толчения с выбегающем из него пламенем, помещенного посреди четырех посвященных манихейской евхаристической сцены, напоминает обвинение, ответственность за которое предоставляю Святому Епифанию, отсылая к тексту самого Отца Церкви, чтобы не быть в занимающем нас вопросе слишком некомпетентным историком (161).

И все же, на барельефе запечатлен вполне заурядный сюжет манихейского действа: смешение теста с отвратительной субстанцией, собранной у телицы.

Еще более чудовищные мерзости такого рода мистерий, по словам Святого Августина, были раскрыты в Карфагене по запросу трибуна *Урса* (162). Среди препровожденных к нему обвиняемых находилась и девочка по имени *Маргарита*, разоблачившая эти омерзительные нечестивости. Ей вряд ли было 12 лет, и она рассказала, как ее развра-

щали для исполнения преступной мистерии. Она с трудом заставила согласиться на такие же признания одну манихейскую монахиню по имени *Евсевия*, претерпевшую с той же целью такие же оскорбления. Поскольку присутствующие на мистериях посвященные были обоего пола, Евсевия и Маргарита, допрошенные раздельно, указали в своих совершенно тождественных свидетельских показаниях весь процесс этих постыдных действ вплоть до способа, при помощи которого тесто помещалось под тело *жертвы* (163). Один из осквернителей, назвавшийся *Виатором* (164), признался, что совершавшие подобные вещи обозначались особым именем *катаристов*; манихейская секта, как он подтвердил, делилась еще на другие ветви, имевшие собственные наименования: маттариане, маттэры или наттиеры (165).

На самой большой части барельефа (иллюстрация V) у бородатого идола, у ног которого находятся двое нагих обожателей, имелась определенная взаимосвязь с **METE**, изображенной на крышке шкатулки, хотя отличие последней от идола существенное. **METE** обладает женской фигурой и признаками, уподобляющими ее античной Церере. Идол барельефа, наоборот, имеет мужскую фигуру с гораздо более длинной бородой: его мужской пол несет явно утрированные черты. Более того, у идола на голове остаются заметными либо *два луча* для пародии на Моисея, считавшегося манихеями вдохновленным злым началом (166), либо *два рога* для обозначения главного князя нации тьмы. На самом деле, персонажем барельефа является Саваоф (167) или Саклас (168), князь вожделения, отец Адама и, значит, человеческого рода (169); но кем бы ни был Саваоф или Саклас, последнее божество более характерно для *архонтиков,* что доказывает одно: несмотря на презрение Манеса к этому суеверию, его сторонники имели менее проницательный разум и более приземленные идеи, что признает его ученик *Тирбон* в словах, обращенных к святому епископу Архелаю: «*Простые* почитают вожделение, воображая, будто оно есть Бог» (170). *Гераклиониты*, по словам Святого Епифания, поклоняются *Саваофу* как божеству *страстей* (171).

Бородатые изображения василидиан (172), рисованные или чеканные на металле картины карпократиан (173), идолы с длинной бородой тамплиеров (174): все это имеет такие большие сходства с *Сакласом* или *Саваофом* манихеев, что совсем непозволительно видеть в этих идолах различное происхождение.

Два поклонника или скорее две поклонницы, преклонившие колена у подножия идола *Сакласа* в позе с недвусмысленными жеста-

ми для такого рода культа, принимают, в соответствии с практикой маркосиан (175) или манихеев, одно (176) единственное омовение из елея смешанного с водой и изливаемого на их головы руками женщины (177). В продолжение этой сцены омовения, можно увидеть в нагом мужчине и нагой женщине, несущих сосуд, лишь посвященных *манихеев-николаитов*, о которых Святой Епифаний говорит определениями, характеризующими высшую степень изнеженности этих сектантов, занимавшихся день и ночь услаждением благовониями своих нагих телес (178).

Что касается остальных мистерий, появляющихся перед нашими глазами на второй половине большой части барельефа (на той же иллюстрации V), то здесь имеем верное доказательство неизменного рассказа Святых Отцов. Трое *посвященных* или *слушателей* подносят блюда (179) избранному или совершенному с огдоадической валентинианской короной на голове в восемь зубцов, из которых видно только половину, то есть *священную Тетраду*. Стол убран предметами, указывающими на то же самое освященное число. Один из *слушателей* преклонил колено, чтобы совершить дарение (180), тогда как другой, приготовившись убить животное, предназначенное для части жертвоприношения, кажется, ожидает из уст избранного отпущение грехов за будущее убийство (181).

Поскольку нельзя ничего упустить в изложении мистерий, постараемся дать *избранному* все характеризующие его символы и свойства: он носит три котомки, чтобы постоянно указывать на свое *очистительное* руководство и всегда быть готовым принять продукты питания, которыми его торопятся снабдить слушатели или катехумены (182); и еще в качестве пагубного последствия оснований доктрины, к которому она приводит: рука посвященного совершает в тот же самый момент над соседним к нему слушателем одну из наиболее отвратительных мистерий посвящения (183): *«ut liberata fugiat ab eo quae captivata tenebatur in eo divina substantia»* (St Aug., de Haer., 46).

Теперь, когда я завершил описание барельефов шкатулки, являющихся живой историей манихейства, взглянем поближе на развитие этой секты и ее родство с *катарством*. После быстрого обзора проблематики, нам будет несложно обнаружить связи, соединяющие катарство с мистериями, отправлявшимися в сообществе тамплиеров.

Шум от бесед Каскара в Месопотамии против ученого епископа Архелая и отголоски споров Диодорида положили начало успеху ере-

си Манеса во второй половине III столетия. Пылкие ученики продолжили его пагубную работу (184), и преследования завершили ее преходящее торжество, ибо тщетным было поначалу даже вмешательство законов (185): возникло некое непреодолимое влечение, соблазнявшее мистические и все еще языческие воображения восточных стран. Распространение манихейства было таковым, что Диоклетиан и Максимиан, чтобы поставить ему преграду, повелели рескриптом, данным в Александрии (186), сжечь манихейских вождей вместе с их отвратительными писаниями, знатных людей лишить имущества и приговорить к работе на рудниках, а других наказать отсечением головы. В 381 году Феодосий объявил манихеев нечестивцами, лишив их права завещания (187); восемь лет спустя Валентиниан II повторил ту же декларацию. Вскоре папы были вынуждены строго наказывать самих себя (188). В течение почти двух столетий манихейская ересь направляла свои посягательства против Церкви, уже весьма разделенной гностическими сектами, ставшими пособницами Манеса, пока не пришел в 443 году Папа Лев I, изгнавший из Рима эту порочную секту (189). В Риме манихеи присутствовали в 383 году со времени папы Дамаса, когда туда прибыл Святой Августин, как говорит отец Маймбург (190), целиком зараженный ересью, прививку которой получил в Карфагене, но после взятия Карфагена Гензериком в 439 году, все находившиеся там католики и манихеи нашли убежище в Италии и, главным образом, в Риме.

Самое большое завоевание манихейства в IV столетии это, конечно, овладение юным патрицием, впоследствии Святым Августином, одним из орлов христианской веры. Он сам, объясняя свое отпадение в манихейское заблуждение, делает нам понятными опасную наклонность этой ереси и лукавство сектантов.

Легкие удовольствия Карфагена, как повествует сам святой, его увлекли прежде возраста 18 лет, и он в них находился, окруженный со всех сторон пылом постыдной любви (191). *Hortensius* Цицерона (192), писателя, которым все восхищаются больше языком, нежели сердцем (193), пробудил вкус юного патриция к философии; но ничего устойчивого и глубокого с религиозной точки зрения не могло в юные годы проникнуть в его ум из-за разногласий в его воспитании между отцом-язычником и матерью-христианкой (194). Следовательно, он должен был пройти через увлечения века, прежде чем позднее быть вырванным оттуда примером своей святой матери. Он не мог поначалу понять ни Ветхого, ни Нового Завета из-за смятения своих

страстей и, взывая только к своему разуму, разыскивал новые суждения. Манихейство правило тогда в Карфагене с таким воодушевлением, что даже думали разъяснять физическую и моральную проблему мира при помощи двух противоположных начал — добра и зла (195).

Красноречивые профессора без труда облачали пустоту доктрин утонченностью мыслей, и Фавст, один из наиболее ловких вождей манихеев, угадал важную победу, когда смог увлечь двадцатилетнего (196) юного патриция, уставшего и не нашедшего нигде истины, а потому впавшего в суровый и унылый скептицизм. Тогда, по словам Августина, кипение юности зажигало в нем огонь тяжкого вожделения и уносило слабость его возраста в неистовой разнузданности страстей как будто через скалы и бездны, и бросало его в пропасть позорных преступлений (197); еще, как добавляет он с глубокой интонацией души, возвращенной к действительности, пребывает в самих пороках темная картинка или скорее тень больших благ, которая сбивает с толку людей видимостью красоты (198). Как в этом пылу и избытке безумной и страстной жизни избежать сети, расставленной для него сектой спесивых людей, *очень чувственных* и *прекрасных говорунов* (199)? Здесь источник любопытных наблюдений того, как дух элиты в течение длительного времени становится игрушкой этих ложных доктрин, в которых рождаются теории, готовые поощрять самые отвратительные мерзости. В этом юный патриций дошел до пароксизма безропотности, поскольку он, по его признаниям, продолжал малопомалу впадать в чудесные бредни вплоть до воображения: например, когда собирают инжир, он плачет *молочными слезами*, равно как и дерево, его произведшее, и что если святой секты, то есть избранный, собирается съесть этот инжир, взяв его у другого, и сам не принимал участия в преступлении отрывания плода от дерева, тогда этот святой пускает наружу, открыв рот или вздыхая в молитве, *маленьких ангелов*, или скорее маленькие части самого Бога, истинного и суверенного, части, которые должны были всегда оставаться связанными с этим плодом, если бы зубы избранного или жар его желудка не пришли им на помощь (200). Итак, в течение девяти лет от девятнадцати до двадцати восьми бедный патриций пребывал в заблуждении и вводил в него других: гордыня, суеверие и тщеславие его сбивали с толку во всех вещах; он искал народных похвал вплоть до растворения в сладострастии, и когда чувствовал даже сквозь эти ложные и смешные суеверия иглу раскаяния, то надеялся очиститься от своей скверны, принеся пищу тем, кого манихеи называют свя-

тыми или избранными, чтобы в их желудке они бы ее переплавили как в мастерской в богов и ангелов, которые его самого сделали бы чистым от собственного развращения (201).

Он не прекращал советоваться со звездами, представлял себе крест как фантастический и воображаемый, и насмехался над крещением (202). Он привязался к удобной догме, заключающейся в вере, что грешим не мы, но определенное существующее в нас естество (203); и принимая на самом деле только телесные и чувственные существа, он вообразил себе некую *полностью телесную субстанцию зла, имевшую безобразную и плотную форму* (204).

Однако, думая завоевать, манихеи, наоборот, потерпели неудачу: они рекомендовали своего подопечного *Симмаху* (205), предоставившему ему кафедру красноречия в Риме, и со следующего года Августин достиг более высокого положения в Медиолане (Милане), где манихеи мечтали с помощью этого мощного атлета продвинуть свои дела; но патрицию уже было тридцать лет, и он принялся читать Платона, подготовившего его к возвышенным верованиям христианства (206); тогда сомнения другого характера начали возмущать ум молодого сектанта, и он стал тяготиться доктринами своих учителей, без труда признав, что Фавст был невеждой в науках, в которых он рассчитывал отличиться (207). Манихейская догма о том, что *не мы грешим, но определенное чуждое естество в нас самих*, начала ему казаться экстраординарной. Он взялся тогда жадно исследовать происхождение зла и греха и обнаружил, что это никакая не субстанция, но скорее разнузданность воли (208). С тех пор почувствовал отвращение к суждению манихеев о происхождении зла, предпочитавшему скорее смешивать зло с божественной субстанцией, нежели признавать человеческое естество в качестве слабого и ничтожного и единственно способного его совершать (209). С этого момента настолько бурная реакция, насколько можно себе ее представить в душе такой закалки, волновала Святого Августина. «Ни один человек в мире, — говорил он себе сам (210), — не знает как я страдаю; но все усилия и все сетования были как бы рыданиями моего сердца, поднимавшегося к Богу». Посреди этих невыразимых смятений Святой Августин спешил с бо́льшим усердием внимать святым словам Амвросия, епископа Медиолана; он радовался кротости его рассуждений, находя их более цельными и учеными, нежели речи Фавста, хотя и менее наполненными прелестями выражения и некоей изящностью, привычной для последнего (211).

Подобно Святому Павлу, атлет был сражен, чтобы возродиться более крепким и усердным; и на протяжении этой ужасной борьбы с самим собой, Святая Моника, самая достойная из матерей, непрестанно приносила в жертву Богу *кровь своего сердца, которое день и ночь источало слезы*, и молила, чтобы Иисус Христос сказал сыну вдовы: «Поднимись, молодой человек, я это тебе повелеваю» (212). И действительно: непреодолимая симпатия влекла патриция к Посланиям Святого Апостола Павла, и в возрасте 33 лет, после девяти лет мрака и теней, он увидел, наконец, сияющий свет истины. Тогда он возродился в таинстве крещения, совершенном над ним Святым Амвросием, архиепископом Медиоланским (213). Секта, ошеломленная тем, как от нее уходит самая богатая добыча, предприняла все возможное, чтобы ей опять овладеть. Секундин (Secundinus), по изворотливости второй Фавст, использовал в своих письмах самую слащавую и льстивую речь, характеризуя Святого Августина как *бога всякого рода красноречия* (214); он его называл *золотым сердцем*, которое должно обновить Святого Павла, *если он согласится больше не делать из двух природ одну* (215).

И вот Секундин исчерпал все формулы, чувствительность и изворотливость манихейской ласковой лести, чтобы вновь схватить добычу, только что совершившую побег из секты; но тщетные усилия: Святой Августин, победитель в героической борьбе, отвечает с нескрываемым презрением, заключенным в словах: «Вы мне известны немало (216)! — Я удалился после печального эксперимента, которого никогда не должен был вынести (217); и теперь только по милосердию Божию, я разорвал цепи, связывавшие меня с манихеями, и мне позволено оплакивать свое ничтожество (218). Но какое богатство, наоборот! Орел избежал сетей, расставленных человеком, и устремился к солнцу сияющими и расправленными крыльями!»

Мы видели, как сам Святой Августин дал манихеям, доктрину которых некогда разделял, имя *катаристов* (219), являющееся тем же самым, что *Cathari* или *катары*, наименование, ставшее общим для всего Востока и принесенное затем на Запад, где заменяло иногда название населения, у которого секта имела большое число приверженцев, как *альбигойцы* во Франции. Святой Августин, делая аллюзию на своих бывших единоверцев, восклицал: «Всемогущий Боже, сжалься над людьми, верующих в столь отвратительные вещи (220)!» Святой Иоанн Дамаскин был менее щедр и желал, чтобы перебили или сожгли на кострах всех этих *катаров*... Что явилось пророчеством!

После своего изгнания из Рима в V веке Cathari бросились по всем римским провинциям, пытаясь вернуть себе в столице Восточно-Римской империи все потерянное в Западно-Римской империи; некоторое время спустя после применения суровых мер Папой Львом, мы видим их вкравшимися в доверие к греческому императору Анастасию и использовавших его ненависть по отношению к католикам. Предварительно мы проследили путь этих Cathari Святого Августина (221) и обратили внимание, что *павликиане, богомилы* (222)*, акваниты* (223) являются той же самой манихейской сектой, и констатировали их родство или даже идентичность с катарами.

Изгнание манихеев из Рима в V веке рассеяло их в Азии, второе их преследование наступит в конце XI века, когда они бросятся толпой на Запад и в наши южные пределы. Их волнения беспокоили самодержцев Византийской Империи, и в X веке они сделались столь грозными, что с ними велись переговоры: свидетельством тому выступает толерантность Иоанна Цимисхия, от которого они получили право водвориться во внутренней Фракии, стране, совпадающей с *Болгарией* (224). Оттуда, после суровых мер Алексея Комнина, Cathari распространились через *Венгрию* в Германии и остальной Европе.

Доктрина Манеса не представляла собой изменчивости учения гностиков: ее крепкое единство сохранялось преемниками учителя, называвшимися апостолами, из которых нам наиболее известны: *Константин, Генезий, Захария, Афронит, Баханес* и, наконец, в IX столетии *Сергий* (225). Достоверный историк Петр Сицилийский трактует Сергия как противника Христа, врага Церкви и нечестивого осквернителя, попирающего ногами образ Христов, а еще называющего себя Параклетом и позволяющего своим ученикам почитать себя как Святого Духа (226). Этот Сергий с юных лет был игрушкой одной женщины-манихейки, и мы слишком часто наблюдаем у этих ересиархов влияние женщин большой энергии или, скажем точнее, глубокой безнравственности.

Она заставила его взять имя *Тихика*, знаменитого по Посланиям Святого Апостола Павла (227), и в течение тридцати лет, начиная с правления Ирины и до царствования Феофила, он распространял во множестве стран свою вредоносную ересь (228). С содроганием слышишь в словах красноречивого Петра Сицилийского обо всем зле, причиненном нечестивцами, ведомыми Сергием. Он раскалывал семьи, увлекал наиболее достойных молодых людей, отрывал единственных

дочерей от их родителей, их единственной надежды, разделял братьев и сестер и уводил их в дальние страны, делал отступниками священников и левитов, оставлял в кандалах умирать тех, кем он был недоволен, и обращал в ничтожество и нужду богатство многих своих жертв (229).

Еще в течение двух столетий после Сергия ересь имела такое распространение, пока, наконец, Алексей Комнин (230) не использовал всю свою мощь против нее.

Число этих манихеев росло в ужасающих пропорциях (231). Василий (232), монах *Богомил*, желая подражать Манесу и Сергию, взяли себе в помощники двенадцать учеников под именем апостолов и увлекли за собой толпу безнравственных женщин (233). Скандал сделался столь громким, что Алексей Комнин приказал провести расследование, результаты которого были таковы, что интересная и августейшая хронистка того времени царевна Анна, дочь императора Алексея, на нем останавливается вкратце и передает назначенному императором *историографу* монаху Зигабену право рассказывать о вящей природе тех, о ком уже излагали в своих сочинениях Святой Епифаний, другие Отцы Церкви и особенно Святой Августин, касаясь *катаристов* своего времени. Язык царевны благородный и корректный, о чем свидетельствуют слова: «Всякого подобного мне историка остановила бы стыдливость: я — не грубая женщина, но принцесса крови *Порфирогенетов* и дочь Алексея. Рассказы, к которым эта отвратительная секта имеет отношение, таковы, что принцессе царской крови их надлежит обойти молчанием, нежели испытывать трудности их передачи» (234). Как бахвалились ересиархи, будто ангелы их освобождали от костров, хотя сначала поджигали, чтобы попытаться заставить отречься этих фанатиков, вызвав в них робость. Василия подвели к пламени и сняли его облачение, говоря: «Нужно сначала подвергнуть твою мантию как и тебя испытанию огнем». Но тут же увидев ее горящей, Василий, прикинувшись воодушевленным, вскричал: «Прекрасно! Разве не видите вы мою мантию, поднявшуюся нетронутой в воздух?» (235). Такую одержимость нельзя никак наказывать наполовину: изгнание было повсеместным, и отсюда следует дата великого распространения *Cathari* из Болгарии и увеличения их числа в Европе, в частности, во Франции, куда они пришли пополнить ряды тех, кто из западно-римских провинций мог приникнуть сюда ранее XII столетия (236).

Но именно в эту эпоху Cathari, известные под прозвищем народа *булгар*, осуществили свое нашествие по всей Европе. Те, кого разо-

блачили в 1144 году в Льеже, уверяли, что ересь имела приверженцев во всех городах Бельгии и Франции (237). В действительности, они проникли вплоть до сердца Бургундии (238), и в 1154 году в Везелэ (Vezelay) жил один чужеземец, носивший имя Гуго де Сен-Пьера (Hugues de St-Pierre), возмутивший всю область и пытавшийся внедрить в ней манихейскую ересь (239); около Шалона в Шампани крепость Монвимер (Montwimer) служила прибежищем сообществу Cathari (240); в Ниверне (Nivernais) один энтузиаст по имени *Террик (Terric)* жил в подземной пещере по соседству с Корбиньи (Corbigny) (241) и управлял с глубины своего пристанища мнимой новой церковью. Большое число городов юга Франции уже находилось под пятой ереси (242) и сопротивлялось усилиям Святого Бернарда вернуть их в лоно Церкви (243).

Любопытно прочесть у одного стародавнего историка (244) о печальных эпизодах нашей истории следующий рассказ:

«Иннокентий Третий (III) направил в провинцию Нарбонны аббата Сито (Cisteaux) и с ним двух монахов, чтобы проповедовать против этих вероломных *бугров (bougres, булгар)*. Когда они прошли часть страны, проповедуя, то возвратились в Монпелье и нашли там мужественного человека, являвшегося епископом Сетра (Cestre). Этот благоразумный клирик спросил аббата Сито, что он делал там. Последний ответил, что Папа его послал против *бугров* (245), но он не смог их обратить. Епископ ему сказал, что пока не пытался проповедовать им, хотя теперь дело Нашего Господа крепко встало на ногу, чтобы дать добрый пример другим людям, и он сам жил и шел в ногу с ним. Затем аббат вернулся на генеральный капитул, а в то время епископ с монахами ходили и долго проповедовали в стране. Они обратили незначительное число людей, но и из них страшно мало, кто возвратился к правоверию».

В то время как катары пребывали на Юге Франции, где вдохновленные Иннокентием III крестоносцы объявили им войну на уничтожение, *Босния* собрала их печальные остатки и направила к своим братьям во Францию легата, чтобы поддержать их мужество и предоставить им убежище (246). На самом деле Босния была центром и рассадником этих несчастных еретиков, и она приняла то, что сама изрыгнула на западные страны. Зло поднялось к своим истокам, впрочем, оно чувствовало себя непринужденно в Сирии и среди арабов, всегда готовых терпеть монотеистические секты и, в частности, манихеев. В другом месте я говорил об отношениях секты с мусуль-

манами (247), и здесь не стану возвращаться к этой теме. Избежавшие погрома французские катары возвратились к своим единоверцам павликианам и богомилам Болгарии, или катаристам Святого Августина, как хотелось бы их назвать, или, наконец, манихеям, когда желательно использовать общее определение.

«Почти вся совокупность средневековых авторов, — говорит Шмидт, — видят в Cathari только манихеев, и эта позиция имеет многочисленных сторонников среди современных историков и теологов» (248). Шмидт, несмотря на несколько разногласий со своей стороны по определенным пунктам (249), безусловно, состоит в хорошем обществе по проблеме идентичности манихеев и катар, и в нем мы встречаем: Баура (250), Гизелера (251), ученого монаха Экберта (252), Фюслина (253), Муратори (254), Мосгейма (255), Боссюэ, Гиббона, Гана, Майтланда, Гуртера (256) и пр. (257); все они связывают катар с павликианами, а последних с манихеями.

Итак, тождественность между манихеями и катарами сегодня больше не является никаким вопросом; но до сих пор никто еще не подозревал о существующем знаке равенства одновременно между манихеями, катарами и тамплиерами. По ходу этого утомительного труда я установил множество точек соприкосновения, и читатель должен ожидать моего заключения; и все же я хочу, завершая, привлечь несколько больше внимания на главные факты и доктрину этих трех сектантских орденов, которые, по-моему, образуют лишь один орден по существу своей доктрины: у тамплиеров был орден, рассматривавшийся как моральный субъект, но запятнавший себя манихейством, и его в большинстве своем здоровые члены слепо повиновались тайному импульсу, являвшемуся манихейским по происхождению.

Манес представлял Высшего Бога в неприступном свете, откуда Он управляет миром и работает во спасение душ посредством руководства Сына или *Высшего* Христа, Святого Духа и ангелов, зависимых от Бога (258). Следовательно, вовсе не Высший Христос, о котором говорил Манес, связан и пленен в материи, а это *достоинство* намного низшего порядка, называвшееся им *страждущим Иисусом* (259); тем не менее, в противоположность *земному Иисусу*, скованному в материи, секта дала имя *небесного Иисуса* первой эманации Бога, который живет как и Отец в небесной славе; он, по сути, и есть истинный Бог, а земной или страждущий Иисус только материя, в которой, в соответствии с верованиями Манеса, всегда существовал божествен-

ный луч, или, говоря точнее, присутствовала примесь божественной субстанции.

Итак, очевидно, что манихейский дуализм признавал двух Христов: одного *высшего*, обитающего в верховных областях света; другого — *низшего*, племенного и распятого в материи (260).

Катарский дуализм признавал одинаково двух Христов (261), но разрушал предположение Манеса, что был распят *злой* Христос, рожденный в Вифлееме; дуализм катаров распинал доброго и высшего Христа в невидимом мире, и это никак не меньше, чем аллюзия на крест света манихеев, желавших выразить подобной аллегорией присутствие материи даже внутри чистого света.

Манес учил, что земля под воздействием *Духа* (262) заставляет *прорастать и цвести растения*. Мы исследовали этот миф и знаем, что речь здесь идет о МЕТЕ, ВЫСШЕЙ ПРЕМУДРОСТИ или вселенской душе, присущей семи небесам или планетам в потенциях или эманациях, изученных нами по различным данным о представлениях валентиниан. Значит, катары-альбигойцы, несомненно, верили в некую таинственную концепцию земли, определяя ее в тех же самых терминах (263); но под тем предлогом, что *добрый Бог* не принимает никакого участия в происходящем на земле, они присваивали злому Богу, а вовсе не Святому Духу, как это делал Манес, власть *заставлять прорастать и цвести даже самые полезные растения* (264).

Мы увидим, полнее познакомившись с приписываемым тамплиерам в актах папской инквизиции идолом (265), что он скорее образ злого Бога *катаров*, нежели **МЕТЕ**, в том числе и у Манеса.

Манихеи, катары и тамплиеры желали признавать только доброе начало смешанным со злым началом и, следовательно, Иисус Христос, воплотившись, мог осквернить свое божественное естество. Гностики и Манес повторяются в пресыщенности этим *докетизмом*, более завершенным у катаров и тамплиеров, нежели у их древних предшественников.

И на самом деле, Манихей Фавст утверждал, что все человеческие деяния Христа не что иное, как видимость (266); альбигойцы Пьера де Сернэ (Pierre de Cernai) повторяли с некоторыми гностиками, что высший Христос никогда ни пил, ни ел и ни воплощался: он проявился только духовно в личности Святого Апостола Павла (267).

Катары у *Бонакурса* (Cathari de *Bonacursus*) говорили ту же самую вещь (268). Известно, посредством какой формулировки и каких деяний тамплиеры отрекались от Иисуса Христа (269)... Единственная

непоследовательность с их стороны, или скорее светлое раскрытие тайны их доктрины! С открытым миссалом они клялись на образе Того, Кого спешили оскорбить, они клялись, повторюсь, послушанию и неразглашению тайн Тампля (270); и в Страстную Пятницу они шли босыми ногами поклоняться кресту (271); они исповедовались священникам ордена и причащались трижды в год (272). Эти бедные благородные рыцари, отважные и великодушные, но легковерные и неграмотные, становились благодаря первой клятве *рабами ордена*, в который вступали (273); посредством же самой сатанинской из концепций, начальники и могущественные сановники ордена от его основания оказывались игрушками в отвратительной махинации манихейских доктрин, и самое суровое испытание, которое они навязывали неофитам во время посвящения, это сокрушение их веры и моральных норм; но к чести человечества и самих рыцарей, склонявших головы перед послушанием и приносивших мучительную жертву смирения, в них продолжали биться сердца и существовать воли (274); и какими бы ни были наивные сцены борьбы и безропотности, приведенные в неизданных документах, меня задел за живое характер правдивости этой блестящей публикации (275).

Истинный смысл всего заключается в том, что не от Иисуса Христа их заставляли отрекаться: их, наоборот, заставляли признавать Его как Бога, но отрекаться от Него как от человека. *Манихейство орденского сообщества*, пускай и не являлось манихейством бедных братьев, освящало таинственную идею, что *обыкновенный Иисус*, страждущий Иисус, Иисус, соединенный с материей, не имел права посягать на культ *высшего Христа*, Сына Божия.

И все же, отрицая воплощенного Христа, посвящение не ставило иной цели, как повязать страхом (276) и тайной боязнью оглашения кощунства. Ведь в полноте веры своих младых лет и в благородном религиозно-воинском наставлении, к которому устремлялись братья, они не могли за несколько минут посвящения и пассивного послушания предать идею Христа, ставшего плотью, иными словами, самую возвышенную идею из всех идей жертвоприношений, милосердия и любви. Не таков ход человеческого сердца, пусть даже его пытаются нарушить в посвящениях и тайных обществах, где, в целях испытания преданности и сил, при помощи большой и неожиданной махинации стараются потрясти и ошеломить дух, мужество и волю адептов (277).

Доктрина высшего Христа была абсолютной у манихеев, катаров (278) и тамплиеров (279). Может показаться, что у последних отрече-

ние скорее являлось испытанием, нежели отречением на самом деле, ведь часто посвятитель говорил профессу: «Отрекайся и ты исповедуешься» (280). Заседание капитулов завершалось общим отпущением грехов, где всякий из братьев, председательствующий на собрании, почтительно раскрывался и, повернувшись к присутствующим, распростершись на земле, говорил простым языком: *«Дорогие господа и братья, все вещи, о которых вы меня заставили сказать для стыда плоти или правосудия дома, прощение, о котором я вас просил, все сделано мной от чистого сердца и по доброй воле; и Господь, простивший Марию Магдалину за ее грехи, простит их и вам, и вы молитесь своими молитвами Богу, чтобы и мне были прощены мои грехи; пусть встанет наш брат капеллан и совершит отпущение, что Бог отпускает ему и нам»*. После этих слов вставал брат капеллан и, произнося *Confiteor*, совершал общее отпущение грехов (281). Те, у кого совесть была слишком отягощенной, подвергались бичеванию по голому телу (282).

Манихейская доктрина высшего и низшего Христа отражена целиком в арабской надписи на шкатулке из Эссаруа. Значит, *«Пойте Богу и нашему Господу»* является поклонением этому высшему Богу, поклонением, сопровождаемым почтением, которое Манес и его приверженцы, следуя своей ереси, воздавали в то же самое время **ПРЕМУДРОСТИ** или **МЕТЕ**. Затем в надписи идет упоминание, смысл которого может относиться лишь к низшему Христу, к страждущему Иисусу, связанному в материи; и последствия этой гетеродоксии должны были быть, как выражает надпись, источником радости и счастья. Необходимо отметить, что эти преимущества вместе с другими, как посулы *спасения и богатства*, обещались тамплиерам, готовым поклоняться определенному идолу или бородатой голове, которую им показывали только таинственным образом (283). Когда во время допроса Пьер де Монкад (Pierre de Moncade) заявил своим энергичным языком, что думал, будто этот идол сам *дьявол из ада* (284), то мог оказаться и прав; ибо, умея различать два противоположных и сильных начала, сектанты должны были обладать и бессмысленной тенденцией обожествления зла. Вот и приходишь к мысли, что, в отличие от всех остальных, определенное число братьев из наиболее ревностных подражателей манихейских практик признавали культ Бога материи. Думается, пример здесь уместен. Так, манихеи рассматривали андрогинное существо *Сакласа* или *Саваофа* как князя материи и бога вожделения. Я говорил о нем выше по поводу непристойного

изображения на одном из барельефов шкатулки. После отречения от *Иисуса Христа как человека*, отречения, заимствованного тамплиерами у манихеев как и катаров, что стоило рыцарям позаимствовать у них еще и культ князя материи? В действительности, у альбигойцев люди из народа обожествляли злое начало (285), считая, что оно создало как все видимые и материальные вещи, так и их элементы, небо, светила, животных, наши тела и ведает их сохранением (286). В XI веке славянские дуалисты учили, что демон один должен быть почитаем и призываем между людей (287). На Востоке этих сектантов называли *сатанианами* (288), а на Западе *люциферианами*. Последние распространились особенно в австрийских провинциях: Штирии, Тироле и в XII столетии в Чехии (289). Быстро размножившись среди катаров диоцезов Пассау, Вены и Штирии (290), люцифериане были обнаружены усердием доминиканцев.

В другом месте (291) я говорил, что идол тамплиеров мог быть идолом *богомилов*, которые представляли Бога Отца в виде старика с длинной бородой, но я не имел понятия о фрагменте из Фавста (292), подтверждающем, что манихеи признавали по отношению к Всемогущему определение Святого Апостола Павла: «...блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в *неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может*. Ему честь и держава вечная! Аминь» (Первое послание к Тимофею Святого Апостола Павла, Глава 6, стих 15, 16) (293). Следовательно, возвышенная концепция, взятая самими манихеями, здесь не причем: конечно, она могла быть пародирована либо манихеями, либо их подражателями. Но гораздо более естественно предположить, что эта ужасная фигура, причинившая столько ужаса тамплиерам, является изображением князя тьмы, *Сакласа* манихеев или Люцифера *катаров*. Сопоставления мной уже сделаны, и те из них, которыми завершаю труд, не смогут, как представляется, оставить и тени сомнения на манихействе или катарстве Ордена Храма.

Сергий, глава манихеев в провинциях Византийской Империи в IX веке, показывает свою явную ненависть по отношению к Иисусу Христу, попирая ногами крест, несущий образ Спасителя (294). Манихеи из сирийского города Самосаты, ересиархи, жизнь которых была наполнена невоздержанностью и преступлениями, одинаково попирали символ спасения (295). Эти плачевные сцены часто совершались в посвящениях тамплиеров; но бедные рыцари в исполне-

нии этого акта послушания вносили те же самые оговорки, что и в требовавшиеся от них гнусности иного характера: так, одни из них желают попирать только подножие креста (296); другие попирают свои плащи со стороны, где находился и алел орденский крест (297); некоторые из них, наконец, слабо прикасаются к подножию Христа на распятии (298); но сердца всех рыцарей далеки от демонстраций проистекающего от клятвы слепого послушания.

Манихеи, как известно, ненавидели брак, потому что он увлекал их Бога в узы плоти: *избранные* не могли ничем владеть *на правах собственности* и не могли жениться. *Cathari* давали клятву не прикасаться к женщине (299), и в их секте *совершенные* не имели права жениться или владеть чем-то (300). Тамплиеры одинаково давали обеты целомудрия, послушания и бедности (им воспрещалось обладание имуществом) (301), а в их посвящениях было столько проклятий против женщин, что причину их можно разглядеть только в инфильтрации манихейских доктрин (302). Тамплиера, обнаруженного вместе с женщиной, лишали плаща и помещали в *тюрьму строгого режима* (carcere duro); тот тамплиер, кто сохранял что-то на правах собственности, подобным образом терял свой плащ и после смерти мог быть лишен погребения (303).

Очевидный мотив вызывал анафемы против женщин у манихеев и тамплиеров (304). Но почему случилось, что какая-то, по словам Святого Августина, *извращенная доктрина* стала причиной позорной репутации (*inter se vivere carnaliter*), от которой Орден Храма *морально* никогда не избавится, но от которой необходимо избавить тамплиеров *как индивидов*, поскольку неизданные документы доносят, что именно *в моральном плане* большинство бедных рыцарей выражало наивысшее непослушание и чувство отвращения (305)?

Союз и братство являлись одним из главных условий существования катарского сообщества, а также составлявшей Орден Храма братской организации. Одной из статей клятвы катаров в посвящении *Consolamentum* был запрет на путешествие, проведение какой-нибудь части ночи и прием пищи в отсутствие товарища (306). Орденские статуты предписывали храмовникам делить с братьями свои постели (307); иногда во время посвящений тамплиеры пели определенные стихи псалмов, в которых находили аллюзию на дух братства (308).

Печать, выгравированная у *Перара (Perard)* в продолжение акта от 1190 года (309), представляет двух всадников верхом на одном коне

и несет подпись: **SIGILLUM MILITUM XRISTI**. Итак, для воинов, посвятивших себя защите и покровительству паломников или странников и преследованию грабителей, нужны были хорошие верховые лошади (310); и это настолько верно, что с самого времени Гуго де Пайена (Hugues de Payens), сила и стремительность лошадей соответствовали миссии, поставленной перед орден со своего рождения (311).

Следовательно, идея одной лошади для двоих всадников являлась только символом братства: исходя из этого смысла, тамплиеры рассаживались двое надвое и в своих столовых (312).

Среди рыцарей бытовала одна любопытная легенда, относящаяся к вышеуказанному мной символу; хотя она, на мой взгляд, имеет больше отношения к *отречению* от Христа (313). Я могу цитировать лишь в примечаниях, чтобы не прерывать изложение о взаимосвязях тамплиеров с катарами. У последних принимаемый в сообщество клялся никогда не спать, не будучи одетым (314); то же самое рекомендовалось и тамплиерам, чтобы быть всегда наготове (315). У катаров посвященный или утешенный получал льняное или шерстяное вервие, символично называвшееся одеянием, которым он должен был опоясывать свое тело (316). Известно, что все посвященные в тамплиеры получали льняной пояс или веревку, не имея права впредь с ним расставаться (317). Поцелуй мира, даваемый утешенному катаров (318) мало чем отличался от поцелуя, передававшегося посвятителем посвященному, и целования свидетелей среди братьев Храма.

Для манихеев, катаров и тамплиеров были общими следующие обычаи: вместо любой молитвы манихеи произносили только *Pater noster (Отче наш)* (319); мессалиане, эухиты, валентиниане, богомилы, булгары делали то же самое и называли *баттологией* использование других молитв (320); альбигойцы грешили с уверенностью сознания до тех пор, пока имели возможность при смерти прочитать один раз *Pater noster* и принять возложение рук их учителей или совершенных (321); наконец, *Pater noster* является единственной молитвой, предписанной посвятителями; и часто число молитвы *Pater*, которую должен был ежедневно читать посвященный, определялось *самим его наставником* (322).

Три нечестивых поцелуя, требовавшихся от посвящаемых в тамплиеры, имели свое происхождение в *трех печатях* манихеев*: начало, середина* и *конец* (323). Действительно, *избранные секты* делились на три печати. *Первой* была печать уст, в которые не должно входить никакой воспрещенной пищи и откуда не должна выходить

никакая ложь. *Вторая* — печать рук, показывающая, что они должны быть чистыми от насилия. *Третья* — печать груди, указывающая, что сердце должно быть закрытым от злых мыслей (324). Существовало несколько вариантов: так, манихеи признавали еще *печать головы*, чтобы обуздать гнев; *печать сердца*, чтобы предостеречь себя от бурных страстей; *печать печени*, чтобы охранить чресла от вожделения (325). Как не признать здесь соответствие моральной идеи печатей с поцелуями, принятыми у тамплиеров: акты постыдные по своей форме, особенно в глазах людей, не проникшихся их духом (326).

Я завершил с главными сопоставлениями. Многое другое, если бы я захотел, могло бы занять здесь свое место, чтобы подтвердить полное подобие манихеев и катар (327). Остановлюсь только на последней характерной черте: уединенность и таинственность окружали посвящение у манихеев (328), катар (329) и тамплиеров. Почти все допрошенные храмовники указали, что прием в орден совершался ночью и в удаленных местах (330). Крупное приорство *Вулена*, в окрестности которого обнаружили великолепную шкатулку господина герцога де Блакаса (331), было окружено таинственными прибежищами, в высшей степени подходящими для тайных собраний.

Одним из них является маленькая подземная часовня, остатки которой еще видны в лесу, находившаяся менее, чем в 2 километрах от Вулена (332). Там каменные колонны, расписанные красноватым цветом, еще поддерживают землю; но с таким обветшанием сегодня пробраться в нее можно только ползком, преодолевая в этой темной обители корни деревьев. Вход в нее готической архитектуры и соответствует внутреннему стилю, не позволяя усомниться, что она принадлежала во времена расцвета великому приорству Вулена.

Другое прибежище — маленький храм, расположенный приблизительно на одинаковом расстоянии от картезианского монастыря Люньи (Lugny) и этого места (333), возвышающийся в прохладном и живописном уединении и возведенный в прошлом рыцарями, жившими в приорстве Вулена, о чем свидетельствует крестом их ордена. Они отказались от храма позднее в пользу монахов из Люньи, и последние, таким образом, приобрели место для духовных упражнений и прогулок, почему и дали ему имя *Куррери (Courrerie)* в подражание монахам из великого Шартрёза Дофинэ, в котором *Куррери* это маленькая часовня, построенная на некотором удалении от монастыря на дороге из *Сапея (Sapey)* в Гренобль (334). Под этим маленьким

храмом вблизи Люньи находится крипта или подземная церковь, предназначавшаяся для потаенных посвящений.

Мне остается немного рассказать о других важных местах.

Неподалеку от Эссаруа (335), в западном направлении от поселка и на расстоянии менее 2 километров, встречается, вверх по течению небольшого ручья, нечто подобное цирку (336), эллипс которого занимает прекрасный источник с падающей каскадами водой (337). Это уединенное и одичавшее урочище, столь подходящее для мистерий и суеверий всех эпох (338), несомненно, в Средневековье было свидетелем каких-то собраний или посвящений рыцарей из Вулена: таково влияние мест, дававших приют уже античным верованиям и суевериям и обладавших притягательной силой для ведомых к тайне людей. Как бы то ни было, оно расположено в непосредственной близости от родника *Кав* (de la *Cave*) и принадлежит господину графу де Шастенэ: отсюда совсем недалеко до места, где обнаружили при определенных обстоятельствах шкатулку (339).

Недалеко от места обнаружения шкатулки некогда стояла часовня, называвшаяся *Капеллой Святого Сира (Chapelle de St-Cyr)*. Следы от нее еще видны на возвышенности около Шателлено (Chatellenot), деревни, находящейся на небольшом удалении от Эссаруа (340); между прочим, скульптурный образ Святого Сира до сих пор в большом почтении в этом крае. Спорная часовня была отдана тамплиерам из Бюра Бенселеном д'Апреем (Bencelin d'Aprey) в 1189 году (341). Это место таинственных источников ла Кава (342) является как бы срединной точкой между *Бюром*, где с 1120 года основывается первое учреждение тамплиеров Франции (343), и Вуленом, штаб-квартирой одного из могущественнейших приорств ордена. Именно по причине важности вышеупомянутого великого приорства, я прилагаю в продолжение своего труда статистические данные о всех главных домах или прецепториях Франции, восходящих к Вулену. Думаю, что региональная историография мне будет за это благодарна.

К тому же, уединенное место, где обнаружили находку, было благоприятнее всякого другого для сокрытия от народного недоверия или от направленных против ордена ожесточенных преследований и дознаний столь обвиняющего свидетельства, каковым являлась шкатулка. Прецептории и главные командорства, в которых проводились великие капитулы, несомненно, позаботились укрыть в тайных местах поставленные в вину тамплиерам идолы и даже их уничтожить; находка оказалась своевременной: в Неизданных документах

есть доказательство, что было известно о пятидесяти восьми головах или идолах (344).

Разве удивительно, что крупное приорство Вулена обладало одной из этих голов или *манихейских идолов*, хранившейся в шкатулке того же самого происхождения? Из свидетельских показаний рыцарей видно, что идолы были, в общем, небольшими, чтобы их можно было легче спрятать из виду (345). Тем не менее, вопрос об идоле приорства не составляет проблемы, поскольку сам идол мы видим на одном из барельефов шкатулки.

Разве удивительно то, что в первые годы XIII века, когда крестоносцы, после взятия Константинополя в 1204 году, привезли в Европу разные виды рукописей, произведений искусства и археологических раритетов (346), тамплиеры могли передать для одного из изначальных приорств Франции предмет, являвшийся драгоценным не только по своему исполнению, но и благодаря тайным доктринам сообщества Храма? Вещь настолько очевидная, что в глубине своего сознания я ее рассматриваю намного выше простой гипотезы. По всему Востоку в XII веке правил чувственный и самый извращенный мистицизм (347). С другой стороны, расколы всех видов, жаркие распри о двух естествах Иисуса Христа, распространение манихейства, пример друзов и гашишинов, множество причин, наконец, неизбежно воздействовали на воображение наших рыцарей (348); и всякий приходит к мысли, что как только проявились их могущество и влияние, они, как и два вышеупомянутых мной сообщества, пожелали иметь собственные посвящения и мистерии, и тогда манихейство, естественным образом, преподнесло им себя, составив их сущность.

Но древность шкатулки доказывает никак не смягченное западной примесью манихейство, представленное здесь, а чистое манихейство или катарство Святого Августина; на это, как мне представляется, читатель должен обратить особое внимание без всякой задней мысли, если он читал меня смело и терпеливо. Другой знак определенной древности шкатулки и всех ее аналогов это присутствие креста Ансаты, гностического ключа или креста из трех ветвей и, в высшей степени, античного, египетского, гностического и александрийского символа (349), о котором никто не знал на Западе и после XII столетия. Этот символ представлен в избытке на другой шкатулке, найденной в Вольтерре (Volterra) в Тоскане: ее соответствие со шкатулкой из Эссаруа поразительна как по мистериям, так и по арабской надписи, являющейся той же самой, только с определенной перестановкой

слов. Тосканская шкатулка также составляет часть кабинета господина герцога де Блакаса.

Наконец, последний признак установленного древнего символизма нашей шкатулки из Эссаруа — ее гностический характер благодаря валентинианской огдоаде, проявляющейся во всех лицах (350). Итак, насколько известно, проблема о подобном характере памятников периода, последующего за Крестовыми Походами, не стоит.

Какой бы ни была рука, создавшая шкатулку из Эссаруа (351), можно утверждать, что концепция предмета полностью восточная и отмечает время торжества и вольности ереси, мистерию и живые догмы которой он представляет. Это эпоха XII и XIII веков (352), когда у манихейства были развязаны руки на Востоке и, в частности, в Сирии, о чем я говорил по ходу своего произведения. Тогда корпорации художников, архитекторов и рабочих, являвшихся великими декораторами XIII века, начали приходить к нам с Востока; тогда они сообщали камню (353) сатирическую и гримасничающую жизнь, смотрящуюся на наших христианских базиликах как сарказм побежденного язычества. Конечно, художники с Востока приносили и воспроизводили в своем труде определенные вещи из символизма манихейского гнозиса, властвовавшего над всеми умами эпохи как в Европе, так и в Азии.

И хотя ветхость обломала углы и не обошла фигуры нашей шкатулки, но гармония ансамбля, движение персонажей, строгая форма христианского алтаря (354), впечатление которого она производит, все в этом маленьком историческом памятнике дышит греческим искусством, предшествующим эпохе Крестовых Походов (355). Однако еще неловкие европейские копиисты, вдохновившиеся порывом XII столетия, не могли в совершенстве исполнить детали и слепки фигур, движущихся на барельефах. Если исследовать эти фигуры, то обнаружишь, что их характер, безусловно, отражает начало XIII столетия (356). Я сам был поражен аналогией изображений шкатулки с фигурами, отображенными на самых древних сюжетах старой базилики Везелэ; и господин фон Гаммер отмечает подобную тождественность со скульптурами самых древних церквей Франции — Монморийона и Святого Креста в Бордо (357). Наконец, совершенные аналогии, встречаемые мной в коллекции Дюзоммерара, развеяли все мои сомнения (358).

Завершая эту долгую и кропотливую работу, я не могу не выразить своего почтения к ученой и справедливой точке зрения знаменито-

го востоковеда господина фон Гаммера на бафометические идолы и поблагодарить его за сведения, которые он пожелал мне передать в своей благосклонной корреспонденции. Насколько фон Гаммер не смог бы устоять, если бы ему как мне стало известно место обнаружения шкатулки, чтобы придать поначалу кратко изложенной гипотезе всю силу, которую она сумела бы, бесспорно, почерпнуть в новой ситуации и в развитии, куда ее могли бы привести ученые исследования. Вне всякого сомнения, поставленная мной задача несоразмерна моим способностям, но убеждения вдохновляют смелость и благодаря им я продолжал двигаться дальше. Первая истина для меня проистекала из собственных исследований: если можно говорить, что шкатулка разоблачает мистерии посвящения Ордена Храма, то можно и сказать, что эти самые мистерии разъясняют смысл фигур и арабской надписи шкатулки. Более важная истина родилась для меня в продолжение моих исследований о родстве сект, доктрин и сообществ: она о манихействе Ордена Храма. Я смог доказать, что эти разнообразные элементы связываются и согласуются с неизданными документами по истории Франции; и я постарался изложить происхождение и развитие отмеченных элементов.

Больше речь не идет о смутной нерешенной виновности и неразъясненных мерзостях, как утверждается повсюду: дело касается великой и глубокой ереси, существовавшей только в сердце сообщества, пусть в тайне и в омерзительных обязанностях его членов. Надеюсь, что справедливостью воздастся моей беспристрастности в этом великом и тяжелом вопросе, поставленном мной на абсолютно новую почву. Я настолько питал почтение к обвиняемым, следуя твердым шагом к истине, что, вероятно, меньше им навредил, чем многие апологеты тамплиеров.

Господин Ленорман в одном из своих произведений дал мне и другим наставление в необходимых для развития исторической науки любознательности и упорстве (359); в совсем недавнем обстоятельстве он показал столь редкий союз уважения и справедливости к доктрине, противоположной своей; в то же время он мог научить меня страшиться его красноречия (360) и чувствовать свою ущербность даже тогда, когда мои убеждения настолько же живы и глубоки, насколько и его.

И все же справедливость Ленормана подвигло его оставить вопрос нерешенным. Я доказал (361), что власть никоим образом не обогатилась от трофеев Ордена Храма; и действительно, по признанию само-

го Ленормана, современников Филиппа Красивого вряд ли поразил бы такой род обвинения. Знаменитый академик еще признался, что выводы, сделанные мной о фигурах и арабской надписи на шкатулке из Эссаруа, достигли одобрения серьезных умов. Я люблю говорить, что просвещенная и лояльная критика для меня ценнее всякой похвалы: слишком мало чести предпринимать новые усилия для борьбы в столь выдающемся споре.

На протяжении этого долгого и тернистого труда, вместо того, чтобы примкнуть к одной из партий историков, я пошел по свободному и независимому пути. С тех пор не доверяю обвинителям пап или королей, укорявших и меня в пристрастности. И действительно, до настоящего времени вопрос решался на их разногласии: одни писатели представляются устаревшими отголосками лиги, образовавшейся против Филиппа Красивого в 1314 году, тогда как другие ядовито пишут теми же самыми чернилами, которыми писали флорентийские перья по случаю переноса Святого Престола в Авиньон (362). С моральной точки зрения первая вещь противоречит моему здравомыслию: это означало бы рассматривать короля, папу, множество свидетелей и триста епископов Вьенского собора исключительно как палачей.

Климент V возбудил дело и, если по-человечески взглянуть на вещи, в его интересах было поддержать могущественный орден, находившийся в ведении католического суверенитета и способный уравновесить королевскую власть. Последний великий магистр Ж. де Моле об этом хорошо знал и категорично взывал к папе перед королевскими комиссарами (363). Какое же препятствие остановило Климента V, когда обвиняемые ходатайствовали перед ним, как перед своим естественным судьей. Какое препятствие? Я скажу вам. Тождественность посвящений тамплиеров с тем, что знали о *катарах*, должно было привлечь внимание Святого Престола. Неужели, в действительности, бывшее тайной для несведущих оставалась ей и для Римской курии, менее столетия назад поднявшей Крестовый Поход против тех же самых совершаемых альбигойцами практик (364)? По моему убеждению, когда в 1307 году папа покинул тамплиеров, речь еще об этом не шла: впоследствии благодаря допросам и многочисленным обвинениям раскрывается очевидность того, что орден запятнал себя манихейством. Страшная тайна, однажды открытая Климентом V, не могла отменить решений его предшественников — пап Александра, Луки и Иннокентия; более того, Вьенский собор в Дофине 1312 года,

провозгласивший упразднение тамплиеров, не смог отменить решений Латеранского собора от 1179 года, Веронского собора от 1184 года и, наконец, собора в Монпелье от 1215 года (365). Своими совершенно понятными предосторожностями Римская курия не хотела предавать огласке собственные подозрения; но их для истории подтверждает внезапное безразличие папы после того, как особое расследование, производившееся папскими легатами и независимое от расследования агентов Филиппа Красивого, было завершено. Известно, что Рим не отменяет своих решений: сие составляло, составляет и будет во все времена составлять силу католицизма.

Бедный каменный скульптурный предмет меня научил многим тайнам, о которых я не имел ни малейшего представления, когда с радостью читал более или менее пылких историков и особенно прекрасную трагедию Райнуара, пленившую мое воображение и мою юность. Я исследовал самый темный и самый сложный вопрос нашей истории в холодной и мирной компании этого камня: быть может, он — сфинкс, обязанный говорить истину проходящим.

КОНЕЦ МОНОГРАФИИ

---

(1) Первая часть моего труда о тамплиерах, на которую я ссылаюсь в начале своей Монографии о шкатулке, должна рассматриваться как независимая от этой монографии, пусть, впрочем, она и является ее сжатым изложением, опубликованным мной в мемуарах комиссии древностей Кот-д'Ора в 1850-1851 гг. Следовательно, читатель может рассматривать в качестве единого целого только два последних опубликованных мной произведения: Монография о шкатулке герцога де Блакаса и Продолжение монографии...

(2) Он жил во времена Калигулы, поскольку около 40 года от Рождества Христова он был послан в Рим александрийскими евреями, чтобы ходатайствовать перед императором о римском гражданском праве в пользу своего народа.

(3) Филон уже внес изменение. Эта Σοφία соответствует Логосу (греч.) Платона.

(4) Philon., de Temulentia, p. 244.

(5) Именно гению Манеса было обязано своим происхождением это событие.

(6) Плутарх, *de Procreatione animae*.

(7) Гармония рассматривалась как дочь небес, ибо планеты, вращаясь в своих сферах, издают гармоничные звуки. В их числе даже находили семь тонов музыки; материя, напротив, рассматривалась в качестве нестройной,

поскольку Филон ее называет ἀσυμφωνίας μεστή, полной какофонии (de Opificio mundi, p. 4).

Плутарх в трактате о музыке (с. 68) выражает то же самое благодаря перу переводчика Амио: «Пифагор, Архит, Платон и все другие древние мудрецы считали, что движения небес и обращение светил не происходят без музыки, ведь они говорили, что Бог создал все вещи в созвучии и гармонии».

(8) Plotin, Enneades, V, IV, 2; et VI, VIII, 17.

(9) Matter, первое издание, t. I, p. 198.

(10) Id., p. 278.

(11) См. Монографию, ч. I. ***

(12) См. там же и Matter, ib. p. 310, 315. — Pluquet. ***

(13) Этим выражением Маттер, несомненно, хотел сказать, что эоны или эманации были мужскими и женскими, то есть в них заключались сами по себе активное и пассивное начала.

Доктрина Плотина по отношению к эманациям, по словам одного писателя, представляет собой изображение солнца, излучающего свои лучи, но ничего не теряющего в своей субстанции, или сосуд, который течет в переполненном состоянии, оставаясь, тем не менее, всегда наполненным. Бог Отец сообщает свою собственную субстанцию, ничего не теряя в своей личности (Histoire de l'ec. d'Alex. par Simon, t. 1, p. 373).

(14) Любопытно заметить, что изображение светящихся солнца и луны присутствуют на каждой из сторон МЕТЕ на шкатулке из Эссаруа.

(15) Необходимо, по словам Плотина (Enneade V, II, 2) представлять себе универсальную жизнь как линию огромной протяженности, на которой каждое существо занимает точку, порождающую существо, порожденное предшествующим существом, и всегда различное, но не отделимое от производящего существа.

Другой атлет неоплатонической александрийской школы *Прокл* говорил, что *интеллигибельный* мир образует непрерывную цепь существ, иерархически расположенных, и в этой цепи всякое предшествующее существо порождает всегда существо, которое непосредственно следует за ним (Vacherot, Hist. crit. de l'ec. d'Alex., t. II, p. 278).

(16) Древние язычники, как говорит аббат Миньо (Mignot) (Memoires de l'Acad. des des inscr., t. XXXIV, p. 127) никогда не уточняли род или пол своих божеств: они рассматривали их как бы общего рода, они их наделяли безразлично мужскими или женскими чертами.

В Амафонте признаки незапамятной древности оставляют проявляться изначально андрогинному характеру Венеры. Изображение из Амафонта предстает перед глазами *бородатой женщиной* со всеми чертами гермафродитизма (Biog. univ., partie myth., art. Venus).

Дальше мы увидим, что *Саклас* или *Неброт* у манихеев соединял в одном и том же андрогинном персонаже активное и пассивное начала.

Эти идеи овладевали даже ревностными христианами вплоть до епископов. Так, епископ Птолемаиды Синезий, уступая в V столетии египетским философским идеям, воскликнул в поэтическом воодушевлении, обращаясь к Богу:

«Ты — корень и начало всех вещей прошлых, настоящих и будущих; Ты — корень всего сущего; Ты — отец; Ты — мать; Ты — *мужское* и *женское*».

Synes., hymn. II, 90; Memoires de l'Acad. des inscr., t. XXX, p. 235; Beausobre, t. I, p. 582.

(17) Эта эманация или *излучение* (именно последнее слово мы находим в Эннеадах) является еще и концепцией александрийской школы:

«Премудрость, — говорит Филон, — пребывает выше неба и оттуда, не выходя из своего покоя, она *излучается* в чувственный мир посредством души, которая принимает впечатление идеи и передает ее всему тому, что за ней следует» (Vacherot, loc. cit., p. 476).

(18) «Virtus ex quadam Prunica virgine manans» .

(19) Origene, I, c. 34. Плотин в совершенно поэтическом изображении представляет эту вторую душу, эту человеческую душу, падающей на землю со сломанными крыльями, потому что она больше не может удержаться в небе (Enneades, IV, III, 7).

(20) См. Matter, второе издание, t. II, p. 130.

(21) Здесь собственные выражения маркионитов, сектантов, согласно которым Иисус Христос является чистым духом и его деяния по отношению к человечеству были только видимостью. См. прим. 60 к главе «Разыскания о происхождении отречения, выраженного в надписи на шкатулке словом tanker и пр.; О значимости латинского эпитета germinans» части I Монографии.

(22) Плотин, Περὶ κάλλους. Vacherot, loc. cit., p. 93. (Стр. 6)

(23) Matter. Hist. du Gnost., 1828, t. II, p. 177, 179, 212, 231, 425.

(24) Среди этих первых сект нужно выделить офитов, каинитов, николаитов и адамитов, которые отличались друг от друга только по названию.

(25) См. об ассассинах. Монография, часть I, глава «Разыскания о происхождении отречения, выраженного в надписи на шкатулке словом tanker и пр.; о значимости латинского эпитета germinans».

(26) Это неприятие возникало в разных формах, и как мне досадно от него. Один говорил с уверенным авторитетом: «Да, эта шкатулка, очевидно, из эпохи Генриха IV» . И многие ему аплодировали, что всегда делается по отношению к книгам и произведениям другого. «Впрочем, господин совершенно прав, — добавлял умный человек из меньшинства слушателей, — ибо вот на крышке шкатулки портрет Марии Медичи».

(27) *Агапиты* — секта, произошедшая от Карпократа — называли душу или премудрость *Агапэ*. Представляется, что одна образованная испанка с таким именем, основала эту школу под влиянием Марка Египтянина (См. Sulp. Sever., Hist. sac., lib. II, c. 46). Тот же историк добавляет, что Маркус являлся учеником Манеса. Агапэ увлекла с собой ритора Гельпидия и позднее знаменитого Присциллия: «In Hispania Agape Helpidium mulier virum caecum caeca duxit in foveam, successoremque sui habuit Priscillianum» (Hieronym. Epist. Ad Ctesiph).

Апеллес, ученик Маркиона, давал душе или ПРЕМУДРОСТИ имя Филомены, поскольку так звалась его избранница, разделявшая его ложную доктрину. Женщины преобладали в манихейских мистериях и посвящениях.

Так, около 404 года одна манихейка из Антиохии по имени Юлия пришла с несколькими другими в Газу, где совратила разных людей своими рассуждениями и, как добавляет Тиллемон, еще больше своими деньгами (Till., Memoires eccl., t. IV, p. 405; Bolland., 26 feb., p. 658).

(28) Theodoret, Haeret. fab., lib. I, c. 7.

(29) St. Epiphanius, Haeres., 31, c. 18.

(30) Matter, первое издание, t. I, p. 171.

(31) Theodoret, Haeret., lib. I, c. 7.

(32) *Пруника* спустилась в воды, которые укрыли ее массой материи, но когда она пожелала подняться на небо, то не смогла этого сделать из-за тяжести материи, остановившей ее взлет (Beausobre, t. II, p. 326). Вот уж точно очень удачное заимствование в греческой мифологии.

(33) Гностики, по словам Маттера, имели три своих главных средоточия: Сирия, Египет и Малая Азия (первое издание, t. I, p. 323).

(34) St. Epiphanius, Haeret., 29, c. 1; Matter, 1re division, t. II, p. 327.

(35) «Ore sed non corde», как говорят все свидетельские показания неизданных документов.

(36) Тот, который желает (Dict. de la Bible). Премудрость проявлялась также под одним из собственных свойств, к примеру *воля*. «Masculam vero virginem quam lucis filiam dicunt et *Joel* nominant »(Theodoret, Haeret. fab., c. 26).

(37) В греческом языке μῆτις или μῆτος обозначает премудрость, мудрость, благоразумие и пр. (Стр. 10)

(38) Haeres. XXVI, c. 16.

(39) Matter, первое издание, t. II, p. 281.

(40) По греческой мифологии МНТІΣ, самая благоразумная из богинь, была первой женой Юпитера; но этот бог, изучив судьбу, что сын МНТІΣ его однажды низложит, пожрал ее. После чего он сам породил Минерву, вышедшую из его мозга (см. словарь Chaumpré на слово МНТІΣ). Это карпократианский миф, о котором говорят Святой Епифаний и Святой Климент Александрийский. Вот текст первого из них в переводе отца Пето:

«Nam et a poetis Metin (MHTIN) (quam prudentiam apellare possis) filiam suam absorbens introductus est Jupiter. Nemo porro infantem absorbeat; quemadmodum sanctus Clemens, cum deorum qui a Graecis turpitudinem deridet. Quod enim devorasse Metin dicitur, non de infante ullo, sed de *proprio semine par est intelligi*».

(41) Он учил, что чистый хаос может рассматриваться как первое начало; что из хаоса выходит Эреб и ночь, то есть *монада* и *диада*, или конечное и бесконечное; что Эреб и ночь порождают в своем союзе эфир, любовь и METIS, означающую разумную триаду (Vacherot, Hist. crit. de l'ec. d'Alex., t. II, p. 393). Поистине, в этих сопоставлениях любопытно наблюдать, в сколь экстравагантные трансформации философы разных времен втягивали свою метафизику.

(42) Плутарх, de Isi et Osiri, c. 56.

(43) Плутарх, De Isi et Osiri, c. 37. Вот фрагмент в переводе Амио: «Египтяне говорят, что Изис, которая не что иное, как зарождение, возлежит с Озирисом;

тем не менее, они называют луну матерью мира и говорят, что она двойной природы, мужской и женской. *Женской*, поскольку она наполнена и беременна светом солнца; *мужской*, поскольку она вбрасывает в воздух и распространяет в нем начала зарождения».

В главе 31 того же самого трактата Плутарх говорит: «Всякое начало зарождения умножается в самом себе».

Две вещи проистекают из этих фрагментов: с одной стороны, комплексный союз активной и пассивной силы в едином божественном существе; с другой, — вся система эманаций, заимствованная валентинианской школой в Египте.

(44) На самом деле имя Изиды было дано египтянами луне. Озирис сделал земледелие почетным в Эфиопии, и во время его великих цивилизаторских завоеваний в сообществе Пана и Триптолема, вопросами управления мудро распоряжалась Изида с их советником Гермесом. И для того, чтобы почитать память *Озириса* и *Изиды*, египтяне дали эти знаменитые имена солнцу и луне (см. Диодор Сицилийский, книга I).

(45) «*Achamot* eamdem insuper Matrem et Ogdoadem vocant, et Sapientiam, et TERRAM et Hierusalem, et Spiritum Sanctum, et masculo genere Dominum» (St Epiph., Haeres., 31, c. 18).

(46) St Epiph., Haeres., 34, c. 7; Beausobre, t. I, p. 422.

(47) Τῆς ἄνω ὀγδοάδος τὸ ἀπέραντον, καὶ αἰώνιον, καὶ ἀόριστον, καὶ ἄχρονον (St. Epiph., loc. cit.) (Стр. 12)

(48) Смотреть таблицу рядом с изображением крышки шкатулки. Совершенно обоснованно в самом начале монографии я вменил художнику-иллюстратору упущение бороды в литографиях Воспоминания от 1832 года, представляющих андрогинный эон МЕТЕ: исходя из признания, которое оказал честь довести до меня сам барон фон Гаммер, знаменитый ориенталист не принимал ни малейшего участия в этих литографиях.

«Я не имею никакого отношения к упущению бороды в литографиях господина грецога де Блакаса, — сообщает мне барон фон Гаммер в письме из Доблинца под Веной, датированном 2 июля 1852 года, — я не знаю, что его заставило это сделать, ведь я получил Воспоминание с литографиями из рук господина герцога в Милане».

В действительности, абсолютно очевидно, что господин фон Гаммер, прекрасно воспроизведший в своих Копях Востока андрогинизм фигур, совершенно идентичных изображениям на нашей шкатулке, никак не смог бы упустить ту же самую черту в литографиях Воспоминания от 1832 года, если бы руководил этим делом.

(49) Плутарх, de Isi et Osiri, c. 55.

(50) L'abbé Batteux, Histoire des Cause premieres, p. 76.

(51) Описание мусульманских памятников кабинета господина герцога де Блакаса, т. II, стр. 241. См. также Montfaucon, Antiq. expl., t. II, part. II, pl. 160, 169.

(52) См. Luciani ed. Hemsterhuii, t. I, p. 729, 730.

(53) На шкатулке из Эссаруа три соединенных треугольника и 5 сторон пентаграммы образуют *Огдоаду*.

(54) Плутарх, О сотворении вселенской души, согласно Тимею Платона (с. 19).

(55) Tertull., adv. Valent., I, c. 1; Theodoret., Haeret. fab., de *Archonticis*. Эта секта, по словам, Плюке появилась около 160 года при императоре Антонине Пие.

(56) Эти еретики конца XI столетия, по сообщению Dictionnaire des origines, приписывали творение мира разумным силам, подчиненным Богу, которых они называли *архонтами*. Сверх того, они отвергали исповедь и причастие, другие таинства, воскресение тел и предавались всяким наслаждениям. Та же самая секта под более общим именем *николаитов* возродилась около около 852 года и к началу XI столетия при понтификате папы Урбана II. Собор в Пьяченце в Ломбардии, проводившийся в чистом поле под руководством папы в 1095 году, на котором присутствовало двести епископов, более четыре тысячи клириков и тридцать тысяч мирян, осудил эту секту (Искусство сверять даты).

(57) St Aug., de Haeres., 20; St Epiph., Haeres., 40.

(58) См. Pluquet на слово Héracléon; St Epiph., Heres., 36.

Гераклеон (Гераклион), как говорит Matter (второе издание, т. II, стр. 113), жил при Марке Аврелии и являлся одним из учеников Валентина, приобретшего наибольшую славу в Александрии.

(59) Beausobre (т. II, стр. 125) устанавливает те же самые взаимосвязи.

(60) Нельзя смешивать этого Оригена, названного *Адамантием*, *Адамантином* (значит, естества или твердости алмаза) с Оригеном Нечестивым или *Адамитом*, который завещал своим бесчестным ученикам имя *оригениан* или *оригенитов*. Ориген Адамантий был назван так в честь своей неутомимой усидчивости в работе, как юные однокашники Боссюэ пародировали имя последнего: Bos suetus aratro (Вол, привыкший к плугу).

(61) Origen., lib. 6, c. 28, p. 294, edit. Spencer.

Василидиане показывали свою большую распущенность уже во времена Порфирия и Епифания (см. St. Epiph., Haeres., 25; Porphyr., de Abst. Carn., I, c. 40).

(62) Daneum in Aug. de Haeres., c. 31; Bayle, à art. Adamites.

(63) См. Моног., часть I, о маркионитах.

(64) St Aug., de Haeres., 46.

(65) Memoire eccl. de Tillemont, t. IV, p. 367; St Aug., loc. cit.

(66) Поскольку секта *маркионитов* не так важна, то стоит опасаться заблуждения распространенности имен, нужно четко различать *маркосиан* от *маркионитов*.

Было два ересиарха по имени *Маркус*: первый во II столетии, о котором говорят Святой Ириней (*Contra Haeres.*, ed. 1710, p. 51, § 73), Сульпиций Север (lib. 2 de Hist. sac., c. 60) и Исидор (lib. De Script. eccles.); второй происходил из Египта и в IV веке пришел в Испанию основать секту агапитов или присциллиан (Matter, второе издание, t. II, p. 295; Святой Ириней, op. cit.) Святой Иероним их путал (Comm. ad Isaiam, 44). Другие, и Маттер в числе этих последних, указывали на третьего *Маркуса*, который вместе

с Луканом и Апеллесом являлся одним из наиболее замечательных сторонников *Маркиона*, сектанта самого большого влияния во II веке. Этот третий *Маркус*, согласно Маттеру, был учеником *Валентина* и наиболее достоин внимания. Плюке и некоторые видные исследователи ересей признавали только двух *Маркусов*: одного, которого они называют *валентинианином*, и другого — *Мага*, чтобы, несомненно, подчеркнуть тесные отношения его доктрины с учением Манеса. Таким образом, Святой Ириней признавал лишь двух Маркусов, с которыми он связывает гераклеонитов, сектантов, зависевших, по его мнению, от валентиниан. Я согласен с этой точкой зрения и рассматриваю *Маркуса Валентинианина* как того же самого *Маркуса Маркионита*.

Школа Маркиона, будучи наименее удаленной от христианства, смутила больше всего христиан, ибо, вместо того, чтобы дополнять христианство при помощи доктрин Египта, Греции и Персии, Маркион выставлял напоказ преимущество христианства; он говорил, что иудаизм был *образом*, а христианство является *вещью* (Matter, второе издание, t. II, p. 234, 289). По ходу этого труда, по словам Бособра (t. I, p. 125), становится видно, как теология манихеев согласовывалась с учением Маркиона.

(67) Манихеи признавали две души в одном индивиде: одну добрую, другую — злую, которая, тем не менее, со-вечна Богу, хотя и произведена началом тьмы (St. Augustin, de duabus Animabus, contr. Manich). Валентиниане также говорили, что есть добрые и злые души; однако они добавляли, что добрые души были способны на семя, тогда как злые всегда его лишены (St Irenaeus, contr. Haeres., dissert. Praev., ed. de 1710, p. 45, c. 73). Позже мы увидим как манихеи превзошли валентиниан.

(68) Beaus., t. II, p. 394.

(69) St Aug., cont. Faust., lib. 21, c. 28.

(70) St Aug., de duab. Anim.

(71) Id., cont. Faust., loc. cit.

(72) См. Плюке на слово Карпократ. См. также Маттера.

(73) Николаиты заходили здесь насколько возможно далеко, как видно из следующего фрагмента: «Sunt qui, inter Nicolaitas, publicam venerem pronuntiant mysticam communionem» (Clem. Alex., Strom, lib. 3, p. 436).

(74) См. Maimbourg, Hist. du Pontificat de St Leon le Grand, p. 18.

(75) Василидиане разделяли своих приверженцев на психиков и гиликов. Matter, первое издание, t. 2, p. 97.

(76) St Aug., contra Faustum, lib. 20.

(77) В системе Манеса, по словам Маттера, добрый Бог имеет в качестве символа свет, а злой Бог — тьму. Первое издание, t. 2, p. 358.

(78) Итак, этот дуализм образует лишь одно, и Отцы в нем изобретательно названы Θεὸν καὶ Ὕλην, Богом и материей (Theodoret, Haeretic. Fabul.; Epiph., Haeres., 16, c. 14). (Стр. 19)

(79) Aug., contr. Faust., lib. 21.

(80) Contra Epistolam Manichaei quam vocant Fundamenti, lib. Unus, 19, XV. St Aug., edition Gaume, pars prior, p. 280.

(81) Эти пять чумных земель являются только аллегорией пяти элементов, которых признавал Манес.

(82) Theodoret, Haeretic. Fab.; St Epiph., Haeres., 46, c. 14.

(83) Contra Faustum, lib. 13, c. 6.

(84) Манихеи представляли первого человека, вооруженным пятью элементами: воздухом, светом, огнем, водой и ветром; с которыми он вместе борется против пяти других элементов: дыма, тьмы, злого огня, злой воды и злого ветра. В этой борьбе воздух смешивается с дымом, свет с тьмой, а другие добрые элементы смешиваются с другими злыми (St Aug., de Haeres., 46).

«Ad gentem tenebrarum debellandum, de lucis gente descendit armstum aquis suis contra inimicorum aquas, et igne suo contra inimicorum ignem, et ventis suis contra inimicorum ventos» (Id., contra Faust., lib. 2, c. 3).

(85) Id., ib.

(86) «Unde et ista sacrilega deliramenta vos cogunt in coelo atque in omnibus stellis, sed etiam in terra atque in omnibus quae nascuntur in ea confixum et colligatum atque concretum Christum dicere *non jam salvator vestrum, sed a vobis salvandum*, etc. » (id., lib. 2, c. 5).

(87) Святой Епифаний, Haeres., 31, c. 18, фрагмент, уже неоднократно цитировавшийся в этом произведении.

(88) «Virtutem quidem Christi in sole habitare credimus, sapientiam vero in luna» (St Aug., contra Faust., lib. 20, c. 2).

(89) Id., ibid. Во II столетии гностик *Марк* подменил Троицу *Кватернером* (Dict. de Bouillet). Плюке был прав, говоря, что валентиниане раньше Манеса попытались искусно примирить господствующие принципы пифагорейства или другие с христианством, ибо, как замечает Святой Ириней (lib. 3, p. 191, edition de 1710), Бог четырежды торжественно общался с людьми: впервые с Адамом, во второй раз с Ноем, в третий — с Моисеем, чтобы вдохновить своим возвышенным законодательством, и в четвертый раз со Христом, чтобы в Нем самом подвести итог и возродить человека, подняв его к царству небесному. Более того, есть четыре евангелиста; четыре освященных *Писанием* животных (Откровение Святого Иоанна Богослова, Глава IV, стих 7): первое, подобное *льву*, есть изображение благородного достоинства и господства; второе, подобное *волу*, есть изображение жертвоприношений и рукоположения в священнический сан; третье, подобное *человеку*, есть природное изображение человечества; и, наконец, четвертое, подобное *орлу*, есть дух, устремляющийся к Церкви.

(90) St Aug., loc. cit., ch. 7. Маркус называл Иисуса Христа Верховной Тетрадой (см. Морография, первая часть, о Маркусе и маркосианах).

(91) В мистериях манихейства *страждущий Христос* это жизнь или материальная организация.

(92) Нужно хорошо обратить внимание на этот фрагмент Святого Августина (de Natura boni, contra Manich., c. 44): «In omnibus seminibus arborum, herbarum, hominum, animalium».

(93) «Ubique turpi conditione permixtus, in capro inflammatur, in capro seminatur, in hoede generatur. — In omnibus meretricibus prostituitur, in omnibus

denique maribus ac feminis late varieque fornicantibus et sese corrumpentibus volutatur, solvitur, illigatur, rursus in eorum fetibus volutandus, solvendus, ligandus, donec ad ultimum globum pars immundissima Dei vestri tanquam inexpiabilis meretrix perducatur» (St Aug., cont. Faust., lib. 22, c. 98).

(94) St Aug., cont. Faust., lib. 20, cap. XI.

В другом месте он говорит еще Фавсту, своему манихейскому сопернику:

«Vos autem cum carnem Christi virginale utero committere horretis, *ipsam divinitatem Dei non tantum hominum, sed et canum porcorumque uteris commisistis*! etc. Et ipsam Dei partem, divinamque naturam, in omnium hominum ac bestiarum *masculis seminibus et femine uteris*, in omnibus conceptibus, per omnes terras et per omnes aquas, et per omnes auras ligari, opprimi, coinquinari, et nec totam postea liberari posse praedicatis!» (St Aug., cont. Faust, 20, c. XI).

(95) «Concipientem de Spiritu sancto dicitis terram gignere Patibilem Jesum, quem tamen ita contaminatum, *omni ex ligno pendere* perhibetis in frugibus et pomis, ut innumerabilis animalibus, animalium vescentium carnibus amplius contaminetur» (St Aug., cont. Faust, 20, c. XI).

(96) «Illi dicunt esse naturam mali cui Deus coactus est naturae suae partem dare cruciandam» (id., de Genesi, cont. Manich., lib. 2, c. 29).

(97) «Deinde, cum omnes arbores crucem ipsius esse dicatis, unde a Fausto praedicatur: «Omni suspensus ex ligno» (Id., cont. Faust., lib. 20, c. XI).

(98) «Ita ligatum pollutumque constituunt, ut ex magna, non tamen ex tota parte solvi purgarique non possit nisi et ab *hominibus electis* videlicet Manichaeorum in porris radiculisque ructetur» (St Aug., cont. Faust., lib. 2, c. 5).

Этот фрагмент непроизвольно напоминает о происхождении следующих определенных поговорок и присловий: сделать бога из своей утробы; Бог в помощь и т. д. Есть среди нас особый обычай, который не всегда является признаком дружбы и, быть может, его бы отклонили как неверный и банальный, если бы знали, что он манихейского происхождения. В действительности, когда эти сектанты сходились, то пожимали друг другу руки в знак их избавления от тьмы: «Manichaei quoties invicem occurunt, hujus rei significande gratia mutuo sibi dexteras porrigunt, tanquam a tenebris erepti»(St Epiph., Haeres., 66, c. 25, trad. du P. Petau).

(99) «Ausi sunt dicere quod natura Dei sit aniva» (St Aug., de Genesi, cont. Manich., lib. 2, c. XI; Id., de Haeres., c. 46, ad princip).

(100) «Особое упование, — восклицает Святой Августин, — заключается в одном или нескольких преобразованиях в арбузах, огурцах или другой пище, которую вы, господа избранные, съедите: *ut vestris ructatibus cito purgentur*». Святой Августин шутливо добавляет: «Не должен ли был сказать Господь: *«Esurivi, et dedistis mihi manducare»*; или скорее: *«Esuristis et manducastis me»*. (St Aug., cont Faust., lib. 5, c. 9).

(101) Как не вспомнить фрагмент из Святого Иринея, который здесь я намеренно цитирую: «София это Матерь жизни, это Огдоада, Земля, Иерусалим, Святой Дух, это — *Господь*» («Sophia, hanc autem Matrem et Ogdoadem vocant, et Sophiam, et Terram, et Hierusalem, et Spiritum sanctum, et *Dominum* masculiniter» (St Irenaeus, lib. I, c. 5, § 3).

На эзотерическом языке, по словам Маттера (первое издание, т. 2, стр. 194, № 1), Христос носил также имена *Мужа* и *Правой стороны*; его подруга обозначалась *Человеком-Женой*, *Левой стороной*, Софией-Ахамот и Προυνεικός или Προυνικός; Маттер не раскрывает значение последнего слова, которое можно растолковать как *посланник*, что хорошо соответствует *страждущему Иисусу, посланному в материю*.

(102) Beaus., t. 2, p. 557.

(103) Это я полностью доказал в другом месте.

(104) «Item quod illud idolum *adhorabant* et specialiter in eorum magnis capitulis et *congregationibus*. — Item quod venerabantur. Item quod ut Deum. Item quod ut salvatorem suum. — Item quod aliqui eorum, item quod major pars illorum qui erat in capitulis, item quod dicebant quod illud capud poterat eos salvare. — Item quod divites facere. — Item quod omnes divicias ordinis dabat eis. — *Item quod facit arbores florere. — Item quod terram germinare*, etc» (Collection des doc. in., t. 1, p. 92).

(105) μῆτις или μῆτος по-гречески означает мудрость, премудрость. Известно, как видоизменялся этот миф в своем простом названии, ибо, если верить Бособру, сам *Митра,* согласно толкованию *Пселла*, является высшей ПРЕМУДРОСТЬЮ, названной в прорицаниях *nous* (греч.), mens, в высшей степени дух, который пребывает во главе бессмертных духов как их князь и глава (Beaus., t. 1, p. 563). (Стр. 27)

(106) Вот фрагмент, который я перевел из Святого Августина (de Haeres., 46):

«Они говорят, что обетование Нашего Господа Иисуса Христа, касающееся Святого Духа Утешителя *(Параклет*), было исполнено в личности их ересиарха Манеса. Также этот последний в своих письмах называется апостолом Христа, поскольку Иисус Христос обещал его послать и поместил в нем Святой Дух».

(107) Рассказ Тирбона, переданный у Бособра, t. 1, p. 247.

(108) Буквально по-арабски: *Наше рождение было и меня с семью*.

(109) Дальше мы увидим какие отношения имеют эти и следующие секты с мистериями, воспроизведенными на барельефах.

(110) Эта секта признавала семь небес, каждым из которых ведал один *архонт*. Матерь жизни или верховная матерь, господствовавшая в этой *Огдоаде*, у них называлась *Фотиной*. Архонтом седьмого неба был *Саваоф* (Theodoret, Haeret. fab., lib. I, c. XI, de Archonticis).

(111) Фибиониты в своих отвратительных мистериях, как говорит Святой Епифаний (Haeres., 26, c. 9), призывают 365 имен князей, из которых семь главных: *1-й Йао, 2-й Саклас, князь постыдных страстей, 3-й Сет, 4-й Дад, 5-й Адонай, 6-й Йалдабаоф и 7-й Саваоф. 8-й Барбело* является *создателем и создательницей* неба и земли.

(112) «Age nunc *Matrem illam vitae* videamus quam ab virtute productam affirmat, eamdemque cum primo homine quinque elementa procreasse, quae sunt ex illius opinione v*entus, lux, aqua, ignis et materia*» (St Epiph., Haeres., 66, cap. 45).

(113) St Aug., de Haeres., 46; St Epiph., Haeres., 66; Theodoret, Haeret. fab., c. 26.

(114) St Epiph., Haeres., 66. Поскольку Манес был убежден, что души являются частицами света, он полагал, что бесконечность маленьких звезд, собранных в Млечном пути, являлась бесконечностью чистых душ, образующих, как он называл, *совершенный воздушный* столп (Beaus., t. 2, p. 513).

(115) «Scripsi adhuc presbyter contra Manichaeos de duabus animis quarum dicunt unam partem Dei esse, alteram de gente tenebrarum, etc» (St Aug., de duab. Anim., contra Manich).

(116) Небесный Иисус, как они называют счастливого отца, Высшего Бога, распространяет сверху со своих *больших и великолепных кораблей* (солнце и луна) сияющий свет в помощь и для освобождения божественной субстанции от нечистых пут, которые ее удерживают. Там он постоянно преображает своей невидимой силой воли свои *эманации, достоинства и добродетели* (virtutes luci) в прекрасных мужей или *нагих мальчиков*, чтобы их противопоставить соблазнительным девушкам нации тьмы: «*ut per pulchritudinem suam infamment spurcissimam libidinem principum tenebrarum, et eo modo vitalis substantia, hoc est Deo natura quam dicunt in eorum corporibus ligatam teneri, ex eorum membris per ipsam concupiscentiam relaxatis soluta fugiat, et suscepta vel purgata liberetur*» (St Aug., de Natura bini, cont. Manich., c. 44).

Вот, как сказал Святой Августин, начиная свою главу, что эти несчастные в 7 книге их *Сокровища* или *Страшного писания* разумеют и во что они верят.

В другом месте (de Haeres., c. 46) тот же Святой Августин именует божественные эманации *святыми достоинствами*, и необходимо процитировать этот фрагмент, чтобы он дополнил предыдущий:

«Esse autem in eis navibus sanctas virtutes quae se in masculos transfigurant ut illiciant feminas gentis adversae, et rursus in feminas ut illiciant masculos ejusdem gentis adversae; et, per hanc illecebram, commota eorum concupiscentia, fugiat de illis lumen, quod membris suis permixtum tenebant, et purgandum suscipiatur ab angelis lucis, purgatumque illis navibus imponatur ad regna propria reportandum».

(117) St Aug., de Haeres., 46.

(118) «Quidquid vero undique purgatur luminis per quasdam naves quas esse lunam et solem volunt, regno Dei tanquam propriis sedibus reddi, quas itidem naves de substantia Dei pura perhibent fabricatas» (St Aug., de Haeres., 46).

(119) Заимствование, сделанное здесь Манесом у античной космогонии, вполне очевидно. Мы читаем у Плутарха в переводе Амио («О другой стороне луны»): «Луна является элементом душ, поскольку души расщепляются на ней, как и тела преставившихся расщепляются в земле: Τούτων δὲ Σελήνη τὸ στοιχεῖον ἐστὶ (Стр. 30)

«Самые ученые из египетских жрецов, — добавляет Плутарх (de Isi et Osiri), — говорили, что солнце и луна пребывают никак не внутри колесниц или повозок, но скорее *внутри судов*, с помощью которых *они плывут* вокруг всего мира, давая этим скрыто понять, что они рождены и вскормлены влажностью; считается, что Гомер, наравне с Фалесом, узнал от египтян, что

вода была началом всех вещей и представлял ее так: *Озирис* — это Океан; а *Изида* — Тетис, питающая и кормящая своей грудью весь мир».

Гераклит, по свидетельству того же Плутарха, думал, что солнце и луна представали в форме и образе определенной *лодки*: «Гераклит говорит, что луна как и солнце, обладая формой и образом одной лодки и получая влажные испарения, освещали наш взор: солнце более ясно, поскольку его свет проходит через воздух более чистым и светлым; луна немного смутно, отчего она и кажется более темной» (Plut., Opin. Philosoph, lib. 2, c. 28).

(120) Возвращающиеся на небо души делают остановку сначала на *луне* как на самом близком светиле. После довольно короткого пребывания здесь, они уходят на солнце. Согласно манихеям, луна является как бы местом склада для душ, *плывущих* с земли на небо (de Beaus., t. I, p. 565).

(121) Луна никак не переполняется душами, поскольку, приближаясь к солнцу, спешит их ему передать. Эти души покидают маленький корабль, чтобы взойти на большой.

греч. текст *** (Стр. 31)

Когда луна лишена его света, это признак того, что души, природа которых от *светлого* существа, были выброшены на солнце. На что Святой Афанасий забавно вопрошает: как могло случиться, что луна имела свои фазы роста и убывания в течение 930 лет жизни Адама, но последний, несомненно, умер бы в манихеях только в новолуние? (St Epiph., de Manich. Haeres., 66).

(122) St Aug., de Haeres., c. 46.

(123) Григорий Бар Еврей (Bar Hebraeus), по-другому называемый Альбуфарадж (Dynast., p. 82), излагая доктрину Манеса, говорит: «Этот ересиарх учил, что материя будет мало-помалу лишена всей благой субстанции, что не останется даже ее малейшего следа, и тогда господство зла прекратится».

(124) «Divinas enim virtutes quantum possunt imitari se putant ut purgent Dei sui partem: quam profecto sicut in omnibus corporibus coelestibus et terrestribus atque in omnium rerum seminibus ita et in hominis semine teneri existimant inquinatum. Ac per hoc sequitur eos ut sic eam etiam de semine humano quemadmodum de aliis seminibus quae in alimentis sumunt, debeant manducando purgare.

Qua occasione, vel potius exsecrabilis superstitionis quadam necessitate coguntur electi eorum velut Eucharistiam conspersam cum semine humano sumere ut etiam inde sicut de aliis cibis quos accipiunt, substantia purgetur» (St Aug., de Haeresibus, 46).

(125) Οἱ δώδεκα κυσενῖται, как их называет Святой Епифаний. (Стр. 32)

Эти двенадцать правителей являются теми же самыми, что и *двенадцать членов света Отца*, о котором говорит Манес в Послании об Основании (См. de Beaus., t. I, p. 509).

Представляется, что Манес взял у валентиниан идею двенадцати правителей или управляющих, поскольку в восточной доктрине, изложенной в конце произведений Святого Климента Александрийского, валентинианин

Феодот говорит: Οἱ Ἀπόστολοι, φησί, μετετέθησαν τοῖς δεκαδύο ζῳδίοις· ὡς γὰρ ὑπ' ἐκείνων ἡ γένεσις διοικεῖται, οὕτως ὑπὸ τῶν Ἀποστόλων ἡ ἀναγέννησις ἐφορᾶται (Eclog. Theod. Cap. 26[совр. Exc. ex Theod. 1.25.2]: «Апостолы перемещены к двенадцати к двенадцати знакам зодиака: ибо как ими устрояется порождение, так Апостолы надзирают за возрождением»).

(126) Следующий фрагмент, взятый из рассказа Тирбона епископу Архелаю, очень любопытен, потому что раскрывает священную астрономию манихеев, где колесо, приведенное в движение, является символом обращения сферы, и где двенадцать ведер и двенадцать правителей обозначают, с одной стороны, символы зодиака, а с другой — небесные духи, ими руководящие и распределяющие разнообразные события, которым подвластен мир.

«Когда сущий Отец заметил, что душа была огорчена и угнетена в теле, то исполнился сочувствием и милосердием, послав своего дорогого сына, чтобы ее спасти. Сын явился, *приняв вид человека, и казался подлинным человеком, хотя им совсем не был в действительности, и это заставило поверить, будто он был рожден*. Он установил определенную машину для переноса душ: это колесо, к которому прикреплены двенадцать ведер и которое сфера заставляет вращаться. Оно черпает души мертвых, когда солнце берется своими лучами их очистить и доставить на луну, диск которой они наполняют. Манес рассматривает солнце и луну как корабли, служащие для транспортировки душ, и говорит, что когда вся луна наполнена, то это *судно* плывет к *равноденственному востоку*. Последовательное отправление душ является причиной ущерба луны, которая пребывает в своем *апокризе* или в полном затмении, когда на ней не остается ни одной души. Затем она наполняется новыми душами посредством ведер, которые их черпают и пересаживают, как я уже говорил. Впрочем, Манес утверждает, что всякие души, в том числе и всех животных, участвуют в субстанции Отца».

(Acta disput. Archel., § VIII; St Epiph., Haeres., 66; Beaus., t. 1, p. 243, 248 et t. 2, p. 504, 577).

(127) «Et *Splenditenentem* reliquias eorumdem membrorum Dei vestri habentem in manu, et caetera omnia capta, oppressa, inquinata plangentem» (St Aug., cont. Faust, 20, c. 9).

(128) «Si per coitum masculorum et feminarum ligata pars Dei, quam se manducando salvare et purgare profitentur, cogit eos tam nefandi erroris necessitas, ut non solum de pane et oleribus et pomis, quae sola videntur in manifesto accipere, sed inde etiam solvent et purgent partem Dei, unde per concubitum potest, si feminae utero concepta fuerit, colligari» (St Aug., de Haeres., c. 46).

(129) «Unde etiam Catharistae appellantur quasi purgatores, tanta eam (Dei partem) purgantes dilligentia, ut se nec ab hac tam horrenda cibi (semine humano) turpitudine abstineant» (Id., ib.)

(130) «Omnium error a Manichaeo originem habuit. Ipsi vero qui Catharistae dicebantur omnibus caeteris turpiores habebantur propter quasdam secretas spurcitias quas specialiter ipsi exercebant. Inde *Catharistae*, id est purgatores, primo

vocati sunt. Alio loco dicere statui, ne principium libri hujus aliquis abominetur, si statim omnes pravitates eorum enarrarem, ut intelligant quoniam haec haeresis omnium haeresum sentina est. — Hinc et hoc nomen sibi assumpserunt primi magistri vestri, ut se vocarent *Catharistas*, id est purgatores, et *Catharos*, id est *mundos*» (Eckberti Presbyteri adversus Catharos sermo II, Bibl. Patrum Lugdunensis, t. 23, p. 603).

Тот же Экберт (Проповедь против катаров) утверждает, что эти сектанты сами признавали свое происхождение от манихеев и даже обвиняли Августина, изменившего их секте: «Produnt autem semetipsos quod sint de errore Manichaei, in eo quod dicere solent quod Augustinus prodiderit secreta eorum».

(131) Осмеливались даже говорить, и магистр Ален, к примеру, что имя катары происходит от *кота*: «Vel Cathari dicuntur a catto, quia osculantur posteriora catti, in cujus specie, ut dicunt, apparet *Lucifer*».

Баварский францисканец Бертгольд (Berthold) производит слово *Ketzer* от *Katze*, кота, поскольку на примере этих животных еретики проникались лаской, чтобы лучше захватить тех, кого они желали погубить.

Преподобный отец Гёйшен (Heuschen) (Acta, 55, 18 aprilis, p. 595) говорит, что имя катары идет от немецкого *Kater, темная личность*, которое было дано еретикам по причине их ночных собраний: «Credibilis est a vulgo Germanico propter nocturnas coitiones contumeliae causa dictos *Katers*, id est feles seu lemures».

Чтобы показать, до чего можно дойти в пристрастии объяснять то, что изучено недостаточно, я должен был привести по Шмидту (Hist. des cath. et albig., t. 2. p. 276, в примечаниях) эти случайные и беспочвенные этимологии.

(132) «Hos nostra Germania Catharos appellat» (Eckbert).

В действительности, легко заметить слово Καθαροί в более или менее извращенных наименованиях патаренов, попликан, хезер и т. д. (Стр. 34)

(133) T. 2, p. 617.

(134) Στεφανοφόρος (Стр. 35)

(135) Египтяне представляли гения зла Тифона верхом на двух крокодилах, чтобы выразить, что его господство начинается, когда Нил идет на убыль (Ленуар, Франк-масонство, данное в своем истинном происхождении, стр. 149).

(136) «Masculos vel feminas gentis adversae», — так говорит Святой Августин, de Haeres., 46.

(137) «Illud est intolerabiliter sceleratum, quod de ipsa navi puellas pulchras et pueros proponi dicitis quorum formosissimis corporibus inardescunt principes tenebrarum ad feminas masculi et ad masculos feminae, ut in ipsa flagranti libidine et inhianti concupiscentia de membris eorum tanquam de terreis sordidisque compedibus Dei vestri membra solvantur» (St Aug., cont. Faust., 20, c. 6).

(138) Солнце.

(139) «Ut fugiat de illis lumen quod membris suis permixtum tenebant et purgandum *ab angelis lucis* purgatumque illis navibus imponatur ad regna propria reportandum» (St Aug., de Haeresibus, 46).

(140) Гераклеониты, николаиты, маркосиане, маркиониты, архонтики и фибиониты.

(141) Святой Августин (cont. Faust., lib. 6, c. 6) говорит, ведя речь о душах животных: «Animae illae quas non solum putatis humanas, sed ita divinas ut ipsa Dei membra esse credatis».

Читаем у Святого Епифания (Haeres., 66) в переводе патера Пето: «Iste vero barbarus Persa (Manes) asserit aequales omnes animas esse et in omnibus unicam reperiri tam hominibus scilicet quam pecudibus».

(142) Манес, позаимствовав язык гностиков, говорил, что его *Елена* (душа) пронизывает разные тела человеческого естества и даже тела животных (Beaus., t. 2, p. 325) и, в частности, мясо стадного скота (St Aug., cont. Faust., lib. 20, c. 17).

Души, как добавлял Манес, лишь немного очищаются в человеческом теле; после этого они идут в тело определенно иного животного и, в частности, того, которого убили: «*Avem, qui occiderit avis fiet*». Итак, в этих абсурдных восточных концепциях присутствует нечто и от высокой морали: «Душа человека, который был богатым в мире и не смог сделать добра, будет, после его смерти, брошена в тело бедняка, вымаливающего отовсюду милостыню» (Рассказ Тирбона Архелаю — St Epiph., Haeres., 66).

(143) Beaus., t. 1, p. 36.

(144) Вот и Феодорит, епископ Кира в Сирии, родившийся в Антиохии в 387 и умерший 458 году, сказал об *архонтиках* (Haeretic. Fab., lib. 1, c. XI: «Principum autem alimentum esse animas et sine hoc vivere non posse. Alii quidam post mortem oleum et aquam mortuorum capitibus injiciunt, sic fore dicentes ut ipsi invisibiles sint, superioresque evadant interjectis dominationibus ac potestatibus».

Феодорит (lib. 1, c. 2) говорит практически то же самое и о *гераклеонитах*; но есть разница: последние изливали елей и воду на головы умирающих, но не на мертвых, как это делали архонтики.

Ἕτεροι δὲ τινες, μετὰ τὴν ἀποβίωσιν, ἔλαιον καὶ ὕδωρ ταῖς τῶν τελευτώντων ἐμβάλλουσι κεφαλαῖς. (Стр. 37)

Святой Ириней (cont. Haeres., lib. 1, c. 21, § 5, p. 97, ed. 1770, et Haeres., 36) говорит о *гераклеонитах*, что они спасают своих умирающих от посягательств высших сил, заботливо изливая на голову елей и воду и сопровождая это омовение определенными призывами. Более того, вот текст Святого Иринея:

Τοὺς τελευτῶντας ἀπ᾽ αὐτῶν, καὶ ἐπὶ τὴν αὐτὴν ἔξοδον φθάνοντας… λυτροῦνται… ποτὲ γὰρ τίνες ἐξ αὐτῶν ἔλαιον ὕδατι μίξαντες, ἐπιβάλλουσι τῇ κεφαλῇ τοῦ ἐξελθόντος, οἱ δὲ μύρον τὸ λεγόμενον ὀποβάλσαμον, καὶ ὕδωρ, τὴν ἐπίκλησιν κοινὴν ἔχοντες… (Стр. 37)

Согласно Святому Епифанию (Haeres., 26), *фибиониты*, призывавшие 365 имен князей *высших господств*, говорили, что души должны проходить через этих различных князей.

Маркиониты и маркосиане обладали теми же самыми верованиями и использовали такие же практики, которые я привел. По отношению к ним я еще вернусь на другой части барельефа.

(145) Я стремлюсь лишь повторить и восполнить греческий фрагмент Святого Иринея, данный мной в предыдущем примечании; однако здесь я его даю в наиболее свежем из двух латинских переводов издания 1770 года:

«Sunt alii qui jam jamque ex hac vita excessuros redimant oleum aquae immixtum in eorum capita injicientes, una cum iis invocationibus quas superius commemoravimus. Quod quidem eo faciunt ut a superioribus principatibus et potestatibus apprehendi et teneri nequeant, atque ut *internus eorum homo* invisibili modo ulterius ascendat, perinde nimirum ac corpora eorum inter res conditas reliquantur».

(146) Beausobre, t. 2, p. 375: Psellus *cosmogogos*, Stanley *sustentatores* vocat has Potentias. См. этих авторов.

(147) Различные секты ссылались на прозвище *адамитов* как оскорбление. Одни говорят, что имя это давалось определенным сектантам, поскольку те намеревались привести человека в свое естественное состояние; другие, что извергали из среды своих собраний того, кто, как новый Адам, переставал бы стремиться к сладострастию; третьи, наконец, уверяют, что *адамиты* имели тысячу способов быть целомудренными или сластолюбивыми и что их нравы поначалу были безупречными (Euagr., t. 4 Cousin, cap. 21; Clem. Alex., Strom., lib. 3; Damascen. cap. 51): таким образом, их пороки или их добродетели были почти загадкой. С другой стороны, эта двусмысленность могла произойти от того, что смешали *нечестивого Оригена*, главу оригениан или оригенитов, с другим Оригеном, называемым *Адамантием* или *Адамантином* из-за его неутомимой усидчивости в работе. Я уже сам в своем произведении был вынужден искать истину посреди путаницы собственных имен; и эта всегда досадная путаница приводит здесь весьма солидных авторов даже к оспариванию существования *адамитов*. Так делает де Бособр (Bibl. Germ., t. 2, an 1731), а господин Маттер полагает, что подлинное имя этой секты нам неизвестно (первое издание, т. 2, стр. 215). И все же эти мнения идут вразрез с весомым авторитетом Отцов Церкви; приведем, к примеру, слова по этому поводу Святого Августина: *«Nudi itaque mares feminaeque conveniunt, nudi lectiones audiunt, nudi orant, nudi celebrant sacramenta, et ex hoc paradisum suam arbitrantur ecclesiam»*. Их правильно называть *адамианами*, но никак не *адамитами* или *адамистами*, и сам Святой Епифаний дает им название *адамиан*. Некоторые авторы их путали с *карпократианами, николаитами, собственно гностиками* и *фибионитами*. Евсевий в статье Николаиты определенно говорит, что имя адамитов они получили из-за своей наготы; Тертуллиан обобщает все эти секты с другими под названием валентиниан. Это мнение и позиции других авторов, которые делают ту же секту адамитов и всякие самые непристойные ветви имеющими право на убежище в синкретизме Манеса, настолько обоснованы, что мистерии наших барельефов их удостоверяют сполна. См. Tert., de Praesc., c. 33; Euseb., Hist. eccl., III, 29; Clem. Alex., Strom., lib. II, 411, lib. III, 436; S. Epiph., Haeres., XXV, 2; Tillemont, Hist. eccl., t. 2, p. 277.

(148) Haeres., 52.

(149) «Ad eos vaporandos et fovendos».

(150) «Manichaei nudi viri et mulieres in ecclesiis suis congregatur ad imitationem Adami et Hevae» (Anast., Sin. Contempl. In Henaem., l. VII; Beaus., t. 2, p. 733).

(151) «Inquinatissima esse ista membra Dei vestri et ob hoc magna purgatione indigere fatemini» (St Aug., cont. Faust., lib. 23, c. 98).

(152) «Tanta eam purgantes diligentia ut se nec ab hac tam horrenda cibi turpitudine abstineant» (id., de Haeres., 46).

Святой Епифаний, латинский перевод которого я здесь даю, так заставляет себя говорить об избранных или совершенных среди манихеев:

«Vim illam quae in menstruis ac semine, animam esse quam collectam comedimus, unde cum carnibus oleribus aut pane aut alio quopiam vescimur, bene de *creatis rebus meremur*, dum ex his omnibus animam corrogamus ac nobiscum in coelum evehimus. *Caeterum eamdem inesse putant animalibus et bestiis* et piscibus et serpentibus animam quae hominibus insit, nec non et oleribus et arboribus ac germinibus infusam» (St Epiph., Haeres., 26, II).

(153) St Aug., de Haeres., 46; id. de Natura boni, contr. Manich., c. 45; Beaus., t. 2, p. 747.

(154)«In quae haeresi Manichaeorum lex mendacium, diabolus religio, sacrificium turpido» (Leo, sermo V).

Святой Филастр пошел дальше в *написании портретов*, как мог бы выразиться *Монтень*:

«Manichaei daemonia colentes, elementa adorantes, Deorum Dearumque nomina ut Pagani invocantes, et masculos foeminas quasdam esse dicentes et utriusque naturae participes et nefandae turpitudini servientes» (Philastri Episcopi Brixenensis liber de Haeresibus), 14, BB. Pat.

(155) «Tibricae igitur ad Armeniam legationis obeunde causa apud Paulicianos diu moratus, saepe disputando cum illis sum congressus, illorumque arcana omnia per catholicos etiam ibi degentes curiose investigavi, etc» (Petri Siculi Hist. de Manich. BB. Pat., p. 754).

(156) Ἰσχάς, инжир (Dict. de Planche); Страбон (lib. XIII) говорит, что есть в Антиохии на Меандре вид инжира, который называется *ишас*.

Среди фруктов манихеи особое значение придавали инжиру (фиге). Они считали, что в его сочности, приятном аромате и блистании цвета содержалось большее изобилие частей небесной субстанции, чем в других фруктах: «Ex ipso coloris nitore, inquiunt, et odoris jucunditate et saporis suavitate manifestum est» (St Aug., de Morib. Manich., cap. 16). Таким же образом и арбузы, как они утверждали, полны божественных сокровищ (Beaus., t. 2, p. 727).

Много комментариев было сделано филологами относительно выражения *показать кому-нибудь фигу*. Любопытно, не было ли благодаря аллюзии происхождение этого выражения манихейским?

(157) То, что выходит из тела, манихеи рассматривали только как существующее для приготовления муки, чтобы не умирать: «Et oportet hoc solum vivat ex carne quod farina, ne moriatur, excipitur» (St Aug., de Haeres., 46).

(158) «Quomodo *lugentem* nisi Deum suum captum et ligatum donec solvatur et evadat, ex quandam tamen parte decurtatus, quae in globo tenebrarum a patre ligabitur et non *lugebitur*».

«Perversa lex Manichaeorum, — добавляет по поводу этих слез Святой Августин (cont. Faust., lib. 22. c. 30), — ne Deo eorum, quem, ligatum in omnibus seminibus *plangunt*, etc».

(159) Вольф, перевод книг Фотия, стр. 42.

(160) Можно приводить только по-гречески или на латыни определенные фрагменты, касающиеся наиболее эксцентрических мистерий.

Так, Святой Кирилл добавляет: «Я боюсь говорить, в чем они смачивают инжир, который затем предлагают *несчастным*, всегда готовым осквернить этим свой язык и свои уста».

Текст греч. *** (Стр. 43)

Вот версия Петра Сицилийского:

«Balneas illorum et lavationes nec apud viros nec foeminas audeo prodere: nec audeo fari in quo mariscam (figue) intingant miserisque praebeant: per communia tantum signa res ostendatur: viri quasi quae per insomnia eveniant, foeminae per menses.... vere enim ora inquinamus dum haec pronunciamus. Non Graeci his sunt foediores, non sunt tam impii Judaei, non scortatores tam impuri. Scortator enim una hora libidinem explet, factique mox poenitens, tanquam pollutus, balneas optat et flagitii turpitudinem agnoscit. Manichaeus autem haec palam velut in altari, ut existimat, facit, et linguam simul et os conspureat» (Peter de Sic., loc. jam cit.)

(161) Фрагмент Святого Епифания начинается так:

ἐὰν δὲ καὶ προληφθῇ τις αὐτῶν ἐγκατασπεῖραι τὴν καταβολὴν τῆς κατὰ φύσιν αὐτῶν ἀπορροίας καὶ ἐγκυμονήσῃ ἡ γυνή, τί δεινότερον τολμῶσιν οἱ τοιοῦτοι ἄκουε. κατασπάσαντες γὰρ τὸ ἔμβρυον καιρῷ οἵῳ δὰν ἐπιχειρήσωσι, λαμβάνουσιν ἐκτρωθὲν τοῦτο τὸ βρέφος καὶ ἐν ὅλμῳ τινὶ κόπτουσιν ὑπέρῳ, καὶ ἐγκαταμίξαντες μέλι καὶ πέπερι καὶ ἄλλα τινὰ ἀρώματα καὶ μύρα πρὸς τὸ μὴ ναυτιᾶν αὐτοὺς οὕτως συναχθέντες πάντες οἱ τῆς τῶν χοίρων τούτων καὶ κυνῶν * θιασῶται μεταλαμβάνουσιν ἕκαστος τῷ δακτύλῳ ἀπὸ τοῦ κατακοπέντος παιδίου.

(S. Epiph., Haeres., 26, [5], p. 87 ed. H. Valois, Coloniae, 1782)

Тем не менее, то же самое обвинение было воспроизведено против катаров-альбигойцев. Вот его несколько характерных черт: «Spurcissimo concubitu infans generatus in medio eorum in igne cremabatur; cujus cinis tanta veneratione colligebatur atque custodiebatur ut christiana religiositas corpus Christi custodire solet... Inerat enim tanta vis diabolicae fraudis in ipso cinere, ut quicumque de praefata haeresi imbutus fuisset, et de eodem cinere, quamquis sumendo parum praelibavisset, vix unquam postea de eadem haeresi gressum mentis ad vitam veritatis dirigere valeret» (Gesta Synod. Aurelian., 605; Ademari Chronicon 159, chez D. Boquet, Rec. des Hist. de France, t. X).

Пселл (de Operatione daemonum) рассказывает тот же факт и добавляет, что такое же обвинение существовало против богомилов; но, по словам Пселла, казалось, что этот отвратительный хлеб представлял собой прелесть, оценивавшуюся непреодолимой, чтобы привлечь к их доктрине тех, кого они называли еретиками.

Я не хочу завершить это примечание, не дав фрагмент из Святого Епифания, где этот отец описывает омерзительную Пасху *так называемых чистых гностиков* (та же самая секта, что и николаиты). Данный фрагмент подтверждает то, что я сказал с самого начала этого труда о родстве гностицизма и манихейства.

καὶ οὕτως τὴν ἀνθρωποβορίαν ἀπεργασάμενοι εὔχονται λοιπὸν τῷ θεῷ, ὅτι οὐκ ἐνεπαίχθημεν, φησίν, ἀπὸ τοῦ ἄρχοντος τῆς ἐπιθυμίας, ἀλλὰ συνελέξαμεν τὸ παράπτωμα τοῦ ἀδελφοῦ. καὶ δῆθεν τοῦτο τὸ τέλειον πάσχα ἡγοῦνται. ἄλλα δὲ ὅσα δεινὰ αὐτοῖς τετόλμηται. ὅταν γὰρ πάλιν ἐμμανεῖς ἐν ἑαυτοῖς γένωνται, φύραντες ἑαυτῶν τὰς χεῖρας τῇ ἑαυτῶν αἰσχρότητι τῆς ἀπορροίας ἐγείρονται καὶ τὰς ἑαυτῶν μεμολυσμένας ἔχοντες χεῖρας εὔχονται γυμνοὶ ὅλῳ τῷ σώματι, ὡς διὰ τῆς τοιαύτης ἐργασίας εὑρίσκειν πρὸς θεὸν τὴν παρρησίαν

(162) St Aug., de Haeres., 46.

(163) Ubi ad excipiendum et commiscendum concumbentium semen farina substernitur (St Aug., de Haeres., 46).

(164) Id., ib.

(165) St Aug., de Haeres., 46. По словам Тиллемона (Memoires eccl., t. 4, p. 396), Святой Епифаний, кажется, отмечает секту *маттариев* или наттериев, когда говорит, что манихеи укладывались спать на тростниках или камышах в память смерти Манеса. Эти маттарии приписывали самые большие преступления ветви своей секты, называвшейся *катаристами*.

(166) Solent Manichaei scripturas Veteris Testamenti irridere (St Aug., de Genesi, cont. Manich., lib. 1, c. 2).

Они отвергали весь Ветхий Завет и одну часть Нового Завета: они считали, что посредством пророков, говорил один из князей тьмы (Hist. du pontif. De St Leon, par le P. Maimbourg).

«Ветхий Завет, — говорил Фавст, — мной не рассматривается. Он мне не обещал земли Ханаанской; и когда бы даже хотели дать мне это наследство, я его не пожелаю после счастливого обетования царства небесного и вечной жизни, данного мне Иисусом Христом в Новом Завете» (St Aug., cont. Faust., lib. 4, 1; de Beaus., t. 1, p. 275).

(167) Тирбон в своем откровении к Архелаю признался святому епископу:

«Манес мне не раскрыл имен, которые призывают только *семь избранных*; но что касается Саваофа, который великий и почитаемый среди вас, то имя ему — презрение, ибо учитель говорит, что это естество человека (φύσις) и отец вожделения». Итак, слово φύσις означает здесь и у авторов естественные части двух полов» (Acta disput. Archel. — De Beaus., t. 1, p. 247).

Святой Епифаний скажет, ведя речь о герклеонитах: «Sacrum illud ac venerandum apud vos *Sabaoth* nomen, ipsam esse dicunt hominis naturam cupiditatisque patrem» (St Epiph., Haeres., 66, c. 30, et edition de Cologne, 1682, trad. du Petau, t. I, p. 229).

(168) ΣΣακλᾶν ἄρχοντα τῆς πορνείας (St Epiph., Haeres., 26, 10, p. 91). *Саклас* являлся активным началом, тогда как *Неброд (Немврод)* пассивным началом у манихеев (Beaus., t. 2, p. 406). (Стр. 46)

(169) Tollius Anath. — Cotelier, PP. — Beausobre, t. 2, p. 405.

«Hominem non a Deo formatum esse dicunt sed a principe materiae, quem Saclam nominant. Evam similiter a Sacla et Nembrod factam esse» (Theodoret, Haeret. fab., lib. 5, c. 9, et lib. 1, c. 26).

«Adamum et Evam ex parentibus fumi asserunt natos: pater eorum nomine *Saclas*» (St Aug., de Haeres., 46).

Чтобы поддерживать то, что человек пребывает под владычеством злого начала манихеи противопоставляют своим оппонентам слова Святого Иоанна (VIII, 44): «Vos ex patre diabolo estis, et desideria patris vestri facere vultis». Они утверждают, что эти слова Святого Иоанна сокрушают слова Книги Бытия (I, 26): «Faciamus hominem ad imaginem et similitudinem nostram». Следовательно, манихеи всегда имели фрагмент из Священного Писания для противопоставления христианам, что и сделало эту секту столь опасной и, порой, привлекательной для самих христиан.

Святой Епифаний говорит (Haeres., 26, 10, p. 91), что *гностики* помещали в первое небо Иао и на второе Сакласа, князя блуда. Последние слова, по мнению Бособра, заставляют считать вместе с де Круа, что Саклас произошел от Zaccoth Eloha: «id est rerum Venerearum Deus» (Croij Specim., Observ. Ad quaed. Loc. orig., p. 10, ed. Grab ad calc. Iraen.); de Beaus., t. 2, p. 406. (Стр. 46)

(170) Act. disput. Archel., loc. cit.; de Beaus., id.

(171) «Sabaoth, etc, quapropter ἀγλἀριοι (de hac voce videriunt eruditi) cupiditatem adorantet esse numen arbitrantur» (St Epiph., loc. cit.) (Стр. 46)

(172) «Василидиане имели два изображения: одно мужское; другое — женское» (Николя Бонневиль, Шотландское масонство, т. 1, стр. 114).

«Василидиане, карпократиане и все гностические секты обладали одним изображением, где было выгравировано слово *Abraxas*, анализ которого посредством счисления букв алфавита дает число 365, каковым хотели обозначить годовое обращение солнца» (id., ib., p. 116). Здесь я вовсе не разделяю мнения Бонневиля. Число 365, на мой взгляд, означало 365 эонов *архонтиков*, семь главных имен которых я дал в другом месте.

(173) Вот, что читаем у Святого Епифания (Haeres., 27, c. 6; перевод патера Пето): «Habent carpocratiani depictas coloribus imagines, quidam autem aureas aut argenteas, vel ex alia materia factas, quas esse Jesu effigies affirmat: easdemque Pontio Pilato ad Christi similitudinem effectas quo tempore inter homines degebat». Они их хранили в тайниках и украшали цветами (см. также St Iraeneus, lib. 1, c. 24: Tillemont, Hist. eccl., t. 2, p. 277).

Эти секты могли с присущей им скрытностью выдавать свои идолы за изображение Иисуса Христа, поскольку многие из них считали *низшего Христа* за сына *Саваофа*, или по-другому за страждущего Иисуса, материю, как бы созданную князем демонов.

(174) В предыдущей части, к которой можно обратиться, будут видны все доказательства, данные мной в отношении тайного культа этого самого идола у тамплиеров.

(175) *Маркосиане*, согласно Святому Епифанию, смешивают вместе воду и елей и совершают возлияние этой смеси на головы тех, кого они посвящают, произнося призывы (Beas., t. I, p. 423).

(176) Вот то, что говорит Святой Епифаний (Haeres., 66): «Quin etiam solis id electis suis, qui non plures quam septem fuerunt, hoc mandatum dedit: Ubi cibum sumpseritis, orate et oleum multorum invocatione nominum consecratum in caput inspergite, ut haec in vobis fides corroboretur».

В праздник, называемый *Бема*, самый торжественный, являющийся как бы Пасхой манихеев, эти сектанты, приняв пищу и освятив масло, призывают божество под разными именами, изливая это масло себе на голову (Baron de Ste-Croix, Rech. sur les mysteres du paganisme, t. 2, p. 191; см. также Beaus., t. 1, p. 247).

Блаженный Феодорит (Haeret. fab.) и Святой Кирилл (Catecheses 6, ch. 30) свидетельствуют, что манихейские мерзости сопровождались магическими инвокациями, обычными среди них; более того, когда они ели, то читали молитву и изливали на голову елей, околдованный призывом нескольких тайных имен за других, как и за своих избранных. См. также Tillemont, loco cit., p. 367 et suiv., Heresie des Manich.

(177) Все богатые, красивые и знаменитые женщины, как говорит Плюке, привязались к Марку. Эта секта имела удивительное распространение в Азии и в долине Роны, где она была еще намного значительнее во время Святого Иринея и Святого Епифания. Вот почему, по словам Плюке, Святой Ириней, епископ Лиона, рассуждал о ереси валентиниан столь пространно.

(См. Pluquet, l'article Marc; St Epiph., Haeres. 39; St Irenaeus cont. Marcum).

Сульпиций Север (Hist. sacr., liv. 2, c. 46), касаясь Марка, говорит: «Mulieres novarum rerum cupide, fluxa fide et ad omnia curioso ingenio catervatim ad eum (Marcum) confluebant».

Известно содействие женщин в валентинианских посвящениях Марка. Он заставлял благословлять пророчиц чаши, наполненные водой и вином (Matter, второе издание, t. 2, p. 344).

Гностики принимали женщин во все степени священства (de Potter, 2 vol. des Conciles, p. 86 et suiv.)

Сан *диаконисс* давался женщинам в первые века Церкви (Reghellini, la Maconnerie, t. 3, p. 148).

(178) «Nudi comprecantur, etc., caeterum in curando corpore dies noctesque pariter *mulierculae et homunciones* occupantur: ac se et unguento perfundunt et lavant et conviva celebrant et ebrietati ac Veneri indulgent, eosque qui jejunant execrantur» (St Epiph., Haeres., 26, trad. du P. Petau).

(179) Кушанья, приносимые слушателями избранным, чтобы эти последние, съедая их, освободили бы божественную субстанцию, которая смешана в них (St Aug., cont. Faust., 46).

Можно судить об усердии катехуменов в обеспечении этими кушаньями по вере, в которой пребывают те же катехумены или слушатели, что их души окажутся однажды в пище, предназначенной избранным, и освобожденные последними они больше не вернутся ни в одно тело.

«Animas auditorum suorum in electos revolvi arbitrantur, aut feliciore compendio in escas electorum suorum ut jam inde purgatae in nulla corpora revertantur» (Id.,ib.)

Святой Августин так окликнул избранных секты: «Seducitis auditores vestros ut vobis cibos offerant, quo possit ligato in eis *Christo* subveniri per vestros dentes et ventres» (Id., cont. Faust., lib. 2, cap. 5).

(180) «Sed et ipsi auditores ante electos genua figunt» (St Aug., Epist. 74; Beaus., t. 2, p. 765).

(181) Манихеи были убеждены, что только демоны требуют кровавых жертвоприношений (Spencer, Dissert.), и они рассматривали как преступление убийство животного; тем не менее, они признавали невиновными слушателей, которые приготавливали им пищу («suis auditoribus ideo haec arbitrantur ignosci quia praebent inde alimenta electis suis» — St Aug., de Haeres., 46); считая кровь как бы душой животных, они полагали, что, оставляя ее течь как воду и не питаясь ей никак, были согласны с текстом самого Священного Писания: «De eo quod scriptum est non esse manducandum sanguinem quod anima sit carnis sanguis» (St Aug., cont. Adam., Manich., c. XII).

Несомненно, что фрагмент, на который они делают аллюзию и соответствующий их доктрине — «huic sententiae veteris Manichaei» — взят из Второзакония (Глава 12, стих 23-25): «только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом; не ешь ее: выливай на землю, как воду; не ешь ее, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя (во веки), если будешь делать (доброе и) справедливое пред очами Господа (Бога твоего)».

(182) В доктрине Манеса, изложенной Тирбоном, видно, что всякого, кто не смог обеспечить избранных необходимой пищей, ожидает наказание на протяжении нескольких поколений: его душа будет переселяться из катехумена в катехумена до тех пор, пока не совершит большое число жертвоприношений. Именно по этой причине, как добавляет ученик Манеса, манихеи предоставляют своим *избранным* все, что у них есть лучшего из еды (Acta disput. Archel. — Beaus., t. 1, p. 245).

(183) Эта мистерия имеет целью осуждение брака. «Vestra lege metuentes ne particulam Dei sui sordibus carnis afficiant» (St Aug., cont. Faust., lib. 15, c. 7; Tillemont, loc. cit., p. 367).

Фрагмент из Святого Августина (cont. Faust., lib. 22, c. 30) показательный для темы, о которой идет речь: «Perversa lex Manichaeorum, ne Deus eorum, quem ligatum in omnibus seminibus plangunt, in conceptu feminae arctius colligetur, prolem ante omnia devitari a concumbentibus jubet, ut Deus eorum turpi lapsu potius effundatur, quam crudeli nexu vinciatur».

Я завершаю отрывком из Святого Епифания еще более показательным о подобных практиках оригениан или оригенистов, которых Святой Епифаний именовал учителями порочности: ἐφθαρμένοι δέ εἰσι τοῖς σώμασι, τὴν μὲν ἐπιθυμίαν αὐτῶν ἐκτελοῦντες, τῷ δὲ ἔργῳ κεχρημένοι ἵνα σεμνότερον εἴπω· τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἰούδα τοῦ Αὐνᾶν καλουμένου. ὡς γὰρ ἐκεῖνος τῷ σώματι μὲν τῇ Θάμαρ συνήπτετο καὶ τὴν ἐπιθυμίαν ἐξετέλει, εἰς καταβολὴν δὲ σπέρματος κατὰ τὴν ὑπὸ θεοῦ δοθεῖσαν παιδοποιίαν οὐκ ἐτελεσιούργει

(St Epiph., Haeres., 63).

(184) Аддас в Сирии и Фома в Иудее. Первый был назван *Буддой* Святым Кириллом Иерусалимским (Catech., 6) и *Альдасом* Блаженным Феодоритом. Тем не менее, в Фоме предполагали автора деяний, составленных Леонтием или Левком, и апокрифических Евангелий (Tillemont, Mem eccl., t. 1, p. 399).

(185) Эта секта, по словам законодателя, не меньший враг общественного приличия, чем христианской веры (Codex Theodosii, t. 6, p. 114, 2).

(186) Около 290 года (Leont. Byz., BB. P., t. 4).

(187) Codex Theodos, 16, t. 5. 1.7, p. 120, 121.

(188) Папа Гонорий в 399, 405 и 407 годах усилил суровые меры и предпринял розыск манихеев *за их омерзительные сборища* (Leont. Byz., loc. cit.)

(189) Le P. Maimbourg, Hist. du pontificat de Leon le Grand, p. 10.

(190) Id., ib.

(191) St Aug., Conf., liv. 1.

(192) Сегодня утраченное произведение.

(193) St Aug., Conf., liv. 3, c. 4.

(194) Патрикий, отец Святого Августина, был язычником, а *Моника*, его мать, была христианкой.

(195) St Aug., Conf., liv. 1.

(196) Это было в 374 году, а Святой Августин родился в 354 году.

(197) St Aug., Conf., liv. 2, c. 2.

(198) Id., ib., c. 6.

(199) Id., liv. 3, c. 6.

(200) St Aug., Conf., liv. 3, c. 10.

(201) Id., ib., liv. 4, c. 1.

(202) St Aug., Conf., liv. 5, c. 9.

(203) Id., ib., c. 10.

(204) Id., ib.

(205) Губернатор Рима в 383 году.

(206) St Aug., Conf., liv. 1.

(207) Id., ib., liv. 5, c. 7.

(208) St Aug., Conf., liv. 7, c. 16.

(209) Id., ib., liv. 7, c. 3.

(210) Id., ib., c. 7.

(211) Id., liv. 9, c. 13.

(212) St Aug., Conf., liv. 5, c. 7, et liv. 6, c. 2.

(213) Это событие имело место в 387 году.

(214) «Summum inveni ubique oratorem et Deum pene totius eloquente» (Epist. Secund. Ad Aug.)

(215) Ibid.

(216) «Non parum mihi cogniti estis» (de Morib. Eccl. Cath., XVII, 30).

(217) «Expertus fugi quod experiri non debui» (Cont. Faust., lib. 15, c. 3).

(218) «De duabus Animabus» (contr. Manich., I, c. 10).

(219) «Unde etiam Manichaei Catharistae appellatur, quasi purgatores».ю,

(220) St Aug., de Fide, XVII.

(221) См. Монография, часть 1, о павликианах.

(222) Павел Диакон (Historia miscella Basiliae, I, 24); Петр Сицилийский (Historia de Manich.); Зонара (t. 3, p. 100); Анна Комнина (Annales, liv. 15); Зигабен (Zygadeni Panopliae, B Pat., t. 19, p. 204); Alberti Fabricii Bibliothecae Graec., t. 5, part. 1, p. 280-286.

(223) В Палестине манихеи назывались акванитами, потому что доктрина сюда была принесена неким *Акуой (Acua)* (St. Epiph., Haeres., 66; Nicetas, IV, 33).

(224) Средневековые авторы часто дают *катарам* имя *булгар*. Я прошу читателя обратить внимание на следующий фрагмент из Константина Арменопула (de Opinionibus haereticorum, B Pat., t. 19, p. 959), поскольку он подытоживает несколько предшествующих вещей, давая нам сведение о молитве *Pater Noster*, которое вскоре обретет свое применение относительно тамплиеров:

«Manichai, seu Massaliani, sive Euchitae, sive Valentiniani, sive Bogomoli, *qui est Bulgari sunt*, somno plerique dediti, solam vocant precationem *Pater Noster*; caetera repudiant, *battologiam nominant*, de Testamento veteri sacrilegi loquuntur, etc., matrimonia solvunt, etc.»

Анна Комнина (Annales, lib. XV, p. 486 sqq., Parisiis, 1651) использует те же названия манихеев и массалиан, объединяя с ними павликиан и богомилов.

Отметим этот альянс имен и, в особенности, *манихеев, валентиниан, богомилов, булгар* и т. д.

(225) Именно в 810 году Сергий осуществил свои коварства (См. Petrus Sic., Historia Manichaeorum, anno 745, p. 759).

(226) «Sergius Christi apostolorum adversarius, qui et prophetas odio habuit, Sergius *Christi osor*, Ecclesiae perduellis, qui Dei Filium conculcavit, et qui pro Paracleto se gessit, qui se a discipulis suis ut Spiritum sanctum passus est adorari. — Juvenilibus adhuc annis manicheae cuidam foeminae adhaerens, in fraudem ab illa perroremque erductus, praecursor factus est Antichristi».

(227) «А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель» (Послание к Ефесянам Святого Апостола Павла, Глава 6, стих 21).

(228) Petrus Sic., loco cit.

(229) Id., ib.

(230) Конец XI и начало XII века.

(231) «Nubes haereticorum ingens sese extulit» (Anna Comnena, lib. XV).

(232) Это тот самый Василий, который столь часто служил театральным персонажем. Посмотрите, как Анна Комнин описывает его в нескольких чертах: «Basilius, veste monachus, exterminata facie, barba rara, homo in strigosa macie praelongus at mille instructus artibus, etc.» (Anna Comnena, lib. XV, trad. du P. Possin).

(233) Id., ib.

(234) Anna Comnene, loc. cit.

(235) «Ecquid, videtis mantellum meum evolare inviolatum in aera» (Id., ib.)

(236) Уже в XI столетии катары появились в Перигоре, в епископстве Лимож, в маркграфстве Пуатье и даже в Орлеане (M. Mignet, Journal des savants, avril 1852).

(237) Epist. eccles., chez Martin et Durand, ampl. coll., 1776.

(238) Schmidt, Hist. et Doct. de la secte des Cath., t. 1, p. 89.

(239) Id., ib., p. 87.

(240) Id., ib., p. 41.

(241) Id., ib., p. 302.

(242) Это были города: Тулуза, Апами, Монтобан, Виллемор, Сент-Антуан, Пюш-Лоран, Кастр, Каркассон, Безье, Нарбонн, Бокэр, Авиньон, Тараскон и пр. Сторонники катаров находились у графа Тулузы, графа де Фуа, виконта Безье, Гастона де Беарна, графа де Кармэна, графа де Бигорра, госпожи де Лавор и у короля Арагона.

(243) В 1147 году кардинал Альберик, легат папы Евгения III, был направлен на юг Франции со Святым Бернардом (M. Mignet, Journal des savants, avril 1852).

(244) Компилатор Сокровища историй в 1206 году; Hist. des Albigeois, par Jean Paul Perrin, Lionnais (Geneve, 1618).

(245) Чтобы прийти к этому слову необходимы были следующие переходы: *Bulgari, Bugars, Bugres, Bougres*.

(246) Schmidt, t. 1, p. 108; Farlati, t. III, 253.

(247) Монография, часть первая, о друзах.

(248) Schmidt, t. 2, p. 253, в примечаниях.

(249) C. Schmidt в своем ученом труде, озаглавленном «Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois», определяет с немыслимым чувством меры точки совпадения или расхождения между главными манихейскими сектами, *павликианами* и *богомилами*, и показывает точно либо нюансы, различающие *абсолютных дуалистов* от *умеренных дуалистов*, либо даже видоизменения, привнесенные катарами в систему Манеса. Так, у последнего, согласно Шмидту, творение есть результат союза души с материей и смешение добра со злом, тогда как у катаров создание материи является совершенно делом *злого начала*. Одним словом, катары являются более последовательными дуалистами, чем манихеи и большинство гностиков. Первые, по мере того, как более не встречали развития христианства, основывались больше на библейских текстах и их основного обряда *consolementum* недостает *манихейству* и пр.

(250) Согласно *F. Chr. Baur'y из Тюбингена* Das manichäische Religionssystem, вся разница между катарами и манихеями именно в том, что первые смягчали определенные доктрины Манеса, чтобы их *христианизировать* в самой высшей степени.

(251) По Гизелеру из Гёттингена (Untersuchungen über die Geschichte der Paulicianer, S. 102 ff.), одного из наиболее солидных историков Церкви, манихейская ересь, как говорит Мине, непрерывно продержалась в Италии вплоть до XI века, и катары видоизменили определенные точки первоначальной доктрины (M. Mignet, Journal des savants, avril 1852). — Гизелер

утверждает, что павликиане происходят *от одной гностической партии Сирии*.

(252) Экберт (Проповедь против катаров) полагает, как передает Шмидт (t. 2, p. 138), что катары являются тем же самым, что и древние манихеи.

(253) Фюслин, швейцарский писатель, говорит, что манихеи распространились в IX веке Болгарии, в X веке в Италии и в XI веке во Франции и Германии.

(254) Муратори (Antiq. Ital. med. Aevi., v. 83) производит катаров прямо от павликиан.

(255) *Мосгейм* (Institut. Hist. eccl., 379; Versuch einer Ketzergeschichte, 369), один из наиболее ученых теологов Германии в XVIII веке, полагает, что катары были павликианами, которые, придя из Болгарии и Фракии, распространили свои доктрины в Италии и на остальном Западе.

(256) Согласно Fr. Hurter'y (Histoire du pape Innocent III et de ses contemporains), ростки манихейства снова были пробуждены к жизни павликианами, которые с конца XI столетия оказались в Италии либо в связи с интересами коммерции, либо из-за Крестовых Походов (II, 221 et suiv.)

(257) В этот перечень можно также включить Ричини (Ricchini), ученого издателя *Монеты*, и нескольких историков Крестовых Походов против альбигойцев, к примеру, *Бенуа* (Hist. des Albigeois et de Vaudois, Paris, 1691) и *Ланглуа* (Hist. des croisades contre les Albigeois, Paris, 1703, in-12). Этот последний, наряду с двумя более современными писателями Роже и Компайре, определенно подтверждает, что *Пьер де Брюи (Pierre de Bruis)* и его ученик *Анри (Henry)* возродили ересь Манеса. Капефиг (Hist. de Philippe-Auguste, t. 3, p. 21) говорит, что система Манеса легко раскрывается в учении катаров. См. Schmidt, t. 1, p. 563.

(258) Beaus., t. 1, p. 563.

(259) Beaus., t. 2, p. 591, 555.

(260) Мы уже видели несколько раз это выражение, данное манихеем Фавстом *страждущему Иисусу*.

(261) «Christus qui natus est in Bethleem malus. Bonus Christus natus fuit et crucifixus in aliam terram novam et invisibilem» (Pierre de Cernai, Historia Albigensium, apud Histor. Franc. Script. Duchesne, t. 5, p. 554).

(262) «Motu meretriciae conceptionis».

(263) Gervasius Tilberiensis, 886. Otia Imperialia; Leibnitz, Script. rer. Brunsvic, Hanovre, 1707, in-f, t. I. — Гервасий (Жерве) де Тильбери, о котором здесь идет речь, в первые годы XIII столетия являлся сенешалем королевства Арль (Arles) (Schmidt, t. 2, p. 14).

(264) Actes de l'inq. de Carcasson, 1305; Doat, XXXIV, f 96; Liber sentent. Inquis. Tolos., 132, 138, 149; Schmidt, loc. cit.; Жан де Доат являлся председателем палаты графов Наварры: ему были сделаны в 1669 году копии по реестрам инквизиции, 34б f 95 (Schmidt, t. 2, p. 12).

(265) Doc. in., t. I, p. 92.

(266) «Omnes humanae conditionis simulavit effectus» (St Aug., cont. Faust., lib. 26, c. 2).

(267) «Bonus enim Christus (sicut dicebant Albigensis) nunquam comedit vel bibit, nec veram carnem assumpsit, nec unquam fuit in hoc mundo nisi spiritualiter in corpore Pauli» (Pierre de Cernai, Hist. Albig., ap. Duch., t. 5, p. 554).

(268) «De Christo dicunt quod non habuit animatum corpus, non manducavit neque bibit, sed videbatur homo, nec resurexisse, nec in coelum assumptum fuisse» (Bonacurs., Cathar. Haeres., ap. Spicil d'Achery, t. 1, p. 208).

Бонакурс из Милана, обращенный из катаров, епископ и совершенный секты, стал католиком около 1190 года. Это современный Святой Августин, если учитывать соответствие истории последнего с биографией отца Бонакурса: дабы его отречение было столько же громким, сколь и у Святого Августина, он обратился к народу Милана с трактатом о ереси катаров.

(269) В инициациях обращались к посвящаемому, представляя ему крест: «Это лишь кусок дерева, а Господь на небесах» (Doc. in., t. 1, p. 215). В большинстве случаев посвященным приказывали отречься от Иисуса без упоминания Христа и Бога (id., ib., p. 631): «Praecepit receptor quod abnegaret Ihesum, nullam aliam faciendo mencionem de Christo nec de Deo» (id., ib., p. 633; id., t. 2, p. 266, etc.) В других местах обозначение низшего Христа было еще более определенным: свидетельство тому показания брата Гиллерма де Бисея (Guillerme de Bicey) из диоцеза Лангра: «*Dixit eciam per juramentum suum quod dictus recepiens precepit sibi quod abnegaret Jhesum Christum et ter spueret supra crucem despiciendo Dominum Jhesum Christum qui passus fuit in ea*» (id., t. 2, p. 297).

Вот речь другого посвятителя: «Et petiit ab eo utrum crederet in eum qui passus fuerat in ea» (id., ib., p. 387). Брат Теобальд (Тибо) де Фоверней получил такое приказание: «Abnega illum qui representatur per effigiem illam existantem in cruce» (id., t. I, 323).

(270) «Fecit eum jurare super quoddam missale apertum in quo erat imago Crucifixi quod esset obediens praeceptis superiorum dicti ordinis, etc.» (Doc. in., t. 1, p. 312) — «Jurare super missale apertum quoddam ubi erat imago Crucifixi quod viveret sine proprio, servaret castitatem, obedientiam omnibus preceptoribus suis, etc.» (id., ib., p. 7).

(271) «Item dixit (frater Andreas) quod in die veneris sancta devote et reverenter adorabant crucem, et quod ipse bene credebat ecclesiasticis sacramentis et credit quod alii fratres ordinis eodem modo crederent» (id., t. 2, p. 222, 227, 235, 249).

(272) «Et confitebantur sacerdotibus ordinis et communicabant ter in anno» (id., ib., p. 230).

(273) «Quod esset servus esclavus Templi» (Doc. in., t. 1, p. 242).

Матвей (Матьё) де Тиллей (Mathieu de Tilley) из диоцеза Амьена, когда хотели его заставить отречься от Христа, воскликнул: «Ха, сир! Спасибо за Бога! Как это сделать?» И посвятитель ему ответил, что он должен слушаться, поскольку ему подвластен: «oportebat eum facere praedicta, quia erat subjectus suus» (Doc. in., t. 1, p. 360) — «Petere panem et aquam Templi et esse servus et sclavus ordinis» (id., t. 1, p. 371).

(274) Необходимо сказать к вящей чести рыцарей Храма, что на процессе не встречается ни одного среди них, кто не подтвердил бы отречение только устами — *«ore sed non corde»* — и плевки в сторону, но не на крест: *«spuit prope,*

spuit juxta ipsam crucem et non supra, spuit juxta, fingens se spuere super eam, spuit in terram» (Doc. in., t. 1, p. 250, 255, 270, 321; id., t. 2, p. 333); и *«ipse hoc fecit, exepto quod de spuicione nichil cecedit supra quod posset»* (id., ib., p. 376).

(275) Я уже неоднократно приводил эти сцены в монографии, но я никак не хочу обходить молчанием полные простодушия свидетельские показания Я. де Молэ, отважная и благородная фигура которого запечатлелась на всех воспоминаниях.

Брат Яков де Молэ, великий магистр милиции Храма, допрошенный 24 октября 1307 года, показал, что в возрасте 42 лет он был посвящен в доме Тампля Бона братом Имбером де Пара (Imbert de Parad) в присутствии Эмери де Рупа (Aimery de Rup) и нескольких других рыцарей, имена которых от него скрывались. Он говорил, что после клятвы и обещания соблюдать статуты ордена, ему на шею надели плащ и положили перед ним медный крест с изображением распятого Иисуса, приказав ему отречься от Христа, образ которого ему представили (cujus figura erat ibi): Молэ послушался против своего сердца (invitus fecit) и, получив еще указание плевать на крест, он плюнул на землю. Спрошенный сколько раз плевал, он ответил, что плюнул только один раз и помнит об этом хорошо. Потом добавил, что, когда он приносил обет целомудрия, ему вовсе не говорили о свободе плотской близости с братьями. На поставленный вопрос, все ли рыцари принимались таким же образом, он признался, что не верит, будто к нему применялась другая вещь, нежели практиковавшаяся по отношению ко всем другим братьям. Наконец, он сознался, что редко исполнял роль посвятителя, и лишь когда он принимал эту миссию на себя, то обязывал других свидетелей отводить посвященного в сторону и делать то, что было предписано (Doc.in. t. 2, p. 305).

(276) Попыток противодействия этому всегда хватало: любопытно наблюдать в книге Неизданных документов все аспекты, в которых проявлялись этот ужас и протесты братьев. Вкратце достаточно процитировать следующие определения: stupefactus; turbatus; magna cordis amaritudo. — «Magis doluit quam si fuisset ductus ad patibulum» (Doc. in., p. 291, 307, 335, etc., etc.)

(277) Брат Вильгельм де Форкалькье (Guillaume de Forcalquier) рассматривал испытание отречения как опыт над его смелостью: «Credebant quod hanc fecissent abnegationem ad temptandum si contingeret eum capi ultra mare a Saracenis et abnegaret Deum» (Doc. in., t. 1, p. 405). Эта догадка брата Форкалькье естественно перенесет ум читателя к сказанному мной уже прежде относительно иудействующей секты Эльксаитов (Элькасаитов), принимавшей в принципе, что во время гонений можно было внешне отрекаться от Христа, не отрекаясь от Него сердцем; и все же, это отречение относилось к *низшему Христу, человеку Иисусу*, но никак не к *небесному Христу*. Заметим хорошо это различие (см. St Epiph., Haeres., 29, c. 1; Matter, второе издание, t. 3, p. 21).

(278) Катары рассматривали Иисуса Христа как самого возвышенного из ангелов *доброго Бога*. Согласно этим сектантам, Иисус Христос не воплощался, поскольку осквернил бы свое божественное естество: его образ, рождение,

чудеса и смерть, считали они, являлись только видимостью (Mignet, Journal des savants, avril 1852).

(279) В первой части Монографии я достаточно приводил примеров доктрины *высшего Бога* у тамплиеров; здесь я добавлю только следующий факт: посвятитель брата Иоанна де Шуна (Jehan de Chounes), спросил его, верует ли он в Того, Чье изображение было на кресте; последний ответил, что «да». «Не верьте в Него, — продолжил посвятитель, — ибо это лишь лжепророк; верьте только в *Бога на небесах*, и в знак презрения *к этому другому* плюньте на крест» (Doc. in., t. 2, p. 384).

(280) Эта замечательная фраза была произнесена во время принятия братьев Стефана д'Эпэйи и Петра де Шатийона (ad Sequanam): «Cum testis refrageretur, dictus receptor dixit ei quod abnegaret secure, quia capellanus praedictus poterit eum absolvere» (id., t. 2, p. 266). Посвятитель говорит профессу: «Действуй смело, потому что ничего не остается» — «*Facietatis audacter*, quia nihil de hoc constat» (id., t. 2, p. 152).

(281) Doc. in., t. 1, p. 398; Id., ib., p. 411.

(282) Id., t. 1, p. 398.

(283) Брат Яков де Труа говорит, что во время проведения капитулов в парижском Тампле им показывали к середине ночи некую голову, которой они оказывали глубокое почтение. Тот же рыцарь с тех пор как он в ордене слышал разговор, что брат Рудольф имел частного демона, благодаря советам которого стал одновременно мудрым и богатым (Doc. in., t. 1, p. 257). Чтобы не повторяться, я ограничусь здесь напоминанием читателю, что в начале монографии я посвятил целую главу свидетельствам существования идола или *бородатой головы*, и было видно, что все свидетельские показания братьев, чье посвящение имело место на великих капитулах ордена, указывают на *бородатый идол* ужасающего вида.

(284) «Credit quod ydolum nil sit aliud nisi diabolus infernalis» (Doc. in., t. 2, p. 462).

(285) «Adorant Luciferum et credunt eum esse Dei fratrem injuriose de coelo detrusum» (Annales noves, 582, fragm. в продолжение Пилихдорфа).

(286) Moneta, 3, Eckbert, 899.

(287) Psellus, IV; Schmidt, t. 1, p. 138.

(288) Nicetas, Chron. Thes. Orthod. Fidei, 572.

(289) Schmidt, p. 138.

(290) Annales noves, 581.

(291) Монография, часть первая, о богомилах.

(292) «Patrem quidem ipsum lucem incolere credimus summam ac principalem quaem Paulus alias inaccessibilem vocat, etc.» (St Aug., cont. Faust., lib. 20, c. 2).

(293)«Beatus et solus potens, Rex Regum, et Dominus Dominantium. — Qui solus habet immortalitatem et lucem inhabetat inaccessibilem; quem nullus hominum vidit, sed nec videre potest; cui honor et imperium sempinternum» (Paul ad Timoth., I, c. IV, v. 15, 16).

(294) «Sergius Christi osor, etc., Dei Filium conculcavit, etc.» (Petri Siculi Historia de Manichaeis. В Pat., anno Christi 845, p. 759).

(295)«Crucem ex ligno confectam perfringunt, aut conculcant et abjiciunt» (Panopliae Euthym., Monach. Zigabeni, titulus IX, adv. Manetem et Manichaeos. B. Pat/, t. 19, p. 205).

(296) «Gerard de Passage noluit conculcare nisi pedem crucis, propter ejus reverentiam» (Doc. in., t. 1, p. 215).

(297) Raymond de Vassiniac calcavit dictum mantellum, sed non crucem (id., ib., p. 234).

(298) Jacob de Troyes ter conculavit crucem super pedes Crucifixi (Id., ib., p. 254).

(299) Dom Vaissette, t. III, preuves, № 224, p. 387.

«Albigenses matrimonium meretricium esse reputabant» (Pierre de Cernay, t. 5, p. 554, Franc. Script. Hist.)

«Cathari nullum credunt in conjugio salvari posse» (Bonacartus, apud Spicil. d'Achery, p. 208).

(300) M. Mignet, loc. jam. cit.

(301) «Receptor focit vovere et jurare *castitatem, obedientiam*, et quod *viveret sine proprio*, et insuper quod esset servus esclavus Templi, etc.» (Doc. in., t. 1, p. 242).

(302) Желательно, чтобы читатель припомнил фрагмент из Святого Августина, уже мной приводившийся в этом произведении в другом месте: «Perversa lex jubet ut Deus eorum turpi lapsu potius effundatur quam crudeli nexu vinciatur». И немного поразмыслив, поймешь злую сущность доктрины, позволявшей в посвящениях постыдные мерзости.

Чтобы объяснить данное тамплиерам позволение промискуитета, историки приводили всякие основания, за исключением, как представляется, найденного мной в их *манихействе*. «Причины этих пороков, — считает Пьер Дюфур («История проституции», кн. 4), — раскрываются в долгом пребывании тамплиеров на Востоке, где противоестественные пороки почти привычны на местном уровне и где боязнь *проказы*, зла *горящих* и различных кожных или органических заболеваний была всегда связана с торговлей женщинами. Тамплиеры из страха оказаться прокаженными или заразиться *слоновьей болезнью* оскверняли свои души и тела, принимая и одобряя самую постыдную из всякого вида проституции».

Это более замысловато, нежели основательно. Представляя истоки позволения на промискуитет, было видно, и я это показываю, что он не занимал места ни в душах, ни в нравах большей части рыцарей Храма.

(303) Doc. in., t. 1, p. 212.

(304) Два фрагмента, один из Святого Епифания и другой из неизданных документов, мне представляются очень примечательными и решающими в их сопоставлении.

В первом Святой Епифаний (Haeres, 26, c. XI) недвусмысленно говорит, что манихейские *левиты* занимались содомией в своей среде. Вот латинский перевод патера Пето: «Atque ut de illorum *Levitis*, etc. Isti non cum mulieribus, sed secum invicem miscentur; ut scilicet praecipua inter illos dignitate ac laude commendantur».

В другом фрагменте из Неизданных документов (t. 2, p. 404) посвятитель брата Николая де Месниля ему говорит: «Si calor naturalis urgeret eum ad

incontienentiam, quod ipse et alii fratres ordinis refrigirescent se unus cum alio, ne ordo diffamaretur pro mulieribus».

Следующие цитаты еще более определенные.

«Rem prohibent cum mulieribus, sed non prohibent de hominibus» (Doc. in., t. 2, p. 290).

«Recipiens praecepit sibi quod omnino abstineret a mulieribus, sed dabat sibi licenciam commiscendi se carnaliter cum fratribus suis et quod pateretur de sociis suis hoc» (id., ib., p. 317).

«Quod omnino abstineret a mulieribus, et si caro urgeret eum, quod commisceret se carnaliter cum aliis fratribus dicti ordinis» (id., ib., p. 381).

«Poterat carnaliter commisceri cum fratribus ordinis, et ipsi poterant cum eo, et ipse debebat hoc pati *secundum puncta ordinis*» (id., ib., p. 57).

(305) Я мог бы привести большое число примеров, взятых в самих Неизданных документах, из которых видно, что эта данная братьям постыдная свобода не была благосклонно воспринята ими; к тому же, почти все они выражают на допросах сомнение, что эта свобода обрела между ними большое действие. Из разнообразных примеров я выбрал следующий.

Брат Боно из Тампля Вулена и Альберт из Турского диоцеза принимались в орден вместе. Когда им приказали, в соответствии с орденскими пунктами, плюнуть на крест, они долго рыдали и плевали в сторону. Затем им приказали отречься от Иисуса, не упоминая ни Христа, ни Бога. Тогда брат Боно из Вулена отрекся устами, но не сердцем, полностью полагая, что Альберт сделал то же самое. Их восприемник брат Иоанн де Марсиис (Jean de Marciis) добавил, что *они могли бы между собой иметь плотскую близость*, но, поскольку принесли обет целомудрия, то не должны никак приближаться к женщинам. Брат Боно заявил, что не совершит этого греха, как бы от него этого не домогались другие, и что, по его мысли, подобный обычай не имеет места среди братьев ордена. Посвящения были тайными, и это, по его мнению, явилось основанием для подозрений.

(306) Inquis. De Carcass., 1244; Doat, XXIII, f 272. — «Nec ibis solus dum possis socium habere, nec solus comedes» (de Summa fratris Renerii de Catharis et Leonistis).

(307) «Fuit dictum per receptorem quod quando probi homines veniret et carerent lectis, quod recipiret eos bene et curaliter in lecto suo» (Doc. in., t. 1, p. 354).

(308) «Et decantaverunt recipiens et alii fratres psalmum *Ecce quam bonum et quam jucundum habitare fratres in unum!*» (Doc. in., t. 2, p. 279).

(309) Сборник произведений по истории Бургундии.

(310) «Et ipsos equitantes magnos equos», говорят сами Неизданные документы, т. 1, стр. 359.

(311) «Equos habere cupiunt fortes et veloces» (St Bernard, t. 1, col. 1260, de Laude novae militiae ad milites Christi).

(312) «Duos et duos manducare generaliter oportet» (Art. II de la regle. Labbe, t. X, col. 926; Mansi, t. 31, col. 362).

(313) Петру де Палюду из Лионского диоцеза доводилось слышать рассказ о том, что от основания Ордена Храма в заморской битве участвовали

двое рыцарей верхом на одном коне. Первый, расположившийся впереди, вверил себя Иисусу Христу и был ранен в сражении; другой, разместившийся сзади — и свидетель не сомневается, что это был *дьявол* в человеческом обличье — вверил себя *тому, кто ему мог лучше оказать помощь* («ipse recommandabat se illi qui melius juvare poterat») и не получил никакого ранения во время боя и стал упрекать своего товарища, предавшегося Иисусу Христу: больше того, он сказал, что если Орден Храма захотел бы довериться второму всаднику, то он бы вырос и обогатился. Петр де Палюд слышал еще неизвестно от каких братьев разговор, что раненый остался соблазненным словами дьявола, сидевшего на крупе лошади в человеческом обличье, и с тех пор в сообществе Тампля возникли заблуждения, которые ему поставлены в вину. Свидетель добавляет, что часто видел изображения, представляющие двух бородатых персонажей верхом на одном скакуне, и он совсем не сомневается, что эти персонажи никак не представляли двух рыцарей, о которых идет речь (Doc. in., t. 2, p. 195).

(314) M. Mignet, Journal des savants, avril 1852: «Nec jacebit sine camisia et bracis, etc.» (Renerii Summa de Catharis).

(315) «Quod jaceret in camisia et femoralibus (braies), cinctus quadam cordula et in caligis, etc.» (Doc. in., t. 1, p. 266). — «Receptor dixit quod debebat jacere cum caligis et pannis lineis» (id., ib., p. 425). — «Instruxit quod jaceret cum camisia et braccis et caligis lineis et cinctus cordula» (id., ib., p. 539). Посвятитель Ж. де Ромпрея ему рекомендовал ложиться не разуваясь, чтобы быть всегда наготове (Doc. in., t. 1, p. 506).

(316) Liber Sentent. Inquis. Tolos., 249; Inquis. de Toulouse, 1273; Doat XXV, f 60; Schmidt, loc. cit.

(317) *«Cordulam de filo albo»* (Doc. in., t. 1, p. 193). — «In signo castitatis» (Doc. in., p. 453, et passim).

(318) Этот поцелуй мира давался дважды в уста совершенным утешенному и передавался постепенно всем присутствующим лицам: *«Bis in ore ex transverso»* (Arch. de l'inquis. de Carcass., 1243. Doat, XXII, f 112, 6).

(319) Constant. Armenopulos, de Opin. Haeretic., B. Pat., t. 19, p. 959.

(320) Id., ib.

(321) Pierre de Cernai, loc. jam. cit.

(322) «Instruxit eum quot Pater noster debebat dici in die» (Doc. in., t. 1, p. 365; id., ib., 391, 404, 492, 504, 510, 521, 612, 633; id., p. 11). — «Instruxit eum quot Pater noster diceret pro singulis horis» (id., ib., p. 78).

(323) «Когда я вас тревожил по тому или иному вопросу, — говорил Святой Августин избранным секты, — вы мне отвечали, что Манес учит вас началу, середине и концу, ходу солнца и луны и другим таким же вещам, которые, как я доказал, чужды христианской доктрине, но о которых, как вы утверждали, будто бы сам Святой Апостол Павел вам говорил» (St Aug., de Actis cum Felice Manichaeo, lib. 1).

(324) Tollius insign. Itiner. Ital., p. 129.

(325) Julius Firmicus Maternus de Errore profanarum religionum. BB. Pat., t. IV, c. 1, p. 86, 87.

(326) Есть несколько вариантов этих нечестивых актов: *печать* или поцелуй в губы, *печать* или поцелуй в пупок посередине тела, *печать* или поцелуй *в копчик* или *окончание спины*; все это совершенно буквально выражает смысл, о котором я говорю в тексте, и родовую идею начала, середины и конца.

Посвятитель появлялся нагим, но часто договаривался с посвящаемым, чтобы поцелуи были менее постыдными: «Receptor expoliavit se totum nudum in prasentia sua et aliorum fratrum adstantium, et praecepit ei quod oscularetur eum in ano; sed ipse renuit, et asculatus in humero» (Doc. in., t. 1, p. 255). Другой целует «in ore, in pectore en inter scapulas in carne nuda» (id., ib., p. 193; id., ib., p. 312).

(327) По преступлениям, которые вменяют тем и другим, я охотно отсылаю к Святому Епифанию (Haeres., 26), Пселлу (de Oper. Daem., c. 4, p. 62), Адемеру (Chronic., 159, etc.). Идеи метемпсихоза были соответствующими, а одинаково и отвращение к некоторым продуктам питания (см. M. Mignet, Journal des savants, avril 1852). В Крестовом Походе против альбигойцев католические солдаты распознавали катара по его отказу зарезать курицу или иную птицу (Etienne de Bellaville, 90). Наконец, известно благодаря Экберту, что праздник катаров назывался *Малилозой (Malilosa)*: подобно манихейскому празднику *Бема*, это было чествование памяти мученика Манеса (см. Schmidt, t. 2, p. 138).

(328) Манихеи под именем адамитов в голом состоянии совершали свои мистерии в пещерах, где устанавливали *банные печи* (см. на одной из сторон шкатулки).

(329) *Катары-славяне*, по примеру манихеев-адамитов, проводили свои собрания в подземельях, которым они давали имена пещер покаяния (Annales noves, 582). Катары, по словам Шмидта (t. 2, p. 111), проводили свои религиозные ассамблеи безразлично в каких местах: в замках или хижинах, посреди лесов или полей, в долинах, погребах, пещерах или специальных домах.

(330) Именно это заставило сказать брата Боно из Вулена: «Посвящения были тайными, что, на мой взгляд, было основанием возникших против нас подозрений» (Doc. in., t. 1, p. 631).

(331) Мемуары комиссии древностей Кот-д'Ора, 1850-1851, 2 книга, т. 3, стр. 113, 162 и сл.; Мэйар де Шамбюр (Maillard de Chambure), Устав и тайные статуты тамплиеров, стр. 30 Введения, примечание 2.

В преданиях замка Эссаруа уже немного отдаленных, но очень живучих, великолепной шкатулке дается еще имя *кабалистической шкатулки*. Я слышал разговор, что господа де Саси и Рейно-отец, оба востоковеды и члены Института, в одном из своих визитов к благородным хозяевам замка присвоили это название шкатулке, о которой идет речь.

(332) Около фермы, называемой Шапель-дю-Буа (Chapelle-du-Bois) и в направлении дороги, которая ведет в Валь-де-Шу (Val-des-Choux) или Валь-Сен-Льё (Val-St-Lieu). Это место называлось *ла Кав*: хорошо заметим совпадение этого имени с названием местности, где нашли *шкатулку*.

(333) Не более чем в трех километрах от Вулена.

(334) Господин Джеймс Ландель де Люньи (M. James Landel de Lugny), мой однокашник и друг, сам мне сообщил эту подробность, чтобы изменить мое противоположное мнение, высказанное мной в другом месте в соответствии с Куртепе (см. Мемуары комиссии древностей Кот-д'Ора, 1850-1851, 2 книга, т. 3, стр. 166).

(335) Село в 6 или 7 километрах от великого приорства Вулена, где тамплиеры имели свои владения (см. там же, стр. 111).

(336) Эта местность и источник также носят имя *ла Кава*. Совсем недавно я отмечал, что место подземной часовни в шаге ходьбы от деревни Вулен на пути из Валь-Сен-Льё одинаково имеет имя *ла Кав*.

(337) См. иллюстрацию с изображением водопада.

(338) Если судить по гальским и галло-римским следам, которые здесь нашли и о которых я опубликовал очерк в Мемуарах комиссии древностей Кот-д'Ора, loc. cit.

(339) Монография, часть первая, глава первая, примечание 33.

(340) Около трех километров.

(341) Куртепе, второе издание, т. 4, стр. 255.

(342) См. иллюстрацию с изображением водопада.

(343) См. Статистические данные, которые даются в продолжение этой публикации.

(344) Doc. in., t. 2, p. 218.

(345) Это подтверждает фрагмент из Неизданных документов (t. 2, p. 190), где речь идет о посвятителе, борющемся с посвящаемым или профессом: «Extrahens de sinu suo quamdam parvam imaginem de leone vel de auro» — «достав со своей груди маленькую медную или золотую фигуру».

В письмах, которыми мне оказал честь знаменитый господин фон Гаммер, он рассматривает шкатулки, имевшими предназначение скорее для хранения льняных веревок, необходимых для посвящений.

(346) Reghellini, t. 2, p. 53.

(347) Все изложенное мной прежде, меня избавляет от иных доказательств. Что касается нравов, принесенных с Востока в продолжение Крестовых Походов, историки нам их описывают в печальных тонах. Вильгельм де Нанжис (Guillaume de Nangis), повествуя в своей хронике о трагической смерти двух сыновей и одной дочери английского короля Генриха I, которые в XII столетии погибли с многими английскими сеньорами во время кораблекрушения, рассматривает это бедствие как наказание небес и не боится сказать:

«Omnes fere sodomitica tabe dicebantur et erant irretiti».

Пьер Дюфур (История проституции у всех народов мира, т. 3, стр. 397), у которого я позаимствовал эту цитату, добавляет, что моральное разложение являлось тайной связью различных еретических сект. Известны повеления Святого Людовика против этих безобразий, размножившихся до предела, когда легальная проституция, будучи поощряемой, удостаивалась считаться как бы лечебным средством, или, по крайней мере, мерой временного облегчения от подобной мерзости (там же, т. 4, стр. 58).

(348) Бонневиль, Шотландское масонство, стр. 97.

(349) См. гравюру METE, где между другими фигурами, по краям размещенными под главным изображением, находится египетский эон, держащий крест *Ансата* или *гностический ключ*. В нем легко узнается египетский эон из-за возвышающейся прически из двух змей вместо зубчатой короны, украшающей головы двух иных персонажей.

Офиты имели своей эмблемой усеченный крест или *фаллос*. Крест Ансата никак не является христианским символом: это просто мера из одной, двух или трех поперечин, называющихся *phal, diphal, triphal*. К этому меряющему жезлу *(phallus)* прибавлялось кольцо, служившее для его скрепления (Reghellini, p. 294, 357). Крест Ансата или *гностический ключ*, ястреб и ветвь акации, по словам Крейцера (Kreutzer), играют большую роль в египетских иероглифах. И действительно, эти два последних символа видны на той же самой части шкатулки из *Вольтерры*. Более того, на ней в противоположной части мы замечаем символ, называвшийся египтянами *жезлом солнца*. Послушаем на сей счет Плутарха (de Isi. et Osiri., c. 50): «Египтяне чествуют другой праздник, называющийся *жезлом солнца*, который после осеннего равноденствия дает понять, что солнце нуждается в поддержке, опоре и упрочении, поскольку его тепло начинает уменьшаться, а его свет уклоняться и удаляться вкось от нас». Остальные мистерии, изваянные на второй шкатулке, полностью манихейские с резкой и характерной азиатской чертой: так, вместо водного и огненного крещения, виден культ тельца друзов или быка Митры. Одним словом, всякая манихейская доктрина, отраженная в этих камнях, датируется скорее всего эпохами слияния гностицизма и манихейства.

(350) Так, на крышке присутствуют семь знаков и среди них: солнце, луна, две цепи эонов, две звезды и мертвая голова; эон андрогин METE завершает огдоаду. Наиболее выступающая звезда с семью лучами направляется к своей главной эманации эону METE, образуя вторую огдоаду. И так до пределов двух арабских линий, расположенных с определенным замыслом: восемь слов в линии с правой стороны и столько же слов с левой стороны, чтобы прийти в итоге к слову METE, повторенному в конце левой линии, и благодаря этому лишнему для смысла; получалось T. ME, что переставлялось в начале самой линии буквы N, относящейся к основной части слова KIA. С той же самой целью буква B, сокращение от BARBELO, оказалась там только для того, чтобы завершить число необходимых слов и знаков в этом необходимом проявлении и повторении Огдоады (см. таблицу с толкованием гравюры METE и арабской надписи рядом с этой таблицей). — Примечание, которое только что прочли, взято из 3 тома, 2 выпуска Мемуаров комиссии древностей Кот-д'Ора, стр. 196. Я воспроизвел этот фрагмент, чтобы можно было лучше понять и таблицу, о которой идет речь, и примечания, ее сопровождающие. — Арабское слово *tiz* соответствует греческому praktos (греч.) и латинскому *podex*: все это срамные слова.

(351) Крестоносцы и тамплиеры должны были принести из Азии только оригинальные памятники. Легко об этом думать, исходя из арабских букв надписи, которые довольно обыкновенно извращены и неопределённы, что тем

самым подтверждает имитацию со стороны европейских художников, о чем мне оказал честь сказать и барон фон Гаммер: «Лучшие граверы не идут до конца в гравировке восточного написания, чтобы можно было бы за ним признать его первоначальный облик». Нужно, конечно, не так много для искажения смысла по причине важности, которую играют точки в арабском написании; вот почему всегда боятся делать новые копии или рисунки этих надписей.

(352) Припомним, что процесс тамплиеров начался лишь в XIV веке 13 октября 1307 года.

(353) Найденная в Эссаруа шкатулка сделана из оолитного камня, но если бы даже в нашем краю существовал известняк, подобный материалу шкатулки, это еще не повод для признания, что она была произведена здесь. Известно, что большая часть галло-римских изваяний и надгробных камней из оолитного известняка имеется и в странах, наиболее лишенных этой породы. Основание предпочтения оолитного камня над мрамором и всяким другим известняком это сопротивление ломкости и большая послушность резцу для получения возможных форм. Этим объясняется, почему использование данного мягкого камня приобрело повсеместность в Средневековье.

(354) Эта форма является всегда указанием первоначального влияния христианства на греческое искусство.

(355) Один из главных персонажей барельефа шкатулки одет как одевались военнослужащие Византийской Империи.

(356) Женщина одета в такой плащ с рукавами, который замечаешь на самых древних витражах двенадцатого и тринадцатого веков.

(357) Исходя из мнений знатоков, шкатулка из Эссаруа тринадцатого века: это категорическое и обоснованное мнение господина фон Гаммера, столь авторитетного в данном вопросе; совершенно того же придерживается господин Арне (Arnetts), хранитель кабинета древностей.

(358) Среди памятников двенадцатого столетия (Album Dusommerard, 1 serie, p. 31) мы видим шкатулку шестнадцатого века, нарочно помещенную сюда в качестве предмета сравнения. Итак, на последней шкатулке отделка обладает полнотой: на ней заметна бросающаяся в глаза обнаженность, господство кариатид здесь в полной силе; простая шкатулка или сундучок удлиняется и уже не представляет собой форму христианского алтаря или саркофага, которую скульптурные композиции обретали в предшествующие столетия. Следовательно, шкатулка из Эссаруа по отношению к последней характеризуется элегантной суровостью: платья с капюшонами в бороздках, одеяния без полноты, персонажи коренастые и коротковатые как на памятниках двенадцатого столетия.

В том же альбоме (1 serie, ch. 21, p. 12) мы видим шкатулку тринадцатого столетия венецианской работы. Над ней много постарался резец, а платья персонажей в складках с капюшонами. Сюжет барельефа взят из романа двенадцатого века, озаглавленного Лебединый рыцарь. Форма этого предмета имеет большое сходство с формой шкатулки из Эссаруа.

Здесь же нам представлена и другая шкатулка *тринадцатого столетия*. Внешне она — восьмиугольник из слоновой кости, а резьба на ней столь же

богата, сколь и на шкатулке из Эссаруа. Сюжет взят из романа о Крестовых Походах.

(359) «Люди, которые возгораются идеей и делают ее самоценной всеми возможными средствами, оказывают науке намного больше услуг, чем тот, кто не пытается в это даже поверить» (Lenormant, Cours d'Hist. Ancienne, p. 178).

(360) Рапорт в Институт, 12 ноября 1852 года, стр. 31.

(361) Мемуары комиссии древностей Кот-д'Ора, 1850-1851, т. 3, 2 выпуск, стр. 197 и сл.

(362) Я сличал все мнения: Мемуары комиссии древностей Кот-д'Ора, 1850–1851, т. 3, 2 выпуск, т. 3, стр. 200.

(363) «Respondit quod Dominus Papa reservaverat dictum ordinem sibi» (Doc. in., t. I, p. 87).

(364) В 1204 году Крестовый Поход против альбигойцев и катаров Юга Франции проповедовался папой Иннокентием III, и в 1219 году другой Крестовый Поход против тех же самых еретиков возглавил Людовик VIII.

(365) Все противодействующие манихеям Соборы объявляли анафему этим еретикам.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО МИЛИЦИИ ХРАМА, НАХОДИВШЕЙСЯ В ВЕДЕНИИ ВЕЛИКОГО ПРИОРСТВА ВУЛЕНА, ИНАЧЕ НАЗЫВАЕМОГО ВЕЛИКИМ ПРИОРСТВОМ ШАМПАНИ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Великие приорства зависели непосредственно от великого магистра ордена. Они объединялись в *ланги (языки)* благодаря народам, говорившим на том или ином наречии. *Первый ланг назывался Провансальским* и подразделялся на два приорства даже при рыцарях Мальты, наследовавших владения тамплиеров: *приорство Святого Жиля (St-Gilles)* и *Тулузское приорство* (1), которым подчинялось 54 командорства.

Второй ланг именовался Овернским и включал в себя 77 командорств. От него зависели *Доль (Dole)* и несколько других местностей Бургундии (2).

Третий ланг назывался Французским, от которого зависели *Оксерр (Auxerre)* в Бургундии, а также *Тампль Труа* в Шампани и *Тампль Реймса* (3).

Тампль Оксерра был основан в 1199 году на приходе Святого Евсевия (4). Пристройку к этому дому заложил в 1216 году Вильгельм де Мелло (Guillaume de Mello), сеньор *Сен-Бри (St-Bry)*, у часовни *Сольс (Saulce)* около Эколива (Ecolives), *vicus Ecolivae* или *Scolivae* (5). Дом Оксерра являлся одной из главных резиденций великого приора Франции.

Имелось семь других домов в диоцезе Сан. И только после того, как Орден Храма был замещен Орденом Мальты, все эти дома объединились с домом Оксерра в 1419 году (6), входившем в ведение великого приорства Франции, резиденция которого находилась в парижском Тампле (7).

Во Французском ланге было еще два крупных великих приорства. Это великое приорство Аквитании, которому подчинялось 63 командорства: в их число входили командорства Мулена, Анжера, Ла Рошели и пр. (8) Другим являлось великое приорство Шампани, включавшее в себя 24 командорства (9). Великие приоры носили все почетные титулы, связывавшие их с духом универсальности этого сильного и единого воинства, каким бы ни было удаление друг от друга и разнообразие занимаемых им мест. Вот почему великий приор Шампани обладал званием казначея и хранителя печатей (10).

Четвертым лангом считался Итальянский, где мы видим великие приорства Рима, Ломбардии, Венеции, Пизы, Мессины, Капуи, Сицилии, Пьемонта и Милана и т.д.

Пятым лангом был Арагонский, куда входили Наварра, Каталония, Руссильон, Сардиния и т. д. Приоры носили звание *великих консерваторов ордена*.

Шестой ланг — Английский. Великие приоры были *полковниками кавалерии* и имели в своем подчинении великие приорства Шотландии, Ирландии и 32 командорства.

Седьмым лангом значился Немецкий, где приоры имели звания *великих бальи* ордена. К этому лангу принадлежали великие приорства Венгрии, Чехии, Польши, Дании, Швеции. Командорства подразделялись таким образом: 27 в Верхней Германии и 40 в Нижней Германии.

Наконец, *восьмой Кастильский ланг*, в котором великие приоры обладали достоинством *великих канцлеров*. В его ведении находились великие приорства Кастилии, Леона и Португалии, Алгарви, Гренады, Толедо, Галисии, Андалусии и т. д. (11)

За приорами ордена по иерархии шли прецепторы (12), викарии (13) последних или субпрецепторы, так как после приорств шли прецептории или прецепториальные дома, затем простые командорства (14), отделения или придатки которых назывались *членами (membres)*, а сельские угодья или фермы *ригами (granges)*.

После общего обзора я представлю здесь сведения по диоцезам и бальяжам, прецепториям и их подразделениям, которые входили в ведение великого приорства Вулена, неправильно называемого великим приорством Шампани, поскольку дома милиции Храма в этой провинции подчинялись парижскому Тамплю; однако я объясню происхождение этого названия.

ВЕЛИКОЕ ПРИОРСТВО ШАМПАНИ. ДИОЦЕЗ ЛАНГРА

Первые дома, зависевшие от древнего бальяжа Монтань или Шавийов (Chavillow)

В подчинении великого приорства Шампани, штаб-квартира которого находилась в *Вулен-ле-Тампль (Voulaine-lez-Temple)*, было 24 прецептории с зависящими от них отделениями, сельскими угодьями и фермами, называвшимися *ригами* или аграрными владениями. Эта одна из наиболее значимых во Франции и в других странах Европы военная и религиозная юрисдикция включала в себя не только всю Бургундию с диоцезами Ланграа, Отюна (Autun) и Шалона (Chalon), но простиралась своими ответвлениями и до других стран, где епископы являлись суффраганами (викариями) прелата Трира, ибо Тампль Меца принадлежал к приорству Вулена равно как и Тампль Нанси (15).

Вулен-ле-Тампль (Кот-д'Ор) в 6 километрах от Эссаруа и в 14 километрах от Шатийон-сюр-Сен (Chatillon-sur-Seine) являлся резиденцией великого приора Шампани (16).

Орден тамплиеров, который уже 36 лет как был основан в Бюре, стал быстро расти. В 1163 году он получил от епископа Ланграа *Гоммфрида (Geoffroi)* в дар от церкви Вулена и Лёглея (Leugley) две прилегающие друг к другу деревни, хотя и принадлежавшие двум разным провинциям. И только в 1175 году по великодушию герцога Бургундского Гуго III (Hugues III), недавно вышедшего из-под опеки своей матери Марии Шампанской, старшей дочери Теобальда VI (Thibault VI), графа Блуа и Шампани (17), тамплиеры начали владеть землями и сеньорией Вулена. Эта сеньория возросла еще в пользу тамплиеров в результате дарения епископов Ланграа в 1206 и в 1237 годах (18).

Важность сеньории Лёглей (место очень старое, по словам Куртепе, и называвшееся когда-то Ситэ Лёглей), зависимой от провинции Шампани, было таково, что великое приорство Вулена, находившееся в селении, принадлежащем Бургундии, взяло наименование великого приорства Шампани после объединения двух земель. Первые земельные фонды были подарены тамплиерам сеньором Жаном де

Лёглеем в 1164 году. Другие богатые дарители еще увеличили владения воинства Храма в тех же самых местах в 1202 и 1260 годах (19).

Вскоре поднялся в Вулене великолепный замок, сады и луга которого орошались живыми водами, венчаемые приятной для глаз плодородной местностью и прекрасными богатыми дичью лесами. Замок был укреплен; зал капитула был просторен и в богатом убранстве: его украшали портреты великих магистров ордена. Несколько часовен высились в округе. Одна из них находилась посреди живописной уединенной местности между *Фруаваном (Froidvent)* и Люньи (20), а другая, называвшаяся *Шапель-дю-Буа (Chapelle-du-Bois)*, около нынешней дороги из Вулена в Валь-де-Шу (Val-des-Choux). Все в окрестности великого приорства Вулена несет на себе еще явные черты присутствия рыцарей Храма. Так, в лесах Эссаруа и Вулена часто встречаются каменные межевые столбы, несущие отпечаток орденского креста. Именно в самом лесу Эссаруа в религиозном одиночестве, освященном многими историческими воспоминаниями, обнаружили в 1789 году по соседству с прекрасным источником, прозванным *ла Кав (la Cave)* ценную шкатулку, очевидно, принадлежавшую тамплиерам Вулена, которой сегодня владеет господин герцог де Блакас.

Тем же тамплиерам принадлежала в *Шателлено* (Castrum Novum) вблизи с Эссаруа часовня, называвшаяся *Шапель-Сен-Сир* с несколькими пристройками, которые им были подарены здешним сеньором Бенселеном д'Апреем в 1189 году (21). От этой часовни до *Шатуабо* или Шатобо (*Chatoibot, Chatobo*: Belli Castrum) лишь небольшое расстояние. Там заметен с гребня одного из холмов в шестиста или семиста метрах от второстепенной *римской* дороги, как я описывал в другом месте (22), любопытный план лагерного городка, построенного из перенесенных скал в основании грозной крепостной стены. Куртепе говорит, что тамплиеры обладали в этом месте *небольшим укрепленным замком (castel)* (23). Мое единственное разногласие с этим бургундским историком заключается в том, что я отношу основание данного замка римлянам; но, оставаясь при своем уже выраженном мнении (24), я никак не отрицаю возможности, что тамплиеры из округи нашли тут готовое укрепление и для своей пользы выставили здесь посты с поспешностью, очень понятной со стороны военного ордена. Вещь, казалось бы неоспоримая, что тамплиеры располагали свои владения в определенном эшелонированном порядке в местности между Вуленом, Эссаруа и Бюром.

Сеньория Вулена была составлена из прецепториальных домов *Мормана, Эпэйи* и *Бюра*.

Прецептория Мормана между Ришбуром (Richebourg) и Лангром и на окраине бальяжа Монтань (Montagne). Эта прецептория (25) образовывала с прецепториями Эпэйи и Бюра три приоральных палаты, покровителем и сеньором которых являлся великий приор Шампани (26); она имела *член* или придаток в поселке *Бошмен (Baeauchemin)* между Морманом и Лангром.

Прецептория Эпэйи (27) между общинами *Биссей (Bissey)* и *Курбан (Courban)* на протяжении большого римского пути из Оксерра в Лангр. Около 1230 года Эргард (Erard) *де Шастенэ* продал тамплиерам земли, которыми владел в Курбане. От 1210 до 1238 года несколько сеньоров и сам герцог Гуго IV уступили принадлежавшие им земельные угодья в крае тамплиерам (28), сеньором которых стал великий приор Шампани.

В Тампле Эпэйи, наряду с прекрасными садами, была большая и красивая часовня: сохранившиеся руины ее хорошо видны посреди плодородной равнины, которой она теперь служит, увы, для уборки урожая. Здесь же заметны следы подземного помещения. Это была важная резиденция, и в ней проводилось несколько капитулов (29). Ее главными угодьями являлись: Луэзм (Louesme), Биссей (Bissey) и Туар (Toires) (30).

Прецептория Бюра (31) между Вуленом и Бенёвром (Beneuvre) в Кот-д'Оре. Она была *первой приоральной палатой* и началом всех других домов и даже дома Вулена, поскольку тамплиеры водворились в Бюре с 1120 года и, следовательно, с основания ордена (32); Эудес де Грансей (Eudes de Grancey) взял этих монахов под свою защиту в 1127 году, и десятина им была предоставлена сеньором места в 1203 году. Право старшинства прецептории Бюра над великим приорством Вулена стоило определенных привилегий: так, Тампль Шатийона, называвшийся *маленьким Тамплем*, где проводились капитулы ордена (33), несмотря на свою значимость, являлся лишь *членом* дома Бюра (34); да и Храм *Магдалины* в Дижоне, одинаково именовавшийся *маленьким Тамплем*, зависел как таковой от Тампля Бюра (35).

Прецептория Шатийона (36). Строения этой резиденции еще видны на одной из окраин города вблизи бульвара, называемого *ла Шарм (la Charme)*. Эти строения, принадлежавшие Мальтийскому ордену после упразднения Ордена Храма, стояли напротив Дижонских ворот, сегодня разрушенных, и их местоположение частично вклю-

чено в прекрасную собственность господина де Фрамери. Тамплиеры владели также в Шатийоне часовней — ныне часовня *Святого Теобальда* в нескольких шагах от мельницы на Сене и при въезде на дорогу из Монбара.

Гранж де Маньи-Ламбер (Grange de Magny-Lambert), Villa Manelli Lamberti между Бэньё (Baigneux) и Шатийоном. Тамплиеры имели там дом, ставший приютом рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, их преемников (37). У тамплиеров были также владения в Бремюре (Bremur).

Дом Монморо (Montmorot), расположенный в поселке Монморо между Саливом (Salive) и Бюром на римском пути из *Лангра в Ализ (Alise)*: последний был *членом* или придатком прецептории Бюра.

Прецептория Валёра (Valeure) (38), основанная в 1172 году Манассией, епископом Лангра и графом Бара (de Bar) в двух километрах от Бар-сюр-Сен. Как анклав Бургундии она подчинялось великому приорству Вулена. Членами этой прецептории были *Арель (Arelles)* в Бургундии и половина *Бюсьера (Buxieres)* (39), поскольку другая половина принадлежала Шампани.

Тамплиеры имели еще одно командорство в *Мараmme (Maratte)* или *Маро (Marault)* в Бассиньи (Bassigny) у Шомона (Chaumont) и один дом в Ришбуре того же самого диоцеза.

Вторые дома, расположенные в бальяже Дижона

Прецептория Дижона (40). Она располагалась в предместье Святого Петра между строением, занимавшимся этой церковью около современной решетки ворот Святого Петра, и бастионом, к которому примыкает по крепостной стене улица Шеньо (Chaignot). Я снабдил доказательствами это утверждение на одной из страниц Монографии о шкатулке господина герцога де Блакаса.

В названиях от 1260, 1284, 1343 годов улица Мулен (la rue de Moulins) в предместье Святого Петра носила имя vicus Templi: она же являлась улицей Тампля в 1418 и была переименована в улицу Мулен в 1579 году (41).

Хотя прецептория Дижона и ее *члены* или отделения подчинялись великому приорству Шампани (42), *маленький Тампль* Дижона, в частности, наравне с *маленьким Тамплем* Шатийона, находились в ведении дома Бюра. За этим домом сохранялась честь как родо-

начальника ордена и приорства Вулена. Маленький Тампль Дижона располагался в самом *каструме* возле башни, называвшейся часовней *шатра (chatre)* или тюрьмы *Святого Бенигна*, которая в нее был заключен и здесь отдал свою жизнь за Иисуса Христа (43). Остатки этой башни можно увидеть в доме, находящемся напротив гостиницы Мимёр (Mimeure) и соприкасающемся со строениями Магдалины на улице Правовой школы (rue de l'Ecole-de-Droit).

Члены или отделения прецептории Дижона были многочисленны.

Она имела дом в *Талане (Talant)*, опиравшийся на стену крепостной стены напротив сада нынешнего курорта (44).

Другой дом ей принадлежал в *Фовернее, Фовернеюме, Фоверниакуме* или *Фаберниакуме (Fauverney, Fauverneium, Fauverniacum, Faberniacum)*, который Неизданные документы по истории Франции исказили словом *Таверниакум (Taverniacum)*. На запад от этого селения находилась маленькая часовня, поставленная по просьбе Богородицы и называемая *Тампль*: часовня была присоединена к командорству *маленького Тампля* Магдалины Дижонской (45).

Командорство Святого Филиберта или *Вель-су-Жеврей (Commanderie de St-Philibert, Vele-sous-Gevrey, Villa sub Givraeio)*. Великий приор Шампани являлся его бенефициаром (46). Тамплиеры здесь имели дом с двенадцатого столетия. Церковь *Фиксея (Fixey)* вполне могла быть придатком этого командорства, ибо орденский крест римской формы виден на надвратном фронтоне храма. Дом Вель-су-Жеврей, тем не менее, обладал еще более важными членами или отделениями: таковым было отделение в *Рюффее (Ruffey, Rufiacum, Ruffeim)* в 6 километрах от Дижона между *Оржё (Orgeux)* и *Беллефоном (Bellefond)* вблизи римской дороги из Шалона в Лангр. Дом тамплиеров в Рюффее являлся колонией дома Веля; вот почему Тампль Рюффея назывался маленьким Тамплем Святого Филиберта и подчинялся напрямую как и материнский дом великому приорству Шампани (47).

Дом Святого Юлиана около Рюффея был еще членом или придатком того же самого командорства вместе с домом *Ис-сюр-Тиль (Is-sur-Tille; Lisium, Izium ad Tilam)*. В этом месте еще в 1585 году стоял дом тамплиеров, расположенный в пригороде Тура, на участке, называемом и поныне Рига Тампля (48).

Дом или рига Кюртиль (Curtil; villa de Curtis или Curtile) (Doc. in., t. 1, p. 333) в 6 или 8 километрах от Ис-сюр-Тиль. Великий приор Шампани являлся сеньором этого места. Тамплиеры имели здесь дом

и часовню, долгое время служившей приходской церковью. Герцог Роберт позволил командору Куртиля Гуго Перро (Hugues Perrault) *установить правосудие в межевании Куртиля* в 1295 году (49).

Предположительно тамплиерам принадлежало еще одно командорство в Сомберноне (Sombernon).

Третьи дома, расположенные в бальяже Бона

Прецептория Бона (Beaune, Belna, Belnum, Belno-Castrum). Ее дом возник в городском предместье Святого Иоанна, где имелась одна часовня, предназначенная для погребения командоров (50): в ней же принимался в Орден Храма Яков де Моле.

Дом Дезиза (Desize, Dizeseia) между Отюном и Боном и в 16 километрах от этого города. Госпитальеры Святого Иоанна Иерусалимского, затем мальтийские рыцари, имели здесь приют с двенадцатого столетия (51), что заставляет меня рассматривать этот дом в качестве независимого от милиции Храма, о чем я и говорю, выражая свое сомнение.

ДИОЦЕЗ ОТЮНА

Первые дома, зависящие от бальяжа Семюра

Дом Нормье (Normier) в 12 километрах от Семюра. Это была ферма, принадлежавшая тамплиерам (52) и, вероятно, придаток *Семарея (Semarey)* или прецептории *Туази-ле-Дезер (Thoisy-le-Desert)*, располагавшейся от нее на небольшом расстоянии (53).

Вторые дома, расположенные в бальяже Аваллона

Прецептория Аваллона (Avallon). Этот дом находился на небольшом расстоянии от города в *Понт-Обере (Pont-Aubert; Pons Alberti)*. Я не нашел у Куртепе уточнения ни в вопросе происхождения этой резиденции, ни в вопросе о топографии Понт-Обера (54). *Отец де Гуссанкур (P. de Goussancourt)* делает его зависимым от великого приорства Шампани; и это наиболее правдоподобно, ведь и прецептория Нюи-су-Равьер (Nuits-sous-Raviere), принадлежавшая к тому же самому диоцезу и бальяжу, подчинялась великому приорству Шампани.

Командорство Святого Марка около Нюи-су-Равьер, или на Армансоне. Этот дом существовал в XII веке, поскольку по хартиям видно доказательство даров, сделанных братьям Святого Марка в 1186 году. Он зависел от великого приорства Шампани и являлся вторым для рыцарей-сержантов, тогда как Магдалина или маленький Тампль Бюра в Дижоне был для них первым (55). Членами этого командорства были: *Ла Вевр (La Vevre)* близ Леня (Laignes); *Маршсуаф (Marchesoif)* у Тоннера (Tonnere), *Фонтенэ (Fontenay)* около Шабли (Chably).

Третьи дома, расположенные в бальяже Арнэ

Прецептория Туази-ле-Дезер (56) в 12 километрах от Арнэ и 3 километрах от Пуийи (Pouilly). Великий приор Шампани был для него *сеньором* и *высоким заступником* (57); лесные угодья в окрест-

ностях именовались *дубами тамплиеров*. Из названий, найденных в архивах великого приорства Вулена самим Куртепе, получается, что земли дома де Туази были даны тамплиерам *Фромоном де Виллером (Fromond de Villers)* в 1202 году, *Андре де Пуийи* в 1221 году, *Одо де Бёреем (Odo de Beurey)* в 1243 году и Вильгельмом де Туази, продавшим тамплиерам четверть этого села в 1279 году (58).

Нынешний замок Туази имеет для входа башенку; сводчатый зал, напоминающий помещения, которые угадываются в руинах еще существующих мест определенных командорств, служит сегодня столовой; две древние двери, усыпанные головками гвоздей в форме маленьких крестов ордена Мальты удостоверяют оттиск XII столетия. Другая также сводчатая часть, кажется, служила часовней. Владелец этого древнего особняка хорошо помнит об услышанном в его семье разговоре, что прежде здесь нашли в склепе восемь скелетов, два щита и сейф, наполненный кольцами.

Святая Сабина, в прошлом *Сен-Мартен-де-Лассю (Saint-Martin-de-Lassus)*, деревня на небольшом расстоянии от Туази, вполне могла быть отделением командорства Туази-ле-Шато, хотя ни Куртепе, ни Гарро никак не упоминают об этом; возможно, она была отделением для усопших и только местом погребения для начальников ордена.

Церковь, судя по ее грандиозной архитектуре, великолепному порталу и прекрасной колокольне была возведена общиной. Греческий крест присутствует в нескольких местах церкви и особенно вверху над главными вратами и на краю венца хоров. И все же, существуют в этом краю следы меровингских погребений, и подлинная археологическая тайна местности еще погребена в подземелье замка Святой Сабины.

Нет никакого сомнения, что тамплиеры были сеньорами почти во всей этой области. Они владели землями и в *Семарее*, округ которого соприкасается с округом Туази и название которого в приписке к завещанию герцога Роберта писалось как *Семорей (Cemaurey)* в 1302 году. Герцог получил эти земли в 1293 году в результате обмена с тамплиерами Магдалины Дижонской (59).

Тамплиеры обладали также имуществом в соседнем *Ванденессе (Vandenesse)*. В дижонских архивах можно познакомиться с хартией от мая 1237 года (60), говорящей об обмене, посредством которого тамплиеры уступают и оставляют *Иоанну*, сеньору *Шатонёфа*, землю, подаренную им его дедом *Иосифом де Шатонёфом*, и все то, чем Иоанн владел в Ванденессе, с согласия его жены *Изабеллы*, за что Иоанн дает тамплиерам 53 сетье пшеницы и овса напополам.

Прецептория Шалона (61). Этот дом существовал в XII веке, поскольку в начале XIII века Иоанн де Шалон уступил рыцарям эту резиденцию по хартии, которая приводится у Перри на стр. 63. Великий приор Шампани и командор Шалона был погребен в часовне своего Тампля. *Членами* данной прецептории являлись: *Святая Катерина* в *Маконнэ (Sainte-Catherine; Maconnais)*; *дом Севрей (Sevrey)*; *дом около Бюкси или Бюсси-ле-Рояль (Buxy, Bussy-le-Royal)* и *дом Деминьи (Demigny)*.

Все прецептории, командорства и дома, номенклатуру которых я составил и которые принадлежали к различным приведенным диоцезам, находятся в *Бургундии*. Три последних командорства, следующих ниже, относятся к *диоцезу Лангра*, но находятся во Франш-Конте. Это: *Ла Ромэн (La Romain)* или Роман между Шамплиттом (Champlitte) и Сакенэ (Sacquenay); *Госпиталь капелланов* около Шамплита и, собственно, *командорство* у Грэ (Gray).

Я описал в этом быстром изложении главные владения ордена Храма, находившиеся под покровительством великого приора Шампани и подчинявшиеся великому приорству Вулена, где его главный сановник имел свою резиденцию. Я не перечислил все владения и, в частности, то, что называлось *ригами или фермами*, поскольку все богатство ордена заключалось в недвижимом имуществе; но я намеревался здесь собрать только самые верные общие и необходимые сведения.

ЗАВЕРШЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПО МИЛИЦИИ ХРАМА

---

(1) Отец де Гуссанкур, Мартиролог рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского — Le P. de Goussancourt, Martyrologe des chevaliers de St-Jean-de-Jerusalem, p. 292 et suiv.

(2) Id., p. 298, 300.

(3) Id., p. 308.

(4) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 328.

(5) Id., ib., p. 390.

(6) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 328.

(7) Гарро, Частное описание земель, городов и поселков Бургундии — Garreau, Description particuliere des pays, villes et bourg de Bourgogne, p. 233.

(8) Le P. le Goussancourt, p. 310.

(9) Id., p. 312.

(10) Великий приор Прованса имел достоинство великого командора (id., p. 292); великий приор Оверни — великого маршала (id., 298). Великие приоры Рима являлись адмиралами ордена (id., p. 314).

(11) Id., p. 314, 326, 327, 328.

(12) Видно, что великий магистр, которого звали Террик (Terric) или Тьерри (Thierry), имел в 1185 году титул *Summus Praeceptor* (Histoire crit. et apolog. des Templiers, par P. Mansuet (introd., p. 21).

(13) Frater Gerardus, *Vicarius* Praeceptoris domus de Fontanis (Doc. in., t. 2, p. 413).

(14) «Дома тамплиеров делились на приоральные или простые командорства. В последних управление доверялось нескольким рыцарям или сержантам, которые имели капелланом орденского священника, обязанного их наставлять и совершать для них таинства в своей независимой часовне. Приоральные или прецепториальные дома были более значительными и более многочисленными по рыцарям, сержантам и капелланам; здесь принимали в послушники и совершались неукоснительно ночные и дневные службы; священники тут подчинялись старейшему из них, иногда называвшемуся приором, и весь этот клир у рыцаря, называвшегося *прецептором* или магистром и возглавлявшего капитулы, следил за строгим соблюдением правил, накладывал епитимьи как за большие, так и малые грехи, и посылал к священникам для отпущения грехов» (Le P. Mansuet, loc. cit., liv. 1, p. 18).

(15) Le P. de Goussancourt, p. 312. Епископство Меца, некогда являвшееся викариатством архиепископства Безансона, было викариатством Трирского архиепископства (Annuaire historique de 1838, p. 61). До 1777 года, когда было образовано епископство в Нанси, этот город зависел от епископства лотарингского Туля, являвшегося, как и епископство Меца, викариатством Трирского архиепископства (id., ib., p. 62). См. также *Gallia christiana*, стр. 1365 и карту Трирского диоцеза.

(16) Garreau, Description particuliere des pays, villes et bourg de Bourgogne, p. 326.

(17) Краткое изложение истории Бургундии Дюфея, том 2, стр. 87 и 93.

(18) Courtepee, 2 éd., t. 4, p. 296.

(19) Id., ib.

(20) Это место называется Куррери, и я объяснял его происхождение во 2 части монографии о шкатулке.

(21) Courtepee, 2 éd., t. 4, p. 255.

(22) См. мою Историю различных культов, суеверий и таинственных практик бургундского края, стр. 43.

(23) Courtepee, loc. cit.

(24) Histoire des diffenents cultes, superstitions et practiques mysterieuses d'une contree bourguignonne, loc. cit.

(25) В эпоху процесса над тамплиерами *прецептор* Храма Мормана именовался братом Лаврентием (Doc. in., t. 1, p. 435, 591).

(26) Courtepee, 2 éd., t. 4, p. 296.

(27) Espalhe, Espalhi, Espalhiaeo, Espeilleyo, Espeilly (Index des Doc. in., t. 2, p. 524). Во время процесса над тамплиерами прецептор Эпэйи звался братом Гуго (Doc. in/, t. 1, p. 350).

(28) Id., ibid., p. 249.

(29) Id., ib., p. 296.

(30) Тамплиеры имели в Биссей-ла-Кот около Эпэйи в собственности виноградники, о чем можно прочесть в Неизданных документах (Doc. in., t. 2, p. 350): «Frater Constancius de Biciaco-la-Coste, venditor vinorum domus Templi dieti loci». Дом или отделение Туар называлось domus Templi de Tauris Lingonensis Diocoesis (Doc. in., t. 2, p. 265).

(31) Во время процесса Петр де Сиврей являлся прецептором дома Бюра (Doc. in., t. 1, p. 301, t. 2, p. 358). Этот дом всегда сохранял свое преимущество, ибо от него пошло великое приорство Вулена. Его еще называли *Baillivie de Bure*, то есть *бальяж Бюра* (см. Doc. in., loc. cit.)

(32) Именно в 1118 году Гуго де Пайеном был учрежден в Иерусалиме Орден Храма (см. мою заметку о печати Шатийона в XII веке).

(33) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 296.

(34) Гарро, Описание губернаторства Бургундии — Garreau, Description du gouvernement de Bourgogne, p. 83.

(35) Примечание господина Гарнье, архивиста города Дижона.

(36) В эпоху процесса над тамплиерами Роберт Лесколь (Robert Lescolh) являлся прецептором Тампля в Шатийон-сюр-Сен (Doc. in., t. 1, p. 317).

(37) Courtepee, 2 edition, t. 4, p. 275.

(38) Валейр, Валуар и бальяж Авелёр, в котором был *прецептором* брат Гумберт (Doc. in., t. 1, p. 396, 434, 522, 562, t. 2, p. 396).

(39) Buxiere, diocesis Lingonensis (Doc. in., t. 2, p. 396).

(40) В эпоху процесса над тамплиерами Этьен или Стефан (Stephanus de Divione) был *прецептором* Храма Дижона, *Preceptor de Divione* (Doc. in., t. 1, p. 301).

(41) Примечание господина Гарнье, архивиста города Дижона.

(42) Courtepee, 2 edition, t. 2, p. 117; Garreau, Description du gouvernement de Bourgogne, p. 84.

(43) L'abbe Fiot, Cartulaire St-Etienne — аббат Фио, Картулярий Святого Стефана.

(44) Примечание господина Гарнье, архивиста города Дижона.

(45) Courtepee, 2 éd., t. 2, p. 188.

(46) Id., ib., t. 2, p. 243.

(47) Courtepee, 2 éd., t. 2, p. 186, t. 1, p. 145.

(48) Id., ib., t. 2, p. 205.

(49) Id., ib., p. 182.

(50) Id., ib., p. 293.

(51) Id., ib., p. 320.

(52) Courtepee, 2 éd., t. 3, p. 577.

(53) 10 или 12 километров.

(54) См. Courtepee, 2 éd., t. 4, p. 15, 390.

(55) Id., ib., t. 4. p. 12.

(56) Toysi vel Toysiaco, или Тоссиако. — Reginald Praeceptore dicte domus (Doc. in., t. 1, p. 437).

(57) Courtepee, 2 éd., t. 4, p. 86.

(58) Courtepee, id., ibid.

(59) Id., ib., t. 4, p. 145.

(60) Замечание господина доктора Морело (Morelot) из Эгийи (d'Eguilly).

(61) Во время процесса над тамплиерами брат Одон являлся прецептором Храма Шалона — *Praeceptor Ballivie Cabilonensis* (Doc. in., t. 2, p. 350).

ЗАПИСКА
О ДВУХ ГНОСТИЧЕСКИХ ШКАТУЛКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КАБИНЕТА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

Йозефа фон ГАММЕРА-ПУРГШТАЛЯ,
Австрийского Императорского надворного советника

Париж, 1832

Господину Герцогу Де Блакасу

Если бы даже две шкатулки, о которых идет речь в этих Воспоминаниях, и не являлись частью Вашего кабинета (впрочем, столь богатого памятниками всякого рода, из которых восточные артефакты послужили для иллюстраций превосходного произведения господина Рейно), одно покровительство, оказываемое Вами как в зарубежье, так и во Франции литературе по востоковедению, было бы достаточным званием, чтобы мне почитать за честь свою работу.

Сделав литографии этих двух шкатулок и дав возможность хождению копий среди тех, чьи исследования налагают обязательства заниматься по предпочтительности ими, вы подали прекрасный пример любителям и всем хранителям кабинетов.

Я счастлив от того, что Ваше просвещенное суждение посчитало мою работу достойной выйти под Вашим покровительством, и я Вас прошу ее благосклонно принять как выражение глубокого почтения и признательности за то, как Ваши щедрые заботы должны вдохновлять всех ориенталистов.

С чувствами, в которых имею честь пребывать, Господин Герцог,

Вашего Превосходительства
покорнейший и преданнейший слуга
Йозеф фон Гаммер.

ЗАПИСКА О ДВУХ ГНОСТИЧЕСКИХ ШКАТУЛКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КАБИНЕТА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

Тему этих Записок составляют две шкатулки, выполненные из известнякового камня, а их надписи и верно приведенные барельефы на девяти иллюстрациях прилагаются к тексту (A-I). Одна из шкатулок, найденная в Бургундии, немного утолщена по своему периметру и имеет девять дюймов в длину, семь дюймов в ширину и четыре с половиной дюйма в высоту, не включая крышку, толщина которой около двух дюймов. Вторую шкатулку обнаружили в Тоскане: по фактуре она изящнее первой и обладает десятью дюймами в длину, немногим более пяти дюймами в ширину и приблизительно пятью дюймами в высоту, но ей недостает крышки.

Очевидно, что эти шкатулки принадлежат к роду памятников Средневековья, о нескольких из которых я писал в шестом томе *Копей востока* в Записках, озаглавленных: *Mysterium Baphometis revelatum* (1); и одна из иллюстраций, их сопровождающая, воспроизведена здесь под буквой K. Остается лишь бросить взгляд на те или иные рисунки, чтобы убедиться в подобии оргий, на них представленных, и особенно в идентичности арабских надписей, в которых проявляется один и тот же характер и та же самая путаница, как будто эти шкатулки одного и того же вида, что и артефакты из Императорского кабинета Вены в Австрии. Скульптурные барельефы последних занимают три первых ряда иллюстрации K под № 13, 14 и 15.

На этих двух шкатулках, а одинаково на артефактах Имперского кабинета Вены видна главная фигура в головном уборе Кибелы, поднимающая висящие цепи (см. иллюстрации A и K, первая и четвертая серии). Статуя андрогина, фигурирующая в оргиях на первой шкатулке (иллюстрация E) является той же самой, что изображено на иллюстрации K под № 11 и 12, как и многочисленные идолы, выгравированные на первой иллюстрации *Копей Востока*. Солнце, луна, звезда, пентаграмма и череп, сопровождающие главную фигуру иллюстрации A, находятся и на иллюстрации K под № 5, 7 и 8. Огненный кубок, столько раз повторенный у подножия идолов первой иллюстрации *Каменоломен Востока*, воспроизведен здесь на иллюстрации F, и ваза, представленная на иллюстрации K внизу бюста

№ 9, с римской буквой g и арабской ف, обнаруживается в графинах, приносимых в кабак на иллюстрации E.

Крокодила (иллюстрация B), на котором восседает ребенок, мы видим на иллюстрации K, фигура 4, одинаково как и ребенка, спешащего быть разорванным в его пасти; наконец, две арабские надписи обеих шкатулок (по три слова каждая) являются теми же самыми, что я опубликовал и перевел в *Каменоломнях Востока*.

Не повторяя то, о чем я сказал для разъяснения скульптур шкатулок и идолов Имперского кабинета, в процитированных выше Записках, на которые я еще сошлюсь неоднократно, здесь я ограничусь лишь интерпретацией скульптур шкатулок Кабинета господина герцога де Блакаса; но прежде чем предаться этому обсуждению, необходимо сказать несколько слов об общем характере этих памятников, о присущем им возрасте и доктрине, выражением которой они являются.

Арабские и европейские надписи, присутствующие на одних и тех же памятниках (надписи выгравированы на первой иллюстрации *Каменоломен Востока* и частично на иллюстрации K под № 10, 11, 12 и пр.); эти надписи, воспроизведенные одним и тем же образом невежественными художниками, что я приводил на страницах 7–14 VI тома *Каменоломен Востока*, не оставляют ни малейшего сомнения, что памятники, на которых их обнаруживают — как идолы так и шкатулки (ибо одни и другие несут одинаковые надписи) — не принадлежат европейским обществам Средневековья; характерные черты скульптур и букв свидетельствуют о памятниках тринадцатого века христианской эры. Главная фигура, представленная на шкатулках, гений (андрогин), держащий цепь эонов; таинства крещения и евхаристии, в которые обряжены артефакты, горящий костер и в особенности оргии змею (иллюстрация K, первая серия) слишком ясно показывают, что эти памятники принадлежали одной из самых развращенных сект гностицизма, а именно офитам, существование которых в тринадцатом веке подтверждается весьма внушительными документами.

Немецкие и французские критики, поднявшиеся против моих Записок, опубликованных в *Каменоломнях Востока*, поскольку в них я продлил существование гностических доктрин вне границ третьего и четвертого столетия нашей эры, теперь после публикации превосходной Истории гностицизма господина Маттера (2) умолкнут, ибо в ней сообщается, «что гностицизм реально умер только

в пятнадцатом веке нашей эры и что ныне существующие тайные сообщества, обряд и язык которых увековечили символы гностиков (таковы: запон, зеркало, семисвечник, пентаграмма, череп и особенно буква G) были бы сами изумлены этой идентичности обряда и символов, несмотря на перегибы, которые они приняли и которые бы прекратились, если бы сами сообщества стали более учеными» (3).

Для истории гностицизма и ересей, в целом, досадно, что Маттер ограничивается в академической проблеме шестью первыми веками христианской эры и не доводит своего произведения до пятнадцатого столетия, эпохи, в которой он устанавливает закат гностицизма и куда он не смог дойти через Средневековье, следуя нити офитических памятников: об одних я писал в своем исследовании *Mysterium Baphometis revelatum*, другие — объясню здесь. Эти памятники его могли бы обеспечить наиболее ценными и убедительными доказательствами истины обвинений, выдвинутых Римской церковью против различных доктрин, а именно против *стадингиан (stadinghiens)* и тайных капитулов тамплиеров. Не желая рассматривать до какой степени были виновны последние, ложились ли выдвинутые обвинения на весь орден или на малое число индивидов, и не входя в обсуждение этих пунктов, которые я достаточно долго объяснял по ходу моих уже приведенных Записок, моя цель здесь только показать, что обвинения суверенных понтификов против порочных доктрин и употреблявшихся мерзких оргий в определенных сектах двенадцатого и тринадцатого столетий, полностью достоверны.

Послушаем для начала папу Григория IX, который в булле против ереси *стадингиан*, обращенной епископам Гильдесгейма, Миндена, Любека и Ратцебурга (4), дает подробности оргий, которым предаются эти еретики во время своих сборищ.

После введения булла продолжает (5): «Hujus pestis initia talia perferuntur. Nam dum novitius in ea quisdam recipitur, et perditorum primitus scholas intrat, apparet ei species quaedam ranae quam bufonem consuevere aliqui nominare; hanc quidam a posterioribus ac quidam in ore damnabiliter osculantes, linguam bestiae intra ora sua recipiunt, et salivam. Haec apparet interdum *indebita* quantitate (qualitate?), et quandoque in modum *anseris* vel *anatis*, plerumque furni etiam quantitatem (qualitatem) assumit: demum novitio procedenti occurrit miri palloris homo, adeo extenuatus et macer quod consumptis carnibus sola cutis relicta videtur ossibus superducta; hunc novitius osculatur, et sentit frigidum sicut glaciem, et post osculum catholicae memoria fidei de ipsius

corde totaliter evanescit. Ad convivium postmodum discum bentibus et surgentibus completo ipso convivio, per quandam *statuam*, quae in scholis hujusmodi esse solet, descendit retrorsum ad modum *canis* mediocris *gattus* niger, retorta cauda, quem a posterioribus primo novitius, post magister, deinde singuli per ordinem osculantur, qui tamen digni sunt et perfecti: imperfecti vero, qui se dignos non reputant, pacem accipiunt a magistro et tunc singulis per loca sua positis, dictisque quibusdam carminibus, ac versus gattum capitibus inclinatis: Parce nobis, dicit magister, et proxime euique hoc praecipit, respondente tertio ac dicente: scimus magister; quartus ait: et nos obedire debemus; et his ita peractis extinguuntur candelae et proceditur ad foetidissimum opus luxuriae et infra ubi horrenda libidinum genera ab his patrari solita. Completo vero tam nefandissimo scelere et candelis iterum reaccensis, singulisque in suo ordine constitutis, de obscuro scholarum angulo, quo non carent perditissimi hominum, quidam homo procedit a renibus sursum fulgena et sole clarior, sicut dicunt, deorsum hispidus gattus cujus fulgor illuminat totum illum locum; tunc magister excerpens aliquid de veste novitii, fulgido illi dicit: magister, hoc mihi datum tibo do; illo fulgido respondente: Bene mihi servisti pluries, et melius servies, tuae committo custodiae, quod dedisti; et his dictis protinus evanescit. *Corpus etiam Domini* singulis annis in Pascha de manu recipiunt sacerdotis, et illud ad domus suas in ore portantes in latrinam projiciunt, in contumeliam redemptoris. Ad haec infelicissimi omnium miserorum gubernantem coelestia, pollutis labiis blasphemantes asserunt delirando coelorum Dominum violenter contra justitiam et dolose Luciferum in inferos detrusisse. In hunc etiam credunt miseri, et ipsum affirmant coelestium conditorem et adhuc ad suam gloriam praecipitato Domino rediturum, per quem cum eodem et non ante ipsum se sperant aeternam beatitudinem habituros. Omnis Deo placito non agenda fatentur et potius agenda quae odit». (5-a) ***

Это обвинение, трактуемое вымыслом и нелепостью слишком благожелательными к сектантам историками, в большей своей части оказывается подтвержденным еще существующими памятниками Средневековья. Между знаменитыми скульптурами гностической церкви Монморийона, которая долгое время служила языческим храмом, по словам Миллена (6), «имеются изваяния женщины, кормящей своими грудями двух *жаб*, а также присевшего на корточки мужчины, который кладет свою руку на ее ягодицы для того, чтобы не ошибиться в своем намерении; другая присевшая на корточки фигура показывает вещи, которые повсюду должно скрывать; наконец, фигура,

держащая в своих руках двух больших змей, которые, после того, как обвились между ее ляжек, спешат сосать ее висящие груди» (7).

В церкви Святого Креста в Бордо (8) есть фигура почти тождественная изваяниям церкви Монморийона и кормящая своими грудями змей и жаб. Эти два скульптурных памятника на двух самых старых церквях Франции и выражения вышеприведенной буллы взаимно друг друга разъясняют. Архитекторы Средневековья, посвященные во все мистерии наиболее развращенного гностицизма, любили умножать его символы снаружи и внутри своих церквей, символы, истинный смысл которых понимался только адептами, оставаясь скрытым для глаз профанов. Постыдные фигуры, подобные скульптурным изображениям церквей Монморийона и Бордо, обнаруживаются на церквях тамплиеров в *Эгере* в Чехии, в *Шёнграбене* в Австрии, в *Форнуови (Fornuovi)* около Пармы и в иных местах, но именно пес (*canis* aut *gattus niger*) присутствует на барельефах гностической церкви *Эрфурта* (9).

Слишком снисходительные и недоверчивые историки, ревностные защитники гностиков Средневековья, искали как дискредитировать обвинения против них, приводя пример первых христиан, собрания которых проходили в катакомбах и уличались в бесчестьях врагами христианства. Мы не хотим возводить и малейшего посягательства на чистоту первых собраний истинных христиан, вынужденных скрывать тайну своего культа от преследователей, но, тем не менее, вполне достоверно, что даже в первые века христианства было достаточно порочных сект, которые смешивались с истинными христианами, и что в Средневековье сектанты старались спрятать в катакомбах от глаз магистратов постыдную тайну своих ночных оргий.

В катакомбах Неаполя, упоминающихся в «Церковной Истории» лишь по теме поклонения первых христиан и службе, которая в них совершалась на алтаре Святого Януария, в самых углубленных уголках обнаруживается скульптурный камень в виде конуса (10), несущий двойную надпись: одна составлена из греческих, латинских и готических букв и содержит в себе два слова — *Приап* и *Любовь*, и не нуждается комментарии; другая сложена из еврейских букв и связана с нечестивыми оргиями, здесь в прошлом отправлявшимися: она достаточно ясно поясняет какую роль *собака (canis aut catus)* играла в этих распутных и безобразных мистериях. В офитической системе семи звездных сил шестой гений звался *Эратаотом (Erataoth)*, то есть гением Любви, представлявшемся собакой (11).

Мы читаем на передней стороне колонны в форме Приапа:

ΠΡΙΑΠΟΣ	то есть	Priapus
ארוך		Longus
קמם		Se erigit

С другой стороны колонны читаем:

סעדח	то есть	Recrea (te)
במדיך		Extensionibus tuis
חכרר		Perfora
רצהכלֹב		Delectat se canis
אריך		Longitudine
זכר		Mascula
.. צ . (12)		.....

Подлинный смысл памятника неаполитанских катакомб достаточно разъяснен формой камня и выгравированными на нем словами: *Приап, Любовь* и *собака*. Это лучший комментарий на *собаку*, о которой идет речь в вышеприведенной булле папы Григория IX, и на *собаку* или *кота*, фигурировавших на ночных собраниях *шабаша* тамплиеров. Оргии другого шабаша офитов обнаруживаются воспроизведенными на боковых скульптурных изображениях двух шкатулок господина герцога де Блакаса. Там мы видим (иллюстрация E) статую андрогина, которой двое посвящаемых в масках собаки (13) или кошки (14) воздают нечестивое поклонение (15).

Остальные из этих оргий более откровенны, нежели позволяют себя разъяснять: здесь очевидное смешение мистерий Митры с таинствами офитов. На одной из двух шкатулок (иллюстрация I) мы видим тельца или быка, представленного как и на некоторых памятниках Митры; а на другой шкатулке телец или бык даже помещен на алтарь. Хотя бык или телец и не упоминался в усеченных описаниях, которые историки гностицизма оставили нам от ритуалов его различных ответвлений, он играет важную роль у носсаири, одной из сирийских сект, где одинаково как и у друзов повсюду находятся следы гностицизма, а в особенности системы *Вардессана*, создателя второй гностической школы Сирии. На самом деле эта страна во все времена являлась колыбелью наиболее своеобразных доктрин и самых порочных сект, которые в ней отчасти распространялись, как представляется, мардами, народом персидского происхождения с побережья Каспийского моря, переселившегося затем в Ливан и на гору

Изале (Джуди), где их наследники *шамси*, *езиды* и *носсаири* до сих пор поклоняются солнцу, дьяволу, тельцу и пр.

Хорошо известен идол в форме тельца с арабскими надписями, хранившийся раньше в музее Борджиа в Веллетри и описанный Адлером (16). Позднее господин де Саси опубликовал в *Азиатском журнале (Journal Asiatique)* выжимку из полемической статьи, в которой ученый друз, порицая культ *тельца* и всякие другие мерзости, приписываемые, в целом, тайным собраниям друзов, возложил их на носсаири и мутуалей (moutoualis).

То, что культ тельца в Сирии существовал в последние времена у друзов и носсаири, это подтверждено письменными документами и памятниками: в них без труда признаются следы культа Митры, принесенного мардаитами в горы Сирии вплоть до долины Атталии (17).

Нет ничего удивительного в том, что следы культа Митры обнаруживаются в доктринах сирийских сект и на гностических памятниках Средневековья, поскольку здесь вплоть до обрядовой стороны признаются еще и следы схизматической армянской церкви. Но самое поразительное следующее: *Ибн Вахшие (Ibn Wahschye)* перепутал тельца, стоящего на алтаре (иллюстрация I), с бафометической статуей андрогина, которая в другом месте ее заменяет (иллюстрация E), придав слову *бахомид (бафомет)* смысл *овцы*. Эта путаница тельца и овцы арабским автором легко объясняется ролью, которую телец, что видно и на скульптурных изображениях, играл в *бафометических* оргиях, а также значением, придававшемся гностиками овце, отождествляемой ими с *Софией* или *Ахамот* (18), гностическим эоном андрогином, называемом тамплиерами *Бафометом*. *Ахамот* была названа гностиками *овцой*, как нам сообщает Святой Ириней; с другой стороны, *бахомид (бафомет)*, по данным Ибн Вахшие (19), обозначает *овцу*. Таким образом, слова *Ахамот* и *Бахомид* одинакового значения. Представляется невозможным отрицать эту очевидность, исходя из согласованных свидетельств Отца Церкви и арабского автора.

Хотя бафометическая фигура, представленная Ибн Вахшие (20), никак не походит на изображения бафометических идолов, известных до сих пор в Европе, поскольку наполовину подобна скарабею, тем не менее весьма примечательно, что ее головной убор своими зубцами напоминает идол, изображенный на шкатулке господина герцога де Блакаса (иллюстрация A) и фигуру на шкатулке из Имперского кабинета Вены (иллюстрация K, № 5).

Изображение святого духа гностиков, называемого *Ахамот, София, Барбелот, Пруникос, матерь, овечка, земля, Иерусалим, Огдоада* (21), *Бахомед* или *Бафомет* и являющегося под различными именами первым персонажем гностической иерархии после Вечного Отца, встречается повсюду на памятниках Средневековья; я опубликовал и объяснил более двадцати из этих памятников в своих вопоминаниях, озаглавленных *Secretum Baphometis revelatum*; две шкатулки господина герцога де Блакаса должны быть отнесены к тому же самому классу. Фигура *Софии, Ахамот, Бохомеда, Бафомета*, или просто *Мете* (как отмечают надписи) вылеплена иногда на гончарном круге, иногда в форме статуи, на что указывает булла папы Григория IX, иногда вырезана в барельефе, что видно на шкатулках и гностических кубках. Скульптурное изображение, выполненное на крышке первой шкатулки (иллюстрация A) совершенно аналогично тому, что находится на шкатулке из Кабинета древностей Вены (иллюстрация K) и тому, что присутствует на большом гностическом кубке из того же собрания (иллюстрация K, первая серия), содержащего таблицы с надписями. Мы видим представленную в головном уборе Кибелы фигуру, соответствующем ее прозванию Земли, держащую в своих руках цепь эонов. Возле ее головы находятся *солнце* и *луна*; у ее подножия — *звезда, череп* и *пентаграмма*, рассматривавшаяся пифагорейцами как символ здоровья (22).

Череп находится одинаково между ногами той же фигуры (иллюстрация K, № 5), и следствие процесса тамплиеров недвусмысленно говорит, что несколько идолов их ордена имели черепа (23). Звезда вовсе не Пифагорова в пять лучей, на которой его ученики должны были останавливать свои взгляды как на символе постоянства и чистоты (24); но гностическая в семь лучей, представляющая собой семь первых эманаций божества.

Наиболее важное в этой скульптуре, несомненно, арабская надпись, которая такого же рода, как и двенадцать надписей, опубликованных и объясненных мной в *Mysterium Baphometis revelatum*: здесь те же самые черты, выполненные неловкими руками западных гравёров, та же самая неправильность слов, та же самая путаница и перестановка букв, иными словами, недостатки, которые отчасти должны быть отнесены к невежеству европейских писателей и копиистов (25), а отчасти — к явному намерению спрятать истинный смысл надписи для профанов и даже тех, кто, возможно, и умел читать по-арабски, но не был посвящен в тайны доктрины.

Рассматривать род этих памятников, многие из которых одновременно несут на себе арабские, греческие, латинские и итальянские надписи Средневековья, необходимо, исходя из идеи, что идолы, шкатулки и кубки являются произведением европейских скульпторов и гравёров, и что надписи не чисто арабские, но на искаженном арабском, и содержат даже греческие и латинские слова, написанные арабскими буквами, и только основываясь на этой единственно верной точке зрения, можно им дать удовлетворительное объяснение. Уже десять лет как надписи, опубликованные в *Mysterium Baphometis revelatum* перед глазами публики, и нет ни одного ориенталиста, не отважившегося на другое объяснение, чем мое. Я бросаю им вызов найти арабский смысл в арабских буквах كانتاته (араб.) и ماته (араб.), которые не что иное, как латинское слово *Cantate* и слово *Mete* или, если изволите, *Mate*.

Именно латинское слово Cantate находится снизу от фигуры (иллюстрация A كانتاته (араб.); остальное в надписи должно содержать присущий секте священный гимн, написанный арабскими буквами, чтобы его смысл был бы сокрыт от профанов. Посмотрим, в чем заключается эта пародия *Cantate laudes Domini*. Начало находится сверху от головы, где мы читаем: يه لا لا سدنا (араб.) *Jah la la Sidna*, вместо этого ياالله سيدنا (араб.) *Jella sidna*, то есть Бог и Господь наш!

Было бы невероятным, если бы истина свидетельских показаний подтвердилась наиболее очевидным доказательством, чем этой надписью: Раймонд Рубеи показал, «что другие для поклонения идолу, *ubi erat depicta figura Baffometi*, и сам начальник, целуя этот идол, говорили: «*Yalla* verbum saracenicum» (26).

Это *Yalla* или *Yhalla* не что иное, как восклицание *Yallah*, Господь! Оно еще и сегодня на устах всех арабов; и разночтение *Yhalla* примечательно тем, что совершенно соответствует варианту арабской надписи.

Две линии по сторонам являются повторением арабских надписей, опубликованных и разъясненных в *Mysterium Baphometis revelatum*; надпись начинается с правой стороны, как и следовало ожидать, поскольку по-арабски читается справа налево:

هو ماته زنار فسبع ب منكر تعلى تيز (араб.)

Houve Mete Zonar feseba (или скорее *Sebaa*), *B. Mounkir teaala Tiz*.

هو (араб.) *Него*; это продолжение гимна, начало которого сверху от головы; именно для *него, наш Господь* (*Dominus masculinus*, прозвище Ахамот); ماته *Mete* или *Mate*. Находящееся слово столь ясно написано

на нескольких из надписей, опубликованных мной в *Каменоломнях Востока*, что не остается и доли сомнения, каким образом должно было здесь читаться, пускай две последние буквы и плохо составлены, а точка буквы *Z* (инициала следующего слова *Zonar*) неважно перенесена гравёром на *te* от *Mete*. Идущее затем слово زنار (араб.) *Zonar* (пояс) составлено хорошо и внятно. Известно какую существенную роль играет пояс в обвинительном акте и в свидетельских показаниях тамплиеров (27).

Пояс, *zonar* (персидское слово, которое обнаруживается в греческом *Zony* (греч.) и в новогреческом *Zonari* (греч.), является, как известно, главным символом посвящения магов и брахманов на различных степенях их священных орденов; и профанация этого священного символа *парсов*, имя которого здесь обнаруживается написанным всеми буквами, есть одно из многочисленных доказательств, служащих основанием мнению, высказанному Маттером, что доктрина определенных гностических сект персидского происхождения.

Следующее слово سبع (араб.), то есть *семь* или, быть может, *и семь*. Затем оказывается буква *B*: я думаю, что она является инициалом слова *Барбело*, бывшим одним из имен *Ахамот* или скорее *Бафомета*, (греч.) (28); потом идет слово فنكر (араб.) или более вероятнее منكر (араб.), обозначающее в первом случае *и отрекся*, а во втором — *отрекающийся* от корня نكر (араб.), который значит (Gol., p. 1451): *inficias ivit, abnegavit, pro suo non habuit nec pro Moslemo*; отсюда слово منكر (араб.) *Mounkir*, означающее человека, чьи мнения и поведение противоположны мнениям и поведению правоверных, или, как его истолковал бы Голиус, *iniquus*'а (беззаконного). Слово выражает все, в чем завершение буллы папы Григория IX обвиняет гностиков, против которых она и была направлена: *«Omnia Deo placita non agenda fatentur, et potius agenda quae odit»*.

تعلى (араб.) *Teaala*, *exaltetur*, понятно; оно равнозначно слову *Всемогущий* в переводах арабской формулы الله تعالى (араб.); но здесь не تعالى (араб.), а تعلى (араб.), и, следовательно, должно быть переведено буквально *exaltetur*.

تيز (араб.) *Tiz* (29) является грубым словом в Сирии и в Египте, соответствуя греческому *Proktos* (греч.), и всякий путешествовавший по Сирии и Египту должен знать ругательство: ايرى فى تيزك (араб.) *Eiri fi tizek*.

Надпись с левой стороны начинается на *N* (ن) (араб.); здесь перестановка финальной буквы слова كان (араб.), которое следует за словом نسلنا (араб.); таким образом, كان نسلنا (араб.) *Kiane neslna* обозначает

наше происхождение было или *были*. Это та же самая надпись, которая обнаруживается в столь ясном виде на иллюстрации K (первый ряд), где присутствует نسلنا انا فسبع كان (араб.): *Stirps nostra ego et septem fuerunt*. Это гностическая огдоада семи эонов с *Софией, Барбело, Ахамот* или *Мете*.

Затем читается начертанное очень плохо слово تنكر (араб.) Tanker, то есть *ты отрекаешься*; именно теперь и только идет словосочетание فانا (араб.) *и я*, которое в соответствии с естественным порядком, показанном на иллюстрации K в первом ряду, должно было находиться после слова *Neslna, наше начало, меня и семи*. Как видно здесь, слова переставлены либо умышленно, либо из-за невежества скульптора; потом следует одинаково некорректно выполненное слово ناش (араб.) (вместо ناشى (араб.), *germinans*, которое столько раз встречается в надписях, опубликованных в *Копях Востока*, и которое связано со свойствами Мете, что заставляет цвести деревья и прорастать землю (30); после плохо составленная буква B ب (араб.); и, наконец, то же самое слово تيز (араб.), завершающее линию правой стороны и опрокидываемое в форме змеи (31).

Надпись на второй шкатулке содержит только часть офитической формулы, встречающейся более или менее усеченной или искаженной на всех кубках, шкатулках и других предметах подобного рода, извлеченных из земли во Франции, Италии и Германии. Сначала идет نسلنا (араб.) *наше происхождение*; затем следует слово نار (араб.), означающее *огонь*, но которое присутствует, по всей видимости, заменяя слово زنار (араб.) *zonar* или *пояс*, отмеченного на первой шкатулке; буквы слова ناش (араб.) *germinans*, переставлены в такой манере ش نا (араб.) вместо ناش (араб.); таким же образом они располагаются в следующем слове *Мете* ته ما (араб.) вместо ماته (араб.). Тот же самый беспорядок, в целом, присутствует во всех этих надписях: он должен скорее быть присущим желанию скрыть истинное прочтение, нежели невежеству гравёра (32). Во второй линии видны слова سبع كان (араб.) *septem fuere*, или فسبع كان (араб.) *et septem fuere*, которые должны были бы читаться непосредственно после *Neslna*, как на идолах и кубках, опубликованных в *Каменоломнях Востока*; затем идет слово منكر (араб.) *Mounker*, отрекающийся, или منكرى (араб.) *Mounkeri*, если хочется с ним связать следующую букву ى (араб.) *ya*, которой могло недоставать слову ناشى (араб.), *germinans*. Последняя буква есть *B* с лишней точкой, которая вряд ли являлась частью слова *Tiz*, завершающего две линии надписи первой шкатулки. На большом кубке из Имперского кабинета, баре-

льефы которого воспроизведены на иллюстрации K, читаем формулу или более ясно выраженное исповедание офитической веры:

تعلى ماته ناشى نسلنا انا فسبع كان انت منكرى ماب تيز تسير (араб.)

Exaltetur Mete germinans, stirps nostra ego et septem fuere, tu renegans reditus proktos (греч.) *fis*

Там может быть сомнение только в отношении двух слов: ماب (араб.), *reditus*, и تسير (араб.), которое должно писаться как يصير (араб.), *yassir*, fiet (вводить в действие); все остальное ясно и бесспорно. В стороне от надписи замечаем две вазы клинообразной формы, представляющие женскую матку, поскольку видно, что из одной из них выходит ребенок, а в другую входит то, что его производит.

Вместо офитических оргий, изображенных на кубке из Имперского кабинета, на иллюстрации F наблюдаем иные не менее развратные оргии, очевидно связанные с аналогичным органом, представленном на клинообразной вазе, который разрывается последней фигурой с помощью ножа. Один из посвященных садится верхом на козла и его убивает ножом, который держит в руке.

На противоположной стороне второй шкатулки (иллюстрация I) телец поставлен на алтарь; то, что двое присутствующих держат в руках может оказаться нечто вроде гремучей змеи; обод, возможно, является слишком знаменитым поясом. Первая фигура справа держит в правой руке развернутый свиток, на котором есть рисунок птицы, предстающей, вероятно, птицей Минервы, свидетелем крещения Мудростью, Baphometou (греч.); левой рукой он держит крест Ансата, символ божественной жизни, *in signum Baphometis*, то, что носят идолы на лбу и в руках (*Каменоломни* Востока, иллюстрация I): это истинный *гностический ключ*, герма Гора, водрузившего крест перед Софией, которая продвинулась в плероме или божественной полноте. У подножия алтаря лежат бубен и пара гармоней — музыкальные инструменты, необходимые для мистерий этих сектантов. Видно, что участники мистерий греются (иллюстрация F) над пылающей чашей. На одной из узких сторон второй шкатулки (иллюстрация H) нам бросается в глаза посвящаемый, распростершийся над горящей печью. Горящий очаг виден также на барельефе одной из шкатулок Имперского кабинета Вены (иллюстрация K), но без человека сверху; хотя на первой шкатулке господина герцога де Блакаса посвящаемый посажен двумя служками на очаг или печь, над которой нет больше огня, но которая должна быть горячее, судя по гримасе посвящаемого. Здесь нельзя думать о всеобщем

потрясении, представлявшемся столькими гностиками как конец света (33). Состояние наготы, в каковом находятся все посвященные, достаточно ясно показывает, что это *адамиты-кочегары*, чьи оргии возобновлялись во все времена оголтелой распущенностью и которые обогревали места своих греховных собраний. Святой Епифаний говорит, что они зажигали огонь в банных печах, чтобы обогреть тех, кого принимали в свои сборища. Печь весьма четко представлена на иллюстрации C (34).

Обогревание, показанное также на первой иллюстрации к *Mysterium Baphometis revelatum, фигура 14*, и совершаемое иерофантом, держащим посвящаемого своими руками над пылающей чашей, являлось истинным крещением огнем (35) в противоположность водному крещению, изображенному на противоположной стороне той же самой шкатулки (иллюстрация G) в присутствии птицы Мудрости.

Оба крещения водой и огнем имели очевидное отношение к испытаниям водой и огнем в мистериях Митры, где эти таинства сохраняются в почитании быка или тельца, солнца, луны и т. д. Тайна этих испытаний прославлялась и в наши дни в *Волшебной Флейте* Моцарта. Следы ритуала Митры видны еще на иллюстрации C: в стороне от обогреваемого на банной печи посвящаемого находится бык или телец, которого пытаются крестить в чане, а другого быка уносят на плечах. Это та же самая фигура, которая встречается на памятниках Митры, как и на иллюстрации E.

На противоположной стороне этой же шкатулки (иллюстрация E) воспроизводится нечестивое поклонение бафометической статуе посвящаемыми в кошачьих масках; фигура с зубчатой короной на голове (та же самая, что и на иллюстрации A) должна представлять истинного *магистра* или *наставника*, подлинного иерофанта этих отвратительных мистерий: его рука теряется в безобразных делах, результат которых должен упасть на землю; его служка несет поднос с тремя вазами в форме графина (carafe), название которого со многими другими пришло из арабского во французский язык (36).

Нам остается объяснить еще скульптуры двух узких сторон первой шкатулки. С одной стороны (иллюстрация D), здесь присутствуют телец или бык и ваза, в которой просвиры уничтожались пламенем. Известно, что в мистериях Митры признавались таинства *Евхаристии* (37), *Крещения* и *Конфирмации*: их же оскверняли офиты на своих собраниях (38). На изображении, кажется, представлена евхаристия

гностиков Средневековья, обвиняемых буллой папы Григория IX, в похищении облаток и бросания их в отхожие места. В общем, то, что отмечается на гностических скульптурах Средневековья, несет печать отвратительного распутства и профанации всего самого священного, чему учила религия.

Однако *гнозис* имел притязания учить путям истины и спасать своих адептов от опасностей этого мира. Так, мы видим торжество гнозиса, представленное на стороне, противоположной предыдущей части первой шкатулки (иллюстрация B). Там великий магистр или иерофант, облаченный в праздничное одеяние, привлекает к себе детей, один из которых сидит верхом на крокодиле; это тот самый крокодил (на барельефах шкатулки из Имперского кабинета, иллюстрация K, 4), у которого гностики вырвали ребенка и который поставлен на место дракона, представлявшего, как нам сообщает Святой Епифаний, создателя мира (Йалдабаофа), затем поглотившего всех, кто не являлся гностиками, возвратив их через хвост (39). Эта картина часто повторялась на храмах Средневековья, а именно: на церкви тамплиеров в Шёнграбене в Австрии, на барельефах фасада Домского собора в Ферраре и на других.

Великий магистр или гностический иерофант, призывая к себе детей и спасая их от пасти крокодила, символа мира или Йалдабаофа, его создателя, чествует здесь свое торжество и увенчан гением, держащим в руке позвоночный столб, по-видимому, принадлежавший самому крокодилу. Другой слуга держит в своих руках дышло и топор, символы управления и исполнительной власти (40). То, как слуга держит здесь в руке позвоночный столб, видно на одном из гностических медальонов, опубликованных мной в *Mysterium Baphometis revelatum* (иллюстрация V, № 85), только там Мете держит левой рукой скелет животного, судя по всему, льва, с возвышающимся на нем черепом человека. Лев и дракон, замененный здесь крокодилом, являлись эмблемами врагов секты (41) — королей и церкви, всегда противостоявших этой разрушительной для всякого порядка, для всякой религии и для всякой морали доктрине.

Чтобы здесь не повторяться, я должен отослать читателя к *Mysterium Baphometis revelatum*, где разъяснение гностических символов Средневековья, сохранившихся до наших дней в ритуалах франк-масонства, было дано благодаря их собственным памятникам. Приверженцы масонских лож и панегиристы тамплиеров будут тщетно восставать против этих памятников, совершенно согласующихся

с обвинениями, выдвинутыми против стадингиан и тамплиеров; они не сумели бы отрицать идентичность символов, ни дешифровать каким-нибудь наиболее удовлетворительным способом арабские надписи, которые, пусть более или менее искаженные, но во всем соответствующие сказанному по существу:

«Да будет прославлена Мете, заставляющая прорастать и цвести! Наше начало, меня и семи; отрекайся (от своей веры) и предайся всем удовольствиям».

Надписи на двух шкатулках обнаруживаются в написаниях, оставленных на идолах, кубках и шкатулках из Имперского кабинета Вены, опубликованных в *Каменоломнях Востока*; но ни одна из последних не содержит двух слов: *«Cantate Yallah»*, отмеченных на иллюстрации А, которые слово в слово соответствуют свидетельскому показанию тамплиера *Рубеи*. Согласие этой надписи со свидетельским показанием тамплиера является настолько непреодолимым доказательством, насколько и соответствие текстов Святого Иринея и Ибн-Вахшие: первый сообщает нам, что Ахамот, андрогин и полином, представлялась в виде *овечки*, тогда как второй, разыскивая олицетворение мудрости учеников Гермеса, говорит, что ее имя было *Бахомид (Бафомет)*, то есть овца. Имя *Мете* присутствует в арабских надписях со всеми буквами; иногда, правда, встречается лишь заглавный слог *Ме*. Именно из этого слова и греческого Βαφή, вероятно, и составлено слово *Бафомет*, ибо двойное крещение Мете водой и огнем (42) с полной очевидностью представлено на шкатулках господина герцога де Блакаса и Имперского кабинета Вены.

Крещение Мете могло называться безразлично Baphe Metos (греч.) или Metos, ведь Мете соединяло два пола, как Святой Ириней свидетельствует об этом и на что указывают идолы. Поскольку офиты уклонялись в извращенный смысл библейских текстов о крещении и овечке, постольку они превратно понимали и стих Евангелия: *«Не мешайте детям приходить ко мне»* (От Матфея Святое Благовествование, Глава 19, стих 14). Святой Епифаний говорит об этом недвусмысленно, чему видны доказательства на иллюстрации В, где великий магистр зовет и привлекает к себе детей. Эта картина, если нам воспользоваться словами Святого Епифания, является *главной стороной и вершиной всех их доказательств* (43): здесь мы наблюдаем великого магистра, призывающего к себе детей и коронованного гением, держащим в руке скелет из позвоночного столба.

Скульптуры этих двух шкатулок и их надписи столь совершенно согласуются с двумя актами обвинений в булле папы Григория IX и на процессе тамплиеров, где одинаково упоминается о гностических практиках, что невозможно отрицать очевидность и не соглашаться с тем, что внутри ордена были люди, посвященные в эти мистерии беззакония. Всячески порицая творившийся процессуальный беспорядок и варварство суда, приговорившего стольких отважных рыцарей к сожжению на костре (варварство, впрочем, имело место лишь во Франции, но ни Италия, ни Германия ему не последовали), нельзя не поверить этим доказательствам, свидетельствующим об их *вине*.

Здесь дело не касается ни повторения сказанного мной в *Mysterium Baphometis revelatum*, ни доказанного Вилькинсом в его истории Ордена, написанной со здравой критичностью, пускай даже автор не извлек пользы из наших памятников и их надписей из-за недостаточного знания арабского языка. Излишне желать доказать, что тамплиеры не были невиновными, как и доказывать после публикации произведения Маттера, что гностицизм существовал уже за пределами третьего или четвертого столетий христианской эры, эпохи, в которой эта доктрина ограничивалась сама по себе писателями *Церковной Истории*.

Выражая вновь наши сожаления по поводу того, что рамки проблемы, поставленные Академией, не позволили этому ученому проследить историю гностицизма вплоть до окончания Средневековья, можно лишь подписаться под им сказанным о явно восточном происхождении гностических доктрин и их тесной связи с религиозными системами магов и еврейской кабалой.

Присутствие ритуалов Митры на гностических скульптурах является доказательством вторжения персидской религиозной системы в культ офитов, каинанитов и адамитов (44).

По всей вероятности, этот синкретизм доктрин и оргий, встречающийся одинаково среди народов, населяющих Ливан, и среди тех, кто живет в Масиусе, на горе Изале, так именовавшейся византийцами, и около Мардина в Месопотамии, ведет свое происхождение от мардаитов или непокорных, которые, первоначально обитая на побережье Каспийского моря, водворились затем в Сирии от ливанских гор до долин Саталии, а потом переселились в Армению и на гору Масиус, где их первоначальное имя сохранилось в названии города Мардин и где появились *езиды, носсаири, мутуали* и другие

секты, наряду с друзами, обвиняемые в тех же самых мерзостях. Даже деление друзов на *сведущих* عاقل (араб.) и *невежественных* جاهل (араб.) раскрывает гностическое деление на *людей духовных* и *плотских*, в каковом первые (пневматики) только и считались истинными гностиками.

Многие писатели, трактовавшие историю гнозиса, и совсем недавно Маттер, рассматривали взаимосвязь гностических доктрин и в особенности учений школы Валентина, Вардессана и офитов с религиозными системами древней Персии; но ни один из этих историков не имел понятия об арабском произведении весьма знаменитого Шехристани о религиях и сектах, из которого Ид (Hyde) давал многочисленные выдержки в своем труде про персидскую религию (45).

Завершение труда рассказывает о не мусульманских религиях и сектах, среди которых: 1) евреи и шесть их сект; 2) христиане и три главных ответвления восточной Церкви (мельхиты, сиро-яковиты, несториане); 3) маги и их девять сект; 4) свободомыслящие и материалисты; 5) сабеяне; 6) спиритуалисты اصحاب الروحابيات (араб.) pneumatikoi (греч.); 7) приверженцы храмов اصحاب هياكل (араб.) восточные тамплиеры; 8) философы. Весьма примечательно, что среди девяти сект магизма три последних (46) это ученики *Вардессан*а, *каинаниты* и *маркиониты*; какими бы ни были неполными и неточными сведения, сообщенные Шахрастани, их достаточно для доказательства тесной связи гностических сект с древними дуалистическими системами в своих разновидностях (47).

Вот то, что Шехристани сообщает нам о трех последних гностических сектах.

Ученики Диссана

Диссан есть имя отца Вардессана, обозначающего по-сирийски *сына* (Бар) *Диссана* (Десана).

Эта секта берет свое название от своего основателя *Диссана* и предполагает существование двух начал — светлого и темного; светлое начало производит добро благодаря интенции и свободной воле; темное начало производит зло посредством силы и принуждения; все блага и все прекрасное с полезным являются произведением света; все болезни и все греховное или вредное происходит от тьмы.

الدّيصانية

بونلر ديصان نام بر كيمسنه يه منسوبلردر ايكي اصل اثبات ايتديلر بري نوردر و بري ظلمتدر نور قصداً و اختياراً خير ايشلر و ظلمت طبعاً و اضطراراً شر ايشلر هر خير و نفع و طيب و حسن كه واردر اول نوردندر و هر شرّ و ضرّ و نتن وقبح كه واردر اول ظلمتدر ندر.

Маркиониты

Они устанавливают три начала: одно — свет; другое — тьма; и третье, производящее смешение двух первых начал: такое смешение не могло бы иметь место без третьего начала, поскольку два противоположных и враждебных начала никогда не смешиваются сами по себе; это третье начало, сочетающее в себе оба, вышестоящее по отношению к тьме и нижестоящее по отношению к свету; его результатом является мир.

المرقونية

بونلر ايكي اصل قديم اثبات ايتديلر بري نوردر و بري ظلمتدر و اصل ثالث اثبات ايتدلر كه اول سبب مزاجدر زيرا متضدان متنافران ممتزج اولمزلر الّا بر جامع ايله و ديديلركه اول جامع مرتبه ده نوردن آشغه و ظلمتدن يوقارودر و اجتماع و امتزاجدن بو عالم حاصل اولدي .

Каинаниты, которые придерживаются поста и метемпсихоза

Каинаниты также устанавливают три начала: огонь, земля и вода, которые произвели все сущее. Они говорят, что огонь добрый по своему светящемуся естеству, тогда как вода, его противоположность, производит все болезни в этом мире; земля занимает среднее положение между одним и другим. Мир составлен из трех начал; *трезвенники* воздерживаются от всякой пищи и предаются исключительно почитанию Бога; в исполнении своего культа они возвращаются к огню: они отказались от брака и жертвоприношений. Все принимающие метемпсихоз верят в переселение душ из одного тела в другое; они учат, что положение человека, когда он пребывает в совершенном покое соотносится с его предыдущим состоянием, а нынешнее является вознаграждением или наказанием, и что человек всегда находится в одном из этих двух состояний, то есть в состоянии действия или в состоянии возмещения, ведь за все сделанное им ожидается или уже происходит вознаграждение, либо наказание; что ад и рай заключаются только в вознаграждении благих действий и в наказании

злых; что высшая степень *пророческая*, а самая низкая в этой лестнице есть степень *змеи*; что нет никакого характера выше *пророческого* и нет ничего ниже характера *змеи*.

الكينوبّه و الصّيامية و اصحاب التناسخ كينوبه ديديلر كه اصل اوچدر آتشدر و ارضدر و صودر و موجودات بو اوچدن حاصل اولمشلردر و ديديلركه نار بطبعها خيريه و نورانيه در و صو طبعدن آنكْ ضرّيدر و بو عالمكْ هر كوردو كاكْ شرّ صودندر و ارض متوسطه در بس عالم بو اوچ اصلدن متركّب اولمشدر و صيامیه طيبات رزقدن امساك ايتديلر و عبادت خدايه منجرد اولديلر و عبادتلرنده نيرانه تعظيم جهتندن توجّه ايتديلر و نكاح و ذبايحي ترك ايتديلر تناسخيه ارواحكْ اجساده تناسخيله و بر جسددن انتقاليله قايل اولديلر و انسان راحت و تغنيدن حاصل اولديغي نسنه مقدما ايشلدوكي نسنه نكْ اوزرينه مرتبدر واول بدن اخرده آنكْ اوزرينه جزادر و انسان دايما ايكي امركْ برنده در يافعلده در و ياخود جزاده در و انسانده اولان نسنه يا اشلدوكي و ياخود اوزرينه جزايه منتظر اولدوغي عملده اوزرينه جزادر و جنّت و جهنم بو ابداندە در واعلاء عليني درجۀ نبوتدر و اسفل سافلينَ دَركه حيه در و درجه رسالتدن اعلى و دَرَكه حيه دن اسفل بروجود يوقدر ديديلر..

Змея, рассматриваемая как гностический символ, возвращает нас к теме этих Записок. Кстати, она здесь плохо смешана Шехристани с драконом, символом Йалдабаофа, и помещена в последний разряд творений, тогда как представляла в системе гностиков Нуса (греч.), сына Йалдабаофа, духовного проводника мистерий гнозиса. Несмотря на эту путаницу, свидетельство арабского писателя представляет большой интерес для разъяснения духовного крещения огнем, противоположного материальному водному крещению: первое являлось крещением света и озарением, а второе — крещением тьмой. Сказанное Шехристани о трезвенниках, избегавших брака, согласуется со сведениями, данными Святым Иринеем и Святым Епифанием; что касается упражнений, при помощи которых офиты и адамиты усмиряли свои тела на своих тайных сборищах, то по оргиям, изображенным на скульптурах кубков и шкатулок, и культу, воздаваемому сектантами *Мете* или *Мате*, видно достаточно, какой природы они были.

То, что Шехристани говорит о двух началах Вардессана совершенно согласуется с сообщениями Отцов Церкви (48). В третьем начале Маркиона узнается *София Ахамот*, благодаря которой осуществилось смешение света и тьмы, а следы искаженного обнаруживаются еще в главах о *спиритуалистах* и *тамплиерах* اصحاب هياكل (араб.), где семь эонов спутаны с семью планетами, но проливается свет на родство *восточных тамплиеров* со своими *западными собратьями*: так, шабаш у *приверженцев храмов* отмечался в субботу в честь Сатурна, хотя оргии тайных капитулов тамплиеров совершались в пятницу в честь гения андрогинной любви Мете.

Согласно Шехристани, *сторонники храмов* представляют собой ветвь сабеян и пункты их культа и доктрины следующие: они говорят, что человек нуждается в видимом посреднике, которым он должен управляться; вот почему *сторонники храмов* обращаются к семи планетам как к видимым храмам. Они наблюдают: 1) дома и остановки планет; 2) их восток и запад; 3) их благоприятное или неблагоприятное совпадение; 4) их влияния на климат и страну; 5) они изготавливают кольца и звездные заклинания; 6) они посвящают своему культу субботу, день, когда они надевают особые облачения и повторяют молитвы, посредством которых они просят от Сатурна помощи и процветания (49).

Какими бы несовершенными ни были сведения, сообщенные Шехристани (50) о *маркионитах, каинанитах, вардессанитах* и *сабеянских тамплиерах*, их достаточно, чтобы показать существующую тесную связь между гностическими системами и религиозными системами древней Персии. Источник этих доктрин находился в Сирии, где культ тельца и ночных сборищ сохранился еще и сегодня среди друзов и носсаири, и откуда пришли в Европу благодаря Крестовым Походам эти отвратительные оргии, секрет которых разоблачен скульптурами и надписями на идолах, кубках и шкатулках. Гнозис, каким бы чистым и возвышенным ни являлся в концепции философов, его установивших как систему космогонии и иерархии ангелов и демонов, был извращен распутниками, использовавшими его исключительно для усыпления своих постыдных страстей, или честолюбцами, использовавшими распущенность, чтобы удостовериться в слепом послушании посвященных.

Памятники, сюжеты которых отчасти объясняются в приведенных фрагментах Святого Иринея и Святого Епифания, подтверждают, что Отцы Церкви ничего не преувеличили в рассказанном ими о ночных оргиях офитов; и совершенное соответствие идолов, кубков и шкатулок с обвинениями, выдвинутыми Святым Престолом против тамплиеров, и свидетельскими показаниями последних показывает, что эти воины никак не могли быть невиновными.

Бросив взгляд на офитические оргии, символом которых являлась змея, понимаешь, почему *Шехристани* должен был отвести змее последнюю ступень на лестнице творений; и в самом деле, офиты были последними и наиболее развращенными из всех гностиков Средневековья. Их порочность не должна смешиваться с чистым гнозисом, историю которого наметил Маттер и символы которого

воспроизведены архитекторами Средневековья снаружи и внутри церквей, а также на отдельных барельефах, сохранившихся у *масонов*.

---

(1) Полное название исследования таково: *Mysterium Baphometis revelatum, seu fratres militiae Templi, quae gnostici et quidem ophiani apostasiae, idoladuliae et impuritatis convicti per ipsa eorum monumenta*.

(2) Париж, 1828, in-8, с атласом.

(3) Маттер говорит здесь ту же самую вещь, что я сказал в *Mysterium Baphometis*, p. 40:

«Haec symbola, cum apud architectonicos (масоны) et hodie in usu sint, multumque de vera eorumdem origine perquisitum fuerit, pleraque eorum antiquissima et jam in variis veterum mysteriis adhibita fuisse probatur».

«Malleus; 2, crater; 3 cinglum; 4 , velum; 5, catena; 6, perizonium; 7, ferula; 8, candelabrum septuplex; 9, liber; 10, luna; 11, sol; 12, stella fulgurans; et *stroma*» (V. Myst. Baph., p. 41, 42).

(4) Господин Сисмонди, который становится в своей *Истории французов* защитником отдельных осужденных церковью сект, не меньше ошибается, взявшись за их защиту, когда, говоря о вышеприведенной ереси стадингиан (V, стр. 148), город *Рацебург*, о котором идет речь в папской булле, изменяет в *Раххасбург (Rachhasburg)* в Штирии. Сначала обозначаемый Сисмонди штирийский город называется *Радкерсбург (Radkersburg)*, но не Раххасбург; впрочем, город, епископу которого была обращена булла, есть *Рацебург* по соседству с Любеком в герцогстве *Саксен-Лауэнбург*.

(5) Rainaldi, tom XIII, p. 446, 447, ad annum 1234.

(5-а) *** Здесь мы даем перевод только некоторых отрывков из знаменитой буллы от 1233 года папы Григория IX. Полностью давать текст буллы по-русски мы воздерживаемся из-за крайне кощунственных ритуалов, описываемой в ней секты.

(6) *Voyage dans les départemens du midi de la France,* p. 719.

«Неофит, который впервые вступает в сборище этих еретиков видит появление существа, похожего на жабу. Присутствующие целуют нечистое животное и позволяют запустить в свои рты его язык и слюну. Затем оно появляется в виде утки, гуся и бледного худого человека, плоть которого, кажется, разлагается в гниении. Неофит лобзает этого человека и после поцелуя все его вены пронизывает ледяной холод, и всякое воспоминание о кафолической вере стирается в его сердце. Присутствующие садятся за стол, и пиршество завершается: видно как нисходит, пятясь, от некоей статуи, находящейся обычно на собраниях, черный кот с вертящимся хвостом, величиной и ростом со среднюю собаку. Неофит, руководитель собрания и все присутствующие целуют животное в зад. В его честь исполняется песнопение, и каждый склоняет перед ним голову: «Смилуйся над нами», — говорит ему великий магистр. По команде последнего, его сосед говорит коту то же самое. Третий обращается к нему: «Мы тебя признаем нашим учителем». Четвертый добавляет: «И мы должны тебя слушаться». Потом ис-

полняется речитативом нечто подобное гимну, и все собрание предается актам самого омерзительного сладострастия... Когда светильники снова зажигаются и каждый занимает свое место, видно выходящего из темного угла сборища человека от поясницы: верх его тела сияет ярче солнца, а низ оброс шерстью как у кота; его сиянием освещается все собрание. Тогда великий жрец, изъяв некую вещь из одежды неофита, говорит этому светящемуся существу: «Учитель, я даю тебе то, что было дано мне». Блистающий человек отвечает: «Ты мне часто исправно служил и будешь служить мне еще лучше, я оставляю тебе на хранение то, что ты мне сейчас дал». Сказав это, он немедленно исчезает...»

«Каждый год на Пасху эти сектанты принимают облатку, освященную рукой священнослужителя; каждый из них ее хранит в своем рту и, возвратившись к себе домой, они ее бросают в отхожее место в презрение к Искупителю...»

«Наконец, — говорит папа Григорий IX, — эти богохульники в своем безумии осмеливаются верить, что Владыка Небес насилием, хитростью и против всякого правосудия ниспроверг Люцифера в пределы преисподней. Именно в последнего веруют эти несчастные и утверждают даже, что создатель небесных вещей, он поднимется однажды в славу, откуда его низверг Бог, и только с ним, но не до него, они надеются прийти к вечному блаженству. Они проповедуют, что нельзя делать того, что угодно Богу, и нужно делать то, к чему Он питает отвращение».

Между прочим, вышеприведенное обвинение в осквернении облаток и святого таинства Евхаристии буквально повторяется в материалах допросов, проведенных против тамплиеров в Англии. Почитание кота в ордене, неоднократно появлявшегося на тайных капитулах тамплиеров, установленное 14 статьей расследования Римской курии, признается свидетельскими показаниями многих тамплиеров, среди которых Готтфрид де Татан (Gaufred de Thatan), Бернард де Сельг (Bernard de Selgues), Бертран де Сильва (Bertrand de Silva) и Жан Неритон (Jean Neriton). Что касается ереси стадингиан, то никто не сомневается в ее чисто люциферианском характере. Moldenhauer, Process gegen den Orden der Tempelherrn, p. 195; Raynouard, Monuments, etc., p. 280, 293, 296. *(Прим. пер.)*

(7) Ногами гусыни одной из этих фигур (*in modum anseris vel anatis*, как говорит булла); французское выражение о королеве *Педок (Pedauque*) объясняется более естественно, чем легендой об ужасных ногах царицы Савской, сообщенной Нуантелем (Nointel) под статьей о королеве *Педок*; жабы подтверждают обвинение *species quoedam ranae quam bufonem consuevere aliqui nominare*.

(8) *Notice de l'Église de Sainte-Croix, à Bordeaux,* г-на Jouannet.

(9) *Mines de l'Orient*, VI, *Myst. Baphomet*., table IV, fig. 14, 26.

(10) Именно сопровождавший меня господин барон фон Коллер, секретарь делегации Его Величества Императора Австрийского, привлек мое внимание к древнееврейской надписи с другой стороны, которая была незаметна для всех посетителей.

(11) *Matter*, II, p. 237.

(12) Возможно, здесь присутствовали некоторые буквы, передающие иное значение. Мы привлекаем к этой теме внимание ученых и особенно пригла-

шаем любителей при случае посетить катакомбы Неаполя и не полениться составить точный рисунок этих самых надписей.

(13) «Si quidem canum instar et porcorum sua se corruptela turpitudinis inquinant. Hoc enim modo tam canes ac porci quam caetera se animantia corrumpunt et profluentem ex corporibus suis libidinis humorem delingunt». S. Epiph., adversus haereses, t. II, l. I; Haer. XXI, II.

(14) Это *кот*, который появлялся на капитулах тамплиеров, согласно свидетельским показаниям *Готтфрида де Татана (Gaufred de Thatan)* (Moldenhauer, *Process gegen Tempelherrn*, p. 195); тот же самый *кот* появлялся на капитулах в Бренде (Brindes), *Приложение к работе г-на Райнуара*, стр. 296.

(15) «26, Item quod in receptione fratrum dicti ordinis interdum recipiens et receptus aliquando se deosculabantur in ore, in umbilico, seu in ventre nudo et in ano seu spina dorsi. 27, Item aliquando in umbilico. 28, Item aliquando in fine spinae dorsi. Item aliquando in virga virili». *Les articles d'enquete, y Dupuy*, p. 141. Bruxelles, 1713.

(16) *Museum Borgianum,* 1782, p. 105.

(17) Интересный фрагмент из Константина Багрянородного нам сообщает, что вождь мардаитов пребывал в Атталии: «τύπος ἐκράτησεν παλαιὸς τὸν κατεπάνω Μαρδαϊτῶν Ἀτταλείας παρὰ τοῦ Βασιλέως δηλονότι προβάλλεσθαι». Constantinus Porphyrog., de adminisration imperii, in Banduri I, pag. 137 [ныне гл. 50]. Именно в 677 году мардаиты заняли Ливан, а в 686 году Константин переселил 12 000 из них в Армению (на гору Изале). Theophanes, ed. Paris., p. 295-302.

(18) «Et quoniam erravit *Achamoth* extra pleroma, et quaesita est a salvatore manifestare eum, dicunt in eo quod dixit semet pervenisse ad eam quae erravit *ovem*». S. Irenaeus, Opera, Paris, 1710, p. 39, 80.

(19) Вот арабский текст Ибн Вахшие [Ibn Wahschié, Wahschyé, Wahsyeh здесь, Aben Vaschia у Афанасия Кирхера, Ibn Wahshih в ранней английской книге Хаммера, совр. транскр. Aḥmad Ibn-ʿAlī Ibn-Waḥšīya. — Пер.] (J. Hammer, Ancient alphabets and hieroglyphic characters, London, 1806, p. 90):
خروف و هذا الشكل بجملته عندهم هو السر المسمى بهوميد و

И вот завершенная фигура, которая у них является мистерией, называемой Бахомид или овечка.

Английский перевод, стр. 23, гласит:

«The figure is expressive of most sublime secret called *Bahomed* and Kharuf (or calf)». Я добавил в скобках *or calf* (или телец), что затем было встречено суровой критикой со стороны господина С. де Саси в *Энциклопедическом журнале (Magazine Encyclopédique)*, как если бы я взял тельца за эквивалент слова *kharouf (овца)*, хотя я желал только показать взаимосвязь овцы с тельцом друзов. Эта взаимосвязь теперь подтверждена благодаря скульптурам обеих шкатулок.

(20) Для подробного объяснения этой фигуры было бы желательно найти полное издание Ибн Вахшие, на которое автор ссылается и которое носит название:

Текст (араб.) شمس الشموس و قمر الاقمار فى كشف رموز الهرامس

То есть *солнце солнц и луна лун в раскрытии герметических тайн*; господин де Гулианофф (русский египтолог и академик Иван Александрович Гулянов (1789-1841) — прим. пер.), используя иероглифические алфавиты Ибн Вахшие для обоснования своего открытия акрологических иероглифов (*Essai sur les Hiéroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la Cabale*, Paris, 1827 — *Эссе об иероглифах Горапполлона и несколько слов о Кабале*), уже привлек внимание ученых к алфавитам Ибн Вахшие, в которых легко признаются варианты алфавита Странгуэло и сирийского алфавита, воспроизводимого на стр. 9 арабского текста. Замечу здесь, что небесный алфавит, стр. 36, имеет очевидные взаимосвязи со *scriptura coelestis (небесной письменностью)*, которая находится в произведении знаменитого Агриппы из Неттесгейма, *de Occulta Philosophia*, p. 273, вероятно почерпнувшего ее из кабалистического труда, подобного Ибн Вахшие.

(21) «*Hanc autem matrem et ogdoadem vocant et Sophiam et terram et Hierusalem et Spiritum Sanctum et Dominum masculinum*»: S. Irenaeus, contra Haeres., c. V, p. 25.

(22) Reinaud, Monuments arabes du musée Blacas, t. II, p. 240 et suiv. Нельзя, как это неоднократно делалось, смешивать пентаграмму с гексаграммой. Именно последнюю восточные народы называли *печатью Соломона*. См. также Reinaud, tom. II, p. 55.

(23) «42. Idola quorum aliqua habebant facies tres et alia unam, et aliqua *cranium* humanum habebant». Dupuy, p. 142.

(24) Βλέπε ἄστρον Marc. Ant. Comment., l. XI, 27, οὐδὲν γὰρ προκάλυμμα ἄστρου

(25) По числу фальшивых талисманов и восточных печаток, которые мне приходится всякий день расшифровывать, могу тысячу раз убедиться, что самые искусные гравёры, намеревавшиеся изобразить подлинные восточные талисманы, всегда совершали ошибки, так как не усваивали письменности, которую брались воспроизводить. Когда я сообщил это наблюдение своему другу господину барону Шиллингу фон Канштадту, в присутствии которого исполнялись самые удачные подражания китайской и монгольской типографике, он подтвердил мое замечание на практике, сам убедившись, что наиболее искушенный художник настолько плохо передает черты восточной письменности, насколько не сумел изучить манеру ее написания у туземцев.

(26) См. Dupuy, p. 94; более того, в его Истории мы читаем: «Другой добавляет такую подробность: показывая идол, орденский начальник произносит сарацинское слово *Yhalla*». Буква *h* поставлена по ошибке в арабском слове как здесь во французском *yhall*, она должна быть отправлена в конец слова.

(27) «54. Item quod aliquod caput idolorum praedictorum cingebant seu tangebant *chordulis*, quibus se ipsos cingebant citra camisiam seu carnem. 55. Item quod in sui receptione singulis fratribus praedictae *chordulae* tradebantur, vel aliae longitudinis earum. 57. Item quod injungebant eis quod dictis *chordulis*, ut praemittitur, se cingeret, et continue portaret, et haec faciebant etiam de nocte». Dupuy, p. 44.

(28) То же самое видим в латинской надписи бафометического идола, опубликованной в *Каменоломнях Востока*, т. VI, стр. 7, где слова *Mete* и *Gnosticum* обозначены только их слоговыми инициалами: *Me..* и *Gno..*; на иллюстрации K, № 9 присутствует лишь инициал *G* от слова *Gnosis*.

(29) Корень этого слова означает: *«Infixum scope fuit tremuitque telum»*. Gol., p. 406.

(30) «52. Item quod facit arbores florere. 53. Item quod terram germinare». Это *Σοφία Ζωογονή* гностиков (София, порождающая жизнь).

(31) «Nonne, inquiunt, et *intestina* nostra quibus et alimur *serpentis* effigiem referunt». Epiphan. Змея была, как сильно и надолго выразился Святой Епифаний, истинным проводником *офитов*, и вот почему Святой Климент Александрийский ее справедливо называет первенствующим князем зла (omnis mali archidux).

(32) Господин Рейно, чье великолепное произведение о памятниках герцога де Блакаса содержит все, что можно рассказать интересного о гравированных камнях восточных народов, с основанием говорит: *«Если бы восточные люди позаботились сделать свои надписи непонятными, то сократили бы свои слова, изменили бы порядок слогов и рассеяли бы, так сказать, элементы смысла»*. Слоги и буквы надписей шкатулок и кубков переставлены и рассеяны, как и надписи божественных свойств, приводимых Рейно (II, стр. 79), спрятаны *в изолированных буквах и в кабалистическом порядке*.

(33) *Ἀνάπαυσις*. См. Matter, II, 155, согласно Святому Иринею Лионскому, Святому Клименту Александрийскому и др. (Стр. 21)

(34) «Imprimis enim haereticos istos ferunt ecclesias suas sive latibula et cavernas in hypocaustis extruere. Quippe subter ignem excitant ad eos vaporandos ac fovendos, qui in illud cubiculum conveniunt. In ingressos vestimentorum custodes pro foribus capsariorum instar appositi sunt» S. Epiphanii adversus Haereses, l. II, haeresis XXXII. Coloniae, 1682, I, p. 459.

(35) Theod. *Excerpta*, XXXI. Это была пародия на крещение огнем, упоминаемое в Евангелии (Мтф 3:11; Мк 1:8; Ин 1:33). Святой Иустин говорит об этом в *Диалоге с Трифоном* (*in Dialogo cum Tryphone*, p. 315). Это было истинное *просвещение*, ωτισφμός: *Apol. S. Just.*, p. 95.

(36) Странно, что названия многих сосудов пришли из арабского во французский в период Крестовых Походов. Таковы, к примеру, *la carafe* قرف (араб.), или قرافة (араб.), *графин*, *la dame-jeanne* دمجان (араб.), *плетеная бутыль*, *la jarre* جارة (араб.), *глиняный кувшин*: они все арабского происхождения. Одинаково обстоит дело со словами: *le magasin* مخزن (араб.), *магазин или амбар*, *mesquin* مسكين (араб.), *жалкий или узкий*, *une algarade* الغارة (араб.), *враждебная выходка*, *une haquenée* هجن (араб.), *иноходец или дылда*, *la farde* فردة (араб.), *тюк кофе*, *le sorbet* شربت (араб.), *шербет* и т. д. То же самое и с тремя сектами — *ессеи, садукеи* и *фарисеи*, имена которых по-арабски: فريصى (араб.), صديقى (араб.), السنى (араб.); и если бы можно было искать объяснение слова *abraxas* в двух различных языках, как это делал Венделин (Matter, II, p. 51), то наиболее естественным оказалось бы производить его от арабского слова ابرك (араб.) *abrac*, *я благословляю*, и греческого *σας*, *вас*, и, таким образом, слово *abraxas* могло бы быть формулой благословения.

(37) Sainte-Croix, I, p. 85; II, p. 190.

(38) «Etenim peracto stupro, subinde contumeliosis coelum vocibus appetentes utrique maris profluvium cavis manibus praeferentes, consistunt ac preces concipiunt,

atque ita cum eo vascuntur, et impurissimas suas sordes degustant, itaque dicunt: *Hoc est corpus Christi, Hoc est Pascha*». S. Epiphanii, Haer., L. I, p. 95.

(39) «Addunt et hujus mundi praesidem *draconis* effigiem habere, ab eoque animas absorberi cognitione illa destitutas, rursumque per eumdem in hunc mundum refundi». S. Epiph., Haer. XXVI, 10. Я уже отмечал в *Mysterium Baphometis revelatum*, что нужно остерегаться смешивать дракона со змеей; он является изображением *Йалдабаофа* (создатель мира у гностиков, божество иудеев и христиан); змея же — символ Нуса, восставшего против своего отца Йалдабаофа, и в отмщение ему обучившего *Гнозису* людей. *Дракон* для офитов — враг, тогда как *змея* их *добрый гений*.

(40) Судьи и представители административных органов Оттоманской империи и поныне носят топоры как символ своей власти.

(41) *«Conculcabis leonem et draconem»*. Первый из семи архонтов (Йалдабаоф) имел форму льва (*Origenes in Cels.*, l. VI, 30).

(42) «Baptisma duplex, alterum quidem sensibile, quod per aquam fit, quod ignem sensibilem extinguendi vim habet; alterum vero intelligibile per Spiritum (Meten), qui ignis intelligibilis est, remedium eumdemque depellendi vim habet; alterum vero intelligibile per spiritum *(Meten)*, qui ignis intelligibilis est, remedium eumdemque depellendi vim habet». *Theodot. Excerpta*, L. XXXI.

(43) «Postremo hanc velut arcem probationis suis ac fastigium proferunt quod idem Dominus dixit: Confiteor tibi Pater, Domine coeli ac terrae, quia abscendisti a sapientibus et prudentibus et revelasti ea parvulis». Epiph., Haer. XXXIV.

(44) Именно в мистериях Митры необходимо искать происхождение культа, воздаваемого друзами тельцу; и хотя господин де Саси доказал в своих Записках *о начале почитания друзами изображения тельца*, что некоторые друзские ученые, с целью смыть с их секты упреки в идолопоклонстве, описывали тельца как символ вражеских религий по отношению к единобожию; но этот культ, согласно де Саси, не может существовать сам по себе, и телец или *буйвол*, помещенный на алтарь (иллюстрация I) и почитаемый посвященными представляется слишком далеким от эмблемы вражеской доктрины, являясь объектом поклонения.

(45) Это произведение есть в Париже, Оксфорде и Болонье; бегло его просмотрев в Библиотеке Болонского института, я пытался отыскать его в Константинополе и успешно, наконец, нашел, но не оригинал, а турецкий перевод *Нух-Эфенди*, отца великого визиря Хоссейна-Заде-Али-паши. В соответствии с этой рукописью и даются все выдержки.

(46) Шесть первых сект таковы: 1) *кейомерситы*, 2) *зерваниты*, 3) *ученики Зороастра*, 4) *дуалисты*, 5) *манихеи*, 6) *ученики Маздека*.

(47) Полный перевод произведения Шехристани был бы очень желателен для истории догм ислама: он заслуживает поощрения Комитета переводов Азиатского общества в Лондоне преимущественно перед многими другими произведениями.

(48) Matter, I, p. 305.

(49) «Nemo ignorat malos daemones malis artibus allici posse, quemadmodum narrat Psellus gnosticos magos consuevisse, quod penes execrandae et abominabiles

turpitudines exequebantur, quales olim in sacris *Priapi* et in servitio idoli, quod vocabatur *Panor*, cui pudendis discopertis sacrificabant. Neque istis dissimile est, si modo veritas et non fabula est, quod legitur de templariorum detestanda haeresi». Agrippa de Nettesheym *de Occulta philosophia*, t. I, c. 39. Агриппа, который верит в демонов, но сомневается в мерзостях, в каковых с полным основанием обвинялись тамплиеры, попадает в положение многих историков, прибавляющих веру сказкам, но сомневающихся в истине фактов, подтвержденных памятниками. Здесь перед нашими глазами есть объект гностического культа *Приапа*: на памятнике катакомб Неаполя и в изображении *идола* на шкатулках.

(50) Намного более важнее произведения Шехристани для знания восточных гностических ритуалов должен быть труд Ибн-Вахшие, приводимый им самим под названием *Солнца Солнц и Луны Лун*, как содержащий все подробности культа *Бахомида*.

СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ ТАМПЛИЕРОВ

исследование, сопровождаемое неизданным текстом
расследования против тамплиеров Тосканы
и хронологией документов, относящихся
к упразднению храма

Господина Жюля **ЛУАЗЕЛЁРА**,
библиотекаря города Орлеана,
корреспондента министерства народного просвещения
и общества антикваров Франции

Произведение отпечатано в 200-х экземплярах
с дополнением иллюстраций, изображающих идола,
приписываемого Тамплиерам,
и шкатулок господина герцога де БЛАКАСА.

Париж — Орлеан,

1872

Об авторе «Секретного учения тамплиеров»

Жюль Луазелёр родился 4 октября 1816 года в период Реставрации в городе Орлеане, департамента Луаре (Loiret), и умер 4 марта 1900 года в родном городе. Изначально он зарабатывал на жизнь в качестве нотариуса, но затем продал нотариальное заведение, доставшееся ему по наследству, чтобы посвятить себя литературе и исторической науке. Кроме того, занимался политикой на местном уровне, принадлежа к лагерю консерваторов, и входил в муниципальный совет, где стал заметным, предложив в 1853 году организовать лотерею, чтобы профинансировать установку в своем городе конного памятника Жанне д'Арк. Начиная с 1856 года, и в течение сорока лет он служил библиотекарем Публичной библиотеки Орлеана, являясь членом двух ученых сообществ Орлеана: Общества сельского хозяйства, наук, литературы и искусства, в котором занимал пост генерального секретаря, и Археологического и исторического общества. В это время он сотрудничает со многими историческими газетами и журналами: *«Время»* (*"Le Temps"*), *«Обозрение исторических вопросов» ("Revue des questions historiques"*) и *«Современном обозрении»* (*"Revue contemporaine"*); публикуя в них многочисленные статьи об эпопее Жанны д'Арк, как и о более поздних периодах истории Франции, в том числе о замках Луары, правлении Людовика XIV и Генриха IV и пр. Кстати, статья Луазелёра, посвященная Генриху IV, дополняла диссертацию знаменитого историка Жюля Мишле, касающуюся убийства этого монарха. 10 мая 1868 года Жюль Луазелёр, являясь управляющим библиотеки Орлеана, стал кавалером Ордена почетного легиона.

Жюль Луазелёр не разделял тезис двух других наших авторов Йозефа фон Гаммер-Пургшталя и Проспера Миньяра о принадлежности рассматриваемых шкатулок Ордену Храма, что и изложил в своей книге «Секретное учение тамплиеров», вышедшей в 1872 году, благодаря которой стал известен далеко за пределами Франции. Впоследствии мнение о непринадлежности шкатулок тамплиерам поддержал и известный французский археолог Саломон Рейнах (1858–1932). Впрочем, вопрос идентификации этих артефактов для Жюля Луазелёра и Саломона Рейнаха оставался открытым, что никак не вело к разрешению загадки вокруг них. С другой стороны, Жюль Луазелёр, как бы в ответ Йозефу фон Гаммер-Пургшталю и Просперу Миньяру, выдвинул свою версию ереси тамплиеров, в некотором плане опираясь на средневековые легенды и

Жюль Луазелёр

предания. Если упростить проблематику, то вся она сводится к варианту средневекового «хлыстовства» и грубого люциферианства, что опять же никак не разрешает проблему. Впрочем, подобные описываемые Луазелёром еретические извращения вполне могли существовать и в других католических орденах — у тех же францисканцев или картезианцев, о чем говорят документы инквизиционных процессов. Но как сопрячь подобное «хлыстовство» с тайнописью тамплиерских граффити в Шиноне, свидетельствующих об утонченности и проработанности доктрины, использующей, в том числе и алхимический символизм; ответ очевиден: никак! Да и сама загадка доктрины, существовавшей в историческом ордене, никак не решается способом упрощения, что и было предпринято, как мы уже подчеркивали, Жюлем Луазелёром.

Тем не менее, с тех пор книга «Секретное учение тамплиеров» неоднократно переиздавалась, будучи переведенной на основные европейские языки, и увидела свет уже по-румынски и по-польски. На русский язык она переведена впервые, и в нашей антологии служит альтернативным мнением в отношении позиций Проспера Миньяра и Йозефа фон Гаммер-Пургшталя. И перед прочтением этого произведения необходимо заметить следующее: есть определенные признаки того, что при написании своего гениального романа «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков использовал в качестве одного из своих источников французский оригинал «Секретного учения тамплиеров» Жюля Луазелёра. Впрочем, читатель это сразу увидит, углубившись в текст сочинения библиотекаря из Орлеана.

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ужасные события задержали публикацию этого труда и, возможно, что ее стоило бы еще отложить. Этому нет места, когда земля дрожит под ногами, и настоящее не обладает удобным временем, чтобы благоговейно переносить свои взгляды в прошлое. Но уже почти завершенное впечатление в сентябре 1870 года не позволило отодвигать дольше выпуск этого исследования, прочитанного перед Академией Надписей и Изящной Словесности на заседаниях 5, 12 и 26 ноября 1869 года и включенного затем Орлеанским археологическим обществом в сборник, справедливо оцененный эрудитами. Автор вновь выражает здесь свою признательность своим ученым слушателям. Он благоприятно использовал их наблюдения в тексте, который сегодня представляет на суд общественности, и дабы удовлетворить ее, он присоединил к тексту хронологию главных подробностей, относящихся к упразднению Храма; труд настолько же скромный, насколько и сложный, но о необходимости коего ему было сообщено.

Всякий, долгое время посвященный изучению исторических противоречивых вопросов, опытным путем отдает себе отчет в том, что никакой из этих вопросов, предоставленных на диспуты эрудиции, никогда не разрешит ни один утвердительный документ. Благодаря чему они являются наиболее привлекательными, используя которые, критика обретает вящую выгоду. Проблема, трактуемая сегодня, из этого числа. Если не обольщать себя способом обладания ее разрешения, заставив смолкнуть всякие возражения, то, по крайней мере, можно утверждать, что она тщательно изучалась, и что решение, позволительное для ее читателей, имеет достоинство находиться в гармонии с фактами, и что не менее важно — с обычным движением человеческого духа.

Религиозные новшества и ереси имеют, как и все вещи дольнего мира, свои связи с временем и средой, их произведшими, свои корни и свои причины нахождения в других ересях, предшествующих или современных: из них неизвестна ни одна, которая бы появилась произвольно. Подобные феномены наблюдаются больше в природе, нежели в области идей. Определить тайное верование Храма, поместить его в соответствующую ему среду, показать его происхождение и его аналогии с другими гетеродоксальными воззрениями, одним словом, объяснить древо через его породившее семя, почву, воспринявшую

последнее, обстоятельства, оказавшие влияние на его развитие — таковой является цель, таковой является мысль, вдохновляющая это исследование. Рассматриваемое изолированно, как делалось до сих пор, это древо кажется невероятной чудовищностью. Не прекращая оставаться странным, оно понимается и предстает естественным, когда его сближают с его подобиями.

Этот вопрос, полагаю, решен тем, из чего он проистекает, и что является виновностью ордена Храма, политической, религиозной и социальной заинтересованностью, связанной с его упразднением. В этом любопытном процессе, освещаемом в течение пяти столетий, ряды защитников редеют с каждым днем. В то же самое время дело Тамплиеров почти полностью оставлено даже церковными писателями. Эти писатели завершили разумением того, что необходимо было выбирать между виновностью обвиняемых и виновностью их осудившей Церкви: первые не могли быть объявлены невиновными без признания виновными их судей. Тех же, кто еще сомневается, можно лишь отослать к доказательствам, фактам и признаниям, настолько многочисленным и настолько рознящимся в подробностях и, тем не менее, настолько согласующихся, которые являются сегодня известными и которые можно найти подытоженными или указанными в примечании в первой части этого исследования. Сюда должно присоединить свободно данные свидетельства в неизданном расследовании из Флоренции, текст которого мы публикуем: своей тяжестью и точностью они способны открыть глаза самым предубежденным лицам.

Повторим, что свет поражает все больше и больше просвещенные души, свободные от всякой занимаемой позиции, хотя вызванная жалость инстинктивно и оказалась на стороне жертв; иногда подобные люди нерешительно плыли между нападением и защитой. К их числу принадлежит знаменитый французский писатель, которому мы обязаны публикацией двух больших французских протоколов допросов: он всякий раз с такой добросовестностью возвращался к мнению, высказанному им поначалу относительно виновности рыцарей Храма. Кто-то ему сказал о настоящем исследовании в ходе чтения, проведенного в Институте, попросив его выразить свою определенную мысль об этих монахах-воинах. «Тамплиеры, — воскликнул он, — являлись тюркосами Азии» (*тюркос* — алжирский стрелок во французских колониальных войсках; прим. пер.) Несомненно, очень выразительное слово, хотя больше живописное, нежели верное. Тюркосы слушаются

своих естественных наклонностей, но не систему: они обладают неукротимой доблестью, пылкостью темперамента, свободной и легкой жизнью, но никак не продуманной и догматической развращенностью Тамплиеров. Юность, роскошь и жгучее небо Азии не представляются недостаточными для объяснения подобных нравов в христианском ордене, столь чистом в своем истоке. Этому могут дать отчет только доктрины.

Много людей в этом спешащем столетии судят о книге по предисловию. Автор полагает полезным указать здесь то, что подробно излагает на протяжении своего текста, а именно: он не включает всех рыцарей Храма в тот же самый обвинительный приговор. Но согласно ему число виновных было значительным, а их признания составляют доказательство слишком единообразной и слишком общей системы, вот почему их отклонения нельзя объяснить индивидуальными увлечениями. Подобие заблуждений, единство вдохновения, о котором они свидетельствуют, разоблачают предварительное согласие, доктрину, изначально установленную между определенным числом принятых лиц.

Главная задача этого исследования есть поиск и обнажение основ этого согласия и этого учения.

ВВЕДЕНИЕ

Тамплиеры исповедовали доктрину, противостоящую учению церкви? Эта доктрина была общепринятой в ордене? Каковыми являлись ее догмы, ее источники, ее отношения с великими ересями тринадцатого столетия? Несла ли в себе она достаточно угрожающую социальную опасность, удостоверяющие меры, благодаря которым Церковь и Государство достигли уничтожения ордена Храма? Эти проблемы долгое время составляли безнадежность историков. Аббат Верто в них видел «самую непроницаемую загадку, которую история оставила для разгадывания будущим поколениям», и Наполеон не думал, что мог бы когда-нибудь прийти к их разрешению. Он вопрошал: «Как, по истечении пяти веков стало возможно провозглашать виновность или невиновность Тамплиеров, когда сами современники разделились на этот счет?.. Было ли настолько невыносимо пребывать в сомнении, когда вполне очевидно, что все исследования не могли предоставить удовлетворяющего результата?» (1)

Конечно, невыносимо пребывать в сомнении. Дух или, если желаете, человеческая гордость, не знает разрешения в неведении. Тайна ее увлекает и ее терзает. Когда в настоящем обнаруживается одна из этих проблем, которую ей называют неразрешимой, она ее с любопытством вопрошает, ее рассматривает во всех видах, уже не имея отдохновения, пока, наконец, не проникнет ее темень.

Односторонний дух, который во Франции, смешавшись со всем, долгое время вредил освещению этой смутной истории. Систематически и прежде всякого рассмотрения принималась сторона «за» или «против» ордена Храма в соответствии с тем, кто принадлежал к философскому лагерю или к религиозной партии, исходя из чего являясь неверующим или верующим. Оправдать Тамплиеров значило вести процесс против королевской власти, выигравшей от их ограбления, и осудившего их папства; показывать их виновными значило одновременно защищать монархию и религию. Разве и в наши дни не были абсолютно чуждыми эти обеспокоенности противоположным суждениям, целью которых предстает это запутанное дело? Справедливости ради стоит признать, что лагерь обвинителей значительно возрос с конца последнего столетия. Сознательные исследования и важные находки определили данное движение и послужили ему. В числе наиболее решающих из них необходимо выделить: от-

крытие в библиотеке Ватикана выдержки одного судопроизводства, совершенного в Англии; труды немецких и итальянских эрудитов; обновление обычного текста протоколов двух больших французских расследований; изыскания, каким бы ошибочным ни было, согласно нам, заключение, давшие место определенным обвинительным артефактам, приписываемым Тамплиерам, наконец, публикация, сделанная в Испании Виллануэвой (2), буллы об упразднении *"Vox in excelso"*, провозглашенной на Вьеннском соборе; и публикация буллы *"Considerantes dudum"*, изданной 6 мая 1312 года в последний день заседания собора (3). Мы процитируем вскоре один обвинительный и неизданный документ, бросающий новую гирю на весы.

Благодаря этому обширному своду трудов и документов, мало-помалу совершился пересмотр в умах трудолюбивых и беспристрастных эрудитов. За систематическими апологиями Вольтера и страстными оправданиями Райнуара последовало это спокойное уточнение, основанное на изучении фактов и равноудаленное от всякой стороны, присущей нашему времени. В этот час почти все соглашаются признать, что большая религиозная и социальная заинтересованность руководила упразднением воинства Храма. По существу именно здесь подлинный вопрос, и на этом главном пункте встречаются и соглашаются писатели, принадлежащие к самым противостоящим друг другу историческим школам — например, аббат Рорбахер и господин Анри Мартен. По правде говоря, то, что составляет еще и сегодня сложность, заключается вовсе не в отсутствии упорядоченности судопроизводства и безупречности понтификальных комиссаров и даже не в виновности большинства из обвиняемых; но в солидарности целого ордена во вменяемых ему преступлениях в большом количестве своих членов и особенно в точном определении еретической доктрины, в которой преступления кажутся представавшими, как проявлением, так и следствием.

Как бы ни было много обвиняемых, именно в этом столь многочисленные и согласованные документы эпохи не позволяют усомниться. Но должно ли верить, что эти виновные слушались не индивидуальных искушений, но главному и секретно навязанному уставу? Как можно воспринять, что целый орден Храма, этот орден, который в течение стольких лет пролил для защиты религии реки самой чистой крови, смог возвести в принцип официальное отречение от своего культа и своего Бога? Вольтер, выражающий в истории школу здравого смысла, Вольтер абсолютно отказывался смотреть подобным

образом. Надругательства, совершаемые над крестом, нечестивые безобразия, в которых обвинялись определенные члены, он списывал на факт «юношеской горячности, не учитываемой орденом». Что же касается бесчестного обращения при приеме, он отказывался принимать, что оно совершалось по закону ордена. «Плохо знать людей, — говорил он, — значит верить, будто существуют сообщества, которые поддерживаются ужасными нравами и творят закон из распутства» (4).

Далее мы разъясним вопрос о солидарности всего ордена в нестроениях, вменяемых большому числу его членов; но отметим, что отныне это удалить свое главное значение в аргументации Вольтера, если удастся установить, что у Тамплиеров отречение со всеми позорами, из него проистекающими, было последствием одной развивавшейся внутри ордена ереси, аналогичной той, которую Церковь сумела задушить в ту же самую эпоху в другом религиозном ордене. Тогда все объясняется; все то, что казалось темным и противоречивым, становится ясным и понятным. И мы впредь находимся не перед присутствием отдельных преступлений, индивидуальных покушений на религию и нравы, но перед лицом агрессивной религиозной системы, в чем сущность всех религиозных доктрин, которая, однажды принятая вождями, должна была быть навязана ордену целиком, сокрушая всякие сопротивления. Дух секты все принимает во внимание, содействуя себе воодушевлением примера, насилиями, совершенными против неофитов, и послушанием, присущим религиозным орденам. Тайна, окружающая церемонию приема, медленное и развивающееся посвящение неофитов, навязываемое им молчание, сопротивление большинства посвящаемых, когда отвратительные разоблачения их заставляли увидеть бездну, куда их вовлекли; и на другом идейном уровне — трудности, противостоящие папе в первых преследованиях, внезапное равнодушие, проявленное им по отношению к обвиняемым с тех пор, как он узнал об их признаниях, предел которого смог умерить; взятая им на себя забота преследовать рыцарей во всех королевствах, где те были водворены: бесполезное попечение, если учитывать, что понтифик обладал только обеспокоенностью, как удовлетворить алчность Филиппа Красивого; наконец, безмолвие, соблюдаемое наиболее независимыми членами курии, пока наиболее непокорные из священства на Вьеннском соборе не узнали его тайных мотивов, и папа не принялся упразднять орден осторожным путем и благодаря своей апостольской власти; все эти факты находят

естественное объяснение в излагаемой нами гипотезе о ереси, угрожающей Церкви, опасной секте, которую нужно было задушить любой ценой, не делая шума из огласки подозрений и доказательств (5).

Это объяснение не датировано вчерашним днем. Оно было высказано от 1782 года Николаи и поставлено на карту несколько лет спустя Грувеллем в книге, которая, несмотря на свою давность, остается еще лучшей диссертацией, написанной у нас о тайных причинах разрушения Храма. Труды религиозной истории и критики, исполненные, как в Германии, так и во Франции, на протяжении тридцати лет, позволяют сегодня испытать закономерное доказательство, оставшееся у этих авторов в состоянии гипотезы. Один и другой, впрочем, четко не видели, из каких ересей возникла ересь Храма, и с тех пор открытия немецкой археологии лишь избегали мнения по данному вопросу.

В настоящее время видно, на своде каких трудов и артефактов должно основываться подобное исследование. К вышеназванным документам мы прибавим еще один неизданный и известный до сих пор лишь по очень сжатому анализу, данному Райнуаром в дополнение к своему произведению о Тамплиерах. Он касается расследования, произведенного во Флоренции в церкви Святого Эгидия в октябре 1310 года, и оригинал которого хранился в Ватикане. Благодаря доброжелательному содействию господ герцога де Персиньи (de Persigny) и графа де Сартижа (de Sartiges), коим автор исследования рад засвидетельствовать свое почтение, он смог обеспечить себя копией этого следственного протокола. Умелый палеограф сделал его транскрипцию, и господин кавалер Жан-Батист Росси, всегда настойчивый в оказании услуг науке, пожелал сверить копию с оригиналом: имя знаменитого автора *Roma soterranea Cristiana* является истинной гарантией верности этой копии.

Протокол допроса из Флоренции далеко не является продолжением французского процесса 1307 года и расследования 1310 года. Но, тем не менее, благодаря серьезным основаниям он представляет собой исключительные авторитетность и интерес. Описанные им показания достигались не под пыткой: комиссары действовали непосредственно от имени Суверенного Понтифика и без вмешательства светской руки, не подвергаясь, как их французские собратья, давлению мирских властей. Больше того, в самых тяжелых пунктах, которые лучше проливают свет на секретное учение ордена, эти показания предстают наиболее решительными, каковыми мы только обладаем. После дознания в Каркассоне расследование во Флоренции — единственное, где почи-

таемый Тамплиерами идол был обозначен своим именем, единственное, где ставился вопрос об этих предполагаемых бафометических фигурах, о которых столько спорили. В примечании, адресованном нам 7 декабря 1867 года достопочтенным пастором Тейнером (R. P. Theiner), хранителем секретных архивов Ватикана, это расследование рассматривается как наиболее отягчающее для ордена (6).

В действительности, можно расценить, что все самые компрометирующие признания, рассеянные в допросах, произведенных во Франции, в Англии и в Италии, сосредоточены и как бы подытожены в этом коротком следственном протоколе из Флоренции. Мы воспроизводим его текст в конце этого исследования.

---

(1) M. DAMAS-HINARD, *Napoleon; ses opinions et jugements sur les homes et les choses*, t. II, p. 375.

(2) В томе V произведения, озаглавленного: *Viage litter. a las eglesias Espana*, Madrid, 22 vol.

(3) Эта вторая булла является неполной у Райнальди — Raynaldi, *Annal. ecclesiast.*, t. XV. Этот продолжатель Бароний дал только первую часть, опустив наиболее важное. Можно отнести к утвердительным частям полный перевод этой буллы, позаимствованный у *Теологических архивов (Archives theologiques)* господина аббата Беле (Belet).

(4) Essais sur les moeurs, ch. LXVI.

(5) Доказательство того, что папа Климент V не осмелился или не пожелал всего сказать, находится в самой тексте буллы об упразднении "Vox in excelso", которую мы воспроизведем в утвердительных частях в продолжение неизданного текста флорентийского процесса. Булла, о которой идет речь, содержит эту многозначительную фразу: «Некоторые из них еще исповедовали другие чудовищные и нечестивые преступления, о коих *мы в настоящее время умолчим*».

(6) Вот текст этого замечания, в котором особая позиция и специальные знания пастора Тейнера, представляют собой интерес:

«Что касается оригинального протокола о Тамплиерах, то его следа не обнаруживается ни в Ватиканской библиотеке, ни в секретных архивах Святого Престола».

«Ватиканская библиотека располагает официальным расследованием, проведенным против Тамплиеров Тосканы в 1310 году по указу Климента V архиепископом Пизы и епископом Флоренции. Это расследование является очень отягчающим для ордена и содержит двадцать шесть страниц ин-фолио на бумаге». (Именно его мы и публикуем).

«Наши Ватиканские секретные архивы содержат десять свитков различных расследований, осуществленных по указу того же самого папы Климен-

та V против Тамплиеров на острове Кипр, в Греции, в вотчине Святого Петра, в Урбинском герцогстве, в нескольких церковных провинциях Франции и Италии; вышеуказанные дознания являются достаточно важными, очень объемными и более или менее благоприятными для ордена. Некоторые из этих расследований содержат сто пятнадцать и более листов величиной инфолио на пергаменте».

«Все эти документы оригинального происхождения своего времени и в большинстве своем не изданы. Господа Мишо, Мишле, Райнуар, Шампольон-Фижак, Феррейра, Кампоманез (Campomanez), Адиссон, Вилькен и Гавеманн (Havemann) не делают о них никакого упоминания».

Мы полагаем, что знаменитый архивист совершает здесь легкую ошибку. Райнуар процитировал и даже вкратце проанализировал некоторые из этих документов. Но между коротким анализом и полной публикацией лежит пропасть. Определенные части, откуда можно извлечь столько противоречивых аргументов, должны быть изучены подробнее: они могут рассматриваться в качестве известных лишь тогда, когда опубликуются целиком.

Первая часть.
ДОКТРИНА

I. СОДЕРЖАНИЕ ОБВИНЕНИЙ, ВЫДВИНУТЫХ ПРОТИВ ОРДЕНА ХРАМА

Орден Храма существовал достаточно короткий период времени. Основанный в 1118 году и законно обустроенный десять лет спустя Святым Бернардом он был упразднен в 1312 году. Ему понадобилось менее двух столетий для обретения могущества, несравнимого с господством любого другого ордена. Это монашеское воинство, созданное для постоянной войны, непрерывной и безжалостной, было высшим выражением одновременно религиозного и воительского духа эпохи. Довольно быстро оно приобрело все качества и все недостатки рыцарства, слепое бесстрашие, нечеловеческую гордыню и грабительский пыл. Присоедините сюда большинство пороков, которые могут развить военные нравы у невежественных людей, обреченных на целибат в изобилующих богатствах и располагающих безграничной властью в стране рабов под жгучими небесами.

Сильные своим числом, своими десятью тысячами поместий, которые только во Франции, говорят, превышали сто миллионов, облеченные преимуществами, уравнивавшими их с князьями, Тамплиеры мнили себя и были на самом деле выше законов. Ни сеньоры, ни епископы не преобладали над ними; они могли быть подсудны лишь папе или самим себе: духовная или светская власть Государств, где они пребывали, являлась для них ничтожной. Грувелль очень хорошо отметил, что их претенциозная зависимость от Святого Престола, одна признаваемая ими, была только внешней, поскольку они не опасались вступать в союзы с его врагами, хотя бы даже, если папы когда-нибудь и осмелились направить против них гнев других могуществ земли. Избрание их великого магистра не подчинялось санкции суверенного понтифика; он входил в свою должность, не ожидая одобрения никакой другой власти. С этого дня он именовался: «милостью Божией» и шествовал рядом с коро-

лями. Внутри ордена его предписания, каковыми бы они ни были, обладали силой закона.

Эти привилегии, эта пышная роскошь, эта безмерная независимости не преминули принести свои плоды. Алчные, развращенные, беспутные, рыцари вскоре не обладали иными движущими причинами, кроме как удовольствие и заинтересованность. Около 1155 года, спустя два года после смерти Святого Бернарда, один мусульманский князь попал в их руки, и они его обещали освободить, если тот пожелает стать христианином. Князь изучает латинские буквы, главные положения христианской веры и просит о принятии святого крещения; и тогда рыцари продают его за шестьдесят тысяч золотых монет своим врагам, которые его разрубают на части (1). Несколько лет спустя из ненависти к Госпитальерам, их врагам, они заключают союз со Старцем Горы и требуют от него дани. Христиане и неверные равны перед их грабежами: они опустошают Фракию и Грецию, объявляют войну христианским королевствам Кипра и Антиохии, берут Афины и убивают Роберта де Брианна (Robert de Brienne), который там командовал (2). Более значимые факты еще отмечают их религиозный эклектизм, их безразличие и их пренебрежение к вере. Они изменили императору Фридриху II Гогенштауфену и искали его убить с помощью неверных (3); они дали приют суданскому беглецу, отказавшись содействовать в выкупе Святого Людовика (4), низложили с престола Иерусалимского короля Генриха II и герцога Хорватского, изгнали братьев Тевтонских рыцарей из храма Святой Марии и осадили Госпитальеров в их резиденции в Акре (5); их неистовые состязания не останавливались даже перед могилой Христа, и их стрелы падали и на Гроб Господень. Фридрих писал о них: «Взращенные в наслаждениях Востока, Тамплиеры пребывают пьяными от гордыни: я знаю из надежного источника, что некоторые султаны со своей челядью добровольно и с большой пышностью ими принимались в орден, и что сами Тамплиеры им позволяли отмечать их суеверия с призывами Магомета и светской торжественностью» (6).

Их частное поведение не было лучше их публичной жизни. В Германии в конце XIV-го столетия еще повсеместно говорилось: дом Тамплиера для дома разврата (7). Спорили о смысле известной поговорки: *«Пить как Тамплиер»* (8); но есть и другая, имевшая хождение в Англии, которой не сумели придать благопристойного толкования: *“Custodiatis vobis ab osculo Templariorum” — «Да уберечься вам от поцелуя Тамплиеров»* (9). Неверные по отношению к закону своего

установления, они обходились без года послушничества, им предписанного (10). Большое число их капелланов упраздняли священные слова мессы, особенно те, которые объявляют об освящении, делая существенной и значимой смелую презрительность мнения, ведь это производилось публично. Наконец церемонии приема совершались по ночам с закрытыми дверями и состояли из столь тягостных вещей, что часовые бдели на крыше помещения, где имело место посвящение, дабы никто к нему не смог приблизиться. Профессам предписывалось соблюдение тайны под страхом самых суровых наказаний. Рыцарей, виновных в опротестовании форм приема, истязали или бросали в каменные мешки.

Таковыми были главные обвинения, выдвинутые против рыцарей Храма. Являлись ли они достаточными, чтобы обосновать их арест и предание суду? Автор одной из лучших историй Тамплиеров, какими мы располагаем, без колебания признает это (11). Ни в одну из эпох истории Церкви обвинения, подобные тем, которые тяготели над орденом Храма, факты, аналогичные тем, благодаря которым он публично сделался виновным, не встречали толерантности у церковной власти.

Думается, в общем, что до Климента V суверенные понтифики закрывали глаза на нестроения рыцарей Храма: таким образом, обрушившееся на них преследование оказалось внезапным, неожиданным, молниеносным и должно было, бесспорно, рассматриваться как результат заинтересованного союза между папой и королем Франции. Это заблуждение, от которого не смог предостеречь себя сам господин Анри Мартен: «Ничто не указывает на то, — говорит он, — будто до конца XIII-го столетия Римская курия в чем-то подозревала Тамплиеров» (12).

Но это не так. Зальцбургский собор в 1272 году предложил объединить Храм (Орден тамплиеров) с Госпиталем (Орденом госпитальеров). Со следующего года Григорий X и Николай IV в 1289 году трудились над этим замыслом с признанной целью реформирования сразу двух орденов. Великий магистр Храма отверг с высокомерием это начинание (13). Итак, глаза Римской курии продолжительное время взирали на провинности, а равно публичные и частные нестроения рыцарей. Неожиданным явилось то, что не предпринималось никаких преследований; сами Тамплиеры надменно ходатайствовали о расследовании (14), хорошо чувствуя, что долгое время не смогут оставаться под угрозой обвинявших их слухов. Несомненно, они

надеялись, что таковое будет благоприятным и пройдет в их пользу: они возомнили себя слишком сильными, чтобы стать серьезно преследуемыми. Вся неожиданность заключалась в самочинной мере, благодаря которой Филипп Красивый наложил руку на их сановников и на их богатства.

Он много упрекался за использование потаенных путей для усыпления их бдительности. 12 октября великий магистр держал покров на гроб на погребении золовки короля: на следующий день он уже пребывал в узилище вместе со ста сороками Тамплиеров. Забывают, что без хитрых предосторожностей, недостойных, несомненно, правосудия, но продиктованных обстоятельствами, рыцари оказали бы сопротивление вооруженной рукой, как они сделали в Арагоне, где король должен был пойти на переговоры с ними. На самом деле король Франции и Суверенный Понтифик, упраздняя Тамплиеров, следовали политическим необходимостям высшего порядка. Уничтожение ордена Храма это только эпизод большой борьбы против таковых же религиозных ассоциаций, равно угрожавших королевской и папской власти. Без ослабления этих сильных монашеских республик государство, французское единство никогда бы не победило: папство само оказалось низведенным к жертвенной роли, как бесполезной, так и безмерной. Чтобы избежать этой участи, оно разрушило или смирило много других орденов, ставших препятствием, и, как справедливо отмечалось, в XIV-м столетии оно сожгло гораздо больше Францисканцев, нежели Тамплиеров (15).

Впрочем, мы не должны никак дискутировать о движущих причинах, руководивших двумя великими противниками ордена Храма. Высший интерес общества и цивилизации здесь отодвинут в тень и на задний план вторичных вопросов, относящихся к ведению обиды и алчности. Нам достаточно увидеть, что даже за пределом преступлений, разоблаченных предварительным следствием, очевидными, оглашенными и достоверными фактами, против ордена Храма возникли уже прежде всех его преследований сильные подозрения в религиозной недисциплинированности, неисполнении установленных орденских правил, безразличии к христианской вере и даже в ереси.

Безусловно, король Франции не имел права судить рыцарей; согласно юриспруденции времени это прерогатива принадлежала только церковным трибуналам: он мог лишь отменить или ограничить их привилегии и потребовать у иерархии упразднить орден или присоединить его к другой ассоциации (16). Но нельзя забывать, что если

великий инквизитор Парижа на следствии 1307 года показал себя неправедным и жестоким, и если надзиравшие за процессом и стимулировавшие его мировые судьи подвергли тамплиеров чудовищным истязаниям, пускай и разрешенным правительственными законами, то это вовсе не исходило от папских комиссаров, имевших миссию исполнения следственных действий против ордена в целом, но никак не против его членов по отдельности (17).

Истязания и пытки, о чем обвиняемые принесли жалобу в комиссию, являлись либо предшествующими ее созыву, либо были фактом провинциальных соборов, действовавших одновременно с ней, но никак не в том же духе и не с той же целью. Сама свобода, негодующая энергия, с которой несчастные узники жаловались об этих истязаниях, ясно доказывает, что они видели в ней прибежище, но не судью, заранее приобретенного в обвинении.

Впрочем, пытки не были приняты английским законодательством; они не исполнялись ни на Сицилии, ни в Бриндизи, ни в Равенне, ни в Пизе. Значит, признания, сделанные Тамплиерами, находившимися в этих разных странах, одинаково хорошо собранные понтификальной комиссией, согласуются в главных пунктах с признаниями, вырванными у рыцарей, истязаемых судьями, продавшимися Филиппу Красивому. Больше того, именно здесь факт, достойный быть отмеченным: показания, достигнутые папской комиссией 1309-1310 гг. со столькими предосторожностями, что и медлительный мудрец, являются более значимыми, нежели очень короткие признания, однообразные и малосодержательные, собранные в 1307 году инквизитором и людьми короля (18). Взяв заголовок II-го тома второго судебного процесса, господин Мишле, возвращаясь с отличающей его добросовестностью к гипотезам, изложенным им в своей *Истории Франции*, сделал по данному пункту наблюдение, которое важно здесь отразить: «Достаточно отметить, — говорит он, — в протоколах, публикуемых нами, что *опровержения почти все тождественны*, как если бы они были продиктованы в соответствии с условной формулой; и, наоборот, *признания все разнообразные*, отличающиеся по отдельным обстоятельствам, зачастую очень наивным, которые им придают особый характер правдоподобия. Противоположное имело бы место, если бы признания были продиктованы или вырваны под пыткой: они являлись бы почти одинаковыми, и различие заключалось бы скорее в опровержениях».

Основными обвинениями, изложенными в статьях, сформулированных Римской курией, были:

Посвящение, сопровождаемое оскорблением креста, отречением от Христа и кощунственными поцелуями;

Поклонение идолу, рассматриваемому как образ истинного Бога, единого, в которого и должно верить;

Опущение освященных слов мессы;

Право, присвоенное мирскими начальниками, давать отпущение грехов;

Дозволение противоестественного преступления.

Признания, касающиеся этих основных обвинений, разве не несут на себе общего характера, с помощью которого должно рассматривать факты, показанные осуществляемыми в ордене в целом, или, по крайней мере, его главными руководителями, будучи результатом одного устава, официального или секретного статута? Таковым является первый вопрос, который мы желаем изучить. По правде сказать, наиболее темный и затруднительный в этой темной и сложной теме, и мы молимся, прежде всего, чтобы не промахнуться в нашей мысли, давая ему более широкое толкование, чем он содержит в действительности. Мы не сумеем установить, придавался ли орден целиком секретному отступлению от своей веры и нарушению своих клятв, ни даже то, предлагал ли предписанный им устав совершать это нарушение при приеме всех своих членов. Мы только попытаемся показать, что подобный устав существовал — сильный, единообразный, всегда один и тот же, несмотря на различие времени и места, пробивший брешь, насколько смог, в официальном статуте: следовательно, данный устав был согласован среди определенного числа влиятельных руководителей и распространен ими и их последователями. Это тот самый устав, природу и дух которого мы хотим определить после того, как предварительно установим его существование.

---

(1) Guillaume DE TYR, liv. XVIII, c. IX.

(2) Continuateur de Guillaume DE TYR, LIV. V, c. XIII.

(3) Mathieu PARIS, a l'année 1229, t. III, p. 417 de trad. Huillard-Bréholles.

(4) JOINVILLE, p. 81 de l'édit. De 1761.

(5) Mathieu PARIS, t. V, p. 548 de la trad. Cite.

(6) Mathieu PARIS, p. 618 de l'édit. latine.

(7) Jean TRITHEME, *Chronique d'Hirsauge*, p. 109 et suivants.

(8) Согласно БАЛЮЗУ (BALUZE), поговорка *"bibere Templariter"* («пить как тамплиер») обозначала только «жить в благосостоянии». См. Glossaire de Roquefort на слово *Temples*.

(9) Господин Мэйар де Шамбюр (Maillard de Chambure, *Statuts secrets des Templiers*, p. 81) попытался это сделать. Согласно ему, эта поговорка обладает следующим, представленным им смыслом: «Поцелуй у Тамплиеров обозначал символ клятвенной веры и зачастую обвинял их в недостаточности действий на благо ордена». Он забывает, что в тексте британских соборов сомнительная пословица вложена в детские уста, что уточняет приписываемый ей смысл: *"Dum erat juvenis saecularis, omnes pueri clamabant publice et vulgariter unus ad alterum: Custodiatis vobis ab osculo Templariorum"* (Concil. Britann., p. 360, *testis* 24).

(10) См. ROHRBACHER, *Hist. univ. de l'Eglise catholique*, t. X, p. 332.

(11) Wilcke, W-F, *Geschichte des Templherrordens*. Leipzig, t. II, p. 10, 11.

(12) *Histoire de France*, t. IV, p. 469.

(13) Смотрите доказательства в *Хронологии деяний Климента V* и в конце этого исследования, примечание II.

(14) Письмо папы Филиппу Красивому в Пуатье, датируемое IX из сентябрьских календ во II год понтификата Климента V. Согласно нам, эта дата соответствует 24 августа 1307 года и никак не 23 августу 1306 года, на что указывает Дю Пюи в своей *Hist. de la condamn. des Templiers (Истории осуждения Тамплиеров)*, p. 105.

Думается, ошибка на один день не столь важна; однако ошибка на год — груба настолько, насколько воспроизводится для количества других частей. В этом причина. Дю Пюи полагал, что Климент V, как и большинство его предшественников, считал лета своего понтификата, исходя из дня своего избрания (5 июня 1305 года), либо, как утверждает Андре Дю Шесн, от дня, когда он был провозглашен папой (22 июля того же года). Итак, подобный способ рассмотрения имеет последствие передвигать на год большое число документов. Многие историки приняли без проверки заблуждения Дю Пюи и, значит, переставили порядок нескольких фактов, относящихся к упразднению воинства Храма.

В первом из примечаний, опубликованных в конце этого исследования, мы увидим, как Климент V отсчитывал лета своего понтификата, и какой именно год его понтификата служит датой его деяний, будучи согласованным с годовщиной христианской эры, выражаемой в протоколах допросов Тамплиеров. Эта проблема подводит нас к мысли об установлении хронологии главных деяний Климента V и Филиппа Красивого относительно дела Тамплиеров. Этот труд станет целью примечания 11. Он не стал бы предприниматься, если бы во время чтения этого исследования перед академией надписей один из ее членов обозначил его как одну из *желательных (desiderata)* задач истории.

(15) M. Victor Le CLERC, *Discours sur l'état des lettres en France au XIVe siècles*, au t. XXIV, p. 86, 87 de *l'Histoire littéraire de la France*.

(16) WILCKE, t. II, p. 10, 11.

(17) Это важное наблюдение: нельзя терять из вида, что миссия понтификальных комиссаров весьма отличалась от задач провинциальных соборов, действовавших одновременно, но не в согласии с ними. В примечании,

которое следует, мы объясняем, как папа, возмущенный преследованиями, предпринятыми против Тамплиеров в нарушение их привилегий, запрещал полномочия епископов и инквизиторов. Но после того как он сам допросил в Пуатье семьдесят двух Тамплиеров, свободные признания которых оглашались перед всей консисторией и совпадали со сведениями, собранными по указу короля, Климент снял прещения. Своей буллой из Пуатье, датируемой 5 июлем 1308 года, он позволяет каждому епископу в своей епархии и каждому инквизитору проводить дознание в отношении тамплиеров епархии, предназначив их каноническому суду созываемых провинциальных соборов и соборов митрополий. Соборы не могли заниматься орденом в целом; они рассматривали в судебном порядке дела частных лиц. Восемь особых комиссаров делегировались для того, что касалось всей корпорации Тамплиеров. Сообразно своей миссии комиссары вызвали предстать перед судом и своим присутствием 8 августа 1309 года весь орден Франции, в первый день после Святого Мартина в зале Парижского епископства. Этот вызов нисколько не препятствовал провинциальным соборам, которые могли даже во время расследования комиссаров индивидуально осуждать отдельных Тамплиеров, в том числе, действуя канонически передавать их в руки светских властей. Это, разумеется, необходимо рассматривать не с точки зрения справедливости, но исключительно с точки зрения юриспруденции времени и полномочий, которыми пользовались в данной юриспруденции провинциальные соборы и понтификальные комиссары апостольского установления, полномочий, одновременно отправлявшихся без внешнего нарушения права, но, тем не менее, с большим ущербом для истинного правосудия, поскольку осуждения, провозглашаемые соборами, имели целью парализовать действие комиссаров.

(18) Во время чтения данного исследования перед Академией надписей (сеанс от 5 ноября 1869 года) один известный эрудит, авторитет которого велик во всем, что касается истории Средневековья, раскритиковал следующее выражение: *люди короля*. Он высказал мнение, что допрос Тамплиеров, осуществленный в 1307 году, имел место согласно юридическим формам времени, то есть благодаря инквизитору и епископам и, по крайней мере, без внешнего вмешательства светской власти. Изучив подробнее вопрос, мы обрели уверенность, что все обстояло иначе: рука королевской власти остается, наоборот, очень четко заметной во всем этом деле, тем самым обеспечивая доказательство, извлеченное из аутентичных фрагментов, цитированных Дю Пюи.

Этот писатель рассказывает (стр. 20) о двух допросах, проведенных Бертраном де Агасса, рыцарем, и сенешалем де Бигорром, *королевским депутатом* в этом деле.

В Каане несколько религиозных депутатов благодаря инквизитору помогали Гуго де Шателю и Энгеррану де Виллье, рыцарям и *депутатам короля*, допрашивать тринадцать Тамплиеров (Du Puy, p. 20).

Один дворянин, именуемый Жаном де Арбле (de Areblay), выслушивает в присутствии двух нотариусов семь Тамплиеров из диоцеза Кагор (Du Puy, p. 21).

Десятеро допрашивалось на мосту Ковчега бальи Руана Петром де Анжесом (Pierre de Hangest) и другими дворянами: рыцари признались между прочими фактами в наличии поясов, которыми прикасались к идолу (Du Puy, p. 21).

Больше того: текст протокола допроса, проведенного в Париже в 1307 году инквизитором Вильгельмом, констатирует, что это имело место в присутствии буржуа: Вильгельма де Шока, жителя Парижа, Вильгельма де Анжеса *et pluribus aliis testibus ad hoc vocatis et rogatis* (Смотреть Procès, t. II, p. 282). Эти буржуа участвовали в допросе лишь в качестве заседателей; однако становится ясным, что на данное мероприятие инквизитор не имел права, поскольку реально получил свои полномочия только от короля. Святой престол пользовался исключительной юрисдикцией над Тамплиерами. Узнав о допросе и пытках, которым подверглись рыцари в нарушение своих привилегий, дарованных и подтвержденных несколькими папами, Климент V запретил полномочия инквизитора и епископов; но король никого не уведомил о прещении, и следственные действия продолжились. Тем самым были достигнуты признания ста сорока Тамплиеров, исповедовавшихся об отречении от Христа и осквернении креста. Разве не ясно, что, начиная со дня запрета, инквизитор Парижа не действовал больше на основании апостольской власти, являясь только человеком короля, и разве мы не вправе утверждать, что признания, полученные таким образом, не обладают ни авторитетом, ни ценностью тех, которые были достигнуты папскими комиссарами, не применявшими пытки? Для того, кто рассматривает провинциальные соборы, проходившие в то же время, как и их, смотрите предыдущее замечание.

II. ИМЕЛ ЛИ ОРДЕН ХРАМА СЕКРЕТНЫЕ СТАТУТЫ?

Если мы обратимся к статутам ордена Храма, тем, которые к нам пришли, то, разумеется, в них не раскроется ничего того, что утверждает странные и кощунственные практики, разоблаченные в ходе расследования (1). Но как необходимо размышлять над вопросом, поставленным в конце предыдущей главы? Не обладал ли орден, наряду с общедоступным уставом, другим уложением, устным или письменным, разрешающим или даже предписывающим эти практики, секретным уставом, открываемым одним подчиненным, и которому подчинялось большое число членов? Мюнтер вместе со всеми писателями-апологетами ордена протестуют против этого предположения. Тем не менее, нужно признать, что тягчайшие обвинения свидетельствуют в его пользу, и оно подтверждено многочисленными показаниями и самими определениями статей, на основании которых Тамплиеры допрашивались в силу буллы *Faciens misericordiam*.

Вкратце мы уже сказали о природе и характере этого следствия. Оно было направлено не против отдельных поименно обозначенных обвиняемых, но против всего ордена, рассматриваемого в качестве коллективной личности. Судебное разбирательство над личностями, над индивидуальными преступлениями оставлялось для провинциальных соборов; дознание, доверенное понтификальным комиссарам, нацеливалось выше. Оно затрагивало сам дух установления, которым занималось: оно обладало признанной целью сделать орден целиком ответственным за ошибки его начальников и определенного числа его членов. На что указывает само заглавие следственных статей: *Isti sunt articuli super quibus inquieretur contra ordinem militia Templi*. Итак, после изложения преступных практик, о которых необходимо было проинформировать, материалы расследования добавляют, что эти практики происходят от соблюдения или *статута ордена* (art. 84); они оказываются в числе пунктов ордена введенными после одобрения, данного статутам апостольским престолом (art. 86). Нет ничего более определенного. Эти статьи доказывают, что по мысли Святого Престола практики, о которых идет речь, были одновременно освящены статутом и соблюдались во всем ордене (2). Впрочем, статья 112 разъясняет, что ассоциация возомнила себя обязанной слепо исполнять все повеления великого магистра. Согласна с обвинением и булла об упразднении ордена *“Vox in excelso”*, которую мы знаем

в течение небольшого периода времени, определенно поставившая в обвинение ордену преступления, вменяемые великому магистру, визитаторам и командорам: «Мы узнали, — говорит суверенный понтифик, — что магистр, командоры и другие братья этого ордена и сам орден запятнали себя вышеназванными преступлениями и некоторыми другими».

Если возразить, что в план инициаторов процесса входило уничтожение всей ассоциации, но именно ассоциация была поставлена под сомнение и отнюдь не несколько из ее членов, поскольку, как стоит заметить, многочисленные признания подтверждают и легитимируют обвинение, выдвинутое против Тамплиеров в качестве коллективного сообщества.

На самом деле очень обстоятельные и очень откровенные показания свидетельствуют о том, что в церемонии принятия предавались действам с соблюдением практик, абсолютно чуждым тем, которые разрешались публичными и официальными статутами.

Эти действа и эти практики рекомендовались статутом, отличным от того, что санкционировала Римская курия. Больше того: разные допрошенные рыцари признают, что практики навязывались в качестве исполнения орденских пунктов. Неизданный Флорентийский процесс содержит по данному факту наиболее точные показания.

Первый заслушанный на процессе свидетель подтверждает, что поклонению идолу, к которому обращались с христианскими словами, — *“Deus adjuva me”*, — являлось обрядом, соблюдаемым во всем ордене (3). Он добавляет, что подобные идолы имелись во всех капитулах. Третий свидетель даже заявляет, что прецептор дома Святой Софии Пизанской располагал головой, похожей на идола из Болоньи: голова являлась его частной собственностью, и он ей поклонялся. Пятый свидетель, по крайней мере, согласен с утверждением первого о солидарности ордена в инкриминируемых обычаях (4).

Во Франции 104-й свидетель в расследовании от 1310 года Райналь де Бержерон выражается еще более определенно. Отречение, оскорбления креста, поцелуи, которые он должен был дать своему посвятителю и вплоть до противоестественного преступления — все это ему приказывалось или позволялось *в качестве исполнения орденского пункта*.

Герард де ла Рош, 106-й свидетель, говорит то же самое об отречении и плевании на крест. Он добавляет, что те, кто отказывались от этих кощунств, или кто их разоблачали, заточались в тюрьму и жестоко подавлялись.

Великий приор Раймонд де Вассиньяк, заслушанный 6 мая 1310 года, после рассказа об обстоятельствах своего приема, после того как был принужден отречься от креста, пойти и плюнуть сверху, добавляет, что этот способ принятия соблюдался во всем ордене, что в нем заключаются пункты и обычаи ордена. То же он говорит о поцелуях: *"Fuit ei dictum, quod, secundum puncta ordinis, debebat eum osculari in ore et umbilico"* (5). Он признает, что других братьев принимали подобным же образом; ни он, ни они не протестовали. Выражение *«это пункт ордена»* отвечало за все, заставляя молчать наиболее щепетильных лиц.

Одинаково, на основании секретного правила, священники ордена должны были опускать сакраментальные слова мессы: «Мне объявлялось как орденское предписание, — говорит один из свидетелей из Витербо, — что священники Тамплиеры, празднуя мессу, были обязаны опускать слова освящения; но я их никогда не опускал» (6).

Кощунственное разрешение, нашептываемое посвятителем в ухо профессу, разве не являлось равно уставной статьей? Об этом можно подумать, если сопоставить определенные показания, например, Вильгельма де Варнажа и Рауля де Таверн э (Tavernay) (7). И все же представляется, что это постыдное позволение давалось не безразлично всем неофитам, но только самым юным — *"ne ordo diffamaretur pro mulieribus"* (8). Тем самым, вероятно, желали отдалиться от всякого отношения с женщинами, благодаря чему предохранить орден от болтливости, способной быстро скомпрометировать секрет орденских мистерий. Храм прославился ненавистью к женщинам: хорошо видно почему.

Именно с тем же самым мотивом и в целях покрыть секрет ордена непроницаемой завесой великий магистр присвоил себе право отпускать грехи братьев, даже грехи, скрываемые «либо из-за стыда, либо из-за боязни епитимий» (9). Это злоупотребление, которое акт обвинения ставит в вину одного великого магистра, казалось бы, было понятным всем, кто руководил капитулами, и даже мирским начальникам (10). По нашей мысли, оно обладало более общим характером, нежели отвратительная распущенность, о чем встает вопрос (11). Не представляется ли, что таинственная доктрина, сформулированная в секретных статьях, должна состоять, по крайней мере, на практике больше чем из трех статей: другие пункты учения, несомненно, являлись следствиями этих главных статей. На что ясно и указывал один из рыцарей, когда говорил одному мирянину из своих друзей:

«Когда даже ты был бы моим отцом, и если бы ты смог стать великим магистром ордена, я не хотел бы, чтобы ты оказался посреди нас, поскольку мы имеем три статьи, которые никто никогда не узнает, за исключением Бога и дьявола и нас самих, братьев ордена» (12).

По правде сказать, некоторые обвиняемые отрицали, что преступные приказания ими исполнялись, исходя из орденских пунктов; но, рассмотрев подробнее, становится заметным, что среди них одни обвиняемые (и это наибольшее число) имели целью оправдать орден, взяв на себя самих ответственность за вменяемые деяния; другие без сопротивления были подготовлены к безобразным и им навязываемым практикам: следовательно, не стало необходимым напоминать, чтобы их склонить к тому, ни об уставе, ни об обычае (13).

Хотя многие из этих отважных рыцарей возмущались самой идеи данных кощунств и чудовищностей; хотя они энергично отказывались от осквернения: это слишком естественный факт, чтобы его обходить молчанием. Хотя в присутствии их благородного сопротивления посвятители отступали перед нечестивой работой и искали даже способа успокоить негодующие души, выставляя отвратительные требования в качестве шутки — *una truffa* (14); это факт, который, поистине, должен учитываться, но который, наравне с предыдущим, не доказывает ничего против существования секретного и гетеродоксального устава.

Итак, по мнению Святого Престола и самой Церкви, выраженному в статьях расследования и в недавно опубликованной булле об упразднении ордена, благодаря соблюдаемым церемониям приема, признаниям большого числа обвиняемых, насилиям и пыткам, коим подвергались непокорные, становится очевидной вероятность того, что отдельные начальники Храма, держа в неведении Римскую курию, пытались придать ордену таинственное уложение, отличное от публичного статута. Было ли это уложение устным или составленным письменно? Об этом последнем пункте существует настолько четкое и точное показание, что диву даешься, как можно было поддерживать противоположное утверждаемому ей. Оно принадлежит юрисконсульту Раулю де Преслю, заслушанному понтификальной комиссией 11 апреля 1310 года.

Рауль де Пресль сохранил в памяти услышанное из уст Гервасия де Бовэ, ректора дома Храма в Лаоне, что на генеральном капитуле ордена присутствовала вещь настолько секретная *(quidam punctus adeo secretus)*, что если бы на свою беду кто-то ее увидел, будь то король

Франции, то никакая боязнь мучений не помешала бы членам капитула его мгновенно убить. Гервасий де Бовэ говорил ему еще несколько раз, «что обладал маленькой книгой, которую охотно показывал, и которая содержала статуты его ордена, но имел он еще и другую более секретную, и никому в мире не пожелал бы ее показывать».

Но каким образом фундаментальный статут, заключавший в себе столь ужасный и тяжкий для постижения секрет, мог существовать не замеченным в течение такого количества лет? Среди обвиняемых находились те, чей прием в орден осуществлялся более сорока лет назад, и на протяжении этого долгого периода определенное число профессов, принятых в орден, стали хранителями фатального секрета. Как же не нашлось ни одного из них, способного разоблачить его королевской или церковной власти? Как же столько священников ордена, которым исповедовались обвиняемые, не сокрушались о преступлениях, угрожающих Церкви, и, рискуя, разделили ответственность за это? Апологеты ордена Храма много раз настаивали на невероятности подобного длительного молчания (15).

Возражение стоит ему соответствующей кары. Скажем сначала, что для этого стало необходимым, чтобы секрет сохранялся настолько хорошо, насколько можно в это поверить. Задолго до того как церковное руководство решилось действовать по требованию короля, оно уже было осведомлено об общественных скандалах и самих признаниях нескольких Тамплиеров (16). Мнение не ждало ареста рыцарей для смятения и восстания против ордена. Оно шло дальше, нежели предварительное расследование, почти не приемлющее обвинений, выдвигаемых общественным гласом. Что же касается определенных разоблачений, не говоря уже о показаниях, данных приором Монфокона и флорентийцем Ноффодеи, заточенных в тюрьму за преступления, высказывания которых по праву подпадают под подозрения, другие более достойные изобличения совершались достаточным количеством дворян и простолюдинов; отдельные из них принадлежали к ордену: эти данные собирает Ногаре, тайно приказывая их хранить у Корбея (Corbeil), дабы они служили свидетельствами (17). Итак, несмотря на все предпринятые предосторожности, глаз правосудия следил за всеми таинственными практиками задолго до ареста виновных. И все же, террор бдел при вратах капитулярных залов, гарантируя орден от опасности и разоблачений. Посвящаемые предупреждались, что разглашение тайны оплачивалось свободой или даже жизнью: здесь, поистине, заключалась одна из глав обвинения

(art. 69), удостоверенная многочисленными показаниями и воспроизведенная в булле об упразднении (18). Теперь понятно, почему среди стольких посвященных в секрет братьев было так мало тех, кто ему изменяли.

Молчание, соблюдаемое исповедовавшимися братьями, объясняется равно полностью естественным образом. Орден располагал собственными Тамплиерами-священниками, облеченными всяким наставлением в культе; одна из статей публичного статута позволяла рыцарям исповедоваться только у священнослужителей ордена. Это было лишь дополнительным допущением, обратившимся в обязательное правило, на что указывает статья 73 обвинительного акта (19). Значит, не стоило опасаться того, что исповедующийся брат мог раскрыть заблуждения, в которых сам являлся сообщником. Впрочем, такой брат мог целиком рассчитывать на папское отпущение, ему обеспеченное в отношении исповеди рыцарей, в полномочиях равных епископам (20). Если некоторые обвиняемые утверждали, что исповедовались у других пастырей, минуя священников своего ордена, то можно справедливо предположить, что эти несчастные ссылались на свои так называемые исповеди лишь с целью смягчить ответственность за заблуждения, в которых должны были признаться (21).

Мы полагаем, этого достаточно, чтобы установить, что большое число членов ордена в последние годы его существования подчинялись определенным уставным статьям, держащимся в секрете и не утвержденным Святым Престолом; и именно в силу этой таинственной конституции осуществлялись приемы в орден.

Тогда нельзя относить эти странные практики на счет частных заблуждений или увлечений юности: для них необходимо искать более обоснованную причину; должно видеть, что они подлинно разоблачают скрытую доктрину, ересь. Следовательно, с того времени как орден или, по крайней мере, бо́льшая часть его членов стали использовать при принятии или на заседаниях генеральных капитулов религиозные обряды, практики и церемонии, отличные от ритуалов, признанных и разрешенных Церковью, то эти обряды, практики и церемонии очевидно заключали в себе ересь, что хорошо поняли отцы Вьеннского собора и суверенный понтифик в булле *“Vox in excelso”* (22).

Добавим, что по всей вероятности секретное учение не передавалось целиком и с первого раза новым адептам. Согласно мнению, опровергаемому Мюнтером, но защищаемому Грувеллем, в ордене существовало несколько последовательных степеней посвящения,

второй или третий обет (23). Это предположение недостаточно обосновано документами, но зато оно разрешает несколько трудностей, в том числе неведение, в котором, кажется, пребывали определенные рыцари и братья-сержанты относительно секрета ордена и степени его тяжести, что отмечается в признательных показаниях: одни ими даны по всем обвинительным основаниям; другие — только по определенному их числу.

Впрочем, те же самые из них, кто, несмотря на столько доказательств и признаний, упорствовали в отрицании солидарности всего ордена в ересях, вменяемых многим из его членов, кто отклонял столько свидетельств, объявляющих, что гетеродоксальные практики предписывались в порядке орденского пункта, уставной обязанности, должны были, по крайней мере, признать бесспорный факт: большое развитие и подобие данных практик. Каким образом в столь различных местах и разных эпохах, друг друга не знавшие люди могли подчиняться тем же самым заблуждениям, и как последние смогли неявно объединить стольких высокопоставленных лиц в общей идее их навязывания? Это подобие, это единство, по меньшей мере, доказывали предварительное согласие, образованные связи, верование, изначально установленное между определенным числом сторонников. Итак, даже в этой ограниченной гипотезе всегда существовала заинтересованность поиска того, чем являлось данное верование, в том числе и для противников предположения о наличии секретного статута, предмета нашего исследования, который будет достаточно подтвержден. Столь сжатое предшествующее рассуждение приходило на ум всем, даже тем из историков, кто противоречат принятию ереси, перешедшей в состояние статута. И нет почти никого среди них, кто, пораженный ее всеобщностью, не пытался бы объяснить ее на свой лад, проникнув в ее смысл и раскрыв ее источники (24).

Естество этого верования, связи, связывавшие его с другими ересями, способ, при помощи которого оно было введено в орден — все эти вопросы крайней тонкости, получавшие весьма различные ответы. Сделанные во Франции, Италии и в Германии открытия символических скульптур, барельефов и фигур, существующих на различных приписываемых Тамплиерам артефактах, поставили бы, конечно, науку на путь разрешения проблемы, если бы данная принадлежность являлась установленной неоспоримым способом; но необходимо еще многое, как станет ясно, чтобы критика смогла объявить себя удовлетворенной на сей счет.

Мы отсылаем в конец труда изложение и дискуссию об этих открытиях, принимая здесь стезю, отличную от наших предшественников. По нашему мнению, неправильно рассуждать, стараясь сосредоточить в порочном круге все, что противится сведению артефактов к доктринам. Чтобы определить каковыми были секретные религиозные воззрения ордена Храма, на наш взгляд, достаточно только одного верного и разумного метода: он заключен в приближении к тому, что собранные во время следствия признания нам сообщают об этом таинственном веровании, принципах, исповедуемых великими сектами, еще процветавшими в XIII-м столетии. Разоблачения, обеспеченные скульптурами и артефактами, несомненно, способны придать драгоценную норму этому дознанию, но его истинная и прочная основа покоится единственно на указанном нами приближении. Происхождение артефактов проблематично, а их приписывание Тамплиерам весьма спорно, и только связав их с тем, что известно определенного о религиозной системе ордена или, по крайней мере, большого числа его членов, можно говорить с некоторым основанием о законности или несостоятельности их отнесения к ордену. Одним словом, в противовес тому, что до сих пор делалось, вместо выведения доктрин из артефактов, мы постараемся сверить артефакты, опираясь на доктрины.

---

(1) Известно о трех манускриптах этих статутов: первый был открыт в библиотеке Корсини Мюнтером, опубликовавшим его в Риме в 1786 году: он написан на провансальском языке; второй обнаружен в архивах Дижона господином Мэйаром де Шамбюром, который его издал в Париже в 1840 году; и третий был найден в имперской библиотеке господином Гераром.

Эти статуты не представляются единообразным трудом, произошедшим из одного источника: большая их часть последовательно добавлялась к правилу, данному Святым Бернардом, которое не дошло до нас в своей полноте (находящееся же в соборах Лаббе, t. X, col. 923, является только отрывком, как его оценивает дю Пюи, и правило, опубликованное Обером Лемиром (Aubert Lemire), по словам Мабийона, очень позднее по отношению к первому); некоторые стали устаревшими в начале XIV-го века. — Grouvelle, p. 273, note. Как и повсюду, время сделало свое дело. Герард де Ко (de Caus), сороковой свидетель, вспоминал, «что никакая копия правила, ни позднейшие статуты не предоставлялись в распоряжение братьев». Значит, правило изменялось благодаря последующим статутам. Это правило и эти статуты, несомненно, пребывали столь засекреченными, чтобы было невозможным братьям удостовериться, находились ли предписанными в них навязываемые им практики, против которых многие восставали.

(2) Смотрите RAYNOUARD, Monuments, etc., p. 85.

(3) В статье 47 (art. 47), относящейся к поклонению идолу, этот первый свидетель вспоминает: *"et dixit interrogates quod ritus iste fiebat et servatur communiter per totum ordinem"*; и в статье 62, относящейся к поясам, коими заставляли касаться идола: *"Respondit quia publicum erat in ordine quod iste ritus servabatur in reception ipsorum per totum ordinem"*.

(4) *"Audivit etiam quod observabatur adorari dictum caput communiter per totum ordinem"*. Мы воспроизводим здесь два следственных показания, поскольку они не изданы; для показаний, полученных во Франции, мы отсылаем к напечатанным текстам, ограничиваясь цитированием наиболее важных.

(5) *Procès*, in *Coll. des doc. inéd.*, t. I, p. 234.

(6) RAYNOUARD, *Monuments hist. relatifs a la condamn. des Templ.*, p. 275. То же самое упущение констатировано несколькими свидетельствами французских процессов. V. В том числе t. II, p. 155. Также *Conciles d'Angleterre*.

(7) Протокол допроса от 1307 года у дю Пюи, стр. 83. Это двадцать третий свидетель.

(8) Это сто пятнадцатый свидетель в расследовании от 1310 года. Смотреть GROUVELLE, p. 385.

(9) То же самое показание. Смотреть одинаково показание Госерана де Монпеза (Gaucerand de Montpezat), свидетеля, заслушанного в Каркассоне. Этот последний добавляет причину, имевшую свое значение: *"Ut melius caliditatem terrae ultramarinae valeant tolerare"*.

(10) Статьи 107 и 108 Обвинительного акта.

(11) *Conciles d'Angleterre*, t. II, p. 383. Мы позднее возвратимся к этому вопросу.

(12) DU PUY, *Hist. de la condamn. des Temp.*, cinquante-unieme témoin, p. 361, de l'édit. de Bruxelles, de 1713 (Пятьдесят первый свидетель по изданию Дю Пюи *«История осуждения тамплиеров»*, Брюссель, 1713).

(13) GROUVELLE, p. 176.

(14) Процесс, опубликованный Мишле в *Coll. des doc. Inéd.*, t. II, p. 110.

(15) RAYNOUARD, *Monuments*, p. 150 etc.

(16) Статья 38 протокола расследования на самом деле излагает: *"Item quod propter hoc, contra dictum ordinem, vehemens suspicion a longis temporibus laboravit"*. Для всех цитируемых статей мы используем нумерацию Грувелля.

(17) Это подтверждает Иоанн, каноник Сен-Виктора, современный автор.

(18) В этой булле мы читаем: «Когда они принимали в свой орден братьев, то оные были обязаны в самом акте своего принятия дать клятву никогда никому не разоблачать способ своего приема и оставаться верными этой клятве».

(19) *"Item quod injugebant eis quod non confiterentur aliquibus, nisi fratribus ejusdem ordinis"*.

(20) MUNTER, in GROUVELLE, p. 114 etc.

(21) MUNTER, loc. cit.

(22) В той же самой булле, так долго не издаваемой и еще почти неизвестной во Франции, читаем следующее: «Кардиналы, принимавшие от великого

магистра, визитаторов и командоров отречение от их ереси». Значит, секретные практики Храма четко квалифицировались *ересью* святым Престолом.

(23) GROUVELLE, *Mémoires historiques sur les Templiers*, p. 261 etc.

(24) Мы призываем особое внимание читателей к этому параграфу: он отвечает на возражение, сделанное во время чтения настоящей главы в Институте; его суть заключается в том, чтобы удовлетворить тех, кто, несмотря на множество согласующихся друг с другом признаний, противоречат идее принятия ереси, перешедшей в состояние уставного правила.

III. ГЛАВНАЯ ИДЕЯ СЕКРЕТНОГО УЧЕНИЯ ТАМПЛИЕРОВ

Один из последних по времени и, быть может, наиболее глубокий из историков, которых когда-либо встречали Тамплиеры, немец Вильке, человек широких взглядов, но авантюрный, делает из этих монахов предшественников Кальвина и *Энциклопедии*: «По взгляду с благой стороны, это предстает в своих выражениях: их секретная доктрина являлась не чем иным, как протестантизмом, в общем, и рационализмом, в частности: тамплиерство не увенчалось успехом только потому, что пришло слишком рано» (1). В другом месте тот же самый писатель видит в этой доктрине магометанский гностицизм — идея, представленная в этой сжатой и абсолютной форме, кажется сложной для примирения с первой, но которая, тем не менее, приемлема для рассмотрения. Автор, очевидно, имел в виду влияние, оказанное на их религиозное мнение рационалистской и философской доктриной исмаилитских сект, с коими Тамплиеры находились долгое время в контакте. Отсюда проистекает вопрос, который мы обсудим позже.

Ограничимся, сказав в данный момент, что если бы орден Храма проповедовал доктрину свободомыслия и чистого деизма, то он составлял бы в религиозной истории Средневековья одно из самых своеобразных исключений. С X-го по XIV-го столетия учения почти всех великих сект имеют общее основание, абсолютно противоположное этому мнению. Верные в этом традициям гностицизма и манихейства, почти все из них принимают либо чистый дуализм, то есть сосуществование двух вечных начал: одного — отца душ и творца добра, другого — господина над материей и источника зла; либо умеренный дуализм в теории единого Бога, не только сотворившего самого демона, но предоставившего этому последнему образование материального мира и управление над ним. Все, по сути, исходят из идеи абсолютного антагонизма между Богом и миром; все подтверждают сложность для простых душ, чуждых высшим метафизическим умозрениям, примирить существование зла с ведением о едином добром и всемогущем Боге, представив себе соотношения духа и материи, совершенного и несовершенного, и подняться над этими великими проблемами к столь возвышенным и философским разрешениям христианства.

Наряду с дуализмом, общая точка для всех современных или наименее удаленных по отношению к учению Храма ересей это докетизм

или система иллюзорности. Данная система очень древняя, и если она и не происходит от гностицизма, то, по крайней мере, современна ему, поскольку мы ее видим уже осужденной, пускай в смутных определениях, в Послании к Евреям, приписываемым Святому Апостолу Павлу. Позже мы проследим ее отклонения; но рассматриваемая в своем источнике она подытоживается в следующей идее: божественной сущности по существу претит всякая телесная скверна. Значит, Христос не предстает воплощенным началом. Наделенный воображаемым и иллюзорным телом, Он жил, действовал, страдал лишь внешне. Или больше того: Он находился только в контакте с человеческим существом, служившим Ему сосудом; другой человек Его замещал на кресте. Отсюда это выражение: *человек Иисус*, которое часто встречается в языке докетов, и которое мы обнаруживаем тотчас в устах одного Тамплиера. Докетизм придерживался в своих основаниях того же самого гнозиса; он был общим для школ Симона, Сатурнина, Василида и Валентина; он просочился в исламизм и отсюда, несомненно, с некоторыми маздаистскими доктринами, введенными позже у Шиитов, один из фундаментов мнения, делающего из Тамплиеров магометанских гностиков (2). И все же, из писаний гностиков, распространявшихся в подложных евангелиях в Аравии, понятно, что Магомет, кажется, почерпнул эту традицию. Почти все катарские секты проповедовали более или менее видоизмененной данную доктрину. Некоторые из них даже ее продвигали до своих крайних пределов, желая видеть в «человеке Иисусе» лишь лжеца, приговоренного на смерть за свои преступления.

Сделав эти предварительные замечания, обратимся к памятникам, относящимся к осуждению рыцарей Храма: в текстах их процесса, в сближениях, позволенных с гетеродоксальными принципами, которые мы поспешили набросать, исследуем то, что являлось их доктриной.

Идея, представляемая Тамплиерами о сотворении и происхождении зла, никак не отличалась от воззрения большей части других великих сект, им предшествующих или современных. Например, Гностиков первых веков, Павликиан девятого века, Катаров одиннадцатого столетия: все они были дуалистами. Они признавали изначально высшего Бога, верховное существо, пребывающее на небе. И отсюда примечательный факт, подытоживающий многочисленные признания.

Брат Иоанн де Сарнаж (de Sarnage), прецептор дома Тамплиеров Суассона, принимая Бертрана де Монтиньяка (de Montigniac), и вслед

за ним неоднократно повторившего клятву благоговейно соблюдать *секретные статуты*, показывает ему крест, на котором находился образ Иисуса. Он увещевает его нисколько не верить последнему, поскольку оный являлся лишь лжепророком без всякой силы, sine ullam valorem, но верить в высшего Бога небес, единственного, Кто мог Того спасти (3).

Посвятитель Фулька де Труа (Foulques de Troyes) ему равно предписывает верить не в лжепророка Иисуса, но в верховного Бога (4). Посвятитель Иоанна де Шуна (de Chounes) ему говорит: «Веруй только в Бога небесного, но не в Него» (5). Ниже прочтем важное показание Гальсерана де Теуса (Galcerand de Teus). Фульк де Труа сообщает весьма примечательную подробность: один из свидетелей его принятия, показывая образ Иисуса на кресте, произносит следующие слова: «Не доверяйте ему большого дела, *поскольку он слишком юн*» (6). Хотелось бы обратить внимание на данную фразу: она заключает глубокий смысл.

В показаниях, относящихся к началу догмы, исследуемой нами, это обыкновенно осуществляется в противопоставлении с Иисусом, определяемым лжепророком, высшего Бога, изображаемого в качестве истинного Бога, которому одному подобает верить. Именно этот смысл выражен в нескольких показаниях: «Веруйте в Бога небес, но не в Него. — Верьте не в Иисуса, но в высшего Бога».

Но стало бы заблуждением заключать из данных выражений, что Тамплиеры рассматривали этого высшего Бога как единственную силу, которой они обязаны культом. Они одинаково поклонялись идолу, и оный, как мы увидим, являлся вовсе не образом небесного Бога, но отображением низшего Бога, устроителя и господина материального мира, творца всякого дольнего блага и зла, того, благодаря которому зло было введено в творение, первоисточника всего, что появляется на свет, дабы как радоваться, так и страдать.

Определенные показания устанавливают, что божество, изображаемое идолом, было скорее злым Богом, демоном. Это *maufe*, следуя выражению Рауля де Жизи (de Gysi) (7), и это слово на языке эпохи точно обозначает злого Бога, дьявола (8). Он же — дьявол преисподней согласно Петру де Монкаду (de Moncade) (9). «Как назывался этот идол?», — спрашивает инквизитор у Иоанна де Кассанаса (de Cassanhas). Он отвечает: «Демон, в которого я мог верить». Итак, тот же самый Иоанн де Кассанас нам сообщает, что его посвятитель, показывая ему идола, имевшего человеческий облик, ему говорит:

«Вот друг Божий, который беседует с Богом, когда хочет. Воздай ему благодарность за добро, которое он вам делает, и он исполнит ваши желания» (10). Эти столь определенные понятия, сопоставленные с обозначением демона, данного тем же свидетелем предмету своего культа, ясно доказывают, что в теологии ордена злой Бог никак не являлся высшим Богом, но был Его другом, божеством в хороших отношениях с Ним, обладавшим достаточным могуществом, чтобы исполнять пожелания своих почитателей.

В отсутствие столь положительного показания, качества, атрибуты, данные Тамплиерами своему идолу, были бы достаточны, чтобы показать, что он вовсе не представал образом высшего Бога. Рыцари его призывали «как Бога и как спасителя» (статьи 49 и 50 обвинительного акта); больше того, как спасителя всего ордена (11). Они обращались к нему с христианскими словами: *“Deus adjuva me”* (12). Согласно им он мог их обогатить и дать всему ордену любой вид блага (13).

Наконец, и это атрибуты, которые необходимо тщательно отметить, изображенное идолом божество обладало силой *заставлять цвести деревья и произрастать землю* (статьи 56 и 57). Эти определения не являются терминами обвинительного акта: они — те же самые выражения, коими пользуется брат Бернард из Пармы, второй из свидетелей, заслушанных во Флоренции, в важном документе, приводимом для чтения в конце исследования (14). То же самое показание в устах четвертого свидетеля Николая Регинуса (Reginus) и Якова де Пигаццано (de Pighaczano). Итак, в точности те же самые определения использовались инквизицией в Тулузе для обозначения злого бога альбигойских Катаров (15): новый проблеск посреди мрака.

Значит, высший Бог, отодвинутый в небесные пространства, чистый дух, чуждый миру, как и земному злу, совершенное существо, несовместимое с несовершенствами и страданиями дольнего мира; затем идет злой бог, устроитель материи, ее обрабатывающий и оплодотворяющий, *заставляющий ее произрастать и цвести*, который может спасти и обогатить своих верных, — именно отсюда происходят первые принципы теологии Тамплиеров, как ее можно вывести из их признаний.

Что касается Иисуса Христа, то Он не является ни посланником высшего Бога, посланного для спасения людей, ни даже творением злого бога, вызванного к жизни, чтобы ввести их в заблуждение, тем

самым воспрепятствовав работе по спасению, которая должна совершиться благодаря идеальному Христу, обитающему не на земле, но в небесном Иерусалиме. Эти две идеи, образующие всякую христологию двух главных ветвей большой альбигойской секты, чужды Тамплиерам.

Их мнение о Христа наиболее грубое и свидетельствует о доктрине, весьма соседствующей с материализмом, каковой ее должно было ожидать от невежественных и сладострастных солдат, презирающих высокие философские умозрения. Для них Иисус, как и все другие, лишь человек из плоти и костей, разбойник, лжец, осужденный на смерть не для того, чтобы искупить прегрешения людей, но за свои собственные преступления. Если и есть пункт, который выделяется среди внушительной массы свидетельств, то это, конечно же, он.

Мы уже цитировали несколько показаний, собранных во Франции, как в 1307, так и в 1310 гг., где Иисус расценивался лжепророком; мы найдем много подобных и на страницах двух допросов, указанных в примечании (16). Признания, собранные в Тоскане, еще более четкие. Послушаем Гвидо де Чиччику (de Ciccica), третьего из свидетелей, заслушанных во Флоренции. Он приводит несколько глав, где он слышал исповедание следующей доктрины: «Иисус не является истинным Богом; это лжепророк. Он был распят не для спасения человеческого рода, *но за свои собственные злодеяния*; нельзя и не должно быть спасенным Им». Четвертый свидетель брат Николай Регинус воспроизводит ту же самую доктрину в мало отличающихся определениях. Он вспоминает, что два великих прецептора ордена Вильгельм де Нове (de Nove), великий прецептор Ломбардии и Тосканы, и Яков де Монтекукко (de Montecucco), на капитуле, проходившем в Болонье, говорили и проповедовали, что Христос являлся не Богом и не истинным Господом, но лжепророком; что Он претерпел смерть не для спасения рода человеческого, и что спасение, которое от Него невозможно было ожидать, происходит от некоей головы, находившейся в капитулярном зале, которую присутствующие почитали и которой поклонялись в качестве Бога. Там пребывало двести братьев, распростершихся перед идолом.

Вот важные показания, которые Райнуар, защитник слишком обвиняемого ордена, нисколько целиком не проанализировал. Сама малая часть, высказанная им о них, служит скорее для введения в заблуждение, нежели для руководства мнения. Их можно будет прочесть в продолжении неизданного документа, опубликованного в конце

этого произведения. Свидетельство, цитируемое Мольденгафером (Moldenhaver), энергично подытоживает идею, придаваемую посвященными ереси Храма личности Христа: *«Человек Иисус умер лишь за свои грехи»* (17). Следовательно, показания, собранные в Германии, подтверждают в этом главном пункте признания, заслушанные в Тоскане. Обратимся теперь к показаниям братьев с Сицилии. Вот определения отпущения грехов, присвоенного для себя руководителями по окончании капитулов: «Я молю Бога, дабы Он простил ваши грехи, как Он простил их Марии Магдалине и *разбойнику*, распятому на кресте». Хотелось бы отметить эту ассоциацию Магдалины с распятым на кресте разбойником; мы тотчас убедимся, что она обладает большим значением в вопросе.

Свидетель, ознакомивший с формулой отпущения грехов, только что приведенной нами, это Гальсеран де Теус, заслушанный в храме Святой Марии на Сицилии в апреле месяце 1310 года делегатами папы. Райнуар видит лишь экстравагантности в его показании. Более углубленное знание о гетеродоксальных учениях Средневековья, коим мы теперь обладаем, позволяет, наоборот, уточнить его важность и вероятность. Дабы ничто не препятствовало ясности, Гальсеран де Теус добавляет: «В разбойнике, о котором говорит руководитель капитула, должно, *согласно нашим статутам*, разуметь Иисуса или Христа, и хотя Он и назывался Богом и Царем Иудеев, это являлось оскорблением по отношению к истинному Богу, который на небесах. Когда Иисус за несколько мгновений перед Своей смертью был пронзен ударом копья Лонгина, то покаялся за то, что назывался Богом и Царем Иудеев, попросив прощения у истинного Бога: тогда истинный Бог Его простил. Вот почему мы применяем к распятому Христу эти слова: *как Бог простил разбойнику, распятому на кресте*».

«Что касается Магдалины, — продолжает тот же самый свидетель, — то ее прегрешения были прощены истинным Богом, который на небесах, поскольку оная являлась Его подругой, и чтобы Ему служить, она посещала церкви и монастыри и зажигала церковные лампы» (18).

Значит, по сокровенной мысли ордена Храма Иисус только человек, поистине виновный и наказанный за свои преступления: «Человек Иисус умер лишь за свои грехи». Бог не воплощался; Он не страдал, Он не умирал на кресте: «Вы не должны верить, будто бы Бог умирал, — говорит один из руководителей братьев, — поскольку это невероятно» (19). Отсюда презрение, выказываемое орденом в отношении креста и оскорбления, направленные на него; отсюда навя-

зываемая посвящаемым обязанность трижды плюнуть на распятие, осквернив его еще более гнусным образом, — и это в пятницу, даже в Страстную Пятницу (20). «Это не более чем кусок дерева, — говорит Герард де Пассаж (de Passage), — наш Господь на небесах» (21), и требует поднять на смех и попрать ногами крест, и посвящаемый тотчас слушается. Отсюда, наконец, ибо все вовлекается в эту систему, опущение освящающих слов мессы: *"Hoc est corpus meum"*; о чем следовали признания нескольких священников ордена (22). Всякая секта, отрицающая божество Иисуса, отрицает тем самым пресуществление даров: таково обязательное последствие.

---

(1) *Histoire des Templiers, puisé a des sources nouvelles*, Leipzig, 1825-35, t. III, p. 356.

(2) *Koran, sur*., III. Вскоре мы возвратимся к этому пункту. Маздеизм является религией Зороастра, установленной в Персии; что касается Шиитов, то мы о них расскажем дальше.

(3) *Proces des Templiers*, doc. inéd., t. II, p. 404.

(4) *Ibid*., p. 384.

(5) *Id*., ibid. p. 384.

(6) *Non faciatis magnam vim de isto, quia nimis juvenis est*. (Proces, t. II, p. 384)

(7) RAYNOUARD, *Monuments*, etc., appendice, p. 290.

(8) ROQUEFORT, *Glossaire de la langue romane*, au mot *Maufais*.

(9) Doc., inéd., Proces, t. II, p. 462.

(10) Du Puy, p. 93.

(11) Показания Деодата Жафе (Jafet) по допросу, осуществленному кардиналами в присутствие папы, RAYNOUARD, Monuments, p. 247.

(12) Показание первого свидетеля во Флоренции в протоколе допроса, опубликованном в конце этого исследования.

(13) Показания Цеттуса Рагониса (Cettus Ragonis) и Герарда де Плезанса (de Plaisance) по дознанию, полученному в Витербо (Церковные государства), начатому в декабре 1308 года и завершенному в июле 1310 года.

(14) *"Audivit a fratribus qui convenerunt in dicto capitulo quod dictum caput poterat eos salvare et divites facere, et omnes divitias ordinis dabat eis. Item quod faciebat arbores, flores et terram germinare"*.

(15) LIMBORCH, *Hist. de l'inquisition*, p. 132.

(16) Процессы, опубликованные господином Мишле в *Collection des documents inédits*, t. Ier, p. 294; t. II, p. 31, 137, 144. Эти показания соответствуют протоколу допроса, проводившегося понтификальными комиссарами; для показаний, собранных в 1307 году, смотреть на тот же самый пункт, t. II, p. 333, 353, 355, 359, 383, 384.

(17) *Process gegen des orden der Tempelherrn*, Hambourg, 1792, p. 623. MOLDENHAVER (МОЛЬДЕНГАФЕР), p. 355, цитирует еще следующее показание: «Альберту де Канеллю (de Canelles), показывая ему крест на мантии, было сказано: «Распятый на нем являлся лжепророком; не веруйте в Него; не уповайте на Него и не доверяйтесь Ему; презрев Его, плюньте на этот крест». Из-за отказа Альберта де Канелля, оного принудили к этому действию, обнажив меч».

(18) RAYNOUARD, p. 282. Мы приводим здесь только два самых ценных показания. Тем не менее, располагаем большим количеством других, которые все равно доказывают презрение, испытываемое орденом к личности распятого. Здесь мы упомянем лишь процитированные выше показания Бертрана де Монтиньяка, Фулька де Труа и Иоанна де Шуна.

(19) Показание Стефана Тробати (Trobati), RAYNOUARD, p. 248.

(20) Показание Николая Регинуса, четвертого свидетеля во Флоренции, в неизданном документе, публикующемся в конце этого исследования.

(21) *Proces*, t. Ier, p. 213.

(22) *Proces*, t. II, p. 155 et *passim*. — По дознанию, осуществленному в Англии от 1309 до 1311 гг., два свидетеля показали об опущении слов освящения и тринадцати слов из мирского отпущения грехов.

Вторая часть.
ИСТОЧНИКИ ДОКТРИНЫ

I. ПОДОБНЫЕ СЕКТЫ И ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Теперь есть необходимость набросать в крупных чертах секретное учение Храма. Нам остается проникнуть в него, охватив его сокровенный смысл и подробности, сопоставив с доктриной сект, с которыми оно близко. В предыдущей главе мы уже предвосхитили, что, на наш взгляд, тамплиерство являлось просто ветвью от великого катарского корня, произведшего столь различные побеги.

Но на каком ответвлении оно оказалось привитым? Не образует ли оно постороннюю ветвь, секту *sui generis*, в которой сплавились и сочетались начала нескольких подобных ересей, связанных с материнской сектой только общностью нескольких фундаментальных догм благодаря связям, которые, чтобы быть более многочисленными и прямыми, нежели узы, сближающие восточные культы, оставляют, тем не менее, ему его свободу расширения, его индивидуальность, его особое лицо? Здесь то, что мы спешим исследовать, и чтобы это сделать, нам поначалу необходим определенный обзор преемственности разных катарских сект и искажений, запечатлевшихся на идее, породившей катарскую ересь.

Эта ересь, скажем больше, эта катарская религия, имевшая свою регулярную иерархию, свою церковь и своих пасторов, которая на протяжении стольких лет держала удар всех сил правоверной церкви, и против которой Иннокентий III был вынужден направить Крестовый поход, о чем ужасные воспоминания еще живут по всему югу Франции, эта ересь никогда бы не достигла изумительного развития, обретенного ей от X-го до XV-го вв., если бы большинство ее приверженцев проповедовали принципы, диаметрально противоположные вечной морали, честности, общественному порядку, являвшимися теми, в отсутствии чего упрекали орден Храма. Даже имя катара, обозначающее чистого и совершенного, протестует против подобного предположения. Но наряду со всеми схизматическими концепциями,

она подверглась видоизменениям, повлекшим ее дробление на отдельные ветви. Для тех, кто станет внимательно отслеживать синтетическое изложение, исследуемого нами верования Тамплиеров, должно быть очевидным, что никак не с катаризмом нужно связывать непосредственное родство этой доктрины, но с его наиболее выродившимися ветвями — с сектами, предававшимися культу наиболее грубой чувственности.

Мы скажем лишь слово о самой основе катарской доктрины: это особенно важно, если прослеживать ее отклонения. Тем самым, быть может, мы придем к пониманию, что заблуждения ордена Храма не предстают настолько чуждым феноменом, насколько это кажется при первом рассмотрении, что они являются следствием, несомненно, очень порочной религиозной системы, но обладающей, тем не менее, своим историческим и философским объяснением.

Все несовершенное не может проистекать от совершенной причины: катарская философия исходит из этого принципа, заимствованного у восточной античности, и присущего ей вместе с Манихеями и Павликианами. Существует абсолютная антитеза между бесконечным и добрым Богом, каковым его воспринимает человеческое разумение, и конечным миром, посвященным злу, между Богом, предстающим бесконечной жизнью, и существами, рождающимися только для того, чтобы умереть. Неизменное и благое существо не может быть автором злых и преходящих вещей: значит, существуют два творения и два бога. Один, добрый Бог, создавший души; он является началом света; его царство есть господство разумения; его мир это горний невидимый мир, где все совершенно. Он не принимает никакого участия в вещах, творящихся на земле; его полностью духовная область никак не пересекается с областью материи; созданное им видно только ангелам и небесным людям, тела у которых, наравне с душой, нематериальны и чужды, как страстям, так и грубым влечениям земных душ и телес. Другой, злой Бог, является творцом этого дольнего мира и всего того, что осязаемо, материально, преходяще — всего того, что трепещет и страдает. Именно создал видимое небо и все светила. От него происходят все внешние недуги, как моральное зло, так и зло физическое; он — господствующий властелин над материей, как над неодушевленным, так и над органическим естеством. Именно он дал земле силу произрастать и цвести растениям (1). Он — первоисточник жизни, страдания и греха; его имя Люцифер, и все делаемое им зло создается из ненависти к высшему Богу. Видно, что

роль Люцифера не представляется второстепенной, и что люди должны, наоборот, больше считаться с ним, нежели с добрым Богом, отодвинутым в небесные пространства и испытывающим на них лишь очень опосредованное влияние.

Злой Бог обладает своим откровением в Ветхом Завете; тогда как в Новом Завете проявился добрый Бог. Вот почему в Новом Завете о Боге сказано: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (2). Вот почему Бог Книги Бытия творит небо и землю; но «земля же была безвидна и пуста; и дух Божий носился над водою» (3). Значит, как небо и земля, так и тьма, являются произведением Люцифера. Вот почему еще согласно Ветхому Завету дети Божии согрешают (4), тогда как сказано в Новом Завете, что «всякий, рожденный от Бога, не делает греха» (5). Отнюдь не благой Бог говорил с Моисеем и вел патриарха: Моисей получил закон от обманщика; он сам был колдуном, разбойником (6). Закон не был дан благим Богом, не происходит от веры и не обладает никакой властью.

Души людей, сотворенных благим Богом, были соблазнены и увлечены на землю злым богом, который их заковал в тела, где они подвергаются всем недугам, присущим человеческому состоянию. И дабы положить предел их рабству и торжеству своего противника, благой Бог послал своего сына Иисуса на землю. Этот сын является не Богом, но творением, низшим по отношению к Отцу. Чтобы ввести в заблуждение злого бога, он принял человеческий облик; но его тело, образованное из эфирной субстанции, свойственной всем небесным существам, было освобождено от законов материи, оскверняющей все, к чему прикоснется. Именно это небесное тело вошло в Марию и вышло из нее, не восприняв никакого материального начала; именно оно было распято на кресте, не испытав никакой скорби, и, наконец, взошло на небо. Вся жизнь этого призрачного Христа являлась только видимостью. Он нисколько реально не присутствует в святой Евхаристии: Его крест, Его образы не заслуживают никакого почитания.

Если присоединить к этим догматическим идеям отвержение водного крещения, осуждение брака и животной пищи, причастие Святого Духа в наложении рук в церемонии, называемой *Consolamentum*, обычай полагать на утешенного брата льняное или шерстяное вервие, которым он должен был препоясывать свое тело, мы обнаружим очень сжатое, но достаточно полное обозрение религиозной системы первых Катаров.

С первых времен существования этой доктрины проявлялась тенденция к ее видоизменению благодаря больше философской и одновременно более возвышенной идее: верование в единого верховного Бога, сотворившего самого злого духа. Это умеренный дуализм дал рождение нескольким сектам, соединенных только некоторыми общими идеями, позаимствованными у первоначального катаризма, но разделенными в тяжелых расхождениях. Одни почитали, кроме верховного Бога, его двух сыновей, один из которых управляет небесным царством, а второй — видимым миром; другие воздавали культ лишь владыке высшего мира и его младшему сыну, господствующему над империей небес и душ: старший сын, властитель земли и тел, являлся для них творцом зла. И все же, они его не презирали и остерегались его раздражать, опасаясь подвергнуться его мщениям. Наконец, многие из этих сектантов шли дальше, обретая культ этого последнего, называемого ими Сатанаилом, и которому они приписывали власть их сделать счастливыми и богатыми (7).

Из вышеуказанных трех религиозных систем наиболее распространенной являлась та, что проповедовала культ Отца и сына, управляющего небесным миром: это была система Богомилов; наиболее грубой представлялась система Сатаниан или Люцифериан, почитавших только старшего сына, Бога мира и демонов, и проклинавших младшего сына, который по их разумению, вызывает все катастрофы, чтобы свидетельствовать об обиде на своего брата. Именно из этих двух доктрин образовалось учение Тамплиеров. Их культ, как мы уже видели, обращался сразу к небесному Отцу и к демону: Иисус исключался из него. Итак, Иисус в двух только что изложенных еретических теориях предстает младшим сыном. Отсюда слово, вырвавшееся у одного из свидетелей посвящения Фулька де Труа: «Не доверяйся ему, поскольку он слишком юн». Следовательно, орден Храма одновременно почерпнул в верованиях Богомилов и Люцифериан; теперь мы должны набросать здесь две доктрины, чтобы уточнить элементы, позаимствованные у них теологией Тамплиеров.

Всякие происхождения смутны: это по-особенному верно по отношению к религиозным зарождениям и, в частности, к появлению Богомилов. По мнению господина Маттера, их происхождение неизвестно и предшествует катаризму (8). Катарская система являлась неким подобием усеченного итога, западным переводом богомильских доктрин, а эти последние были позаимствованы у гностицизма. Следуя Неандеру, Богомилы вышли из Павликиан и не имели абсолютно

ничего общего с Гностиками. Наконец, для господина Шмидта, авторитет которого столь велик в этой области, богомильство не что иное, как модификация первоначального катарского дуализма. Аналогии, существующие между данной системой и системой гностиков, случайны и проистекают, как и аналогии манихейства с павликианством, от общности отправной точки (9). Это мнение нам кажется наиболее близким к истине. Тем не менее, нам представляется бесспорным, что определенные гностические элементы, по большей части чуждые западному катаризму, соединились в богомильском дуализме в восточных странах Европы: сам Шмидт это признает в нескольких частях своего добросовестного произведения (10). Но особенно интересно в данном вопросе то, что эти элементы являются вторичными: знаменитая теория эманаций не составляет его части. Следовательно, эта теория предстает фундаментальным началом, как гностицизма, так и манихейства: удалить ее из богомильской системы значит четко отделить последнюю от систем Манеса и гнозиса.

Богомилы, имя которых обозначает друзья Божии, были распространены во Фракии с середины XI-го столетия. Их главу Василия сожгли по указу императора Алексея Комнина. Анна Комнин, дочь этого правителя, нам оставила трактат, где пытается объяснить их происхождение, но умалчивает об их доктринах из уважения, по ее словам, к своему полу. Эти доктрины нам стали известны по разным полемическим трактатам византийского теолога Евфимия Зигабена, из которых главный — *Догматическая Паноплия*.

Высший Бог, верховный Отец, чистая и полностью духовная сущность, имеет двух сыновей: старшего Сатанаила и второго Иисуса, являющегося равно Словом, Христом и Архангелом Михаилом. Старшему сыну принадлежало управление небесным миром. Он восседал справа от Бога, наделявшего его творческой силой. Опьяненный гордыней, он восстал против своего отца, увлекши за собой нескольких ангелов в своем мятеже, и был изгнан с небес вместе с ними. Тогда при помощи спутников своего заблуждения он создал по образу небесного мира видимую землю, обладающую, как и другой мир, своим солнцем и своими звездами. Из небольшого количества праха, извлеченного из воды, он сделал первого человека; но он никак не мог его оживить. Дух, которым он воодушевил Адама, вышел через ногу последнего и вошел в тело змеи, ставшей тем самым наставником демона (11). Бессильный демиург тогда был вынужден прибегнуть к своему отцу. Он умолял его наслать дуновение на несовершенное

произведение, обещая ему, что человек, так воодушевленный, стал бы их общим творением. Бог оказался тронутым этой мольбой, ведь, будучи благим и отцом, он сохранял невольную привязанность к сыну. Видно, насколько близко мы находимся здесь со злым Богом Тамплиеров, который хотя и демон, тем не менее, остается другом высшего Бога и «беседует с Ним, когда этого пожелает».

Ева была создана, как это произошло и с Адамом; Сатанаил соблазнил ее и имел от нее дочь Коломену и сына, названного Каином. Что явилось косвенным средством недопущения исполнения своего недавнего обещания и утверждения своего исключительного господства над расой, которая должа была произойти от Каина. Но Адам и Ева породили другого сына, не обладавшего никакой проклятой кровью в своих венах и обязанного быть лучше, нежели его брат: Сатанаил понял, что половина его добычи избежала его. Кажется, что в данный момент вмешался договор между ним и его отцом: мятежный сын, отказавшийся от его божественной славы и лишенный его творческого свойства, получил взамен полное управление над творениями, став обязанным, тем не менее, их никак не принуждать к злу. Но неверный своему обязательству, он стремился обольстить и погубить людей, и Бог был вынужден направлять на помощь души, которые, напоминая о нем, являлись его собственным дыханием. Именно с этой целью он извел из своего сердца своего второго сына, свое Слово, вошедшее в Приснодеву через ухо и ставшее только внешне человеком, оставаясь чуждым, как потребностям, так и страданиям человечества. Оно даже не освободило его от господства зла; ведь хотя в конце своей жизни и снизошло в преисподнюю, чтобы сковать там своего мятежного брата, вырвав из его имени последний слог (*el*, Бог), оно не смогло все же восхитить у него власть, злое влияние, оказываемое им на людей; и вот почему эти последние должны опасаться раздражать князя зла.

По примеру первоначальных дуалистов катаров, Богомилы рассматривали Ветхий Завет как вдохновленный Сатаной, за исключением пророков и псалмов. Благодаря произвольному толкованию они опускали в своей доктрине все фрагменты Нового Завета, не находившиеся в гармонии с их фундаментальными началами. Они принимали равно видение Исайи, апокрифическую книгу, долгое время дорогую для различных гностических сект. Евангелие Святого Иоанна пользовалось у них особой почестью: они его ставили над головами неофитов, которым передавали посвящение (12).

Возможно, здесь место напомнить, что, по словам некоторых историков, это евангелие в ордене Храма являлось предметов весьма своеобразной веры (13). Одно из масонских обществ, заявляющих о своем происхождении непосредственно от Тамплиеров, располагает греческим евангелием Святого Иоанна, которое, как оно утверждает, пришло от великих магистров Храма, будучи копией оригинала с горы Афон. Мюнтер придавал большую важность этому факту: он думал, что данный манускрипт, где он рассчитывал обнаружить признаки гностицизма, восходил к XIII-му столетию. Наоборот, следуя господину Тило (Thilo), профессору в Галле, издателю апокрифического свода Нового Завета, рукопись, которой восхищаются современные Тамплиеры, относилась к началу XVIII-го столетия, представляя собой тексты Святого Иоанна без видимого следа гностицизма. Суждение Вильке еще более определенно: «Их евангелие Святого Иоанна, — говорит он, — пришло с горы Афон и подписано по-гречески пятью первыми великими магистрами Храма; это не что иное, как известное евангелие этого апостола, но искалеченное, усеченное, интерполированное, фальсифицированное современным фальсификатором с постепенным внушением пантеизма еврея Спинозы; оно упраздняет все, что устанавливает различия божественных ипостасей, божество Христа, Его чудеса и первенство Святого Петра, чтобы перенести последнее на Святого Иоанна в ложной интерполяции и обманом, основанном на грубом заблуждении. Древние Тамплиеры имели главным среди своих покровителей Святого Иоанна Крестителя; современные Тамплиеры, веря, будто это был Святой Иоанн Богослов, приписали своим предшественникам фальсифицированное евангелие Апостола» (14). Как мы здесь видим, это весьма далеко от мнения господина Анри Мартена, который после утверждений в своем тексте, что Тамплиеры оскверняли крест, но почитали евангелие, в особенности же наиболее *духовное* евангелие Святого Иоанна, добавляет в примечании по отношению к манускрипту, сохраненному современными Тамплиерами: «Представляется вполне установленным, что эта рукопись, достаточно отдаленного возраста, происходит от великих магистров Храма» (15).

Между диаметрально противоположными чувствами нелегко избрать и выразить свое. Наиболее мудрым представляется ожидать, пока ученый мир, предавшись рассмотрению и оспариванию документа, о котором идет речь, сделает легкой его публикацию, над чем работает в это время господин Тило (16). Все, что мы желаем

заключить из предыдущего, сводится к следующему: Тамплиеры, как и Богомилы, обвинялись в наделении особой верой евангелия Святого Иоанна.

Богомилы не чтили креста, поскольку, как говорили они, он служил к смерти Христовой. Господин Маттер справедливо отмечает, что это было только предлогом, ведь они не верили ни в смерть, ни в страдания Искупителя. Они отвергали, по словам Евфимия, «мистическое жертвоприношение, внушающее святой трепет, а одинаково причастие тела и крови Господних»; эти принципы мы обнаруживаем и у Тамплиеров. И поскольку они принимали только внутренний и полностью духовный культ, постольку образы и всякое внешнее подобие им были антипатичны. Тем не менее, они представляли себе Бога Отца в виде старца с длинной бородой, а Сына в облике человека, у которого борода только начинает расти; Святого Духа — в образе юноши с гладким лицом (17). Впрочем, они почитали демонов, чью власть не смог победить Иисус. Но в противоположность тому, что творилось в ордене Храма, этот культ низших сил в меньшей степени был движим желанием обретения благосостояния, нежели боязнью быть истязаемым ими.

Мы остановились за шаг в уважении, смешанном с ужасом, перед особым и исключительным культом. Некоторые дуалисты прошли этот шаг. С середины XI-го столетия встречается учение, в котором Сатанаил должен быть одним почитаемым существом, к нему единственному должны обращаться молитвы, чтобы стать счастливым в дольнем мире. Именно это верование оказалось присущим одной из больших ветвей умеренного дуализма, о которой нам приходится говорить, то есть ветви Сатанистов и Люцифериан; представляется, что именно ее учение пролилось тревожными потоками в нечистое смешение, образуя секретную доктрину Храма. И отдельно здесь стоит обратить внимание, по крайней мере, на вдохновляющую мысль, нежели на ее последствия, на догмы, нежели на нравы, обряды и практики, из них проистекающие, и с этой стороны тема располагает сразу большим интересом и меньшей сухостью.

Пусть даже читатель пожелал бы следовать за нами вглубь этого темного вертепа нечестия, куда мы, впрочем, доставляем только быстро сгорающий и скромный факел. Он должен понимать, что с настоящего времени обладает в своих руках первыми элементами разрешения одной из самых больших проблем истории. Эти мечтания, которые безжалостная логика, присущая необразованным умам,

должна была переводить в вопиющее заблуждение, являлись в их время дерзкими новшествами: они обуревали страстями многих поколений; они пролили потоки крови. В этом смысле они заслужили выйти из узкой области эрудиции, когда даже они и не должны были снабжать светом, позволяющим осветить наиболее таинственный и значимый факт самого великого столетия Средневековья.

---

(1) *Liber sentient. inquisit. Tolos.*, 132, 138, 149.

(2) *Первое Соборное Послание Святого Апостола Иоанна Богослова*, Глава 1, стих 5.

(3) *Книга Бытия*, Глава 1, стих 2.

(4) *Книга Бытия*, Глава 6, стих 2.

(5) *Первое Соборное Послание Святого Апостола Иоанна Богослова*, Глава 3, стих 9.

(6) SCHMIDT, *Hist. des Cathares*, t. II, p. 22; *Actes de l'inquisition de Carcassonne*, 1247, in t. XXII, folio 100, из томов, существующих в Имперской библиотеке и содержащих копии, сделанные в 1669 году по приказу Иоанна де Доа (Jean de Doat) с реестров инквизиции и с документов, относящихся к последствиям Крестового похода против альбигойцев в архивах Альби, Каркасона, Тулузы, Нарбона и пр.

(7) Michaelis PSELLI, *De operatione daemonum dialogus*, p. 8; SCHMIDT, *Hist. et doctrine de la secte des Cathares*, t. I, p. 9; t. II, p. 58.

(8) *Histoire critique du gnosticisme*, 2e edit., t. III, pp. 257, 266, 300, 311.

(9) SCHMIDT, примечание первое, t. II, p. 263.

(10) SCHMIDT, t. I, p. 12; t. II, p. 59.

(11) SCHMIDT, t. II, p. 60; MATTER, t. III, p. 300.

(12) Смотреть SCHMIDT, t. II, pp. 7, 61; MATTER, t. III, p. 305.

(13) Смотреть MUNTER, у ГРУВЕЛЛЯ; Henri MARTIN, *Hist. de France*, t. IV, p. 478; MATTER, t. III, p. 325. Наряду с этим евангелием, современные Тамплиеры обладают рукописным сборником догм и обрядов, называемым *Левитикон*, который они равно приписывают древним Тамплиерам.

(14) WILCKE, t. III, p. 466.

(15) *Hist. de France*, t. IV, p. 478.

(16) Во время чтения настоящего исследования перед Академией надписей (сеанс от 12 ноября 1869 года) господин Александр сообщил, что евангелие, о котором идет речь, называемое *Евангелием Тамплиеров*, только что было опубликовано господином Тило.

(17) Euthymius ZIGABENUS, sect. 14. — MATTER, t. III, p. 305.

II. ЕВХИТЫ И ЛЮЦИФЕРИАНЕ

Михаилу Пселлу, философу, жившему в середине XI-го столетия и пользовавшемуся большим доверием у императрицы Феодоры, было поручено произвести расследование в отношении мнений сектантов, которых он характеризует как отвратительных, называя их *Евхитами* или *Энтузиастами*.

Кем по своей сути являлись Евхиты? Происходили ли они, как думает немецкий писатель Шнитцер, от Евхитов IV-го столетия, которые, после того, как их изгнали из Азии, продолжились среди еретиков Фракии вплоть до XI-го века? Не они ли дали рождение Богомилам, или скорее система этих последних только подверглась некоторым изменениям вследствие контакта с ними? Нет ничего более смутного, чем эти вопросы. Достоверно следующее: Пселл, единственный автор, знакомящий нас с Евхитами, излагает мнения трех сект, вышедших из них; из этих трех сект наиболее спиритуалистическое сообщество, почитавшее одновременно Бога Отца и Его двух сыновей, представлялось лишь степенью переходного развития; тогда как вторая секта обладала наибольшими аналогиями с Богомилами, а третья исповедовала абсолютно общие принципы с Сатанианами или Люциферианами.

На самом деле, вторая (к несчастью, Пселл не дает ее названия) почитала сразу высшего Бога и Его младшего сына, но избегала вызывать недовольство у старшего падшего сына, творца земного мира; третья проповедовала мнение, что этот последний обладает единственным правом на поклонение людей (2). Этого злого гения Пселл называет Сатанаки; итак, Сатанаки является славянской формой Сатанаила (3). Значит, вероятным представляется, что данная грубо материалистическая доктрина имела свой источник в славянских племенах, долгое время привязанным к мифологии язычества, и что именно у этих племен ее позаимствовали Евхиты. Тем не менее, возможно, что она имела свою колыбель на востоке, и вместо того, чтобы ее заимствовать у Славян, Евхиты могли, наоборот, ее им сообщить: евхитские сектанты жили в XI-м веке в Месопотамии и подтверждали свои заблуждения в видениях и экстазах (4).

Как бы то ни было, это верование быстро распространялось. Поскольку оно жестко восхваляло страсти, пребывая в гармонии с необразованным духом варварских времен, когда проявилось, постольку

обретало удивительное развитие. В XII-м столетии его находят процветающим во Фракии и ставшим источником религиозных волнений, где нашли пристанище остатки Павликиан, изгнанных из Тефрики императором Василием Македонцем. В эту эпоху и в Греции все принимавшие эту грубую теологию назывались Сатанианами, наименованием, характеризовавшим и подытоживающим их систему (5). Позднее они получили на Западе имя Люцтфериан. Особенно они распространились в австрийских провинциях, в Штирии, в Тироле, в Чехии, куда проникли к 1176 году; их встречали в Бранденбурге и даже на берегах Рейна (6).

С начала XIII-го столетия эта ересь охватила пределы западной Германии. В 1231 году Трирский синод осудил женщину, жалующуюся, что дьявол был несправедливо изгнан с небес (7). Спустя столетие усердием Доминиканцев секта обнаружилась в Австрии. Эти монахи находили многих Люцифериан среди большого количества Катаров в диоцезе Пассау, в Вене и в Штирии. В 1315 году некоторые из этих сектантов были сожжены в Кремсе, Санкт-Ипполите (Южный Тироль) и в Чехии. В Вене больше сотни из них смело погибли посреди языков пламени: один из их руководителей Неймейстер, поднимаясь на костер, подтвердил, что их насчитывалось более 80 000 в австрийских областях и других местах. Господин Шмидт предполагает, что данная оценка преувеличена, но отмечает, что в 1338 году, несмотря на новые казни, эти еретики были достаточно сильными, чтобы оказать инквизиции ужасное сопротивление, преследуя в свой черед священников и монахов (8).

Итак, именно в 1315 году, не прошло и четырех лет после упразднения ордена Храма, эта ересь достигает своего высшего развития и, невзирая на преследования и казни, она остается достаточно сильной, чтобы поднимать голову против инквизиции. Она имеет своих представителей в Месопотамии, по всей Малой Азии, во Фракии, в Греции и в нескольких странах Западной Европы. Становится ясно, что если ересь Храма участвовала в ней, то совершенно бесполезно искать, в какой стране Тамплиеры почерпнули свои заблуждения. Они их нашли сразу и почти во всех странах, где имели пребывания: этой ересью одинаково были заражены, как Азия, так и Европа. Рассуждая о точках соприкосновения обеих доктрин, вот малое, что мы можем сказать об учении Люцифеиан: мы заимствуем его из менее подозрительных источников — у анналов Нойсса и в хронике Витодурануса (9).

Несправедливо, что Люцифер оказался изгнанным с небес: однажды он туда поднимется со всеми своими присными, тогда как Михаил (припомним, что в богомильской системе это одно из имен Иисуса) и его ангелы будут низвергнуты в вечное наказание: то же самое случиться с людьми, отказавшимися почитать Люцифера. Таковой являлась одна из фундаментальных статей веры Люциферианы; вот почему эти сектанты, встречаясь, приветствовали друг друга словами: «Подвергшийся несправедливости Люцифер тебя приветствует».

Второй пункт веры выражался в виде следующей дилеммы: «Если Мария оставалась девой после зачатия, то она породила ангела, но не человека; и если она явила в мир человека, то она не оставалась девой».

Месса для них только тщеславие; она не является ни полезной, ни значимой. Такой была еще одна из статей верования Сатаниан.

Соглашаясь в данном вопросе с Богомилами и Катарами, эти еретики отрицали реальное присутствие: они называли гостию имитированным Богом *(Deum fictitium)*. Они насмехались над крещением и соборованием, презирали брак, называемый ими *juratum meretricium*, а что касается таинства исповеди, то они его странно извращали, исповедуясь не священникам, но мирянам, объявляя обо всех своих грехах на общем собрании, а не один одному (10). Это почти то же самое, что делали Тамплиеры, которым дозволялось общее отпущение грехов: они шли даже дальше Люциферианы, ведь согласно 107 и 108 статьям обвинительного акта, подтвержденным показаниями во Флоренции, великий магистр, хотя и не был священником, заслушивал рыцарей на исповеди, присвоив себе право им отпускать даже не исповеданные грехи. Наконец, Люциферианы высмеивали Великий Пост, потребляя мясо весь его период, и работали даже в пасхальное время. Для них Римская церковь являлась церковью неверных: они отвергали ее обычаи и традиции.

Их мораль согласовывалась с их религиозными идеями. Бог не только никак не наказывает зло, совершаемое на земле, но он даже не ведает о нем. «Вот почему, — говорят разоблачители этих мерзких теорий, — они проводили свои собрания в подземных местах, называемых ими иносказательно пещерами покаяния, и там они предавались актам самого постыдного совокупления, *pater cum filia, frater cum sorore*». Возможно, они полагали, что тело не в силах осквернить душу, и чтобы оно не творило, однажды достигнув духовной свободы, впредь не согрешит. Так объяснялось это странное верование, кото-

рое с ними связывают анналы Нойсса, что девственность не может утрачиваться на земле (11). Эту идею своеобразно выразила одна женщина из их секты, осужденная на костер, которая отвечала своим судьям: «Над землей я еще являюсь девственницей, но здесь в дольнем мире я ей предстаю очень мало». Добавим, чтобы восполнить картину морали Люцифериан, что они не имели другой заботы, кроме как о материальных благах, и мечтали лишь об обогащении, обращаясь с этой целью в своих молитвах к Люциферу» (12).

Значит, когда первоначальные Катары помещали на вершину своей религиозной системы благого Бога, исключительный предмет их культа; когда Богомилы разделяли свои молитвы между этим Богом и Его небесным Сыном, всячески избегая вызывать недовольство падшего сына, творца материи; Люцифериане обращали свои преклонения лишь к этому последнему. Вместо Катаров, видевших в материи произведение злого Бога и полностью избегавших контакта с ним, Люцифериане искали с эту связь, чтобы понравиться их божеству. Первые отличались чистотой своих нравов, своей бескорыстностью, своей отрешенностью от вещей дольнего мира; Люцифериане, наоборот, привязывались к земным вещам, совершая удовлетворения плоти в некотором подобии жертвоприношения сотворившему демону. Эти два течения с противоположным смыслом, берущие свое начало в одной и той же доктрине, не являются феноменом, присущим одному катаризму: его выражали все дуалистические системы, и мы его обнаружим тотчас в Азии, у Исмаилитов. Одни старались обуздать плоть умерщвлением, постом и целибатом; они осуждали брак, пытаясь похитить у злого Бога все то, что могло у него отнять воздержание. Другие желали укротить плоть противоположным способом в ее насыщении: иным способом выразить презрение к ней. Они рассматривали ее как вещь, абсолютно отличную от духа, без отношения с ним и, следовательно, неспособную ему сообщить никакой скверны. Доброму Богу — дух; злому — материя и плоть. Помещенные на этом скользком склоне, они оказались здесь, чтобы подчинить дух материи, убежденные, что добрый Бог был чужд миру, видя повсюду только руку зловредного создателя, они рассчитывали его почтить, как он пожелал тому быть, культом, сообразным своему естеству.

Именно этой ветви умеренного катарского дуализма, именно этой родной сестре богомильства соответствует, согласно полному правдоподобию, это странное начало, которое один монах из Во-Сернэ (Vaulx-Cernay), принимавший участие в Крестовом походе против

Альбигойцев, заимствует у определенных еретиков своего времени: «Никто не может грешить, уходя от своего воздержания»: *"Nullus potest peccare ab umbilico et inferius"* (13).

Именно одним Люциферианам, а не ко всей совокупности большого катарского семейства, должно приписать следующее мнение о природе Иисуса Христа, о чем говорит Петр из Во-Сернэ: «Они даже говорили, что этот Христос, рожденный в земном и видимом Вифлееме и распятый в Иерусалиме, был злоумышленником *(fuit malus)*; что Мария Магдалина являлась его сожительницей, и что она и есть жена, застигнутая в прелюбодеянии, о которой говорилось в Евангелии». Сколь близок этот текст с формулой отпущения грехов у Тамплиеров: «Я молю Бога, чтобы он простил вам ваши грехи, как Он их простил Марии Магдалине и разбойнику, распятому на кресте». Возможно ли, спросим мы, найти на одном отдельном пункте более четкое и более значимое соответствие доктрин? Сектанты, о ком рассказывает Петр из Во-Сернэ, не желали признавать другого Христа, кроме идеального Христа, жизнь и страсти которого могли быть зрелищем не дольней земли, но невидимого мира, небесных Вифлеема и Иерусалима. Этот Христос пребывал в дольнем мире только целиком духовным образом, в личности своего главного ученика Святого Апостола Павла. Именно здесь последняя степень и как бы крайнее ответвление докетизма. Христос не имеет больше даже просто фантастической жизни; он не воплощался внешне, как об этом думали Катары и Богомилы; тот же, кто носил это имя не более, чем обыкновенный человек и, следовательно, обманщик и хуже того — разбойник и распутник. Идеальный Христос проявился только благодаря вдохновению, сообщенному им одному из своих учеников.

---

(1) Единственный нюанс, отделяющий Богомилов от этой ветви Евхитов, заключается в том, что в последней избранные не принуждались к отказу от животной пищи, тогда как Богомилы следовали в этом отношении суровому ригоризму катарских дуалистов (Смотреть SCHMIDT, t. II, p. 266).

(2) PSELLUS, *De operatione daemonum*, t. II, edit. de 1615.

(3) Господин БУАССОННАД (BOISSONNADE) в издании Пселла, опубликованном в Нюрнберге в 1838 году, делает предпочтение варианту *Сатанаил*; но оригинальное издание, которое мы имеем перед глазами, сообщает нам имя *Сатанаки*.

(4) MATTER, *Hist. critique du Gnosticisme*, t. III, p. 250.

(5) *Sataniani, quia Satanam fortem existimantes, eum venerabuntur, ne mala in eis, ut dicebant, operaretur*. — NICETAS CHONIATES. *Thesaurus orthod. fidei*, 572.

(6) SCHMIDT, t. I, p. 139.

(7) *Gesta archiepiscopum Trevirensium*, in *Amplissima collection* de dom MARTENE et dom DURAND, t. IV, col. 244.

(8) SCHMIDT, t. I, p. 141, согласно VITODURANUS и Catalogus abbatum Glunicensium, in t. I, p. 330 Scriptores rerum Austriacarum.

(9) Анналы Нойсса (Neuss) или Нюиса (Nuys) *(Annales Novesienses)* были опубликованы в t. IV *Amplissima collectio* МАРТЕНА и ДЮРАНА. Хроника ВИТОДУРАНУС находится в *Thesaurus historiae Helveticae*.

(10) *Confitentes non sacerdotibus, sed laicis in genere, peccata sua in specie exprimentes* (*Annales Novesienses*, col. 582).

(11) *Virgines sub terra non posse deflorari, etiam si a mille viris cognoscerentur*.

(12) *Ipsum pro divitiis rogant*. Фрагмент в продолжении Пилихдорфа о Вальденсах в кёльнской *Bibliotheca Patrum*, 1618, t. XIII, p. 341, цитируемый ШМИДТОМ.

(13) У Дюшесна — DUCHESNE, *Scrip. hist. Franc.*, t. V, p. 557. Этот догматический пункт подтвержден Райнериусом САККОНИ (Reinerius SACCHONI) в следующих определениях: *Quod a cingulo deorsum non committatur mortale peccatum*. Смотреть SACCHONI, in GRETSER, *Opera*, t. XII, part. II, p. 30.

III. НРАВЫ И ОБРЯДЫ СЕКТ, ОТ КОТОРЫХ ВДОХНОВЛЯЛАСЬ ДОКТРИНА

Необходимо остановить внимание на нравах и обрядах растленных сект, исключительный культ которых являлся поклонением богу материи: эти нравы объясняют нравы Тамплиеров и кощунственные практики, им вменяемые. И если клевета смешалась со справедливыми обвинениями, целью которых со стороны их врагов представлялись вышеуказанные секты, в этом нет ничего невероятного. Тайна, окружавшая их собрания, их доктрина, возводившая принцип зла в ранг бога, почтение, засвидетельствованное по отношению к нему, этого вполне довольно, чтобы объяснить ужасные подозрения, тяготевшие над ними со стороны современных им правоверных христиан, подозрения порой абсурдные, часто запечатленные страстным преувеличением и слишком часто стоившие жизни тем, кто их вдохновляли. Не было ли все ложным в этих убийственных для людей подозрениях, и заслужили ли их секты, ставшие их жертвами?

Различие, установленное нами только что между двумя большими течениями, которым были послушны дуалистические системы, частично соответствует этим вопросам. Доктрины обладают своей логикой, толкающей их извлекать крайние последствия из принципов, даже наиболее оскорбительные, как для индивидуального достоинства, так и для общественного порядка. Ветвь чистого катаризма, посвященная умерщвлению плоти, посту, воздержанию, превозносившая дух и опускавшая материю, устремлялась прямо к аскетизму; противоположная ветвь, разделявшая идею, что тело бессильно повредить душу, должна была завершаться самым мерзостным сенсуализмом. Это заблуждение создало фундаментальное различие, которое современные авторы, впрочем, весьма эрудированные, привели к трактовке в качестве клеветнических наветов всего того, что церковные писатели нам передали об отвратительных нравах еретиков их времени. Сами церковные писатели, неспособные делать отличия между разными сектами, слишком близкими фактами, чтобы о них хорошо рассудить, не обладали путеводной нитью, чтобы ориентироваться среди смятения гетеродоксальных верований, и включали их вперемешку в одни и те же обвинения. Более просвещенные и более удаленные от событий, нежели они, сегодня мы можем сразу разглядеть,

какое основание имелось в этом инкриминировании, и к кому надлежало его применять. Конечно, не ко всем Катарам, на чем настаивает Ален (1), и даже не к фракийским Богомилам, как можно заключить из Пселла (2), но к одним Люциферианам, совершающим свои отвратительные поступки против религии и нравственности, о чем показывают столько письменных свидетельств. И должно ли в этих обвинениях учитывать легковерность времен и страсти, обуреваемые обвинителями?

Тем не менее, некоторые факты кажутся запечатленными достаточной правдоподобностью, чтобы подняться до разряда исторических вероятностей, потому как их подтверждают согласованные свидетельства, и поскольку они пребывают в гармонии с религиозными догмами поклонников Сатаны. Другие, наоборот, представляются настолько несовместимыми с человеческой природой, с умом, который, казалось бы, должен руководить всякой религиозной ассоциацией, стремящейся к распространению, что сюда нельзя добавлять доверие, какое бы к ним оно не имелось, кроме авторитета письменных свидетельств и более убедительного еще показания скульптур и памятников.

Среди фактов первой категории мы, не колеблясь, помещаем ночные собрания и определенные нечестивые и непристойные практики, которые там отправлялись. В этих скрытых от дневного света пристанищах призывался Люцифер; ему пелись гимны, пародии из христианских литаний, ему приносились жертвы *(nefanda sacrificia)*. Освещение угашалось, и все предавались омерзительному свальному греху: все дозволялось в этих поистине дьявольских оргиях — прелюбодейство, инцест, преступления, которых язык не поворачивается называть. Кажется даже, что для каждого из них был установлен свой тариф, применявшийся для общих расходов этого позорного культа (3). Какими бы чудовищными не могли показаться данные практики, они, тем не менее, объясняются, поскольку соответствуют духу доктрины, осуждавшей брак и видевшей в удовлетворении самых грубых влечений приятную дань уважения к своему богу. Но что можно сказать о тех из практик, о которых ведем речь, где имело место поклонение различным животным и жертвоприношение детей?

Некоторые еретики на своих ночных собраниях поклонялись животным, лобызая их, которые им казались персонификацией злого бога; среди них — гуси, утки, но особенно жабы и коты (4). Дети, рожденные от нечестивой связи, совершенной в этих темных оргиях,

торжественно приносились в жертву спустя четыре дня после их рождения (некоторые говорят о восьми днях), их кровь заботливо собиралась, а их тела сжигались. Из их пепла смешенного с кровью делался хлеб, служивший для евхаристии сектантов (5). Это обвинение применяется сразу к Богомилам Фракии и к Евхитам, у которых, как мы уже говорили, одна из ветвей, кажется, слилась с сообществом Люцифериан (6). Она равно ставилась в вину Тамплиерам.

В булле, опубликованной в 1233 году против ереси Стадингиан, папа Григорий IX уточняет первое из этих обвинений:

«Неофит, который впервые входит в убежище этих еретиков, видит один из видов жабы. Присутствующие целуют нечистое животное и вводят в свой рук его язык и его слюну. Это то же самое существо, принимающее другие обличья. Оно появляется в виде утки, гуся, бледного и худого мужчины, плоть которого, кажется, разлагается. Неофит лобызает этого человека: ледяной холод скользит по его венам, и после этого лобзания всякое воспоминание о католической вере стерто в его сердце. Присутствующие садятся за стол и, завершив пиршество, становится видной сзади нисходящий идол находящегося обычно на этих собраниях черного кота с завернутым хвостом и величиной с собаку среднего размера (7). Неофит, глава сборища и все присутствующие лобызают истукан в зад. Поются песнопения в его честь, и каждый из них преклоняет голову перед ним: «Имей жалость к нам», — обращается к нему великий жрец. По приказу последнего его сосед произносит то же самое. Третий из присутствующих продолжает: «Мы признаем тебя нашим господином». Четвертый добавляет: «И мы должны тебя слушаться». Это вид гимна, произносимого речитативом; светильники загашаются, и сборище предается актам наиболее омерзительного сладострастия... Когда факелы снова зажигаются, каждый занимает свое место, и становится видным выходящего из темного угла человека, обладающего, начиная от поясницы и выше, сияющим светлее солнца телом с нижней частью, покрытой шерстью, как и кота: его блистание освещает все сборище. Тогда великий жрец, взяв некую вещь из одежды неофита, обращается к этому блистающему существу: «Учитель, я тебе передаю его, предавшегося мне»; и светящийся человек отвечает: «Ты часто мне хорошо служил; ты мне будешь служить еще лучше: я сдаю тебе на хранение того, кого ты мне передал». Сказав это, он тотчас исчезает».

Булла добавляет: «Каждый год на Пасху эти сектанты получают гостию, освященную рукой первосвященника; они ее сохраняют

в своем рту и, возвратившись к себе, бросают в отхожее место из-за презрения к Искупителю», — это обвинение обнаруживается буквальным в дознаниях, предпринятых против Тамплиеров в Англии.

«Наконец, — продолжает папа Григорий IX, — эти святотатцы в своем безумии осмеливаются утверждать, что небесный Господь насилием, ухищрением и против всякой справедливости низверг Люцифера в области преисподней. Именно в этого последнего веруют эти несчастные и утверждают, что творец небесных вещей однажды взойдет к славе, откуда его низверг Бог; именно вместе с ним, но никак не до него они надеются достигнуть вечного блаженства. Они проповедуют, что нужно оберегаться делать то, что нравится Богу и, наоборот, рекомендуют совершать то, что Ему ненавистно» (8). Теологические принципы, выраженные в этих последних строках, выдают в них Люцифериан.

Прежде чем идти дальше, напомним, что некоторые из суеверных практик, перечисленных в булле, были вменяемы и Тамплиерам. Статья 14 предварительного расследования, составленного Римской курией, их обвиняет в поклонении коту, который иногда появлялся на их тайных собраниях. Несколько рыцарей, в том числе Готфрид де Татан (Gaufred de Thatan) (9), Бернард де Сельг (de Selgues), Бертран де Сильва (de Silva) и Иоанн де Неритон (de Nériton) (10), сообщают о почитании этого животного. Неритон рассказывал, что видел появление кота с серой в яблоках шерстью на капитуле. Все присутствующие братья тотчас вскочили и, сняв из уважения свои капюшоны, склонили перед ним головы. Поклонился он и сам. В неизданном Флорентийском процессе, текст которого находится в конце этого исследования, четвертый свидетель Николай Регинус делает аналогичное показание. Во времена, когда состоялось его принятие в орден, он видел на капитуле, проходившем в Болонье, появление черного кота, которого почитали все присутствующие братья: *“Et dixit quod vidit dictum catum stantem in dicto capitulo per oram, et postea evanuit”*.

Все Средневековье сделало из кота одну из обыкновенных метаморфоз Сатаны. Эта идея, кажется, произошла из индийской мифологии, где кот является одной форм, под которыми проявляются *Ракшасы*, виды демонов, посвященные служению богу Шиве (11). Вслед за котом, змея и жаба предстают в символизме Средневековья внешними обличьями, в которые Сатана, большой мастер неутешительных явлений, больше всего любит переоблачаться. Иногда гений зла должен был поистине установить свое жилище в этих животных;

иногда он облекался только в их внешний вид, и тогда животное оказывалось не реальным, но фантастическим (12).

Отсюда легко объясняется культ, каковой отдельные секты, для которых Сатана являлся Богом, переносили на кота, змею и жабу. Но из-за присутствия этих животных на различных религиозных памятниках заключают, как сделали это господин фон Гаммер и его ученики, что данные памятники являются произведением секты, о которой идет речь, благодаря чему извлекается вынужденное и ничего не разрешающее следствие. Еще менее мы имеем право приписывать эти скульптурные произведения ордену Храма, исходя из того, что он проповедовал гностические и офитические мнения под тем двойным предлогом, что эти произведения изображают животных, в поклонении которым обвинялись рыцари, и что эти животные являются гностическими атрибутами.

Об этом нельзя забывать: не только дуалистические секты Средневековья делают вышеупомянутых животных эмблемой и персонификацией Сатаны, но и представители христианского символизма. В данном пункте есть согласие между ересью и правоверием. Кот очень редко появляется в религиозных скульптурах. Когда художники желают показать Сатану в виде четвероногого животного, то обыкновенно используют форму собаки, предназначенную ими ему (13). На церквях Эрфурта и Вультендорфа, приводимых господином фон Гаммером в качестве гностических, мы находим фигуры собак, но там нет никаких котов. Церковь Шёнграбена, столь долго располагавшая безнадежностью для эрудитов, содержит барельеф, где изображена женщина, остановившая свои губы на лбу ребенка и сидящая на стуле, ножки которого завершаются головами котов. Но археологи видят в данном аксессуаре, впрочем, весьма вторичном только символ материнской бдительности, отказываясь в нем признавать гностическую эмблему.

Змея и жаба несравненно менее редкие, чем кот в религиозных скульптурах Средневековья. Церкви Монморийона, Муассака, Святого Илария в Мелле и Святого Якова в Регенсбурге располагают барельефами, где видны женщины, кормящие грудью рептилий. Самая знаменитая из уже упомянутых церквей — восьмиугольная церковь Монморийона, украшенная скульптурной группой, где фигурирует нагая женщина, держащая в руке жаб, которых кормит своей грудью; возле нее другая женщина, сжимающая своими пальцами огромных змей, обвивающихся вокруг ее бедер и сосущих ее свисающие груди.

Господин фон Гаммер видел здесь офитические символы и, не колеблясь, приписывал эти скульптуры Тамплиеров — мнение, опровергаемое его оппонентом Райнуаром по косвенным основаниям. Сегодня известно, что восьмиугольник Монморийона составлял часть госпиталя, предназначенного для больных и убогих, и он был построен в 1107 году орденом госпитальеров по примеру госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского по возвращении из Крестового похода, предпринятого Вильгельмом X, герцога Аквитанского и графа Пуату. Символ, в высшей степени, правоверный, который, находясь здесь, выражал собой только аллегорию наказания осужденных. В Средневековье являлось общепринятым мнением, что главная кара блудников в аду состояла в превращении их в пищу для ужасных рептилий. Значит, объясняется, почему на картинах и скульптурах, изображающих наказание развратников, эти животные почти всегда привязаны к груди или к естественным частям жертвы; свидетельство — изображение страшного суда из Кампо-Санто в Пизе, написанное Орканьей (Orcagna) (14).

В отличие от восьмиугольника Монморийона и в противоположность мнению Райнуара таинственная церковь Шёнграбена, кажется, на самом деле построена Тамплиерами; однако, вероятно, символические барельефы ее полуротонды не заключают в себе гностического смысла, приписанного им господином фон Гаммером. По мнению заслуженного немецкого археолога господина Эйсцля (Eiszl), драма, разворачивающаяся на скульптурных картинах этой церкви, представляет собой тему падения человека, его последствия и посмертный суд (15). Если даже украшения полуротонды Шёнграбена исполнял художник ордена Храма, то он воспроизвел только вполне правоверный и христианский миф. Способ, посредством которого изображена эта тема, как в Шёнграбене, так и в Милане, впрочем, полностью не согласуется с гностическими идеями. Теология Валентина принимает, конечно, христианскую догму падения и искупления человека, но никак не учение о посмертном суде: ведь благодаря самому своему естеству, и отнюдь не в силу своих дел, пневматики уже спасены (16).

Порядок идей привел нас теперь к рассмотрению церквей, приписываемых Тамплиерам и предполагаемых гностических изображений, там обозначенных. Дальше мы вернемся к воспоминаниям господина фон Гаммера и к другим артефактам, вменяемым ордену Храма, благодаря которым заключается о его принадлежности к гностическим верованиям.

Чтобы подытожить предшествующее, ограничимся, сказав в данный момент, что если поклонение Тамплиеров и некоторых еретиков животным, символизировавшим демона, является очень правдоподобным фактом, даже соседствующим с достоверностью, поскольку подтверждается авторами, достойными веры, находясь в гармонии с доктриной, где Сатана играл роль творца мира; то этот же факт никак не подтверждается религиозными скульптурами, на которых предполагалось его обосновать. С одной стороны, не доказано, что эти скульптуры были произведением сект или военного ордена, к которому их приписывают; с другой, — изображаемые ими знаки и мифы при здравой интерпретации представляют собой лишь полностью правоверный смысл.

Странное дело! Здесь кроется отличие от иного более преступного акта, нежели поклонение четвероногим животным или рептилиям. Мы хотим рассказать о жертвоприношении детей, прах которых служил для изготовления евхаристического хлеба. Это чудовищное злодеяние, вменявшееся фракийским Богомилам, Евхитам и Люциферианам, ставилось народной молвой равно и в вину Тамплиерам (17), и хроникеры той эпохи не упускали случая в одобрении общественных слухов.

Невероятность обвинения, извлеченная из его самой чудовищности и легковерности тех, кто его приветствовали, никак не кажется солидным и достаточным аргументом. Совсем недавнее разоблачение нам показало не только реальность, но и странную живучесть подобных практик. Публикующийся в Москве ежемесячник *Русский вестник* в статье, воспроизведенной в июне 1869 года различными французскими газетами (18), нас ознакомил с религиозными обычаями двух еще существующих в России сект — хлыстов и скопцов (кастрированных), о кровавых обрядах которых было доложено императору Александру I-му в записке митрополита Московского. Согласно записке, фрагменты которой опубликовала одна санкт-петербургская газета, если не полностью искалеченная дочь скопца втайне зачала от человека, чуждого секте, и рожала в мир ребенка мужского пола, то скопцы, видя здесь чудесное событие и как бы благословение небес, приносят в жертву этого ребенка в седьмой день после рождения в полночь; они его умывают затем в теплой воде, тщательно выжимая рану, чтобы извлечь оттуда наибольшее количество возможной крови. Вода, в которую окунался ребенок, сохраняется как священная вещь. Что касается тела, то они его кладут в сосуд, наполненный рас-

пыленным сахаром, где достигается его высушивание. После из него делают порошок, и этот порошок входит в изготовление священных хлебов, которые сектанты режут на куски и раздают присутствующим в конце своих собраний. Это то, что они называют великим причастием плоти агнца в противоположность причастию крови, которая совершается с водой, где очищалась жертва. Русские газеты утверждают (19), что эти факты, разоблаченные Московским митрополитом владыкой Платоном (Левшиным), констатировались в материалах официального расследования.

Именно отсюда, как видим, кровавая практика, вменявшаяся Богомилам Фракии, Евхитам и Люциферианам, которую общественное мнение ставило в вину Тамплиерам. Справедливости ради стоит заметить, что ни одна из составленных статей для расследования понтификальных комиссаров не упоминает этого столь тяжкого факта. Однако, кроме того, что великие хроники Франции сообщают о нем, как о входившем в акт обвинения от 1307 года, он, кажется, подтверждается и определенными документами, о которых мы уже говорили в начале этого исследования, и которые приписываются ордену Храма.

Значит, здесь было бы уместно изучить эти памятники и увидеть, вправе ли мы их вменять знаменитому воинству. Но чтобы пролить свет в этом дознании, нам необходимо прежде познакомиться с азиатскими культами, эмблемы которых кажутся изваянными на памятниках, приписываемых Тамплиерам; нам нужно проверить, оказали ли данные культы, о чем неоднократно говорилось, и в частности культ Исмаилитов, решительное влияние на секретное учение Храма.

---

(1) ALANUS, *adversus haereticos et Valdenses*.

(2) PSELLUS, *De operatio daemonum*, 9.

(3) Смотреть Radulfus COGGESHALE, *Chronicon anglicanum*, in t. XVIII, p. 92 du *Recueil des hist. des Gaules*; JOACHIM, *Expositio in Apocalypsim*, folio 130; *Tractatus de haeresi pauperum de Lugduno*, in t. V, c. 172 du *Thesaurus nov. anecdot.* de MARTENE et DURAND; Guibertus NOVIGENTINUS, p. 519, 520.

(4) *Tractatus de haeresi pauperum de Lugduno*, loco citato. — ALANUS, 176.

(5) Guibertus NOVIGENTINUS, loc. cit. — ADEMARI *chronicon*, in t. X des *Historiens des Gaules*, p. 159.

(6) PSELLUS, p. 23.

(7) *Per quamdam statuam, quae in scholis hujusmodi esse solet, descendit retrorsum ad modum canis mediocris gattus niger, retorta cauda*. — Эта фраза

представляется ясной: здесь очевидно речь идет о коте величиной с собаку среднего размера, как понимается разговор. Как же господин фон Гаммер мог предположить, что здесь речь шла только об одной собаке? (Смотреть страницу 11 его воспоминаний, приводимых дальше).

(8) RAYNALDI, *Annales ecclesiastici*, t. XIII, p. 447, ad annum 1233.

(9) MOLDENHAVER, *Process gegen des Orden der Tempelherrn*, p. 195.

(10) RAYNOUARD, *Monuments*, etc, pp. 280, 293, 296.

(11) Смотреть *Saoptika-Parva*, эпизод из Махабхараты, переведенный Теодором ПАВИ (Theodore PAVIE); *Journal asiatique*, novembre 1840, p. 401; *Legendes pieuses du moyen age*, de M. Alfred MAURY, note de la p. 166.

(12) *Legendes pieuses*, etc., loc. cit.

(13) В своих воспоминаниях о гностицизме Тамплиеров, воспоминаниях, к которым мы вернемся в конце этого исследования, господин фон Гаммер, заинтересованный доказать, что кот, почитаемый на их секретных капитулах, фигурирует на их памятниках, смешивает постоянно кота с собакой под тем предлогом, что в поздней латыни *gattus* обозначает безразлично кота или собаку.

(14) M. Alfred MAURY, *Légendes pieuses du moyen age*, p. 151, 152.

(15) Рисунок полуротонды Шёнграбена в Австрии был опубликован в *Magasin pittoresque*, année 1836, p. 225.

(16) Смотреть MATTER, *Hist. critique du gnosticisme*, t. II, p. 83, 442.

(17) Тем не менее, с одним вариантом: для того, чтобы получить масло, которое должно служить для освящения идола, жертвоприношение которому вменялось Тамплиерам, происходило следующее: «Новорожденный ребенок Тамплиера и девицы готовился и зажаривался на огне, и весь костный жир был священным, и им помазывался идол (*Grandes chroniques de France*, édit. Paulin Paris). Смотрите также Пьера дю Пюи (Pierre du Puy, p. 26) согласно хронике Сен-Дени, где этот факт образует статью 10 акта обвинения.

(18) Смотрите, в частности, *Le Temps* от 24 июня 1869 года, где находятся выдержки рапорта владыки Платона, митрополита Московского, императору Александру I-му.

(19) В особенности санкт-петербургское *Новое Время* от 30 мая (11 июня) 1869 года, и *Современные Известия*.

Третья часть.
ОБЗОР ЧИСТО ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. ИСМАИЛИТЫ, АССАСИНЫ, КУРДСКИЕ СЕКТЫ

Это весьма распространенное мнение, что Тамплиеры позаимствовали основную часть своей ереси у исламизма или, по крайней мере, у нескольких из многочисленных расколов, на которые он разделился, ведь относительно самого ислама, каким его установил Магомет, то его принцип абсолютно не примирим с доктриной Храма.

Ничего нет проще, суше, ничего нет дальше от тенденций, странных, порой грандиозных и поэтических заблуждений дуалистических культом, нежели эта религия, основой которой является божественное единство. «Нет иного Бога, кроме Бога», — всякий исламизм заключен в этой формуле. Напомним все же, что докетизм, одна из ересей, кажется, наиболее повлиявшая на религиозную систему Тамплиеров, не представляется абсолютно чуждой мусульманской религии. Согласно Магомету, Иисус является величайшим из пророков, пришедшим перед ним: Он нисколько не страдал на кресте, поскольку другой человек заменил Его в страстях (1). О чем мы должны сказать: в ложных евангелиях, распространенных в Сирии, а в особенности в евангелии Святого Петра, присущего Докетам (2), основатель ислама, кажется, мог почерпнуть эту идею, никак не представляющую собой необходимую часть догмы, но являющуюся излишним прибавлением. Впрочем, она зримо отличается от мнения Тамплиеров на личность и миссию Искупителя. Несомненно, что докетизм привел их к этому мнению; но они его преодолели, уйдя по данному вопросу гораздо дальше, чем исламизм и большинство сект, куда проник докетизм.

Несмотря на изначальную простоту и, бесспорно, даже по причине этой простоты, противоположной мечтательному и независимому гению Арабов, ислам, возможно, является религией, откуда вышло большее количество схизм и ересей. Ему не удалось избежать влияния маздеизма и дуалистических доктрин, появившихся из Персии, что показывают верования некоторых шиитских сект. Известно, что

Шииты вместе с Суннитами предстают двумя направлениями, разделяющими еще мусульман.

Тогда как Сунниты принимают преемственность халифов, каковой она имела место, и рассматривают равно в качестве святых всех спутников пророка, верных идеям исламизма, Шииты, исходят из принципа, что одному Али и его прямым наследникам принадлежала власть, проклиная Абу-бекра, Омара и Османа и отвергая всех тех, кто не оказались под знаменем Али.

Шииты представляют собой очень важные ответвления. Одни признают еще как легитимных самодержцев Хассана и Хуссейна, сыновей Али и прямых наследников Хуссейна до последнего из всех, который, исчезнув в возрасте двенадцати лет, ушел скрываться в некоем неизвестном месте в ожидании, пока вновь сможет появиться на земле, где восторжествует благое дело. Эти двенадцать персонажей были названы *имамами*, то есть в высшей степени правителями: последний из них именуются *Махди*, и его многочисленные верные в Персии и Индии еще ожидают его возвращения. Другие Шииты, не признавая преемственности имамов, придерживались того, что лишь одному Али принадлежала после Магомета управление делами сего мира, и что он появится однажды, чтобы воздать правосудием за преступления тех, кто его не признают. Большинство этих сектантов даже верили, что Али облачался сверхъестественным образом, и поклонялись ему как богу. Так обстоит дело с *Мутуали*, занимающих сегодня часть Ливанского нагорья.

Наконец, многие из Шиитов, признавая шесть первых имамов, полагали, что имелось заблуждение относительно седьмого: последнего вместо Муссы один из его братьев должен был провозгласить с именем Исмаила. Именно отсюда они стали называться *Исмаилитами*. Эти сектанты верят, что после Исмаила характер имама перешел к неизвестным личностям, которые проявятся в свое время. Качество *Махди* было последовательно приписано ими халифам-фатимидам из расы Исмаила, господствовавшим на протяжении X-го, XI-го и XII-го вв. над частью Африки, Египтом и Сирией. К этой секте принадлежали Исмаилиты, водворившиеся в Персии недалеко от Касбина и Исмаилиты, владельцы соседних ливанских гор, ставшие столь знаменитыми в Средневековье под именем *Ассасинов*. Сейчас мы уточним их ответвление.

Составляющее своеобразие религии Исмаилитов — это аллегорическое учение или доктрина сокровенного смысла, установленная,

как полагают, Мохаммедом, сыном Исмаила, но которая была доведена до своих крайностей одним из его последователей Абд-Аллахом. Этот последний, по словам господина де Саси, пожелал установить материализм на основе данной мистической доктрины, предоставившей ему легкое средство уничтожить все предписания религии, сведя их к простым аллегориям (3).

Эта система доктрины, составленной Абд-Аллахом, была нам раскрыта двумя знаменитыми авторами: Макризи и Новаири; здесь важно с ней познакомиться.

Пока сектанты *Тензиля (Tenzil)* или буквы, восприняв выражения законодателя в своем простом и естественном смысле, придерживались строгой практики своих религиозных обязанностей, ученики *Тавиля (Tawil)* или аллегорического смысла, скрытого под оболочкой внешних повелений и духовных обязательств, утверждали, что знание данного аллегорического смысла на них распространялось от семи предписаний, с которыми все правоверные мусульмане соотносили свои религиозные обязанности (4).

Согласно господину де Саси, тайная доктрина Исмаилитов, в которую посвящались только небольшое число адептов, имело целью заменить философией религию, разумом веру, безграничной свободой мысли авторитет откровения. Разве Исмаилиты не видели появление среди них групп, осуществлявших всякую аморальность, взятую их доктриной за свои основания, сокрушавшие господство верования и общественного культа, благопристойности и самых священных законов естества? (5)

«Больше того, — добавляет господин де Саси, — ни безграничная свобода мысли, по существу образовывавшая последнюю степень учения Исмаилитов, ни распущенность, характеризовавшая некоторые ветви этой секты, не были свойственны всем тем, кто проповедовал аллегорическую доктрину, признавая переход имамата к Исмаилу, сыну Джафар Садека. Это исключительно давалось при приеме новых прозелитов и в их посвящении только постепенно и с большой осторожностью: что открывалось одним, могло возмутить и навсегда отдалить менее дерзновенные души, сознания, легче подверженные смятению. Но можно было заниматься внушением при помощи аллегорической доктрины; необходимость признавать легитимную преемственность халифата в личности Али и в имамах, произошедших от его крови через Исмаила, обязанность слепо подчиняться приказам *даисов* или миссионеров, как руководителей от имама, державшегося

скрытым под сенью тайны в ожидании благоприятного момента для проявления, — все это мало затрудняло вводить прозелита в познание последующих секретов. Не удивительно, почему после этого Исмаилиты разделились на несколько сект, доктрина которых более или менее удаляется от исламского учения. Таковыми представали Карматы, Нозаириты, Фатимиды или Батениане Египта, Исмаилиты Персии, известные под именем Молед (Molhed) или нечестивые, и Исмаилиты Сирии, к коим особо применяется наименование *Ассасинов*».

Карматы, важная ветвь Исмаилитов, признавали аллегорическую доктрину со всеми ее последствиями. Отсюда неповиновение властям, грабеж караванов паломников, оскорбление священных мест ислама. Нозаириты и Бетениане или Ассасины являются двумя ответвлениями этой ветви. Разные факты, по словам господина де Саси, безапелляционно доказывают, что Карматы и Батениане вышли из одного общего источника, обладавшего одной доктриной, одной и той же философской целью и составлявшего на самом деле одну и ту же секту, пускай и разделившуюся по политическим пристрастиям (6). Доктрина Нозаиритов имела наибольшие соответствия с учением Бетениан (7), и она по своей сути являлась доктриной Исмаилитов, которые, согласно де Саси, не представляют собой никаких отличий от Нозаиритов (8). Хамза, первый министр Хакема в религии Друзов, на страницах писания, предназначенного отвержению этой доктрины и проанализированного де Саси, обвиняет ее сектантов в том, что они считают позволенными всякие вещи, воспрещенные людям: убийство, грабеж, ложь, клевету, блуд и педерастию (9). Они верили в переселение душ, признавали соединение божества с Али и его наследниками, делая аллегорией все законные соблюдения (10).

Как уже говорилось выше, прозелиты лишь постепенно посвящались в особые догмы доктрины: существовало девять степеней посвящения, и очень мало из них достигали девятой. Мы поговорим только о трех последних.

Седьмая имела целью отвратить прозелита от догмы единства Бога, внушив ему, что звание творца и произведения творения принадлежат двум различным существам (11).

В восьмой степени прозелиту сообщалось, что два существа, управляющие мирозданием, одно является предсуществующим другому и выше его; второе создано первым и образовано из его собственной сущности; что предсуществующее существо произвело первоначаль-

ные существа, а второе им придало форму, и тем самым они стали сложными существами. Предсуществующее существо само получило существование от существа без имени и атрибута, о котором никто не должен говорить и которому не должно быть никакого культа.

Но не все Исмаилиты соглашались с тем, каким способом предсуществующее существо было образовано безымянным существом; разногласия были и по вопросу, являлось ли его порождение добровольным или непроизвольным. Это то, что выходит из трактата, процитированного господином де Саси и составляющего часть сборника Друзов, трактата, в котором изложены мнения древних учителей Батениан или Ассасинов по отношению с предсуществующему существу и безымянному существу, от которого первое получило существование (12). Из трактата выясняется, что Исмаилиты часто смешивали предсуществующее существо с тем, от какого приобрело бытие, и такой же случай имел место у Ассасинов.

Перейдем к девятой степени посвящения. Здесь снимались все завесы. Прозелит, наконец, постигал, что философия превыше всех религий, и что во всем дававшемся ему до сих пор предлагалась только цель: заставить его рассматривать в качестве безразличных, одинаково достойных его презрения, все религиозные верования, основанные на откровении и на пророческой миссии (13). Предыдущие посвящения ему предоставлялись лишь как средства для приведения прозелита к знанию философских мнений и научного метода, ими преследуемого, метода, основанного, исходя из посвятителей, на четырех элементах, являющихся образующими источниками и началами всех субстанций, и для исследования того, что касается неба, светил, души и разумения (14).

«Те, кто достигают этой степени познания, — говорит знаменитый арабский историк Новаири, — принимают некую систему, полученную от неверных, *которые верят в вечность элементарных принципов субстанций*... Некоторые из них признают вечного творца, соединяя с ним элементы и первоначальные принципы или даже признавая противоположное мнение (15). Исследуют, что это за элементы, каковыми являются их определения, и что точно известно об их свойствах, и какими средствами их познают».

«Часто — продолжает Новаири — адепт, достигший познания всего этого, разделяет мнения Манеса или сына Дайсана (Вардессана, основателя одной из гностических школ Сирии); порой он принимает систему магов, а иногда Аристотеля и Платона. Чаще всего он

заимствует от каждой из этих систем некоторые идеи, смешивая их вместе». Тот же автор добавляет: «Искажается смысл слов каждой религии, чтобы ее приспособить к этой новой доктрине, заботясь о соответствии тому, что нравится прозелиту, к какой бы религии он не принадлежал.

Несомненно, Исмаилиты пришли только постепенно к такому религиозному эклектизму. «Это развитие, — говорит по данному вопросу Сильвестр де Саси, — эта систематическая форма, этот план скорее восстания и мятежа, нежели религии, являлись произведением Абд-Аллаха, жившего приблизительно в середине III-го столетия от Хиджры, ведь именно при правлении его сына Ахмеда его доктрина дала рождение мятежной группировке Карматов — событие, произошедшее в 274 год от Хиджры» (16). Нозаириты появляются почти в ту же самую эпоху (17), и господин де Саси даже считает, что обе секты имеют одного основателя. Карматы разделились на несколько сект, среди которых находятся Батениане или Ассасины, породившие Друзов (18). Видно, какие узы родства, и какие сходства объединяют все эти секты, и что они различаются между собой скорее в подробностях своего верования, нежели в фундаментальных началах.

Одни Друзы обладают присущим себе своеобразием и хорошо исследованным характером, происходя от реформы, осуществленной в их религии Хакем-Биамр-Аллахом, фатимидским халифом XI-го столетия нашей эры. Всячески отвергая исламизм, предписания которого они считают упраздненными, как в буквальном, так и в аллегорическом смысле, свойственном Исмаилитам, Друзы признают, тем не менее, единого Бога, являющегося людям в различные эпохи в человеческом виде, чьей последней манифестацией предстает Хакем (19). Одно из непосредственных произведений Бога — *универсальный разум*, проявлявшийся на земле в каждой из манифестаций божества и пришедший, наконец, в период Хакема в образе Хамзы, его первого министра и верховного священника, имеющего в своем распоряжении семь других министров, вмешивающихся время от времени в великую драму человеческой жизни и образующих управление *единой религией*: имя, данное Друзами своей вере. Тем не менее, система двух начал не представляется совершенно чуждой этой религии, поскольку повсюду находится сильный соперник, противостоящий универсальному разуму, истинный Ариман, противоположный непосредственному творению Бога — другому Ормузду, источнику всякого добра и всякого знания (20).

В целом считается, что Друзы на своих тайных собраниях поклоняются Хакему под видом тельца, и что этот образ тщательно скрывается от профанических взоров и хранится заключенным в сундук. Однако господин де Саси полагает, что этот идол, наоборот, эмблема Иблиса, врага или соперника Хакема, и что он выставляется перед глазами адептов только в качестве символа других господствующих религий, пребывающих в одном месте, будучи сокрушенными их законодателем. Книги Друзов и в самом деле сравнивают иудаизм, христианство и магометанство с тельцом и с буйволом (21).

Позже нам представится случай поговорить об этой эмблеме не некоторых артефактах, приписываемых Тамплиерам. Ограничимся, здесь отметив, что, по словам господина фон Гаммера, знаменитого ориенталиста, мнения которого, относящиеся к ереси Тамплиеров, мы оспорим, культ тельца общий у Друзов, Нозаиритов и Езидов. Это, казалось бы, указывает, что данный культ имеет намного более древнее происхождение, нежели халиф Хакем, и что источник его необходимо искать у Мардесов или Мардаитов, воинственном народе, изначально обитавшем в странах к северу от Каспийского моря. Согласно фон Гаммеру, этот народ, общий корень Друзов, Нозаиритов, Езидов и Шемси, был переселен греческими императорами в горы Сирии и Месопотамии. Они занимали Ливан в 677 году, и Константин IV несколькими годами позже перевез 12 000 из них. Езиды, к которым мы вернемся, до сих пор занимают горы, соседствующие с Сингаром в Месопотамии (22). Они говорят по-курдски, и их откровенно дуалистическая религия, кажется, состоит из мировоззрений Магов, Сабеян и Манихеев. Но они признают верховенство злого начала, и это единственное, что они сохраняют; равно они обвинялись, что на своих секретных собраниях предаются действам наиболее оскорбительным для морали и человеческого достоинства. Из древней халдейской религии они сберегли культ огня и светил. Они поклоняются солнцу на его восходе: их культ обращен еще на половые органы женщины, символизм, смысл которого остается легким для постижения.

По словам Вольнея, цитируемым де Саси, Нозаириты, близкое родство которых с Батенианами мы указали, навязывают, по крайней мере, своим посвященным первых степеней почти тождественный культ. Они пребывают, по словам первого из этих писателей, разделенными на несколько сект: там различаются *шамсие* или почитатели солнца, *кельбие* или почитатели собаки, и *кадмусие*, воздающие, как утверждается, культ органу, который у женщин соответствует Приапу. Равно

в примечании добавляется, что у них имеют место ночные собрания, где после определенных чтений они загашают свет и перемешиваются в свальном грехе, наподобие древних гностиков (23).

Поспешим сказать, что господин де Саси никак не признает родство Нозаиритов и Ассасинов с Шемситами и Езидами и не считает, что первые происходят от Курдов (24). Следуя Гийому Рею, автору одного любопытного труда *(“Reconnaissance de la montagne des Ansariés” — «Знакомство с горой Ансаридов»)*, помещенному в *Бюллетене географического общества* от июня 1866 года, современные Ансариды не что иное, как Нозаириды, разделенные в религиозном плане на четыре обряда: *Kham-si* (Шамсие у Вольнея), *Kleisi*, *Camari* и *Chemali* — поклоняющиеся солнцу, луне и дающие этим светилам имя Эмир-эль-Нахаль (князь пчел); то есть звезды тяготеют вокруг этих светил так, как будто пчелы кружатся возле своего улья. Эмпирей является их раем, и каждая звезда есть душа избранного.

Мы не встречали ничего точного об особенных формах культа Бетениан или Ассасинов Сирии. Ни Фальконе в своих двух диссертациях по данной секте (25), ни Сильвестр де Саси в своих воспоминаниях о династии Ассасинов, ни, наконец, Дефремери (M. Defrémery) в своих *«Новых исследованиях об Исмаилитах или Бетенианах Сирии, более известных под именем Ассасинов» (“Nouvelles recherches sur les Ismaëliens ou Baténiens de Syrie, plus connus sous le nom d’Assassins”)* (26) на сей счет не проливает никакого достаточного света. Дефремери констатирует, что сведения, приводимые по теме разными современными путешественниками, противоречивы и недостаточны: он предлагает сделать религиозных догмы Батениан предметом детального рассмотрения.

Очевидным теперь представляется то, что сирийские Ассасины исповедовали и еще исповедуют у маленького города Кадмуса, где их остатки существуют и в наши дни (27), фундаментальные учения, указанные выше присущими Исмаилитам; и сами они — Исмаилиты Сирии (28). Как Исмаилиты Египта и Персии, они признают права Али и его детей после него на имамат, то есть на суверенную духовную и светскую власть; они не принимают, как и много других сект сторонников Али, последовательность двенадцати имамов. Они признают только семь из них, среди которых Исмаил — последний. Все Исмаилиты, о ком идет речь, проповедуют еще, что пророки, облеченные обязанностью упразднить им предшествующие религии вхо-

дят в число семи как имамы: пятый — Иисус, шестой — Магомет, последний — Мохаммед, сын Исмаила, установивший знание внутреннего смысла и мистику вещей. Если присоединить к этим фундаментальным данным несколько религиозных принципов, последовательно разоблачаемых адептам, согласно степени посвящения, куда они поднимаются, а именно: переселение душ, дуализм и, наконец, замена религии философией, абсолютное свободомыслие и признанное право для сектантов выбора религиозной или философской системы, представляющейся им наиболее соответствующей истине; то возникнет весьма справедливая, хотя и неполная идея совокупности начал, образующих, как доктрину Исмаилитов, так Моледов Персии и Ассасинов Сирии.

Взаимоотношения воинства Храма с адептами последних не являются сомнительными; но важно их уточнить.

---

(1) Mathieu PARIS, trad. De M. HUILLARD-BREHOLLES, t. IV, p. 159, et *Hist. crit. du gnosticisme*, de M. MATTER.

(2) Eusebe, VI, ch. XII; MATTER, *Hist. du gnost.*, t. III, p. 31.

(3) Introd. a *l'Exposé de la religion des Druses*, p. LXXIII.

(4) De SACY, *Exposé de la religion des Druses*, t. II, p. 647.

(5) De SACY, *Mémoire sur la dynastie des Assasins*, au t. IV, p. 2 des premiers *mémoires de l'Academie des inscriptions* (classe d'histoire et de literature ancienne, 1818).

(6) *Mémoire sur ls dynastie des Assasins*, p. 5. О Карматах смотрите воспоминания Дефремери, озаглавленные: *Essai sur l'hist. des Ismaeliens de la Perse*. (*Journal asiatique* de 1856).

(7) *Exposé de la religion des Druses*, t. II, p. 567.

(8) *Id.*, introduction, t. I, p. CLXXXIII.

(9) *Exposé de la religion des Druses*, t. II, p. 570.

(10) *Id.*, introduction, t. I, p. CLXXXIII.

(11) M. Silvestre de SACY, introd., p. CXXI.

(12) *Id.*, p. CXXV.

(13) De SACY, introduction, pp. CXXX, CXXXIII.

(14) *Id.*, p. CXXXI.

(15) *Id.*, p. CXXXII.

(16) *Id.*, p. CLXXI.

(17) *Exposé de la religion des Druses*, t. II, p. 562, 565.

(18) *Id.*, t. II, p. 565, 567.

(19) De SACY, *Mémoire sur les livres religieux des Druses*, aux t. IX, X des *Memoires de l'Acad. Des inscriptions*.

(20) De SACY, *Introduction a la religion des Druses*, t. I, p. XXVII.

(21) De SACY, *Mémoire sur le culte que les Druses rendent a la figure d'un veau*, au t. III, p. 87, des *Mém. De l'Acad. des Inscrip.*; *Exposé de la religion des Druses*, t. II, p. 231.

(22) De HAMMER, *Histoire de l'empire ottoman*, t. VII, p. 167, 406; et *Journal asiatique*, t. V, p. 129 et t. IX, p. 306.

(23) VOLNEY, *Voyages en Syrie et en Egypte*, t. II, p. 5. — De SACY, *Exposé de la religion des Druses*, t. II, p. 571, note.

(24) Mémoire sur la dynastie des Assassins, au t. IV des Mémoires de l'Academie des inscriptions, 1818, note de la page 8.

(25) *Dissertation sur les Assassins*, au t. XVII des *Mém. de l'ancienne Académie des Inscriptions*, 1751.

(26) *Journal asiatique*, année 1854.

(27) Согласно архиепископу Вильгельму Тирскому, написавшему историю событий, произошедших в Святой Земле с Первого Крестового похода в 1095 году до 1184 года, количество Ассасинов, занимающих тогда часть Сирии, расположенную в окрестностях епископии Антарадус, достигало шестидесяти тысяч. Это число, по словам Дефремери, в настоящее время очень снизилось, поскольку по данным недавнего путешественника оно не превышало шести тысяч пятьсот человек.

(28) M. de SACY, *Mém. sur la dynastie des Assassins*, p. 8.

II. СООТВЕТСТВИЯ И РАЗЛИЧИЯ ДОКТРИНЫ ХРАМА С УЧЕНИЕМ АЗИАТСКИХ СЕКТ

Ассасины установились в Алеппо в последние годы XI-го века нашей эры: этот город был тогда столицей маленького государства Ридуан князя Сельджукида. Благодаря покровительству этого князя и ужасу, который они внушали, Ассасины быстро распространяли свою доктрину. Всякий, желавший обеспечить свою жизнь безопасностью и оградиться от притеснений, прибегал к их поддержке. Все преступления, казалось бы, им позволены: они похищали посреди улиц женщин, детей и препровождали их, куда сами желали, и никто не пытался освободить несчастных из их рук (1). Именно в середине XII-го столетия их могущество в Сирии достигло своего наибольшего развития. Владельцы двух мощных крепостей Кадмуса и Массиата, они стали соседями графов Триполи, и война не преминула разгореться между ними и франкскими князьями. В 1152 году, следуя *Искусству подтверждать даты*, они расправились с графом Триполи Раймондом I-м. Тогда Тамплиеры, чтобы отомстить за это убийство, вступили на территорию Исмаилитов, принудив их согласиться на договор, по которому сектанты обязались выплачивать ежегодно сумму двенадцать тысяч золотых монет.

Несколько лет спустя в 1168 году *Старец Горы*, родовое имя вождя Ассасинов, направил к Амальрику, Иерусалимскому королю, посланника, облеченного втайне передать последнему, что если Тамплиеры, занимавшие соседние с его районами крепости, пожелали бы его освободить от дани, о которой он только что поставил вопрос, то он обратился бы вместе со своими подданными в христианскую веру. Это обращение должно было малого стоить людям, в глубине своего сердца ставившим все религии на один и тот же уровень и заслужившим славу не слушаться никакой из них. Амальрик, с радостью приняв намерение, предложил Тамплиерам платить в будущем из своего казначейства дань, получаемую ими до того от вождя Ассасинов. Он отпустил посла с эскортом, но, по словам Дефремери, версию которого мы здесь приводим, «когда посланник оказался за пределами Триполи и когда уже возвращался домой, на него неожиданно обрушились Тамплиеры и убили. Узнав об убийстве, Амальрик казался очень раздосадованным и запросил репарацию у великого магистра Храма, свалившего преступление

на знаменитого Готье де Мэсниля (Gauthier de Maisnil), злобного и одноглазого человека. Король извинился перед князем Ассасинов, пообещав ему отомстить за смерть посла; чему воспрепятствовала болезнь, внезапно настигшая его во время осады Панеаса и положившая конец дням его жизни в 1174 году».

Кажется, эти события нисколько не прервали договора, существовавшего между Тамплиерами и Ассасинами. Когда в мае 1250 года Людовик IX, освободившись из плена, поспешил высадиться в Сен-Жан-д'Акре, то принял в этом городе посланников, направленных к нему Старцем Горы. Последние предложили королю следующую альтернативу: либо направить главе Ассасинов подарки, подобные тем, которые, как говорили они, ему предлагали разные князья, в том числе император Германии и король Венгрии, либо освободить его от уплаты необходимой дани Храму и Госпиталю. Здесь видно, что Госпитальеры получили выгоду от примера, поданного Тамплиерами, и, подобно им, обирали исмаилитских разбойников.

Вот каким уверенным образом великие магистры Храма и Госпиталя отвечали на следующий день посланникам Старца Горы: «Мы вам повелеваем, чтобы вы возвратились к своему господину, и в течение двух недель вернулись бы обратно, принеся от вашего сеньора королю такие письма и такие драгоценности, чтобы последний умиротворился, и вы бы знали его благую волю». И посланники действительно вернулись через две недели, привезя с собой необходимые подарки: шахматы, хрустального слона, и «одно животное, называющееся орафль (жираф)», также из хрусталя. На этот акт почтительности святой король ответил подобным же действием. Он направил послов с великолепными подарками в сопровождении Ива Бретонца, брата из ордена проповедников, знавшего арабский язык. По словам Жуанвилля, брат Ив стал общаться со Старцем Горы, отметив, что тот верит не в Магомета, но в Али, — наблюдение справедливое, хотя и поверхностное, как можно убедиться выше.

Таковыми являются весьма примечательные факты, устанавливающие отношения Тамплиеров с Исмаилитами Сирии. Эти отношения отнюдь не были дружественными и далеки от благоприятного суждения о тезисе, видящем в рыцарях Храма адептов тайной доктрины исмаилитских сектантов. В 1272 году, менее чем за пятнадцать лет до взятия Иерусалима Саладином, Тамплиеры еще пребывали во вражде с Ассасинами, воюя против них в компании старшего сына короля Англии Генриха III-го принца Эдуарда, которого чуть не убил

исмаилитский сикарий по наущению мамелюкского султана Бибарса (2).

По недостатку фактов, доказывают ли очевидно существующие аналогии между доктринами, что Тамплиеры соблазнялись в религиозных принципах Исмаилитов? Эти аналогии не подвергаются сомнению: речь идет только о пределе понимания.

Отметим, что сначала в кульминационной точке и под разными завесами своего поступательного учения исмаилиты скрывают безграничное свободомыслие и самый абсолютный скептицизм. Именно здесь пребывает верховное таинство, разоблачаемое только адептам последней степени. Им оставляют свободу выбора философских или религиозных систем, лучше им подходящих; но в совокупности это вечность материи или, как говорит Новаири, вечность элементарных начал, субстанций, это чистый материализм, проповедуемый ими. Все религии, все ереси, все философии приспосабливаются к доктрине внутреннего смысла; ее крайняя гибкость готова для всех интерпретаций: она не отвергает Манеса больше, чем Вардессана, Валентина или Платона. Если атакуется божественное единство, если проповедуется дуализм, то это только для прозелитов, еще не достигших *суммы* знания; еще хороший подход, чтобы удовлетворить монотеистов — поставить над предсуществующим существом, отцом существа, сотворившего мир, другое безымянное существо, от которого само предсуществующее существо получило существование — концепция, напоминающая религию Зороастра, согласно которой доброе и злое начало, Ормузд и Ахриман, являются двумя произошедшими от высшего принципа, от бесконечности.

Дуализм, исповедуемый Тамплиерами, представляется менее рафинированным и более грубым. Они нисколько не ставят доброе и злое начало на один и тот же уровень; они подчиняют второе первому: над добрым Богом, предсуществующим Исмаилитов, они не признают никакого высшего и безымянного существа. Именно вследствие своего религиозного эклектизма, своего абсолютного безразличия в области веры, Исмаилиты пришли к безудержной распущенности, характеризующей большинство их сект. Если Тамплиеры пришли к тем же самым аморальным итогам, то это единственно благодаря превосходству, которым они наделяли злое начало, оставив далеко за собой в подражании Исмаилитам посвященных последних, свободных в выборе религиозных и философских систем; представляется даже, что Тамплиеры обладали только одной доктриной,

согласованной ими для навязывания. Если они признавали различные степени посвящения, что не является достаточно проясненным, то лишь с единственной целью не поднимать одним махом все завесы, скрывающие их мистерии, чтобы тем самым пощадить совестливые души; но ничего не подтверждает, что последняя степень их учения состояла в сообщении прозелиту, что все разоблаченное перед ним до сих пор, было ничтожным и тщетным и подготовкой к абсолютному безразличию и материализму. Одним словом, Тамплиеры предстают дуалистическими сектантами; они не являются ни атеистами, ни свободными мыслителями.

Если от главных догм перейти к христологии, то нужно признать, что мировоззрение Исмаилитов глубоко отличается от грубого мнения, как представляется, исповедуемого Тамплиерами в отношении личности Христа. Иисус, сын Марии, является пророком для Исмаилитов, разумеется, для адептов первых степеней. Он идет после Адама, Ноя, Авраама и Моисея и предшествует непосредственно Магомету, который сам предшествует сыну Исмаила. Иисус — один из семи Натиков или возвещающих пророков, ибо научал закону, благодаря которому упразднил законы всех своих предшественников, как Магомет упразднил его закон; и это последовательное упразднение древних законов является свойством возвещающих пророков. Два уже приведенных историка, — Макризи и Новаири, — согласны с таким определением роли Иисуса в исмаилитской доктрине и, в целом, с определением семи возвещающих пророков, каждый из которых сопровождаем семью безмолвными пророками, обучающими его религии, пока новый возвещающий пророк не придет ее упразднить (3).

Ничего подобного нет у Тамплиеров: Иисус в их глазах отнюдь не пророк и не посланник Божий. Он, как и все другие, человек, злодей, справедливо осужденный на смерть, чтобы искупить свои преступления, но никак не грехи человеческого рода. Этого коренного разногласия в столь важном пункте было бы достаточно одного, чтобы установить, что Тамплиеры не так уж и подверглись, как полагают некоторые современные историки (4), влиянию исмаилитских доктрин. Что же касается нас, то после предпринятого обозрения, главные итоги которого здесь приводятся, мы убежденно считаем, что между двумя религиозными системами не было иных точек сходства, кроме тех, которые неизбежно предоставляют собой все дуалистические культы: но не здесь должно искать источник решительного вдохновения ереси Храма.

Несомненно, идол, почитаемый Тамплиерами, кажется как бы идолом Друзов и Нозаиритов, представая эмблемой злого начала; но он сильно отличается от второго по форме, ведь являет одну человеческую голову с двумя лицами; тогда как, по крайней мере, у Друзов идол представляет собой изображение тельца — символ культов, враждебных для единой религии.

Наконец, ничего абсолютно не дает оснований предположить, что Тамплиеры сделали определенное заимствование у сабеизма, ни что они, как это еще, кажется, совершают Нозаириты, воздавали культ луне и солнцу.

Мы завершим эту главу дискуссией о факте, в котором считалось можно увидеть азиатское происхождение ереси Храма. Выше ставился вопрос о Езидах, выдающемся курдском племени, занимающим нагорье, соседствующее с городом Сингар в Месопотамии, и религия которого, представляется, сложилась сразу из мировоззрений Магов, Сабеян и Манихеев. Езиды поклоняются солнцу при его восходе и признают доброе и злое начало, но отдают верховенство злому началу, его одно задабривая, что являет собой точку поразительного сходства с одним из главных пунктов секретного учения Тамплиеров.

Так Саладин, враг и победитель Тамплиеров, принадлежал по своему деду к одному из курдских племен Равадиан, веривших в метемпсихоз (5). Больше того, реальное или вымышленное предание желает, чтобы один из великих магистров Ордена, находясь в суданском узилище, был выкуплен оттуда на свободу благодаря отречению от Христа, обязав совершать подобное отречение своих братьев. Эта быль, аутентичность которой более чем сомнительна, была рассказана рыцарем, получившим ее от одного из своих друзей, кому она открылась во время его приема в орден в Англии. Канцлер Вильгельм де Ногаре делает на нее смутную аллюзию в течение расследования 1310 года: «В хрониках Святого Дионисия, — говорит он, — сообщается, что во времена султана Саладина великий магистр и другие вожди Ордена оказывали ему почтение. Но великий магистр тотчас опротестовал, заявив, что это была клевета» (6).

Сама история Саладина не менее энергично протестует против предположения, что этот султан мог мечтать навязать Тамплиерам верование племени, из которого произошел. Вероятно, он родился Шиитом, но покинул секту Али, и здесь кроется причина враждебности, выказываемой по отношению к нему Ассасинами. Они его рассматривали как ренегата (7), упрекая в том, что он стал Суннитом, то

есть правоверным. Как только силой оружия Египет и Сирия оказались в его зависимости, он попытался привести всех своих подданных к религиозному единству, выкорчевывая из душ принципы секты Али и устанавливая коллегии, где искусные учителя проповедовали правоверные догмы. Значит, совсем неправдоподобно, чтобы он пытался склонить Тамплиеров к вере, с которой сам боролся. Было бы естественным допустить, что он искал их обратить в истинную мусульманскую религию; но секретное учение Храма показывает, что в любом случае он здесь не преуспел.

Из всего предыдущего видно, что мнение, приписывающее исмаилитским доктринам решительное влияние на ересь Храма, не выдерживает критики. Здесь нет глубокой аналогии, главных и детальных сходств, встречающихся между этой ересью и заблуждениями Евхитов и Люцифериан. Эта великая теория доброго и злого начала, одна из наиболее древних появившихся на земле, обладает, несомненно, своей первой колыбелью в Азии; но перенесенная последовательно по многим пунктам из древнего мира, она подверглась многочисленным трансформациям, приспособившись ко многим религиям, видоизменившись многими разнообразными способами. На протяжении своего короткого существования Тамплиеры нашли ее как бы завуалированной: они ее встретили повсюду, где бы ни ступала их нога. Но это произошло никак не у Исмаилитов, никак не у курдских племен, но у вооруженных сектантов более активного прозелитизма, более и непосредственно вовлеченных в религиозные раздоры, интересовавшие Тамплиеров, более близких с ними по языку и первоначальной основе общего верования, где необходимо искать прямых предков их ереси.

---

(1) Уже процитированная статья об Ассасинах господина Дефремери, стр. 4, 47, 49.

(2) M. DEFREMERY, *Nouvelles recherches*, etc., p. 111.

(3) De SACY, Introduction, p. CVII.

(4) Посмотрите M. Henri MARTIN, *Hist. de France*, t. IV, p. 478.

(5) *Dissertation sur les Assasins*, par FALCONET, au tome XVII, p. 147 des *Mém. de l'ancienne Acad. des inscriptions*.

(6) RAYNOUARD, *Monuments*, etc., p. 67.

(7) FALCONET, *loco citato*.

Четвертая часть.
ДИСКУССИЯ ОБ АРТЕФАКТАХ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ ОРДЕНУ ХРАМА

I. ИДОЛ ТАМПЛИЕРОВ. — БАФОМЕТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ. — ВЫЗВАННЫЕ ИМИ РАЗНОГЛАСИЯ

Есть много сторон и точек зрения по этой обширной теме ереси Тамплиеров, открывающей в глубинах наиболее таинственные религиозные верования, а в еще более темных отклонениях человеческого духа самые смутные перспективы. Чтобы быть рассмотренной во всех аспектах, прослеженной во всех ответвлениях, подобная тема протестовала, что автор этого исследования является довольно далеким от обладания самыми разнообразными знаниями историка, мифолога и антиквара.

Пусть нам позволят здесь напомнить в помощь читателю и изобразить крупными мазками главные вехи трех предшествующих частей. Совокупный итог обвинений, выдвинутых против ордена Храма; столь тяжелая, сколь и противоречивая проблема существования секретного статута, которому подчинялся весь орден или подчинялось, по крайней мере, большое число его членов; главная идея и фундаментальные принципы его ереси: таковыми являются вопросы, трактуемые в первой части данного исследования. Поиск источников данной таинственной доктрины; ее отношения с некоторыми ересями, предшествующими и современными ордену; ее тесные связи с учением Евхитов и Люцифериан; последствия этих религиозных принципов; мораль, обряды и тайные церемонии сект, коих исключительным культом было поклонение Богу зла, сопоставленные с нравами, церемониями, обрядами, вменяемыми Тамплиерам; это вопросы, производные от первых, и которым посвящена вторая часть труда. В третьей части мы изложили историю реальных отношений рыцарей Храма со знаменитым исмаилитским коленом Ассасинов,

главные соответствия и одновременно глубокие расхождения их доктрины с религиозными и философскими идеями азиатских сект, окружающих их в заморских владениях рыцарей. Таким образом, читатель смог сам судить о влиянии более ограниченном, чем обычно принято считать, каковое эти идеи могли оказать на образование гетеродоксальной системы, которую мы пытаемся восстановить в основных чертах.

Чтобы не пренебречь никаким важным пунктом в этом обширном исследовательском поле, нам остается обсудить артефакты, приписываемые разными эрудитами ордену Храма, и из которых они предполагали вывести природу его религиозных принципов.

Теперь о поклонении в некоторых сектах животным, символизирующим демона; мы уже высказали своем мнение о церквях, будто бы построенных Тамплиерами, и о скульптурах, там отмечаемых. Мы не прибавим здесь ничего к тому, что мы написали на эту тему: существует много других скульптурных произведений, равно приписываемых ордену, которые более значимые, более разоблачительные и требующие углубленного изучения. Исследование о исмаилитских сектах, содержащееся в двух предыдущих главах, являлось для этого изучения необходимым преддверием. Если оно не позволяет нам рассеять всю тьму, окружающую эти странные произведения, то, по крайней мере, поможет лучше понять относимое к ним происхождение и символы, что рассчитывают там увидеть. Разоблачения, которые вправе ожидать от этих артефактов, не несут в себе только особенности кощунственных практик, о чем мы уже уведомили наших читателей (1). Скульптуры, барельефы и эмблемы поднимают более общий вопрос, касающийся самого внутреннего содержания нашей темы, а именно знания, проповедовал ли орден Храма гностические верования, поскольку все написанное о предполагаемом гностицизме ордена не имеет иного основания, кроме этих скульптур. Данный вопрос станет и вправду серьезной целью последующего изучения.

Именно здесь мы приобретем содействие в методе, изложенном нами в начале этого исследования, состоящем в проверке артефактов доктринами, вместо поиска, в соответствии с подходом, слишком используемым до сих пор, с вопрошанием артефактов о разоблачении религиозных идей их авторов. Если атрибуты, символические знаки, сцены, изображенные на артефактах, о которых идет речь, не согласуются с принципами Тамплиеров, с религиозным синтезом, кото-

рый позволительно извлечь из их признаний, то нам будет позволено заключить, что по одному этому факту данные артефакты должны рассматриваться в качестве чуждых ордену Храма.

Если исключить церкви, о которых мы уже сказали, и шкатулки, о которых тотчас встанет вопрос, все артефакты, рассматриваемые как разоблачающие ересь Храма, были описаны бароном фон Гаммер-Пургшталлем в воспоминаниях, восходящих к публикации 1818 года. Споры, коим воспоминания дали место, оказались невразумительны, и плохо бы понимался сам интерес, представляемый вышеупомянутыми артефактами, если бы мы не наметили исторический ход данных разногласий.

Вначале скажем, что двое из шести свидетелей, заслушанных в Каркасоне в течение предварительного расследования против ордена Храма, Гозеран де Монпеза и Раймон Рубеи говорили об одном идоле, сделанном в виде *Бафомета* из дерева: *"ubi erat depicta figura Baphometi"*. Во Флоренции один из свидетелей заявил, что, показывая ему идол, было сказано: «Вот ваш бог и ваш Магомет» — *"Ecce deus vester et vester Mahumet"*. Таков, по крайней мере, текст, дошедший до наших дней. Его подлинное написание, публикуемое нами в продолжение исследования, есть *Magumet*, но не *Mahumet*; но этот вариант в рассматриваемой проблеме.

Все три показания являются точкой отсчета всего того, что было написано о *Бафомете* и бафометических фигурах. Бюсты, шкатулки и медали, рисунки которых привел фон Гаммер, упоминались лишь с целью вызвать на помощь Бафомета и гностический смысл, ему приписываемый. Что всегда представлялось недостаточным в его публикациях и публикациях его учеников теперь предстает определенным доказательством, что все эти артефакты являлись произведением ордена Храма.

С 1782 года немецкий литератор Фридрих Николаи, заинтересовавшись странным именем, данным идолу, почитаемому Тамплиерами, попытался вывести из этого имени и из самой формы идола гностические принципы, проповедованные орденом (2). Согласно ему, слово Бафомет являлось не названием идола, но скорее наименованием иероглифа, запечатленного на нем. Голова, по словам Николаи, была символом, образом предвечного Отца в состоянии покоя, как его изображали древние Гностики. Что касается иероглифической фигуры, отображенной или гравированной на этой голове, то она (мы цитируем дословно) «вероятно являлась пифагорейским пентагоном,

греческое имя которого Baphe-métous сохранили Тамплиеры, и которое их враги изменили в *Baphometus*».

Это предположение, что Бафомет был иероглифом, основывалось на понятиях из только что приведенного нами показания Раймонда Рубеи.

Датский профессор Мюнтер, тот самый, открывший в Риме первый известный манускрипт статутов ордена Храма, поспешил отвергнуть это мнение. Он напомнил, что большинство обвиняемых, видевших идол или даже поклонявшихся ему, не соглашались во мнении на его форму. Одни его описывали двуликим; другие обладающим только одним лицом, последние изображали его с человеческим черепом; многие его представляли ужасным и устрашающим с длинными волосами и длинной бородой; другие, наоборот, полагали, что он имел лицо ребенка (3). Не являлось ли странной дерзостью утвердительно определять точную форму симулякра, о котором у свидетелей не было никакого согласия; самоуверенной опрометчивостью в его уподоблении, основанном на вере в смутные и противоречивые описания, приводимые процессом, гностическим фигурам, характерной особенностью которых, по словам Мюнтера, могли быть не столько длинные волосы и длинная борода, сколько состояние покоя и созерцания со скрещенными руками? Для датского профессора головы, почитаемые на капитулах, представлялись просто реликвариями.

Это объяснение, более благовидное, нежели толкование Гердера, видевшего в головах воинские трофеи, являлось в то же самое время лучше обоснованным. На слушаниях от 13 мая 1310 года голова, сохранившаяся в доме Храма в Париже, была на самом деле предъявлена понтификальной комиссии, и составленная проверка нашла, что она содержала мощи. Эта голова имела номер LVIII, и никакой другой не удалось обнаружить: заранее предвидевшие угрожавшие им гонения рыцари, что мы уже установили вначале, располагали необходимым временем, чтобы уничтожить осязаемые доказательства их виновности. Мы повторяем, что только единственная голова оказалась представленной, являясь, бесспорно, реликварием. Это серьезный факт, и он вводит некоторых писателей в заблуждение. Если бы удалось доказать, что эта голова являлась одной из голов, которым поклонялись Тамплиеры на своих секретных собраниях, поскольку она единственная была предъявлена в ходе процесса, то, разумеется, данное доказательство возвысило бы ценность свидетельств, относящихся к идолу, сколь бы многочисленными они ни представали.

Но приходится себе уяснить, что необходимо еще многое, чтобы этот пункт стал надежно установлен: вероятно, идол заменялся реликварием в целях, дабы не оказаться внезапно обнаруженным религией судей.

Вместе с Грувеллем отметим, что никакое свидетельство, за исключением того, о котором пойдет речь, не предполагало, что идолу, представленному на поклонение в генеральных капитулах, полагался реликварий; никто не говорит, что он как таковой давался для почитаемого предмета. Однако нет ничего проще подобного обоснования. Это столь естественное и, казалось бы, столь убедительное объяснение не обеспечивалось ни одним из рыцарей-защитников ордена; мы не находим его ни в рассуждениях великого магистра, ни в рассуждениях великих офицеров, ни во множестве показаний, сделанных во Франции перед понтификальными комиссарами, и которые благодаря разнообразию выражений и открывшихся обстоятельств свидетельствуют о свободе показаний и правдивости опрошенных лиц.

Одним из свидетелей, возмечтавшим о данном объяснении, является брат-сержант по имени Вильгельм д'Араблуа. Он его не приводил на своем первом допросе от 1307 года, исполненном инквизитором; и лишь три года спустя на большом расследовании, совершаемом папскими комиссарами, он прибег к этому объяснению; но поспешим отметить, что голова, обнаруженная в доме Храма в Париже, на которой имелась читавшаяся надпись*: Tête LVIII*; по предъявлении д'Араблуа, нисколько не была им признана. Он даже утверждал, что никогда ее не видел. Этот бюст, аналогичный тем, которые служат еще реликвариями в определенных церквях Испании и Пиренеев, по всем пунктам отличался от артефакта, часто замечавшегося свидетелем на алтаре. Предъявленная голова обладала одним лицом, тогда как другая являлась двуликой; первая имела лицо женщины, а другая — ужасного вида; первая была позолоченной и без бороды; другая, наоборот, обладала серебряной бородой. Столь выдающиеся и столь четко обозначенные различия, разве не говорят в пользу подлинности свидетельства и не дают места предположить, что обвиняемые заставили исчезнуть все разоблачительные головы, оставив лишь ту из них, которая могла обеспечить подлог для их судей?

Как очевидно, объяснение, данное Мюнтером, не выдерживает критики. В 1818 году к проблеме подключился фон Гаммер, о чем нами уже говорилось, который возродил тезис Николаи; и, являясь больше сведущим, чем последний, в знании артефактов средневековья, Гаммер

выдвинул идею о том, что имя *Бафомет*, под которым отдельные свидетели подразумевали предмет, почитаемый на генеральных капитулах, должно было применяться к самому идолу, но никак не к иероглифу, начертанному на нем. Подобно Николаи, убежденный, что это наименование складывалось из двух слов, обозначавших *крещение* и *мудрость*, фон Гаммер старался доказать, что таинственная церемония, совершавшаяся в секретных собраниях, являлась гностическим крещением, исполнявшимся вовсе не водой искупления, но представавшим «духовным очищением огнем». Согласно ему, Бафомет обозначал озарение духа, и дух, — творческую мудрость, олицетворенную в божестве, называемом *Мете*, — представлял собой андрогинный идол, почитаемый большинством гностических сект. Крещение Мете могло называться Βαφη Μ□τις или Μ□του, поскольку эта богиня соединяла два пола (4). «Поскольку гностики, — сообщает фон Гаммер, — снабдили Тамплиеров бафометическими идеями и образами, постольку имя *Мете* должно было почитаться последними. Гностики обвинялись в постыдных грехах: Мете изображалась в символических формах в основном под видом змей и усеченного креста в форме *тау*, Т».

Название произведения этого ученого в себе самом представляет итог его системы: *«Мистерия разоблаченного Бафомета, или братья воинства Храма, уличенные своими собственными документами в принадлежности к апостасии, идолопоклонству и нечестию Гностиков и даже Офитов»* (5). Текст снабжен многочисленными иллюстрациями с изображениями чаш, сосудов, бюстов, шкатулок и медальонов. Особо здесь отметим двадцать четыре фигуры, которые, по мнению фон Гаммера, выражают характерные черты *Бафомета* Тамплиеров. Это андрогинные изображения, имеющие сразу мужскую бороду и женский бюст. Головы одних из них прибраны офитическим шлемом (образуемым из змей); другие носят зубчатую корону Кибелы: последние держат в руке вытянутую цепь — гностическую цепь *Эонов*; другие имеют крест-анх, названный *Ключом Нила* Египтянами. У подножия некоторых фигур находится чаша с огнем. Данные изображения окружены или сопровождаемы различными символами; определенные из них представляются гностическими: солнце, луна, львиная шкура, ферула, семисвечник, звезда, змея, завеса, череп и, наконец, пентаграмма, ставшая у Пифагорейцев символом здоровья. Отдельные изображения, весьма вероятно представляющие офитические мистерии, кажутся играющими со

змеями. На нескольких из этих своеобразных артефактов выгравированы арабские надписи. Господин фон Гаммер опубликовал двенадцать из них: все они отмечены путаницей слогов, перестановкой букв и обнаруживают неопытную руку граверов, не знающих воспроизводимого ими языка. Порой кажется, что большинство соответствуют божеству, определяемому всемогущим и способным вызывать произрастание *(germinans)*: божество фон Гаммер считает той же самой Софией-Ахамот гностиков Валентиниан.

Наряду с этими артефактами, знаменитый ориенталист воспроизводил в своих воспоминаниях медальоны, представляющие бафометические фигуры (слово, принятое, согласно ему, для обозначения всех эмблем подобного естества), и в частности *Meme*, которая держит в своей руке крест-анх, символ божественной жизни. Он отмечал больше семи церквей Германии и Италии в мнимой принадлежности к Тамплиерам, на стенах и барельефах которых узнавал символы наиболее порочного гностицизма, подобные некоторым сопровождающим идолопоклонные фигуры, чьи рисунки он приводил. В конце нашей второй части, разъяснив скульптуры, о которых идет речь, мы показали, что они ничего кроме правоверного в себе не содержали: мы не намерены возвращаться к тому, что уже сказали по данному поводу.

Система фон Гаммера, первоначально изложенная в немецком сборнике, стала известна во Франции еще перед публикацией его воспоминаний, став предметом критики, размещенной Сильвестром де Саси в *Энциклопедическом журнале (Magasin encyclopédique)* Миллена (Millin). Но она еще не приобрела той публичности, фиксирующей внимание ученого мира. Эта известность, впрочем, никогда не выходившая за достаточно ограниченный круг эрудитов, была обязана опровержению положения, опубликованного Райнуаром в *Газете ученых (Journal des savants)* в марте и апреле 1819 года.

Райнуар был обязан Тамплиерам значимой частью своей знаменитости. Успех драмы, на которую его вдохновила их катастрофа, связывал с ними автора самыми крепкими узами — теми, что творят литературные триумфы. Он с головой окунулся в их историю и поспешил написать книгу об их осуждении, восторженно принятую публикой. Тамплиеры были его героями: творя возмездие за них в прошлом и настоящем, ему казалось, что его собственным делом стала их защита. Из историка он сделался эрудитом; и поскольку драматическое искусство его привело к истории, постольку последняя его направила

к филологии. Он размышлял в эпоху, когда вышли воспоминания фон Гаммера, о сравнительной грамматике языков латинской Европы в их соотношениях с языком трубадуров, грамматике, которая, несмотря на заложенную в ней ошибочную точку зрения автора (6), пыталась открыть новый путь для языкознания. Религиозная критика пребывала еще в колыбели. Кроме того, автору Тамплиеров не хватало достаточных данных по археологии и символике Средневековья, по истории и догматике великих сект. Он, по крайней мере, не придавал большого смысла слабым сторонам аргументации своего научного противника.

Умозаключение фон Гаммера (и это общий упрек для него и всех тех, кто следовал по пути, им проторенному) сводилось почти всегда к двум формам: «эти артефакты являются гностическими, и значит, они касаются Тамплиеров: эти артефакты относятся к Тамплиерам, следовательно, они гностические». То же самое и в отношении церквей. Фон Гаммер желал признать их эмблемы гностическими, но он не доказал, что они принадлежали Тамплиерам. «И когда даже, — восклицал Райнуар, — орден их мог построить, спроектировав, и если бы существовало секретное учение, то разве начальники стали бы его публично излагать символами в церквях?» Подобным образом и с медальонами. Некоторые из них фон Гаммер гравировал, поскольку думал увидеть там крест-анх Гностиков и божество, окрещенное им именем *Meme*. Он воображал себе прочесть в них слово *gnosis*. Но, по мнению сведущего немецкого нумизмата Николая Зееландера, эти медальоны просто несли имя святого. Райнуар торжествовал от этих заблуждений и говорил, как и о церквях: «Когда даже эти медальоны констатировали бы существование гностической секты, которая представляется даже вовсе недоказанной, то это никак не свидетельствует против Тамплиеров, поскольку не установлено, что именно они выбивали данные медальоны». Это возражение еще и сегодня сохраняет свою ценность: пока мы не начнем определять смысл и происхождения артефактов посредством их аналогии с доктринами, мы не сможем никак его избежать.

Мы оставляем в стороне детальные возражения. По существу, защитник Тамплиеров оспаривал само существование бафометических фигур. Обвинительный акт о них ничего не говорит. Об этом не ставится вопрос ни на большой процедуре, проведенной в Париже, ни в показаниях многочисленных свидетелей, допрошенных инквизитором и папскими комиссарами. И только в Каркасоне упоминалось

об идоле, сделанном с фигурой Бафомета. «Но, — говорил Райнуар, — очевидно, что именно благодаря орфографической ошибке или произношению это слово так записали: либо тогда в южных провинциях произносилось подобным образом имя Магомета, либо писарь записал по ошибке *Baffometti*, как в то время писалось *assorare* вместо *adorare*; и в этом отношении не должно оставлять никакого сомнения следующее: второй свидетель из Каркасона утверждает, что его заставляли произносить *Yallah*, сарацинское слово, обозначающее Бога». Мы вернемся к этому арабскому слову, играющему большую роль в аргументации господина фон Гаммера и его сторонников. «Наконец, — продолжал Райнуар, — мы останемся убежденными, что инквизиторы желали заставить признаться свидетелей, что Тамплиеры отправляли культ Магомету, и что слово Бафомет применимо только к Магомету, поскольку припоминается, что один из свидетелей, заслушанных во Флоренции, утверждает, что, показывая идол, ему говорилось: «Вот ваш Бог и ваш Магомет».

Напрашивается заключение: самого слова, сделанного фон Гаммером обозначением бафометической секты, не существовало, и вся система, укрепленная на существовании этого слова, обрушивается в основании.

Тотчас мы выскажем свое мнение относительно смысла этого слова, предмета стольких прений, внесшего большой вклад в заблуждение по теме секретного учения Храма: одни доверялись Райнуару, отрицая существования секрета в ордене; другие, и в данном случае почти все писатели, в течение тридцати лет трактовавшие общую историю Франции, встали под знамена фон Гаммера, придерживаясь версии Бафомета, из которой выводился гностицизм ордена Храма. Ограничимся в данный момент, отметив, что Райнуар заблуждался, как в значении этого слова, вышедшего из уст рыцарей, так и в намерении, предоставляемым им инквизиторам. Разве не понятно, что братья воинства Храма не могли воздавать культ Магомету, в чем судьи и не старались от них добиться признания? Тамплиеры поклонялись идолу, представленному в их генеральных капитулах: это подтверждено массой показаний, тогда как Мусульмане никак не поклоняются создателю своей религии. Они его считают посланником Божиим, но никак его не призывают. Инквизиторы не могли не знать этого, ибо с начала Крестовых походов и перевода Корана, исполненного по приказу Петра Достопочтенного, о пророке исламизма имелись сведения более точные, нежели данные, коими ограничивались

хроникеры первой половины Средневековья. Разве не абсурдно делать Тамплиеров большими магометанами, нежели магометане, не поклоняющиеся Магомету? Впрочем, правоверные мусульмане не принимают никакого культа изображений, и известно, что их пророк ниспровергал своей рукой всякие идолы Каабы.

Возвратимся к артефактам, приписываемым Тамплиерам, и к символическим фигурам, которые Райнуар считал разрушенными.

---

(1) Смотрите вторую часть этого исследования, глава III.

(2) *Эссе об обвинении, выдвинутом против Тамплиеров, и об их мистериях* с некоторыми наблюдениями о происхождении франк-масонства.

(3) Согласно брату Эгидию, первому свидетелю, заслушанному во Флоренции, идол, которого он видел почитаемым, имел белое и почти человеческое лицо *(quasi humanum)*, черные вьющиеся и завитые и позолоту вокруг шеи и части плеч.

(4) Это мнение было воспроизведено на стр. 25 *Воспоминаний о двух гностических шкатулках Средневековья*; это сочинение будет приводиться и дальше.

(5) Эти воспоминания были опубликованы в т. IV *Каменоломен Востока (Mines de l'Orient)*, 1818 год, ин-фолио.

(6) Заблуждаясь в этом смысле, Райнуар рассматривал романский язык в качестве материнского для всех нео-латинских языков. От VII-го до IX-го вв. у латинского языка был период, когда он оказался романским языком, от которого после этой метаморфозы произошли различные романские диалекты Италии, Франции, Испании и Португалии. Данная теория была опровергнута Августом Вильгельмом Шлегелем и Корнуэлом Льюисом (Cornewal Lewis), а в наши дни Максом Мюллером. Сегодня признается, что даже французский язык не произошел от романского наречия, а развивался параллельно ему в естественной эволюции. Французский, испанский, португальский и итальянский языки, наравне с романским, являются независимыми модификациями того же самого изначального языка. Тем не менее, Райнуар оказал очень важные услуги языкознанию и науке о правилах синтаксиса старофранцузского языка. Сделанное им различие между казусом (падежом) состояния и казусом субъекта стало лучом света, вот почему Макс Мюллер в истинном смысле его провозглашает одним из выдающихся филологов Франции. Следуя дальше в критике его мнения относительно очень узкого смысла, придаваемого им слову *Бафомет*, нашей обязанностью было показать в примечании, что мы не отрицаем ни его достоинств, ни его заслуг.

II. ШКАТУЛКИ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА

К числу подозрительных практик, которые вменялись Ордену, обнаруживается одна, заслуживающая особого внимания. Мы желаем поговорить о поясных вервиях, коими обматывались рыцари или касались ими идолов, препоясываясь затем ими на голом теле либо поверх своих рубах: мы передаем здесь определения обвинительного акта. В чем видели свидетельство принадлежности Тамплиеров к некоторым восточным сектам: пояс являлся символом посвящения у магов и брахманов.

Это вервие было белым. Все рыцари обязывались его носить. В обычных посвящениях, не имевших места на генеральных капитулах, професс брал пояс там, где пожелал, но более общий обычай заключался в том, что он получал его из рук посвятителя. Петр де Боннефон (Pierre de Bonnefond) узнал от свидетелей своего приема, что вервием, которым он препоясывался, прикасались в заморских странах к некоей голове (1). Четыре первые свидетеля из Флоренции заявили о своем участии в церемонии освящения вервия и его раздачи, как им самим, так и некоторым другим присутствующим братьям. Однажды освященные при их соприкосновении с идолом, вервия сохранялись в шкатулках и изымались оттуда постепенно по мере принятий. Эти шкатулки путешествовали вместе с тамплиерами и служили также для закрепления идолов. Госеран де Монпеза показал, что ему был дан пояс, извлеченный посвятителем из ящика, где находилась фигура Бафомета, и что посвящающий ему повелел хранить этот пояс и носить непрерывно (2).

В воспоминаниях, о которых мы говорили, фон Гаммер опубликовал изображения нескольких шкатулок, принадлежащих Имперскому кабинету древностей в Вене, предположив, что они служили для хранения, как вервий, так и идолов. Все были обнаружены в Германии, стране, где орден Тамплиеров, впрочем, оказался наиболее сохраненным: соборы Майнца и Трира вынесли решение в пользу его невиновности. Тем не менее, стоит удивиться, что ни один из этих обличающих артефактов не встречался ни в какой иной стране, где орден владел приорствами и командорствами. Райнуар не преминул сделать замечание о том, насколько странно, что Германия обладала единственной привилегией этих открытий (3). В противоположность его ожиданию они не преминули обнаружиться в другом месте. Стало

известно, что в Париже в кабинете герцога де Блакаса, очень богатом на восточные артефакты, существовали две шкатулки, аналогичные тем, коими владеет Венский кабинет. Одна была найдена в Вольтерре в Тоскане, а другая в Эссаруа в Бургундии, в земле Кав, в окрестностях древнего дома храма в Вулене, «приорства большого значения, восходившего к великому приорству Шампани, и являвшемуся главным средоточием генеральных капитулов, где в определенные дни показывался идол как восполнение высшего посвящения в мистерии ордена». Эти последние строки заимствованы у одного из самых усердных учеников господина фон Гаммера (4).

Обе шкатулки, о которых идет речь, почти одинаковые по размерам. Шкатулка из Эссаруа, единственная обладающая крышкой, имеет около 25 сантиметров своей наибольшей длины, почти 19 сантиметров ширины и 13 сантиметров высоты, не включая крышку. Если она на самом деле принадлежала Тамплиерам, то трудно поверить, чтобы служила другой вещи, кроме хранения вервия, ибо идолы должны были быть слишком большими, чтобы содержаться в столь тесном пространстве; в противном случае они бы не смогли произвести эффекта ужаса, о котором свидетельствует большинство показаний. Тем не менее, известно, что существовали идолы разных размеров. Свидетель говорит об одном маленьком идоле из меди, которого посвятитель снял со своей груди и показал профессу. Но самая обыкновенная величина могла быть размером с человеческую голову (5). Стало быть, из только что упомянутого свидетельства получается, что кроме разложенной на алтаре эмблемы, имелись более мелкие, которых посвященные носили на себе: они служили показательным знаком их ереси, как христианам служил священный знак их веры (6).

Две шкатулки из старой коллекции де Блакаса (мы говорим старой, поскольку сегодня она уже рассредоточена) сделаны из известнякового камня и снабжены надписями и барельефами. На крышке шкатулки из Эссару изображен андрогинный персонаж, обладающий одновременно бородой и свисающими женскими грудями. Убранный зубчатой короной Кибелы, он поднимает обеими руками вытянутые цепи. Возле его головы находятся солнце и луна, а у его ног — череп, звезда и пентаграмма. Звезда является никак не пятилучевым светилом Пифагора, которую ученики философа должны были рассматривать каждый день на восходе как символ постоянства и чистоты, но звездой Гностиков с семью лучами, выражающими семь первых эманаций божества. Вокруг этой фигуры простирается надпись араб-

скими письменами. Шкатулка из Вольтерры несет на одной из своих больших сторон аналогичную надпись, хотя и менее полную. Наконец, тождественные надписи, по крайней мере, по словам фон Гаммера, можно прочесть на шкатулках из Имперского кабинета в Вене. Поначалу мы займемся данными надписями.

Герцог де Блакас поручил сделать с двух шкатулок литографии и отправил их фон Гаммеру, который, вспомнив о полемике, опубликовал в 1832 году подробную интерпретацию данных артефактов, где сблизил их уже с описанными им и находящимися в Вене. Согласно ему, одни и другие принадлежат к сообществам Средневековья; характер скульптур и букв предстает особенностью артефактов XIII-го столетия. Надписи, как на венских, так и на парижских предметах, представляют собой те же самые неправильности: неуверенные черты, беспорядочность слов, путаница и перестановка букв, — все это может ввести в заблуждение переводчика и открывает путь для произвольностей самых крайних интерпретаций, находящегося там. Данные недостатки фон Гаммер приписывал частично невежеству западных граверов, воспроизводивших эти надписи в соответствии с текстом, которого они не понимали (7), и частично намерению утаить истинный смысл от профанов, даже от тех, кто, умея читать по-арабски, не были посвящены в секрет учения.

Подобные испорченные надписи должны были с готовностью соответствовать тому, что от них требовалось. Итак, понадобилось для торжества бафометических фигур, чтобы андрогинный персонаж, изображенный на крышке шкатулки из Эссаруа, носил имя Мете, которое входит, по мнению немецкого ориенталиста, в состав слова *Бафомет*. Невежество гравера произвольно переставляло буквы; знание фон Гаммера их поставило на место с большей произвольностью, и благодаря всем видам усилий и сочетаний он достиг получения из надписи формулы, которую мы спешим воспроизвести и которую он вложил в уста *Мете*. Это имя представляет собой высшую значимость, поскольку является связующей нитью шкатулки из Эссаруа с Бафометом, и благодаря последнему с Тамплиерами; это имя в надписи было просто написано TE. M., будучи достигнутым только посредством прибавления одной буквы, переставляя и возвращая другие, поставив тем самым слово, изготовленное из всяких частей, на место, которого оно в тексте не занимает. Связанный с древностями ориенталист из музея Левра, коего мы упросили заняться данной надписью, считает, что она не несет в себе никакого значения, и что

в ней можно прочесть почти все, что заблагорассудится. Слова *Zonar*, завершающего восстановленную фразу, согласно правилам арабской грамматики, не существует, следующее за ним только в воображении фон Гаммера, и оно здесь то же самое, что и слово Мете.

Как бы то ни было, вот смысл, приписываемый надписи: «Пусть Мете, заставляющая произрастать, будет превознесена! Наш источник — это я с семью другими. Ты, кто отрекаешься, стань нечестивым распутником» (8). Надпись шкатулки из Вольтерры содержит лишь часть этой формулы, тем самым представляя собой неполное средство подтверждения. Но справедливости ради скажем, что на нескольких сосудах и шкатулках из Имперского кабинета Вены обнаруживаются надписи, почти подобные надписи со шкатулки из Эссаруа, правда, все некорректные, все представляющие опущения и перестановки букв, все несущие те же самые вольности в интерпретаци, все пораженные теми же самыми подозрениями.

Поклонение божеству, заставляющему произрастать землю (9), отречение, приглашение к самому постыдному разврату, в чем на самом деле обвинялся Орден, дозволяя его своим членам, — вот соответствия, которые обнаружил австрийский ориенталист между этой формулой и ересью, вменяемой Тамплиерам. Он увидел в ней пародию на христианское песнопение: *Cantate laudes Domini*. В действительности арабское слово, соответствующее латинскому слову *cantate* читается внизу андрогинной фигуры, изображенной на крышке шкатулки из Эссаруа, и формула предваряется словом *Yallah*, Господи! Оно и поныне на устах у всех Арабов. Значит, это слово в точности то, которое объявил Тамплиер Рамонд Рубеи, услышав его из уст начальника, когда последний лобызал подножие идола, где изображалась фигура Бафомета (10).

Но что же представляет собой божество Мете? «Оно, — отвечал фон Гаммер, — святой дух Гностиков, называемый Ахамот, София, Барбелот, Пруникос, мать, овечка, земля, Иерусалим, Огдоада, Бахомед или Бафомет, и который под различными именами является после предвечного Отца первым лицом гностической иерархии... Фигура *Софии, Ахамот, Бахомеда, Бафомета* или просто *Мете* (как отмечают надписи) вырезалась иногда на округлом рельефе, иногда в форме статуи, а иногда в барельефе, что видно на гностических шкатулках и сосудах».

Значит, Мете было сокращением от Бафомета, и эти два слова представали синонимами Софии, святого духа Гностиков. В приме-

чании и как доказательство своих слов фон Гаммер отсылает к произведению Святого Иринея Лионского «Против ересей», глава V, стр. 25. Мы имеем перед глазами этот фрагмент, где, в самом деле, ставится вопрос о Софии, последнем эоне, удалившемся от божественной Плеромы, эоне, управляющем земным миром посредством Демиурга. Хорошо! Что тут сказать? Святой Ириней в своем фрагменте никак не дает этому эону наименований Бафомета и Мете (11), и мы не находим этих названий ни в какой другой части его произведения. Что думать с тех пор об апломбе, с каким немецкий эрудит объявляет о документах, заимствованных в данной книге? Господин Миньяр из Дижона, который в двух воспоминаниях, относящихся к шкатулкам из коллекции Блакаса, взял на свой собственный счет тезис фон Гаммера, ничего не достиг в создании правдоподобностей для дерзновений своего рискованного предшественника. Он действительно нашел в греческой мифологии богиню с именем Метис, а в теогонии неоплатонического философа Дамаския, жившего в VI-м столетии, одного персонажа, тоже называемого Метис, сына Эреба и Ночи (12); но он никак не установил, что это слово когда-нибудь являлось одним из обозначений гностической Софии, как у Валентиниан, так и у Офитов, двух главных школ, происходящих от гнозиса. Значит, весьма вероятно, что Мете вышла во всеоружии из мозга господина фон Гаммера и для нужд его системы. Надо сказать, по тем же самым причинам и о Бафомете, слове, в которое входят в качестве образующих элементов, следуя фон Гаммеру, эта фантастическая Мете и греческое существительное, обозначающее крещение.

Чтобы завершить с Бафометом, мы объясним здесь это слово, игравшее столь важную роль в гипотезах, относящихся к секретному учению Храма.

В языке Средневековья Бафомет, Мафомет, Магом, Магомет являются такими же синонимами; и они выражают не только, как думал Райнуар, имя основателя ислама; они обозначают также в широком смысле ложного бога, демона, какой-нибудь идол (13): «Девственная вера первой половины Средневековья, имевшая о культах, чуждых христианству, лишь смутные сведения, выражала *Мафометом (Maphomet), Бафометом, Бафумом (Bafum)* как бы ложного бога, которому приносились человеческие жертвоприношения». Так говорит господин Ренан (14). Отсюда баффумерия (baffumerie), магомерия (mahomerie), момерия (momerie), чтобы обозначить все суеверные и нечестивые культы и места, где эти культы практиковались (15).

Следовательно, слова, приводимые заслушанными свидетелями, как в Каркасоне, так и во Флоренции, обозначают весьма просто: голову, сделанную в виде демона. И все же, здесь необходимо различение. В устах рыцарей Бафомет не мог иметь кощунственного смысла, который их правоверные современники связывали с этим словом. Он не брался с плохой стороны, поскольку выражал идею божества, почитаемого орденом. И мы видели, что в метафизике Храма злой бог являлся не предметом ненависти или ужаса, но, наоборот, покровительствующим и помогающим божеством.

Слово *Yallah*, которое читается в показании Тамплиера Раймонда Рубеи и которое столь обосновано, является просто арабским именем Бога. Оно доказывает лишь одну хорошо известную вещь: для рыцарей Храма идол был их богом, но никак не то, что они стали посвященными ислама. Почти все существование многих рыцарей протекало в Святой Земле, и они бегло говорили по-арабски. Из показания Раймонда Рубеи можно предположить, что это было именно так. Впрочем, имелись и Сарацины в ордене Храма: секретарь великого магистра был Араб (16). Эта легкость с принятием в свой состав неверных справедливо являлась одним из тяжких мотивов подозрения, возникшего против Ордена.

Следовательно, слово *Yallah* представляется неинтересным в теме. От того, что оно встречается сразу в показании одного Тамплиера и на надписи нескольких шкатулок, это никак не позволяет заключить, что данные шкатулки являлись произведением ордена Храма. Что касается слова Бафомет, то оно не имеет того смысла, который ему приписывался; оно вовсе не состоит из двух греческих слов, обозначающих крещение и мудрость; оно абсолютно ничего не разоблачает гностического; предполагаемое гностическое божество, называемое Мете, отнюдь не входит в качестве образующего элемента в состав этого слова. Вырезанные на шкатулках и чашах, существующих в Париже и Вене, андрогинные фигуры не должны называться бафометическими. Всякая взаимосвязь между ними и фигурами, почитавшимися Тамплиерами, основанная только на соответствии наименования, незаконна и не имеет прочного основания.

Но не стоит обманываться: как бы они плохо не назывались, эти фигуры не существуют вовсе. Опровержение филологического заблуждения никак недостаточно, чтобы отмыть орден Храма от укоризны, произведя их и почитая. К ним нужно присмотреться ближе: необходимо знать находятся ли их атрибуты, их символические зна-

ки и сцены, их сопровождающие, в гармонии или в противоречии с доктриной Тамплиеров, такой, какой мы ее вывели из их показаний.

На одной из узких сторон тосканской шкатулки фигурирует ребенок, голова и руки которого свисают в объятиях смерти: два человека заняты омовением трупа, наполовину погруженного в чан. Другая сторона изображает этот труп на костре, охваченный пламенем. Один из присутствующих отворачивает голову, закрывая ее рукой жестом жалости или ужаса. Фон Гаммер не пожелал понять этот барельеф, тем не менее, очень ясный. Он видел в нем персонаж, посвящаемый в офитические мистерии, Адамита-кочегара, готовящегося к постыдным вожделениям (17). И все же сомнение кажется неразрешимым. Его тело явно изображено мертвым: голова запрокинута, повисшие руки и ноги, — все на это указывает, и подтверждает еще данную интерпретацию скульптура с противоположной стороны, отображающая очищение трупа.

Что касается шкатулки из Эссаруа, то мы замечаем на одной из ее малых сторон персонажа, одетого в иератические облачения и привлекающего к себе двух маленьких детей, один из которых стоит на крокодиле. Крылатый гений поднимает над головой другого ребенка корону и несет в своей левой руке позвоночный хребет, освобожденный от плоти. Последний персонаж протягивает верховному жрецу топор и держит в своей другой руке инструмент, который фон Гаммер считает дышлом, символом исполнительной власти. С противоположной стороны шкатулки изображен в одном из углов телец, коего жрец, кажется, держит за рога; центр занимает большая пылающая емкость, где будто бы выпекаются круглые хлеба; нагая фигура с глазами, остановившимися на емкости, по-видимому, роняет слезы.

Господин фон Гаммер не уделяет никакого внимания этой фигуре. В круглых хлебах, помещенных посреди печи, он видит поначалу гостии, которые еретики истребляют в огне после их похищения, в соответствии с обвинением, содержащимся в булле, цитируемой нами выше и провозглашенной папой Григорием IX против ереси Стадингиан. Двумя строками дальше (18) он заявляет о признании здесь «евхаристии Гностиков Средневековья». Необходимо выбирать, поскольку обе интерпретации противоречат друг другу. Если рассматриваемый барельеф изображает выпечку хлебов, предназначенных для причастия Гностиков, то он не обозначает осквернения и уничтожения гостий, похищенных у католиков.

Не притязая ничего утверждать, нам представляется трудно не сделать сопоставления между сценами, изображенными на двух узких сторонах тосканской шкатулки и теми, которые вырезаны на подобных же сторонах ее аналога. Заклание и сожжение ребенка кажутся хорошо представленными на первой, а изготовление гостий из крови и пепла жертвы — на второй. Если эта интерпретация правдоподобна, то представляет собой единственное основание для обвинений, выдвинутых церковными писателями, которые мы приводили в предыдущих главах (19). Но являются ли эти обличительные скульптуры произведением Тамплиеров, о чем думали господа фон Гаммер и Миньяр? Являются ли они, по крайней мере, произведением секты, от которой воинство Храма усвоило философские и религиозные принципы? Вот вопрос, и каким бы он сложным ни казался, мы увидим сейчас, что он не предстает абсолютно неразрешимым.

Продолжим в данное время описание шкатулок, и что мы уже знаем об их четырех сторонах.

На одной из больших сторон шкатулки из Эссаруа в одном из углов замечается статуя, возвышающаяся на постаменте. Это андрогинная фигура с длинной бородой и свисающими женскими грудями, подобная изображению на крышке шкатулки, но, в отличие от него, имеющая очень выразительные мужские половые части, которой, кажется, поклоняются два персонажа в виде собаки и кота: один из них даже касается гениталий статуи рукой. В противоположном углу изображается постыдная сцена с двумя персонажами, в которой иерофант с головой, увенчанной зубчатой короной, является главным действующим лицом. «Его рука, — говорит фон Гаммер, — занята безобразием, результат которого вроде бы падает на землю» (20). Рядом с этой группой находится нагая фигура, сидящая верхом на спине молодого тельца, приподнимающего своих задних ногах. Противоположная большая сторона той же самой шкатулки аналогично представляет две различные сцены: нагой мужчина, удерживаемый на открытой печи другими равно обнаженными персонажами, тогда как с другой стороны, — две плохо одетые фигуры, как и их соседи, омывают и очищают мертвого тельца; второй телец или скорее юный бычок, поскольку уже видны рога у животного, схвачен последним персонажем, держащим его в своих руках.

Вот то, что касается больших сторон бургундской шкатулки; перейдем теперь к рассмотрению тосканского артефакта. Здесь четко виден телец или бычок, играющий главную роль. Одна из сторон по-

казывает животное, поставленное на алтарь и окруженное почитателями: все в состоянии полной наготы. Двое из них коленопреклоненные; третий подносит богу корону; последний держит в одной руке свиток, на котором нарисована птица, а в другой крест-анх — истинный гностический ключ и символ божественной жизни, по словам фон Гаммера (21). На другой стороне основным мотивом служит жертвоприношение животного, являющегося либо бычком, либо скорее буйволом, судя по форме рогов. Животное, стоящее на своих задних ногах, находится в руках приносящего жертву, зажавшего его между своих ног и перерезающего ему горло, поднимая рогатую голову к небу: струя крови сочится из горла животного и собирается в вазу. Вверху над его головой скульптор изобразил картуш, содержащий арабскую надпись, где фон Гаммер видит усеченное воспроизведение надписи, выгравированной на шкатулке из Эссаруа.

Те, кто знакомы с памятниками митраизма, несомненно, признают аналогию, существующую между этой последней фигурой и несколькими из изображений, описанных господином Феликсом Лажаром (Félix Lajard) и представляющих Митру, своими руками приносящего в жертву тельца, который всегда с головой, задранной к небу: положение, выражающее совершаемое заклание великим богам (22). Они знают, что, согласно митраистской доктрине, самое достойное жертвоприношение Ормузду было заклание жизни. Это и есть в действительности жертвоприношение жизни, которую на нескольких памятниках, интерпретированных Лажаром, Митра приносит в жертву верховному богу под символом тельца, животного, чье имя *gueie* имеет двойной смысл жизни и тельца.

Представляется вполне закономерным увидеть вместе с фон Гаммером на барельефах, о коих идет речь, следы доктрины митраизма, особенно если задуматься, что на восьми сторонах, целиком образующих боковые стенки обоих шкатулок, телец изображен не менее пяти раз.

Но это не все; какой бы она ни была секта, выразившая свой религиозный символизм на шкатулках, она, вероятно, образовывала смешение обрядов мистерий Митры и Офитов, одной из главных гностических сект. Этот важный факт обладает сам по себе не меньшей вероятностью, чем первый. На самом деле, шкатулки подобного рода, как и артефакты из коллекции де Блакаса, существуют, о чем мы уже говорили, в Имперском кабинете Вены и были описаны фон Гамером в его воспоминаниях о Бафомете, включенных в VI-й том

Каменоломен Востока. Они принадлежат к тому же самому семейству, как и те, о которых мы говорим, поскольку, как на одних, так и на других, мы видим андрогинную фигуру в убранстве Кибелы, поднимающей вытянутые цепи, которая является вместе с тельцом наибольшей характеристикой всего того, что мы на них замечаем. Но венские шкатулки, в отличие от тех, что потеряла Франция, несут на себе сцены, явно вдохновленные офитизмом. На них видим: крестанх, обмотанный змеей; нагих женщин, обвитых змеями и играющих с ними; наконец, оргии, где змея исполняет главную роль. Совершенно правдоподобно, что эти обряды и символы идут от Офитов и, следовательно, от указанного сближения, когда секта, создательница артефактов, сплавила и сочетала в себе определенные офитические обряды с другими, заимствованными у культа Митры. Мы подытоживаем здесь, ища для них вящей ясности и вящей правдоподобности, к которой они только восприимчивы, идеи, выраженные фон Гаммером по данной теме.

Но какая точно секта произвела этот синкретизм, и можно ли установить, что Тамплиеры позаимствовали мифологию этой секты? Именно здесь становится сложно следовать за фон Гаммером в его умозаключениях и даже согласовывать это с ним самим.

Секта, о которой идет речь, была гностической и даже офитической: мы охотно соглашаемся с данным первым пунктом, на чем теперь будем основываться даже с большей силой, чем это делал знаменитый немецкий ориенталист. Мы кем являются эти таинственные сектанты, образовавшие свой культ из такого сложного синтеза? Предстают ли они Адамитами, Каинитами, Друзами, Езидами? Господин фон Гаммер плывет между всеми этими религиозными партиями, не останавливаясь ни на одной. Что же касается нас, то мы исключим поначалу Адамитов и все подобные секты, вышедшие из школы Карпократа, а именно: *Барбелонитов, Продикиан, Фибионитов, Архонтиков*; по причине, смысл которой станет сразу же понятен: в школе Карпократа не обнаруживается почти ни одного заметного следа сизигий, эонов и доктрины эманаций. Нельзя ли также удалить Друзов, пускай их религиозная доктрина и обладала удаленным подобием с учением Гностиков? В религии Друзов семь министров Хакема образуют вместе с Хамзой, его верховным понтификом и его единственным непосредственным творением, некое подобие огдоады, напоминающей огдоаду гностицизма. Больше того, друзы почитают своего бога под видом тельца или буйвола — символизм, который, кажется, выражен

на одной из больших сторон шкатулки из Вольтерры. Наконец, друзская религия, по крайней мере, в своих началах позаимствовала нечто из кровавых предписаний и постыдных нравов своего основателя, наиболее свирепого и порочного из деспотов. Но Друзы, о чем мы уже говорили (23), являются монотеистами; а мы, в основном, соглашаемся признать, что религиозный дуализм четко выражен на шкатулках и на иных подобных артефактах андрогинностью божества, которое видим там изображенным.

Возможно, стоит искать решение проблемы у сект, которые ведут свое первоначальное происхождение от Мардаитов? Припоминается, что этот народ, о котором мы говорили в третьей части исследования, обитал изначально в странах на север от Каспийского моря, откуда был переселен греческими императорами в горы Ливана и Месопотамии; он и является, согласно фон Гаммеру, общим источником, откуда происходят Друзы и секты, не подчинившиеся их религиозной реформе, в частности Езиды, живущие еще на высотах Джуди и древней горе Изале. Эти племена равно почитают фигуру тельца, и поскольку данный культ у них общий с Друзами, необходимо заключить, что он предстает первоначальным фактом, восходящим к Мардаитам, возможным заимствованием, сделанным отдельной персидской сектой, рядом с которой обитал оный народ изначально. Господин де Саси на самом деле полагает, что эмблема тельца отнюдь не персонификация человечества Хакема, основателя нынешней религии Друзов, и что она намного древнее этого халифа (24). Секты, о которых идет речь, остаются дуалистическими: они признают одинаково два необходимых начала, равно вечных, но воздающих особое почтение злому началу: их отвратительная мораль предстает естественным следствием этой доктрины. Эти племена находились с раннего времени в контакте с *Каинитами*, наиболее порочной сектой, вышедшей из школы Офитов и, как известно, имевший большой успех в Сирии с IV-го столетия (25). Объявившие себя врагами моисеевых доктрин, Каиниты выступали в качестве мстителей за всех тех, кто был наказан Богом Евреев — Каина, Хама, Дафана, Авирона, обитателей Содома и Гоморры (26). Эти жертвы для них являлись истинным семейством Софии, врагами гордыни и установлений демиурга Иеговы. Именно для освобождения начала света, плененного в человеке, они предавались самым чудовищным извращениям. Итак, возможно, что культ злого начала был введен у сект Джуди Каинитами, смешавшись в этих

сектах с культом огня и светил, с поклонением солнцу и половым частям женщины, которые составляли первоначальную основу их верования.

Но это лишь чистая гипотеза. Остается достоверным то, о чем мы уже говорили в третьей части нашего исследования: доктрина этих сект представляет существенные различия по сравнению с учением Тамплиеров, происходящие, главным образом, из того, что у последних не обнаруживается никакого намека на культ светил. Здесь уже пребывало сильное указание на то, что орден Храма никак не заимствовал фундаментальные верования из этих сект, и что, следовательно, артефакты, где считаются признанными их обряды, отнюдь не являются его произведением. Напомним по данной теме, что его идол не имеет ничего общего с тельцом Друзов и уж тем паче с бычком митраизма; и что все свидетельства согласны с приписыванием ему формы и лица человеческой головы.

---

(1) Coll. des doc. inéd., *Proces français*, t. II, p. 248.

(2) DUPUY, *Condamnation des Templiers*, edit. de 1713, p. 94.

(3) Смотрите его примечание к *Mysterium Baphometi revelatum*, au t. IV, p. 680 de l'*Histoire des Croisades*, de Michaud. — В продолжении здесь скажем, что господин фон Гаммер никогда не обращался к доводам Райнуара: он настаивал на своем мнении вплоть до смерти, произошедшей в ноябре 1856 года, и даже обосновывал его несколькими новыми аргументами, содержащимися в воспоминаниях, помещенных в 1855 году в *Воспоминаниях Академии в Вене*.

(4) M. MIGNARD, de Dijon, *Monographie du coffret de M. le duc de Blacas*, Paris, Dumoulin, 1852, in-4, p. 21. — Это не входит в наш план, о чем мы уже говорили, рассматривать, имел ли орден несколько степеней посвящения, поскольку этот пункт покрыт неясностями и имеет лишь косвенное отношение к решению главного вопроса: тем не менее, скажем, что по данному вопросу мы склоняемся к утвердительному ответу.

(5) *Respondit quod erat quasi grossitudinis capitis humani.* Proces français, t. I, p. 190. — Человеческая голова в строгом смысле могла содержаться в шкатулке из Эссаруа, крышка которой выпуклая и приподнятая приблизительно на два дюйма.

(6) Мы уже говорили, что третий свидетель из Флоренции Гвидо де Чиччика дал показание, что прецептор дома Святой Софии в Пизе имел у себя голову, которой поклонялся. Значит, кроме маленьких идолов, носившихся на себе, посвященные обладали у себя другими, являвшимися большего размера.

(7) Во время чтения настоящего исследования перед Академией надписей (заседание от 20 ноября 1869 года) господин де Лонперье (M. de Longpérier)

напомнил, что кабинет медалей Имперской библиотеки располагает двумя статуями из алебастра, снизу которых имеются арабские надписи, представляющие собой аналогичные некорректности и неясности, вследствие невежества западных граверов и из-за текста, который они не могли прочитать.

(8) Эти последние слова далеки от передачи буквального перевода слов *tiz zonar*, коими завершается или предположительно завершается надпись. *Tiz* это грубое слово в Сирии и Египте, соответствующее греческому prōktos; это бранное слово, входящее в ругательство, часто употребляемое в вышеуказанных двух странах. Впрочем, вот, исходя из самого фон Гаммера, смысл надписи на латыни со словом tiz, передаваемом по-гречески*: "Exaltetur Mete germinans! Stirps nostra septem et ego fuere: tu renegans reditus prōktos fis"*. Согласно Thesaurus Graecae linguae (Henri Estienne, édit. Didot, t. IV, col. 2131), prōktos обозначает собственно: *anus, podex, nates*; но здесь слово имеет особенный производный смысл: prōktos является потворством к педерасту.

(9) Припоминается, что Тамплиеры приписывали своему идолу могущество заставлять цвести деревья и произрастать землю (Статьи 56, 57 обвинительного акта).

(10) RAYNOUARD, *Monuments*, p. 291.

(11) Вот фрагмент текста, заимствованный в самом переводе, который служил фон Гаммеру, édition Mossuet: *"Hanc autem matrem et Ogdoadem vocant, et Sophiam, et Terram, et Hierusalem, et Spiritum Sanctum et Dominum masculiniter"*. Нет ни слова Бафомет, ни слова Мете. — Мы не можем оспаривать здесь все другие имена, которые фон Гаммером даны Софии от ее начальника и под прикрытием Святого Иринея. *Barbeloth* являлась душой мира для маленькой секты, происходящей от Карпократиан, у которых сектанты узурпировали наименование Гностиков. Что касается *Prounikos*, то мы встречаем это имя у Святого Иринея только в главе, касающейся данной секты, называемой Барбелонитами: *"Deinde ex primo Angelo, qui adstat Monogeni, emissum dicunt spiritum sanctum, quem et Sophiam et Prunicum vocant"* (Lib. I, ch. XXIX, p. 308). В большой гностической секте Валентиниан София на самом деле тоже называлась *Prounikos*, но это сообщается не от Святого Иринея, но от Оригена и особенно Святого Епифания (Adv. Haeres., lib. I, t. II, ch. XXXI, édition PETAU). Последний автор объясняет, что имя *Prounikos* подразумевала идею вожделения и разврата (Lib. I, t. II, p. 72). — Смотрите по данному вопросу превосходную статью Альфреда Мори (Alfred Maury), озаглавленную: *La Veronique* в его *Croyences et légendes de l'antiquité*, p. 338 etc.

(12) M. MIGNARD, *Suite de la monographie du coffret de M. le duc de Blacas*, p. 10, Paris, Dumoulin, 1853; Vacherot, Hist. crit. de l'Ecole d'Alexandre, t. II, p. 393.

(13) Смотрите DUCANGE на слово *Mahumerie*, и Roquefort на слово *Mahommet*.

(14) *Etude d'hist. relig.*, 3e édit., p. 223. Хроника, ложно приписываемая Тюрпену, и кажется появившаяся в XI-м столетии, рассказывает, что Карл Великий не осмелился уничтожить золотой идол *Магома* из-за страха, что он заключал в себе легион демонов.

(15) Читаем в *Grandes chroniques de France*, édit. Paulin Paris, в статье 9 об обвинениях, выдвинутых в 1307 году: «Всякий Тамплиер подпоясывался или стягивался вервием, которое находилось в их *магомерии*».

(16) Смотреть GROUVELLE*, Mémoires historiques sur les Templiers*, p. 289, note, а также *Proces*, t. II, p. 299 et passim.

(17) *Mémoire sur deux coffret gnostiques du moyen age*, p. 21.

(18) *Ibid*., p. 23.

(19) Смотрите главу III второй части.

(20) *Mémoire sur deux coffret gnostiques du moyen age*, p. 22.

(21) *Ibid*., p. 21.

(22) *Recherches sur le culte public et les mysteres de Mithra*, par M. Félix LAJARD, p. 660.

(23) Смотрите третью часть этого исследования, главу I.

(24) *Mémoire sur le culte que les Druses rendent a la figure d'un veau*, au t. III, p. 117 des *Mémoire de l'Acad. des inscriptions*.

(25) M. MATTER, *Hist. crit. du Gnosticisme*, t. II, p. 176.

(26) *Ibid*., p. 171.

III. ПОЧЕМУ ШКАТУЛКИ НЕ МОГУТ БЫТЬ ОТНЕСЕНЫ К ТАМПЛИЕРАМ. — ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ГНОСТИЦИЗМА ТАМПЛИЕРОВ

Мы поспешили выйти из этих неясностей и высказать по теме артефактов, предметов стольких прений, некоторые четкие идеи, способные прояснить, если не вопрос их происхождения, то, по крайней мере, их принадлежность к ордену Храма.

В действительности мы не считаем, что необходимым предметом этого исследования было точное определение, какая секта символизировала там свои религиозные идеи. Нам достаточно доказать, что произведенные ей шкатулки несут неоспоримые следы гностицизма и доктрины эманаций, и что ничего не разоблачает в ордене Храма практику этой доктрины; и он не может быть обвиненным в авторстве скульптур, которые ему вменяют, и от которых посредством логической ошибки и особого переворачивания идей утверждался вывод о его религиозных верованиях.

Из всех изображений, вырезанных на двух шкатулках, наиболее значимой является фигура, украшающая крышку шкатулки из Эссаруа. Помещенная таким образом одной и без другого сопровождения, кроме своих атрибутов, сверху над ансамблем сцен, разворачивающихся на боковых стенках, она служит им связью и объяснением; она является итогом и как бы ключом свода всей религиозной системы, которую развивают эти сцены. Мы видим, что та же самая фигура, окруженная почитателями, проявляется поставленной на постаменте в углу одной из больших сторон той же шкатулки; она равно существует на нескольких шкатулках из Имперского кабинета Вены, где кажутся изображенными офитические мистерии.

Значит, если есть удостоверенный и признанный факт всеми, кто изучали совокупность этих артефактов, то он заключается в следующем: данная фигура является самим выражением и наиболее значимым символом гностицизма. Она андрогинна, ибо имеет сразу бороду и висящие женские груди; она имеет более выраженные половые части, которые в различных подобных фигурах иногда мужские, иногда женские. У подножия фигуры, выделяющейся выпуклостью на крышке шкатулки из Эссаруа, находятся череп, звезда с семью

лучами и пентальфа, образованная из двух совмещенных треугольников. Вверху над головой мы видим солнце и луну, и с каждой из ее воздетых рук ниспадает вытянутая цепь. Все это признано гностическим: цепь символизирует род эонов, вышедших в эманациях от творца. Другой не менее правдоподобный факт: это андрогинный персонаж, говорящий в надписи, значащей: «Наш источник это я с семью другими». Эти слова равно читаются на аналогичных надписях Имперского кабинета Вены и предстают одними, смысл которых был почти определен: они подтверждают законность отнесения шкатулки к гностической школе. Они устанавливают знаменитую огдоаду, фундамент всей гностической теогонии, одновременно являющуюся основой теогонии Офитов.

Здесь необходимы несколько коротких объяснений об этих двух доктринах и об их корневых различиях с учением Тамплиеров.

Гностическая теогония покоится на этой главной идее, что существующая пустота между абсолютным Существом и материальным миром была заполнена серией эонов или сверхъестественных существ, происшедших в эманациях от несотворенной сущности. Эти божественные эоны, эти последовательные обусловленности верховного Бога, разворачиваются по два, когда каждый мужской эон, имея с рядом собой женский эон, им восполняется: закон пар или сизигий является универсальным законом существования и жизни; вот почему каждая пара может изображаться в виде существа, объединяющего два пола, андрогинного персонажа (1). Верховный Бог, *бездна, Bythos*, обладает лицом только своей спутницы, женское имя которой по-гречески обозначает *безмолвие*. Это высшая из сизигий. Первый эон, рожденный от Bythos и Безмолвия, есть Разум, мужской эон, спутница которого Истина; вторая пара, вышедшая от Бога, включает в себя *Глагол* и *Жизнь*; третья — *Человека* и *Церковь* или *Святой Дух*. Такова первая серия божественных эманаций, верховная огдоада, божественная *плерома*. Вторая серия образуется от эонов, порожденных силами либо отделившимися от Плеромы, либо соединенными с ней. Последним эоном предстает София, дольняя премудрость. Именно София, создавшая земной мир, смешивает чистую материю и дух, копируя очень несовершенно образ, уже сам по себе весьма несовершенный. Этот мир, ничтожное отражение божественного образца, валентинианские Гностики назвали произведением бога в безумии. К счастью, первородный от Бога, Разум направил своего Христа и его дух, чтобы восполнить беспомощность Софии и открыть людям их

несчастное падение. Премудрость сама по себе, приведенная Христом к своему небесному происхождению, становится посредником, которую использует этот последний, чтобы привязать всех чувственных существ к миру эонов (2).

Таковым является в очень сжатом обзоре гнозис Валентина, учившего в 140 году от Рождества Христова, школа которого была самой цветущей из всех школ, порожденных гностицизмом. Школа Офитов, чье существование явилось ненамного более долгим, видоизменила эту доктрину, введя в нее элементы, заимствованные у Сабеян и Манихеев. В этой связи по-особенному припоминаются эмблемы данной школы, узнаваемые на артефактах, приписываемых Тамплиерам.

Гностическая София, легко искаженная, играет большую роль в этой системе. От союза верховного Бога, *Bythos* с *Мыслью*, рождается совершенное существо, *Христос*, носящий также имя *Мужа* и *Правой стороны*, и несовершенное существо, которое соединяется с Христом и обозначается под именами *Человека-женщины*, левой стороны, *Prouneikos* и Софии-Ахамот. Эта последняя дает рождение демиургу Йалдабаофу, сообщая ему силу творить. Йалдабаоф повторил в своей низшей сфере творческую работу верховного Бога. Он дал рождение ангелу, ставшим его образом, который произвел второго, и последний произвел третьего — и так до шести. Эти шесть ангелов, соединенные с Йалдабаофом и с их общей матерью Софией, образуют офитическую огдоаду, воспроизведение одного из самых древних мифов, когда-либо появлявшихся на земле: его мы обнаруживаем в первоначальной теогонии Египта, семи архангелах Каббалы, семи Амешаспентах Зенд-Авесты, глава которых Ормузд. Порвав тогда с Премудростью, своей матерью, и тем самым с высшим миром, Йалдабаоф попытался сотворить мир в себе: он создал человека, в котором тотчас сконцентрировалась борьба между этой разгневанной матерью и этим мятежным сыном, и чтобы лучше утвердить свое господство над творением, раздираемым между добрым и злым началом, он извлек из наибольшей глубины материи существо, подобное себе, облеченное вести ко злу человеческие существа. Это был *Ophiomorphos*, змеиный дух, от которого Офиты позаимствовали свое имя и которое обнаруживается обозначенным под именем *Ophis*. Он обладал телом змеи и головой льва, формой, встречающейся на многих офитских артефактах. Таково происхождение культа, воздаваемого Офитами змее. В IV-м веке епископы Халкидона и Никомедии заставали врасплох тайные собрания этих сектантов и убивали змей, предназначавшихся для церемоний.

Офиты, наподобие почти всех дуалистических сект, разделялись на две большие ветви, приняв самые противоположные направления, как в своих религиозных мировоззрениях, так и в своей морали. Одни (и эта была меньшая часть) рассматривали Офис в качестве доброго гения, исходя из того принципа, что София, его бабка, являлась гением сего естества. Они соблюдали строгую мораль и абсолютное воздержание, чтобы не разбрасывать семя света в акте порождения (3). Другие, наоборот, подчинялись древней идее, полагающей змею в соотношение с принципом зла, видя в Офисе злого гения. Согласно им, первой обязанностью *пневматиков* было уничтожить господство злого ангела, его труды, его установления, его законы. Попирая ногами все законы, человек, как считали они, оказывается над ними; он освобождает начало света, носимое в себе, он поднимается в разряд пневматиков (4).

Главными представителями этой ветви офитов были *Каиниты*, о которых мы уже говорили. Они объявили себя врагами Моисеевых доктрин, чтобы доказать свое пренебрежение ко всем иудейским законам и презрение к материи, над которой правит Иегова, потому они рекомендовали все пороки, запрещенные этим богом, все удовольствия и всякое развратное поведение. На самом деле, они предавались этому, по данным их противников, с ужасающей распущенностью, «и это, — по словам Маттера, — в насмешку над злыми ангелами, для которых они тем самым практиковали действа, оскорбляя их странными заклинаниями» (5). Согласно им, Каин являлся пневматиком, превосходным существом, обладающим высшим знанием, за которое стал преследоваться Йалдабаофом, сумевшим создать лишь несовершенный и грубый мир; и только освобождаясь от всех обретенных законов, еретики намеревались совлечь с себя иго демиурга (6).

Начиная с VI-го века Офиты, обозначенные Оригеном как пронизавшие многочисленные секты своего времени, больше не фигурируют в истории. Тем не менее, они продолжились в школе Карпократа, наиболее характерные принципы которой очень схожи с позицией Каинитов, и от которой произошли *Барбелониты, Фибиониты, Продикиане* и *Адамиты* (7), но у которой почти не обнаруживается никакого следа эоногонии и системы эманаций (8). Подобное можно сказать и о *Павликианах*, крупной партии, хотя и уничтожавшейся императорами Восточной Римской Империи, но существовавшей еще в XIII-м веке в Далмации и во Фракии: позаимствовав некоторые религиозные мнения у Офитов, Павикиане абсолютно отбросили вся-

кую валентинианскую и офитическую эоногонию (9). В свой черед, они взяли определенные из своих идей у Евхитов, одна из ветвей которых, как мы уже говорили, проповедовала мнения очень похожие на представления *Люцифериан*. Мы видим, какие взаимоотношения кровного родства соединяют все секты и насколько сложно, особенно в настоящей неясности, в коей пребывают все древние рассказы, их касающиеся, их различить и их методично классифицировать. И все же, возможно установить между ними некоторые четкие и выделяемые отличия, опираясь лишь на их основополагающие догмы.

Не сложно, например (и этот один пункт нам интересен в нашей теме), показать, насколько глубоко отличается гностическая и офитическая теогония от мировоззрения, изложенного во второй части исследования, и с которой соотносится доктрина Тамплиеров. Основу данной теогонии составляет система эманаций: это эоны, незаметно ниспадающие от несотворенной сущности парами вплоть до последних разрядов существа. Эта великая метафизическая эпопея, начинающаяся в Боге, чтобы получить развязку на земле, что сильно отличается от привычного определения катарского первоначального или умеренного дуализма. Здесь не только два бога — высший бог, начало добра; и низший бог — начало материи и зла. В Битос, верховном боге, валентинианский гностик почитает Софию, неуклюжую созидательницу и ее сына Христа, поднявшего мир из ничтожного состояния. Для гностика-офита поклонения обязательны одновременно для Битос, Софии, Йалдабаофа, создателя земного творения, и Офиоморфоса, гения зла. Огдоада, эманация, андрогинизм, — все это мифы, неизвестные Катарам.

Равно тщетно было бы искать след этого у Богомилов, образующих одну из больших ветвей катарского умеренного дуализма, или у Павликиан и Евхитов, у кого Богомилы, кажется, позаимствовали некоторые метафизические элементы. Все великолепие египетского гностицизма неведомо ни одним, ни другим; вся эта эоногония, которой Валентин был обязан старинной теологии с берегов Нила, им чужда. Единственные гностические элементы, смешавшиеся с богомильством при его контакте во Фракии с Евхитами, сводились к антропоморфизму Бога и его сыновей, к мифу о Сатанаиле и о сотворении человека и змеи, идей, вызывающих в памяти гностические концепции сирийской школы и, наконец, доктрины о воздаяния поклонения демонам (10). «Этот последний пункт, — говорит Шмидт, — несовместимый с системой, покоящейся на принципе антагонизма

добра и зла, был изначально отброшен, собственно говоря, Катарами и сохранился только Богомилами и в своем наиболее грубом значении — Люциферианами». Эти последние, несмотря на предпочтение, отдававшееся ими Люциферу, являлись просто дуалистами, и ничего не подтверждает существования в их грубой теогонии ни огдоады, ни цепи эонов.

В целом, и это точка зрения преобладающая по данному вопросу, всякая проистекающая от Катаров секта не знает учения эманаций: новейшие произведения религиозной критики установили сей важный факт (11). Между катаризмом и гностической мифологией существуют чисто случайные аналогии, далекие от обвинения в исторической преемственности: они происходят, как и аналогии с Манихеями и Павликианами, только от общности точки отсчета умозрительного построения о происхождении зла. Катарская секта и все родственные секты могли прийти сами по себе к идеям, подобным идеям гностиков; но в этих сектах, мы повторяем, нет никакого следа доктрины эманаций.

То же самое нужно сказать и о Тамплиерах. Ничто ни в актах обвинения, ни в дознаниях, составленных на эту тему, не указывает, что они исповедовали данную доктрину, и что они в ней подозревались. Из этих документов нельзя извлечь иных религиозных принципов, кроме тех, которые нам удалось узнать. Читатель уже предвосхищен, и мы попытаемся, завершая, показать ему еще яснее, что они являются смесью принципов Катаров, Богомилов и Люциферian. Поскольку эти ереси оказались чуждыми доктрине эманаций, постольку Тамплиеры не могли почерпнуть в них того, что они не содержали. Значит, предшествующее доказательство одновременно применимо, как к ордену Храма, так и к трем только что названным сектам, и делает бесполезным особое свидетельство по отношению к ордену, явившееся тогда лишь повторением.

Итак, мы пришли к заключению, что шкатулки и другие артефакты, упоминаемые в вопросе Тамплиеров, только благодаря одному тому, что несут на себе признанные следы гностической доктрины эманаций, не могли быть отнесены к ордену Храма; и по ошибке из них пытались вывести доказательство гностицизма, исповедуемого орденом, и кощунственные практики, позаимствованные у данной ереси. Если это заблуждение, в течение шестидесяти лет столько раз сбивавшее с пути критику, теперь вычеркнуто из истории, то нам, возможно, простится достижение этого результата на бесплодном и слишком долгом пути, несомненно, по желанию читателя, несмотря на наши усилия,

чтобы его сократить. Прежде чем строить — необходимо расчистить площадку; и эта необходимая предварительная работа требует зачастую больше времени и усилий, нежели само произведение.

Завершая данный вопрос, добавим здесь некоторые размышления, представляющие определенное значение. Несомненно, надписи, выгравированные на шкатулках из Эссаруа и из Вольтерры, выявляют невежественную руку граверов, копировавших то, что не понимали, но этого недостаточно, чтобы доказать, что артефакты исполнялись в Европе, и что они не являлись произведением гностической секты. Весьма правдоподобно, что, как в Иерусалимском королевстве, так и в Латинской империи Константинополя, было достаточное количество граверов, равно невежественных в арабском, как и тех, кто тогда жил на Западе. Больше того, на самом ли деле эти шкатулки принадлежат к XIII-му столетию, о чем думал фон Гаммер? Но не будет ли также обоснованным их относить к XIV-му столетию? Вопрос, который, быть может, станет можно прояснить исследованием отмеченных здесь надписей в сопоставлении их с надписями на двух статуях из алебастра из кабинета медалей, о котором мы говорим выше в примечании, и с аналогичными надписями, существующими в Вене. Наконец, сам факт того, что шкатулка из Эссаруа была обнаружена на месте, вблизи приорства ордена Храма, представляется довольно слабым аргументом в пользу оспариваемого нами тезиса о принадлежности ее к ордену. Когда бы даже было установлено (что никак не выявляется), что приорство Вулена владело этой шкатулкой, то сие никак не доказывало бы, что Тамплиеры представали ее вдохновителями, символизировав на ней свои религиозные принципы. Они могли бы ее повстречать в своих заморских владениях, откуда, вероятно, идет ее происхождение, принеся ее во Францию со многими другими раритетными и драгоценными вещами, составлявшими их сокровищницу. Но это лишь предположение: равно доказательство, извлеченное из корневых различий, существующих между учением Тамплиеров и доктриной, разоблачающей шкатулки, нам, наоборот, представляется весьма прочной и вероятной.

---

(1) Смотреть V. BEAUSOBRE, *Hist. crit. du Manichéisme*, t. I, p. 582.

(2) Смотреть VACHEROT, *Hist. de l'école d'Alexandrie*, t. I, p. 215-217. Смотреть также MATTER, BEAUSOBRE и статью M. Albert REVILLE: *Saint Irénée et les Gnostiques*, *Revue des Deux-Monde* du 15 février 1865.

(3) *Hist. crit. du Gnosticisme*, t. II, p. 167, 174.
(4) *Ibid.*, t. II, p. 173.
(5) *Id.*, p. 174.
(6) *Id.*, t. II, p. 399.
(7) *Id.*, t. II, p. 400.
(8) *Id.*, t. III, p. 233.
(9) *Id.*, t. III, p. 233.
(10) SCHMIDT, *Hist. et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois*, t. II, p. 62, 266.
(11) Смотреть в особенности SCHMIDT, t. II, p. 33.

СЖАТОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ УЧЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тамплиеры не являются исключением в этом великом законе, управляющем существованием человеческих обществ и индивидов, законе, который можно назвать законом современности: они суть от своего времени. Чтобы объяснить их таинственную доктрину, нельзя ее корни искать в первые столетия христианства. Тесная связь сплоченности связывает ее с учениями, процветавшими и побежденными в XIII-м веке, в грозовую эпоху, когда всему зданию христианства оказалось под угрозой быть поглощенным самой чудовищной бурей, с которой Церковь когда-либо сталкивалась. Если некогда мы откроем, в чем состояла ересь, развивающаяся к 1238 году в другом военном ордене, равно светском, равно распутном, как и орден Храма — ордене Госпитальеров Святого Иоанна, то мы теперь предугадаем, что это открытие подтвердит закон, который был только что сформулирован.

Ересь Тамплиеров не является ни отдельным, ни единственным фактом в истории религиозных орденов эпохи, ни аномальным феноменом, произошедшим от самого себя и без взаимоотношений с тем, что можно назвать окружающей средой: подобные феномены производятся не больше в порядке идей, нежели в природе. Из первых глав данного исследования читатель теперь знает преемственность и фундаментальные догмы ересей, современных ереси Тамплиеров; он увидел, в чем они сближаются с предшествующими ересями, и в чем удаляются от них, и насколько это различие позволяет рассеять тьму, окружающую секрет Храма. Теперь станет достаточным несколько страниц, чтобы подытожить совокупность таинственной доктрины и определить, у какой из ересей были заимствованы ее принципы.

Прежде всего, Тамплиеры являются дуалистами: они признают два противоположных начала — одно, создателя духов и блага; другое — творца материи и зла. Это столь поверхностное умозаключение о происхождении зла представляется общим для Гностиков, Манихеев и Катаров, и мы его обнаружили в немного отличающемся виде у исмаилитских сект, состоящими в контакте с Тамплиерами. Его всеобщность легко объяснима: оно — наиболее грубое и одновременно наиболее простое решение проблем, встающих перед разумом, когда

он размышляет над конечными причинами всех вещей. Для ордена Храма именно злой бог, один создавший одушевленные существа в материальном существовании, руководит их сохранением, может способствовать обогащению своих верных и *дал земле добродетель произрастать и цвести деревьям и растениям*. Эти идеи принадлежат первоначальным Катарам. Припоминается, что слова, нами здесь запечатленные по-итальянски, сразу и почти всегда без варианта обнаруживаются в дознании, предпринятом против Тамплиеров и в расследовании, совершенном инквизицией против альбигойских Катаров. Итак, Тамплиеры все вместе признавали доброго бога, не сообщающегося с человеком и, следовательно, не имеющего символического изображения, и злого бога, которому они придавали черты идола ужасного вида. В этом они отличались от Люциферианам, поклонявшихся только демону. Тем не менее, их культ наиболее усердным образом обращается к богу зла, который один может их обогатить, наполнив орден всеми видами благ.

В метафизике ордена Храма злой бог никак не находится во вражде с верховным богом: он, наоборот, его друг, о чем говорил Тамплиер Казанас (Casanhas). Этот тезис предстает положением Богомилов: он позволяет определить, каковым было, по мнению рыцарей, происхождение злого начала. Несомненно, что по примеру Богомилов они никак не видели в нем равного верховному богу, но его старший сын, изгнанный с неба и сотворивший видимую землю и человека, был обязан прибегнуть к своему отцу, чтобы одушевить свое несовершенное произведение, и к которому, несмотря на мятеж, небесный отец сохраняет непроизвольную привязанность. Орден Храма не ставит два начала на один и тот же уровень: для него бог блага сохраняет свое верховенство и свое предшествование над богом зла, — между ними существуют взаимоотношение отца с сыном и некоторые дружеские связи. В этом дуализм Храма отличается от дуализма Исмаилитов; и благодаря чему он удаляется от дуализма Манихеев, признающих двух независимых богов, вечных, правящих двумя различными империями, врагов друг друга посредством их самого естества (1).

Тогда как чистые Катары и Богомилы верят в докетизм, в просто внешнюю и фантазийную жизнь Иисуса, тамплиеры останавливаются по данному большому вопросу на крайнем мнении Люциферианам. Потеря Иерусалима, идея, что Бог, для которого они проливали свою кровь, не смог защитить своего гроба, объясняет это глубокое падение, этот отчаянный отказ от самых дорогих верований, эти стрелы,

брошенные против Святого Гроба. Они не упали на полпути. Они достигли в броске самой крайней противоположности доктрины искупления Богом, ставшего человеком. Они не говорили совсем как Богомилы: «Иисус — второй сын Бога; он жил на земле, но только внешне, не участвуя в человеческих немощах и страданиях». Они говорили вместе с Люциферианами и с наиболее безнравственной фракцией Евхитов: «Старший сын Бога Статанаил или Люцифер один обладает правом на поклонения смертных; Иисус, младший сын, никак не заслуживает этой чести. Второй сын Божий играет на небе второстепенную роль и не влияет на участь человечества. «Нет большого дела, доверенного ему, поскольку он слишком юн» (2). Он не воплощался. Человек, явившийся в Иудее и узурпировавший его священное имя, был только разбойником, лжецом, преданным смерти не для того, чтобы искупить грехи людей, но причине своих собственных преступлений. «Человек Иисус умер лишь за свои прегрешения». Он нанес оскорбление истинному Богу, называя себя богом и царем Иудеев; но он покаялся в последний момент, и Отец небесный его простил одновременно с Марией Магдалиной». Мы увидели понимание данной ассоциации: она объясняется тем фактом, что для Люцифериан ложный Иисус был сообщником по развращенности Магдалины.

Осквернение креста, отречение от Спасителя, опущение священных слов мессы являются последствиями абсолютного отрицания божества Христа. Сами Богомилы отвергали святое жертвоприношение, определяя его закланием демонам, обитающим в храмах; они его заменяли четвертой просьбой Господней Молитвы: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Что касается креста, то Катары, в общем, не оказывали ему никакого почитания как символу христианской веры. Они говорили о том, что не понятно, как можно быть христианином и выставлять напоказ верным орудие посрамления и казни Христа: вместо того, чтобы почитать крест, надо было его ужасаться. Данное мнение распространилось в особенности у Богомилов. Тамплиеры пошли намного дальше и, как говорит один из них, они не видели в кресте ничего, кроме куска дерева, соглашаясь здесь с Люциферианами, для которых символ искупления представал только орудием справедливой казни злодея.

Секретные церемонии, ночные собрания рыцарей равно соответствуют практикам Люцифериан, устраивавших свои сборища в подземных местах, называемых ими, несомненно, иносказательно пещерами покаяния.

В церемонии *consolamentum* Катары вручали утешенному брату в воспоминание о его посвящении шерстяной или льняной шнур, которым он должен был препоясывать свое тело, и который символически назывался его облачением. Здесь символически узнавалось знаменитое вервие Тамплиеров, столько раз занимавшее воображение эрудитов.

У Катаров поцелуй мира исполнялся дважды совершенным в уста утешенному брату, передаваясь от ближнего к ближнему ко всем присутствующим (3). Отсюда, согласно всякой вероятности, происхождение первого из трех поцелуев, столько раз вменявшихся в вину рыцарям Храма. Только в контакте с метафизиком-сенсуалистом Люцифериан эти поцелуи теряют свой чистый характер: они производятся впредь не только в уста.

Тамплиеры исповедовали ошибочное мнение, что во власти великого магистра или тех, кто председательствовал на капитулах, являлись ли они людьми мирскими или нет, находилось отпускать им все их грехи, освобождая даже от тех, в которых они никогда не обвинялись либо благодаря стыдливости, либо благодаря страху епитимьи. По завершении капитула всякий, ведший его, говорил громким голосом: «За все вещи, о которых вы предпочитаете не говорить из-за стыда плоти или страха правосудия дома, я молю Бога, чтобы он вас за них простил» (4). Это сближается с обычаем Катаров, осуществлявших публичную исповедь перед собранием верных только за смертные грехи. За другие грехи один брат говорил от имени всех, и отпущение грехов подавалось в массе (5). Мы видели, что у Люцифериан исповедь производилась не перед священниками, но перед мирянами — *in genere non in specio*.

Мораль ордена Храма была следствием его метафизики, его мнений о верховенстве принципа зла. В нем состояли основами культ материи и грубый сенсуализм. Обогатить орден и, достигнув обладания благами другого, возвышать могущество и фортуну сообщества всеми средствами, честными или преступными — *per fas aut nefas*, как гласит обвинительный акт: таковыми являлись секретные предписания Тамплиеров (6). Отсюда жестокость по отношению к бедным, в чем их упрекает тот же самый документ (art. 97), их алчность, это чудовищное сокровище, принесенное из Святой Земли и состоявшее из пятидесяти тысяч золотых флоринов и серебра, нагруженного на десяти мулах. Почитавшийся ими бог был господином всех сокровищ земли, тот, который распределяет своим верным злато и вожделения. Он же

являлся богом Люциферианом, которые «стремились лишь обогащаться, обращая с этой целью свои молитвы к Люциферу» (7).

Что касается нечестивости нравов, чудовищной распущенности, предоставляемой адептам для удовлетворения своих самых грубых влечений, — все это отклонения, почерпнутые у порочной секты, видевшей в наиболее постыдных удовлетворениях плоти почтение, угодное своему богу. Мы не станем возвращаться к тому, что уже мы сказали по данному пункту. Тем не менее, здесь стоит различать следующее. Орден никогда не делал религиозного предписания из разврата: он не заходил так далеко, как Люцифериане. Но он его никак и не осуждал, пускай и не возводил в статью догмы; он его терпел, поскольку тот состоял в гармонии с его секретным культом, а также по мотиву предосторожности и безопасности, заботясь о репутации ордена: *ne ordo diffamaretur pro mulieribus*. Обязанностью было не предаваться ему, но допускать его: есть позволение, но нет принуждения. И все же, где искать объяснение этой отвратительной терпимости, этим постыдным рекомендациям попустительства, обращенных к новым посвященным братьям, если не в доктрине, что тело, чего бы ни совершало, никогда не оскверняет душу, ведь последняя сосредоточена в голове и в груди, и от пояса и ниже человек больше вовсе не согрешает? *Nullus potest peccare ab umbilico et inferius*. Разве не передает эта доктрина символический смысл трех поцелуев, которыми обменивались професс со своим посвятителем: *in ore, in umbilico et in fine spinae dorsi*? Несомненно, один здесь присутствовал для духа, сообщения с высшим Богом, другой для тела, творения Люцифера, и третий применялся к срединной точке, отделяющей область тела от области души.

Стадингиане, ересь которых представляет столько аналогий с ересью Люцифериан, имели на своих тайных сборищах статую, из которой в какой-то момент появлялся черный кот. Не здесь ли происхождение идола Тамплиеров? Последний был по преимуществу бородатым. Богомилы, по словам Евфимия, изображали мятежного сына Бога и падшего творца видимого мира в виде человека, у которого борода начинает расти. Так Тамплиер Рагонис де Ланцеис (Ragonis de Lanceis) показал, что идол, поклонение которому он видел, имел черты молодого человека (8). В символике Богомилов Бог Отец представлялся чертами старика с длинной бородой, а Святой Дух как юноша с гладким лицом. Предмет культа Тамплиеров был иногда идолом, обладавшим одной бородатой головой, иногда

другой идол имел две или даже три головы. Примечательно, что показания, касающиеся этих последних симулякров, ничего не говорят о том, были ли они снабжены бородой.

Кот, живая эмблема демона, одна из его самых обычных метаморфоз в символизме Средневековья, кот часто показывался на секретных собраниях сект, современных Тамплиерам. Булла Григория IX нас заставила увидеть, на каком уровне колдовства он соизволял появляться. Значит, мы не видим никакой основательной причины, чтобы трактовать невероятной сказкой показания, пускай не столь многочисленные, свидетельствующие о появлении этого символического животного посреди ночных собраний рыцарей и исполнявшегося ему культа.

Наконец, жертвоприношение ребенка, пепел которого служил для изготовления евхаристического хлеба, эта омерзительная церемония, о чем хроника Святого Дионисия соглашается с народной доверчивостью, и что ставится в вину ордену Храма, кажется, действительно изображенной на некоторых артефактах Средневековья. Хотя и недостаточно установлено, что эти скульптуры могли быть последующими за упразднением ордена Храма, они несут на себе очевидные знаки гностической доктрины эманаций, абсолютно чуждой ордену, а одинаково и ересям, из которых проистекает его учение. Данного факта хватает, чтобы отмыть орден от этого чудовищного обвинения, и чтобы по праву придерживаться мнения, что гностические символы и церемонии, отображенные на артефактах, ему абсолютно чужды. Что же касается полностью гностического объяснения слова *Бафомет*, имени, данного несколькими рыцарями идолу, почитаемому на их собраниях, то мы увидели, что оно ошибочное, поскольку это имя обладает очень простым смыслом, находясь в гармонии с идеей, которую орден сделал из предмета своего культа, очень отличающегося от смысла того, что ему приписали.

Читатель теперь знает в своей совокупности секретное учение Тамплиеров, его источники, узы, связующие его с гетеродоксальными сектами, существование которых смешалось с его существованием. Космогония, теогония, демонология, отношения творца с творением, обряды, мораль, — все большие элементы религиозной системы были пройдены в обзоре и в предшествующем сжатом изложении. Но что же в этой доктрине поистине оригинального и присущего ордену Храма? Ничего, кроме сочетания некоторых из образующих принципов ересей, преобладающих во время господства ордена, в частности

культа высшего Бога с культом гения зла. Значит, мы больше не вправе видеть в практиках и тайных обрядах знаменитого воинства чудовищный феномен без аналога в истории, и его ересь, соединенная с ересями, сосуществовавшими с ней, обнаруживается приведенной к общим правилам, руководящим на пути человеческого духа в развитии религиозной истории. Безусловно, отклонения Тамплиеров имели свои корни в прошлом, уже очень отдаленном прошлом от их эпохи, но корни оставались общими для всех великих и ей современных ересей: в них, как и в ереси Тамплиеров, не осталось гностицизма первых веков христианской эры, кроме того, что неизбежно обнаруживается во всякой дуалистической религиозной доктрине; и в этом качестве было бы законным возвести ересь Храма вплоть до древнего персидского дуализма, нежели признавать ее источник в началах гностицизма.

---

(1) Бособр пытался доказать обратное; но посмотрите определенные тексты Святого Августина, *Cont. Faust.*, LXXI, и MATTER, t. III, p. 78.

(2) Уже приводившееся показание Фулька де Труа.

(3) Archives de l'Inquisition de Carcassonne, copies de Jean de Doat, XXII, fol. 112, 6.

(4) *Conciles d'Angleterre*, t. II, p. 383.

(5) SCHMIDT, t. II, p. 135, 136.

(6) Смотрите статьи 98 и 99, а также признания сорокового свидетеля из Шотландии в *Conciles d'Angleterre*, p. 382.

(7) Фрагмент в продолжении Пилихдорфа о Вальденсах, приводимый господином Шмидтом, SCHMIDT, t. I, p. 140.

(8) *Cujus forma erat ad similitudinem pueri* (V. GROUVELLE, p. 78). Очевидно по ошибке МЮНТЕР и, основываясь на нем, MATTEP (t. III, p. 335) перевели эти слова следующим образом: изображение женщины. В средневековой латыни обнаруживается очень мало примеров слова *puer*, взятого в смысле *puella*.

УТВЕРЖДАЮЩИЕ ПРИМЕЧАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

I. О СЛОЖНОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ДАТЫ ДОПРОСОВ ТАМПЛИЕРОВ С ДАТОЙ ПОНТИФИКАТА КЛИМЕНТА V

Тамплиеры были арестованы в Париже в ночь с 12 на 13 октября 1307 года.

Их допрос начался спустя шесть дней после ареста. Текст этого допроса публиковался Мишле в коллекции *Неизданных документов по истории Франции* (*Documents inédits sur l'Histoire de France*, t. II, p. 277 etc.) Он начинается следующим образом:

"Pateat universis per hoc presens publicum instrumentum quod anno Domini millesimo CCC septimo, indictione sexta, pontificates sanctissimi patris et Domini Clementis, divina providencia pape quinti, anno secundo, die XIX octobris".

Во время предыдущего чтения исследования перед Академией надписей (заседание от 5 ноября 1869 года) весьма затруднительный вопрос был поставлен одним из моих ученых слушателей, умелым продолжателем одного из наиболее важных произведений Бенедиктинцев. Речь шла о том, как 19 октября 1307 года, день, когда, бесспорно, начался допрос Тамплиеров, можно было согласовать со вторым годом понтификата Климента V, избранного 3 июня 1305 года. Эта сложность оставалась неразрешенной, и мой ученый собеседник не достиг большего меня в ее прояснении. Он полагал, и я думаю, как и он, что Климент V считал лета своего понтификата либо со дня своего избрания, либо с 22 июля того же года, дня, когда в Бордо был опубликован декрет, призывавший его на кафедру Святого Петра. Это последнее и на самом деле весьма распространенное мнение имеет на своей стороне авторитет дю Шесна, который после изложения избрания Бертрана де Гота добавляет следующее: «Тем не менее, он оставался еще пребывать архиепископом до тех пор, пока ему не был предоставлен декрет об избрании... Больше того, он сохранил ту же самую печать, которой пользовался, занимая архиепископскую кафедру» (Hist. des Papes, t. II, p. 231, in-folio, 1653).

Если бы данное мнение оказалось верным, то поставленный вопрос был бы неразрешимым; ведь тогда возникала бы абсолютная невозможность согласовать две даты, выраженные в заглавии протокола допроса от 1307 года: дату обычного года и дату понтификата. 19 октября 1307 года Климент пребывал не на втором году служения своего понтификата, но скорее на третьем, если бы это датировалось днем его избрания или провозглашения.

Этот вопрос очень опосредованно касался моей темы; как бы он ни разрешился, ей он не наносил никакого ущерба. Вот почему поначалу я им не интересовался и был рад отвечать на него, предполагая ошибку написания в протоколе допроса от 1307 года. Позднее, ближе рассмотрев его, я понял, что он заслуживает довольно ясного решения; но это решение имеет последствие в появлении сомнений относительно хронологического порядка, по которому распределены многочисленные документы, относящиеся к Тамплиерам и вышедшие от Климента V и Филиппа Красивого. Классифицированы ли данные документы по порядку и с соответствующей им датой? Оказались ли послушными классификаторы ложной идее, когда одна из подписавших особ могла возвести свое правление ко дню своего избрания? Вследствие этого потрясения, не были ли они увлечены теми, кто их ввел в странные оценочные заблуждения, поскольку события оставляют заметными свои истинные причины только когда их связывают в своем естественном и нормальном порядке.

Этот второй вопрос, более общий и более важный, нежели тот, из которого он проистекает, станет предметом примечания II, из чего следует: он мог быть исчерпанным только благодаря тщательному исследованию хронологии главных актов, относящихся к упразднению ордена Храма. В данный момент я буду рад разрешить первый из них.

Редакторы протокола допроса от 1307 года отсчитывали лета понтификата Климента V, начиная не с его избрания или провозглашения, но датируя днем его коронации, имевшей место в Лионе 14 ноября 1305 года. Высчитывая подобным образом, становилось ясно, что 19 октября 1307 года был еще второй год понтификата. Он продолжался еще и в следующие заседания вплоть до 15 ноября, исключая эту дату.

Начиная с последнего заседания, отсчитывалось третье лето понтификата, и слова *“anno secundo”* должны были заменяться словами *“anno tercio”*. Чего не произошло, по крайней мере, исходя из текста,

напечатанного Мишле. Все следственные заседания от 15 ноября (t. II, p. 393), от 17 ноября (p. 401) и от 21 ноября (p. 408) 1307 года воспроизводят хронологический подсчет предыдущих, датируясь II годом понтификата.

И только когда мы доходим до последнего заседания от 24 ноября 1307 года (p. 411), наконец-то встречаем изменение в подсчете лет, когда читаем: *“anno tercio”*.

Текст, опубликованный Мишле, был тщательно сверен, чтобы обвинять в ошибке переписчика. Она заключена, вероятно, в оригинале. Но она вполне естественно объясняется обыкновением, имевшимся у писарей, воспроизводить формулу, подходившую для первых заседаний. Идя к завершению своих протоколов, они стали с большим тщанием указывать время, когда они составлялись, ставя дату понтификата в согласии с датой дня и обычного года.

Расследование, совершенное в Париже в 1309 году папскими комиссарами, пребывает в совершенной гармонии с точки зрения способа, которым оно датировано, с протоколами допроса от 1307 года. Там приводится цитата, адресованная комиссарами всем братьям ордена Храма и датированная подобным же образом: “*Auctum et datum Parisiis, die veneris ante festum beati Laurencii, anno Domini CCC nono, indictione septima, pontificates predicti Domini nostril summi Pontificis* anno quarto” (*Proces des Templiers*, t. 1er, p. 14). Пятница перед днем Святого Лаврентия (8 августа) 1309 года Климент V пребывал на четвертом году своего понтификата, если его отсчитывать от 14 ноября 1305 года.

Исполняя так, как они это делали, редакторы протоколов дознаний от 1307 и 1309 гг. сверялись с обычаем, принятым Климентом V для даты своего служения. Не будучи повсеместным, этот обычай не представляется присущим только данному суверенному понтифику: другие папы ему тоже следовали. Авторы *Искусства сверять даты* говорят по этому поводу: «Климент V, как и многие другие папы, отсчитывал лета своего понтификата только с дня своего коронования. Впоследствии, когда папы издавали буллы до своей коронации, они их датировали: “a die suscepti a nobis apostolatus officii” (*Art de verifier les dates*, t. 1er, p. 314, édit. De 1783). Такое же мнение принималось и воспроизводилось господином Наталисом де Вэйи (Natalis de Wailly) в его *Элементах палеографии* (*Elements de paleographie*, t. 1er, p. 281).

Следовательно, в протоколах допроса от 1307 года присутствует ошибка о годе понтификата только для трех заседаний. Добавим, что

есть ошибка и в годе индиктиона. Мы можем увидеть там, что в заглавии следствия написано: *indictione sexta*. Но должно быть: *quinta*.

В действительности, индиктион является пятнадцатилетним периодом, и наиболее общее мнение (поскольку присутствуют и другие) выводит первый индиктион от 1 января 313 года. Чтобы сверить, какой год индиктиона соответствует году христианской эры, необходимо вычесть 312 лет христианской эры и разделить на 15 результат вычитания (1). Итог будет числом искомого года. Итак, из 1307 года сначала должно отнять 312, когда останется 995; это число, разделенное на 15, дает коэффициент 66, который является текущим индиктионом в 1307 году, и в остатке больше числа 5. Значит, в 1307 году был 5-й год, но никак не 6-й год, 66-го индиктиона.

Это верно, и ошибка редакторов протоколов процесса на данный счет столь очевидна, что в вышеприведенном цитировании, последующем двадцать второму месяцу на процессе от 1307 года, читается: *indictione septima*. Одной точной даты хватило бы, чтобы доказать ошибку, о которой идет речь, ведь нельзя быть в октябре 1307 года в 6-м году индиктиона, а в августе 1309 года находиться на 7-м году его же.

Но подобные ошибки были общими во все времена (2), и это никак не влияет ни на точность, на согласование двух других дат процесса: даты обыкновенного года и даты года понтификата. Я повторяю, что между двумя вышеупомянутыми датами совершенное соответствие, если это принимается вместе с Бенедиктинцами и противоположно мнению дю Шесна, отсчитывавшего лета понтификата Климента V со дня его коронования.

Итак, отсюда достоверный факт, на мой взгляд, чем подтверждаются многочисленные документы, которые объясняются и согласуются лишь благодаря его принятию. К несчастью, он, кажется, остается неизвестным многим историкам и эрудитам. Мой ученый собеседник из Института мог по праву тысячу раз сказать, что всякая хронология фактов, относящихся к осуждению Тамплиеров, подлежит еще установлению.

Эта хронология станет предметом нашего следующего примечания. Я смог убедиться, в чем способен убедить остальных, что по причине несоблюдения правила, изложенного и относящегося к точке отсчета понтификата Климента V, весьма известные авторы предельно перепутали местами порядок некоторых документов и некоторых фактов. Те, кто в будущем напишут историю правления Филиппа Красивого,

возможно, извлекут определенную пользу из моего скромного труда, и им будет легче, следуя по тому же самому пути, удостоверить и исправить дату всех других понтификальных актов Климента V.

---

(1) N. NATALIS DE WAILLY, *Elem. de paléographie*, t. Ier, p. 73.
(2) *Ibid.*, t. Ier, p. 246.

II. ХРОНОЛОГИЯ ГЛАВНЫХ БУЛЛ И ПИСЕМ КЛИМЕНТА V, ПИСЕМ ФИЛИППА КРАСИВОГО И ДРУГИЕ ЧАСТИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К УПРАЗДНЕНИЮ ОРДЕНА ХРАМА

В предыдущем примечании стало видно, что Климент V отсчитывал время своего понтификата не с 5 июня 1305 года, дня своего избрания, но с 14 ноября того же года, дня своего коронования.

Я сказал, что обязан честью этого, слишком мало известного и противоположного наблюдения мнению Андре дю Шесна. Этого я не обнаружил ни в одном произведении, предшествующем *Искусству сверять даты*, книги, первая редакция которой появилась в 1750 году, и которая достигла своей окончательной формы только в 1783 году. Значит, не стоит удивляться, что дю Пюи, издавший в 1654 году первую версию своей *Истории осуждения Тамплиеров*, совершил многочисленные ошибки, связанные с датами, установленными им для актов Климента V. Писатель предполагал, что этот папа отсчитывал лета своего понтификата, начиная со дня своего избрания, как это получается во многих местах хронологической таблицы, присоединенной им к своей *Истории спора между папой Бонифацием VIII и Филиппом Красивым* (*Histoire du differend d'entre le pape Boniface VIII et Philippe-le-Bel*, pp. 10, 11, 12, édit. in-folio de 1655).

В томе II своей *Жизни Пап в Авиньоне*, книги, опубликованной в 1693 году, Балюз привел ряд документов, исходящих от Климента V и Филиппа Красивого. Он их расположил в порядке, казавшемся ему наиболее логичным, имея привязку к месту, где они датированы, и в соответствии с последовательностью, в какой они представляются, и предполагаемым порядком фактов.

Это необходимо рассмотреть ближе, прежде чем осмелиться противоречить человеку подобного знания и подобного авторитета. Тем не менее, мне удалось это сделать для определенного числа документов; я их поставил на место, которое мне представляется более целесообразным, чем то, что им выделил Балюз, на место, устанавливаемое действительной их датой, счисленной в соответствии со способом, коим Климент V отсчитывал лета своего понтификата. Впрочем,

всякий раз, когда я производил замену подобного рода, я приводил свои доводы, которые читатель сможет уточнить.

Почти все историки, трактовавшие об отношениях Филиппа Красивого и Климента V, об упразднении ордена Храма или о процессе, возбужденном в память Бонифация VIII, принимали, не сверяя, даты Лабба (Labbe) и дю Пюи, а особенно Балюза. Тем самым пунктуальный и здравомыслящий Флёри, неоднократно презираемый за подлинную дату некоторых документов, в итоге явно пришел к перестановке фактического порядка. И хотя из всех церковных историй его наиболее ясная, наиболее добросовестная и наиболее основанная на доказательствах, тем не менее, многие писатели ему закрыли глаза, воспроизведя свою классификацию событий. К счастью, присутствовали в двух великих событиях понтификата Климента V определенные реперные точки, позаимствованные в иностранных актах и у римской канцелярии, не позволившие историкам полностью заблудиться. Посему они ошибались лишь во второстепенных фактах и деталях. Тем не менее, эти второстепенные факты и детали обладают своей важностью, и расставить их по истинным местам является единственным средством хорошо понять последовательность и связь событий.

Именно с данной целью была составлена нижеследующая хронология.

1305 год, *14 ноября*. — Бертран де Гот коронован в Лионе в присутствии Филиппа Красивого; дата этого дня — отсчет первого года его понтификата.

15 декабря. — BALUZE: Vitae paparum Aven., t. Ier, pp. 63, 626. Папа рукополагает новых кардиналов, среди которых Беренгарий де Фредоль, епископ Безье, утвержденный священно-кардиналом с титулом Сен-Нере и Сен-Ашиль, и Стефана де Сюси (de Susy), утвержденного священно-кардиналом с титулом Сен-Сириак. Оба сыграли роль в переговорах, связанных с делом Тамплиеров.

1306 год, *1 февраля*. — RAYNALDI, *Annales ecclesiastici*, t. XV, ann. 1306, № 1er. Отмена буллы *Clericis laicos*, запрещавшей королю Франции взимать деньги с духовенства. Эта отмена являлась одним из условий согласие Филиппа на избрание Климента V. *Datum Lugdini kal. feb*. Год понтификата не обозначен.

8 июня. — RAYNALDI, an. 1306, 12. Письмо, в котором папа требует у великих магистров Храма и Госпиталя прибыть к нему на совещание по вопросу защиты Святой Земли и помощи, запрашиваемой от королей Кипра и Армении.

5 ноября. — BALUZE, t. II, col. 76. Письмо Климента Филиппу Красивому. Папа болен; он объявляет королю о направлении к нему двух ранее назначенных кардиналов Беренгария и Стефана, облеченных рассматривать с ним определенные важные дела. В то же самое время они передадут ответ папы по поводу встречи, предложенной ему Филиппом. *Datum apud Pessacum prope Burdegalam, nonis novembris, pontificatus nostril anno secundo*.

Это письмо помещено Балюзом среди писем 1306 года и на основании того, как это доказывают рассматриваемые им факты. Из-за способа, которым оно датировано, письмо отличается от всех других следующих за ним писем. 5 ноября 1306 года папа не мог быть на втором году своего понтификата, кроме как если считать со дня его избрания. Должно ли полагать, что он применил лишь впоследствии к этому письму свой определенный способ датировки актов или даже нужно допустить, что копиист написал по ошибке *nonis novembris* вместо *nonis decembris*? Последняя гипотеза не представляет ничего невероятного, поскольку Климент находился в Пессаке еще в феврале 1307 года.

14 ноября. — В этот день начинается второй год понтификата, исходя из коронования.

1307 год, *9 февраля*, новый стиль: Святая Пасха выпадает на 26 марта. — BALUZE, t. II, col. 90. Письмо папы королю Франции на тему согласованной между ними встречи. *Datum apud Pessacum, V id. Februarii, pontificates nostril anno secundo*.

По Балюзу за ним следуют два других письма, касающиеся той же самой встречи.

10 марта. — BALUZE, t. II, col. 95. Письмо папы королю. Климент напоминает, что планируемая встреча состоится в Пуатье. *Datum Burdegalis, VI idus martis, P. N. anno secundo*.

17 марта. — BALUZE, t. II, col. 96. Письмо Климента королю. Он вынужден по состоянию здоровья отсрочить встречу: он будет ждать Филиппа в Пуатье 6 или 7 апреля. *Datum Baenioe Xantonensis diocesis, XVI kal. aprilis, P. N. anno secundo*.

Встреча была перенесена, и король выдвинулся в Пуатье только на Святую Троицу, отмечавшуюся 14 мая. Смотрите Villani у Muratori, *Rerum ital.. scriptores*, t. XIII, col. 427.

1 июня. — RAYNALDI, an. 1307, 10. В результате состоявшейся с королем встречи папа налагает отлучение, выдвинутое против обвинителей Бонифация VIII. *Datum Pictavii, kal. junii, pontificatus nostri anno secundo*.

По совету кардинала де Прато, и дабы избежать требований короля, папа решился созвать собор в Вьенне, на суд которого выносилось осуждение памяти Бонифация VIII: этот же собор одновременно постановил о деле Тамплиеров.

24 августа. — DU PUY, *Hist. de la cond. des Templiers*, p. 104, édit. de 1713. Булла, обращенная к Филиппу Красивому. Папа с трудом верил всему тому, что говорилось о Тамплиерах; но великий магистр и несколько сановников ордена сами требовали расследования. Вследствие чего, через несколько дней он выдвинется в Пуатье и начнет собирать информацию. Просьба к королю прислать ему уже собранные сведения. *Дано в аббатстве рядом с Пуатье, IX-я из календ сентября второго года нашего понтификата*. Эта дата, согласно дю Пюи, соответствует 23 августу 1307 года. По дате, указанной дю Пюи, Климент находился на первом году своего понтификата, и булла, впрочем, сообщает, что встреча в Пуатье состоялась только в 1307 году.

14 сентября. — *Hist. du Languedoc*, L. XXIX, c. 17, p. 138, mss. de la Bibl. Royale, Baluze, rouleaux originaux, № 7. Циркулярное письмо Филиппа Красивого сенешалям и другим управляющим своих провинций, предписывающее предпринять тайные меры для того, чтобы Тамплиеры были все арестованы 13 октября текущего года. Этот орден предоставлен на усмотрение брата Вильгельма Парижского, инквизитора ереси, потребовавшего поддержку светской власти.

13 октября. — Задержание Тамплиеров.

19 октября. — *Процесс*, публикуемый MICHELET, t. II, p. 277. Начало их допроса. В предшествующем примечании мы видели, что способ датировки соответствует тому, что использовал папа для своих понтификальных актов. Неточность обнаруживается лишь для трех последних заседаний и для индиктиона.

27 октября. — DU PYU, p. 105, biblioth. imp., cart. 170, fol. 5 v. Папа приостановил полномочия епископов и инквизиторов: он объявляет, что двое ранее назначенных кардиналов, Беренгарий де Фредоль и Стефан де Сюси, вскоре предстанут пред королем. Филипп должен будет предоставить этим кардиналам людей и имущество узников. *Datum Pictaviis, VI kal. novemb., pont. nostri anno secundo*.

Эта дата соответствовала 27 октября 1306 года у дю Пюи. Его заблуждение очевидно, поскольку Тамплиеры были арестованы лишь в октябре 1307 года; но он подчинялся идее, что Климент V отсчитывал лета своего понтификата, начиная со дня своего избрания.

30 октября. — *Notices et ext. de mss. de la Bibl. imp., t. XX , Doc. inéd. Publiés par M. Boutaric*, № 23. Письмо Эдуарда II, короля Англии, Филиппу Красивому на предмет задержания Тамплиеров. *Datum apud Westmonasterium, tricesimo die octobris, anno regni nostri primo.*

9 ноября. — *Тот же самый том и те же самые документы*, № 24. Письмо герцога Брабантского королю Франции, заявившего последнему, что он исполнил его приказы по задержанию Тамплиеров: *написано в Брюсселе во вторник после праздника Святой Екатерины.*

Ноябрь. — DU PUY, p. 11. Письмо короля папе, содержащее жестокие упреки по поводу приостановления полномочий епископов. Дю Пюи привел только выдержки из этого письма, точную дату которого он не знает, и которое, вероятно, не было отправленным вовсе. Смотреть ниже замечание на письмо от 1 декабря 1307 года.

14 ноября. — В этот день папа вступает в третий год своего понтификата, исчисляемого со дня его коронования.

22 ноября. — RYMER, *Acta publica Angliae*, t. Ier, p. 99, 3e édit., 1745. Булла папы королю Англии, что последнему необходимо в один день задержать всех Тамплиеров в его государстве. Климент основывается на признаниях, собранных во Франции, которые ему сообщались, что его, наконец, просветило относительно виновности воинства Храма. *Datum Pictaviis, 10 kal. decembris, pont. nost. anno tertio.*

Та же самая дата. — DU PUY, p. 194; FLEURY, *Hist. ecclés.*, t. XIX, p. 134. Подобная предыдущей булла, адресованная Роберту, герцогу Калабрии, старшему сыну короля Неаполя, чтобы тот арестовал в один день всех Тамплиеров, находящихся в его владениях. У дю Пюи она датирована следующим образом: *Datum Pictavis, 10 decemb., pont. nost. anno tercio.*

Слово *kalend.*, вероятно, было опущено либо в оригинале, либо самим дю Пюи. Вот почему Флёри решил присвоить этому документу дату от 10 декабря. Совершенно правдоподобно, что булла была написана одновременно с буллой, обращенной к королю Англии и некоторым другим самодержцам. 10-я из декабрьских календ соответствует 22 ноября.

1 декабря. — BALUZE, t. II, col. 112. Письмо папы Филиппу Красивому, датируемое: *Datum Pictavis, kal. decembris, pontificatus nostri anno tertio.*

Вот понимание Мишле об этом письме и о вышеприведенном письме от начала ноября, написанном, по его мнению, не для того,

чтобы быть переданным, но для того, чтобы быть распространенным в народе: «Мы располагаем одним письмом в ответ на папское (от 1 декабря 1307 года); согласно нему, король якобы написал Клименту V, что люди понтификальной курии заставили поверить его людей, что папа поручил первым осуществлять расследование; *король поспешил снять со своей совести такую ношу*, передав все дело папе, много благодарившего его за это. Данное письмо Климента, мне кажется, как и другое, больше адресовано не папе, а народу: вероятно, оно соответствует письму, которое никогда не было написанным» (*Hist. de France*, t. III, note de la page 147).

10 декабря. — RYMER, T. I, pars IV, p. 102. Ответ Эдуарда II, короля Англии, Клименту V. Он не может добавить веры к обвинениям, выдвинутым против Тамплиеров, которые, по его словам, пользуются очень хорошей репутацией в Англии. Он требует в их пользу правосудия от папы. *Datum apud Westm. 10 die decembris, anno regni nostri primo*.

21 декабря. — BALUZE, col. 113. Письмо Филиппа Красивого к папе. Король передал личности Тамплиеров в руки кардиналов Беренгария и Стефана. Их имущество, предназначенное для помощи Святой Земле, доверялось верным попечителям. *Datum Parisius, dominica ante natale Domini MCCCVII*

1308 год, *23 марта*, новый стиль. — Пасха в 1308 году приходилась на 14 апреля. *Notices et ext. des mss. de la Bibl. imp.*, t. XX, p. 163, № 25. Циркуляр Филиппа Красивого третьему сословию на предмет процесса Тамплиеров. *Actum Medeluni, 25 die marcii, anno Domini M CCC septimo*.

23 мая. — RYMER, t. Ier, pars IV, p. 120. Эдуард II приказывает передать Вильгельма де ла Мора, магистра воинства Храма в Англии, в руки патриарха Иерусалимского. *Teste Rege apud Westmonasterium, 23 die maii*.

Конец мая. — BALUZE, t. Ier, pp. 11,12; *Fleury*, t. XIX, p. 130. Король собирает в Туре генеральный парламент трех сословий по делу Тамплиеров. На святую Троицу Пятидесятницу он отправляется в Пуатье, где папа допрашивает 72-х Тамплиеров. Великий магистр, затребованный в Пуатье, пребывал больным в Шиноне с четырьмя другими сановниками ордена; Климент поручает допросить их в этом городе кардиналов Беренгария и Стефана и кардинала Ландольфа Банкраса (Landulphe Bancrace). (Смотреть ниже в дате 17 августа, письмо кардиналов королю).

В месяце июне. — Notices et extraits des mss. de la Bibl. imp., t. XX, p. 175. Памфлет, направленный против Климента V, чтобы его подтолкнуть к упразднению ордена Храма.

Тот же самый том, p. 180. Мнимое ходатайство народа Франции к королю с просьбой о ликвидации Тамплиеров.

Тот же самый том, p. 182. Меморандум, с той же целью переданный папе королем Франции.

В исследовании, помещенном в t. XVIII *Mémoires de l'Academie des inscriptions*, господин де Вэйи выражает мнение, что первый из трех только что изложенных документов принадлежат перу королевского адвоката Кутанса (Coutances), именовавшегося Пьером дю Буа. Бутарик разделяет это мнение, приписывая два других документа тому же самому адвокату. Больше того, он считает, что три свидетельства могут относиться к 1308 году и были, несомненно, распространенными в обществе во время заседаний Генеральных Штатов в Туре. «Штаты созывались, чтобы навязать от имени французского народа Клименту V волю Филиппа Красивого» (Смотреть *Not. et ext.*, t. XX, p. 172).

Под № XXXIII в том же самом томе находится примечание к буллам, относящимся к процессу Тамплиеров, данным в Пуатье в 1308 году и предоставленным королю Вильгельмом Плазианом 5 сентября того же года. Их точная дата не указана. Это примечание извлечено из cart. 170, fol. 90, V, Bibl. imp.

5 июля. — DU PUY, p. 105. Булла к архиепископам, епископам и инквизиторам Франции. Папа приостанавливает и возвращает им их полномочия. Они будут действовать против Тамплиеров вплоть до сентенции, которая предоставленной в будущем провинциальными соборами об ответственности не покушаться ни в чем против совокупности ордена, «имея для этого лиц, участвующих в комиссии». Тамплиеры должны будут быть преданы в руки кардинала Пренеста. Папа оставлял за собой суд над великим магистром и несколькими сановниками ордена, которые позже (11 марта 1314 года) были судимы разными кардиналами и прелатами, в пользу которых папа отказался от права, за собой сохранявшегося (Смотреть *Fleury*, t. XIX, p. 232).

Этот документ следующим образом датирует дю Пюи: *5 jul. pontif. Anno 3.*

По ошибке дю Пюи добавляет цифру 1307. Этот документ со всей очевидностью относится к 1308 году, полномочия епископов и инквизиторов были приостановлены только в октябре 1307 года.

То же самое наблюдение применимо к шести следующим буллам; по отношению ко всем им дю Пюи ошибался на год.

9 июля. — DU PUY, p. 107; BALUZE, col. 97. Этот документ, согласно дю Пюи, является буллой, а по Балюзу — письмом. Папа пишет королю, что если необходимо абсолютно уничтожить орден Храма, то он искренне желает, чтобы его имущество было передано на поддержку Святой Земли. У Балюза он датируется следующим образом: *Datum Pictavis, IX die julii, pontificatus nostri anno tertio*.

Балюз и дю Пюи относят этот документ к 1307 году. Сложно принимать данную дату, поскольку в июле 1307 года Тамплиеры еще не были арестованными. Посмотрите, впрочем, на конституцию от 11 июля, приводимую после следующего документа.

Та же самая дата. — DU PUY, p. 107. Булла, рекомендующая королю назначение пяти архиепископов и епископов, уполномоченных и обязанных управлять имуществом Тамплиеров совместно с лицами, которых папа назначал со своей стороны. Деньги будут направлены в означенное место за пределами Франции под покровительством короля для дела Святой Земли. По дю Пюи документ датирован: *Пуатье, 9 июля, anno 3*.

11 июля. — DU PUY, p. 108; BALUZE, t. II, col. 97, *Constitutio de bonis Templariorum*. Климент заявляет, что все сделанное Филиппом и им против Тамплиеров не могут нанести никакого ущерба, как королю, так прелатам, герцогам, баронам и другим, ради почестей и других феодальных прав. *Datum Pictavis, XI die julii, pontificatus nostri anno tercio*.

Этот документ помещался Балюзом и дю Пюи среди документов от 1307 года, хотя вставал вопрос о правах, которыми король и сеньоры обладали над имуществом Тамплиеров: *tempore captionis ipsorum factae in regno Franciae anno Domini MCCCVII de ipsis et bonis ipsorum*. Из этих слов ясно получается, что поскольку документ, последующий задержанию Тамплиеров, принадлежит к 1308 году, постольку он связан со всеми другими предшествующими и последующими ему документами июля месяца, позволяя подтвердить, что эти документы равно 1308 года.

12 июля. — BALUZE, col. 98. Другая конституция папы, относящаяся к имуществу Тамплиеров: *Datum Pictavis, XII julii, pont. nos. anno tertio*.

Помещенная Балюзом в 1307 год. То же самое наблюдение, как и для предыдущего документа, с которым это связано.

Та же самая дата. — BALUZE, col. 100; DU PUY, p. 108, № 8. Письмо или булла папы к прелатам Франции для того, чтобы последние могли делегировать администраторов в свои диоцезы с целью управления имуществом Тамплиеров. *Datum Pictavis, XII die julii, pont. nos. anno tertio.*

Документ, помещенный, как и предыдущие документы, в 1307 год Балюзом и дю Пюи.

13 июля. — DU PUY, p. 108, № 9. Булла папы прелатам Франции. В ней папа назначает лиц, которые вместе с этими прелатами и в их диоцезах должны будут принимать участие в проведении процесса Тамплиеров: эти лица состоят из двух братьев-каноников, двух братьев-проповедников (доминиканцев) и двух братьев-миноритов (францисканцев). Судьи выносят решения согласно каноническим санкциям. *13 июля, anno 3.*

Та же самая дата. — BALUZE, col. 101; DU PUY, p. 109, № 11. Письмо папы к кардиналу-епископу де Пренесту. Он его наделяет всеми полномочиями, чтобы содержать за пределами Франции всех Тамплиеров, которых король ему предоставит. У Балюза следующая датировка: *Pict., XIII julii, pontificatus nostri anno tertio.*

Этот документ, классифицирован Балюзом среди документов от 1307 года. Последовательность предшествующих фактов и наблюдений доказывают, что он принадлежит к 1308 году.

Та же самая дата. — BALUZE, col. 101; DU PUY, p. 108, № 10. Письмо папы Филиппу Прекрасному для извещения последнего, чтобы тот передал охрану Тамплиеров епископу де Пренесту. Датировано, как и предыдущий документ. Те же самые наблюдения.

12 августа. *Conciles* de LABBE, t. XI, col. 1503. Булла *Regnans in coelis* для созыва собора собираемого во Вьенне, в том числе среди прочих причин и с целью информирования против ордена Храма. *Datae Pictavi, 2 idus augusti, pontificatus nostri anno tertio.*

Лабб по недоразумению относит эту буллу к 1309 году. Флёри здесь не ошибался; он даже замечает, что она должна быть на несколько дней позднее, поскольку папа сообщает в ней о Шинонском процессе, завершившимся только 20 августа 1308 года (*Hist. ecclés.*, t. XIX, p. 146).

Та же самая дата. — *Conciles* de LABBE, t. XI, col. 1508; *Proces publié* par MICHELET, t. Ier, p. 2; DU PUY, p. 109, № 13; RYMER, Ier, pars IV, p. 126. Булла *Faciens misericordium*. Папа предписывает архиепископам, их суффраганам и другим церковным лицам информировать против ордена Храма, следуя статьям, присоединенным к булле.

Текст Лабба и Римера является текстом буллы, обращенной к архиепископу Кентерберийскому; текст, опубликованный дю Пюи, это текст буллы, адресованной к архиепископу Нарбонны, к епископам Байё, Манда и Лиможа. Изложение фактов и констатирующая часть тождественны в обоих текстах; варианты возникают только в конце.

Эта булла датирована, как и предыдущая. Из-за ошибки Лабб, дю Пюи. Сисмонди и другие авторы ее относят к 1309 году. Ример ее справедливо классифицирует 1308 годом, как тотчас докажет наблюдение, помещенное после установления от 8 августа 1309 года.

Та же самая дата. — DU PUY, p. 110, № 14. Булла, воспрещающая всем лицам, под угрозой отлучения, удерживать какое бы то ни было имущество, принадлежавшее к Тамплиерам. Эта булла, по ошибке отнесенная дю Пюи к 1309 году, датируется, как и две предыдущие: она является следствием конституций июля 1308 года, с которыми связана.

17 августа. — BALUZE, t. II, col. 121. Письмо, адресованное королю Франции тремя кардиналами, делегированными в Шинон для допроса великого магистра и его четырех спутников. *Scriptum die martis post Assumptionem.* Год не обозначен.

20 августа. — BALUZE, t. II, col. 103. Письмо папе Филиппу, датированное следующим образом: *Datum Lusignaci, XIII kal. septembris, pontificatus nostri anno tertio.*

С этим письмом Климент направляет королю другое послание, полученное от д'Амори, сеньора Тирского, правителя Кипра, где этот принц объясняет, что с предыдущего месяца мая папа ему предписывал арестовать всех Тамплиеров Кипрского королевства.

Балюз поместил письмо папы королю между письмами от 1307 года, а Флёри последовал этому мнению, t. XIX, p. 130.

Если вспомнить, что внезапное и неожиданное задержание Тамплиеров Франции имело место только в октябре 1307 года, то станет сложно принять, что папа мог за пять месяцев до этого дать приказ схватить Тамплиеров Кипра. Впрочем, присутствие Климента V в Лузиньяне в августе 1308 года освидетельствовано документом, опубликованным Римером (*Acta publica*, t. Ier, pars IV, p. 129). Это булла папы королю Англии, датируемая в Лузиньяне XV-й из календ сентября: *pontificatus nostri anno tertio*, за два дня только до письма Климента Филиппу Красивому. Всегда очень точный Ример поместил эту буллу в 1308 год.

Та же самая дата. — Булла *Justum et laudabile*, приводимая Бутариком (*France sous Philippe-le-Bel*, note de la p. 137) вместе с указани-

ем: *Or. A. I., bullaire L, carton 291, piece 14*. Мы видели, что Тамплиеры, содержавшиеся в королевских тюрьмах, должны быть переданы епископу де Пренесту. Этот последний их вернул королю «с условием их держать в распоряжении Церкви». Данное условие становится предметом буллы, о которой идет речь.

14 ноября. — В этот день начинается четвертый год понтификата после коронования.

4 декабря. — RYMER, t. I, pars IV, p. 134. Письмо Эдуарда II, короля Англии, Клименту V об имуществе Тамплиеров. *Datum apud Westmonasterium, 4 die decembris*.

30 декабря. — BALUZE, t. II, col. 132. Булла *Ad omnium fere notitiam*, несущее отлучение всем, кто оказывает помощь или совет Тамплиерам. *Datum Tolosae, III kal. januarii, pontificatus nostri anno quarto*.

Та же самая дата. — DU PUY, p. 116. Булла к архиепископам, епископам, рыцарям ордена Тамплиеров, орденов Святого Бенедикта, Клюни и других, присутствующих в Германском королевстве, с повелением оказать поддержку аббату де Грудачио, посланному папой в Германию для сбора информации против Тамплиеров. Документ датирован так, как и предыдущий.

Та же самая дата. — DU PUY, p. 116. Булла Австрийскому герцогу для того, чтобы он провел задержание Тамплиеров в своих землях.

1309 год, *15 января*, новый стиль. — BALUZE, t. II, col. 170. Указ Филиппа Красивого, предписывающий сеньорам и судьям его королевства передать имущества Тамплиеров, которыми они могут обладать, в руки делегированных управляющих или посланных суверенным понтификом. *Datum Parisiis, XV die januarii, anno Domini millesimo CCCVIII*.

Эта дата является днем 15 января перед Пасхой 1309 года, вот почему Балюз справедливо помещает данный документ среди бумаг 1309 года по новому стилю.

27 января. — BALUZE, t. II, col. 141. Письмо папы, который просит короля с большим вниманием прислушаться ко всему тому, что ему сообщит капеллан, направленный Климентом для поддержания различных вопросов, относящихся к ордену Храма. *Datum apud Gaudesium Tolosanae diocesis, VI kal. februarii, pontificatus nostri anno quarto*.

То же самое наблюдение, что и для предшествующего документа.

6 мая. — BALUZE, t. II, col. 144. Письмо папы королю Франции о переводе на архиепископский престол Сана епископа Камбрэ Филиппа

Мариньи, брата Энгеррана де Мариньи. *Datum Avinionii, II non. maii, pontificatus nostri anno quarto*.

Та же самая дата. — DU PUY, p. 122. Булла папы королю, отвечающая на некоторые сомнения, коим он подчинился, как благодаря королю, так и благодаря тем, кто обладали полномочием наставлять процесс Тамплиеров, касаясь различных сложностей, встречавшихся в этом деле. Дю Пюи датировано следующим образом: *дано в Авиньоне, 2 non. Maii, anno 4.*

22 мая. — *Proces des Templiers* par MICHELET, t. Ier, pp. 7, 8. Два письма папы архиепископам и епископам Франции. *Avinione, XI kalendas junii, anno quarto.*

1 августа. — BALUZE, t. II, col. 123. Письмо папы епископам Франции. Суверенный понтифик не желает пользоваться новыми формами для суда над Тамплиерами; необходимо действовать в соответствии с правилом и требованиями действующего законодательства. *Datum Avinioni, kal. Augusti, pontificatus nostri anno quarto*.

Балюз отнес этот документ к 1308 году. Порядок фактов и согласование дат, кажется, требуют, чтобы его разместить в 1309 году: он является следствием буллы *Faciens misericordiam* от 12 августа 1308 года и не может быть объясненным, если бы оказался написанным за одиннадцать дней перед этой буллой.

8 августа. — *Proces* par MICHELET, t. Ier, p. 12. Акт, в котором папские комиссары, собравшиеся в Париже, цитируют Тамплиеров, представших перед ними в первый непраздничный день после зимнего Святого Мартина. Это цитирование датировано: *Actum et datum Parisius, die veneris ante festum beati Laurentii, anno Domini M CCC nono, indictione septima, pontificatus predicti Domini nostri summi pontificis anno quarto.*

Очень точная дата, как для индиктиона, так и для лета понтификата, если начинать со дня коронования. Это цитирование ясно доказывает, что булла Faciens misericordiam не может относиться к 12 августу 1309 года, как считает Лабб, поскольку цитирование, о котором идет речь, совершено благодаря данной булле и, следовательно, ен может ей предшествовать. Господин де Сисмонди (de Sismondi, *Hist. des Français*, t IX, p. 224) разделял заблуждение Лабба.

18 сентября. — RYMER, t. Ier, pars IV, p. 152. Письмо короля Англии о дознаниях, которые должны провести английские инквизиторы против Тамплиеров. *Teste rege apud Westmonasterium, 13 die septembris*.

12 ноября. — Начало допроса, осуществленного в Париже понтификальными комиссарами, учрежденными для действия против всего ордена.

14 ноября. — Климент V вступает в пятый год своего понтификата.

26 ноября. — *Proces*, t. I, p. 32. Первый допрос великого магистра Якова де Моле папскими комиссарами.

1310 год, *1 марта*, новый стиль. — RYMER, t. Ier, pars IV, p. 165. Приказ короля Англии констеблю Лондонского Тауэра: *de intendendo inquisitoribus super separatione Templariorum. Teste rege apud Westmonasterium, primo die martii.*

4 апреля. — RAYNALDI, an. 1310, № 41; FLEURY, t. XIX, p. 176. Письмо, в котором папа доводит до сведения короля Франции, что завершение, заранее установленное для заседаний собора во Вьенне, было отложено вплоть до 1 октября следующего года. *Datum Aven. II non. aprilis anno 5.*

От 11 до 26 мая. — BALUZE, t. Ier, pp. 16, 71; FLEURY, t. XIX, p. 171. Собор в Париже, проводившийся новым архиепископом Сана Филиппом де Мариньи для суда над Тамплиерами.

Мы видели, что провинциальные соборы должны были судить лиц, принадлежавших к ордену, но не весь орден, что являлось делом понтификальных комиссаров.

9 ноября. — BALUZE, t. II, col. 171. Письмо папы Филиппу Красивому. Климент получил от Иоанна де Артенжа (de Hartinges), сенешаля Гаскони, офицера короля Англии Эдуарда II, прошение, которое передает королю Франции, и которое говорит об определенных состязаниях, относящихся к изъятому имуществу Тамплиеров в герцогстве Аквитания, принадлежащем английскому королю.

Письмо папы датировано: *Datum Avinioni, V idus novembris, pontificatus nostris anno quinto*.

Балюз поместил это письмо среди писем от 1309 года, и это хорошо доказывает, что мысленно Климент V мог отсчитывать лета своего понтификата, начиная со своего избрания. Многочисленные документы, только что прошедшие перед глазами читателя, не должны больше оставлять сомнения по этому вопросу, и становится бесполезным акцентировать внимание на заблуждении Балюза.

14 ноября. — Климент V вступает в шестой год своего понтификата, исчисляемого со дня его коронования.

12 декабря. — RYMER, t. Ier, pars 18, p. 178. Эдуард II графу Линкольну о Тамплиерах, которых должны заслушиваться на соборе

провинции Кентербери, определении их отпущения грехов или осуждения. Документ датирован: *Teste rege apud Berewycum, duodecimo die decembris*.

Тамплиеры, осужденные Лондонским собором, просто заключались в монастыри, которые должны были им служить тюрьмами, со скромными пенсиями для их существования. Смотрите Rymer, t. X, p. 57. Мы позаимствовали в этом добросовестном сборнике лишь наиболее важные документы, особенно те их них, которые при сопоставлении с другими документами с сомнительной датой проливают некоторый свет на последовательность фактов.

1311, *12 мая*. — DU PUY, p. 112. Булла папы архиепископу Руана и епископам Пуатье и Манда, касающаяся комиссии по заслушиванию отчетов от преемников Тамплиеров и распоряжающаяся, что оставшаяся сумма будет препровождена в условленное место за пределами королевства под покровительством короля, чтобы быть использованной для защиты Святой Земли. У дю Пюи датировано: *12 мая, Авиньон, anno 6*.

5 июня. — DU PUY, p. 178; RAYNOUARD, appendice, p. 309. В этот день понтификальные комиссары, заслушав в Париже 231 свидетеля и завершив следствие против ордена Храма, в котором они работали в течение более чем восемнадцати месяцев, направляют папе с экспедицией данное судопроизводство, после чего закладывают другую копию в сокровищницу парижского собора Нотр-Дам. Их сопроводительное письмо датировано из королевского аббатства у Понтуаза: *anno Domini 1311, indictione nona, pontificates vestri anno sexto, die 5 mensis junii*.

16 октября. — BALUZE, t. Ier, p. 43; FLEURY, t. XIX, p. 203. Открытие Вьеннского собора.

19 октября. — DU PUY, p. 112. Булла папы для аккредитации у короля своего клирика Готфрида дю Плесси и одинаково относящаяся и резерва, сделанного папой для собственного суда над великим магистром и сановниками ордена. По дю Пюи датировка следующая: *во Вьенне, 14 kalend. novemb., pontif. anno 6*. Дю Пюи ошибочно полагает, что эта дата соответствует 1310 году.

1312, *8 марта*, новый стиль. — DU PUY, p. 112. Булла папы, напоминающая о письме короля из Макона от 2 марта 1311 года (перед Святой Пасхой), в котором Филипп, предвидя близкое уничтожение ордена Храма, приглашал папу передать имущество этого ордена либо новому воинству, либо другому военному ордену для защиты

Святой Земли; кроме того, король заботился о сохранении прав, как его самого, так и его прелатов и баронов, распоряжавшихся конфискованным имуществом, что папа и обещает в своей булле в том случае, если орден будет окончательно упразднен. У дю Пюи документ датирован: *дано в Вьенне, 8 id. Martii, anno 7.*

22 марта. — Булла *Vox in excelso*, провозглашающая упразднение ордена Храма путем промысла. Этот документ, опубликованный впервые Виллануэвой и с тех пор мало используемый, будет воспроизведен ниже — в № 4 Утверждающих примечаний и документов. Он датирован: *Datum Viennae, XI kal. aprilis, pontificatus nostri anno septimo.*

2 мая. — RYMER, t. II, p. 5; DU PUY, p. 113. Булла Ad providam о передаче Госпитальерам Святого Иоанна Иерусалимского имущества, принадлежавшего ордену Храма. *Datum Viennae, sexto nonas maii, pontificatus nostri anno septimo.*

6 мая. — RAYNALDI, anno 1312, № 3. Булла *Considerantes dudum*, датированная: *Viennae, 2 non. maii, pontificatus nostri anno septimo.*

Эта булла является неполной у Райнальди; вот почему мы ее воспроизводим в № 5 Утверждающих примечаний и документов.

Ее часто называли буллой *Ad certitudinem*, не думая, что эти слова являются началом формулы, часто помещавшейся во главу булл Климента V, как и в случае со знаменитой буллой, в которой папа провозглашает невиновность Филиппа Красивого на предмет обвинений, выдвинутых против Бонифация VIII, и которая была опубликована дю Пюи на стр. 592 его *Истории спора между Бонифацием VIII и Филиппом Красивым.*

Та же самая дата. — Закрытие Вьеннского собора.

16 мая. — RYMER, t. II, p. 6. Булла, адресованная королю Англии для увещевания предоставить ордену Святого Иоанна Иерусалимского все имущество Тамплиеров и обязать графов и баронов Англии передать тому же ордену имущество Тамплиеров, во владение которым они вступили. *Datum Liberon. Valentin.diocese, XVII kal. junii, pontificatus nostri anno septimo.*

Та же самая дата. — DU PUY, p. 114. Такая же булла королю Франции, датированная, как и предыдущая.

1314 год, *11 марта.* — *Contin, de Nangis*, p. 67. Кардинал Альбано, два других кардинала, архиепископ Сана и несколько других прелатов осуждают на пожизненное заключение великого магистра Тамплиеров, визитатора Франции и командоров Аквитании и Нормандии,

в отношении которых папа поначалу сохранял право суда, согласно булле от 5 июля 1308 года: однако он возложил его на вышеназванных прелатов. Великий магистр, называемый заморским магистром, и командор Нормандии отрекаются от своих признаний; после чего кардиналы передают их парижскому прево, который казнит их через сожжение по приказу короля.

20 апреля. — Смерть Климента V.

III. ТЕКСТ НЕИЗДАННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ

(Codex Vaticanus 4011)

Sanctissimo in Christo Patri et Domino C., divina providentia sacrosancte Romane ac universalis Ecclesie summo pontifici, frater Johannes, permissione divina, archiepiscopus Pisanus, Antonius, episcopus Florentinus et Petrus Judicis de Urbe, canonicus Veronensis, inquisitores contra ordinem militie templi Jerosolimitani et singulares personas et fratres ipsius in partibus Lombardie et Tuscie, pedum oscula beatorum. Ad notitiam Sanctitatis vestre presentium tenorem deferrimus quod nos, in commisso nobis ministerio super inquisitione contra ordinem ipsum et singulares personas ipsius tam debite quam celeriter procedentes, fratres ipsos in provincia Tuscie captivitatos, tam super articulis contra ordinem quam etiam super articulis contra singulares personas sub vestris bullis insertis, examinavimus cum effectu. Verumtamen quia mandatum vestrum nobis injunctum noviter de inquisitione facienda precipue contra singulares personas ipsius ordinis innuere videbatur, et quia etiam relationemn celeritem (sic) facti exigentia requirebat, examinationes factas de ipsis fratribus super articulis contra singulares personas formatis et depositiones ipsorum, maxime cum ijdem arliculi et responsiones ad eos idem sonare videantur et esse, Sanctitati vestre duximus destinandas, expectantes relationern examinationum et depositionum contra ordinem receptarum facere per me Petrum Judicis supradictum, ad Sanctitatis vestre pedes sine more dispendio accessurum. Igitur examinationes ipsas factas de fratribus memoratis et depositiones eorum et dicta contra ordinem memoratum recepta Sanctitati vestre humiliter referrimus, et que in publicam scripturam redacta inferius per ordinem continentur.

I. Die lune XX septembris, VIII indictionis, in ecclesia sancti Egidis de Florentia, frater Egidius, preceptor domus de sancto Geminiano, ordinis militie templi Jerosolimitani, testis iuratus veritatem dicere et ad inquisita respondere, die XVII mensis septembris constitutus in presentia suprascriptorum dominorum inquisitorum, post confessionem et depositionem hodie et a se de se factam examinatus diligenter ab eis super articulis inquisitionis facte contra ordinem ipsum :

Super primo qui incipit : *Primo quod licet assererent ordinem ipsum*, et cetera et tribus sequentibus articulis sibi connexis interrogatus, respon-

dit suo iuramento vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse testis vidit duos fratres quorum nominum non recordatur in sui reception blasfemantes Deum et abrogantes Christum, virginem Mariam et sanctos, quorum unus fuit receptus, in quodam *capitulo Bononie celebrato*, per fratrem Guillelmum de Nove, magnum preceptorem Lombardie, iam sunt XXV anni vel circa, et alius fuit receptus Placentie per fratrem Blanchum, magnum preceptorem Lombardie, iam sunt XXX anni vel circa. Et quia etiam testis, inductus et monitus per illum qui ad dictum ordinem recepit eundem, in sui receptione abnegavit Christum, virginem Mariam et sanctos. Et quia etiam audivit dici in ordine a fratribus quod ritum istum recipiendi fratres communiter per fratres in ordine servabatur, et ipse scit quod sic servatur, quia hec vidit etiam in aliquibus capitulis observari et audivit a pluribus fratribus dicli ordinis qui asseruerunt se interfuisse et vidisse in pluribus locis sic servari.

Super V articulo interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit se audivisse et vidisse in pedictis capitulis dogmatizari et doceri sicut dictum est.

Super VI et VII articulis interrogatus, respondit se numquam audivisse dici ea que in dictis articulis continentur; dixit tantum se audivisse dici a certis fratribus dicti ordinis : quod magister et certi fratres qui erant ultramare qui ydolum adorabant dicebant Christum falsum fuisse prophetam et ipsum non fuisse passum pro salute humani generis. Et credit quod, cum idolatre essent, facerent, dicerent et crederent quidquid in dictis articulis continetur.

Super VIII articulo interrogatus, respondit quod credit quod omnes qui idolum adorabant vel spuebant super crucem, non haberent salvationis habende per Jesum.

Super VIIII articulo interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit quia vidit predictos duos fratres de quibus supra in primis articulis dixit, in sua receptione spuere super crucem et ymaginem Jesu Christi, et ipse etiam sic fecit quando fuit receptus et scit quod in ordine communiter sic fiebat.

Super X et XI articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se audivisse, iam sunt XXVI anni et ultra et per ipsum tempus et ab inde citra pluribus vicibus, a certis fratribus et familiaribus dicti ordinis, quod nonnulli ex fratribus dicti ordinis crucem pedibus couculcabant et conculcari mandabant et quod talia faciebant quod omnes debebant comburi. Et hoc maxime audivit de fratribus existentibus in Apulia, Sicilia et Ereti, et alia dixit se nescire.

Super XII, XIII et XIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se nihil scire : dixit tamen quod ipse vidit, in quodam capitulo facto Placentie per fratrem Blanchum, preceptorem predictum, per ipsum fratrem Blanchum et per alios fratres ibi congregatos qui fuerunt circa duodecim, spui super crucem et imaginem crucifixi. Et quadam alia vice vidit fratrem Guillelmum de Nove cum quibusdam aliis sociis, IN QUODAM CAPITULO CRLRBRATO BONONIE, expuere super ymaginem crucifixi.

Super XV articule interrogatus, respondit quod credit et pro certo tenet quod omnes fratres qui predicta faciebant, faciebant in vituperium Jesu Christi et fidei orthodoxe.

Super XVI, XVII, XVIII et XIX articulis interrogatus, respondit quod fratres dicti ordinis de quibus supra dixit non credebant sacramentum altaris.

Super XX, XXI, XXII, XXIII, XXIIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit quod credit quod aliqui ex sacerdolibus dicti ordinis non dicebant verba de quibus in articulo fit mentio, quia erant infideles, et aliqui etiam dicebant quia erant boni et fideles.

Super XXV et tribus sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit quod omnes illi qui predictos sequebantur errores credebant se posse assolvi ab omnibus peccatis a magistro maiori et a visitatore, licet laïci essent. Et adhuc credit esse ultra ducentos fratres qui predicta credunt.

Super XXIX articulo qui incipit: *item quod magnus magister hoc fuit de se confessus*, respondit se nichil scire.

Super xxx articulo qui incipit *: item quod in receptione fratrum* et duobus sequentibus, respondit quod, iam sunt xx anni, audivit dici quod fratres dicti ordinis eo modo ad invicem deosculabantur, sicut in dictis articulis continetur. Et dixit quod observantia predicta communiter fuit in toto ordine observata antiquitus et publice dicebatur in toto ordine quod hec corruptela servabatur et erat etiam in eo. Et dixit interrogatus quod vidit duos fratres, quando recepti fuerunt, qui ipsi deosculati fuerunt recipientes eosdem prirno in ore, postea in umbilico seu ventre nudo et tandem in virga virili seu in pectignone. Interrogatus qui tuerunt illi fratres quos vidit sic deoseulari recipientes eos, respondit quod fuerunt illi de quibus dixit supra in primo articulo. Et dixit interrogatus quod ipse interfuit omnibus predictis quando predicti fratres recepti fuerunt. Et dixit etiam interrogatus quod hoc servabatur communiter in toto ordine per fratres dicti ordinis et maxime in capitulis generalibus et provincialibus. Item dixit interrogatus quod, in capitulo generali sive provinciali, quando fratres recipieban-

tur in ordine et fecerant professionem publicam, presente magistro seu magno preceptore balive et aliis fratribus, ipse frater receptus deosculabatur omnes fratres in ore. Postea vero magister seu preceptor vocabat eum receptum seorsum in camera sua, cum aliquibus sociis magistri seu magni preceptoris et, clauso hostio, frater receptus deosculabatur magistrum sive preceptorem et socios suos et deosculari compellebatur in locis predictis. Et tandem idem magister sive preceptor faciebat ipsum receptum spuere super crucem et eam pedibus conculcare et mingere super eam et adorare ydola et abnegare Jesum Christum, virginem Mariam et sanctos. Dixit insuper quod ipse vidit abnegari Jesum Christum et spui super crucem et adorare dictum idolum in quatuor capitulis provincialibus, videlicet Rome per fratrern Jacobum de Madonna de Parmatum, preceptorem Balive et communiter per fratres atque ibi congregatos qui fuerant circa numerum VIII fratrum, et Bononie per fratrem Jacobum de Montecucco, tunc preceptorem balive, iam sunt XXII anni, et per omnes fratres ibi congregatos qui fuerunt circa numerum L fratrum, et Placentie per fratrem Blanchum, lune preceptorem balive, iam sunt XXX anni vel circa, et per omnes fratres ibi congregatos qui fuerunt circa numerum triginta fratrum.

Super XXXIIII articulo qui incipit : *item quod in receptione illa faciebant iurare illos* et cetera, et tribus articulis sequentibus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit se fecisse et iurasse in sui receptione sicut in dictis articulis continetur et vidisse alios sic iurare, et quia etiam fratres in ordine in sui receptione consueverunt omnia predicta servare.

Super XXXVIII articulo qui incipit : *item quod propter hoc* et alio sequenti sibi connexo, respondit vera esse que continentur in eo. Interrogatus quomodo scit, respondit quia hoc patet per effectum.

Super XL articulo qui incipit : *item quod fratribus quos recipiebant* et tribus sequentibus interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit se interfuisse presentem quando preceptores dixerunt, supra scriptis fratribus quos vidit recipi, verba que in dicto articulo continentur. Etiam dixit quod in ordine non reputabatur peccatum hoc facere ab illis videlicet qui hoc abutebantur.

Super XLIIII articulo qui incipit : *item quod hoc faciebant ipsi* et alio sequente interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia hoc dicebatur et credebatur communiter inter fratres et quia ipse vidit duos fratres, videlicet Johannem Pectorem et Bartholinum, in quodam nemore in foro Julii, ad invicem commisceri, et quia etiam de premissis erat publica fama in ordine.

Super XLVI articulo qui incipit : *item quod ipsi fratres per singulas* provincias et cetera interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit se vidisse dictum capud Rome et Placentie et quia predicta capita esse debebant in omnibus capitulis.

Super XLVII articulo qui incipit : *item quod ilia ydola* et VI sequentibus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse vidit fratres dictiordinis adorantes et inclinantes se dicto capiti, in dictis capitulis, et extrahentes sibi birreta. Et dixit etiam quod ipse frater Egidius similiter adoravit et inclinavit se sibi, et hoc fuit in capitulo Placentie et in capitulo Rome. Et vidit et audivit aliquos fratres adorantes et dicentes dicto capiti : *Deus, adiuva me* et tangebant ipsum caput cum manibus. Et hoc vidit Bononie fieri per fratrem Jacobum de Montecucco, preceptorem balive, semel iam sunt XII anni, et item Placentie iam sunt XX anni, per fratrem Guillelmum, hinc preceptorem balive. Interrogatus de ritu et modo observantie predicte, respondit quod predictum capud ponebatur in quodam pariete et fratres venientes inclinabant se sibi sicut Deo et salvatori suo et ipsis fratribus dicebatur per preceptorem et maiores eorum : veneremini ymaginem istam, quoniara est maxime virtutis et poterit nos salvare. Item dixit interrogatus quod predictum capud habebat faciem quasi humanam et albam et habebat capillos nigros et crispos sive riccintos ; circa collum autem cum aliquantulum de humeris habebat aurea et non habebat effigiem alicuius sancti. Et dixit interrogatus quod ritus iste fiebat et servabalur communiter per totum ordinem.

Super LIIII articulo qui incipit: *item quod, ob divitias* et cetera et LV interrogatus, respondit quod omnes qui credebant et adorabant dictum capud, credebant quod posset adiutorium dare et anime et corpori ; et ei qui sibi inclinabat capud credebatur in ordine quod omnia peccata essent remissa.

Super LVI articulo et uno sequenti sibi connexo, respondit quod in ordine credebatur quod dictum capud posset omnia facere sicut deus et hoc credebatur maxime per illos fratres qui dictum capud adorabant. Interrogatus quos fratres vidit dictum capud adorare, respondit se non recordari nisi de fratribus Blancho, preceptore suprascripto, Johanne de la Campagna, Ugone de Monte bello et hos vidit Placentie, et Bononie fratrem Jacobum de Montecucco, et in urbe fratres Johannem de Cervieri et Jacobum de Madonna supra scriptum et fratrem Bartholinum Canovarium.

Super LVIII articulo qui incipit : *item quod aliquod capud ydolorum predictorum* et cetera et tribus sequentibus et quolibet eorum interroga-

tus, respondit ita esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit se interfuisse in pluribus capitulis dicti ordinis in quibus vidit cingi dictum capud predictis cordulis pluribus vicibus, videlicet in quodam capitulo celebrato Bononie, in quo capitulo fuit sibi tradita quedam cordula et singulis fratribus cum qua dictum caput tactum erat. Et fuit iniunctum eis ut predictas cordulas se cingerent et quod eas portarent in veneratione capitis, quoniam salutifere sunt; et ipsas cordulas fratres ordinis in veneratione dicti capitis deferebant.

Super LXII articulo qui incipit : *item quod communiter fratres dicti ordinis* et cetera et tribus sequentibus interrogatus, respondit ita verum esse ut in articulis continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia publicum erat in ordine quod iste ritus servabatur in receptione ipsorum per totum ordinem.

Super LXVI articulo qui incipit : *item quod qui nolebant* et cetera et super duobus sequentibus articulis interrogatus, respondit quod omnes qui nolebant predicta facere mancipabantur. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic in ordine servabatur, et quia etiam vidit duos fratres quorum unus erat miles, qui fuerunt capti Fluorenzuole et missi ad Urbem ligati, eo quod facere noluerunt predicta, qui postea fuerunt mortui in carceribus.

Super LXVIII articulo qui incipit *: item quod iniungebatur* et cetera et quatuor sequentibus sibi connexis, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quod hoc vidit iniungi fratribus receptis et sibi etiam fuit iniunctum ne predicta revelaret. Et quia supradicti fratres quos vidit carceratos noluerunt predicta facere, ideo fecerunt eos mori in carceribus.

Super LXXIIII articulo respondit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic audivit iniungi a magnis preceptoribus in capitulis. Dixit tantum quod, causa necessitatis, poterant confiteri fratribus heremitis vel carmelitis, seu alteri propinquioi i sacerdoti.

Super LXXV articulo qui incipit : *item quod fratres* et cetera et urio sequenti interrogatus, respondit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia numquam vidit vel audivit quod predicti errores corrigerentur per ipsos fratres vel quod nuntiarentur sancte matri ecclesie.

Super LXXVII articulo qui incipit : *item quod non recesserunt interrogates*, respondit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia vidit hoc continue fieri per capitula et maxime in capitulis de quibus dixit supra.

Super articulo qui incipit : *item quod predicta fiebant et servabantur ultra mare* et cetera et VIII articulis sequentibus dependentibus ab illo et quolibet eorum interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia citra mare sic vidit fieri et servari ab antjquo in locis de quibus supra dixit et publicum est quod ultra mare, in prediclis locis, etiam sic servantur et ordinatio et statutum est quod in toto ordine sic servetur et fiat. Interrogatus quomodo scit quod dictum statutum sit in ordine, respondit quod sic dicebatur et sic vidit servari; dixit tantum quod predictum statutum non vidit.

Super articulo qui incipit : *item quod predicta erant de punctis* et cetera interrogatus, respondit vera esse que continentur in eo, quia sic presumendum est et credendum.

Super articulo qui incipit : *item quod receptiones* et cetera interrogatus, respondit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit ut supra.

Super articulo qui incipit : *item quod magister generalis* et v° articulis inmediate sequentibus interrogatus , respondit ita esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit ut supra in articulo : *item quod in receptione fratrum*.

Super articulo qui incipit : *item quod alium modum* et cetera et super alio sequenti articulo interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quod ipse nunquam vidit alium modum servari, et quod nunquam audivit quod aliter reciperentur.

Super articulo qui incipit : *item quod predictum receptionis modum* et cetera, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic aliquos vidit puniri et incarcerari, videlicet fratrem Gualterium et queudam alium cuius nominis non recordatur.

Super articulo qui incipit : *item quod elimosine* et coetera, respondit quod elemosine fiebant et hospitalitas servabatur sicut consuetum est, scilicet quod dabatur decima pars panis qui coquebatur in domo.

Super arliculo qui incipit : *item quod non reputabatur peccatum*, respondit quod, quando procedebat de voluntate dantis, quocumque modo daretur vel recipiebatur; dummodo converteretur in utilitatem mansionis, non reputabatur hoc peccatum.

Super articulo qui incipit : *item quod iuramentum prestabant* et cetera, respondit quod iurabant quocumque modo possent augmentare bona dicti ordinis.

Super articulo qui incipit : *item quod non reputabatur peccatum* ; respondit ita verum esse ut continetur in eo, quantum de illis qui idolum

adorabant vel Christum abnegabant cum hoc haberent in mandatis a maiori seu superiori suo.

Super articulo qui incipit : *item quod clam* et IIII, sequentibus interrogatus, respondit quod fratres dicti ordinis clam consueverunt tenere sua capitula, videlicet exclusa tota familia et in prima vigilia noctis, seu in aurora diei, ita quod semper quasi erat de nocte et ad lumen candele et quod ponebant custodes a longe, ita quod nulli patebat accessus ad eos, nec poterant eos audire et quod nullus poterat ibi esse, nisi fratres dicti ordinis.

Super articulo qui incipit : *item quod similem clandestinationem* et cetera interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit ut supra in proxime sequentibus.

Super articulo qui incipit : *item quod maior error* et alio proxime sequenti interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo, videlicet de peccatis confessatis.

Super arliculo qui incipit : *item quod magnus* et cetera et alio sequenti interrogatus , respondit se nihil scire, nisi sicut audivit quod confessus fuit coram papa.

Super articulo qui incipit : *item quod predictos errores* et cetera interrogatus, respondit verum esse de peccatis confessatis, quanvis preceptores huius modi layci essent. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic servabatur in ordine.

Super arliculo qui incipit : *item quod hec potestas* et cetera, respondit verum esse ut in articulo continetur et hoc scit quia sic vidit servari toto tempore quo fuit in ordine.

Super articulo qui incipit : *item quod tanto tempore* et cetera : respondit se nescire aliter nisi sicut supra dixit.

Super arliculo qui incipit : item quod renovati et cetera et duobus sequentibus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit ut supra.

Super articulo qui incipit : *item quod multi fratres de dicto ordine* et cetera, respondit verum esse ita ut continetur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit quia vidit propter hoc exire quemdam germanum sui testis de dicto ordine et transeuntem ad ordinem cisterciensem.

Super articulo qui incipit : *item quod propter predicta* et cetera, respondit quod credit.

Super articulo qui incipit : *item quod predicta omnia* et III sequentibus articulis interrogatus , respondit verum esse, maxime inter fratres qui ire consueverunt ad capitula.

Super articula qui incipit : *item quod magnus magister* et III sequentibus ultimis, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic audivit dici.

II. Die XXIIII septembris, X Indictione, Florentie in ecclesia sancti Egidis, frater Bernardus de Parma, ordinis militie templi constitutus in presentia suprascriptorum venerabilium patrum et Domini Petri inquisitorum predictorum, iuratus corporaliter ad sancta dei evangelia meram, plenam et puram dicere veritatem et ad inquisita respondere, suprascripta die, et examinatus diligenter a supradictis duis inquisitoribus super articulis contra ordinem, die XVII septembris, post confessionem a se de se factam :

Super primo, secundo, tertio et quarto articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se tantum hoc scire quod, iam sunt XXX anni, ipse frater Bernardus, quando fuit receptus ad ordinem, fuit inductus et compulsus Christum abnegare et virginem Mariam et sanctos per fratrem Bianchum de Pighazzano (*sic*), magnum preceptorem balive Lombardie et Tuscie, ubi fuerunt presentes frater Francischus de Papia, frater Albericus de Albernasco, preceptor domus de Correbivolo et Johamninus de Regio, preceptor domus de Regio, destrictus Parmensis et aliis quorum nominum non recordatur. Et dixit quod nunquam vidit fratres alios abhegare deum, vel Christum, vel sanctos in sui receptione vel post; credit tamen quod alii etiam in sui reception similiter abnegabant et quia per fratres in ordine dicebatur quod sic communiter servatur in ordine.

Super v articulo interrogatus, respondit vera esse que continentur in eo. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic fuit dogmatizatus ipse in sui receptione facere per suprascriptos fratres et quia etiam sic audivit communiter dici inter fratres, quod dogmatizabatur et dicebatur in ordine Christum non esse verum deum; et dixit interrogatus quod nescit aliter nisi sicut supra dixit pro eo quod nunquam interfuit alicui capitulo nisi semel Bononie, iam sunt XVI anni, in quo capitulo nullus fuit receptus.

Super VI articulo interrogatus, respondit se nihil scire, nisi quia tantum audivit dici a fratribus quod receptores dicebant illis quos recipiebant Christum falsum fuisse prophetam.

Super VII articulo interrogatus, dixit se nihil scire, nisi quod audivit dici, a magno tempore, intra pluries a fratribus dicti ordinis quod receptores fratrum dicebant illis quos recipiebant Christum non fuisse passum pro redemptione humani generis, nec crucifixum, et sic credit quod dicebant ex quo per fratres sic dicebatur ; tamen dixit predicta verba non fuisse

dicta in sui receptione, ante vel postea quod ipse recordetur. Interrogatus a quibus audivit dici predicta, respondit a fratribus Alberico supra scripto. Marco Perugino Rufino de districtu Alexandrie.

Super VIII articulo, respondit se nihil scire.

Super VIIII articulo interrogatus, respondit quod, iam sunt XVIII anni, apud castrum Montis Caferii, ipse frater, una cum fratribus Nicholao Bavacchini de dicto Castro et Michelone de Papia, spuerunt super crucem que adherebat muro in ecclesia dicti loci, in vituperium Iesu Christi ; et scit et audivit quod sic fiebat communiter a fratribus ordinis.

Super X et XI articulis interrogatus, respondit se nihil aliud inde scire, nisi quod credit conculcatio crucis fieret communiter in ordine per fratres ipsius et maxime per maiores eorum.

Super XII articulo et II sequentibus interrogatus, dixit se nichil scire.

Super xv articulo interrogatus, dixit quod ea que fecit et fieri audivit in ordine per fratres, fiebant in vituperium Jesu Christi et fidei catholice, pro eo quod tales actus indicant vituperium

Christi et fidei, et quia sic credebat ipse et alij simi ia perpetrantes, licet ipse faceret male libenter.

Super XVI articulo et tribus sequentibus inmediate interrogatus, respondit se credere quod illi fratres qui abnegabant Chris tum, vel spuebant super crucem, vel perpetrabant alios inlicitos actus de quibus supra testiticatus est, non credebant sacramentum altaris nec alia sacramenta ecclesiastica : de se autem dicit quod credidit et credit omnia sacramenta ecclesie.

Super XX et III sequentibus articulis respondit se nichil scire.

Super XIV articulo interrogatus, respondit quod prout audivit a fratre Gandulfo, preceptore in civitate Florentie, fratres dicti ordinis dicebant, et credit quod sic credebant, ex quo sic dicebant quod magnus magister dicti ordinis poterat eos assolvere a peccatis suis : ipse lamen nunquam hoc credidit, ut dixit. Predicta etiam dixit se audivisse a fratribus Lombardie quorum nominibus non recordatur, nisi de fratre Guillelmo de Monte Calcio (*sic*).

Super XXV articulo interrogatus, dixit se nichil scire, cum nunquam viderit aliquem visitatorem in ordine, nec unquam ipse fuerit visitatus.

Super XXVI articulo interrogatus, respondit ut supra per omnia de magistro maiori, dicens etiam quod audivit communiter a fratribus qui redibant a capitulis provincialibus per preceptores balivarum, in capitulis suis congregatis fratribus dicebant : *Chi a niiun piccier vegna davanti, e chiami merze, e sera asoluto*. Et tunc illos qui veniebant ad eum assolvebat, imponendo eis penitentiam que sibi videbatur.

Super XXVII et XXVIII articulis interrpgatus, dixit se nichil aliud scire, nisi ut supra dixit.

Super XXVIIII articulo interrogatus, dicit se nichil scire quod sic confessus fuerit ut in articulo continetur, nisi quod hoc audivit postquam captus fuit.

Super XXX articulo et tribus sequentibus interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod ipse credit quod fratres in suis receptionibus deosculareпtur receptores suos, ut in articulo continetur; et hoc credit quod in ordine servaretur et fieret, pro eo quod ipse in sui receptione coactus fuit et inductus deosculari receptorem suum in ore, in umbilico et spinà dorsi. Dixit tantum quod nunquam vidit aliquem sic deosculari,pro eo quod nunquam vidit aliquem recipi.

Super XXXIIII articulo interrogatus, respondit quod, tempore sue receptionis, juravit non exire pro intrando aliquem alium or dinem et dixit quod sic audivit quod alij fratres in sui receptione sic jurabant ; dixit tamen se nullum vidisse sic iurare, pro eo quod non interfuit receptioni alicuius.

Super XXXV articulo interrogatus, respondit quod fratres dicti ordinis statim habebantur pro profexis, nulle tempore probationis premisso. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic habitus fuit et quia sic audivit dici communiter in ordine et vidit noviter receptos pro profexis haberi statim.

Super XXXVI articulo et uno sequenti interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod communiter audivit inter fratres dici quod in receptionibus fratrum non potest aliquis extraneus interesse, et ipse crédit quod ita sit, pro eo quod in sua receptione nullus interfuit, nisi fratres dicti ordinis.

Super XXXVIII et XXXVIIII interrogatus, dixit quod audivit a pluribus quod ecclesia et gentes suspicabantur et mirabantur quod clandestine receptiones et alia negotia ordinis fiebant ita occulta, et detalibus suspicationibus milies audivit loqui, a die sue receptionis et cetera.

Super XL et XLI articulis interrogatus, respondit quod tempore sue receptionis frater Blanchus supra scriptus dixit eidem fratri Bernardo, quod poterat eum alio fratre sui ordinis commisceri carnaliter et dicebat hoc non esse peccatum, sed licitum, et hoc idem dixit sibi dictum fuisse a fratre Bartbolo de Florentia et fratre Johanne, germano suo.

Super XLII et tribus sequentibus articulis interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis, et hoc scit ex eo quod audivit dici a suprascriptis fratribus quod publica fama erat in ordine quod sic poterat fieri et hoc facere non erat eis peccatum.

Super XLVI et XLVII articulo interrogatus, dixit se inde hoc scire videlicet quod, tempore quo interfuit capitulo provinciali facto Bononie de quo supra dixit, vidit quoddam capud non habens effigiem Christi, beate Marie Virginis vel alicuius sancti, et preceptor balive, scilicet frater Guillelmus de Cavelle, dixit illis fratribus de capitulo : *Adoretis istud capud, quia vester deus* est et vester Magumeth ; et ipse magister et alij fratres et ipse frater Bernardus tunc adoraverunt dictum capud. Interrogatus de nominibus fratrum quos vidit sic adorare dictum capud, respondit de fratre Johanne de Vinci, comitatus Astensis et fratre Johanne de Castro Arquati, comitatus Placentini, preceptores Campagne, comitatus Terungini et fratre Ugone de Montebello, et de aliis dixit se non recordari.

Super XLVIII et novem articulis sequentibus, respondit vera esse que in articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quod audivit a fratribus qui convenerunt in dicto capitulo quod dictum capud poterat eos salvare et divites facere et omnes divitias ordinis dabat eis. *Item quod faciebat arbores, flores et terram germinare.*

Super LVIII arliculo interrogatus, respondit verum esse quod in dicto articulo continetur. Interrogatus de causa scientie respondit quod, in dicto capitulo, vidit fratres tangentes et cingentes dictum capud cordelis, quibus postea se cingebant super camisiam et sic fieri vidit de sua cordula que tunc data fuit sibi per quen- dam ex illis fratribus, cuius nomine dixit se non recordari.

Super LXVIIII articulo interrogatus, dixit quod credit quod fratres recipientes, in receptione fratrum faciebant dare fratribus receptis tales cordulas, et una data fuit sibi, tempore sue receptionis, qua, ut dixerunt ipsi fratres, tactum fuit dictum capud.

Super LX articulo interrogatus, dixit se credere quod hoc fiebat in veneratione ipsius capitis, pro eo quod a fratribus dicti ordinis venerabatur ut deus.

Super LXI arliculo interrogatus, dixit ita verum esse ut in articulo continetur et hoc dixit se scire pro eo quod sibi iniunctum fuit a maiori suo, videlicet a fratre Blanclio, receptore suo et etiam a fratre Gerardo predicto, in capitulo Bononie celebrato, de quo supra dixit.

Super LXII et duobus sequentibus interrogatus, respondit ut supra in singulis articulis et dixit quod communis oppinio et fama est inter fratres dicti ordinis quod fratres modis predictis communiter in ordine recipiuntur.

Super LXV et duobus sequentibus articulis interrogatus, respondit se tantum hoc scire, videlicet quod audivit a fratre Petro Valenlini de Campania quod qui recipiebantur, si nolebant ea que in articulis continentur, in

sua receptione vel post interficiebantur, vel carcere mancipabanlur. Dixit tamen quod nunquam audivit aliquem qui requireretur ad premissa, vel mandaretur ei hoc facere quod ea facere recusaretur.

Super LXVIII articulo cum tribus sequentibus interrogatus, respondit quod bene iniungebatur eis, sub pena carceris, quod non revelarent aliquid de hijs que fiebant in capitulis vel in receptione eorum fietur (*sic*). Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic fuit sibi iniunctum in sui receptione et quod vidit et audivit predicta mandari in illo capitulo in quo interfuit Bononie, per fratrem Guillelmum suprascriplum.

Super LXXII articulo interrogatus, respondit quod illi qui reperiebantur revelasse que fiebant in capitulis, vel etiam in receptionibus, afligebantur carcere et auferebatur eis habitus ordinis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic audivit dici communiter a fratibus dicti ordinis.

Super LXXIII articulo interrogatus, respondit quod bene iniungebantur fratribus dicti ordinis quod non confilerentur aliquibus nisi fratribus dicti ordinis, dummodo ipsos fratres possent habere in loco ubi erant vel prope per x miliaria, in quo casu licitum erat eis confiteri fratribus predicatoribus et minoribus carmelitis et sancti Augustini. Interrogatus quomodo scit, respondit quia audivit a suis maioribus et preceptoribus.

Super LXXIIII articulo et duobus sequentibus articulis interrogatus, respondit quod fratres predicti neglexerunt corrigere dictos errores et eos denuntiare sancte matri ecclesie. Interrogatus quomodo scit, respondit quia palet per effectum, et dixit etiam quod non recesserunt ab observantia predictorum errorum et a communione fratrum sic delinquenlium, quod habebant facultatem recedendi si voluissent, tamen venissent contra iuramentum prestitum ab eosdem et predicta uunliandi et corrigendi.

Super articulo LXXVII qui incipit *: item quod predicta fiebuut et servabantur ultramare* et duobus sequentibus, respondit se credere predicta fieri et observari ultramare. Interrogatus de causa sue credulitatis, dicit quia hec communiter audivit dici a fratribus qui fuerunt ultramare quorum nominum non recordatur, qui dicebant se vidissc servari predicta in locis ubi magister generalis et conventus dicti ordinis morabantur.

Super LXXX articulo qui incipit : *item quod similiter citra mare*, interrogatus, respondit quod credit quod predicta omnia servarentur etiam citra mare, in omnibus regnis ubi fratres habitabant in locis in quibus fiebant receptiones fratrum. Interrogatus de causa sue credulitatis, respondit ideo credit quia ita servabatur ultra mare ubi erat caput et principium dicti

ordinis et quia ita fuit servatum in sua receptione et etiam in capitulo Bononie celebrato, in quo ipse interfuit.

Super LXXXI articulo et quatuor sequentibus interrogatus, respondit se credere ut supra dixit et eandem reddit rationem.

Super LXXXVI articulo interrogatus, respondit se credere verum esse ut in articulo continetur, quia eo tempore quo ipse ordo fuit institutus, ut credit, fuit institutus in maxima sanctitate et religione, tempore beati Bernardi, et quod propter malitias fratrum dicti ordinis dicti errores et puncta fuerunt introducta.

Super LXXXVII interrogatus, respondit quod credit quod receptiones fierent dicto modo, pro eo quod ipse ita fuit receptus et audivit communiter a fratribus quod alii sic recipiebantur.

Super LXXXVIII articulo et quinque sequentibus interrogatus, dixit se credere ita verum esse ut in dictis articulis continetur. Interrogatus de causa sue credulitatis, respondit ut supra ; dixit tantum quod vidit predicta servari et doceri in sua receptione et quando fuit Bononie ad capitulum ; alia nescit quia non interfuit ca° (*sic* (1)) vel receptioni alicuius.

Super LXXXXIIII articulo et uno sequenti interrogatus, respondit quod nunquam audivit ab antiquioribus quod abus modus servaretur in ordine, nec ipse vidit alium modum servari in dicto ordine.

Super LXXXXVI articulo interrogatus, dixit se nichil scire, quia nullam querelam audivit fieri apud predictos vel aliquem predictorum magistrum, preceptorem vel visitatorem.

Super LXXXXVII articulo interrogatus, dixit quod hospitalitas non servabatur in dicto ordine, sed elemosine fiebant et dabatur décima pai's panis que quoquebatur.

Super LXXXXVIII articulo et duobus sequentibus interrogatus, dixit se nichil inde scire.

Super CI articulo et quinque sequentibus interrogatus, respondit se inde hoc scire quod, quando dicti fratres faciunt capitula sua, faciunt ea clandestine, nullis presentibus, nisi dictis fratribus, ita clam quod nullus possit eos audire vel videre : dixit tamen quod capitulum in quo fuit, fuit inchoatum in aurora diei et similem observationem tenebant in receptione fratrum.

Super CVII et uno sequenti interrogatus, dixit se communiter audivisse a fratribus dicti ordinis quod magnus magister poterat absolvere a peccatis ; non tamen fuit distinctum nunquid a confessatis vel non confessatis.

Super CIX et uno sequenti articulis interrogatus, dixit se nichil scire.

Super CXI articulo interrogatus, dixit vera esse que in articulo continentur. Interrogatus de causa seientie, respondit quod dicti preceptores, primates et visitatores ordinis habebant auctoritatem a magistro et hoc dixit se scire relatione fratrum quorum nominum non recordatur.

Super CXII articulo et uno sequenti interrogatus, dixit vera esse que in dicto articulo continentur, videlicet quia totus ordo servabat quod magister statuebat et quia vidit semper, quandiu fuit in ordine, eum habere dictam potestatem et audivit a fratribus quod ab antiquo dictam potestatem habuit, quorum nominum non recordatur.

Super CXIIII articulo interrogatus, respondit se nescire quandiu fuit in ipso ordine.

Super CXV et uno sequenti articulo interrogatus, respondit vera esse que in dicto articulo continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia nunquam vidit vel audivit quod corrigerentur vel denuntiarentur sancte matri ecclesie.

Super CXVII articulo interrogatus, dixit ita verum esse ut in articulo continetur et candem rationem reddidit ut supra in proximo articulo.

Super CXVIII articulo interrogatus, dixit se nichil scire.

Super CXIX articulo interrogatus, dixit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic audivit dici.

Super CXX articulo et tribus sequentibus interrogatus, dixit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ita communiter dici audivit a clericis, fratribus et laycis.

Super CXXI articulo cum omnibus sequentibus ultimis, dixit se predicta credere per auditum et credere ommino vera esse propter mandatum pape et dixit quod predicta non testatur odio et cetera.

III. Die quintà octobris, decime Indictionis, in supradicto loco, frater Guido de Ciccica, Fesulane diocesis, preceptor domus de Caporsoli, eiusdem diocesis, constitutus in presentia suprascriptorum venerabilium patrum et domini Petri predicti, inquisitorum predictorum, iuravit corporaliter veritatem dicere super articulis contra ordinem militie templi et ad inquisita respondere. Et examinatus diligenter a supra dictis dominis inquisitoribtis super ipsis articulis, post examinationem de se et (*confessionem*) a se factam, die sextù octobris;

Super primo, secundo , tertio et quarto articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus quomodo scit, respondit quia ipse frater Guido, iam sunt IX anni vel circa, videlicet post sui receptionem per unum annum fuit vocatus ad capitulum Bononie,

in quo capitulo ipse abnegavit Christum, virginem Mariam et sanctos. Et hec dixit se fecisse de mandato fratris Jacobi de Montecucco, preceptoris magni Lombardie et Tuscie, ibidem presentis, in quo capitulo idem preceptor magnus similiter abnegavit Jesum Cbristum et virginem Mariam et sanctos, et omnes fratres ibi existentes. Interrogatus de nominibus fratrum qui interfuerunt predicto capitulo, respondit de fratribus Jacobo predicto, Ubertino de Carelle, Johanne de Campagna et Ugone de Montebello, Pagano de Brixia et fratre Johanne Brixiensi, et Dominico de Monte Donico et aliis pluribus quorum nominum non recordatur. Et iterum postea, etiam in quodam alio capitulo facto Placentie, iam sunt sex anni vel circa, ipse testis fuit inductus abnegare Jesum Cbristum. Et vidit per vicarium magni preceptoris Lombardie et Tuscie, videlicet per fratrem Ramondinum, vicarium fratris Jacobi de Montecucco et alios fratres ibi congregatos similiter abnegari. Interrogatus de nominibus illorum qui interfuerunt dicto capitulo, respondit de omnibus supradictis et etiam de fratre Arrigo de

Monte Falcone, dominico Francischo de Papia, presbitero etalijs quorum nominum non recordatur. Et dixit interrogatus quod sic communiter tiebat et servabatur in ordine per omnes fratres in capitulis maxime sicut in articulis continetur. Interrogatus quomodo scit quod sic scrvaretur, respondit quia sic audivit dici a fratribus. Et dixit interrogatus quod in quolibet dictorum capitulorum fuerunt circa numerum XX fratrum.

Super V, VI, VII et VIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quod vidit et audivit dogmatizari post sui receptionem, in supradictis capitulis, per supradictos preceptores, Jesum Christum non esse verum deum, immo falsum fuisse prophetam et eum non fuisse passum pro salute humani generis, sed pro sceleribus suis et per eum non posse nec debere salvari ; et quia sic audivit quod in ordine communiter observatur.

Super VIIII, X, XI, XII et XIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se nisi hoc scire, videlicet quod ipse, post sui receptionem in sepedictis capitulis, spuit super crucem et vidit spui super eam per omnes fratres ibi congregatos. Et dixit quod vidit aliquos qui dixerunt quod minserant super eam et pedibus conculcarant. Et dixit interrogatus quod ritus iste servabatur in omnibus capitulis et congregationibus fratrum. Et hoc scit quia sic vidit fieri in predictis capitulis et quia sic audivit dici a fratribus ordinis, et quia etiam, dum semel iret per viam ad urbem cum fratre Gerardo de Spilli, preceptore domus de Luca, idem frater Gerardus dixit ei quod frater Martinus, preceptor domus sancte Soffie Pisane, frater Gandulfus, preceptor domus de Florentia et frater Villanus, preceptor de

monte Lopio et Certalla, congregabantur ad invicem pro faciendo ea que in supra dictis articulis continentur. Et dixit interrogatus quod omni anno congregabantur capitula per provincias de mense maii, in quibus capitulis abnegabatur Jesus Christus et, in sui vituperium, spuebatur super crucem per fratres in ipsis capitulis existentes.

Super XIIII articule qui incipit : *item quod adorabant quemdam catum* interrogatus, respondit se nichil scire.

Super XV articulo qui incipit : *item quod hec faciebant in vituperium*, respondit ut supra in proximo precedenti.

Super XVI, XVII, XVIII et XIX articulis et quolibet eorum inter-

rogatus, respondit se credere quod omnes qui abnegabant Jesum non credebant sacramentum altaris. Dixit tantum quod licet ipse abnegasset eum, ipsa tamen sacramenta credebat.

Super XX et tribus sequentibus articulis, respondit se nichil scire.

Super XXIIII articulo et quatuor sequentibus articulis, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse sic credebat et sic fuit sibi dictum per fratres dicti ordinis et sic audivit et vidit preceptores, videlicet fratrem Jacobum de Montecucco et fratrem Rimondinum, in supradictis capitulis in quibus interfuit, assolventes omnes fratres ibi congregatos et dicentes : si habetis aliquod peccatum, *sites* assoluti.

Super XXVIIII articulo, dixit se nichil scire.

Super XXX articulo qui incipit : *item quod in receptione* et tribus articulis sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod ipse in sui receptione deosculatus fuit receptorem suum in ore et non alibi, et audivit dici in ordine quod fratres recepti deosculabantur recipientes eos sicut in articulis continetur. Interrogatus quare ipse non deosculatus fuit recipientem eum simili modo, respondit quia forsitan non confidit de eo et quia etiam non fuit receptus in capitulo.

Super XXXIIII articulo et tribus sequentibus interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic in ordine observatur et sic fuit monitus et factus iurare in sui receptione et quia sic professionem fecit et sic fuit habitus pro profexo. Et sic etiam vidit iurare quendem quem ad ordinem vidit recipi. Et quia etiam nullus extraneus interfuit sue receptioni.

Super XXXVIII et XXXIIII interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit pro eo quod pluries audivit iam loqui a secularibus et pluries extitit sibi dictum et petitum ab eo quare templarii sua sic negotia faciebant occulta.

Super XL articulo qui incipit : *Item quod fratribus quos recipiebant*, etc., et quinque articulis proxime sequentibus interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia extitit sibi dictum post receptionem suam in predictis capitulis in quibus interfuit, videlicet quod ipsi poterant ad invicem commisceri absque peccato, et quod fratres dicti ordinis non reputabant hoc esse peccatum et quod hoc faciebant et patiebantur ad invicem. Dixit tantum quod ipse nunquam hoc fecit et dixit interrogatus quod frater Arrigus de Panzano, frater Guillelmus de Nove, frater Martinus, preceptor de Pisis, frater Gandulfus, preceptor de Florentia, frater Villanus, preceptor de monte Lopio, erant maxime subdomite. Et hoc scit quia audivit dici a fratribus dicti ordinis pluries et pluries, iam sunt quinque anni et ultra, et quod idem frater G. tenebat quendam juvenem quasi pro uxore sua, qui juvenis factus est postea frater in dicto ordine ; cuius fratris nomen dixit esse frater Petrus Reginus.

Super XLVI articulo qui incipit *: Item quod ipsi fratres per singulas provincias habebant idola* et quindecim articulis sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod ipse vidit in supradictis capitulis in quibus ipse fuit dictum capud, et quod dictum capud preceptor et alii fratres, in dictis capitulis, adorabant et venerabantur ut deum et ut salvatorem et dicebatur inter ipsos fratres quomodo ipsum capud poterat eos salvare et ipsi sic credebant. Item dicebant fratres ipsi quod omnes divitias ordinis dabat eis et omnia facere poterat sicut deus. Et vidit fratres euntes ad dictum capud, inclinantes se sibi et adorantes illud et cingentes eum cordulis quibus se ipsos cingebant, ob devotionem ipsius, super camisciam tantum. Et hoc etiam faciebant ex mandata maioris preceptoris. Et dixit interrogatus quod dictum capud maxime in capitulis adorabatur et quod non vidit eum adorari nisi in dictis capitulis. Et ipse etiam in dictis capitulis adoravit illud. Interrogatus quam effigiem habehat dictum capud, respondit quod erat de metallo et habebat faciem quasi humanam, capillos nigros et crispos et non recordatur quod habuerit barbam ; circa collum autem et gulam habebat deaurata. Interrogatus in cuius reverentia adorabant dictum capud, respondit quod nescit, nisi quia credebant eum deum esse. Et dixit etiam interrogatus quod frater Martinus, preceptor domus sancte Soffie Pisane, dixit sibi, fratri Guidoni, quod ipse habebat quoddam capud Pisis quod ipse adorabat et frater Villanus, preceptor domus de monte Lopio et quod dictum capud similabatur capiti quod erat Bononie.

Super LXII articulo qui incipit *: Item quod communiter* et duobus sequentibus interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interro-

gatus quoniodo scit, respondit quia sic vidit servari communiter per omnes fratres dicti ordinis euntcs ad capitula et ubique in locis in quibus interfuit, videlicet Bononie et Placentie ; et scit quod, in omnibus aliis locis ubi capitula fiebant, servabantur et fiebant predicta.

Super LXV articulo et duobus sequentibus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus quomodo scit, respondit ex dictu fratrum quia sic communiter dicebatur inter eos. Ipse tantum dixit se nunquam audivisse aliquem propter ea carceratum.

Super LXVIII articulo qui incipit : *Item quod iniungebatur* et quatuor sequentibus articulis interrogatus, respondit vera esse que continentur in eo. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic vidit et audivit iniungi in capitulis in quibus fuit, mandari per sacramentum et sub penis predictis, ne predicta alicui revelarent, et quod si qui reperti fuissent revelasse predicta, fuissent interfecti vel carcerati. Dixit tantum quod nunquam vidit aliquem qui predicta facere recusaret, et qui inventus fuerit revelasse predicta. Et dixit interrogatus quod fratres etiam de predictis inter se loqui non audebant, pro eo quod semper timebant de predictis loqui et quia etiam timebant ne possent gentibus propalari. Et dixit interrogatus, hoc timore, non revelasse predicta.

Super LXXIII articulo interrogatus, dixit vera esse que contnentur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic fuit sibi iniunctum et sic vidit iniungi in predictis capitulis. Et dixit interrogatus quod fratres dicti ordinis non confitebantur nisi quod maior preceptor absolvebat cos a peccatis in capitulis, extendens manum suam ad omnes, nec alias penitentias iniungebat.

Super LXXIIII qui incipit : *Item quod fratres dicti ordinis scientes dictos errores* et cetera et aliis duobus sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus quomodo scit, respondit quia nunquam vidit aliquem fratrem dicti ordinis corrigi de premissis, immo mandabatur communiter omnibus fratribns quod omnia predicta facerent, et quod vidit continue fratres existentes et perseverantes in huius rnodi corruptelis et quod non nuntiaverunt sancte matri ecclesie, quia si nuntiavissent, non tantum viguisset hic error. Et dixit quod hec patent omnia per effectum.

Super LXXVII articulo qui incipit : *Item quod predicta fiebant et servabantur ultramare* et octo articulis sequentibus, respondit ita verum esse ut continetur in eo. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic vidit et audivit servari in locis in quibus conversatus est cum fratribus et audivit quod in locis predictis observabantur ex longa consuetudine et constitutione ordinis.

Super LXXXV articulo et uno sequenti interrogatus, respondit ita esse ut continetur in eo. Et dixit se hoc scire auditu et credulitate.

Super LXXXVII articulo interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo, quia sic cominuniter dicebatur in ordine inter fratres quod fratres predictis modis recipiebantur.

Super LXXXVIII articulo qui incipit : Item quod magister generalis et VIII sequentibus, respondit vera esse que continentur in hiis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia hoc scit per dictos fratres dicti ordinis et quia etiam ipse hoc audivit dici in capitulis in quibus ipse interfuit.

Super LXXXXVII articulo qui incipit : *Item quod elemosine* et cetera, respondit vera esse que continentur in eo, a XX annis supra videlicet antequam civitas Accon (2) perderetur; sed postea fratres juvenes bene facere inceperunt elemosinas.

Super LXXXXVIII articulo et tribus sequentibus, respondit quod bene iurabant fratres recepti quibuscunque modis possent procurare et conservare et augmentare bona ordinis et quod non reputabant peccatum quibuscunque modis possent acquirere, nec etiam propter hoc deierare.

Super CI et quatuor sequentibus articulis interrogatus, respondit quod capitula dicti ordinis consueverunt sic teneri : videlicet quod quando fieri debebat capitulum, in crastinum majores de capitulo congregabantur primo de sero in prima vigilia noctis et postea etiam aliquantulum ante mattutinum. Et postea in aurora fiebat capitulum de omnibus fratribus, et fiebat adeo clam quod nullus poterat eos audire vel videre ; et quod ponebant custodes ad hostium capiluli quod nullus posset accedere ad eos et tota familia domus stabat in una parte sive in uno angulo domûs, et quod omnia hostia domûs erant ita firmata quod nullus poterat ad eos accedere. Etiam predicta dixit se scire quia sic vidit servari et fieri in locis ubi fuit ad capitulum et sic dicebatur quod communiter servabatur et fiebat per totum ordinem.

Super articulo qui incipit : *Item quod eimilem clandestinationem* et cetera interrogatus, respondit quod, quando erant a XII fratribus (vel) supra, bene servabatur huiusmodi clandestinatio, sed quando erant a VI fratribus vel infra non servabatur.

Super articulo qui incipit : *Item quod hic error viget* et cetera et alio sequenti, respondit quia sic credebatur et tenebatur in ordine et ipse etiam sic credebat.

Super articulo qui incipit : *Item quod magnus magister* et alio sequenti, respondit se nescire, nisi per auditum.

Super articulo qui incipit : *Item quod predictos errores* et cetera et alio sequenti interrogatus, respondit quod bene tenebatur de magno magistro

et visitatore et preceptoribus balivarum, et hoc scit quia sic ipse credebat et sic audivit etiam predicari ab eis.

Super articulo qui incipit : *Item quod tanto tempore*, respondit quod huiusmodi errores viguerunt in dicto ordine a tanto tempore citra quod de hoc memoria non existit.

Super articulo qui incipit : *Item quod renovati* et cetera et duobus sequentibus, respondit ut supra in aliis articulis ubi de hac cadem materia dictum est.

Super articulo qui incipit : *Item quod multi fratres de dicto* ordine et cetera interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic audivit dici in ordine a fratribus dicti ordinis quod plures fratres iam exiverant, et quia etiam vidit unum qui de dicto ordine exivit, videlicet fratrem Jacobum Malescalcum, domini Pape.

Super articulo qui incipit : *Item quod propter predicta* et cetera, respondit vera esse que continentur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit quia patent hec omnia per effectum.

Super articulo qui incipit : *Item quod predicta omnia* et ce-

tera et sequentibus tribus interrogatus, respondit vera esse que continentur in eo, de hijs videlicet que a se attestata sunt.

Super articulo qui incipit : *Item quod magnus magister* et cetera et reliquis omnibus sequentibus interrogatus, respondit quod credit per auditum et publicam famam, et aliud dixit se nescire. Et dixit quod predicta non testatur timore, odio, vel amore vel precibus, sed pro veritate tantum.

IIII. Die XI mensis octubris (*sic*), decima indictionis, in supradicto loco, frater Niccholaus Reginus, preceptor domus sancti salvatoris de Grosseto, ordinis militie templi, constitutus in presentia dictorum dominorum inquisitorum, in coro ecclesie sancti Egidii de Florentia, iuravit ad sancta dei evangelia meram, pie nam et puram dicere veritatem super hijs que dicti domini inquisitores peterent ab eo, super articulis insertis sub bullis domini Pape contra ordinem militie Templi. Et post examinationem de se et confessionem a se factam super articulis contra singulares personas dicti ordinis, examinatus diligenter a supradictis dominis inquisitoribus super ipsis articulis contra ordinem.

Super primo, secundo, tertio et quarto articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia, iam sunt XII anni, ipse, frater Nicolaus, in sui receptione abnegavit Christum, Virginem Mariam et

sanctos in capitulo Bononie celebrato per fratrem Guillelmum de Nove, magnum preceptorem Lombardie et Tuscie, in quo capitulo interfuerunt, ut dixit, XL vel L fratres, quorum nominibus se non asseruit recordari. Et ad hoc fuit inductus et monitus per supradictum magnum preceptorem qui recipit eundem. Et quia etiam, ipse frater Nicholaus, vidit, iam sunt VII anni, vel VIII, vel circa, in quodam alio capitulo celebrato Bononie, per fratrem Jacobum de Montecucco, magnum preceptorem balive, fratres Albertum et Guidonem de Marchia Ancone, in suorum receptione factos abnegare Christum, virginem Mariam et sanctos. In quo capitulo dixit interfuisse circa XL vel L fratres quorum nominibus non recordatur, nisi de fratribus Pazano, preceptore domûs de Brixia, Francisco, preceptore domûs de Padua, Johanne, preceptore domûs Campagne. Et scit quomodo ritus iste recipiendi fratres communiter in ordine servabatur, pro eo quod sic fuit in sua receptione scrvatus et in receptionibus predictorum quos vidit recipi.

Super quinto articulo et tribus sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eo. Interrogatus quomodo scit, respondit qnia audivit dici et dogmatizari, per fratres Guillelmum de Nove et Jacobum de Montecucco, quod Christus non erat verus dominus neque deus, sed erat falsus propheta et passus non fuerat pro salute humani generis et quod non habebant spem salvationis habende per Christum, sed per quoddam capud quod in dicto capitule ponebatur, quod colebant et adorabant ut deum.

Super VIII articulo et quatuor sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit se in sui receptione inductum fuisse, per supradictum receptorem suum, spuere super crucem et vidit etiam spui super eam in receptione supradictorum fratrum quos recipi vidit et eos mingere super eam et eam pedibus conculcare, et quia audivit dici a fratre Johanne de Campania, iam sunt novem anni, in domo sua de la Campagna, quod fratres in domibus conventualibus conveniebant, die veneris sancti, ad conculcandam ipsam crucem et mingendum super eam. Et dixit etiam quod ipse audivit dici, ab ipso fratre Johanne, quod ipse hoc fecerat et fieri fecerat per fratres sui conventus de Campania.

Super XIIII articulo et uno sequenti et quolibet corum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia vidit dictum catum nigrum in capilulo Bononiensi apparentem eis, et fratres capituli adorare ipsum, tempore sue receptionis ad ordinem, et dixit quod vidit dictum catum stantem in dicto capitulo per

oram et postea evanuit. Et hec et omnia alia supradicta faciebant in vituperium Christi et fidei orthodoxe. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipsi fratres sic dicebant.

Super XVI et septem articulis sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit se nichil aliud inde scire, nisi quod se mel audivit dici, a fratre Johanne de Campagna supradicto, in domo predieta de Campania, quod sacramentum quod in altari conficitur non erat corpus Christi, et credit quod fratres qui

Christum abnegabant non credebant sacramentum altaris nec alia sacramenta . Ipse tamen, licet ore Christian ahnegaverit, corde tamen non negavit et ipsa sacramenta credebat.

Super XXIII articulo et quatuor sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scicntie, respondit se audivisse dici a fratribus dicti ordinis quod magnus magister poterat eos absolvere ab omnibus peccatis. Et quod visitatores et preeeptores ba- livarum, quantucunque (*sic*) layci essent, de dicti magistri licentia et commissione speciali poterant similiter absolvere. Et, in capitulis in quibus interfuit, vidit preceptores predictos absolventes fratres in capitulis congregatos.

Super XXVIII articulo interrogatus, respondit se nichil scire.

Super XXX articulo et tribus sequentibus, respondit se nichil scire, nisi de osculo oris tantum.

Super XXXIIII articulo et tribus sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse in sua receptione iuravit et sic vidit dictos fratrem Guidonem et Albertum iurare, et quia ipse sic fuit habitus pro profexo statim et sic vidit dictos fratres pro profexis haberi et teneri, et quia receptio sua et dictorum fratrum facte fuerunt clandestine et nullis presentibus, nisi fratribus dicti ordinis, et quia audivit dici a fratribus quod omnia predicta sic servabantur in ordine.

Super XXXVIII et VII sequentibus, respondit se nichil scire.

Super XLVI et XV sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit se vidisse dictum capud Bononie, in capitulo, tempore sue receptionis, celebrato ; et vidit illud capud venerari ut deuin et salvatorern suum per fratres in capitulo congregatos, dicentes quod illud capud poterat eos salvare et divites facere et quod omnes divitias ordinis dabat eis, et *faciebat arbores florere et terram germinare*, et omnia facere poterat sicut deus. Et quod frater Guillelmus de Nove cinxit dicto capiti quondam

cordulam quam dedit dicto fratri Nicholao in sui receptione et iniunxit ci quod dicta cordula debetur uti continue circa camisciam vel carnem. Et hec omnia faciebant in veneratione dicti capitis. Et dixit interrogatus quod dictum capud habebat faciem humanam, capillos nigros et crispos, barbam modicam et curtam et non habens effigiem alicuius sancti.

Super LXII et duobus sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia vidit in dictis capitulis in quibus interfuit fratres quos vidit recipi, recipi modis predictis et ipse etiam fuit receptus omnibus hiis modis de qui- bus supra in singulis articulis dixit per ordinem, et quia sic communiter dicebatur quod fratres modis predictis recipiebantur.

Super LXV et duobus sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur, videlicet quod fratres rucusantes predicta occidebantur, vel carcerabantur, vel ad partes alias longinquas mittebantur, videlicet in Sardiniam, vel ad alias partes, ut ibi cito finirent dies suos. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic audivit dici communiter in ordine quando fiebat.

Super LXVIII et IIII sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in dictis articulis continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic audivit dici communiter inter fratres, et quia sic fuit sibi iniunctum ne predicta revelaret. Et sic vidit et audivit iniungi predictis fratribus quos vidit recipi ; et audivit dici a fratribus quod qui inventi fuissent predicta revelare, auferebatur ab eis habitus et ponebantur in carcere; morte tamen non puniebantur. Et dixit etiam quod audivit dici quod quando plures duobus fratribus loquerentur ad invicem de predictis, puniebantur.

Super LXXII articulo interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic fuit sibi iniunctum et sic audivit et vidit iniungi in capitulis in quibus fuit.

Super LXXIIII articulo et duobus sequentibus articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia unquam vidit vel audivit aliquam correctionem vel denuntiationem fieri de dictis erroribus, nec aliquem vidit recedere ab observantia predictorum errorum, licet facultatem habuissent recedendi.

Super LXXVII articulo et VIII sequentibus, interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic communiter audivit per fratres dicti ordinis, ab eo tempore quo fuit in ordine et citra et sic vidit observari et fieri in locis citramarinis in quibus ipse

interfuit. Et dixit quod predicta fiebant ex constitutione dicti ordinis. Interrogatus si unquam vidit vel legit dictam constitutionem, respondit quod non.

Super LXXXXVI articulo interrogatus, respondit quod credit.

Super LXXXXVII articulo et VIII sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic vidit fieri reeeptores fratrum quos recipi vidit et quia ipse sic fuit receptus ; et quia sic audivit commmuniter dici et dicebatur in ordine quod generalis magister, visitatores, preceptores et alii maiores dicti ordinis iniungebant predicta et servari et fieri faciebant, et quod ipsim et etiam observabant et dogmatizabant. Et dixit etiam quod abus modus non fuerit observatus.

Super LXXXXVI qui incipit : *item quod predictum receptionis modum*, respondit vera esse que continentur in eo. Interrogatus, de causa scientie, respondit quia sic audivit dici communiter a fratribus dicti ordinis.

Super LXXXXVII articulis interrogatus, respondit vera esse que continentur in eo. Et boc scit pro eo quod ipsas elemosinas non vidit fieri in ordine, et si aliquando fiebant, dixit quod fiebant ad excusationem fratrum, et quod etiam non vidit in dicto ordine hospitalitatem servari.

Super LXXXXVIII et duobus sequentibus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse testis, quando ordinem intravit, sic fuit compulsus iurare et sic vidit induci et iurare supradictos fratres quos ad ordinem vidit recipi. Et quia in ordine tenebatur et fratres sic dicebant quod procurare utilitalem ordinis quibuscunque modis non esse peccatum, nec reputabant peccatum propter hoc etiam deierare.

Super CI et quinque articulis sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que in articulis continentur. Et hoc dixit se scire pro eo quod sic vidit servari et audivit in capitulis in quibus interfuit. Dixit tantum quod ipse non vidit poni excubiam super tectum, sed audivit dici quod ponebatur.

Super CVII articulo et uno sequenti interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, resspondit quia omnes fratres dicti ordinis communiter sic dicebant et credebant et ipse etiam sic credebat et sic audivit dici a dictis fratribus, ab eo tempore quo fuit in ordine et citra.

Super CVIIII et CX articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se nichel scire.

Super CXI articulo qui incipit : *item quod predictos errores* et cetera, respondit ita verum esse ut in articulis continetur. Interrogatus de causa

scientie, respondit quia sic vidit servari et audivit quod in ordine servabatur.

Super CXII et CXIII, respondit credere ita verum esse ut continetur in eis, pro eo quod sic vidit teneri per alios et servari, quod quicquid ipse magister statuebat debebat per totium ordinem servari.

Super CXIIII articulo interrogatus, respondit quod credit quod dicti pravi modi et errores tanto tempore duraverunt quod, non solum semel et bis, sed pluries de personis potuerint renovari.

Super CXV articulo et duobus sequentibus articulis interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit ut supra in LXXV articulo.

Super CXVIII articulo interrogatus, respondit se nichil aliud inde scire nisi quod audivit dici quod plures fratres, propter hoc, de dicto ordine exiverunt.

Super CXVIIII articulo, respondit se credere que in dicto articulo continetur, et hoc scit quia patet per effectum.

Super CXX et tribus sequentibus articulis interrogatus, respondit vera esse queque in dictis articulis continentur, de hiis que a se attestata sunt. Et hoc scit quia sunt publica inter fratres dicti ordinis.

Super CXXIIII et reliquis omnibus ultimis, respondit se nichil scire, nisi per auditum. Et dixit quod predicta non testatur odio vel timore, prece nec pretio, sed pro veritate tantum.

V. Die XVI octubris, X indictionis, in supradieto loco frater

Lanfranchus de Florenzuola, ordinis militie templi Ierosolimitani, testis iuratus veritatem dicere super articulis memoratis, die ultima mensis septembris decime indictionis constitutus in presentia suprascriptorum dominorum inquisitorum, et examinatus diligenter ab eis super articulis ipsis, post confessionem et depositionem de se et a se factam super articulis contra singulares personas, die sexta decima mensis ottubris ;

Super primo, secundo, tertio et quarto articulis interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse, in sui receptione, sic fuit inductus et monitus Christum abnegare per illum qui recepit cum. Et sic vidit abnegari per illos fratres quos vidit ad ordinem recipi, videlicet per fratreni Petrum de Castro Arquati qui una secum receptus fuit, per fratrem Guillelmum de Bobbio, magnum preceptorem balive Lombardie et Tuscie, iam sunt anni L et ultra, presentibus fratribus Johanne de la Campagna, Alberto de la Marotta et Valzutio de Papia ; et quia plures vidit recipi in ordine, videlicet fratres Johannem de

Papia, qui fuit receptus in domo de Berzale (*sic*), tempore fratris Isuardi (*sic*), tenentis locum magni preceptoris in Lombardia, iam sunt L anni vel circa, et Guillelinum de Niza, qui fuit receptus cum eo et plures alios in ipsorum receptione moneri et induci Christum abnegare et ipsos, sic monitos et inductos, Christum abnegare, virginem Mariam et sanctos, et sic communiter observatur in receptionibus quorunicumque maxime quando receptiones fiunt in capitulis.

Super V, VI, VII et VIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se credere ita verum esse ut continetur in eis, pro eo quod in sui receptione, quando Christum abnegavit, extitit sibi dictum quod Christus non erat verus deus, et similiter etiam dici audivit illis fratribus quando ad ordinem fuere recepti.

Super nono decimo, XI, XII et XIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit quod ipse et supradicti fratres quos vidit recipi, in sui receptione fuerunt inducti spuere crucem et sic ipse spuit super eam et vidit supradictos fratres noviter receptos spuere super eam. Et dixit quod ordo ipse communiter observat in receptionibus fratrum et in eorum capitulis facere spuere crucem et abnegare Christum. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic vidit fieri et sic servari in pluribus capitulis provinciallibus in quibus fuit, videlicet in quodam capitulo facto Bononie, iam sunt XXXVI anni, in quo fuerunt circa quinquagenta fratres, et in quodam alio capitulo facto apud Cerrum (*sic*), diocesis Parmensis, et in pluribus aliis capitulis de quibus dixit in examinatione facta de ipso contra singulares personas super hijs eisdem seu consimilibus articulis.

Super XIIII articulo interrogatus, respondit se nichil scire.

Super XV articulo, respondit quod credendum et presumendum est quod hec fiebant in vituperium Jesu Christi.

Super XVI articulo et tribus sequentibus interrogatus, respondit quod ipse bene credebat ipsa sacramenta ; de alijs dixit se nescire ; dixit tantum quod credit quod illi qui Christum abnegabant non credebant ipsa sacramenta.

Super XX articulo et XIII sequentibus articulis, respondit se nichil scire.

Super XXXIIII articulo et tribus sequentibus articulis interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse in sui receptione iuravit ordinem non exire pro intrando ad aliquem alium ordinem, nisi forte ad ordinem regule fortioris ; et statim professionem fecit ; et quia in sui receptione nullus fuit, nisi fratres dicti ordinis de quibus dixit supra.

Super XXXVIII articulo et uno sequenti articulis interrogatus, respondit se credere quod grandis suspictio orta fuerit contra fratres dicti ordinis pro eo quod sua negotia faciebant ita secreta.

Super XL et quinque sequentibus articulis, et quolibet eorum interrogatus, respondit se nichil scire, inmo dicit quod qui inventus fuisset in hoc peccato perdebat mansionem suant, et de hoc erat expressum preceptum in ordine.

Super XLVI et XV articulis sequentibus interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod ipse, in supradictis capitulis in quibus fuit, vidit quoddam capud habens faciem humanam, capillos nigros, riccintos, parvos, collum et gulam deaurata ; quod capud vidit adorari per fratres, in capitulis congregatos, tanquam deus et salvator et inclinare se sibi, sicut deo et salvatore suo, et deinde audivit etiam quod observabatur adorari dictum capud cominuniter per totum ordinem. Et aliud dixit se nescire de contentis in eis.

Super LXII articulo et duobus sequentibus interrogatus, respondit quod fratres recipiebantur communiter hijs modis de quibus dixit supra et quando recipiebantur in capitulis ; sed quando non recipiebantur in capitulis, non recipiebantur dictis modis.

Super LXV articulo et duobus sequentibus articulis, respondit se nichil scire.

Super LXVIIII articulo et IIII sequentibus, respondit quod bene iniungebatur quod capituluni nulli deberet revelari. Et hoc scit quia sic vidit et audivit iniungi, et aliud dixit se nescire.

Super LXXIII articulo interrogatus, respondit quod licitum erat fratribus dicti ordinis quod possent confiteri quibuscunqunque religiosis.

Super LXXIIII articulo et duobus sequentibus interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia, dum fuit in ordine, vidit observari predicta et audivit quod continue servabantur ea de quibus supra dixit et nunquam audivit quod dicti errores correcti fuerint.

Super LXXVII articulo qui incipit : *item quod predicta fiebant et servabantur ultramare* et VIII sequentibus articulis interrogatus, respondit se credere quod predicta serventur ultramare et citra mare et in omnibus locis et regnis predictis et quod ista omnia serventur ex constitutione et observantia et longa consuetudine. Interrogatus quare hoc credit, respondit quia ista servabantur generaliter in toto ordine et sic vidit servari in locis et capitulis in quibus fuit et audivit quod servantur in locis predictis, et credit etiam quod, ex mandato maioris sive magistri et constitutione

ordinis, predicta serventur, quia, nisi fuisset mandatum maioris vel constitutio ordinis, non fuissent premissa servata.

Super LXXXVI articulo interrogatus, respondit quod credit.

Super LXXXVII articulo et octo sequentibus et quolibet eorum interrogatus, respondit quod credit, quia vidit fratres recipi ad dictum ordinem hijs modis de quibus supra dixit, videlicet, abnegando Christum, spuere super crucern et dictum capud adorando et faciendo professionem in ipsa receptione.

Super LXXXXVII articulo interrogatus, respondit vera esse que in dicto articulo continentur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse nunquam vidit nec audivit aliter recipi fratres ad dictum ordinem, nisi modis illis de quibus superius dixit in singulis articulis.

Super LXXXXVII articulo interrogatus, respondit quod elimosine bene fiebant in ordine, sed hospitalitas non servabatur, cum ad hoc non teneretur.

Super LXXXXVII articulo et duobus sequentibus articulis interrogatus, respondit quod crescere et augmentare bona ordinis licitis modis iuvabant et aliter augmentare reputabant esse peccatum.

Super CI articulo et tribus articulis sequentibus interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet, in capilulis in quibus fuit, vidit excludi totam familiam de domo, ita quod nullus posset eos audire vel videre et ponebantur custodes ad cammeram magistri sive preceptoris, ita ut nulli ad eos pateret accessus, et quod ipsa capitula tenebantur in aurora diei, dicta missa.

Super CVI articulis interrogatus, respondit quod verum est quando recipiebantur in capitulis, sed quando non recipiebantur in capitulis layci poterant interesse.

Super CVII articulo et centesimo oetavo interrogatus, respondit quod fratres dicti ordinis non credebant se posse assolvi nisi a sacerdotibus ; dixit tantum quod primo oportebat obtineri licentiam a magistro generali.

Super CIX articulo et ex interrogatus, respondit se nichil scire.

Super CXI articulo, respondit quod non, nisi de licentia magistri ut supra dixit.

Super CXII et CXIII, respondit ita verum esse ut continetur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic observabatur et sic tenebatur communiter per totum ordinem.

Super CXIIII articulo interrogatus, respondit quod credit, quia ipse semper, dum fuit in ordine, sic vidit et audivit quod dicti pravi modi observati fuerunt.

Super CXV articulo et duobus sequentibus interrogatus, respondit ut supra in aliis articulis et consimilibus.

Super CXVIII articulo interrogatus, respondit se nichil scire.

Super CXVIIII articulo interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eo: et hoc dicit patere per effectum.

Super CXX et tribus sequentibus articulis interrogatus, respondit quod de hiis que a se attestata sunt est publica vox et fama et ea omnia sunt publica et notoria.

Super CXXIIII et aliis omnibus ultimis interrogatus, respondit se nichil scire, nisi sicut audivit dici quod continetur in licteris domini pape et per commune dictum gentium. Et dixit suo iuramento quod hec non testatur vel dicit odio, vel amore, prece, pretio vel timore, sed pro veritate tantum.

VI. Die XXIIII octubris, decima indictionis, Luce in Palatio episcopali, qui in cumincia (*sic*), frater Jacobus de Pighaczano, Placentine diocesis, testis iuratus veritatem dicere super articulis contra ordinem militie Templi, die XXII ottubris, constitutus in presentia supradictorum duorum Inquisitorum et examinatus diligenter ab eis super ipsis articulis, post examinationem, confessionem et depositionem de se et a se factam hodie, XXIIII ottubris;

Super primo, secundo, tertio et quarto articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod ipse vidit quosdam fratres, videlicet fratrem Franciscum Apulum et fratrem Manginum, qui morabatur in Campania, et plures alios quorum nominum non recordatur, recipi ad dictum ordinem; qui in sui receptione moniti et inducti per illos qui eos receperent, abnegaverunt Christum, virginem Mariam et sanctos. Et se interfuisse in pluribus capitulis provincialibus in quibus vidit Christum similiter abnegari per omnes fratres in capitulis congregatos; de quibus capitulis et fratribus existentibus in eisdem dixit, in confessione de se facta super articulis contra singulares personas. Dixit insuper se a pluribus fratribus audivisse quod ipsi viderunt in capitulis Christum publice abnegari per fratres dicti ordinis, de quibus etiam dixit in confessione de se facta super articulis memoratis. Et dixit etiam interrogatus quod ipse testis cum aliis fratribus dicti ordinis Christum similiter ab negavit in predictis capitulis in quibus fuit, quamvis hoc fecisset coactus.

Super qninto, sexto, et septimo et quolibet eorum interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit se vidisse et audivisse sic dogmatizari in predictis capitulis et in receptionibus supradictorum fratrum quos vidit recipi.

Super VIII articulo interrogatus, respondit quod illi qui Christum abnegabant non habebant spem salvationis habende per ipsum.

Super VIIII, X, XI, XII et XIII articulis et quolibet eorum interrogatus, respondit se inde hoc scire, videlicet quod ipse vidit spuere super ipsam crucem supradictos duos fratres quos vidit ad ordinem recipi in sui receptione, ad inductionem et persuasionem recipientum eos. Et vidit etiam spuere super eam fratres illos quos vidit Christum abnegare in capitulis memoratis; et ipse testis in ipsis capitulis spuit etiam super eam. Dixit etiam se audivisse a fratre Guastapane de Montefiascone quod ipse vidit quosdam fratres, videlicet fratres Jacobum de Balestra et Petrum de Campania, spuere super crucem, et audivit a pluribus fratri bus quod frater Gerardus, preceptor balive de Urbe, cum quibusdam aliis fratribus quorum nominum non recordatur, congregabantur ad invicem pro spuitione, minctione et conculcatione predictis faciendis super crucem, et aliud dixit se nescire.

Super XIIII articulo interrogatus, respondit se nichil scire.

Super xv articulo interrogatus, respondit verum esse quod continetur in eo. Interrogatus de causa scientie, respondit quia non fecissent, nisi fecissent in vituperium Jcsu Christi.

Super XVI articulo et tribus sequentibus articulis interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis, de illis videlicet qui Christum abnegabant.

Super xx articulo et tribus sequentibus articulis interrogatus, respondit se nichil scire.

Super XXIIII articulo et IIII sequentibus articulis interrogatus, respondit quia in ordine credebatur et dicebatur quod magnus magister, et qui est in loco suo, posset assolvere ab omnibus peccatis; ipse tantum credebat quod posset absolvere solumodo a disciplinis.

Super XXVIIII articulo, respondit se nichil scire.

Super XXX articulo et quatuor sequentibus articulis, respondit quod bene audivit dici in ordine quod, quando fratres recipiebantur, deosculabantur receptores suos sicut in articulis continetur et quod aliqui fratres, in sui receptione, sic faciebant et observabant. Et hoc audivit dici pluries et a pluribus fratribus; dixit tamen se nunquam vidisse dictum modum servari.

Super XXXIIII articulo et tribus sequentibus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia in sui receptione iuravit ordinem non exire, sine licentia sui superioris et quia statim fuit habitus pro profexo, et quia receptus fuit nullis presentibns,

nisi fratribus dicti ordinis, et quia iste modus recipiendi fratres in ordine communiter servabatur.

Super XXXVIII articulo et uno sequenti interrogatus, respondit se nichil scire; dixit tamen quod, si suspictio contra fratres ordines laboravit, bene est ostensum.

Super XL et V sequentibus articulis interrogatus, respondit se nichil scire; dixit tamen quod vidit et audivit multipliciter infamari de dicto vitio fratrem Jacobum de Bononia de fratre Manfredo, olim famulo suo.

Super XL et XI articulis proxime sequentibus interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia ipse vidit dicta capita in provincia Lombardie, videlicet Bononie et in provincia Rome, apud Capitam (*sic*), et dixit quod dictum caput habebat faciem unam tantam humanam, capillos nigros et crispos et barbam modicam; collum autem et gulam habebat quasi deaurata. Et dixit interrogatus quod ipse vidit dictum capud adorari in dictis capitulis per omnes fratres ibi congregatos et ipse etiam adoravit et audivit per aliquos in dictis capitulis existentes, quod dictum capud poterat eos salvare et divites facere, *terramque facere germinare et arbores florere*. Interrogatus quare adoraverunt dictum capud, respondit quod, prout audivit, quia credebant eum esse salvatorem et deum suum; ipse tamen non credebat.

Super LVIII articulo et tribus articulis sequentibus interrogatus, respondit se nichil scire.

Super LXII articulo et duobus sequentibus interrogatus, respondit quod bene vidit plures fratres dicti ordinis recipi predictis modis, de quibus dixit supra. Interrogatus quos vidit sic recipi, respondit de illis de quibus dixit supra in predictis articulis.

Super LXV articulo et duobus sequentibus, respondit se nichil scire.

Super LXVIII articulo et tribus sequentibus articulis, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic vidit et audivit iniungi in capitulis in quibus interfuit et in receptione fratrum quos vidit recipi.

Super LXXII articulo interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus quomodo scit, respondit per auditum et publicam famam. Et dixit etiam quod de predictis interrogatus se loqui non audebant.

Super LXXIII articulo interrogatus, respondit quod preceptum erat quod confiterentur fratribus dicti ordinis. Et si non poterant confiteri ipsis fratribus, possent aliis religiosis cuiuscunque ordinis. Et dixit quod illi qui abnegabant Christum, confitebantur fratribus alterius ordinis, ut hominibus apparerent.

Super LXXIIII articulo et duobus sequentibus articulis interrogatus, respondit ita verum esse ut continetur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia hec patent omnia per effectum.

Super LXXVII articulo qui incipit : *Item quod predicta faciebant* et cetera et VIII sequentibus articulis interrogatus, respondit quod bene dicebatur inter fratres quod predicta omnia fiebant et servabantur ultramare et in presentia generalis magistri et in Cipro et citramare et in omnibus locis ubi fratres recipiebantur ad ordinem et fiebant capitula. Et hoc scit quia predicta servari vidit in supradictis capitulis in quibus interfuit et in receptione supradictorum fratrum quos recipi vidit. Et dixit quod hec consuetudo sive corruptela servabatur ex longa et antiqua observante et per constitutionem ordinis. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic dicebatur in ordine et sic ipse audivit a multis fratribus dicti ordinis. Interrogatus si nunquam vidit dictam constitutionem, respondit quod non.

Super LXXXVI articulo interrogatus, respondit quod credit.

Super LXXXVII qui incipit : *Item quod receptiones fratrum*, respondit quod receptiones fratrum communiter predictis modis in ordinem sic fiebant ; tamen aliqui non sic recipiebantur, sed recipiebantur secundum regulam eis traditam a beato Bernardo, secundum quam ipse, frater Jacobus, asseruit se receptum.

Super LXXXVIII articulo qui incipit : *Item quod magister* et cetera et quinque sequentibus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia sic publice audivit dici inter fratres et quia ipse sic audivit et vidit precipi et mandari a preceptoribus balivarum in capitulis balivarum de quibus supra dixit.

Super LXXXXIIII articulo et uno sequeuti interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit ut supra in proxime precedentibus.

Super LXXXXVI articulo interrogatus, respondit quod oppinio erat inter certos fratres quod sic puniebantur graviter qui nolebant predictum receptionis modum servare.

Super LXXXXVII articulo interrogatus, respondit quod elemosine, secundum antiquam consuetudinem ordinis, debebant fieriter in ebdomoda, quam consuetudinem aliqui faciebant, aliqui non: hospitalitas autem in ordine non servabatur.

Super LXXXXVIII articulo et duobus sequentibus interrogatus, respondit quod fratres qui Christum abnegabant, non reputabant esse peccatum per fax et nefax (*sic*) utilitateni ordinis procurare, nec reputabant etiam esse peccatum propter hoc deierare et quod iurabant augmentum ordinis.

Super centesimo primo qui incipit : *Item quod clam consueverunt tenere* et IIII articulis proxime sequentibus interrogatus, respondit quod capitula sua clam consueverunt tenere et tenebant adeo quod nullus poterat ad eos accedere vel eos audire, et quod tenebant ea in aurora diei, et quod ponebant custodes ad hostium, et omnia alia hostia domûs et ecclesie in quibus capitula tenebantur faciebant firmari, et quod nullus poterat in dictis capitulis, nisi fratres dicti ordinis, interesse. Interrogatus quomodo scit, respondit quia sic vidit servari in capitulis in quibus interfuit et quia iste erat modus tenendi capitula in toto ordine.

Super CVI articulo interrogatus, respondit quod fratres recipiebantur omnibus predictis modis, dixit tantum quod recipiebantur etiam de die.

Super CVII articulo et CVIII articulo et quolibet eorum interrogatus, respondit quod credit quod maior pars fratrum dicti ordinis credebant se posse assolvi a generali magistro dicti ordinis ab omnibus peccatis suis etiam non confessatis, de se tantum dicit quod de quibusdam aliis qui erant boni non credebant se posse assolvi. Interrogatus quare credit de maiori parte, respondit quia sic in ordine tenebatur.

Super CX et uno sequenti, respondit se nichil scire.

Super CXI et uno sequenti interrogatus, respondit ut supra de generali magistro. Credit tantum quod de auctoritate ipsius magistri poterat assolvere.

Super CXII et uno sequenti interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis. Interrogatus de causa scientie, respondit quia hec vidit et audivit in ordine observari et sic per fratres communiter tenebatur.

Super CXIIII et CXV articulo interrogatus, respondit se nichil aliud modo scire, nisi quia scit quod errores erant in ordine antequam intravit eundem.

Super CXVI articulo et duobus sequentibus interrogatus, respondit ita verum esse ut in articulo continetur. Interrogatus de causa scientie, respondit quia nunquam audivit quod fuerint nuntiati vel correcti, et per omnia dixit ut supra in LXXIIII articulo et duobus sequentibus.

Super CXVIII qui incipit : *Item quod nulli fratres de diclo ordine propter feditates* et cetera, respondit se nichil scire.

Super CXVIIII articulo interrogatus, respondit se credere ita verum esse ut continetur in eo.

Super CXX articulo et tribus sequentibus interrogatus, respondit vera esse que continentur in eis, de hiis videlicet que a se attestata sunt, et de aliis dixit se nescire.

Super CXXIIII qui incipit : *Item quod magnus magister ordinis, visitator* et cetera, et reliquis omnibus articulis ultirnis, respondit se nichil scire,

nisi per auditum. Et dixit interrogatus quod predicta non testator odio, vel amore, prece vel pretio, vel timore et cetera.

Et ego Magalottus, filius Tautobenis de Montemagno, imperiali auctoritate Judex ordinarius et notarius et scriba publicus, supradicti reverendi patris domini archiepiscopi Pisani, supradictis attestationibus, depositionibus et dictis et omnibus supradictis interfui. Etea rogatus etde mandate suprnscriptorum dominorum scripsi et publicavi.

Verum quod in inquisition per nos facta et relatione ad Sanctitatem vestram destinata contra singulares personas, mentio habetur quod (3) septem aliorum fratrum dicti ordinis, responsiones seu negationes eorum super premissis articulis non curavimus interserere relationi presenti, cum aliqui eorum nullo tempore habuerint statum seu prelationem in ordine, aliqui ad sola servitia seu rusticana opera deputati et aliqui propter sui novitatem in ordine, secreta ipsa dicti ordinis verisimiliter potuerint ignorari, licet eosdem exposuerimus questionibus et tormentis. Supradictas autem attestationes, depositiones et confessiones suprascripti fratres per nos examinati dixerunt, recognoverunt et constanter affirmaverunt per nos iterato examinati, sine coactione aliqua vel tormentis, publice sepe singulis pretactis articulis lectis eisdem per ordinem et diligenter expositis, in presentia eorumdem testium qui subscripti sunt in aliis relationibus Sanctitati vestre contra singulares personas dicti ordinis per nos factis.

In quorum omnium testimonium et certitudinem pleniorem relationi presenti sigilla nostra duximus apponenda.

---

(1) Возможно *capitulo*.

(2) Святой Иоанн Акрский.

(3) Это слово делает фразу невразумительной; кажется, что должно было быть *de*.

IV. БУЛЛА ОБ УПРАЗДНЕНИИ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ, ВОСПРОИЗВЕДЕННАЯ СОГЛАСНО ВИЛЛАНУЭВА

КЛИМЕНТ, *епископ, слуга слуг Божиих, в вечную память о событии.*

Глас дошел до небес, глас стенания, скорби и плача; ибо время пришло, когда Господь устами пророка заставляет внимать этому воплю: «И как бы для гнева Моего и ярости Моей существовал город сей с самого дня построения его до сего дня, чтобы Я отверг его от лица Моего за все зло сыновей Израиля и сыновей Иуды, какое они к прогневлению Меня делали, они, цари их, князья их, священники их и пророки их, и мужи Иуды и жители Иерусалима. Они оборотились ко Мне спиною, а не лицем; и когда Я учил их, с раннего утра учил, они не хотели принять наставления, *и в доме, над которым наречено имя Мое, поставили мерзости свои, оскверняя его. Устроили капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху, чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту мерзость, вводя в грех Иуду*» (Книга Пророка Иеремии, глава 32, стих 31-35). «Глубоко упали они, развратились, как во дни Гивы; Он вспомнит нечестие их, накажет их за грехи их» (Книга Пророка Осии, Глава 9, стих 9). При столь чудовищной новости, в присутствии столь постыдного общественного позора (которого, в действительности, никто никогда не слышал; и разве кто-нибудь видел подобное?), я упал, когда услышал, я опечалился, когда увидел, мое сердце наполнилось горечью, меня охватил сумрак. Ибо это глас народа града, глас храма, глас Господа, воздающего Его врагам по заслугам. Пророк чувствует нужду вопиять: «Дай им, Господи: что Ты дашь им? дай им утробу нерождающую и сухие сосцы» (Книга Пророка Осии, глава 9, стих 14), ибо их лукавство разоблачило их беззакония. Изгоните их из вашего дома, дабы их корень иссох: «И не будет он впредь для дома Израилева колючим терном и причиняющим боль волчцом, более всех соседей зложелательствующим ему, и узнают, что Я Господь Бог» (Книга Пророка Иезекииля, Глава 28, стих 24); ибо страшен разврат того, кто совершает заклание своих сыновей, кто отдает и посвящает их демонам, но не Богу, богам, которых они не ведали. Вот почему сей дом будет предан опустошению и посрамлению, проклятию и разорению: «В большом стыде будет мать ваша, покраснеет родившая вас;

вот будущность тех народов — пустыня, сухая земля и степь. От гнева Господа она сделается необитаемою, и вся она будет пуста; всякий проходящий чрез Вавилон изумится и посвищет, смотря на все язвы его» (Книга Пророка Иеремии, Глава 50, стих 12, 13). Ведь Господь избирал народ не по причине места, но место по причине народа; итак, поскольку даже место храма участвовало в злодеяниях народа, постольку Соломон, преисполненный премудростью как потоком, услышал эти четкие слова из уст Господа, когда строил храм: «Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, которые Я дал вам, и пойдете и станете служить иным богам и поклоняться им, то Я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо его, ужаснется и свистнет, и скажет: “за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом?” И скажут: “за то, что они оставили Господа Бога своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им и служили им, — за это навел на них Господь все сие бедствие» (Третья Книга Царств, Глава 9, стих 6-9).

Уже в начале нашего выдвижения на суверенный понтификат, перед тем, как мы появились в Лионе, где принимали инсигнии нашего коронования, нам втайне внушалось и здесь и там, что магистр, командоры и другие братья воинства Иерусалимского Храма, *включая сам орден*, которые водворились в заморских областях для защиты вотчины Нашего Господа Иисуса Христа, и которые, казалось бы, являлись сугубыми поборниками кафолической веры, защитниками Святой Земли и покровителями ее интересов (вот для чего Святая римская церковь, изливая на тех же самых братьев и на полноту ордена свою особую милость, вооружала их против врагов Христа знаком креста, облекала многочисленными почестями, обеспечивала свободами и разными преимуществами, и Церковь, как и все верные, считали своей обязанностью предоставлять им все виды благ, подавая им разнообразную помощь); нам внушалось, что они впали в преступление отвратительной апостасии против Самого Господа Иисуса Христа, в чудовищный порок идолопоклонства, в омерзительную Содомию и *в различные ереси*. Однако это представлялось неправдоподобным и казалось невероятным, как столь религиозные мужи, так часто по-особенному проливавшие свою кровь во имя Христа, неоднократно подвергавшие свои жизни смертельной опасности,

проявлявшие большие знаки благочестия на своих богослужениях, во время постов и других послушаний, могли презреть свое спасение, став на путь совершения стольких преступлений; тем более, что этот орден, столь хорошо и здраво начавшийся, был утвержден апостольским Престолом; когда сам его устав удостоился быть заверенным тем же самым Престолом как святой, разумный и праведный; и мы не желали, просвещенные примерами Нашего Господа и учениями Канонических Писаний, предоставлять свой слух для внушений и сообщений подобного рода. И все же, в конце концов, наш дражайший сын в Иисусе Христе Филипп, знаменитый король Франции, перед которым были разоблачены те же самые преступления, движимый отнюдь не чувством алчности (поскольку и вовсе не притязал потребовать или присвоить себе какое-либо имущество Тамплиеров, ибо отказался от него в своем собственном королевстве, удалив подальше от своих рук), но усердием православной веры, следуя за прославленными стопами своих предков, уведомил, насколько мог, обо всем произошедшем, сообщив нам через своих посланников и в своих письмах многочисленные и важные сведения, дабы нас просветить и известить об этих вещах. Преступления только возвеличили худую славу Тамплиеров и их ордена. Кроме того, один воин ордена, высокого благородства и пользовавшийся большим доверием в нем, нам заявил по секрету и под присягой, что во время его приема, по советам того, кто его принимал, и в присутствии других рыцарей воинства Храма, он отрекался от Христа и плевал на крест, представленный ему принимавшим его рыцарем. Тот же самый воин сообщил еще, что еще живой магистр воинства Храма принимал подобным образом воина на заморской ассамблее этого ордена, то есть когда он его заставил отрекаться от Христа и плевать на крест в присутствии приблизительно двухсот братьев означенного ордена; что он слышал разговор, что такой обычай использовался при приеме братьев в вышеназванный орден; что по призыву начальника или его представителя неофит отрекался от Иисуса Христа и плевал на крест, дабы оскорбить распятого Христа; что начальник и неофит совершали иные непотребные и противоречащие христианской чести акты. Терзаемые обязанностью нашего служения, мы сочли невозможным не выслушать столь вопиющие возгласы.

Но когда благодаря общественному доброму имени и живой настойчивости Короля, герцогов, графов, баронов и других дворян, а равно духовенства и народа королевства, которые обратились лич-

но к нам или через прокуроров и синдиков, мы узнали (о чем говорим с болью), что магистр, командоры и другие братья ордена, как и сам по себе орден, оказались запятнанными вышеуказанными преступлениями и некоторыми другими, и что эти преступления нам представлялись в определенной степени доказанными несколькими признаниями, засвидетельствованиями и показаниями, данными во Франции вышеозначенным магистром, визитатором Франции, несколькими командорами и братьями ордена в присутствии многих прелатов и инквизитора ереси, имея во главе их апостолическую власть, подписанные и составленные общественным письмом свидетельства, предоставленные нам и нашим братьям; и что шум и возмущения, поднятые этим орденом, только возрастали, достаточно показав все касающееся ордена и людей, его составляющих, что никак нельзя проходить мимо этого без великого негодования и не использовать терпимость без неизбежной опасности для веры; и мы, идя по стезям Того, для Которого хотя и недостойны, держим место в дольнем мире, рассудили, что было поначалу необходимо установить дознание по этим вещам.

Итак, мы процитировали перед нами нескольких командоров, священников, рыцарей и других братьев этого ордена высокой репутации, предоставив им произнести присягу; мы умоляли их с большой любовью во имя Отца, Сына и Святого Духа, угрожая им судом Божиим и вечным проклятием в силу святого послушания (поскольку они находились в верном и благоприятном месте, где могли ничего не опасаться), невзирая на исповеди, совершенные ими перед другими, и которые не должны были им нанести какого-либо ущерба, если признавались перед нами, говоря нам об этих вещах чистую и простую истину; после чего мы их опрашивали, мы сверили все семьдесят два показания в верном содействии нескольких из наших братьев, и в нашем присутствии и в присутствии вышеуказанных братьев мы составили их исповедания подлинным письмом общественными руками. Затем по истечении нескольких дней мы обязали их зачитать это в консистории и объяснить каждого из них на своем родном языке. Настаивая на своих показаниях, они их недвусмысленно и свободно подтвердили в том виде, в каком их прочли.

Мы сами затем, желая учредить расследование по данному вопросу сообща с великим магистром, визитатором Франции и главными командорами ордена, затребовали в течение нашего пребывания в Пуатье к себе великого магистра, визитатора Франции, а также великих

командоров Нормандии, Аквитании и Пуату. Но поскольку некоторые из них были тогда настолько больны, что не могли ни ехать верхом, ни предстать удобно перед нашим присутствием, и поскольку мы желали знать истину обо всем том, что было сказано, удостоверив нас в реальности содержавшегося в исповеданиях и показаниях, о которых говорилось, и которые совершались во Франции перед инквизитором ереси в присутствии общественных нотариусов и нескольких добропорядочных людей; мы доверились этим показаниям, выявленным инквизитором и доставленным нам и нашим братьям благодаря услуге общественных нотариусов; мы поручили их: нашему возлюбленному сыну Беренгарию, титулярному епископу Нереи и Ашиля, теперь епископу Тускулума; Стефану, титулярному епископу Святого Кириака, иерею Терм; и Ландольфу, титулярному епископу Святого Ангела, диакону, мудрость которого, опытность и точность нас вдохновили на полную уверенность; и мы повелели им совершить расследование с великим магистром, визитатором и вышеназванными командорами, как в отношении их, так и в отношении каждого члена ордена в целом и над самим орденом, затребовав сущую истину и все то, что они бы нашли в этом деле, составив их исповедания и показания с помощью общественного нотариуса, предоставив их нашему апостольству и согласовав с вышеозначенным магистром, визитатором и командорами, согласно форме Церкви, льготу об отпущении грехов и освобождения от отлучения, которое они бы понесли за эти преступления в случае, когда бы они оказались реальными, и если, что они были обязаны сделать, смиренно и благоговейно попросили бы отпущения грехов. Эти кардиналы лично посетили великого генерального магистра, визитатора и командоров, изложив им мотив своего визита. И поскольку их персоны и персоны других Тамплиеров пребывали во Франции, мы снизошли к ним, приказав в силу апостольской власти, им объявить свободно и без всякого страха, чистосердечно и просто истину обо всех этих вещах.

Великий магистр, визитатор и командоры Нормандии, Аквитании и Пуату в присутствии трех кардиналов, четырех общественных нотариусов и нескольких других добропорядочных людей принесли присягу на Святом Евангелии говорить чистую правду, полную правду обо всех этих претензиях; они показали и признались между прочими вещами перед каждым из них свободно и добровольно, без насилия и устрашения, что когда их принимали в орден, они отрекались от Христа и плевали на крест, и что они сами приняли большое количе-

ство братьев по той же самой форме, то есть заставляя их отрекаться от Иисуса Христа и плевать на крест. Некоторые из них еще исповедали другие ужасные и нечестивые преступления, *о чем мы теперь умолчим*. Кроме того, они сказали и признали, что все содержащееся в их исповеданиях и показаниях, сделанных в присутствии инквизитора, было верным.

Эти исповедания и показания великого магистра, визитатора и командоров были составлены общественным письмом четырьмя публичными нотариусами в присутствии великого магистра, визитатора, командоров и нескольких других добропорядочных лиц; и после промежутка в несколько дней обвиняемым было предоставлено чтение этого по приказу и в присутствии вышеназванных кардиналов; и объяснено каждому из них на его родном языке. Настаивая на своих заявлениях, они их недвусмысленно и свободно подтвердили таковыми, каковыми они им зачитывались. После своих признаний и показаний они были освобождены кардиналами от отлучения, понесенного за эти деяния, и просили на коленях со сложенными крестом руками, смиренно и благоговейно и не без пролития обильных слез отпущения грехов. Кардиналы (поскольку Церковь не закрывает свои врата перед теми, кто возвращается в нее), приняв от великого магистра, визитатора и командоров отречение от их ереси, искренне им даровали льготу отпущения, согласно форме Церкви, затем, вернувшись к нам, они нам представили исповедания и показания великого магистра, визитатора и командоров, составленные общественным письмом и общественными руками, сообщив нам, что происходило с обвиняемыми. Благодаря исповеданиям, показаниям и этой записи мы нашли, что великий магистр, визитатор и командоры Нормандии, Аквитании и Пуату являлись тяжко виновными, одни по нескольким пунктам, а другие по меньшему количеству.

Итак, рассмотрев, что столь ужасные преступления не могли и не должны были оставаться безнаказанными, поскольку наносили большое оскорбление Богу и всем католикам, мы постановили в согласии с нашими братьями сделать по этим преступлениям и эксцессам посредством Ординариев на местах и других усердных и благоразумных лиц, делегированных нами, предварительное расследование против каждого лица этого ордена и против самого ордена, полагаясь на избранных нами людей, которым посчитали должным доверить этот мандат.

После этого во всех частях света, где братья данного ордена имели обыкновение обитать, дознания были проведены против каждого

индивида, как назначенными, так и делегированными нами лицами, затем против самого ордена инквизиторами, которых мы сочли обязанными исполнить эту миссию. Эти предварительные расследования направлялись на наше рассмотрение; одни с большой тщательностью зачитывались и внимательно сверялись нами и нашими братьями кардиналами Святой Римской Церкви; другие изучались в Малосене, диоцез Вэзон, множеством очень грамотных, благоразумных, верных, богобоязненных людей, ревнителей католической веры, умудренных, как прелатов, так и других.

Затем мы пришли во Вьенн, где оказалось уже собрались представители для собора, созываемого нашими несколькими патриархами, архиепископы, избранные епископы, освобожденные и неосвобожденные аббаты (abbé exempt — в Средневековье аббат, свободный от епископской юрисдикции, прим. пер.), другие прелаты церквей, а кроме того, прокуроры от прелатов и отсутствующих капитулов. На первом заседании, состоявшемся с вышеназванными кардиналами, прелатами и прокурорами, мы посчитали должным им изложить причины созыва Собора. И поскольку стало затруднительным или скорее невозможным, чтобы все кардиналы, прелаты и прокуроры, собравшиеся на этот собор, выслушивали в нашем присутствии все касающееся дела вышеозначенных братьев, то по нашему указанию и при общем согласии между всеми присутствующими на соборе прелатами и прокурорами, несколькими патриархами, архиепископами, епископами, освобожденными и неосвобожденными аббатами, а равно и другими прелатами церквей и прокурорами всех частей христианства, всякого языка, нации и страны, избрали и назначили, как представлялось, наиболее опытных, мудрых и способных, дабы рассматривать с нами и с вышеуказанными кардиналами сие столь важное дело. Затем в месте, избранном для собора, то есть в кафедральном соборе, мы повелели прочесть публично засвидетельствования из протокола расследования ордена перед прелатами и прокурорами, и это происходило в течение нескольких дней, и насколько они того желали; и в продолжение совершенные по данному вопросу засвидетельствования и разделы были показаны, прочитаны и рассмотрены с вящей тщательностью и попечением, не поверхностно, но с созревшей внимательностью несколькими из наших достопочтенных братьев, патриархом Аквилеи, архиепископами и епископами, присутствующими на священном соборе, избранными и делегированными *ad hoc*, а также лицами, выбранными собором. Эти кардиналы, патри-

архи, архиепископы и епископы, освобожденные или неосвобожденные аббаты, иные прелаты и прокуроры, назначенные другими для этого делопроизводства и представшие перед нами, провели с нами секретное совещание по поводу проведения данного процесса, ожидая, что некоторые Тамплиеры могли бы предпринять защиту ордена. Большая часть кардиналов и почти весь собор, а поначалу избранные полнотой собора, чтобы его представлять, затем еще большая часть, — четвертая или пятая части присутствующих людей со всех стран, — высказали мнение, наряду с вышеозначенными прелатами и прокурорами, что необходимо было предоставить ордену защиту, и что на статье о ересях, предмете расследования, исходя из того, что доказано до сих пор, нельзя его осудить без оскорбления Бога и нарушения правосудия. Другие, наоборот, говорили, что не стоило им брать под защиту орден, что мы вовсе не должны ему предоставлять защитника, и что если бы стало ощущаться, что его защищают, дело бы приняло угрожающий оборот, Святая Земля существенно бы пострадала, и все свелось бы к пререканиям, задержкам и отсрочке решения по данному вопросу. Они добавляли еще несколько других доводов. Несомненно, предыдущие процедуры, предпринятые против этого ордена, не позволяют его канонически осудить в качестве еретического сообщества окончательным решением; тем не менее, поскольку ереси, вменяемые ему, его по-особенному обесчестили, *как и почти бесконечное число его членов*, а среди них великий магистр, визитатор Франции и главные командоры были убеждены в вышеуказанных ересях, заблуждениях и преступлениях по их собственным спонтанным признаниям; и поскольку эти исповедания делают орден очень подозрительным, и поскольку это бесчестие и это подозрение делают его совершенно безобразным и отвратительным для Святой Церкви Господа, прелатов, самодержцев, князей и католиков; и поскольку, больше того, считается уже не найдется добропорядочного человека, который бы пожелал вступить в сей орден, — все эти вещи делают его бесполезным для Церкви Божией и для продолжения дел на Святой Земле, служба на которой была ему доверена; и поскольку затем мы и наши братья назначили настоящий собор как определенный предел, на котором должно быть принято решение и провозглашено определение, и что рассылка решения или положения этого процесса приведет, как представляется, к вероятной полной утрате, разрушению и рассеиванию имущества Храма, отданного, переданного и уступленного верным для поддержки Святой Земли и борьбы

против врагов христианской веры: среди них находятся те, кто говорят, что необходимо за вышеозначенные преступления провозгласить определение осуждения против этого ордена, и те, кто считают, что имевшие место процедуры не позволяют после длительного и вызревшего обсуждения его справедливо осудить; мы же имея на виду только Бога, и принимая во внимание благо содействия Святой Земле, не склоняемся ни вправо, ни влево; мы полагали, что необходимо было идти *путем промысла* и повеления, дабы упразднить распри, избежать опасностей и сохранить имущество, предназначенное для поддержки Святой Земли.

Итак, принимая во внимание бесчестие, подозрение, шумные инсинуации и другие вышеназванные вещи, восстающие против этого ордена; принимая во внимание оккультное и скрытное принятие братьев в этот орден; принимая во внимание то, что вышеуказанные братья удалялись от благопристойных обычаев жизни и нравов других верных, а особенно то, что когда принимались братья в орден, они становились обязанными по самому факту своего вступления обещать и клясться о неразглашении никому способа их приема, и последние должны были оставаться верными своей клятве, что свидетельствует против ордена его очевидной самонадеянностью; принимая во внимание, кроме того, страшное возмущение, поднимавшееся против ордена, возмущение, которое, казалось, невозможно утихомирить, пока орден будет существовать; принимая во внимание равно опасность для веры и душ, — настолько чудовищные деяния совершены очень большим количеством братьев, — и некоторые другие справедливые доводы и причины, которые должны были нас разумно подвести к принятию последующих мер; ожидая, что большинство означенных кардиналов и прелатов, избранных полнотой собора, то есть четырьмя или пятью частями, нашло наиболее подходящим, наиболее удобным и наиболее полезным к чести Всевышнего и для сохранения христианской веры и нужд Святой Земли, не говоря уже о других веских доводах, следовать по пути промысла и повеления апостольского Престола, упразднив вышеназванный орден и передав его имущество в пользование тому, кому оно предназначалось; и что касается еще живых членов ордена: принять мудрые меры скорее, нежели их наделить правом защиты и отсрочить процесс; рассмотрев еще то, что в других обстоятельствах и без какой бы то ни было там ошибки братьев Римская Церковь неоднократно упраздняла другие важные ордена по причинам несоизмеримо меньшим, чем эти; итак,

мы упраздняем неопровержимым и на веки значимым утверждением не без горечи и не без скорби в сердце орден Тамплиеров, его штат, его облачение и его имя не окончательным определением, но способом промысла и апостолического повеления, и мы подчиняем его непрерывному запрещению с одобрением собора; открыто воспрещая отныне всякому вступать в этот орден, принимать или носить его облачение и почитаться Тамплиером. Всякий нарушивший запрет понесет определение отлучения *ipso facto*.

Мы оставляем в распоряжении и в ведении нашего апостолического Престола лиц и имущество ордена, и с милостью свыше мы разумеем их использовать во славу Божию, возвышения христианской веры и процветания Святой Земли *прежде завершения настоящего собора*. Мы открыто запрещаем, кому бы то ни было, при каком бы то ни было условии или состоянии вмешиваться в дела с людьми или имуществом этого ордена; а одинаково, ничего не предпринимая или вводя новшества, покушаться на эти вещи в ущерб повелению или распоряжению, даваемому нами, объявляющему отныне ничтожным и недействительным всякого, кто мог бы покуситься на это осознанно или по неведению. Тем не менее, мы никак не разумеем этим нарушить процедуры, уже совершенные или которые еще совершатся по каждому из Тамплиеров епархиальными епископами и провинциальными соборами, как мы это ранее установили. Вот почему мы запрещаем, кому бы то ни было, обходить эту страницу нашего повеления, промысла, конституции и запрета, и противоречить сему безрассудной дерзостью. Если кто-нибудь осмелится это сделать, то познает негодование всемогущего Бога и Его апостолов, благословенных Петра и Павла.

Дано во Вьенне в XI из календ апреля на седьмой год нашего понтификата.

V. БУЛЛА *CONSIDERANTES DUDUM*, НЕПОЛНАЯ У РАЙНАЛЬДИ

КЛИМЕНТ, епископ, слуга слуг Господних, для утверждения тех, кто предстоят, и в память тем, кто грядут.

Принимая во внимание, что в течение продолжительного времени различные сведения и процедуры, совершенные по предписанию апостолического Престола во всех частях христианства против вышеозначенного ордена воинства Храма и против его членов, в частности, по факту ересей, прикасаясь к которым братья оказались опасно обесчещенными, и особенно о том, что они, когда принимались в орден, а иногда после их принятия, шли отрекаться от Христа, и в своем презрении плевали на крест и несколько раз попирали его своими ногами; принимая во внимание, что генеральный магистр того же ордена, визитатор Франции, главные командоры и многие из братьев признали на суде статью вышеуказанных ересей, и что эти признания делают орден в высшей степени подозрительным; принимая во внимание общественное бесчестие, откровенную подозрительность и неотложную настойчивость прелатов, герцогов, графов, баронов и общин Франции, поднятое всеми ими возмущение против этого ордена, возмущение, которое, казалось бы, нельзя будет погасить, пока существует орден; принимая во внимание много других справедливых доводов и причин, определивших наше состояние ума, и о которых шла речь в делопроизводстве, с огромной горечью и скорбью сердца, но не благодаря окончательному определению, которое мы могли бы дать по праву, но путем промысла и апостолического повеления мы уничтожили, упразднили, разбили вышеозначенный орден Храма, его облачение и его имя, подчинив его непрерывному запрету с одобрения священного собора, предоставив лиц и имущество названного ордена в распоряжение апостолическому Престолу (1).

Тем не менее, мы никак не желаем нарушать установленного делопроизводства и действовать против каждого лица или против братьев вышеназванного ордена посредством епархиальных епископов и провинциальных соборов, о чем мы уже постановили в другом месте.

Итак, желая теперь обеспечить полнее и как положено каждого из тех же самых лиц и братьев, мы думали должным предоставить суду и распоряжению провинциальных соборов, что мы уже делали

до сих пор, всех этих братьев, за исключением великого магистра вышеназванного ордена, визитатора Франции и Святой Земли, великих командоров Нормандии, Аквитании, Пуату и Прованса, которых мы особо предоставили в свое распоряжение, как и брата Оливьера де Пенну, оставляемого нами и ныне в распоряжении апостолического Престола. Мы желаем, чтобы те же самые соборы действовали по отношению к ним, учитывая разницу их условий, наделив тех, кому уже было дано отпущение в вышеназванных заблуждениях в определении, или кому будет это даваться в соответствии с требованиями правосудия, средствами из имущества вышеназванного ордена, дабы им жить согласно благопристойности своего положения. Что касается тех, кто исповедали вышеназванные заблуждения, мы хотим, чтобы, имея снисхождение к их условию и к способу, с которым они сделают исповедь, соборы отнеслись бы к ним умеренно, согласно благоразумию благого суда, правосудию в милосердии. Для нераскаявшихся и еретиков, если таковые, не дай Бог, должны оказаться, в отношении них собор пусть соблюдает правосудие и каноническое осуждение. Что касается тех, кто даже будучи подозреваемыми в предыдущих преступлениях, станут отрицать, что были запятнаны заблуждениями, мы желаем, чтобы соборы поступали с ними справедливо и так, как предписывает правило канонов. Что касается тех, с кем еще не проводились расследования по вопросу упомянутых заблуждений, и кто не пребывают под десницей и во власти Церкви, но, быть может, находятся в бегах, мы вызываем их в суд полнотой присутствующих и с одобрения собора предстать лично перед своими ординариями в течение года, начиная с данного дня; это точный и безапелляционный срок, который мы им назначаем, чтобы подвергнуться экзамену, согласно правилам правосудия, и дабы соборы судили их соответственно тому, что они заслуживают, но используя к ним милосердие, как к тем, о которых упомянуто выше (за исключением еретиков и нераскаявшихся), обеспечив их всем необходимым за счет средств вышеуказанного ордена, как одних, так и других, и всех братьев ордена, которые возвратятся к послушанию Церкви, и даже тех, кто будут упорствовать согласно условиям их состояния и их пригодности. Они будут помещены в дома старого ордена или в монастыри других монашеских орденов, таким образом, однако, чтобы там пребывало только малое число в каждом доме или монастыре.

Мы строго повелеваем и приказываем всем тем, кто станут задерживать и будут удерживать братьев вышеуказанного ордена,

передавать их и свободно возвращать все разы, когда их затребуют митрополиты или ординарии братьев; и что если после вызова на суд, как говорилось выше, они не предстанут в течение одного года перед своим ординарием, то понесут на себе *ipso facto* определение отлучения. И поскольку особенно в материи веры неявка в суд добавляет к подозрению горячую презумпцию; неявившиеся в суд, которые в течение года упорно будут оставаться под грузом отлучения, по истечении срока станут осужденными и еретиками.

Этот эдикт нашего судебного призыва, сделанный нами с достоверным ведением, благодаря которому мы желаем, чтобы братья были вызваны в суд, как если бы они явились задержанными в личном порядке особыми судебными приставами, ибо будет невозможно или, по крайней мере, сложно разоблачить скитальцев, и мы это опубликовали в присутствии Священной Коллегии, дабы удалить всякий повод оклеветать этот способ судебного призыва. И чтобы тот же самый судебный призыв дошел вернее до знания братьев и всех людей в целом, мы вывесим на вратах главного храма Вьенна хартии или пергаменты, указывающие способ нашего судебного призыва и заверенные печатью нашей буллы: наш судебный призыв, таким образом провозглашенный, как вопиющим гласом, так и общественным судом, с тем чтобы братья, которых касается судебный призыв, не смогли никак себя оправдать, говоря, что судебный призыв до них не дошел, или что они о нем не знали; ибо не станет правдоподобным то, что они не знают, то, что будет известно всем. Кроме того, чтобы действовать здесь с вящей предосторожностью, мы повелеваем ординариям мест с того момента, как им будет удобно, огласить в их кафедральных соборах и в обозначенных церквях своих диоцезов этот эдикт нашего судебного призыва.

Дано во Вьенне накануне нон мая, седьмого года нашего понтификата.

Здесь заканчивается часть, опубликованная у Райнальди.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт.
ТАМПЛИЕРЫ ТАЙНЫЕ ДЕТИ СВЯТОГО ИОАННА 5

Темная сторона ордена Храма 7

Тайно и незаконно привитая ветвь на древе Римско-католической Церкви 12

«Христиане Святого Иоанна» или брат, который всегда действует в тени 18

Иоаннизм — секретная религия ордена Храма. Маркионитская схизма XIII века в Германии 78

Вместо послесловия 99

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт.
ОБ АВТОРАХ «ЗАГАДОЧНОЙ ШКАТУЛКИ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА» 114

Тома Жоашен Александр Проспер Миньяр
МОНОГРАФИЯ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА 119

Краткий обзор 122

Свидетельства существования идола или бородатой головы 127

Соотношения между предшествовавшими свидетельствами, изображением и надписью на шкатулке 136

Иные соотношения этого изумительного документа с историческими фактами и уточнение степени виновности ордена 139

Разыскания о происхождении отречения, выраженного в надписи на шкатулке словом Tanker и пр.;
О значимости латинского эпитета Germinans 161

Объяснение слова Zonar, которое завершает арабскую надпись на шкатулке 202

Тома Жоашен Александр Проспер Миньяр
ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОГРАФИИ О ШКАТУЛКЕ ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА ИЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА МАНИХЕЙСТВА ОРДЕНА ХРАМА 205

Продолжение монографии о шкатулке герцога де Блакаса 207
Краткий обзор 207
Барельефы 208
Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия) 211
Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия) 213
Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия) 215
Шкатулка из Вольтерры-Поджибонси (Италия)1 217
Шкатулка из Эссаруа 219
Шкатулка из Эссаруа 221
Шкатулка из Эссаруа 223
Шкатулка из Эссаруа 225

Статистические данные по милиции храма, находившейся в ведении великого приорства Вулена, иначе называемого великим приорством Шампани 289
Общий обзор 289
Великое приорство Шампани. Диоцез лангра 291
Первые дома, зависевшие от древнего бальяжа Монтань или Шавийов (Chavillow) 291
Вторые дома, расположенные в бальяже Дижона 294
Третьи дома, расположенные в бальяже Бона 296
Диоцез Отюна 297
Первые дома, зависящие от бальяжа Семюра 297
Вторые дома, расположенные в бальяже Аваллона 297
Третьи дома, расположенные в бальяже Арнэ 297
Диоцез Шалона 299

Йозефа фон Гаммера-Пургшталя
ЗАПИСКА О ДВУХ ГНОСТИЧЕСКИХ ШКАТУЛКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КАБИНЕТА ГЕРЦОГА ДЕ БЛАКАСА 303

Записка о двух гностических шкатулках средневековья из кабинета герцога де Блакаса 306
Ученики Диссана 322
Маркиониты 323
Каинаниты, которые придерживаются поста и метемпсихоза 323

Господин Жюль Луазелёр
СЕКРЕТНОЕ УЧЕНИЕ ТАМПЛИЕРОВ.....333

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт.
Об авторе «Секретного учения тамплиеров».....335

Предисловие.....337

Введение.....340

Первая часть. Доктрина.....346
I. Содержание обвинений, выдвинутых против ордена Храма.....346
II. Имел ли орден храма секретные статуты?.....355
III. Главная идея секретного учения тамплиеров.....365

Вторая часть. Источники доктрины.....373
I. Подобные секты и первоисточники.....373
II. Евхиты и люцифериане.....382
III. Нравы и обряды сект, от которых вдохновлялась доктрина.....388

Третья часть. Обзор чисто восточных источников.....397
I. Исмаилиты, ассасины, курдские секты.....397
II. Соответствия и различия доктрины храма с учением азиатских сект.....407

Четвертая часть. Дискуссия об артефактах, приписываемых ордену Храма.....413
I. Идол тамплиеров. — Бафометические фигуры. — Вызванные ими разногласия.....413
II. Шкатулки герцога де Блакаса.....423
III. Почему шкатулки не могут быть отнесены к тамплиерам. — Обсуждение предполагаемого гностицизма тамплиеров.....437

Сжатое изложение учения и заключение.....445

Утверждающие примечания и документы.....452
I. О сложности согласования даты допросов тамплиеров с датой понтификата климента V.....452
II. Хронология главных булл и писем климента V, писем филиппа Красивого и другие части, относящиеся к упразднению ордена Храма.....457
III. Текст неизданного расследования во Флоренции.....473
IV. Булла об упразднении ордена тамплиеров, воспроизведеннная согласно Виллануэва.....508
V. Булла *considerantes dudum*, неполная у Райнальди.....518

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«БИБЛИО-ГЛОБУС»**
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«У КЕНТАВРА»**
Москва, ул. Чаянова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«ЭПОСЕРВИС»**
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«КНИЖНЫЙ БУМ»**
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»**
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **«Intelektuāla grāmata»**
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Ткаченко-Гильдебрандт Владимир Анатольевич
МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

16+

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*

Текст печатается в авторской редакции

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
в Киеве:
«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:
«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com
в Варшаве:
«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Tel. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:
«Intelektuāla grāmata»
Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 32,14. Печать офсетная.
Заказ №